

Апостольския поучения

Апостольские поучения - игумен Авраам (Рейдман)

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Апостольские поучения» включает в себя проповеди, в которых отец Авраам обращается к толкованию посланий святых апостолов. В своих рассуждениях он опирается на экзегетические труды известного греческого богослова – профессора Панайотиса Трембеласа (1886–1977), собравшего комментарии святых отцов и богословов позднего времени на весь Новый Завет.

Подвижный годовой круг

Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Деян. 1 зач. (1, 1–8)

Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием.

И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли

время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли.

Основание нашей веры

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшнее чтение из книги Деяний апостольских начинается такими словами: «Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием» (ст. 1, 1–3). Первая книга, написанная святым апостолом Лукой, — Евангелие, вторая — Деяния святых апостолов. Апостол Лука напоминает, что в первой книге он рассказал обо всем, чему учил Господь Иисус Христос. Но не нужно думать, что его слова противоречат словам евангелиста Иоанна, который заканчивает свое Евангелие так: «Если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21, 25). Противоречия здесь нет: апостол и евангелист Лука рассказал о самом главном — подробно написать обо всем, что тогда происходило, было просто невозможно. Подтверждение тому — многие стихи Евангелия, в которых о множестве исцелений и чудес, совершенных Господом, говорится лишь в нескольких словах. Сами же чудеса и исцеления не описаны.

Мы обратимся только к тем стихам дневного зачала, которые касаются сегодняшнего праздника — Воскресения Христова. Апостол Лука в своем Евангелии описывает все события, совершившиеся «до того дня, в который Он вознесся», а в Деяниях упоминает о последних днях пребывания Спасителя на земле. Эти подробности святой Лука опустил в Евангелии — может быть, потому, что он уже тогда имел намерение составить вторую книгу, а может быть, по какой-то другой причине.

Учение, которое преподал Господь Иисус Христос по Своем Воскресении ученикам, — не просто человеческие слова. Спаситель Святым Духом дал повеления апостолам, которых избрал. Избрал и тем, что выделил из среды прочих людей, и тем, что по страдании Своем явился им живым. Под апостолами мы можем подразумевать не только собственно одиннадцать апостолов — ближайших учеников Спасителя, неразлучных с Ним, но и всех тех верных Его учеников, которым Он явился (а по словам святого апостола Павла (см. 1 Кор. 15, 6), Его явление видели более чем пятьсот христиан). Этих людей, конечно, можно назвать избранниками Божиими. Они были избраны свидетелями и свидетельствовали не только о словах Спасителя, не только о том, что́ получили свыше после сошествия на них Святого Духа в день Пятидесятницы, но и о своем непосредственном опыте общения с воскресшим Господом Иисусом Христом. Этот опыт для нас чрезвычайно важен. По Своем Воскресении Спаситель уже не всем являл Себя, не перед всеми проповедовал, не со всеми общался — только с теми, кто был Им предызбран.

«Которым и явил Себя живым». Простые, краткие слова, но в них потрясающий смысл. «Которым и явил Себя живым, по страдании Своем». После мучительных страданий и смерти на Кресте, когда, казалось, все было кончено, Господь наш Иисус явил Себя живым и показал, что обладает свойствами обновленного человеческого естества. Можно даже сказать, что Он был жив больше, чем прочие люди, потому что Он воскрес тем Воскресением, которым все человеческие существа будут воскрешены в будущей жизни, когда смерть уже не будет властна над ними.

Евангелист Лука продолжает: «Которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием». Иисус Христос не просто явил Себя один раз, но «со многими верными доказательствами… являясь им». Это не означает, что на протяжении сорока дней Он постоянно пребывал с апостолами. Время от времени Спаситель являлся им и опытно доказывал подлинность Своего Воскресения: вкушал с ними пищу, беседовал, давал Себя осязать, рассматривать и тем самым позволял убедиться, что Он — Тот Самый Иисус, Который был с ними до страдания, а не какой-нибудь другой человек, чем-то похожий на Него. И они имели возможность окончательно в этом убедиться именно благодаря человеческому опыту. Может быть, поэтому Дух Святой был послан на святых апостолов не сразу после Воскресения Христова, а лишь спустя пятьдесят дней для того, чтобы естественное, человеческое их восприятие не было поглощено обилием благодати, чтобы эти обыкновенные, простые люди до конца во всем убедились и их человеческий опыт не был, так сказать, поглощен и оттеснен на второй план опытом общения с Духом Святым.

Итак, ученики должны были окончательно во всем убедиться, и Спаситель многократно им являлся. Иногда они сомневались в Его Воскресении, потом убеждались; может быть, у них опять возникали какие-то сомнения, потому что в человеческий ум не может вместиться то, что умерший вновь жив. И только тогда, когда они окончательно в этом убедились, Господь в сороковой день по Своем Воскресении на глазах у них вознесся.

Вернемся к словам евангелиста Луки: «В продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием». Господь говорил с апостолами не о каких-то земных вещах, но о тайнах Царствия Божия. Что Он им рассказывал, мы точно не знаем — не все приведено евангелистами. Но для нас понятно одно: все, что изложено святыми апостолами в Евангелии, Деяниях, Посланиях, они получили через откровение при общении с Господом Иисусом Христом.

«И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима» (ст. 4). Это, видимо, было уже к концу их общения. Греческое слово, переведенное на русский язык как «собрав», имеет два значения: «собираться» и «есть вместе». И это второе значение отражено в славянском переводе: «С нимиже и ядый повеле им от Иерусалима не отлучатися». Апостолы многократно упоминают об этой, казалось бы, совершенно недуховной подробности: они ели с Ним и Его осязали. Они настаивают на своем опыте для того, чтобы никто их не упрекнул, не сказал, что у них было видение, которое не поддается точному описанию, определенной оценке и которое можно по-разному понимать и истолковывать. Иногда Спаситель Сам брал у апостолов пищу и ел (Лк. 24, 41–43). Иногда, наоборот, преподавал им пищу, как это было с двумя Его учениками, шедшими в Эммаус: «И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им» (Лк. 24, 30). Евангелист Иоанн описывает явление Спасителя на море Тивериадском и насыщение учеников хлебом и рыбой, которые внезапно появились из ничего еще до того, как апостол Петр вытащил сеть с рыбой на берег. Может быть, и тогда Он тоже вкушал с ними пищу — мы не знаем. Об этом евангелист Иоанн мог просто не упомянуть как о чем-то несущественном. А в Деяниях апостольских святой Лука приводит подробность, которой нет в Четвероевангелии: Спаситель именно во время еды с апостолами повелел им не отлучаться из Иерусалима. Эта незначительная деталь приобретает совсем другой смысл в свете учения о Воскресении Христовом — это уже не просто какая-то мелочь, а свидетельство величайшего чуда, которое трудно даже вообразить.

Рассмотрим следующие стихи: «И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» (ст. 4–6). Из

этого краткого диалога между Спасителем и апостолами видно, что апостолы были самыми обыкновенными людьми, в то время еще не просвещенными наитием Святого Духа в виде огненных языков. Можно сказать, что они имели детский разум, поэтому и задали этот вопрос вновь. Они думали о Царствии Божием точно так же, как и все остальные израильтяне, отличаясь от них лишь тем, что верили в подлинность Воскресения Спасителя. Но в тот момент эта вера происходила не от откровения, а от непосредственного человеческого опыта.

«Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (ст. 7). Спаситель тогда еще не мог объяснить им всего и, уйдя от прямого ответа, сказал только: «Не думайте об этом — это не в вашей власти, но во власти Отца». В то время апостолы, может быть, еще не понимали, что Он как Единосущный Отцу Сын Божий по Божеству Своему обладает всеведением, хотя по человечеству, совершенно условно, можно считать Его несведущим. Божественное всеведение, безусловно, не могло не проявляться через человеческую ограниченность, то есть Он обладал всеведением как человек, Своей человеческой природой соединенный с Ипостасью Сына Божия. Но, поскольку апостолы тогда всё же были расположены видеть в Спасителе человека, Он, воспользовавшись этим, отказался от ответа, сказав, что это дано знать только Богу Отцу. Это их успокоило, а в дальнейшем, когда им были открыты тайны Царствия Божия, они уже не искали ничего подобного. Но и здесь Спаситель открывает апостолам, что они должны проповедовать истину Воскресения и благой вести по всему миру, а это гораздо выше и больше, чем восстановление царства Израилева, пусть оно было бы и огромным. (Хотя даже в самые свои могущественные и самые цветущие времена, времена Соломона, это было все же маленькое государство).

«Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме» (ст. 7–8), где Спасителя гнали и сами апостолы скрывались и прятались «страха ради иудейска» (Ин. 20, 19), как говорит Евангелие, потому что, будучи учениками Христовыми, они опасались преследования фарисеев. «И во всей Иудее», где Спаситель также постоянно странствовал, подвергался преследованиям и не был принят, «и в Самарии», — но и этого мало, — «и даже до края земли» (ст. 8). Какое уж тут царство Израилево! Зачем думать о таких ничтожных вещах, как царство одного народа (пусть это и родной ваш народ), когда вы должны проповедовать «до края земли» и установить всемирное царство нового Израиля — Церковь Христову, объединившую в себе множество разных народов? Израильтяне, греки, римляне, а впоследствии и многие другие народы, например славяне, составили это новое царство, простирающееся от края земли до края. Этот новый Израиль гораздо возвышеннее, могущественнее в духовном отношении, чем Израиль ветхий. Апостолы, имея опыт и духовной жизни, и человеческого общения с Господом Иисусом Христом, проповедовали этот свой непосредственный опыт, непостижимый для обычного, ограниченного человека, по всему миру. И мы приняли от них, — правда, через многие поколения, но это не важно, — веру в воскресшего Господа Иисуса Христа, приняли от тех людей, которые были непосредственными свидетелями, которые в простоте своей не умели лгать и не могли бы такого выдумать.

Мы сможем стать истинными христианами, только осознав величие этой истины — истины Воскресения Христова. Вся наша жизнь должна преобразиться этим знанием. Мы сможем совершить свой подвиг и исполнить все то, что требует от нас Евангелие и что кажется неисполнимым для обычного человека, когда вера в воскресшего Христа всегда будет с нами; тогда, когда она будет нас вдохновлять, поддерживать, окрылять, когда укрепит нас и сделает подражателями святых апостолов. Аминь.

8 апреля 2007 года

Недели по Пасхе

Неделя 2-я по Пасхе, апостола Фомы

Деян. 14 зач. (5, 12–20)

Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса; и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом. Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их. Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них. Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все.

Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу. Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни.

Об истинной вере и о подражании святым апостолам

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Ныне мы совершаем память события, ради которого сегодняшний воскресный день назван Неделей о Фоме. Вспоминаем явление воскресшего Господа Иисуса Христа святым Его ученикам и апостолам в присутствии апостола Фомы, сомневавшегося в том, что Господь воскрес.

В этот день читается зачало из книги Деяний, в котором рассказывается о проповеди святых апостолов. Какая связь между этим повествованием и названным событием? Нужно понимать, что святые апостолы, в особенности в Иерусалиме, проповедовали прежде всего благую весть о Воскресении Христовом. Это было самым главным — солью их проповеди. Остальные события земной жизни Спасителя, о которых не было известно язычникам, жившим в других местах, происходили, можно сказать, на глазах иудеев. Тайна же Воскресения Христова была открыта только избранным — нескольким сотням Его ближайших учеников. Ради этой проповеди в Иерусалиме совершались многочисленные великие чудеса. О большинстве из них святой Лука, составитель Деяний апостолов, лишь кратко упоминает и только о немногих, самых примечательных, рассказывает подробно.

«Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса» (ст. 12). Какие именно «многие знамения и чудеса», он не поясняет. «И все единодушно пребывали в притворе Соломоновом» (ст. 12), то есть в пристройках вроде портиков, в крытых помещениях, окружавших храм Господень. «Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их. Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях» (ст. 13–15). Далее рассказывается о таких чудесах, которых не совершал даже Господь наш Иисус Христос (по крайней мере, Евангелие об этом умалчивает). Это нечто удивительное и непостижимое. Если Евангелие рассказывает о том, что прикасавшиеся к воскрилию риз Спасителя исцелялись, то Деяния апостольские говорят об апостоле Петре нечто большее: «Выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них» (ст. 15). Люди не просто хотели, чтобы тень апостола Петра упала на кого-то из страждущих. Они верили, что его тень может исцелить. И вера эта была оправданна.

Хотя в человеческий разум не укладывается, что даже тень апостола, падавшая на какого-нибудь больного, могла обладать чудодейственной силой исцеления, но именно так и было.

«Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все» (ст. 16). Перечисляется множество чудес, исцелений, изгнаний демонов, но ни о чем подробно не рассказывается, потому что это, наверное, трудно было бы сделать и очень удлинило бы повествование.

Из читавшихся в дни Страстной седмицы Евангелий мы хорошо помним, что апостолы бежали от Спасителя, а апостол Петр даже трижды отрекся от Него. Но теперь эти самые люди совершали великие чудеса. Тень апостола Петра исцеляла больных, как и повязки, пропитанные по́том апостола Павла. Какой же была сила веры, приобщившая учеников к благодати Святого Духа, что даже грязная вещь, которую нельзя носить, пока ее вновь не приведут в порядок, исцеляла людей! Тень, обычно не привлекающая к себе никакого внимания, также обладала силой чудотворения, потому что заключала в себе образ святого апостола Петра.

«Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу» (ст. 17–18). Они завидовали Господу Иисусу Христу, потому что народ почитал Его, видя знамения, совершаемые Им, так они исполнились зависти и по отношению к Его ученикам. Тем более что теперь без всяких рассуждений обнаруживалась вина саддукеев в распятии Господа Иисуса Христа, ведь если ученики преданного ими на смерть совершали столь великие чудеса, значит, и Тот был свят и непорочен, а казнили Его несправедливо.

«Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу. Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни» (ст. 17–20). Следующий стих не входит в сегодняшнее апостольское чтение, может быть, он не столь существен, но для того, чтобы мы поняли, что ученики исполнили все, что повелел им Ангел, я прочту его. «Они, выслушав, вошли утром в храм и учили» (ст. 21). Те, которые некогда малодушно бежали, отреклись и сидели при запертых дверях «страха ради иудейска» (Ин. 20, 19), как говорит Евангелие, теперь невозбранно и безбоязненно, после того как подверглись аресту и были освобождены ангелом из темницы, снова вошли в храм и учили. Можно сказать, это был вызов тем, кто их арестовал.

Чудо преображения святых апостолов, может быть, еще удивительнее, чем те чудеса, которые они совершали своими руками. Из обыкновенных людей они превратились в непоколебимых духом героев, не имевших, с одной стороны, никакой возможности защитить себя физически, а с другой — готовых претерпеть любые скорби ради возлюбленного Господа Иисуса Христа. Это стало возможным потому, что они проповедовали воскресшего Спасителя, сами будучи глубоко убежденными в истине Его Воскресения. Сейчас мы не говорим о том, что на них сошел Дух Святой в день Пятидесятницы и преобразил их, — это само собой разумеется. Но чтобы принять Духа Святого, нужно было подготовиться. Недаром Господь являлся им на протяжении сорока дней и утверждал их в вере, недаром перед этим им были попущены всевозможные скорби и даже их отпадение. Это было нужно для того, чтобы они смирились. Спаситель в очень благородной форме напомнил апостолу Петру о его отречении. Наверное, при этом и другие ученики вспомнили о своем малодушии. Лишь после такой сорокадневной подготовки сошел на апостолов в день Пятидесятницы Дух Святой и сделал их совсем иными людьми. Однако основу всего этого составляла вера в Воскресение из мертвых Господа нашего Иисуса Христа. Вера не в смысле доверия, но в смысле особого духовного знания, в сущности своей гораздо более достоверного, чем то, которое приобретается посредством человеческих

чувств. Хотя и обычное человеческое знание также было составной частью веры святых апостолов в Воскресение из мертвых Господа Иисуса Христа, ведь они, о чем неоднократно упоминается в их посланиях, ели и пили с Ним, осязали Его и никогда не могли этого забыть.

Вот как истинная, христианская вера в благую весть, вера в сверхъестественное преображает человека и делает его из обыкновенного таким, что его качества превосходят все человеческие представления о преданности, твердости, мужестве, непоколебимости. Все это святые апостолы показали на деле. Вспомним, как на Тайной вечери Спаситель предсказал апостолу Петру, что тот трижды отречется от Него. Апостол Петр не хотел этому верить, потому что в тот момент ему казалось, что он готов идти за Господом «и в темницу и на смерть» (Лк. 22, 33). Но Спаситель подтвердил Свое пророчество: «Прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мк. 14, 30). Так и произошло. После Своего Воскресения Господь явился ученикам на озере Тивериадском, восстановил апостола Петра в апостольском служении через троекратное вопрошение: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?» (Ин. 21, 17), а затем Он сказал ему такие примечательные слова: «Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21, 18). Апостол Иоанн Богослов поясняет: «Сказал же это, давая разуметь, какою смертью Петр прославит Бога» (Ин. 21, 19). Евангелие от Иоанна, как мы знаем из Предания, написано было позже других Евангелий и, очевидно, уже после смерти апостола Петра.

Мы видим из сегодняшнего апостольского чтения, а также из дальнейшего повествования книги Деяний (в ней описывается еще один арест и пребывание в темнице апостола Петра), что он действительно не побоялся пойти и в темницу, и на смерть за Спасителя. Но прежде, чтобы смириться в глубочайшей степени, ему нужно было познать свое собственное совершенное ничтожество, ничтожество человека самого по себе, а потом получить уверение через явление воскресшего Господа и утверждение Духом Святым. И лишь тогда апостол Петр достиг того, чего пламенно желал: у него появилась готовность умереть за Спасителя, что он впоследствии и исполнил.

Нам нужна не просто отвлеченная вера, пусть даже искренняя — мы должны пережить нечто подобное тому, что пережили апостолы. Конечно, у каждого своя мера, но если заранее говорить, что мы не способны ни к чему возвышенному, и предъявлять к себе очень скромные требования, то это может обессилить нас и обезоружить. Апостол Павел говорит: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). А если мы пытаемся подражать апостолу Павлу, то что мешает нам подражать и апостолу Петру, и прочим апостолам, и всем святым Божиим человекам? Но подражание должно быть разумным. Мы не можем подражать им в даре чудотворения — это зависит не от нас. Но подражать им в смирении, преданности воле Божией — это наш долг. Подобно святым мы должны надеяться только на Господа и жить только Им, как говорил о себе апостол Павел, «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Тогда мы преобразимся и будем осенены благодатью Божией. Скорее всего, мы не будем совершать чудес, однако мы на самих себе испытаем чудо изменения, станем безраздельно преданными воле Божией, выраженной в евангельских заповедях, и будем строго блюсти ее. Так мы можем и должны подражать и всем святым апостолам, и апостолу Петру, превратившемуся из малодушного и горделивого человека в смиренного и мужественного проповедника истины Христовой. Аминь.

15 апреля 2007 года

Неделя 3-я по Пасхе, святых жен-мироносиц

Деян. 16 зач. (6, 1–7)

В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей. Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки.

И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере.

Не будем удаляться от Бога

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы совершаем память святых жен-мироносиц и святых праведных Иосифа Аримафейского и Никодима — тех людей, которые были верны Спасителю не только до Его смерти, но и после Его страдальческой кончины на Кресте. Они отдали Ему последний долг тогда, когда, с человеческой точки зрения, Тот, Кого они любили, не мог выразить ни удовольствия, ни порицания. Эти люди показали преданность, верность и твердость духа, превосходящую все ожидания и тем более удивительную, что в то время ученики Господа, за исключением Иоанна Богослова, проявили малодушие: один из них предал Его, другой, наиболее пламенный, ревностный, трижды отрекся, то есть оказался малодушнее прочих учеников. Еще один юноша бежал нагим…

Жены-мироносицы оказались мужественнее мужчин. Когда ученики сидели взаперти «страха ради иудейска» (Ин. 19, 38), боясь даже отворить двери, чтобы посторонний не смог проникнуть в дом, жены-мироносицы рано утром пришли ко гробу. Те, которые служили Ему имением своим (см. Лк. 8, 3) и как будто бы занимались вопросами житейскими, практическими, низменными по сравнению со служением словом, за свою преданность стали свидетелями Воскресения. Это показывает нам, что нет такого занятия, которое сделало бы человека чуждым Богу, хотя бы это занятие в глазах других было чем-то далеким от духовной жизни.

Может быть, в связи с этим сегодня читается зачало из Деяний святых апостолов, в котором рассказывается об избрании семи диаконов, то есть семи служителей. Слово «диакон» употреблено здесь не в современном смысле. Впрочем, мы не знаем, может быть, эти люди помогали и при совершении богослужений — на этот счет у святых отцов разные мнения. Некоторые даже считают, что они были пресвитерами и их служение было подобно служению экономов и казначеев в монастырях, то есть тех, кто распоряжается церковным имуществом.

Есть такое изречение: «Церковное имущество — это имущество бедных», и это высказывание опирается как раз на упомянутое повествование Деяний апостольских, повествование первенствующей христианской Церкви. «В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей» (ст. 1). Эллинистами называли евреев из стран, в которых разговорным языком был греческий (эллинский). Что же касается евреев, живших в Палестине, то они также говорили не на древнееврейском или иврите, а на арамейском — языке своих бывших завоевателей, халдеев. Этот язык в тех краях был разговорным, и на нем говорили не только евреи, но и другие народы, их окружавшие, видимо под влиянием

халдейского завоевания. Итак, верующим раздавалось все необходимое для повседневных нужд, а эллинистам, вероятно, из-за незнания языка казалось, что их вдовицами, то есть теми, кто не имеет способа самостоятельно добывать себе пропитание, «в ежедневном раздаянии потребностей» пренебрегают. Это послужило поводом к ропоту.

«Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах» (ст. 2). Апостолы не захотели оставлять своего главного служения — проповеди, тем более что других священных степеней тогда еще не существовало: не было ни епископов, ни священников, ни диаконов в нашем смысле слова. Сами апостолы должны были и проповедовать, и совершать богослужения, и крестить обращаемых, и миропомазывать (правда, тогда не миропомазывали, как сейчас, а возлагали руки, и дарования Святого Духа изливались в душу крещаемых), и совершать Евхаристию.

Если мы обратим внимание на собственную монашескую жизнь, то увидим: когда мы проповедуем, например пытаемся кому-то помочь словом, то даже эти разговоры на богоугодные темы уже отвлекают нас от молитвы. Само по себе это занятие достаточно развлекает человека и лишает самого главного — пребывания ума в Боге. И вдруг апостолам пришлось бы заботиться еще и о раздаянии ежедневных потребностей: нужно было бы всех выслушивать, определять, кто в чем нуждается, подсчитывать продукты и деньги. Все это требовало очень много времени, а у них уже было два чрезвычайно важных занятия: прежде всего богослужение и затем своя собственная молитва, забота непосредственно о своей душе. Даже если бы они и не нуждались в этом как люди святые (хотя это предположение абсурдно), то сама душа любого человека имеет потребность в том, чтобы наедине общаться с Богом. Поэтому апостолы решили избрать себе помощников в деле служения ближним: «Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (ст. 3–4). Кроме практических способностей, эти люди должны были иметь некоторые другие качества. Во-первых, они должны были в глазах всех людей иметь свидетельство того, что они достойны доверия, чтобы никто потом не мог подумать, что из-за пристрастия эти служители были несправедливы к нуждающимся. Во-вторых, помощникам апостолов следовало быть исполненными Святого Духа. Не нужно думать, что для практического служения человек должен обладать и способностями только собственно практическими и ему не нужно иметь благодати. Если у него не будет благодати, то как он исполнит богоугодное дело? А милостыня — это одно из самых богоугодных дел, хотя, конечно, оно не выше, чем служение словом, или милостыня духовная, как называют его аскетические писатели Православной Церкви. В-третьих, избранные служители должны были обладать мудростью, то есть иметь здравый смысл, рассуждение, чтобы даже нечаянно не ошибиться, не поступить несправедливо.

Итак, свидетельство перед всеми, доброе мнение в глазах всех людей, благодать Святого Духа и мудрость. Не так уж это и мало. А нам представляется, что такие качества должны иметь только люди, живущие собственно духовной жизнью. Все должны иметь молитву, хотя у каждого свое служение: одни служат словом, как апостолы, другие — делами милосердия, как семь диаконов, избранных народом и рукоположенных апостолами. Однако без благодати ничего невозможно совершить, и как апостолы имели великие дарования Святого Духа, так и избранные семь диаконов должны были иметь благодатные дарования. Поэтому они не только были избраны народом, но еще и рукоположены апостолами, то есть получили дарование совершать это служение.

«И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго…» (ст. 5). Стефана, одного из семи диаконов, называют первомучеником, потому что, как мы знаем из Священного Писания, он первым пострадал за Христа, положил начало мученическому подвигу, не имея перед собой никакого примера, кроме примера

Самого Господа Иисуса Христа. По роду занятий святой мученик Стефан был, как мы сейчас сказали бы, «хозяйственником». И этот «хозяйственник» был исполнен веры и Духа Святого. А мы, получается, об этом забываем, потому что снисходим ко всем слабостям человека, занимающегося чем-нибудь земным, лишь бы он хорошо делал свое дело, имел, так сказать, практическую смекалку.

Далее в Священном Писании следуют имена «Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена» (ст. 5). Филипп, как мы знаем из последующего повествования Деяний апостольских, отличился в деле проповеди: обращая жителей самарийских, он обратил и евнуха царицы эфиопской (см. Деян. 8, 27–40). О Прохоре известно, что он был епископом и также пострадал за Христа. Про Никанора, Тимона и Пармена Священное Предание ничего не говорит, но мы не знаем о них и ничего отрицательного, порочащего. Седьмой диакон, Николай Антиохиец, был обращен из язычников (см. ст. 5). Многие отцы считают, что он был родоначальником отвратительной ереси николаитов, распространявшей мнение, будто разврат или вкушение идоложертвенного не являются чем-то предосудительным и свобода, дарованная во Христе, позволяет все. Иначе говоря, он превратно истолковывал учение о христианской свободе.

Нас не должно удивлять то, что один из диаконов мог оказаться родоначальником ереси. Если из двенадцати апостолов, избранных Самим Господом, нашелся один предатель, то почему же из семи диаконов, которые были избраны даже не апостолами, а народом, не найтись родоначальнику ереси? Все были избраны, все удостоились доверия верующих, но кто-то отличился не только своей правильной деятельностью при раздаче милостыни, но и проповедью и мученичеством, а кто-то ниспал в разряд ересеначальников, ересиархов, что, конечно, страшно, потому что он не только сам погиб, но и других увлек за собой в погибель.

Вернемся к повествованию Деяний апостольских: «Их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки. И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере» (ст. 6–7). Конечно, речь идет о ветхозаветных священниках из колена Левиина — из тех, кто служил в храме Соломоновом. Мы не знаем, имели ли они священный сан в христианской Церкви, — может быть, они были рядовыми верующими, однако в то же самое время они совершали служение в храме иудейском по той причине, что тогда еще не была полностью разорвана связь между иудеями и христианами и первые христиане участвовали в храмовых богослужениях.

Итак, повседневные обязанности не мешают людям преуспевать в духовном отношении, если они сами того желают. Когда побивали камнями святого апостола Стефана, он увидел небо разверстым и Сына Человеческого, Господа Иисуса Христа, сидящего одесную славы Божией, то есть одесную Бога Отца (см. Деян. 7, 55–56), — немногие сподобились такого видения. Он молился о своих убийцах: «Господи! не вмени им греха сего» (Деян. 7, 60). А его обыкновенным занятием были хозяйственные дела, подсчет и раздача продуктов. Помешали они ему преуспеть? Не помешали. Помешало ли святым женам-мироносицам то, что они служили Господу своим имением, покупали, может быть, продукты, готовили пищу, заботились об иных нуждах?

Вероятно, мои слова покажутся вам приземленными, не соответствующими возвышенному духу Евангелия, но ведь в нем не рассказывается обо всем, не рассказывается о быте, который имеет место всегда, во все времена. И во времена Спасителя одежду нужно было приводить в должный порядок — она нуждалась в чистке и стирке, как и современная. Может быть, всем этим занимались жены-мироносицы. Стоя у Креста (и тем проявив свою преданность и верность Христу), они также имели практическую цель: наблюдали, где похоронят Спасителя, чтобы потом прийти и довершить обряд по полному чину, то есть помазать тело благовониями

(см. Лк. 23, 55–56). Эти люди — хозяйственные, практичные, заботящиеся как будто бы о телесном — оказались первыми свидетелями Воскресения.

Старцы Иосиф и Никодим, отдав последний долг Спасителю, тоже исполнили дело исключительно житейское. Они даже проявили некоторую находчивость, быстро совершив погребение. У них было всего несколько часов, и нужно было за это время выпросить, в виде исключения, у Пилата тело Спасителя (тела преступников обычно выбрасывались в нечистое место), найти и приготовить место для погребения, причем Иосиф уступил гробницу, которую устраивал для себя самого, купить плащаницу, благовония, — им, как бы мы сказали, пришлось суетиться. И они успели это сделать. Мы теперь вспоминаем их как самых преданных учеников Спасителя. Это объединяет их с диаконами первенствующей Иерусалимской Церкви — первомучеником Стефаном, диаконом Филиппом.

Итак, какой вывод мы должны сделать? Ничто не может и не должно помешать нам соединиться с Господом, чем бы мы ни занимались. Если мы находим в своем занятии повод, чтобы оправдать отдаление нашего ума от Бога, то это лишь уловка, наше лукавство. Если мы служим Христу — чем бы мы Ему ни служили, — это только приблизит нас к Нему. Русская пословица говорит, что не место красит человека, а человек место. Потому не будем себя оправдывать. Усердно устремимся на служение Господу Иисусу Христу, в чем бы оно ни состояло, и соединимся с Господом, очистимся и прославимся, как верные истинные ученики и ученицы Его. Аминь.

22 апреля 2007 года

Неделя 4-я по Пасхе, о расслабленном

Деян. 23 зач. (9, 32–42)

Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде. Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал. И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу.

В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним. Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними. Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою. Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа.

Соверши чудо над самим собой

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в Неделю о расслабленном, мы вспоминаем, как вы должны были заметить, об исцелении не одного, а двух расслабленных: одного исцелил Господь наш Иисус Христос, а другого, уже по Воскресении Спасителя, — святой апостол Петр.

Прежде чем приступить к толкованию зачала из Деяний апостольских, мы напомним себе евангельское повествование о расслабленном. Прочтем его в русском Синодальном переводе: «После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим. Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью. Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня. Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний. Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели. Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи. Его спросили: кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте. Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже. Человек сей пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус» (Ин. 5, 1–15).

В исцелении расслабленного, совершенного апостолом Петром, много общего с тем исцелением, которое было совершено Самим Господом Иисусом Христом. Обратимся к повествованию Деяний апостольских: «Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде» (ст. 32). (Этот маленький, но очень древний городок стоит и поныне, и он существовал задолго до апостольской проповеди.) Апостол Петр навещал христиан, как впоследствии делал и апостол Павел, и проверял, правильно ли они подвизаются, все ли у них хорошо или они нуждаются в каком-то вразумлении, укреплял их в вере и назидал в случае необходимости. Под святыми подразумеваются христиане. Самого имени «христиане» тогда еще не было, а люди, поверившие в Господа, назывались святыми не в том смысле, что они были святы, как Бог, но в том, что они стремились к святости жизни. «Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении» (ст. 33).

Расслабленный, которого исцелил Спаситель, был болен тридцать восемь лет. Он надеялся на то, что его опустят в купель при возмущении воды и он исцелится. Эней же, как видно, ни на что не надеялся, уже привык к своему положению и постоянно находился в постели. «Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос» (ст. 34). Этими словами расслабленный, или парализованный, был восставлен. Даже если бы здоровый человек восемь лет лежал без движения, то мышцы его пришли бы в такое состояние, что он был бы почти не способен двигаться. А тут парализованный вдруг совершенно исцелился и поднялся с постели. В Синодальном и церковнославянском переводе есть одна неточность: может быть, и несущественный момент, но, тем не менее, очень интересный. Слова апостола Петра переведены так: «Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей» (ст. 34). А в переводе епископа Кассиана (Безобразова) говорится: «Встань и перестели себе постель». Может быть, апостол Петр оказался свидетелем беспомощности Энея и пожалел его: он настолько слаб, что даже не может сделать такую мелочь, как самому себе поправить постель. В одной детали содержится намек на целое событие. Восстановленная подробность заставляет нас представить себе все остальное. Апостол Петр зашел, увидел этого беспомощного человека, за которым ухаживают, и сказал ему: «Встань и сам себе постель постели». Тот встал и, уже не нуждаясь в посторонней помощи, сделал все необходимое для себя. «И он тотчас встал. И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу» (ст. 34–35).

Мы видим, что апостол Петр творил много великих чудес — даже его тень исцеляла людей. В то время он был своего рода великим чудотворцем, слава о нем распространялась по всей Иудее. Это был тот самый апостол Петр, который совсем недавно трижды отрекся от Господа Иисуса Христа; один из тех, которые проявили малодушие, бежали и, уже по Воскресении Спасителя, некоторое время от страха сидели взаперти. Мы помним, что апостолу Фоме Спаситель явился, войдя через запертые двери. Почему двери были заперты? Потому что все боялись: боялись и апостолы, которым уже явился воскресший Спаситель, боялся и апостол Фома, в то время еще неверующий. Все были в страхе. Когда же на них сошел Дух Святой, после того как они стали свидетелями Воскресения Спасителя, они были уже настолько бесстрашны, что даже после заключения в темницу и унизительного наказания, палочного битья, смело проповедовали и продолжали творить чудеса. Этим великим делом они гораздо более убедительно, чем какими бы то ни было словесными доводами, доказывали истину Воскресения Христова.

«В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: „серна“; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла» (ст. 36–37). В то время медицина была не столь развита, и даже в молодом возрасте люди могли умереть от тех болезней, от которых сейчас легко вылечивают. Святой евангелист Лука, составитель Деяний апостольских, не случайно делает примечание о значении слова «Тавифа». Имя Эней, например, не переводится, значит, оно просто обозначало конкретного человека. Под словом же «Тавифа» здесь нужно подразумевать, скорее, не имя ученицы, а прозвище, ставшее уже столь привычным, что все называли ее так. Это прозвище говорит о том, что она, видимо, была человеком очень живым, энергичным. Тавифа много трудилась, помогала, но внезапно занемогла и умерла, так что всех это поразило. Если бы она была в преклонном возрасте, то, наверное, никто не горевал бы так сильно, потому что люди постепенно привыкают к тому, что состарившийся человек готовится к переходу в вечность.

«Ее омыли, — говорит далее дееписатель, — и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там (видимо, они услышали об исцелении Энея. — Схиархим. А.), послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним. Петр, встав, пошел с ними» (ст. 37–39). Не стал ссылаться апостол Петр, как это у нас бывает, на какие-то дела или на усталость, но он стремился во всем, в чем возможно, помогать своим пасомым, своим чадам.

«И когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними» (ст. 39), или, более точно, — «хитоны и плащи». Тавифа была человеком чрезвычайно трудолюбивым, а также и мастерицей, причем она не только сама занималась рукоделием, но и других женщин привлекала к этому. Таким образом она давала пропитание многим людям. Вдовицы, скорее всего женщины преклонного возраста, беспомощные, нуждающиеся в денежном содержании, получали его от этой молодой женщины, прозванной ради своей энергичности Серной. И эти вдовицы без всяких слов, без всякой искусственной скорби стали с плачем показывать апостолу Петру вещи, сделанные руками этой истинной христианки, подвижницы и ревнительницы благочестия, которая проявляла любовь не на словах, а на деле. Это была очень трогательная сцена, и апостол Петр не мог не испытать умиления, а может быть, не удержался и от плача и поэтому, чтобы не мешали ему молиться, велел всем выйти. Ведь плач, скорбь, как и любое другое сильное чувство, лишают человека того внимания, которое необходимо при молитве.

«Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань» (ст. 40). Если в других случаях тень его исцеляла больных, то здесь он должен был встать на колени. Мы видим, что даже для человека столь великого, уже имевшего опыт

совершения чудес, то есть необыкновенно преуспевшего в молитве, коленопреклонение имеет значение, потому что в нем выражается смирение человека пред Богом. Он встал на колени, уничижив себя, и усердно помолился. Как это происходило, мы точно не знаем, можем лишь догадываться по описанию того, как совершали чудеса люди, жившие в близкое нам время, например отец Иоанн Кронштадтский. Долго ли молился апостол Петр или его молитва была краткой по времени, неизвестно. Но видимо, он молился, обратившись не к ложу Тавифы, а к каким-то образам или повернувшись лицом к востоку, как было принято молиться у христиан. Усердно помолившись, он повернулся к ложу, где лежала умершая, и сказал ей: «Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села» (ст. 40). Села, видимо, на том самом смертном одре, на котором лежала. Понятно, что она была в растерянности. Если она умерла внезапно, то, возможно, даже и не понимала, что с ней произошло. А может быть, она уже имела некие видения того, что происходит в загробном мире. Апостол Петр восставил ее и со смертного одра. «Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою. Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа» (ст. 41–42).

Итак, в прочитанном сегодня зачале из Деяний апостольских описано два чуда: чудо исцеления расслабленного Энея и воскресение из мертвых праведной Тавифы. Сегодняшнее чтение из Евангелия говорит об исцелении расслабленного, и богослужебные песнопения, толкуя это чтение, призывают нас признать себя расслабленными в духовном смысле. Мы нуждаемся в том, чтобы нас восставили, однако с того времени, как Господь сотворил это чудо, прошло почти две тысячи лет, и теперь, казалось бы, никто и ничто не может нам помочь. Но посмотрим на то, что сделал апостол Петр. Хотя промежуток времени между совершенными Спасителем и Петром чудесами сравнительно небольшой, но, тем не менее, чудо совершил уже не Сын Божий, а обыкновенный человек, имевший такие немощи, какие и нам не хотелось бы иметь. Например, он проявлял горячность, а иногда чрезмерную простоту, часто совершал необдуманные поступки, был самонадеянным, наконец, проявил и малодушие. И этот самый обыкновенный человек, невежественный и неграмотный рыбак, стал великим чудотворцем. Он, святой апостол Петр, исцеляет от расслабления Энея, воскрешает из мертвых праведную Тавифу. Значит, в данном случае не важно, сколько прошло времени — несколько месяцев, полгода или почти две тысячи лет. Важно то, что чудо сотворил не Сам Спаситель, а Его ученик. Такими учениками Спасителя, кроме апостолов, в последующие времена были и святитель Николай Чудотворец, и преподобный Серафим Саровский, и живший сравнительно недавно великий русский чудотворец, святой праведный Иоанн Кронштадтский. И многие другие известные и неизвестные нам люди. Все, что совершал Спаситель, могут совершить и Его ученики. Обратим внимание на слова, которые сказал апостол Петр исцеляемому им Энею: «Эней! исцеляет тебя Иисус Христос». Тот Самый, Кто исцелил расслабленного, о чем повествует Евангелие от Иоанна, исцелил и Энея. Но тогда Он исцелил непосредственно, сейчас — через апостола Петра.

Тот, Кто исцелил тело, может исцелить и нашу расслабленную душу. Потому мы не должны лукавить и оправдывать себя, говоря, что мы не имеем возможности исцелиться от нашего расслабления. В Церкви действует такая сила, которая исцелить может! Это сила Господа Иисуса Христа.

«Дана Мне всякая власть на небе и на земле. …Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 18 и 20), — сказал Господь Иисус Христос Своим ученикам перед Вознесением. Мы должны это помнить, и не только помнить умом (хотя в начале подвига необходимо именно это), но и ощущать сердцем, душой и духом, что Господь с нами во все дни до скончания века, что Ему дана всякая власть и потому, если мы помолимся и попросим Его, как просил, преклонив колена, апостол Петр, то может произойти любое чудо. И если мы, по немощи своей, не

дерзаем просить о таких чудесах, как исцеление неизлечимых больных и тем более воскрешение мертвых, то обязаны (Церковь нас этому учит, и в этом проявляется наше смирение — здесь нет никакого чрезмерного дерзновения и гордости) умолять и просить Бога об исцелении от расслабления душевного, как бы долго оно у нас ни продолжалось. В духовной и нравственной жизни мы должны быть не расслабленными, не парализованными и тем более не мертвыми, а живыми, бодрыми и энергичными, какой была Тавифа, подобная своей энергичностью прекрасному дикому животному, серне. Вот что является для нас образцом, и в то же самое время это в нашей силе, в нашей власти. Бог даровал нам такую возможность, но мы, по нашему нерадению, ею не пользуемся. Пусть даже мы имели бы такие грехи, как апостол Петр, или гораздо большие, но после того, как благодать Божия нас посетила бы, мы стали бы другими людьми — не только бесстрашными, подобно апостолу Петру, но и чудотворцами. Каждый из нас, как это ни странно, может быть, звучит, обязан быть чудотворцем: совершить чудо с самим собой. Если этого не произойдет, значит, мы напрасно тратим свое время, в нерадении проводим все свои дни. А для того чтобы это чудо произошло, необходимо напряжение в молитве, покаяние, смирение. Напрягаясь в молитве для того, чтобы попросить о чем-либо богоугодном, мы будем в то же самое время чудесно, с Божией помощью преображаться. И станем дееспособными, а не расслабленными, какими мы являемся исключительно по собственной вине. Пусть никто себя не оправдывает, не делает для себя исключения, не записывает себя в неудачники — Церковь учит нас совсем другому: не пассивности, не унынию, не лени, не расслаблению, а энергичности, мужеству, ревности. Аминь.

29 апреля 2007 года

Неделя 5-я по Пасхе, о самаряныне

Деян. 28 зач. (11, 19–26, 29–30)

Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев. Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса. И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу. Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию. Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем; ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святаго и веры. И приложилось довольно народа к Господу. Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию. Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами.

Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, послав собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла.

О высоком именовании «христианин»

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем апостольском чтении повествуется о том, как распространялось слово Божие в первые годы существования Церкви Христовой, когда верные еще не носили привычного нам названия христиан.

«Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев» (ст. 19). Слово, конечно, о Господе

Иисусе Христе. Тогда им еще, видимо, не было известно о видении апостола Петра: с неба сошло полотно, на котором было множество нечистых животных, и ему было повелено заколоть их и есть, а потом было сказано, чтобы он крестил римского сотника Корнилия со всей его семьей (см. Деян. 10, 10–20). Многие считали, что слово Божие должно распространяться только среди иудеев, богоизбранного народа. Эти люди не понимали, что отныне от Христа происходит новый народ, новый Израиль, который даже имя получит новое. Вне зависимости от происхождения по плоти человек, принявший истину, рождается и живет уже в новом народе, который становится ему родным. И родина его уже не та или иная страна, но Церковь Христова.

«Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса» (ст. 20). Одни считали, что нужно проповедовать только иудеям, другие же — «некоторые из них Кипряне и Киринейцы», то есть иудеи, рожденные и воспитанные на Кипре и в других странах, где говорили на греческом языке, — скорее всего, движимые внутренним чувством и расположением, не видели никаких препятствий для того, чтобы слово Божие распространялось среди всех народов, и проповедовали эллинам.

«И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу» (ст. 21). Здесь не указывается определенное число, но, нужно думать, это были не сотни, а тысячи людей. Нам кажется, что это мало, потому что сейчас в Церкви Христовой миллионы верующих, но если бы мы представили, что кто-нибудь из нас, проповедуя, обратил к вере несколько тысяч человек, то поняли бы, что успех проповеди был чрезвычайно велик. Сейчас, к сожалению, нет проповедников, обладающих такой благодатью и силой слова.

«Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию» (ст. 22). Варнаве, кипрянину родом, поручили идти в Антиохию, для того чтобы укрепить в вере новообращенных и убедиться, что те, кто принял слово Божие, живут достойно этого слова. «Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался» (ст. 23). Конечно, благодать Божию саму по себе увидеть невозможно. Он увидел ее в делах этих проповедников, в самих новообращенных, которые изменили свою жизнь, стали ревностными христианами и приобрели любовь к ближним. Увидев это, апостол Варнава возрадовался, так и должен реагировать всякий истинно верующий человек. «И убеждал всех держаться Господа искренним сердцем» (ст. 23), то есть уверовать не одним умом, но всем сердцем, всем своим существом, потому что в сердце центр духовной, нравственной и даже умственной жизни. Если человек в чем-то убежден в сердце, значит, он на самом деле в это верит, а то, в чем сердце его сомневается, не является его настоящим, полным, искренним убеждением.

«Ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святаго и веры. И приложилось довольно народа к Господу» (ст. 24). Здесь объясняется, почему апостол Варнава возрадовался, увидев благодать Божию, действующую в новообращенных, и почему убеждал их держаться Господа искренним сердцем. Он был мужем добрым, или, как сказано по-славянски, благим, то есть не просто нравственным человеком, но исполненным Духа Святого. Все: и проповедники, и обращенные — имели веру, но он, видимо, благодаря тому, что отличался сильной, пламенной верой и способностью убеждать, своей проповедью в Антиохии еще многих обратил ко Христу.

«Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию» (ст. 25). В это время апостол Павел, называемый тогда еще Савлом, именем, данным ему от рождения, находился в Тарсе и, видимо, пребывал в молитве, ожидая, как Промысл Божий распорядится о нем. Апостол Варнава нашел его и призвал к апостольскому служению.

«Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в

первый раз стали называться Христианами» (ст. 26). Имя, которое кажется нам привычным, совершенно естественным, впервые прозвучало не на «родине веры», в Иерусалиме, а в языческой Антиохии, потому что новообращенные ученики Христовы не могли себя называть ни израильтянами, ни, как прежде, эллинами. Они должны были придумать себе какое-то наименование, чтобы отличить себя от тех, с кем они раньше составляли единый народ. В то же время они не считали себя евреями, потому что и среди евреев встречались те, кто принял евангельскую проповедь, и те, кто был враждебно к ней настроен. Так возникло это новое в то время имя, которое было почти откровением.

«Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, послав собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла» (ст. 29–30). В Иерусалиме христиане отказывались от всего своего имущества и все было общим, а в Антиохии каждый имел свое имущество и по мере возможности помогал другим. Ни тот, ни другой образ жизни не порицался. Таким образом, можно угождать Богу как в монашеском звании, отрекшись от всего и имея все общее, так и в звании мирском — лишь бы ты служил Богу всем сердцем. Из этих слов Священного Писания понятно, какую любовь имели древние христиане друг к другу: они помогали не только своим близким, живущим рядом, но и незнакомым, тем, кто жил далеко от них. Чтобы сравнить это с нашей современностью, представьте себе такую ситуацию: мы живем в Екатеринбурге и вдруг узнаём, что где-нибудь в Александрийской или той же Антиохийской Церкви люди нуждаются в помощи, и мы собираем средства и посылаем их этим совсем чужим, незнакомым нам людям. Чужим по языку, чужим по обычаям, но нас соединяет вера, все мы — христиане. Вот как осознавали близость, родственность во Христе, единство в вере древние христиане.

К сожалению, для нас кровные узы гораздо более важны, действенны и реальны, чем узы духовные. Конечно, это неправильно и говорит о том, что любовь к ближнему, любовь во Христе в нас действует слабо — то, что по плоти, в нас сильнее того, что по духу. Апостол Павел говорит, что нужно помогать всем, в особенности своим по вере (см. Гал. 6, 10). Мы же помогаем, может быть, всем, но прежде всего своим по плоти — родственникам, о них мы думаем, переживаем. А ведь есть люди действительно нам родные, которые, как и мы, крещены в Единого Господа Иисуса Христа, причащаются Тела и Крови Христовых и соединяются с нами в Нем, составляют вместе с нами единый организм. Однако мы этого не осознаём, а если и осознаём, то не чувствуем так сильно и живо, чтобы предпочитать родство духовное родству плотскому.

В сегодняшнем евангельском чтении есть слова, которые вы все прекрасно помните, они о том, что все мы должны поклоняться Богу духом и истиной. «Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 19–24).

Так пророчествовал Спаситель. Время, о котором Он говорил, должно было вот-вот наступить, и в книге апостольских Деяний, чтение из которой мы только что слышали, говорится о том, как это пророчество сбылось. Действительно, уже не только в Иерусалиме правильно поклоняются Богу, но и в Антиохии, и по всему миру. Более того, мы видим, что откровение Божие дается в Антиохии в той же полноте, что и в Иерусалиме, потому что именно там дано откровение о том, как должно называться истинно верующим. Сказать, что слово «христиане» возникло просто по обычаю, случайно, было бы несправедливо. Если бы это было

случайностью, оно бы не укоренилось.

Значит, в духе и истине можно поклоняться — и люди поклонялись — везде и во все времена. И так же, как в древности в Иерусалиме и Антиохии, и мы сейчас можем поклоняться в Москве, Петербурге, Екатеринбурге — где угодно, лишь бы только мы сами были к этому готовы. У нас не меньше для этого возможностей, чем у древних христиан или тех, кто живет в святых местах. Не нужно искать какого-то места, потому что место — это просто положение в пространстве. Благодать Святого Духа в каком-нибудь обыкновенном, ничем не примечательном городе действует не меньше, чем в святом граде Иерусалиме, в котором находятся связанные с жизнью Спасителя места. Поклонение духом и истиной зависит от нас самих. Именно так мы должны поклоняться Ему, потому что Бог есть Дух.

Мы называемся христианами, и это имя показывает, что мы, будь мы евреи или русские, не составляем богоизбранный народ в том смысле, в каком его составляли иудеи, но принадлежим к особому народу, к которому принадлежат все верующие, вне зависимости от своего плотского происхождения. Христиане поклоняются Богу духом и истиной там, где призовет Промысл Божий. Мы должны осознавать громадную, бесконечную, ни с чем не сравнимую цену этого прекрасного, возвышенного имени, происходящего от имени Христова. Он — Божий Помазанник, а мы помазаны, облагодатствованы и освящены нашей верой в Него. Если говорить о монашестве, то наше монашество — христианское. Ведь нечто подобное монашеству существует и в других религиях, например у буддистов или индуистов. Поэтому, чтобы отличить истинный аскетический образ жизни от ложного, ошибочного, мы именуем себя прежде всего христианами, то есть мы христианские монашествующие. В этом наше отличие. Все то, что содержится в Священном Писании и Предании и что проповедует Церковь, кратко изображено словом «христиане». Поэтому мы должны носить это святое имя достойно и всегда и всюду показывать свое отличие от неверующих. Ни в чем мы не должны быть, по возможности, похожи на них, не в том смысле, чтобы делать что угодно, лишь бы казаться оригинальными, но в том, что вся наша жизнь должна быть освящена благодатью Святого Духа, Таинствами и просвещена светом православного Предания, христианским учением.

Когда мы говорим «православные христиане», то этим подчеркиваем свое отличие от тех, которые именуют себя христианами необоснованно, не являются ими на самом деле, а только ложно присваивают себе это имя. Христианин — это тот, кто поклоняется Господу Иисусу Христу духом и истиною везде и всюду, что бы он ни делал, где бы ни находился. Никто и ничто не должно нас от этого отвлекать. Мы всегда должны быть в единении с Богом, мысленно, духовно совершать невидимое поклонение, которое выражается и в непрестанной молитве, и в постоянном памятовании заповедей Божиих, следовании, подчинении нашей воли воле Божией. Таким образом, христианство становится уже не пустым названием, не названием по обычаю, но самою жизнью.

Святитель Тихон Задонский обличал современных ему христиан (я думаю, что к нынешним христианам это относится в еще большей степени) за отсутствие истинного христианства, за лицемерие. Не дай Бог и нам подпасть под определение этого великого учителя Русской Церкви! Мы должны быть истинными христианами, а не только изображать из себя таковых. Слова «поклоняться в духе и истине» нужно понимать не только в том смысле, что мы должны поклоняться Богу везде, а не в каком-то определенном месте, но и в том, что дух наш всегда должен пребывать в поклонении Богу. В этом и состоит сущность христианства. Пусть такое душевное состояние станет нашей природой. Мы должны подвизаться, всячески себя понуждать, чтобы это имя — «христианин», «христианка» — пронизывало все наше существо, стало нашим естеством, нашей жизнью, стало тем, что всегда будет нас вдохновлять и возвышать над обыденностью. Аминь.

6 мая 2007 года

Неделя 6-я по Пасхе, о слепом

Деян. 38 зач. (16, 16–34)

Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час. Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам. И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять. Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их. Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду. Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели. Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали. Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь. Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись? Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его. И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога.

Об истинном духовном прозрении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня за Божественной литургией мы слышали чтение из книги Деяний о странном приключении, которое произошло с апостолом Павлом и его спутником, апостолом Силой.

«Случилось, — говорит деeписатель, — что, когда мы шли в молитвенный дом, встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим» (ст. 16).

Под прорицателем подразумевается мифический змей Пифон, обладавший, как верили язычники, духом пророчества. Существовал целый ряд мифов о дельфийском оракуле, которые сводились к тому, что вместо убитого Аполлоном Пифона пророчествовала жрица пифия, одурманенная парами, исходившими из расселины земли в святилище Аполлона. Она произносила бессвязные речи, а особые служители при храме их затем истолковывали, в результате чего получались предсказания, которые можно было понимать по-разному.

И вот служанка была одержима таким духом прорицательным, то есть, с христианской точки зрения, являлась бесноватой. Она, как отмечается здесь, «доставляла большой доход господам своим», поскольку многие люди обращались к ней, желая узнать будущее. Подобных людей, мечтающих познать будущее, было много всегда, и мы сейчас, к сожалению, страдаем такой же страстью и ищем, где бы найти какого-нибудь прозорливого старца и что-то у него

спросить, хотя очень часто вопросы наши бывают несущественными и даже душевредными.

«Идя за Павлом и за нами, — продолжает дееписатель, — она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (ст. 17). В данном случае служанка не лгала, а говорила правду. Почему? Конечно, с умыслом. Ведь то, что апостол Павел и его спутники — рабы Бога Всевышнего, было совершенно очевидно. То, что они проповедуют путь спасения, также было известно, поскольку благодаря их проповеди многие люди в этом городе, в Филиппах, обратились ко Христу. Но дух-обольститель, живший в служанке, говорил это с целью привлечь к ней тех, кто уже принял христианство, чтобы люди, обращаясь к прорицательнице, получали предсказания о будущем и таким образом совращались с пути спасения. Нужно иметь в виду и следующее: для того чтобы тебе верили, необходимо, по крайней мере иногда, говорить правду. Так почему бы не сказать ее тогда, когда она стала общеизвестной?

«Это, — говорит Священное Писание, — она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу…» (ст. 18). Некоторое время он терпел, потом вознегодовал — поступил не так, как поступаем мы, принимающие хвалу из любых уст. Нам бывает приятно, даже если нас хвалит какой-нибудь низкий человек. Но апостол Павел повел себя подобно Христу. Он сам говорил о себе: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Для него жизненной целью, жизненным мерилом было подражание Христу. И как Спаситель запрещал демонам, называвшим Его Христом, открывать это (см. Мк. 1, 24–25; Лк. 4, 34–35), потому что не нуждался в том, чтобы нечистые духи Его прославляли, считая это возмутительным и неприемлемым, так и апостол Павел, подражая Господу, не захотел принимать похвалу от демона.

«И сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час» (ст. 18). Апостол изгнал демона. Но вместо того чтобы радоваться исцелению безумного человека, хозяева служанки пришли в негодование.

«Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам» (ст. 19) — туда, где обычно вершилось правосудие. Апостол Павел и в этом уподобился Христу, ибо Спасителя предали, как мы знаем (хотя это никак не укладывается в разум человеческий), из-за денег. Деньги сыграли большую роль как в осуждении Господа, так затем и в том, что Его Воскресение было оклеветано. Мы помним, что Иуде пообещали тридцать сребренников за предательство и воинам дали достаточную сумму, чтобы они, несмотря на то, что видели ангела и от этого видения пришли в ужас и оцепенение, сделавшись, как мертвые, тем не менее говорили, будто бы тело Спасителя украли ученики. И самими архиереями и фарисеями двигала та же страсть сребролюбия. Она — причина предания Спасителя на распятие, ибо стремление к материальному благополучию является одним из мотивов получения власти. Из зависти, из опасения потерять власть, а вместе с ней и деньги, они решили предать Господа на распятие и выставляли Его перед иудейским народом как богохульника, а перед Понтием Пилатом как бунтовщика.

Так и здесь деньги являются тайным мотивом дурных поступков. Начальники невольно сделали апостола Павла подражателем Иисусу Христу: апостол также пострадал из-за денег, хотя его обвиняли в том, что он будто бы проповедует некие странные, неприемлемые для римлян обычаи.

Далее в книге Деяний повествуется: «И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять» (ст. 20–21).

В целом римляне к религиям завоеванных ими народов относились терпимо, позволяя вводить в свой пантеон чужих богов, почитать их и приносить им жертвы. В Риме находились жрецы разных культов, но сами римляне обязаны были соблюдать свой национальный культ, отступление от которого строго каралось. Нужно иметь в виду, что в то время многие, в особенности из числа образованных, были уже людьми неверующими и цинично относились к религиозной жизни, но именно как римские граждане, строго соблюдавшие закон, они считали необходимым исполнять и религиозные обряды. Историки рассказывают, что жрецы в то время, когда приносили жертвы и гадали по внутренностям животных, глядя друг на друга, смеялись, — настолько все происходящее казалось им нелепым, — но, тем не менее, делали то, что положено.

Из повествования евангелиста Луки мы видим, что хозяева служанки были также людьми циничными. На самом деле им было безразлично, кому поклоняться, ведь они не возмущались тем, что их служанка проповедовала (хотя и находясь под властью нечистого духа) то, что апостол Павел и его друзья — «рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Хозяева, может быть, даже надеялись на появление дополнительной прибыли. Но когда дух вышел — тот самый дух, который как будто бы проповедовал истину и косвенно христианство, — тогда они возмутились. Значит, в действительности им были неважны те или иные обычаи: римские, или иудейские (а в то время римляне христиан от иудеев никак не отличали, поскольку все первые проповедники христианства, за редчайшим исключением, были иудеями), или какие-либо еще. Все происшедшее было для хозяев служанки лишь поводом, а подоплекой их поведения была боязнь лишиться дохода.

Вот как много значат в жизни страсти, в особенности страсть сребролюбия, — она движет многими поступками людей. Одержимые ею указывают некие благородные, существенные причины своих поступков, а на самом деле руководствуются личной корыстью, личными интересами.

Вернемся к рассказу дееписателя: «Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды…» (ст. 22). По-славянски и по-гречески более точно: «разорвав на них одежды». Все произошло настолько стремительно, народ настолько поддался гневу и негодованию, что воеводы даже не сняли с апостолов одежду, как можно было бы сделать, поскольку никакого сопротивления со стороны святых апостолов, конечно же, не было, а разорвали ее на них, «велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу» (ст. 23). Как много было ударов, мы не знаем. По иудейским законам нельзя было давать более сорока ударов, поэтому всегда давали тридцать девять, чтобы таким образом не нарушить закон. Более же бесчеловечный римский закон не устанавливал никаких ограничений, и поэтому могли бить даже без счета, пока ярость бьющих не успокаивалась, не удовлетворялась. Апостол Лука знал предписания иудейства, поэтому мы можем предположить, что с его точки зрения «много» означало большее число раз, чем то, которое определяли предписания.

Конечно, это ужасное мучение — терпеть избиение палками по обнаженному телу. Я уж не говорю про позор — ведь эти нагие люди находились на площади перед всем народом, и их били палками совершенно ни за что: за то лишь, что они исцелили безумную бесноватую, за то, что апостол Павел не захотел принимать суетной славы из уст нечистого духа.

Далее евангелист Лука говорит: «И, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их» (ст. 23). Под темничным стражем имеется в виду тюремщик или начальник тюрьмы, который подобострастно с жестокостью исполнил приказание воевод: «Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду» (ст. 24). Под внутренней темницей нужно понимать камеру, которая охранялась наиболее строго и из которой невозможно было совершить побег. Часто она

находилась не только в центре тюрьмы, но и под землей, куда не проникал свет и откуда невозможно было выйти наружу. Чтобы это сделать, требовалось преодолеть целый ряд препятствий. Мало того, ноги апостолов забили в колодки. Наверное, вы видели такие изображения: доска или две доски с отверстием для ног. Эти колодки бывали и деревянными, и каменными. Иногда их надевали на руки и даже на шею. Они связывались, скреплялись или закрывались на замок, и находящийся в них человек совершенно не мог двигаться и был вынужден лежать неподвижно.

И вот, избитые, окровавленные, нагие или полунагие, в колодках, святые апостолы лежали в совершенно темном, закрытом месте. Но и в этом случае они отнеслись к произошедшему с ними не так, как отнеслись бы мы: «Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога» (ст. 25). Не роптали, не говорили: «За что мы потерпели такое бесчестие, почему Господь нас не защитил, не покрыл, почему нас избили ни за что, без всякого суда и следствия, не разобравшись в том, что мы сделали?» — но «воспевали Бога». «Узники же слушали их» (ст. 25). Отсюда, между прочим, можно предположить, что апостолы Павел и Сила пели так красиво и завораживающе, что узники их слушали. Мы не знаем достоверно, на каком языке они воспевали гимны Богу. Может быть, на греческом, но, вероятнее всего, они пели на еврейском, своем родном языке, на котором могли с большей силой выразить свои чувства и внимательнее, усерднее помолиться Богу. Были ли это псалмы, древние гимны или какие-то неизвестные нам богослужебные тексты — мы не знаем, но узники слушали их. Значит, пели они прекрасно, в их пении было нечто необыкновенное.

А если бы апостолы относились к пению так, как некоторые современные люди: главное — чтобы было духовно, а манера исполнения не имеет никакого значения? Слушали бы тогда их узники или нет? Скорее всего, говорили бы: «Не мешайте нам ночью спокойно отдыхать». Но пение апостолов было привлекательно и тем, и другим: оно было прекрасно внешней стороной и, конечно же, исполнено Божественной благодати.

«Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы» (ст. 26). Будь это землетрясение обыкновенным, оно представляло бы опасность и для узников, прежде всего пострадали бы они. Ведь тогда начали бы рушиться стены, сыпаться с потолка камни — и это реально угрожало бы жизни узников. Но ничего такого не произошло, и отсюда мы заключаем, что землетрясение было особенное: не земля в городе потряслась, но ангелы или какая-либо Божественная сила — мы не знаем точно — сотрясли само здание. Произошло подобное тому, что случилось с апостолом Петром, когда ему в темнице явился ангел и цепи спали с его рук (см. Деян. 12, 5–7).

«Тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели» (ст. 26). «Ослабели» — значит, появилась возможность что-то предпринять для бегства из темницы. Двери открылись, узы ослабели — бегите. Но апостолы Павел и Сила и в тот момент думали не о себе, а о других, они думали об этом тюремном страже.

«Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали» (ст. 27). Как поступили бы даже самые верующие люди? Задумайтесь: апостолов избили, темничный страж заковал их в колодки без всякого суда и следствия, отнесся к приказу воевод подобострастно, не вникая, виноваты узники или нет. Ему приказали — он исполнил. Зачем было жалеть такого жестокого человека? Можно было спокойно уйти — и все. Между прочим, апостол Петр и ушел, а что потом сделали с этими стражами, вы помните? Их казнили (см. Деян. 12, 8–9 и 19). Конечно, это не значит, что апостол Петр был виноват, так как ни о ком не подумал. Нет, идти ему велел ангел, и апостол даже не знал, что происходящее — действительность, а полагал, что это видение. Апостол же Павел подумал и о самом темничном страже. Вероятно, чувствовал, что,

несмотря на жестокость, в нем есть нечто доброе, то, что отзовется на призыв веры и приведет к покаянию.

«Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь» (ст. 28) — «Не бойся, не только мы, которых ты заковал в колодки, но вообще все узники здесь».

«Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе» (ст. 29), ибо понимал, что это землетрясение не обыкновенное, а чудесное. Что это за землетрясение, от которого слабеют узы на руках и ногах? Такого не бывает. Могут, допустим, ослабеть дверные петли, поскольку здание покосилось, но узы на руках и ногах от землетрясения никак не могут ослабеть. Страж понял, что произошло нечто сверхъестественное, Божественное, и потому припал к рабам Божиим.

«И, выведя их вон, сказал: государи мои! (или, что то же самое, господа мои. — Схиархим. А.) что мне делать, чтобы спастись?» (ст. 30). Страж уже спрашивает о спасении. Казалось бы, кто из них нуждался в спасении? — Павел и Сила, избитые, приговоренные к заключению, ожидающие суда, который мог вынести самое жестокое решение, вплоть до казни. Ведь если произвол господствовал уже на этом предварительном расследовании, которое правильнее назвать не расследованием, а беспощадным, беззаконным судом, то что́ могло последовать дальше? Тем не менее страж не говорит им: «Я помогу вам спастись», а сам ищет у них спасения, так как он понял, что эти узники — великие люди, люди Божии. Конечно, слух об апостолах не мог не дойти и до него, страж знал, что они (как говорил через служанку демон) проповедуют путь спасения, и поэтому обратился к ним с такими словами: «Что мне делать, чтобы спастись?»

«Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (ст. 31), то есть вся твоя семья, включая даже рабов. Обратите внимание: бесноватая рабыня как будто проповедовала истинную веру, но апостол Павел ей запретил, а тюремного стража, ничего особенного не говорившего, обратил к вере словами: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой». Мы видим у стража искреннюю веру. Рабыня ходила вслед за апостолами, выкрикивая одни и те же слова, но в то же время никакого покаяния ни с ее стороны, ни со стороны тех, кто как будто бы прислушивался к ее прорицанию, не было. А темничный страж, не говоря много, может быть, даже боясь какого-либо преследования со стороны своих начальников, воевод, тем не менее, искренно обратился к вере.

«Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой». Конечно, не в одних этих словах состояла проповедь апостолов. Пусть и кратко, но они и многое другое сказали темничному стражу. «И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его» (ст. 32). Отсюда видно, что собрался весь дом, вся семья, ради того чтобы услышать проповедь святых апостолов.

«И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его» (ст. 33). Вот как должно поступать, когда человек обращается к вере. Не нужно думать, что страж крестился поспешно и без должной подготовки — не нам об этом судить. Апостол Павел знал, что этот человек внутренне готов, и, если он решил, что можно тотчас же, после очень краткой, непродолжительной по времени проповеди, крестить, значит, он видел его душу. Что же касается нас, то мы должны более осторожно подходить к людям и готовить их к Крещению так, чтобы решимость их принять Таинство была полной и вполне осознанной.

Остановимся на словах: «Крестился сам и все домашние его». Хотя к теме нашей проповеди это не относится, тем не менее отметим, что данные слова опровергают сектантов,

утверждающих, что детей крестить нельзя. Поскольку среди домашних стража не могло не быть детей, а Крещение, по словам деeписателя, приняли все, следовательно, крещены были и дети.

«И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога» (ст. 34). В дальнейшем, как мы знаем, воеводы велели отпустить апостолов Павла и Силу, этих страдальцев, свидетелей Христовых. Но сейчас тюремный страж возрадовался тому, что обрел веру, и вкусил трапезу вместе со святыми апостолами.

Казалось бы, апостол Павел пострадал от своего неразумия: зачем ему было трогать эту бесноватую? Но даже и через такое страдание, преследование, заключение — в скорби своей он обрел для Церкви целую семью. Он никогда не переставал быть апостолом, никогда не оставлял молитвы и своего апостольского служения.

Это урок нам, священнослужителям: епископам, священникам — всем, кто предстоит престолу и обязан проповедовать слово Божие, нести его людям. Мы никогда не перестаем быть служителями Божиими, чем бы мы ни занимались, где бы мы ни были. Если же мы об этом забываем, то это наша беда, наше горе. Но апостол Павел никогда не мог этого забыть и всегда служил Богу, приобретая Ему людей.

Сегодня, как следует из прочитанного на литургии Евангелия, мы с вами вспоминаем исцеленного Господом Иисусом Христом слепорожденного. Богослужебные тексты учат нас тому, что под этим исцелением нужно понимать не только то чудо, которое произошло во времена земной жизни Спасителя, но исцеление слепоты духовной, потому что мы все духовно слепорожденные. Господь может всякого из нас исцелить, и мы с вами должны молиться об этом, просить Его, чтобы Он нам помог.

Если сравнить таинственный смысл сегодняшнего евангельского и апостольского чтений, что мы увидим? Служанка, одержимая духом прорицания, обладала как будто бы большим, чем у нас, духовным зрением — предсказывала будущее. Но Господь через апостола Павла лишил ее этого мнимого духовного зрения, ибо демон был изгнан именем Иисуса Христа. Как Спаситель исцелил слепорожденного, так исцелил и ее. Существует предположение некоторых толкователей, что эта рабыня обратилась к вере. Представьте себе: бесноватый человек исцеляется, демон выходит — неужели это может пройти бесследно, неужели прежний страдалец останется безразличным к своему врачу, не сделав никаких выводов? Сам здравый смысл подсказывает нам, что, скорее всего, эта служанка уверовала и стала христианкой. Вероятно, господа ее потому и возмутились, что окончательно потеряли надежду получить от нее доход.

Вот одна прозревшая — прозревшая через лишение мнимого зрения. Она приобрела веру, но перестала в бесновании безумно кричать и неуместно прославлять святых апостолов. Прозрел и темничный страж. Как евангельский слепорожденный, он пребывал в постоянной тьме, словно в непрерывной ночи, и ночью прозрел духовно. Телесные его глаза были зрячими, он никогда не страдал слепотой, но был слеп духовно, потому что заковал в колодки святых апостолов. Ведь ему было повелено лишь тщательно их стеречь, но он проявил бо́льшую строгость, чем от него требовали: жестоко обошелся с узниками, заковав их в колодки. Прозрев же, он омыл их раны, принял от них Крещение и уже называл этих избитых, израненных, бесправных людей своими господами.

Истинное прозрение отличается как от обычного неверия, так и от мнимой, прелестной прозорливости. Не нужно искать пророчеств, не нужно думать, будто в них есть нечто особенное. Нужно помнить слова Самого Спасителя о том, что многие в день Страшного суда

будут говорить Ему: «Не Твоим ли именем мы творили многие знамения и пророчествовали?», а Он ответит им: «Никогда не знал вас, отойдите от Меня, делатели беззакония» (см. Мф. 7, 22–23). Не нужно считать, что единственно в пророчестве заключается нечто духовное, иначе можно прельститься людьми прельщенными и даже одержимыми злым духом. Истинное прозрение состоит в том, чтобы в обыкновенных людях, служителях Церкви, видеть служителей Божиих, как темничный страж в апостолах Павле и Силе увидел своих господ, ибо они действительно были господами над жизнью и смертью. Это господство было даровано им обилием жившей в них благодати. Мы все должны прозреть подобно евангельскому слепорожденному, который в обыкновенном человеке — Спаситель выглядел как обыкновенный человек, о чем мы не должны никогда забывать — увидел Сына Божия, увидел по Его делам.

Мы, священнослужители, с которыми вы обычно общаетесь, — обыкновенные люди, но благодатью Божией совершаем великие и непостижимые дела, великие чудеса. Совершаем регулярно: каждый день в святом храме приносится бескровная жертва — по молитвам священника, действием Святого Духа Бог хлеб и вино прелагает в Тело и Кровь Христову. И вы причащаетесь Тела и Крови Христовых, приобщаясь к Божественной вечности, к Божескому естеству. Если вы не сможете в обыкновенном человеке, священнике, увидеть служителя Божиего — значит, вы не сможете достойно причаститься. Невзирая на все наши немощи и недостатки, вы должны прозревать живущую в нас благодать, дарованную нам через Таинство святой Хиротонии.

И всем нам с вами необходимо постоянно стремиться к духовному прозрению, чтобы, взирая не только на совершаемые священнослужителями Таинства, но и на весь мир, на все окружающее, друг на друга, созерцать неизъяснимые тайны Божии, видеть то, что от сотворения мира было сокрыто, а сейчас явлено нам Господом Иисусом Христом. Видеть не только потому, что мы об этом читаем в Евангелии, но и потому, что сердце наше прозрело. Тогда в каждом человеке мы будем созерцать образ Божий, в ближнем видеть Христа и служить ему, как Христу; мир для нас станет не просто красивой природой, а творением Божиим; за злыми поступками мы увидим не человека, а демона, поработившего этого человека. Все это и есть духовное зрение. Тогда за своими мыслями и чувствами мы будем видеть иногда демонов, иногда Божественную силу, научимся подлинно отличать зло от добра, видеть истинные причины происходящего в нашем внутреннем мире. Таково следствие духовного прозрения. Это дарует нам Господь наш Иисус Христос тогда, когда мы к Нему усердно прибегаем, когда прилежим молитве, как прилежали ей, находясь в заключении, святые апостолы Павел и Сила.

«Подражайте мне, — говорит апостол Павел, — как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Будем подражать ему: несмотря ни на какие скорби и гонения, не оставим молитвы, и Господь даже и скорбь нашу превратит в радость, сделает эту скорбь полезной как нам, так и другим людям. Аминь.

13 мая 2007 года

Вознесение Господне

Деян. 1 зач. (1, 1–12)

Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием.

И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что́ вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути.

О вечном присутствии Христа в наших душах

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, когда мы празднуем Вознесение Господне, за богослужением читается начало книги Деяний святых апостолов. Из первых стихов мы узнаём о том, что происходило перед Вознесением. Господь, собрав Своих учеников, повелел им не отлучаться из Иерусалима и дал обетование, что через несколько дней они будут крещены Духом Святым. А далее начинается повествование о самом событии Вознесения Господня — великом и непостижимом чуде, совершенном на глазах у многих святых апостолов.

«Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» (ст. 9). Как это происходило, мы не знаем. В Евангелии апостол Лука описывает Вознесение так: Спаситель стал благословлять учеников и, благословляя, начал подниматься (см. Лк. 24, 50–51). И вот «облако взяло Его» и поднимало все выше и выше, пока Он не скрылся из виду.

Но вернемся к Деяниям апостольским. «И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его (отсюда мы можем предположить, что оно длилось довольно долго. — Схиархим. А.), вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что́ вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (ст. 10–11). Видимо, настолько ученики были потрясены этим зрелищем, что не могли от него оторваться. Когда Спаситель уже скрылся из их глаз и ничего более не было видно, они всё смотрели на небо и не могли понять, что́ произошло. Тогда явились два ангела и заставили пребывавших в изумлении учеников прийти в себя.

Как замечают некоторые толкователи, если сравнить Вознесение Господне с Его Воскресением, то мы обнаружим, что при Воскресении начало не было видимым, а конец был видим: никто не был очевидцем того, как Спаситель воскрес, но видели Его уже воскресшим. Здесь же наоборот: начало было видимым, а окончание — нет. Ученики видели, как Спаситель возносился на небо, а чем закончилось Вознесение — не знали. Лишь ангелы открыли им, что Он придет так же, как и ушел. Это необыкновенное, великое событие, произошедшее на глазах апостолов, еще раз удостоверило их в том, что Иисус есть Христос, Сын Божий, Который сошел с неба на землю.

Если мы обратимся к евангельским текстам, то увидим, что апостол Матфей, не повествующий непосредственно о Вознесении Господнем, некоторыми своими словами как будто бы противоречит тому, что говорит евангелист Марк, который, хотя и очень кратко, сообщает о Вознесении.

Вот что говорит апостол Матфей: «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 16–20). Спаситель будто бы просто уверяет учеников, что пребудет с ними «во все дни до скончания века», но само это уверение косвенно указывает на то, что Он должен их покинуть. Ведь если бы Ему действительно предстояло пребывать с апостолами видимо, как то было во время Его проповеди, когда они постоянно Его сопровождали, тогда не потребовалось бы некоего особенного уверения. Таким образом, смысл слов Спасителя следующий: несмотря на то что видимо вы со Мной разлучитесь, Я все же буду с вами. Буду с вами и с вашими учениками всегда, до тех пор, пока существует мир. Я не покину его так, чтобы оставить Своих последователей без Своего присутствия, но присутствие это будет обнаруживаться иным образом.

Евангелист Марк говорит о Вознесении Господа кратко, но очень впечатляюще, дополняя рассказ евангелиста Луки в Евангелии и книге Деяний: «И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога» (Мк. 16, 19). Не просто исчез в небесной дали, но «воссел одесную Бога». И мы, спустя уже почти две тысячи лет после этого непостижимого для человеческого разума события, в каком-то смысле даже более удивительного, чем Воскресение Христово из мертвых, не будучи его свидетелями, верим, что оно было. Разум и здравый смысл, опирающийся на наш личный повседневный опыт и на опыт других людей, говорит о том, что такого быть не может. Однако Господь Иисус Христос еще на Тайной вечери, предсказывая ученикам Свое от них отшествие, предупреждал, что для веры в Него нужно не простое человеческое доверие к чужому рассказу, но присутствие Святого Духа. Апостол Иоанн Богослов повествует об этом так: «А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден» (Ин. 16, 5–11).

Итак, присутствие Святого Духа Утешителя учит нас такой истине, которая названа здесь правдой — вероятно, в противовес тому, что представляется человеку измышлением, фантазией. «О правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня». По человеческому естеству мы Христа не видим, но в то же время Он, восседая как Человек одесную Бога Отца, невидимо, таинственно для чувств телесных, но явно для чувств духовных, пребывает с нами «во все дни до скончания века». Пребывал в Церкви Христовой и будет пребывать.

Но ощущаем ли мы присутствие Господа Иисуса Христа? Обетование Евангелия неложно. Оно — слова Самого Спасителя. И как сбылось то, что было Им предсказано о Его смерти, Воскресении и Вознесении, так должно сбыться и то, что касается Его вечного присутствия в Церкви Христовой среди верующих людей. Или, правильнее сказать, в самих верующих людях, в их сердцах. Если же мы не чувствуем этого, то можем сделать два вывода: один, кощунственный, что эти слова неправильны и верить им нельзя, другой — что мы сами виноваты, не ощущая вечного присутствия с нами Господа Иисуса Христа — Того, Кто сидит одесную Отца и Кто должен пребывать в нашем сердце.

Праздник Вознесения Господня учит нас тому, что мы должны радоваться отшествию от нас Христа. Ибо благодаря Его отшествию произошло событие, которое мы скоро будем отмечать, вспоминая, как Святой Дух в виде огненных языков сошел на святых апостолов и исполнил их благодати Божией.

Чему же учит Дух Святой? Каковы признаки Его пришествия в наши сердца? Ведь Дух Святой был дан не только апостолам в самые первые времена существования Церкви Христовой, но и всем последователям Спасителя. Признаки эти таковы: «Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня». Итак, твердая и ясная вера в Вознесение Господне — такая, словно бы мы были свидетелями этого чуда, словно бы сами видели его глазами святых апостолов, — есть признак пришествия Духа Святого и присутствия Его в нас. И когда Он приходит и открывает нам истину о Вознесении Спасителя, мы понимаем, что, хотя не видим Господа Иисуса Христа глазами, Он в то же самое время вполне реально, действенно пребывает внутри нас.

И мы сегодня, собравшись ради воспоминания события Вознесения Господня, этим самым показываем свою веру. Через несколько дней мы будем праздновать день Пятидесятницы, когда на Церковь Христову сошел Дух Святой. Вначале Он сошел на святых апостолов, а потом через их учеников был передан христианам всех времен. И пребывая со всеми нами, Он научает нас этой великой истине. Поэтому с верой будем взирать на великое событие Вознесения Христова, вновь и вновь удостоверяясь в том, что Иисус есть Сын Божий, что Он сошел в мир, воплотившись от Пресвятой Девы, и уже со Своей человеческой плотью восшел явно в глазах учеников на небеса и воссел одесную Бога Отца, где Он как Единосущный Отцу Сын Божий и Бог всегда пребывал от века. Аминь.

17 мая 2007 года

Неделя 7-я по Пасхе, святых отцов Первого Вселенского Собора

Деян. 44 зач. (20, 16–18, 28–36)

Ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме.

Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви, и, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами.

Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать». Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился.

О необходимости внимать себе

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня совершается память святых отцов Первого Вселенского Собора. Не будем пересказывать историю этого великого события. Обратимся к чтению Деяний апостольских, которое приурочено к этому знаменательному дню. Вот что оно говорит: «Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии; потому что он поспешал, если можно, в день

Пятидесятницы быть в Иерусалиме» (ст. 16). Апостол Павел знал, что в Иерусалиме ему грозят гонения и узы; знал, что ему надлежит проповедовать в Риме, знал и то, что приближается день его кончины и что он больше не увидится со многими из своих духовных чад, пастырей и пасомых, обращенных им ко Христу.

«Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви, и, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами» (ст. 17–18). Под пресвитерами здесь подразумеваются епископы. Удивляться этому не нужно. В глубокой древности, когда писалось это послание, эти понятия не различались. Апостолы сначала сами совершали все Таинства. Потом, за множеством верующих, они поставили себе заместителей — епископов. А епископы, также из-за того, что число верующих увеличивалось, поставили себе помощников — пресвитеров в привычном нам смысле слова, то есть священников. «Пресвитер» в переводе с греческого значит «старейший, старец», а «епископ» — «надзиратель», то есть надзирающий за стадом Христовым. Поэтому эти два названия, если брать их буквальный смысл, не противоречат друг другу. По своему назначению епископ является и старейшим в церковной общине, и надзирателем — не в том смысле, что он смотрит за христианами, как господин за рабами или надсмотрщик за заключенными. Он пасет свое стадо, чтобы оно не заблудилось, не преткнулось, не подверглось какой-либо опасности.

«Итак внимайте себе и всему стаду» (ст. 28), — обращается апостол Павел к епископам. Весьма знаменательно, что эти слова читаются именно сегодня — в день воспоминания событий Первого Вселенского Собора. Всякий христианин: и мирянин, и монашествующий, и священнослужитель, и даже епископ — прежде всего должен внимать себе. Еще древний пророк Моисей сказал: «Внемли себе: да не будет слово тайно в сердцы твоем беззакония» (Втор. 15, 9). Господь наш Иисус Христос наставлял: «Внемлите себе» (см. Лк. 21, 34), и апостол Павел также повторяет: «Внимайте себе». Но внимать себе нужно не только в отношении нравственном, но и в смысле точного соблюдения веры. Если говорить о вере широко и просто, не пользуясь научным богословским языком, то она включает в себя все: и догматику, и аскетику, и нравственность, и даже историю Церкви — все это есть вера. Чтобы ни в чем не погрешить, мы должны внимать себе во всем этом, без исключения, не пренебрегая догматическим учением Церкви, а то ведь некоторые по своему легкомыслию думают: «Нас, мол, это не касается — слишком возвышенные вещи». В наше время всякий христианин должен хорошо знать церковное Предание, святых отцов. Если мы храним веру неповрежденной, пребывая в постоянном внимании внутри самих себя и следя за тем, чтобы наши мысли не уклонялись от церковного Предания, тогда мы можем помочь и окружающим. Для епископов это является постоянной обязанностью, для нас, обычных христиан, это тоже иногда становится обязанностью. Например, когда бывает необходимо подсказать истины веры кому-либо из наших друзей, братьев, сестер.

«Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями» (ст. 28). Не люди, через которых совершилось епископское рукоположение, но Святой Дух поставил вас блюстителями (в греческом оригинале как раз стоит слово «епископами»). Первейшей задачей епископа является не административное управление и даже не созидание храмов или монастырей, но хранение своего словесного стада в вере Христовой. Поэтому епископ должен всячески следить за всем, что происходит в народе Божием. Если он видит какое-то уклонение, должен тут же пресекать его, вразумлять народ и направлять свое стадо на спасительный путь.

«Поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога» (ст. 28). Пасти не каких-то случайно собранных людей, но саму Церковь Господа и Бога. Не «вашу Церковь», потому что она принадлежит не епископу, не какому-либо священнику, не настоятелю или настоятельнице, если речь идет о монастыре, но Господу и Богу. Мы же, пастыри, поставлены только пасти и будем держать ответ перед Богом, достойно ли, правильно ли мы это делали

или же нерадиво.

«Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (ст. 28). Здесь апостол Павел обращает наше внимание на цену, какой была приобретена Церковь, все христианское общество, то есть каждый из нас. Ведь слова святых апостолов, пророков или Самого Спасителя, записанные и таким образом сохраненные на веки вечные, Священное Писание обращает не только к тем, кому они непосредственно были сказаны, но ко всем людям, ко всем членам Церкви Христовой. Необходимо помнить, что и мы куплены Кровью Христовой и вообще все христиане, и потому мы должны тщательно хранить и блюсти тех, кто приобретен за столь дорогую цену.

«Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (ст. 29–30). Апостол Павел, подобно Спасителю, сказавшему: «Один из вас предаст Меня» (см. Мф. 26, 21; Мк. 14, 18; Ин. 13, 21), предсказывает, что в Церковь войдут лютые волки. Кого нужно иметь в виду под волками? Может быть, гонителей Церкви из числа язычников, или тех, кто вошел в Церковь, приняв христианство мнимо, по сути оставшись преданным духу язычества, духу неверия. Потому они и не щадят стада, но, как волк думает только о том, как насытить свою утробу, так и они пожирают словесных овец, лишь бы только удовлетворить те или иные свои страсти. Может быть, под лютыми волками нужно понимать тех, кто учит безнравственности, а под людьми, которые, по словам апостола, «восстанут из вас самих и будут учить превратно», — тех христиан, которые были вроде бы искренними, но потом совратились и, поддавшись гордости, стали совращать и других. Стали учить превратно, чтобы увлечь за собой людей, удовлетворить свое тщеславие тем, что они якобы имеют много последователей.

Возможно и то, что под «людьми, которые будут говорить превратно», подразумеваются епископы, совратившиеся в ересь. Как известно, у Церкви было множество врагов из числа епископов. Скажем, Арий, ради лжеучения которого был созван Первый Вселенский Собор, был пресвитером, но среди его сторонников были и епископы. Впоследствии было много ересиархов не только епископского сана, но даже среди патриархов, например Константинопольских: ересиарх Несторий или монофелиты Пирр и Сергий.

Так что слова апостола Павла можно понимать и таким образом: «Из вас самих», блюстителей стада Христова, «восстанут люди, которые будут учить превратно». Епископ, уклонившийся от правой веры, становится чем-то противоположным самому себе: из архипастыря превращается в волка. И чем более высокое положение занимает такой человек в Церкви, чем бóльшим пользуется авторитетом, тем он опаснее. Поэтому, когда кто-либо нас учит, мы должны смотреть не столько на его положение в Церкви, сколько на то, согласно ли апостольскому и святоотеческому Преданию он учит. Священник он, епископ или патриарх — не важно. Мирянин он или монах, может быть, даже подвижник, прославившийся сверхъестественными дарованиями, — не важно. Важно, чтобы он был учеником Христовым не по видимости, а поистине.

«Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (ст. 31). Христианские истины, не только нравственные, но и догматические, столь значимы, что апостол Павел со слезами день и ночь учил тех, кого поставил епископами, потому что эти истины драгоценнее всего, что есть на земле, драгоценнее самой жизни, ибо они суть Божественное Откровение. Никто не имеет права искажать его и пренебрегать тем, чему учил апостол Павел. Думается, что и прочие апостолы были подобны ему в этом смысле: чему учил он, тому и другие апостолы учили со слезами день и ночь. Мы же относимся к догматическим вопросам безразлично, говорим, что главное — быть нравственным и

добродетельным, и не важно, правильно ты веришь или неправильно. Как будто безразличие к вере, к истинам Откровения, нерадение о хранении церковного Предания являются добродетелью, а не одним из самых страшных пороков, грехом против любви к Богу! «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумом твоим» (см. Мф. 22, 37), — говорит Священное Писание. Чтобы соблюсти эту первейшую, как говорит Сам Спаситель, заповедь, мы должны любить Бога «всем разумом», а не какой-то его частью. К Господу должны быть устремлены все силы нашего ума: не только рассуждение в отношении предметов нравственности, не только способность к созерцанию (которая тесно связана с богообщением), но и разумение догматических истин. Необходимо правильно и точно думать о бытии Божием, о безначальном рождении и воплощении Сына Божия, о предвечном исхождении Святого Духа, о Его действии в этом мире, о Церкви и о многих других догматических вопросах. Мы должны также помнить о том, что апостолы день и ночь, жертвуя своей жизнью, учили своих духовных чад со слезами. И плакали они не от каких-то скорбей, не от того, что жалели себя, но от любви и сострадания к нам, зная, каким страшным опасностям подвергнется Церковь после того, как непосредственные ученики Христовы отойдут из этого мира.

«И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его» (ст. 32). Ныне, говорит, я сам уже не могу хранить вас, но предаю вас Богу и слову благодати Его, то есть: верьте Богу и храните слово Божие, преданное вам мною и другими апостолами. Поскольку апостол Павел предал благодати Божией не только этих епископов, но через них и всех нас, то мы должны тщательно хранить слово Божие, чтобы не отпасть от пребывания в Боге. Это не просто мудрые, прекрасные и возвышенные слова, но слова благодати. Когда-то я читал про греческого подвижника, преподобномученика Косму Этолийского, проповедовавшего в XVIII столетии, во времена оттоманского ига. В то время среди греческого народа в связи с мусульманским порабощением и его тяжелыми последствиями наблюдался упадок веры и распространялось религиозное невежество. Этот подвижник приходил в селение, ставил крест и возле этого креста проповедовал истинное христианство, православие. И от этой его проповеди — не от молитвы, а именно от проповеди — исцелялись больные люди! Слово Божие, христианская проповедь исцеляет не только душу и разум человека от повреждений духовного характера, но и тело, если человек воспринимает эту проповедь с верой.

«Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными» (ст. 32). Если мы будем держаться церковного Предания, которое есть слово благодати, то получим наследие со всеми освященными, то есть с апостолами, пророками, первомучениками архидиаконом Стефаном и святой Феклой.

«Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал» (ст. 33). Апостол Павел приводит пример истинного апостольского и епископского служения. Оно совершается не ради денег, не ради наживы, не ради каких-то земных благ. «Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (ст. 34). Из Священного Писания известно, что апостол Павел, для того чтобы никого не соблазнить и не обременить, днем проповедовал, а ночью занимался ремеслом. Он был скинотворцем, то есть делал шатры. Сделанное своими руками и руками некоторых его помощников, такими же, как и он, служителями слова, апостол продавал и на полученные деньги жил. Я думаю, жил он очень скромно. Конечно, не все могут так поступать. Архипастыри и пастыри, согласно слову Божию, имеют право питаться от благовествования (см. 1 Кор. 9, 14). Однако мы должны в то же самое время взирать на святого апостола Павла, который, проповедуя, сам добывал себе средства для существования, чтобы никого не соблазнить, и таким образом показал нам пример бескорыстия. Мы, повторю, не можем поступать так, как апостол Павел, но быть бескорыстными, как он, обязаны. Да, мы пользуемся от своих пасомых материальной поддержкой, но проповедуем мы не ради нее,

попросту говоря, не ради денег. Необходимо всегда об этом помнить, чтобы у нас, пастырей, не возникло, как говорит один прекрасный церковный писатель, архиепископ Иоанн (Шаховской), бытового материализма. Есть материализм идеологический, а есть бытовой: человек вроде бы верит правильно, а в быту ведет себя как материалист.

«Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (ст. 34). Апостол Павел зарабатывал не только на себя, но и на тех, кто был возле него, — таким он был щепетильным. Более того, апостол Павел не желал себе награды за то, что проповедовал: он считал, что обязан это делать, что он исполняет свой долг. Но он хотел, чтобы Бог наградил его за то, что он, проповедуя, не пользовался ничьей материальной помощью, не брал ни от кого денег. Вот за эту малость (малость по сравнению с прочими апостольскими трудами) он хотел получить награду от Бога, ибо находил, что этим он сделал больше, чем должен был сделать как апостол. Мы должны подражать апостолу Павлу также и в том, чтобы сделать больше, чем обязаны, хотя, может быть, и не точно в таком виде.

«Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых (то есть тех, которые могут соблазниться. — Схиархим. А.) и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: „блаженнее давать, нежели принимать“» (ст. 35). В Евангелии этих слов Господа нет. Отсюда можно сделать вывод, что первые ученики Спасителя, святые апостолы, знали и проповедовали своим пасомым много такого, что в Священных Евангелиях записано не было.

«Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился» (ст. 36). Так святой апостол Павел простился со своими учениками. Не со всеми, потому что с ним были только епископы. Он не захотел заходить в Ефес сам, зная, что любовь учеников, христиан, удержит его там, и вызвал к себе епископов, преподав им краткое наставление, чтобы те назидали паству.

Слова, сказанные апостолом Павлом ефесским епископам, звучат и поныне, не только в том смысле, что мы их сегодня слышим или читаем, — они звучат, так сказать, своим значением. Все архипастыри и пастыри Православной Церкви должны им следовать, помнить о том, что они должны внимать себе и всему стаду. Скажем, мне, грешному, необходимо внимать прежде всего себе и тому стаду, которое мне как духовнику вверено, то есть сестрам Ново-Тихвинской обители. Епископы внимают себе и всему стаду, которое вверено им, то есть пастве своих епархий. Патриарх — себе и всему своему огромному богоспасаемому стаду, всей Русской Православной Церкви. Конечно, чем выше служение, тем больше ответственность, тем больше нужно внимать себе, чтобы потом быть способным внимательно прислушиваться к своему стаду и вглядываться в него. Если мы не будем прежде заниматься очищением своего сердца, хранением своего ума и души от повреждений, догматических или аскетических — не важно, тогда мы не сможем наставить и других.

Никто не имеет права надеяться на себя. Те, кто надеялся на себя, на свое православие, на свою твердость в вере, в ней погрешали. Ведь еретики, по большей части, считали себя искренно верующими, ревнителями православия и борцами за него. Таким, например, считал себя подвижник и выдающийся проповедник ересиарх Несторий, патриарх Константинопольский. Арий также был подвижником благочестивой жизни, хотя, как говорят, отличался гордостью. Но чем может гордиться христианин? Конечно, чем-то особенным: подвигами, особенно ревностной жизнью, разумом. Ориген, выдающийся мыслитель и богослов первой христианской Церкви, понадеявшись на свой разум, на свои, можно сказать без преувеличения, гениальные способности, также повредил христианское учение, хоть и считал себя ревнителем и хранителем православия. Тем более никто из нас, людей заурядных, не имеет права надеяться на себя, потому что мы даже повода никакого для гордости не имеем. Однако бывает (как это ни парадоксально), что самые заурядные люди гордятся чем-то даже несуществующим, мечтой. Обыкновенные по уму гордятся несуществующими умственными

способностями. Ведущие ничем не примечательную жизнь гордятся подвигами, также не имеющими места в действительности. Причем они сравнивают себя не с великими людьми Православной Церкви, не с подвижниками, не с богословами, от сравнения с которыми должно было бы прийти в смирение, но находят тех, кто еще глупее и нерадивее их самих. От этого они надмеваются и делаются лжеучителями и «слепыми вождями слепых». А святое Евангелие говорит, что «если слепой поведет слепого, то оба в яму упадут» (см. Мф. 15, 14).

Поэтому мы должны быть чрезвычайно осторожны. Если святой апостол сказал епископам, своим ученикам (подумайте только, как это велико): «Внимайте себе», то с каким страхом должны совершать свое спасение мы, как должны быть внимательны и тщательны в отношении самих себя! Можно ли назвать человека внимающим себе, если он пренебрегает изучением святых отцов? Как и в чем он может внимать себе, если не знает святоотеческого Предания и потому даже не понимает, что́ нарушает и что́ соблюдает? Можем ли мы назвать внимающим себе того, кто следит за другими, за их проступками, которые с его точки зрения являются нарушениями нравственного Предания Церкви, а за самим собой ничего не замечает? Повторю еще раз: прежде всего нужно внимать себе, с этого все начинается. Никогда нельзя думать, что наступил момент, когда ты уже можешь о себе забыть.

Господь наш Иисус Христос, пророчествуя о кончине мира, говорит следующие слова: «Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той» (Лк. 21, 34). Представьте себе: человек хорошо знает догматическое учение Церкви, теоретически знает и нравственное Предание, но при этом впадает в нерадение, предается объедению, пьянству и житейским печалям. Допустим даже, объедения и пьянства нет (хотя на самом деле это, к сожалению, очень распространенные пороки), а есть только житейские печали. Казалось бы, это всегда оправданно: нужно же как-то заботиться о своей жизни, о своих близких. Но что произойдет с этим человеком? «И найдет на вы внезапу день той», то есть день Страшного суда придет внезапно. Внимать себе должен каждый, даже если он чудотворец (без всякой иронии, чудотворец в подлинном смысле слова) или обладает другими сверхъестественными дарованиями, допустим пророческим.

Что же нужно делать, чтобы бодрствовать над собой? «Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим» (Лк. 21, 36). Все: патриархи, епископы, пресвитеры, монашествующие, миряне — «бдите на всяко время молящеся». Беда изобретения той или иной ереси, впадения в нее, увлечения за собой многих заблудших случалась с людьми потому, что они не внимали себе, не бодрствовали молясь, пренебрегали Преданием Церкви, то есть не исполняли заповеди апостола Павла. Будем хранить всё, что Церковь предала нам через апостола Павла, других апостолов, святых отцов и их учеников. Тогда мы, по крайней мере, себя сохраним, а быть может, — в особенности, если Промысл Божий вручил нам пастырское служение, — и стаду Христову поможем. Аминь.

20 мая 2007 года

День Святой Троицы. Пятидесятница

Деян. 3 зач. (2, 1–11)

При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать.

В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?

О важности единодушия и послушания

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Все святые освятились действием и силою Святого Духа. Начало этого освящения было положено именно в день Пятидесятницы, когда на апостолов и тех, кто был с ними — Божию Матерь и других первых христиан — сошел Дух Святой в виде огненных языков. После этого великого события апостолы и бывшие с ними верующие из простых, малограмотных людей превратились в сосуды Святого Духа, исполненные Им в таком изобилии, что смогли изливать Его благодать и на других. Для того чтобы мы лучше представили, как все это происходило, нам нужно вернуться несколько назад — к тому, что случилось сразу после дня Вознесения.

Вот что говорит книга Деяний апостольских: «Тогда они [апостолы] возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути. И, придя, взошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова. Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Материю Иисуса, и с братьями Его. И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал (было же собрание человек около ста двадцати)…» (Деян. 1, 12–16). Этот стих значим для нас, потому что в нем говорится о том, кто находился в горнице в момент сошествия Святого Духа. Из этих людей и состояла первоначальная Церковь. На иконах сошествие Святого Духа изображается символически: двенадцать апостолов и Святая Дева, а иногда — просто двенадцать апостолов. Это символическое изображение, выполненное в соответствии с так называемым иконописным реализмом, который подлинное событие изображает так, чтобы мы увидели только его сущность, но не передает всех его подробностей.

Итак, в горнице было сто двадцать человек: Мария, Мать Его; братья Господа Иисуса Христа, которые раньше сомневались в Его богоизбранности, не верили в Него, как говорит нам евангелист Иоанн (см. Ин. 7, 5); двенадцать апостолов, включая новоизбранного Матфия; женщины, которые следовали за Ним, и еще около ста человек. Чтобы мы живее представили себе это малое число людей, с которых начиналась Церковь, вспомним, сколько сестер находится в нашей обители: более ста пятидесяти. Получается, что те, кто был в горнице, могли составить братство или сестринство какого-нибудь монастыря, и по нынешним меркам такой монастырь считался бы большим. Древние аскетические писатели сравнивают первохристианскую общину с монастырем, говоря, что именно эта община явилась образцом для монашеских обителей. Так, киновиальный образ жизни берет свое начало в первенствующей Церкви, и мое сравнение не является каким-то вновь изобретенным и неуместным, оно вполне здраво с точки зрения святоотеческой.

Обратимся собственно к чтению из Деяний апостольских, которое положено прочитывать на литургии в День Святой Троицы. «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе» (ст. 1). Кто «все они»? Те сто двадцать человек, о которых мы сказали выше. Это очень важные слова: «Все они были единодушно вместе». Во время странствований

со Спасителем среди учеников часто возникали споры, чаще всего о том, кто из них первый. Но ко дню Пятидесятницы среди апостолов не существовало разногласий, исчезло стремление к первенству — ученики Спасителя были «единодушно вместе». Когда Спаситель после Преображения на Фаворе повелел ученикам не говорить о Его Воскресении до того, как это произойдет, апостолы Петр, Иаков и Иоанн спорили о том, что значит «воскреснуть из мертвых». Эти споры стали ненужными, поскольку апостолы уже были совсем иными людьми. Они смирились от своего преткновения и получили благодать от Господа Иисуса Христа, Который, явившись по Воскресении, дунул на них и сказал: «Примите Духа Святаго» (Ин. 20, 22). И духовный опыт, пусть горький, отрицательный, и созерцание воскресшего Спасителя, на их глазах вознесшегося на небеса, — все это изменило их и подготовило к тому, чтобы они приняли обетование, данное еще в древние времена.

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились» (ст. 1–2). Евангелист Лука, рассказывая о сошествии Духа Святого на Спасителя во время Крещения, указывает, что Он сошел «в телесном виде, как голубь» (Лк. 3, 22), то есть принял образ голубя. А в день Пятидесятницы Святой Дух явил Себя в веянии ветра. Такого, наверное, никогда не бывает — чтобы сверху вниз подул ветер. Шум с неба, как бы от несущегося ветра, наполнил не весь город Иерусалим, а только один дом. Но как ветер мог проникнуть в дом через кровлю? Понятно, что это было не физическое явление. Так Господь показал нам, немощным людям, а также и самим апостолам, что это явление небесное, духовное и что Дух Святой послан от Сына Божия, вознесшегося на небеса и сидящего одесную Бога.

О Духе Святом говорится, что Он «наполнил весь дом, где они находились». Спаситель предсказывал апостолам: «Иоанн крестил водою, а вы… будете крещены Духом Святым» (Деян. 1, 5). Крещение предполагает погружение, и когда Дух Святой, явившийся в виде ветра, наполнил весь дом, то пребывавшие там всем своим существом погрузились в неизъяснимое действие Духа Святого, в благодать Божию.

Господу было угодно еще более прославить Себя и даже зримо явить Свою славу. В беседе с Никодимом Спаситель сравнивал Духа Святого с ветром: как ветер приходит неизвестно откуда, так и Дух. Так бывает и с теми, кто рожден от Духа (см. Ин. 3, 8). В горнице, можно сказать, произошло именно это: «И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» (ст. 3). Откуда явились разделяющиеся языки? Здесь можно сделать разные предположения. Может быть, вместе с Духом, этим ветром, наполнившим всю горницу, где находились апостолы, явилось какое-то огромное пламя. Или же эти огненные языки вырывались из невидимого для глаз пространства, как из некоего их средоточия, и почивали на каждом из них. При этом огонь как бы нисходил на голову человека или же сама глава каждого находящегося в доме была объята пламенем. Хотя каждый из присутствовавших и не знал, конечно, что́ было над его собственной головой, но видел, что происходит с другими. Может быть, у апостолов был даже и естественный страх: огонь сам по себе опасен, и если он коснулся головы, то обязательно должен был опалить волосы человека. Но апостолы увидели нечто необыкновенное: огонь этот пребывал на главе каждого из них, но не приносил никакого вреда. В то же время каждый из них чувствовал, что он внутренне преображается. Дух Святой наполнял человека сверху донизу, как бы с головы до ног. Люди эти не только телом были погружены в благодать Святого Духа, но и их дух, их душа полностью наполнились Им — они были переполнены этой великой славой, как некие сосуды влагой.

Но это только внешние явления, а главное — то, как Божественное действие преобразило дух учеников. Мы можем судить об этом по происходившему с ними: «И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (ст. 4). Все эти необразованные, неграмотные люди, которые не умели даже писать и знали Священное

Писание только потому, что слушали его в священных собраниях, теперь исполнились Духа Святого и стали говорить не о каких-то посторонних вещах, но прославлять Бога, возвещать о чудных делах Божиих, в особенности о Воплощении Сына Божия, о Его спасительном страдании, Воскресении и Вознесении. Они прославляли и Самого Святого Духа, Который сошел на них во исполнение Отчего обетования. Притом они начали говорить не на еврейском языке и не на каком-то его диалекте, а на многих разных языках. Вы прекрасно знаете, что для того, чтобы изучить какой-то язык, нужно заниматься несколько лет, если при этом еще есть способности. Мы удивляемся тем людям, которые знают несколько языков, считаем их чрезвычайно способными и называем полиглотами. Здесь же совершенно простые, можно сказать, невежественные люди вдруг стали на иностранных языках богословствовать.

Для того чтобы мы лучше поняли, что происходило, сделаем небольшое отступление. На русском языке существует много научной литературы по разным отраслям человеческого знания. Интеллигенция той или иной страны, образовавшейся после распада Советского Союза, конечно, испытывает желание мыслить и писать на своем родном языке, и в связи с этим возникает необходимость перевода научной литературы на языки этих стран. Это действительно серьезная проблема. Выработать собственный национальный язык научной и философской литературы чрезвычайно трудно. Он обычно формируется в течение веков, причем многие слова просто заимствуются, поскольку их перевод невозможен. Слово «ипостась», например, невозможно точно перевести с греческого, и оно было просто заимствовано.

Мы должны понимать, что если очень трудно просто заговорить на иностранном языке, то прославлять на этом языке Бога или, по выражению священномученика Дионисия Ареопагита, богословствовать, — это непостижимое, чудное, невозможное дело. В одно мгновение апостолы не только постигли эти языки, но и смогли прославить на этих языках Бога и рассказать о дивных делах Божиих, «как Дух давал им провещевать» (ст. 4), по выражению Священного Писания.

Итак, что же далее говорится в книге Деяний? «В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне?» (ст. 5–7). Все или почти все апостолы были галилеянами, и литературным еврейским языком не владели — говорили, как это обычно бывает у провинциалов, с некоторыми местными особенностями. «Сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?» (ст. 7–11).

Итак, ученики Спасителя не просто показывали свое знание языка, не о чем-то постороннем разговаривали, но о великих делах Божиих. Их слушало около трех тысяч человек, это мы знаем из слов Писания: «Итак охотно принявшие слово его [апостола Петра] крестились, и присоединились в тот день душ около трех тысяч» (Деян. 2, 41). Этих людей привлекло удивительное явление: они услышали в доме шум необыкновенного ветра, а когда подошли, услышали, что апостолы говорят на других языках. Но как они могли бы это слышать, если бы говорили все сто двадцать человек одновременно? Понятно, что ничего нельзя было бы разобрать. В лучшем случае, услышав обрывочные слова в этом шуме, человек понял бы то, что говорят и на его языке тоже, но не то, что говорят о великих делах Божиих. Значит, речь была внятной. Каким же образом? Для того чтобы это понять, нужно обратиться к Посланию святого апостола Павла к коринфянам, в котором он рассказывает, как нужно вести себя, когда на

собраниях начинают говорить на иных языках.

Прочтем тот стих, который важен для нас: «Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй» (1 Кор. 14, 27). Итак, мы можем сделать такой вывод: либо присутствовавшие там ученики Спасителя говорили порознь, прославляя Бога на том или ином языке (сначала один — на одном языке, затем другой — на другом), либо они воспевали какие-то гимны хором все вместе, то на одном языке, то на другом. Но изъяснял ли кто-нибудь то, что говорилось на ином языке, как повелевает апостол Павел: «А один изъясняй»?

Обратимся вновь к рассказу дееписателя: «И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина» (ст. 12–13). Можно, конечно, предположить, что благодать Божия так воздействовала на святых апостолов, что, видимо, они, упоенные Духом, вели себя необычно. И хотя у них не было каких-то явных признаков опьянения, вероятно, они казались пьяными, и некоторые приземленные люди, не имеющие никакого духовного опыта, этим объясняли их поведение.

«Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное пророком Иоилем» (Деян. 2, 14–16). Далее апостол Петр проповедовал собравшимся о Господе Иисусе Христе и сошествии Святого Духа. (Сейчас мы не будем на этом останавливаться, поскольку это очень удлинило бы наше рассуждение.) Мы видим, что в данном случае апостол Петр как раз изъяснил все то, что говорили сто двадцать человек на иностранных языках. Поскольку им предстояло проповедовать среди многих народов, они получили дар открывать им Божественные истины на их родном языке. Между прочим, в гораздо более позднее время нечто подобное произошло с просветителем славян, со святым Кириллом, когда внезапно в его уме возникла славянская азбука и он преобразил, так сказать, стихию славянской речи согласно грамматике и основам греческого языка и таким образом стал переводить Священное Писание, богослужебные и богословские тексты.

Итак, мы видим, что в собрании, на котором апостол Петр выступил с речью, был определенный порядок, и все ученики Спасителя действовали чрезвычайно стройно и согласно. Если апостолы имели благодать Святого Духа, сохранявшую их в единодушии, еще до сошествия на них Святого Духа в виде огненных языков, то тем более единодушие это сохранялось впоследствии.

Апостол Павел, рассуждая о том, как должны вести себя люди в священном собрании, учит, что и те, кто говорят на языках, и те, кто пророчествуют, должны делать это согласно: «Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу» (1 Кор. 14, 28). Молись на ангельском языке или на каком-нибудь иностранном, но если нет того, кто может изъяснить, перевести то, что́ ты говоришь, значит, молись, общайся с Богом, но не мешай другим. У всех ведь разные дарования: у одного дар языков, у другого дар истолкования, — только апостолы обладали в полноте всеми дарами Святого Духа. «И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать (обратите внимание, сказано: «один за другим». — Схиархим. А.), чтобы всем поучаться и всем получать утешение. И духи пророческие послушны пророкам» (1 Кор. 14, 29–32). Последние слова чрезвычайно важны: если духи пророческие послушны, то и дух говорения на ином языке также должен быть послушен, «потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Та́к бывает во всех церквах у святых» (1 Кор. 14, 33), то есть у всех христиан по всему миру. А если так бывает во всех церквах у святых, или по-славянски «во всех церквах святых», то, конечно же, в первую

очередь так было в Церкви Иерусалимской. Для того чтобы принять дар Святого Духа, правильно проповедовать, необходимы единодушие, собранность, послушание друг другу, а не своеволие и самонадеянность, проявляющиеся в том, что человек действует так, как ему представляется нужным.

Обратим внимание: апостол Павел говорит так о дарах Святого Духа, то есть даже если человек сподобился откровения, то и в таком случае он должен быть послушен Церкви. Что же нужно сказать о том, когда мы высказываемся по действию страстей, спорим друг с другом, друг другу противоречим и при этом полагаем, будто тем самым пытаемся служить Церкви?

Повторю еще раз слова апостола Павла: «Бог не есть Бог неустройства… Та́к бывает во всех церквах у святых». Должен быть порядок, и он также дар свыше, потому что является проявлением единодушия. Если мы хотим быть подобными святым апостолам, значит, в нас должно быть единодушие. А для того чтобы получить дар Святого Духа и сохранить его, необходимо взаимное послушание, которое приводит к стройности во всей нашей духовной жизни. Все это не мешает духовной жизни, а содействует ей, уподобляет нашу монашескую обитель первенствующей Церкви, первохристианской общине. Но прежде всего у нас должно быть такое единодушие, которое было среди всех первых христиан, имевших «одно сердце и одну душу» (см. Деян. 4, 32). Аминь.

3 июня 2007 года

Недели по Пятидесятнице

Неделя 1-я по Пятидесятнице

Евр. 330 зач. (11, 33 – 12, 2)

Которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия.

Толкование на это зачало см. в проповедях «О правильной вере» (Неделя 1-я Великого Поста) и «О вере в грядущее воздаяние» (Неделя перед Рождеством).

Неделя 2-я по Пятидесятнице

Рим. 80 зач. (2, 10–16)

Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину!

Ибо нет лицеприятия у Бога.

Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую) в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.

О законе, написанном в нашем сердце

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы слышали поучение святого апостола Павла из Послания к римлянам: «Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицеприятия у Бога» (ст. 10–11). Слова эти в первую очередь относились собственно к иудеям и эллинам, современникам святого апостола Павла, или, как считают некоторые толкователи, к тем, кто жил до пришествия Христова.

Почему апостол говорит: «Во-первых, Иудею, потом и Еллину»? Иудеи были просвещены Божественным Откровением, знали закон, и потому к ним предъявлялись строгие требования. К эллинам таких требований не предъявлялось, потому что они не имели Божественного Откровения, но для них откровением была их собственная совесть, нравственный закон, написанный в их сердцах, и сама сотворенная Богом природа, мир, учивший их о Творце. Однако поскольку обычно человеческая совесть бывает притуплена, а ум затуманен, то человек осознает то, что подается ему естественным путем, не так ясно по сравнению с тем, что дается ему через Божественное Откровение. Поэтому «слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею (то есть знающему закон. — Схиархим. А.),потом и Еллину», догадывающемуся, так сказать, об этом законе и находящему его в своем сердце.

Закон этот, писанный или созерцаемый в окружающем мире и в самой человеческой природе, — один и тот же, как и добро одно и то же. Многие сейчас думают, что у христиан одно откровение, у магометан — другое, а у иудеев — третье. Но подлинное Откровение только одно, как один подлинный закон совести, который действует в душе человека, где бы он ни родился и как бы ни был воспитан.

Апостол говорит: «Слава и честь и мир всякому, делающему доброе», то есть человек этот будет всячески прославлен, прежде всего перед Богом. Как бы ни относились к нему другие люди, может быть, даже презирали его, в Боге он получит славу, честь, приобретет душевный мир, который нельзя поколебать ничем внешним и человеческим, никакими скорбями.

«Ибо нет лицеприятия у Бога». Бог не предпочитает того, кто принадлежит к богоизбранному народу, и не отвергает того, кто не входит в этот народ, потому что для Него богоизбранный народ — все, творящие волю Его.

Как мы можем отнести к себе эти слова святого апостола Павла? Его рассуждение кажется нам несколько отвлеченным, так как сейчас перед нами не стоит проблема, актуальная для древних христиан, споривших о том, кто больше имеет благодати, кто выше — родившиеся иудеями или обращенные из язычников. Но мы можем понимать эти слова так: «иудеями» можно назвать тех из нас, которые знают учение и Предание Православной Церкви, рождены в христианской семье, с детства научены заповедям Божиим и поэтому с большей легкостью их

исполняют. «Еллины» же — это те, кто, не имея правильного христианского воспитания, обратились к вере сознательно под влиянием тех или иных обстоятельств, а прежде всего прислушиваясь к голосу собственной совести. Между воспитанным в христианской вере и обратившимся к ней позднее нет никакого различия, потому что мы славны пред Богом не рождением и не воспитанием, а деланием добра. У Бога нет лицеприятия. Тот, кто, обратившись к истинной вере, сделает больше доброго, получит бо́льшую похвалу и награду, даже если он был рожден и воспитан в нечестии.

«Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся» (ст. 12), — продолжает апостол Павел. Те, которые согрешили «вне закона», а применительно к нам — вне христианства, будут судимы как чуждые закона, чуждые и требований его, и его спасительного действия. А те, кто согрешили «под законом» — зная заповеди, но нарушая их, — будут судимы по этому закону, пусть даже они хвалятся своей верой и благочестием, потому что истинное благочестие — это не убеждение только, отвлеченное и умственное, но вся наша жизнь.

Это сопоставление можно перенести на нас, монашествующих, и тех, кто живет в миру и не имеет подробных, точных знаний о духовной жизни. Если мы, зная всё о духовной жизни, будем нарушать заповеди, то осудимся по евангельскому закону, по святоотеческому Преданию: само это Предание будет судить нас. Те же, кто грешил, не имея этого спасительного знания, спасительного потому, что оно содержит учение о нравственной богоугодной жизни, погибнут вне его.

«Потому что не слушатели закона, — рассуждает далее святой апостол Павел, — праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут» (ст. 13). Перед Богом будут оправданы исполнители закона, а не те, которые лишь слышали его и знают его теоретически, говорим ли мы об иудеях, или о благочестивых христианах, гордящихся своим христианским воспитанием, или о нас, монашествующих, порой превозносящихся над мирянами тем, что мы знаем святых отцов и являемся ревнителями благочестия, ревнителями православия.

«Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон» (ст. 14). Под «язычниками» мы также можем понимать три категории людей: язычников в буквальном смысле слова; тех, кто родился в неверии и затем обратился к вере; и, наконец, мирян, которых мы, к сожалению, иногда презираем как невежественных в духовном отношении. Если они, не зная закона, совершают согласное с законом, «то, не имея закона, они сами себе закон». Но как же возможно творить законное, не зная закона?

Некоторые современные философы и ученые считают, что человек произошел от обезьяны, — эту нелепость мы, как ни печально, изучали в школе как безусловную истину. Согласно этому учению никакой морали у человека быть не могло, а значит, мораль — это некая условность, постепенно выработавшаяся в человеческом общежитии. Если она и имеет значение, то лишь как своего рода законы человеческого общества, ограничения, введенные ради того, чтобы люди давали друг другу жить.

Человеческий разум по естеству своему не может познать истину, ибо познание это дается только через Откровение. Существуют философы, которые сомневаются в возможности человека вообще что-либо познать. Но, как будто бы во всем сомневаясь, эти люди, в некоторых отношениях очень выдающиеся, показывают необыкновенное раболепие перед мнениями современных ученых, когда дело доходит до конкретных вопросов. Например, Пирс и Джеймс, основатели самого, можно сказать, скептического направления современной философии — прагматизма, считая сомнение в способности человека к познанию одной из основ своего философского учения, в то же самое время с легкостью принимали дарвиновское учение о

теории эволюции. Почему? Они были порабощены духу времени, и самостоятельность их мышления была мнимой, ограниченной узкими рамками современной антихристианской культуры и цивилизации.

Эти и подобные им мыслители утверждают, что закона в душе человека нет, что внутренне он так и остался зверем и любая нравственность условна. Но мы верим откровению святого апостола Павла, а не случайным человеческим мнениям, которые, в лучшем случае, являются лишь догадками, но никак не истиной. Апостол говорит, что «язычники, не имеющие закона, по природе законное делают», значит, и закон Моисеев, и закон евангельский, новозаветный, содержатся в природе человека. Однако мы столь далеко отошли от этого естественного закона, написанного Творцом в наших сердцах, что нуждаемся в напоминании — законе богооткровенном. Когда мы слышим его, то как будто припоминаем нечто известное ранее и чувствуем истинность закона, так как он находит отклик в нашем сердце. Заповеди совпадают с требованиями нашей совести, которые иногда кажутся нам чрезвычайно строгими, жестокими, даже невозможными для исполнения, но мы тем не менее признаём правоту этих требований.

Вот в чем сила богооткровенного закона: его нельзя считать чем-то посторонним, совершенно чуждым человеку, он представляет собой напоминание забытого нравственного закона, написанного в человеческом сердце, и в этом смысле принадлежит человеку по естеству, по природе. «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон», будучи как бы некой неписанной, сотворенной Богом живой скрижалью.

«Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (ст. 15). И это мы также знаем по собственному опыту: совесть обличает нас в тех или иных проступках, а иногда и в опрометчиво сказанном слове. Так бывало еще до того, как мы отреклись от мира и пришли в обитель, может быть, даже до того, как обрели веру. Искать истину нас тоже, скорее всего, заставила совесть. И вероятно, еще до того, как мы пришли к вере, мы слышали в уме нашем помыслы то оправдывающие, то обвиняющие друг друга. Внутри нас происходил некий спор: «Правильно я поступил или неправильно, хорошо или плохо, так нужно было себя повести или иначе?» Но спор не может быть беспредметным. Если бы мы были совершенно безнравственными, а точнее, вненравственными существами, подобно животным, то зачем нужен был бы этот внутренний спор, пусть даже в результате его мы пришли бы и к неправильному выводу? И тогда, когда нас никто не обвиняет, мы сами обвиняем себя, потому что наш ум исследует веления совести и ищет правильного решения.

Апостол Павел продолжает: «Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся… в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа» (ст. 12, 16). «По благовествованию», то есть по тому учению, которое проповедовал святой апостол, по Евангелию. Итак, знаешь ты закон или не знаешь — это тебя не извиняет. Не знаешь — прислушивайся к своему сердцу, знаешь — слушай, что тебе велит Божественное Откровение, а лучше внимай одновременно и тому, и другому. Ибо в день, когда Бог будет судить мир, все наши тайные дела обнаружатся. Дела — это не только наши поступки, но и то, что происходило в наших мыслях, в нашей душе. Может быть, мы не осуществили каких-нибудь отвратительных намерений только потому, что боялись наказания, а умом услаждались ими и грешили мысленно или, наоборот, хотели сделать что-то доброе, но не смогли, нам не позволили обстоятельства. Так, люди предыдущего поколения многое хотели бы сделать для Церкви Божией, защитить ее, но не могли. Видя своими глазами разрушение храмов и монастырей, осквернение святынь, они вынуждены были всё это терпеть.

Поэтому Господь прежде всего будет судить наши помыслы и намерения: с них начинаются и ими мотивируются все наши поступки. Дело, в глазах человеческих доброе, перед Богом может оказаться великим и тяжким грехом, поскольку его основанием было тщеславие, гордость или корысть, как богомудро рассуждает об этом святитель Тихон Задонский в книге «Об истинном христианстве», в главе «О сердце человеческом». Бог взирает не на внешнее, а на сердце человека, и это тайное и будет судимо по Евангелию, по благовествованию апостола Павла и прочих святых апостолов. Потому мы всегда должны тщательно внимать себе, никогда не оправдываться незнанием и прилагать усилия к тому, чтобы просветить свой разум Божественным Откровением как руководством к действию. Да и наша совесть разве не подсказывает нам, что нужно делать и чего отвращаться, если мы по какой-либо причине этого не знаем? Разве наши собственные мысли не оправдывают нас, когда мы совершаем что-либо доброе, и не обвиняют нас, когда мы грешим? Потому, хотя бы мы вообще ничего не знали, но нравственный закон вложен Господом в нашу природу, в нашу душу, в наше сердце.

В прочитанном нами отрывке из апостольского послания отметим такой интересный факт: апостол Павел сначала рассуждает о законе Моисеевом, а потом вдруг говорит, что Бог будет судить мир не по закону Моисееву, а по благовествованию апостола Павла, то есть по Евангелию. Это значит, что Евангелие — тот же самый нравственный закон, но гораздо более изощренный, более точно и определенно изложенный.

Все христиане, а тем более мы, монашествующие, обязаны быть внутренне собранны, должны всегда исследовать свои мысли, чувства, душу, прислушиваясь к своему разуму, вооруженному знанием Священного Предания, к совести и сердцу, просвещенному благодатью Божией. Не будем превозноситься тем, что мы много знаем, потому что Бог будет судить нас по делам. Знание нас не спасет, и незнание не оправдает. Истинный, благоразумный христианин никогда и ни в чем не ищет себе оправдания, но, укоряя себя, стремится познать истину и приложить ее к своей жизни, не думая, что тот или иной поступок, та или иная ситуация являются чем-то маловажным. Нет, во всем нужно действовать по Евангелию, начиная с внутренней, духовной жизни. Только в этом случае, мы, как истинные христиане, как делающие добро, когда будем судимы по благовествованию святого апостола Павла и других апостолов, будем награждены славой, честью и вечным непоколебимым священным миром. Аминь.

10 июня 2007 года

Неделя 3-я по Пятидесятнице

Рим. 88 зач. (5, 1–10)

Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.

О христианском отношении к скорбям

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит: «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» (ст. 1). Мы оправдываемся не своими делами, даже если они исключительны, не какими-либо человеческими преимуществами или христианскими подвигами, но только своей верой. Имея эту добродетель, мы приобщаемся к крестной жертве Спасителя. Из приведенных слов апостола Павла можно также сделать вывод о том, что, если мы, получив оправдание, приобретаем мир, значит, до этого враждовали с Богом, хотя, может быть, неосознанно. Мы враждуем с Богом не так, как друг с другом: причинить Ему какой-либо вред мы не можем. Мы враждуем с Ним в том смысле, что грешим, нарушаем заповеди, то есть идем против Его воли, против самой своей природы, которая сотворена Богом и имеет в себе естественный нравственный закон. Примириться же с Богом мы можем только в Господе Иисусе Христе и через Него, и никак иначе.

«Через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией» (ст. 2). В чем состоит мир, полученный нами? Он дарует нам доступ к Божественной благодати, в которой мы твердо стоим, если являемся истинными христианами. Ничто не может лишить нас ее, если только мы сами не отвергнем ее своими грехами. Благодать эта есть только предвкушение той славы, которой сподобятся все святые в будущем веке, в особенности, когда произойдет воскресение из мертвых и наступит Страшный суд. Тогда не только душа человеческая, но и тело вкусит Божественную славу. Апостол Павел не говорит, что такое слава Божия, но мы должны понимать это сами, исходя из учения святых отцов, то есть церковного Предания. А не говорит он об этом потому, что это неудобосказуемо. Слава Божия есть, собственно, Божественная благодать. У Бога не такая слава, как у человека. Мы бываем славны, так сказать, чужим мнением, наша слава состоит в том, что другие думают о нас нечто превосходное. Но слава Божия — это излияние Божественных энергий, или действий, столь обильных, великих и сладостных, что назвать их точно невозможно из-за ограниченности человеческого разума, из-за нашей неопытности. Даже духовно опытный человек, сам испытавший славу Божию, едва ли может на человеческом языке передать это другим людям, разве что скажет об этом нечто в превосходной степени. Поэтому и апостол Павел выражается кратко: «В которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией». Хвалимся тем, что в будущем веке вкусим этой славы и станем ее носителями, наподобие того как святые апостолы вкусили славы Божией на горе Фавор и как преподобный Серафим Саровский или другие подвижники просветились ею.

«И не сим только, но хвалимся и скорбями» (ст. 3). Мы хвалимся не только надеждой будущей славы, райским блаженством, которого надеемся вкусить когда-то в Царстве Небесном, но и скорбями, испытываемыми нами сейчас. В этой жизни невозможно оставаться без скорбей. Скорби бывают у нас и от нападок злых людей, являющихся часто орудиями диавола, и оттого, что мы боремся со своими страстями, и от вражды к нам демонов. Если мы истинные христиане, то, как это ни странно, должны хвалиться скорбями, «зная, что от скорби происходит терпение» (ст. 3). Нам же хочется, иногда даже любой ценой, избавиться от как будто бы ненужных, неприятных и мучительных для нас скорбей, хочется пребывать в непоколебимом мире, но это неправильно, да и невозможно. Если бы мы вели себя разумно, согласно учению святого апостола Павла, то хвалились бы скорбями, потому что они, если правильно в них подвизаться, производят терпение, которое есть величайшая добродетель. Но просто терпеть, без всякого исхода, не ожидая никакого утешения, было бы тягостно, наверное, даже невозможно. И апостол Павел далее объясняет: «От скорби происходит терпение, от терпения опытность» (ст. 3–4), или, по-славянски, «искусство». Претерпевая

борьбу со страстями, ведя внутреннюю брань, мы приобретаем духовную опытность. Это не тот опыт, который имеют люди, прожившие долгую жизнь и многое испытавшие, он не приносит ничего в отношении духовной жизни и только, в лучшем случае, помогает человеку переносить и преодолевать жизненные трудности. Притом часто такой житейский опыт — отрицательный, соединенный с ярко выраженным пессимизмом, это скорее горький опыт. Опыт же духовный — совсем иного рода, потому что, как говорит апостол Павел, «от опытности надежда» (ст. 4). Надежда не на то, что наше страдание закончится, а на то, что мы получим благодать Божию, приобщимся к Богу, вкусим благ Царствия Божия. Это надежда на вечную жизнь, «а надежда не постыжает» (ст. 5). В обыкновенных житейских невзгодах надежда часто оказывается неоправданной, а в духовной жизни она всегда оправдывается и потому «не постыжает». Например, мы понадеемся на человека, а он нас подведет: либо обманет, либо окажется не в силах помочь нам, потому что проявит самонадеянность или потому что обстоятельства переменятся. Но Бог не может ни обмануть, ни оказаться бессильным. И ведя брань, мы должны всегда помнить об этом. Если же нам кажется, что мы ничего не получили, то причину нужно искать в себе: то ли у нас терпения не хватило, то ли необходимой опытности не приобрели, и потому наша надежда оказалась тщетной. Значит, не было в нас и должной надежды, но только некая мечта, самонадеянность. Нужно отличать подлинную надежду на Бога от самонадеянности, которая выражается в том, что мы думаем, будто представляем из себя нечто в каком-либо отношении. Надежда является духовным плодом, действием Божественной благодати тогда, когда человек понимает полную свою немощь, несостоятельность, ничтожество, но в то же время в нем сильна надежда на Бога.

«А надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (ст. 5). «Надежда не постыжает» потому, что в наших сердцах есть любовь Божия, то есть любовь Бога к нам, и Он, как всемогущий и человеколюбивый, не может не помочь нам. Любовь Божия столь обильна в нас, что апостол Павел говорит, что она не просто пребывает, а излилась в сердца наши, причем не каким-либо человеческим действием или усилием, но Самим Духом Святым, данным нам.

«Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых» (ст. 6). Здесь говорится о деле спасения человеческого рода вообще, не только современников Спасителя, но и последующих поколений, в том числе нас с вами. Можно для простоты понимания всех людей свести к одному времени, как бы забыть о времени, будто все мы живем в одном мгновении, и вот в этом мгновении Господь Иисус Христос умер за всех нас, когда мы были еще немощными, нечестивыми, бессильными в отношении благочестивой жизни и чуждыми Христа. Глубокое осознание и переживание своей немощи совершенно необходимо, иначе мы забываем о том, что искуплены даром и спасены жертвою Христовою, а не своими, пусть даже необыкновенными, как нам кажется, усилиями или великим подвигом. Если бы крестная жертва перестала на нас распространяться, то вновь стала бы действовать наша глубочайшая немощь, которая сделала бы нас неспособными даже перстом двинуть что-либо нравственное, по евангельскому выражению (см. Мф. 23, 4). Под «определенным временем» можно понимать то время, которое было предопределено, или то время, когда мы были нечестивыми. Отступит благодать Божия, что иногда бывает по нашей, конечно, вине, и вновь мы возвращаемся в свое нечестие, хотя бы даже в том смысле, что вдруг начинаем с услаждением вспоминать какие-то свои прошлые грехи или чувствовать вкус к греховной жизни, уже отринутой нами.

«Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть» (ст. 7). Люди даже за благочестивого, безупречного, праведного человека едва ли решатся умереть, разве только, может быть, за своего благодетеля. Господь же умер не за праведника, не за благодетеля, не за тех, кто благодетельствовал Богу, о чем безумно и

помыслить, но за немощных и нечестивых. Из этого мы познаём безграничную любовь Божию, которую Он простер к нам, когда мы были еще Его врагами.

«Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (ст. 8), то есть когда жили вне всякой нравственности. Надо иметь в виду, что мы читаем зачало из Послания апостола Павла к римлянам, которые были некогда язычниками и жили в совершенном нечестии, идолопоклонстве, разврате, человекоубийстве. Достаточно вспомнить о любимом развлечении римлян — гладиаторских боях, во время которых рабы на потеху публике сражались друг с другом насмерть. Причем зрелище это было любимо не только чернью, но и знатью, людьми как будто бы образованными и утонченными. Только из одного этого примера мы можем понять, как далеко отстояли римляне от благочестивой жизни. И в то время, когда римляне наслаждались гладиаторскими боями и на их глазах проливалась кровь, или в то время, когда мы тешились каким-нибудь другим отвратительным зрелищем, Христос за нас страдал. «Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева» (ст. 9). «Ныне», то есть когда мы уже искуплены, когда мы примирились с Богом, а значит, пребываем в мире с Ним (само слово «примирение» происходит от слова «мир»). Наконец, если мы будем находиться в единении с Богом, то спасемся от гнева.

В этом прекрасном, глубоком поучении святого апостола Павла я обратил бы особое внимание на следующую, наверное, наиболее важную для нас мысль: «Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение» (ст. 3). Даже когда нам бывает очень тяжело, ведь скорбь предполагает, что человек испытывает трудности, переживает некое мучение, борьбу, тем не менее, мы не должны роптать, унывать, отчаиваться или молиться о том, чтобы скорби удалились от нас. Но должны, по слову апостола Павла, хвалиться ими, потому что в этих скорбях мы совершенствуемся. От них, если мы относимся к ним так, как подобает истинным христианам, происходит терпение, заключающееся в том, что мы следуем заповедям Божиим и ради них переносим труд и болезнь. А терпение, в свою очередь, дает нам духовную опытность, о которой писали святые отцы. Ведь все их поучения о борьбе со страстями, о стяжании благодати — это выражение той самой опытности, происшедшей от терпения в скорбях. Читая книги святых отцов, мы, можно сказать, заимствуем их опытность, то есть научаемся правильно вести духовную жизнь. Но мы должны и сами пережить все то, о чем они говорят, их опытность должна стать нашей опытностью. От этого произойдет надежда, никогда не постыжающая нас, потому что мы надеемся на Господа Иисуса Христа, Который не оставит нас никогда. Лишь бы мы исполняли эту заповедь, изложенную апостолом Павлом в кратких словах: хвалиться в скорбях, потому что от этого происходит терпение, от терпения — опытность, от опытности — надежда. Любовь Божия к нам безгранична. Никогда не будем терять надежды, но всегда будем уповать на Бога. Он нас не обманет, не откажется помочь нам по бессилию, как мы иногда вынуждены отказывать в помощи другому человеку, Он всегда с нами. Бог, не пожалевший Сына Своего Единородного для того, чтобы искупить нас от греха, смерти и вечной погибели, тем более сейчас нас не оставит. Мы всегда должны помнить об этом и подвизаться с пламенной ревностью, осознавая, конечно, что выходим победителями не благодаря своему уму и своим усилиям, но благодаря помощи Божией. Проверить же приобретенную духовную опытность можно, изучив святоотеческое Предание и сравнив то, что переживаем мы, с тем, что испытывали святые отцы. Тогда никто не сможет совратить нас со спасительного пути и погубить. Тогда о нас действительно можно будет сказать, что мы получили доступ к благодати, в которой стоим и никогда не падаем. Аминь.

17 июня 2007 года

Неделя 4-я по Пятидесятнице

Рим. 93 зач. (6, 18–23)

Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые. Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная. Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

Рабство праведности как истинная свобода

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем чтении из Послания святого апостола Павла к римлянам речь идет о такой труднопонимаемой вещи, как свобода. Что такое свобода? Как говорит преподобный Силуан Афонский, многие ищут ее, но не понимают ее истинного значения. У нас, христиан, есть свое представление о свободе, основанное на Божественном Откровении. И сегодня мы читаем замечательное рассуждение святого апостола Павла, ясно показывающее нам, что есть истинная свобода, что есть рабство и как мы должны к ним относиться.

«Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности» (ст. 18). Получается, что мы освободились, но свободы не приобрели, потому что, избавившись от одного господина, греха, поработились другому. Пусть он является полной противоположностью нашему первому господину, но, тем не менее, он также нас поработил. Где же свобода? Как может человек стремиться к тому, чтобы стать рабом, потерять свою волю и во всем подчиниться другому? Ведь рабство предполагает полную и беспрекословную покорность. А чтобы вы лучше понимали, какое представление о рабстве было у римлян, приведу существовавшее у них изречение: «раб — это одушевленная вещь». У иудеев, например, по требованию закона, который, может быть, и нарушался, раба на седьмой год отпускали, а у римлян господин имел возможность сделать с рабом все, что ему угодно, хотя, конечно, и у них были вольноотпущенники, многие из которых даже сделали удивительную карьеру благодаря своим способностям. Именно к людям, для которых раб — это одушевленная вещь, апостол Павел пишет: «Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности».

Далее апостол Павел объясняет: «Говорю по рассуждению человеческому» (ст. 19), — то есть не потому, что вы в действительности рабы, поскольку тот, кто стал рабом праведности, приобрел полную, истинную свободу, отличную от свободы мнимой, при которой человек, не подчиняясь другому человеку, раболепно служит ужасному тирану — диаволу. Можно сказать иначе: он покоряется греху, страшному, жестокому деспоту, которым в каждом из нас являются страсти, и делает не то, что хочет и что представляется ему правильным, но то, что тиранически велят ему его собственные страсти. А страсти, по святоотеческому изречению, суть демоны, через страсти диавол владеет нами. Итак, освободившись от рабства греха, мы стали рабами праведности, то есть беспрекословно предали себя в волю Божию, потому что истинная праведность — это исполнение воли Божией.

«Говорю по рассуждению человеческому, — поясняет апостол Павел, — ради немощи плоти вашей» (ст. 19). Наша плоть немощна в двух смыслах. Во-первых, немощен наш разум, который не может правильно понять, что такое свобода и что такое рабство, и ради немощи

человеческого, плотского рассуждения апостол вынужден говорить, что мы стали рабами праведности. Во-вторых, немощна наша плоть, или, правильнее сказать, все то плотское, что в нас есть, хотя бы оно пребывало в душе. И поскольку, как говорит апостол Павел в другом послании, все плотское в нас противится совершенному закону свободы (см. Рим. 8, 7), воле Божией, апостол должен сказать, что мы поработились праведности. Она еще не стала нашим естественным свойством, покорность ей мы не ощущаем как полную свободу, как проявление своей воли, своих святых богоугодных желаний, как освобождение всего доброго, что в нас есть, как освобождение образа Божия от сковывающих греховных привычек. Мы подчиняемся праведности против воли и ощущаем свободу как рабство. В нас есть как бы два человека: один — ветхий, греховный, другой — образ Божий, обновленный Христом. Когда мы порабощены греху, тогда страдает образ Божий, потому что воспринимает грех как рабство. Когда же мы становимся рабами праведности, тогда страдает еще живущее в нас греховное начало, потому что ощущает это как тиранию, лишающую нас свободы делать то, что хочется.

Для некоторых людей это рабство настолько невыносимо, что, например, древний философ Эпикур высказал такую мысль: люди страдают оттого, что их обременяют религиозными законами, которые не дают им свободно жить, потому что устрашают наказанием от богов. Так думали язычники, но и в Новейшее время, когда восставали против христианства, рассуждение Эпикура повторялось. Говорили, что страх наказания от Бога не позволяет человеку свободно жить и наслаждаться жизнью, и в этом все несчастье человека. Освободи его от ненужных, выдуманных законов — и он будет жить счастливо. Таким образом, этот греховный человек, Эпикур, как бы от лица всего человечества высказал свое нежелание подчиняться закону праведности. Конечно, для нас праведность не является рабством в такой степени, мы осознаем, что оно спасительное и благодетельное, но, тем не менее, тяготимся им, когда в нас начинают действовать страсти.

«Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые» (ст. 19). Раньше мы все члены тела предавали в рабы нечистоте. Под нечистотой апостол Павел имеет в виду прежде всего плотские грехи, блуд. Человек, подчинившийся этой страсти, не владеет собой, он действительно становится рабом. Иногда это приносит уже не наслаждение, а мучение даже самой плоти, которая не выдерживает всего ужаса разврата и стенает. Человек страдает физически, но ничего не может с собой поделать, я уже не говорю о нравственном мучении, постоянных упреках совести и глубочайшем душевном опустошении.

«Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию». Апостол Павел не перечисляет все грехи, но выделяет только один, самый отвратительный и ужасный, может быть, самый тиранический — нечистоту, деликатно называя этим словом блуд. А все остальные грехи, такие как богохульство, пьянство, гордость, жестокость и многие-многие другие, апостол называет одним словом — беззаконие. Когда мы были порабощены греху, то внутренне подчинялись нечистоте и беззаконию до такой степени, что совершали беззаконные дела, не зная меры. По-русски переведено двумя словами «на дела беззаконные», а по-славянски одним: «в беззаконие», потому что нечистота — это только часть беззакония, а мы творили его во всем, оно владело нами тиранически, так что переходя от одного греха к другому, мы часто даже не осознавали, что дела наши злы. Ведь безумство, неведение — это также одно из проявлений беззакония. «Так ныне, — говорит апостол Павел, — представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые», то есть подчинитесь праведности по крайней мере не меньше, чем раньше вы подчинялись греху. Апостол упрекает нас в том, что мы служили греху с беззаветной преданностью, как верные рабы, а теперь, поработившись праведности, проявляем двоедушие, робость, малодушие, не хотим идти до конца. Мы не хотим подчиняться

нашему новому прекрасному, святому господину — праведности, хотя он ничего не требует для себя, а желает лишь нашего спасения и освящения. И апостол призывает нас не только поработиться праведности внутренне, но и совершать дела святые.

«Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности» (ст. 20). Замечательное рассуждение. Когда мы были рабами греха, мы тоже были свободными, делали всё, что хотели. Сейчас нам, в особенности монашествующим, ничего нельзя: того не делай, туда не ходи, о другом даже и не подумай. Казалось бы, странная вещь: мы не имеем свободы размышлять о том, о чем хотим, мы должны научиться и ум свой поработить Богу. И хотеть что-то запретное мы не должны, всякое греховное желание мы воспринимаем как врага, который посягает на права нашего господина, праведности, или, точнее говоря, на власть Божию над нами. Нам ничего нельзя, мы как будто бы порабощены, а раньше были свободны — думать могли о чем угодно, делать что угодно, разве что от нарушений государственных законов нас удерживал страх наказания. Ведь мы, может быть, и украли бы в магазине какую-нибудь дорогую вещь, но боялись, что за это нас будут судить. Если бы не страх наказания и стыд перед людьми, то кто знает, до чего бы мы дошли, впрочем, многие и доходят — беззакониям человеческим нет предела. Приведу один страшный пример. Сейчас довольно часто пишут о том, что женщины, видимо, жившие в блуде, выбрасывают своих новорожденных младенцев в мусоропровод. Чаще всего дети гибнут, но иногда каким-то чудом выживают. Эти женщины настолько закоснели в грехе, что воспринимают своих детей как какую-то помеху, от которой можно избавиться таким страшным образом. Их преступление противно человеческому разуму. Животные такого никогда бы не сделали, а человек делает — он свободное существо, он свободен и от своей природы. Но как он пользуется этим, освободившись от праведности? Про убийства я уже не говорю, в наше время убийства за деньги — обычная вещь. Время от времени читаешь: убит такой-то предприниматель. Вот до какой степени некоторые люди освобождаются от рабства праведности. А мы подчас тяготимся им!

Далее апостол Павел спрашивает: «Какой же плод вы имели тогда (или имеют люди, порабощенные греху и поныне. — Схиархим. А.)? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь» (ст. 21). Апостол даже не перечисляет их. Нам бывает стыдно просто вспомнить или назвать те грехи, которые мы совершали до своего обращения, мы через силу говорим о них и тогда, когда приходится это делать на исповеди. А если нечаянно в памяти всплывет что-либо такое, то все наше существо содрогается, нам становится совестно перед самими собой и непонятно, мы ли это были. «Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть» (ст. 21), то есть стыдимся мы не только потому, что эти дела осуждаются другими людьми, но и потому, что конец их — смерть, смерть не телесная, а душевная. Когда благодать Божия, Его слава и милость оставляют человека, он становится духовно мертвым, и, как сожженный в своей совести (см. 1 Тим. 4, 2), способен на любое беззаконие. Душевная смерть — это разлучение души с Богом, когда благодать Божия оставляет человека. Но она только преддверие смерти вечной, в которой человек полностью разлучается с Богом. В будущей жизни страдание от разлуки с Богом усугубляется. И некоторые святые отцы считают, что в разлучении с Богом состоит сущность адских мучений, потому что это страшнее, чем любые муки, понимаемые в узком смысле слова как муки телесные. Мы не осознаём, что, пока мы живем на земле, у нас есть возможность и надежда воссоединиться с Богом через покаяние, даже если мы пребываем в грехах, а после смерти у нас не останется и самой этой надежды. Человек, лишенный Бога и надежды на то, что Он когда-то простит его и осветит Своей Божественной славой, милостью, мертв вечной смертью, смертью второй, как сказано в Апокалипсисе (см. Откр. 21, 8).

«Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная» (ст. 22). Мы должны всегда помнить о том, что плод рабства

праведности и свободы от греха есть святость, и потому надо радоваться, ликовать и благодарить Бога за то, что мы получили возможность стать святыми. Мы, которые раньше служили жестокому тирану, греху, и никак не могли от него освободиться, мы, которые не просто как рабы, а как бессловесные животные, были влекомы им куда угодно, и только Промыслом Божиим сохранены от заклания, — теперь получили свободу от греха. Плодом этой нашей свободной жизни должна стать святость, а святость есть нечто противоположное душевной смерти. В будущей жизни святость становится жизнью вечной, в которой мы воссоединяемся с Богом и наслаждаемся неизреченной славой богообщения.

«Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (ст. 23). Смерть неминуемо следует за грехом, если нет соразмерного ему покаяния, отречения от греха и исправления. Как замечают толкователи, слово «возмездие», употребленное в этом месте в греческом языке, обычно обозначает плату воина-наемника, получаемую им от военачальника. Мы, так сказать, воевали на стороне диавола и получали плату, но конец этого — смерть. Мы как будто бы наслаждались, но расплата нас ждет страшная — смерть и ныне, и в вечности. А то, что мы получаем от Бога, — это не плата, но дар Божий. Во-первых, потому что Бог искупил нас тогда, когда мы были еще грешниками. Мы ничего для Него не сделали, а Он совершил для нас неизреченное благое дело — искупил нас Своей Крестной смертью. Во-вторых, потому что и теперь, когда мы поработились праведности, все, что мы имеем, все, что мы делаем как будто бы своими силами, — это дарования Божии. Ведь, если мы вспомним, что было с нами раньше, то увидим, что иногда мы и хотели сделать добро, потому что совесть упрекала нас, но не имели для этого никаких сил и возможностей. Тогда все было против нас, но сейчас, когда мы делаем добро и имеем плод святости, то должны понимать, что сама возможность жить благочестиво, свято есть дарование Божие, плод которого — жизнь вечная. Мы предвкушаем ее и сейчас, живя духом во Христе Иисусе, наслаждаясь общением с Ним в молитве и Таинствах, а в вечности — соединимся с Ним нераздельно и навеки.

Размышляя над сегодняшним чтением из послания святого апостола Павла, мы должны понять, что наше рабство праведности — это, в сущности, свобода или, по крайней мере, средство к обретению полной свободы, достигнув которой мы станем богоподобными. Все в нас начнет соответствовать Божией воле. Мы будем иметь желания и мысли богоугодные, может быть, даже божественные. Ведь апостол Павел говорит: «Мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2, 16), и значит, человек может достичь такого состояния, в котором он будет думать, как Христос, иметь только святые, чистые и истинные мысли, чуждые всякой лжи и скверны. Когда же наша немощная плоть, наш ограниченный, скудный разум противятся божественной, богодарованной свободе и начинают воспринимать ее как рабство, мы должны отринуть эти мысли. Божественный Павел сказал нам о рабстве праведности только ради немощи нашей плоти. Духом Святым он открыл нам, что в действительности мы не рабы, так как освобождены Богом для свободного служения Ему, но по немощи, может быть, по нерадению, мы еще не совсем достигли этого состояния и даже теоретически не до конца постигаем его. И мы должны всегда помнить об этом и бороться с собой для того, чтобы поработиться Богу полностью. Когда же мы достигнем полного, беспрекословного порабощения Ему, так что уже не будем иметь ничего своего, тогда вдруг осознаем и почувствуем, что на самом деле мы получили беспредельную, божественную свободу и стали так близки и дороги Богу, настолько любимы Им, что Он сделал нас своими сынами и дщерями. Аминь.

24 июня 2007 года

Слово в Неделю 5-ю по Пятидесятнице

Рим. 103 зач. (10, 1–10)

Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией, потому что конец закона — Христос, к праведности всякого верующего. Моисей пишет о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им. А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо? то-есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то-есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем, то-есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.

О подлинной ревности

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит: «Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение» (ст. 1). Апостол рассуждает об Израиле, поскольку римляне, к которым обращено это Послание, в то время, видимо, превозносились над израильтянами из-за того, что те в основной своей массе не приняли христианства. Впрочем, мы имеем об этом несколько превратное представление. Согласно данным некоторых исторических исследований христианство приняло до трети еврейского народа, а ведь это очень значительное число. Для сравнения скажем, что у нас в России сейчас подлинно православными являются лишь несколько процентов населения. В апостольские времена человеку, принявшему христианство, грозило лишение не только имущества и родины (что случилось с апостолами), но даже и жизни. А потому он не мог быть нерадивым христианином, но совершал все, что требовал от него долг веры. Следовательно, для лучшего понимания ситуации нужно сравнивать общее число христиан первых веков с числом самых ревностных и, выражаясь несколько казенным языком, практикующих прихожан нашего времени. А таких в русском народе, по разным подсчетам, от одного до, самое большее, пяти процентов. Пять процентов составляют двадцатую часть. Итак, сравним: до трети евреев обратились в христианство, двадцатая часть россиян являются подлинно православными, живущими согласно своей вере. Значит, не так уж и мало было принявших христианство израильтян. Тем не менее, апостол Павел желает, чтобы ко Христу обратился весь народ, ибо израильтяне имели для этого гораздо больше оснований, чем язычники. Потому-то и было для всех удивительно, что те, которые ожидали Христа, не приняли Его, а те, которые никогда о Нем не слышали, стали Его последователями и учениками. Однако апостол Павел предостерегает: не нужно злорадствовать над заблуждающимися иудеями, потому что хотя они и гонят Церковь и враждебны по отношению к ней, но могут покаяться. Святой Павел говорит так потому, что сам был гонителем Церкви и знает, что неразумная ревность, не соединенная с подлинным знанием Священного Предания и пониманием богооткровенной истины, дает мыслям человека неверное направление, так что он формально верит закону Моисея, пророкам, а в действительности не понимает их.

Поэтому апостол Павел далее говорит: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению» (ст. 2). «Ревность не по разуму» — это всем нам известное славянское выражение, мы часто повторяем его, когда хотим дать характеристику человеку, имеющему неправильную ревность. У всех нас в той или иной степени такая ревность проявляется, например, когда мы, сами имея ревность, осуждаем тех, кто, с нашей точки зрения, ее не

имеет, кто нерадив. Или заботимся о второстепенных вещах, допустим, о соблюдении устава, но забываем о заповедях. Или ревнуем о православии, но что такое собственно православие, не знаем и считаем, что истинно православный не должен принимать идентификационного номера или документы нового образца. Все это можно в широком смысле назвать «ревностью не по разуму». Однако слова апостола следовало бы перевести иначе, потому что славянское выражение мы понимаем неправильно. По-славянски «разум» — понимание, знание. Мы же, употребляя выражение «ревность не по разуму», имеем в виду человека ревностного, но неразумного. Более точный перевод — «ревность, не соответствующая знанию», «ревность без знания». О каком знании идет речь? Конечно же, не просто о знании закона. Ибо кто знал закон, как не иудеи, изучавшие его с детства? Даже некоторые женщины-израильтянки были законоучителями, хотя это случалось исключительно редко. Мальчики начинали изучать закон, Священное Писание и толкования Писания с четырехлетнего возраста. (В поздние времена толкования заимствовались из сборника иудейских вероучительных истин, Талмуда, и были, конечно же, неправильными.) В средние века, когда почти вся Европа была неграмотной, евреи, напротив, все поголовно были грамотны. К тому возрасту, когда можно было вступать в брак, а браки у них были очень ранние, они уже знали основы вероучения. Тем, кто были успешны в учении, позволялось в дальнейшем ничем более не заниматься, кроме как изучением Священного Писания и предания (предания, к сожалению, того самого, которое Спаситель осуждал как человеческое). Столь почетным считалось это дело. Если так было в средние века, то, надо думать, и во времена Спасителя образованию уделялось чрезвычайно большое внимание и человек неграмотный, а таких было большинство из двенадцати апостолов, считался презренным и грешным, потому что не мог в точности соблюдать закон, не будучи знаком с ним в полной мере. Иудеи придавали громадное значение грамотности, но учились они не с целью получить образование в современном смысле слова, то есть приобрести широкие, разнообразные познания, а с целью изучить закон Моисеев, пророческие книги, старческие предания. Поэтому упрекать евреев в том, что они не имели знания закона, нельзя. В этом смысле именно римляне не знали ничего, за исключением некоторых, принявших веру Моисееву до проповеди Христовой; по иудейскому преданию, их называли пришельцами. Значит, речь идет о другом знании. Это знание сердечное, которое сейчас мы назвали бы истинной верой, — его-то у большинства израильтян времен апостола Павла не было. Они имели только теоретическое познание, а не опытное знание истины. Поскольку сердце иудеев было слепо, или, как выражается апостол Павел в ином месте, «покрывало лежит на сердцах их» (см. 2 Кор. 3, 15), постольку их ревность устремлялась не в том направлении и они, между прочим, преследовали христиан. В частности, апостол Павел много пострадал от своих единоплеменников, имевших ревность не по разуму. Тем не менее, несмотря на вражду с их стороны, он находит в них и нечто похвальное. Да, говорит он, ваша ревность хороша, но, к сожалению, нет в ней самого главного — подлинного знания, иными словами, знания духовного.

«Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией» (ст. 3). Иудеи не понимали, что истинная праведность даруется Богом. Невозможно приобрести ее человеческими трудами и усилиями. Между прочим, сейчас много таких людей (в какой-то степени к ним относимся и мы), которые думают, что праведность можно стяжать своими собственными усилиями. Это очень распространенное и стойкое заблуждение. Однако наши труды — это лишь свидетельство нашей искренности, а может быть, и проявление уже в какой-то степени действующей в нас праведности Божией. Если мы будем следовать этой праведности, нашедшей в нас место и живущей в нас, то она будет увеличиваться, усиливаться, пока не обымет наше сердце и вообще все наше существо.

Вместо того чтобы надеяться на милость и помощь Божию, действующую только через Христа,

посланника Божия, Мессию, единственного, через Кого можно спастись, иудеи думали помимо Него, собственными усилиями утвердить свою праведность. Но это невозможно, потому что для этого нужно исполнить весь закон. В нас происходит нечто подобное. Хотя мы искренно верим во Христа и принимаем Его, однако, забывая о своей вере и о том, что без Господа, по выражению Евангелия, мы не можем творить ничего (см. Ин. 15, 5), мы в чем-то надеемся на себя и пытаемся утвердить свою праведность — формально правильную, однако основанную на человеческом усилии. Часто наш разум обманывает нас, и вместо праведности мы пытаемся исполнить свои фантазии, придавая им чрезвычайно большое значение. Мы боремся, трудимся, нам кажется, что мы достигли какого-то успеха, но все напрасно. Хорошо, когда человек видит, что у него ничего не получается, и очень плохо, когда он мнит, будто бы исполнил все намеченное, начинает гордиться своими мнимыми достижениями и приходит в ослепление. Подобное состояние, которое вполне обоснованно можно назвать прелестью, ведет его к погибели. Никто не способен вразумить такого человека, как не способен был никто обличить, вразумить и привести к покаянию иудеев, мнивших, будто бы они исполнили всё, тогда как они исполняли лишь предания человеческие, пренебрегая заповедями Божиими, по обличению Самого Спасителя (см. Мк. 7, 8).

«Они не покорились праведности Божией». Праведности Божией нужно покориться и умом — в смысле понимания, и сердцем — в смысле чувства, и волей — в смысле исполнения. Нужно принять ее, а не пытаться заменить собственными представлениями и делами человеческими, не соответствующими заповедям Божиим.

«Потому что конец закона — Христос, к праведности всякого верующего» (ст. 4). Для израильтян концом закона стал Христос, потому что закон, по выражению апостола Павла, был их детоводителем ко Христу, по-гречески — педагогом (см. Гал. 3, 24). И как ветхозаветный закон должен был привести иудеев ко Христу, так и закон евангельский, которому мы следуем, должен привести нас к Нему, чтобы мы поняли, что только Он один может нам помочь исполнить Его заповеди. Ни мы сами, пусть даже мы имеем какие-то дарования, ни кто-либо из окружающих нас людей ничем не сможет нам помочь, если Христос не осуществит все в нас и для нас. Мы должны познать это опытно, иначе уподобимся иудеям, так как, исповедуя Христа, будем придерживаться их духа. Спаситель, например, обличал наиболее преданных Ему учеников, двенадцать апостолов: «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Мф. 16, 6). Здесь идет речь о фарисействе: именно фарисеи надеялись на свои добрые дела, на свою безупречную праведность. Значит, можно иметь истинную веру, умом придерживаться учения Христова и в то же время в душе хранить фарисейскую закваску, по духу быть фарисеем.

Иудеи только тогда обрели бы праведность, когда познали бы Христа. Так и мы обретем праведность, если познаем Его опытно, а не только от чтения святоотеческих книг или духовной литературы по догматическому, нравственному, сравнительному богословию. Даже аскетическая литература, если мы читаем ее только из любопытства и не умеем или не хотим применить ее ко всему многообразию своей внутренней жизни, оказывается для нас тем, чем для иудеев был закон Моисеев. Плох ли закон Моисеев? Плох ли пророк Моисей, или Исаия, или Иеремия, или другие? Плохи ли они все? Кто скажет такую хулу? Они прекрасны, и прекрасны аскетические творения святых отцов. Но если иудеев не смог вразумить и привести ко Христу пророк Моисей или Исаия, который ясно говорит о Христе, из-за чего даже назван «пятым евангелистом», то и нас не смогут привести к сердечному, опытному познанию Христа ни святые отцы, ни аскетические писатели, если мы на себе не испытаем, что конец закона — Христос и только в Нем и с Его помощью мы, как и всякий верующий, приобретаем истинную праведность, не человеческую, а Божию.

Можно измыслить себе какие-то установления или заимствовать их от других людей. Поскольку эти установления человеческие, мы бываем способны их исполнить и, исполняя,

гордимся: вот какие мы хорошие и праведные. Но когда речь идет о праведности Божией, о заповедях Божиих, мы обнаруживаем, что человеческими силами исполнить их невозможно и что здесь мы нуждаемся в помощи Божией, во Христе. Во время Божественной литургии священники приветствуют друг друга словами «Христос посреде нас» — «И есть, и будет». А святой праведный Иоанн Кронштадтский, глубоко переживая подлинность присутствия Христа, говорил так: «Христос посреде нас, живый и действуяй». Вот пример человека, который пережил это опытно. Потому он и стал тем, кем мы его знаем.

«Моисей пишет о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им» (ст. 5). Действительно, исполнивший его жив будет им — жив не только в том смысле, что Господь сохранит его телесную жизнь, но и в том, что он обретет жизнь духовную, жизнь духа, жизнь в Боге. Однако нужно правильно понимать слова «исполнивший его». Кто может собственными усилиями исполнить закон? Из Священного Писания мы знаем, что, пока не пришел Христос, и великие праведники впадали иногда в такие согрешения, которые нас смущают и ужасают. Даже люди, имевшие пламенную любовь к Богу, в те времена не могли исполнить всего. Поэтому они ожидали пришествия Мессии с жаждой, ибо знали, что сами ничего не сделают, пока Господь не пришлет обетованного Мессию-Христа, и только с Его помощью, а не своими усилиями они могут стать праведными и быть помилованы, только в Нем они могут освятиться. Мы же, поскольку прилагаем мало усилий и слабо понуждаем себя к жизни по заповедям, постольку и не приходим к внутреннему ощущению того, что без Христа мы не способны ничего сделать. Нам кажется, что мы не делаем просто потому, что не до конца еще напряглись или пока не хотим делать. Мы находим и другие объяснения, а может быть, не думаем об этом вообще. Исполняем какой-то минимум и полагаем, будто этого достаточно. Потому и не познаём той истины, что понуждение себя к праведности от закона учит искать Христа как единственного помощника в ее достижении. Мы имеем великое преимущество по сравнению с древними праведниками, потому что Христос уже пришел — лишь бы мы прибегли к Нему.

«А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо? то есть Христа свести» (ст. 6). Апостол Павел противопоставляет праведность от закона, связанную с исполнением всех дел, что, впрочем, невозможно, с праведностью от веры, при которой человек надеется не на свои дела и усилия, а на Христа. О Его пришествии в мир апостол далее и рассуждает. Для чего нужно взойти на небо? С намерением умолить Бога о том, чтобы Христос сошел на землю спасти человечество. Не знаю, как было во времена апостола Павла, но в более поздние времена некоторые из иудеев считали, что Христос существует от века и живет на небесах. Может быть, это мнение имеет в своей основе понимание той истины, что Христос — это не просто человек, но Сын Божий. А может быть, мнение это совсем неправильно и заключается в том, что от века существует душа Христа. Так, по крайней мере, думали в религиозном иудейском течении хасидизме в XVIII–XIX веках. Хасидские праведники, цадики, самой главной целью своей жизни считали цель умолить Бога, чтобы Он быстрее послал Христа. Конечно, они заблуждались, потому что Христос уже явился, но отсюда мы можем сделать вывод о том, что, вероятно, и в древности евреи в особенности усердно молились о пришествии в мир Христа, как бы стремились взойти на небо, чтобы ускорить начало Его спасительной миссии. Но апостол Павел рассуждает так: «Не говори в сердце своем: кто взойдет на небо? то есть Христа свести», иными словами, не сомневайся, потому что Христос уже пришел, Он уже явился.

«Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести» (ст. 7). Он воплотился, совершил Свою спасительную миссию, был распят и воскрес, и ты не должен в этом сомневаться. Все необходимое для нашего спасения уже совершено.

«Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем, то есть слово

веры, которое проповедуем» (ст. 8). Чтобы исполнить волю Божию, не нужно странствовать, искать, потому что слово Божие близко к нам. Настолько близко, что оно, можно сказать, находится в нас. Евангелие, Божественное Откровение, христианское вероучение — по-разному можно назвать это слово, которое «в устах наших и в сердце нашем». Теперь нам уже нечего искать, уподобляясь иудеям, думающим: кто взойдет на небо или кто сойдет в бездну? Ибо все уже совершилось: Христос сошел с небес и воплотился, Христос сошел в бездну и воскрес из мертвых, освободив всех заключенных там адских узников.

То, что «близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем», нужно познать не только умом, но и опытно, а опытное постижение чрезвычайно трудно и болезненно. Оно, можно даже сказать, добывается через страдание. При этом мы должны помнить слова Иисуса, сына Сирахова: «Без опыта нет знания» (см. Сир. 34, 10). Услышать от кого-то что-либо — это только начало знания, некое введение. Представьте себе, мы прочли предисловие книги и на этом остановились. Поскольку содержания самой книги мы не знаем, то у нас может сложиться превратное представление о ней. Итак, теоретическое знание, то есть вера от слышания, является началом подлинной, сердечной веры. К приобретению этой веры и призывает нас апостол Павел, когда говорит о слове веры, которое проповедует он, другие апостолы и вообще Церковь Христова.

«Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» (ст. 9). Значит, мы должны исповедовать Иисуса Господом прежде всего устами. Не думайте, что правильного образа мыслей достаточно. Жизнь — вот что необходимо! «Устами» — значит исповедовать перед другими. Не всегда следует исполнять это буквально, хотя при необходимости мы должны обязательно поступить по слову апостола. В первохристианские времена эти слова имели чрезвычайное значение. Да и у нас несколько десятилетий назад за исповедание устами можно было лишиться, как минимум, работы и влачить нищенский образ жизни. А еще раньше, во времена сталинского террора, можно было лишиться свободы и самой жизни. В особенности священнослужители нашей Церкви полагали свою жизнь за то, что исповедали Иисуса Христа устами.

Называть Иисуса Господом не значит всего лишь произносить «Иисус — это Господь», но значит понимать, что Человек Иисус есть не просто исторический персонаж, пусть и чрезвычайно интересный, удивительный, гениальный, но — Господь и Бог. И это уже не одно только признание Христа как подлинного исторического лица, а духовное знание. Исповедуя Иисуса Господом устами перед другими людьми, мы должны и своей жизнью являть это исповедание.

Веровать сердцем — значит веровать совершенно искренно и полно, глубочайшим образом. Если бы мы исполнили эти простые слова, то вся наша жизнь преобразилась бы! Но наше сердце колеблется, смущается, и мы должны честно себе в этом признаться. Признаться не в том смысле, чтобы самих себя назвать неверующими и думать, будто в этом выражается смирение, но в том, чтобы осознать, что вера наша не вполне укоренилась в сердце, не объяла его целиком. Вы помните из Божественного Евангелия повествование о явлении воскресшего Спасителя Своим ученикам и ученицам. Как долго они колебались, сомневались, пока, наконец, сердцем не приняли как будто бы очевидную и, можно сказать, осязаемую истину Воскресения. Нам в некотором смысле и легче, и труднее, но мы должны принять эту истину именно сердцем, ибо то, в чем человек убежден сердцем, он считает подлинно своим убеждением, а не одним из возможных мнений.

Если мы будем «сердцем веровать, что Бог воскресил Его из мертвых», то, по словам апостола Павла, спасемся. Ибо в конечном счете речь идет о спасении. О спасении от греха, от зла, не

только окружающего нас, но и пронизывающего наше существо, враждующего против нас изнутри. Но самое главное — спастись от вечных мук, для того чтобы вечно пребывать в общении с Господом Иисусом Христом и через Него с Пресвятой Троицей. Другого пути ко спасению и богообщению не существует. Далее апостол Павел объясняет, для чего нужно все то, о чем он сказал.

«Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (ст. 10). Как можно стать праведными, если мы не поверим сердцем? Да, мы считаем, что надо вести себя нравственно. Но не может быть в человеке праведности, то есть безупречности, если он не уверовал сердцем, если все его сердце не объято любовью к Господу Иисусу Христу. Сам по себе человек не может исполнить всех Господних заповедей, многотрудных для него по той причине, что он заражен грехом. Кроме того, необходима христианская жизнь, явная для людей, а не только внутренняя праведность, которая может быть соединена с лицемерным, нехристианским поведением, вызванным будто бы извинительными причинами. Этого быть не должно.

Итак, вот что значит иметь подлинную ревность. Не такую ревность, какую имели израильтяне, не такую, какая проявляется в нас, — ревность не по разуму, но ревность, соединенную со знанием. Знанием не теоретическим, а опытным (первое в лучшем случае является лишь началом второго). Если я сам что-то испытал или был участником каких-либо событий, то никто меня не убедит, что этого не было. И каждый из нас, услышав о вере в воскресшего Иисуса Христа, сначала принимает это умом, соглашается с этим. Но мы должны пережить это еще и опытно, в сердце. Должны войти в богообщение, соединиться с Господом Иисусом Христом, жить с Ним, знать Его так, как знаем друг друга, самих себя, и даже больше. Тогда ревность наша будет спасительной. А когда мы обращаем ее на что-то внешнее, то в лучшем случае она отвлекает нас от подлинного пути ко спасению.

Веровать нужно сердцем, а когда сердце переполнено Богом, тогда, по словам Спасителя, «от избытка сердца глаголют уста» (см. Лк. 6, 45). Если в нашем сердце Христос, то и на устах наших будет Христос и мы не сможем сказать ничего дурного. А некоторые люди и совсем не могут говорить, потому что упоение от общения с Господом Иисусом Христом замыкает их уста и делает этих людей погруженными в себя. Такое состояние чрезвычайно ценно. Мы должны к нему приобщиться хотя бы в какой-то степени, иначе не сможем противостоять греху. Ибо нас охраняют не внешние предписания и тем более не монастырские стены и стены келий, но Иисус Христос, и только Он. Поэтому мы должны непрерывно пребывать в Нем. Ревность о стяжании такого состояния есть подлинная и, пожалуй, даже единственно важная для нашего спасения. Она соединена с опытом, без которого знания не бывает. Чтобы не уподобиться иудеям, знающим закон, но не понимающим его, мы должны подвизаться с целью войти внутрь себя и там вступить в богообщение. Тогда мы станем истинными христианами и получим свидетельство того, что мы уверовали сердцем к праведности и, устами исповедуя Иисуса Христа, в особенности в непрестанной молитве, устремляемся ко спасению в вечности. Аминь.

1 июля 2007 года

Неделя 6-я по Пятидесятнице

Рим. 110 зач. (12, 6–14)

И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, — в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием. Любовь да будет

непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о страннолриимстве. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте.

О многоразличных христианских служениях как дарованиях Божиих

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел, обращаясь к римлянам, говорит следующие дерзновенные слова: «И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры» (ст. 6). Значит, насколько в тебе раскрыт дар веры, насколько сильно она в тебе действует, настолько ты можешь пророчествовать. Удивительно, что рядом с этим необыкновенным дарованием апостол Павел ставит хотя и нравственные и возвышенные, но все же обычные человеческие служения, о которых мы будем рассуждать дальше. И если пророчествовать должно по мере данной человеку веры и совершается это по благодати Божией, то можно сделать вывод о том, что и прочие духовные дарования, перечисляемые далее апостолом Павлом, также действуют в нас по благодати и в зависимости от степени нашей веры. Но если пророчество справедливо считается сверхъестественным и самым возвышенным дарованием, о котором сам апостол Павел говорит: «Ревнуйте более всего о даре пророческом как наиболее полезном для назидания Церкви» (см. 1 Кор. 14, 1 и 12), то важно понять, как правильно относиться к другим дарованиям, которые он ставит наряду с ним?

Апостол Павел продолжает: «Имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, — в учении» (ст. 7). Под служением большинство толкователей понимает дар священства, различные степени священства в Церкви. Таким образом, служение в священном сане приравнивается к пророчеству, ведь и оно не есть нечто человеческое, обычное, но является сверхъестественным даром Божиим. Апостол Павел здесь же говорит об учительстве. Мы считаем учительство делом обыкновенным, потому что учитель, как нам представляется, занимается этим, пусть и значимым, нужным делом, на основании своих естественных способностей. Но это не так. Да, разносторонне образованный человек, имеющий дар слова, может учить, но истинное учительство, о котором говорит апостол Павел, есть дар свыше.

Далее он пишет: «Увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» (ст. 8). Обратимся к славянскому переводу этого стиха: «Аще утешаяй, во утешении; подаваяй, в простоте; предстояй, со тщанием; милуяй, с добрым изволением». Итак, мы должны увещевать, утешать (все это оттенки одного греческого слова), не пренебрегая этим дарованием, или, как сказал апостол о другом благодатном даре, не нерадя о нем (см. 1 Тим. 4, 14). Хотя эти сверхъестественные Божественные дары даются нам свыше, необходимо проявлять усердие, чтобы они пришли в действие, а не пребывали в нас как некая возможность, которой мы по своему нерадению можем пренебречь. Дар Божий дан нам для того, чтобы приносить людям пользу.

«Раздаватель ли, раздавай в простоте». В славянском переводе такой человек назван «подающим». Оказывается, тот, кто подает милостыню и помогает нуждающимся, также может быть приравнен к пророку. Неважно, делает ли он это из собственных, предоставленных ему Промыслом Божиим средств, или использует церковное имущество.

Мы по привычке всегда осуждаем богатых людей, презираем их, словно каких-то грабителей. В лучшем случае говорим о них, что они милостыней замаливают свои грехи, а грехов у них, как

нам представляется, конечно же, больше, чем у людей бедных. На самом деле это не так — и бедные люди могут быть отъявленными злодеями. Например, вор, не имеющий никакого имущества, разве не бедный человек? Потому он и ворует, что беден. Неправильное отношение к богатству у русских возникло во времена безбожного коммунистического режима, когда всякий состоятельный человек считался эксплуататором и угнетателем и по этой причине был заведомо плох. Но апостол Павел говорит, что если такие люди раздают нуждающимся то имущество, которое они нажили собственным усердным трудом и благодаря своим способностям, значит, это дарование свыше. И это дарование столь ценно, столь значимо, что апостол Павел, повторю, соотносит его с даром пророческим.

Для большей ясности приведу такое сравнение. Вспомним покойного протоиерея отца Николая Гурьянова. К нему съезжались со всей России именно для того, чтобы получить пользу от пророческого дарования, которым он, несомненно, обладал. В глазах верующих людей он велик. Но в то же время если какой-нибудь богатый человек, бизнесмен раздает милостыню с усердием и в простоте, то есть со смирением, не превозносясь тем, что он делает, то и он велик, и он вдохновлен на это свыше.

«Начальник ли, начальствуй с усердием». Начальствующий в Церкви, будь то епископ, игумен монастыря или настоятель храма, должен не просто быть назначенным на это место — он также должен иметь дарование от Бога. Ведь, собственно, взирая на это дарование, видя в человеке не только естественные, но и освященные благодатью или даже дарованные свыше способности, его и находят достойным начальствования. Между прочим, в древности существовали даже особые молитвы на возведение человека в ту или иную должность. И сейчас, когда настоятель монастыря возводится в сан игумена, читается особая молитва. А в некоторых Церквах, например в Элладской, и по сей день существуют молитвы на поставление в сан духовника, эконома и другие (у нас, к сожалению, они не употребляются). Этим самым Церковь показывает, что поставление на ту или иную руководящую должность есть дарование свыше и для прохождения этого послушания одного человеческого усердия мало — нужна Божественная помощь.

Что же понимается под начальствованием, для чего вообще нужно начальство в Церкви? Не для того, чтобы распоряжаться наследием Божиим и господствовать над ним, что обличает апостол Петр, запрещая это делать (см. 1 Пет. 5, 3), а для того, чтобы служить людям, как и Сам Спаситель сказал: «Кто хочет из вас быть большим, тот пусть будет всем слугой» (см. Мф. 20, 26). Таким образом, руководители в Церкви являются слугами для всех верных, занимаясь их духовным окормлением и распоряжаясь церковным имуществом. И человек, если он истинный начальник, должен исполнять свой труд с усердием, не пренебрегая даром Божиим, потому что, начальствуя, он служит людям, а каждый человек — образ Божий.

«Благотворитель ли, благотвори с радушием». Простое милосердие к людям, которое может выражаться не только в благотворении, но и в добром слове, назидании, моральной поддержке, также является даром Божиим. Если мы милуем человека и оказываем ему помощь, то должны это делать не с упреком или высокомерием, не с чувством превосходства, а «с радушием», или, по-славянски, «с добрым изволением»; в переводе епископа Кассиана — «с веселостью». Мы должны помогать людям с радостью, поскольку радость, приветливость есть уже проявление милости. Как и Спаситель заповедует: «Приветствуйте даже врагов ваших» (см. Мф. 5, 44–47; Лк. 6, 27 и 35). Приветливость, веселость, радушие — это необходимые свойства всякого христианина, которые он должен проявлять даже по отношению к врагам.

Далее апостол Павел говорит: «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру» (ст. 9). Все перечисленные апостолом дарования можно применять по отношению к братьям и сестрам во Христе только с непритворной, нелицемерной любовью —

той, которая является нашим внутренним укорененным свойством, а не той, которую мы проявляем лишь наружно, для людских глаз. При этом мы должны помнить, что, несмотря на все дарования свыше, несмотря на действующую в нас любовь, мы, тем не менее, имеем в себе одновременно и нечто дурное, греховное, и подвергаемся разным соблазнам. И потому апостол Павел прибавляет: «Отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру». В нас постоянно происходит борьба. Мы должны отвращаться от всего дурного, искушающего нас — происходит ли это в помыслах, или же соблазны окружающей действительности проникают в нас через чувства. Нам нужно возненавидеть зло и отвергать его с гневом. Отвергая злое, необходимо прилепляться к добру, соединяться с благим. Так любовь будет развиваться и укореняться в нас и через те дарования, какие нам даны свыше, пророчество ли то, милосердие или начальствование, она начнет распространяться на всех людей.

Апостол Павел, говоря о любви, отмечает, что мы должны иметь братолюбие, то есть в особенности любить своих по вере. Причем это братолюбие не должно быть формально добрым отношением. Апостол описывает эту добродетель необыкновенным образом, если можно так выразиться, по-домашнему. Синодальный перевод этих слов звучит так: «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью» (ст. 10). К сожалению, если мы иногда и делаем друг другу нечто доброе, то нежность в нас — увы, — встречается редко. У нас, скорее, имеет место некая снисходительность, грубоватость. Мы думаем, что если делаем какое-либо добро нашему брату или сестре, то это позволяет нам допускать в обращении с ними некую фамильярность, в иных случаях даже хамство. Апостол же Павел говорит о нежности.

Приведу славянский перевод этих слов: «Братолюбием друг ко другу любезни». Интересно перевел эти слова епископ Кассиан (Безобразов): «В братолюбии будьте друг с другом как родные». Стоящее здесь греческое слово имеет множество смысловых оттенков и переводчики, желая подчеркнуть тот или иной из них, используют разные синонимы. Итак, мы должны любить друг друга нежно, как родных. Когда между членами семьи такая любовь, то они снисходят друг ко другу, никогда не скажут грубости и, даже когда нет никакой нужды в помощи, одним лишь добрым расположением поддерживают и утешают друг друга. Такой семьей должны быть и мы.

Далее следует еще одно очень актуальное для нас рассуждение апостола Павла: «В почтительности друг друга предупреждайте» (ст. 10). Любовь должна сопровождаться уважением друг к другу. Как-то раз я встретил одного Христа ради юродивого (не могу сказать, подлинный ли он был подвижник или прельщенный), который произнес интересную фразу: «Мне не дано любить ближнего, мне дано его уважать». И сейчас, читая в Священном Писании заповедь о почтительности к ближнему, я вижу, что его слова происходили от опыта. К сожалению, мы считаем, что если любим человека, то можем его презирать, иногда даже сильнейшим образом. А оказывается, нужно любить с нежностью, да притом еще и уважать, и предупреждать друг друга в почтении.

Грубоватое, фамильярное обращение кажется нам, повторю, само собой разумеющимся. Как ни печально, но этот недостаток встречается и у нас, пастырей: часто мы, чувствуя, что люди нам подчиняются, начинаем обращаться с ними фамильярно. А должно быть не так. Расскажу про отца Иоанна (Крестьянкина) — истинного пастыря, в чем сомневаться не будет никто. Он ко всем обращался на «вы», в том числе и ко мне, когда я к нему приходил, хотя по возрасту он годился мне чуть ли не в деды. А ведь к нему приходили и люди младше меня, и ко всем он обращался на «вы», проявляя почтительность.

Итак, нужно быть почтительными. Не ожидать от кого-то выражения этой почтительности, а затем отвечать тем же — нет, нужно друг друга в этом предварять. Допустим, кто-то относится ко мне безразлично или с презрением, а я проявляю к нему нежную любовь, да еще и особую

почтительность. Поступая так, я, скорее всего, постепенно расположу к себе этого человека, а если нет, то хотя бы исполню заповедь Божию и получу награду уже не от людей, а от Бога.

«В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите» (ст. 11). Все перечисленные апостолом дарования, необходимые нам для служения Богу, нужно исполнять усердно, не ослабевая в этом усердии, не успокаиваясь никогда. К сожалению, с годами у многих людей ревность ослабевает. Человек обращается к вере, пламенно желает сделать что-то особенное, а потом успокаивается, и религиозная жизнь становится для него некой привычкой. К сожалению, подобное происходит и с монашествующими. Когда человек отрекается от мира и избирает этот особенный путь, в этот момент в нем, несомненно, действует ревность. Но с годами монашеская жизнь становится для него слишком привычной, обыкновенной, и у человека возникают сомнения, правильный ли он сделал выбор.

В деле спасения необходимо постоянное тщание, как говорится в славянском переводе: «Тщанием не лениви, духом горяще». Дух человеческий должен всегда гореть ревностью, благодатью Божией, действующей в нем. Ведь и благодать Божия оставит нас, если собственное наше усердие угаснет или уменьшится. Подстрочный перевод этих слов с греческого языка такой: «Усердием не медлительны, духом кипя». Когда человек проявляет какую-то неспешность в служении Богу, в творении добрых дел, то эта медлительность, как говорит преподобный Иоанн Лествичник, является разновидностью лукавства. Этого допускать нельзя. «Духом кипите» — так звучат слова апостола Павла в буквальном переводе, и, может быть, это самое точное выражение. Все в нас должно быть в движении, как в кипящей воде, а не в спокойствии, когда остывшая душа подобна снятой с огня воде, поверхность которой сразу же успокаивается. Такого быть не должно, иначе мы не сможем исполнить следующих слов апостола Павла: «Господеви работающе», а если перевести буквально: «Господу рабски служа». Как мы сможем рабски служить Богу, то есть совершенно беспрекословно исполнять малейшие желания нашего Господина, называемые заповедями, если не будем кипеть духом, если душа наша не будет бурлить от ревности и благодати Божией? К сожалению, наш дух начинает кипеть тогда, когда мы заражаемся какой-либо страстью, например гневом, блудной страстью. А благодать Божия не может привести нас в такое состояние — не потому, что она бессильна, а потому, что мы сами своим нерадением препятствуем ей в нас действовать.

«Утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы» (ст. 12). Мы должны одновременно и радоваться в надежде, и терпеть в скорбях. И то и другое случается с нами. Если бы Богу угодно было спасать нас одною радостью, одною надеждой на вечные блага или на приобретение духовных дарований в этой жизни, тогда не было бы скорбей. Но сам апостол Павел, как он о себе рассказывает, терпел многочисленные скорби: кораблекрушения, нападения от разбойников и другие. Неужели Бог не мог его от этого сохранить? И если апостол в своих страданиях и скорбях подражал Христу, совершившему Свой путь ради нашего спасения через невыразимое страдание и унижение, то и мы также должны подражать апостолу Павлу, как он Христу (см. 1 Кор. 4, 16). И надежду иметь, и радоваться в надежде, ибо она помогает нам терпеть скорби. Однако не нужно думать, что должна быть лишь одна надежда, которая бы нас столь утешала и услаждала, что скорби от этого как бы и вовсе исчезали. Пока мы живем на земле, такого быть не может. В скорбях — суть христианского пути. И потому, имея надежду на то, что Господь через скорби ведет нас к спасению, мы должны, несмотря ни на что, радоваться и терпеть все страдания.

Для этого необходимо исполнить и следующие слова апостола Павла: «В молитве [будьте] постоянны» (ст. 12). Апостол Павел, как он часто это делает в своих писаниях, напоминает нам о непрестанной молитве. Именно ему принадлежат знаменитые слова: «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5, 17). Итак, для того чтобы сохранить и умножить данные нам свыше дарования, преподать их людям, нужно иметь надежду, нелицемерную любовь, благоговение и

уважение друг к другу, нужно радоваться в скорбях — все это мы сможем обрести, если будем непрестанно молиться. Если же будем надеяться на себя, то все потеряем, потому что сил человеческих не хватит это осуществить, если не будет помощи свыше. Помощь же свыше даруется непрестанно молящемуся.

«В нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о страннолриимстве» (ст. 13). Во времена апостола Павла страннолриимство имело особое значение, потому что христиане, преследуемые и иудеями, и язычниками, нуждались в поддержке от своих собратьев. Поэтому всякому приходящему из другого города, из другой церковной общины необходимо было оказать посильную помощь. В то время это был долг каждого христианина. И сейчас мы должны быть такими — имея, конечно, некоторую осмотрительность, чтобы к нам не вкрались, по выражению апостола Павла, лжебратия (см. Гал. 2, 4). Под участием в нуждах святых понимается милостыня, собираемая со всех общин и посылаемая нуждающимся. Тогда в наиболее бедственном положении находилась Иерусалимская община, преследуемая своими соплеменниками. Часто у ее членов насильно отбирали имущество, и потому необходимо было поддерживать эту общину, которая являлась матерью всех Церквей.

К нам это апостольское наставление имеет отношение в том смысле, что мы обязаны заботиться о содержании нашей Церкви. Имеет какой-то доход наша монашеская община — она должна уделять из него часть для поддержания деятельности епархии. Епархия, в свою очередь, выделяет часть дохода для поддержания деятельности патриархии. Может быть, это кажется чем-то прозаичным, а иногда вызывает у нас досаду, поскольку есть у нас и свои нужды, тем не менее это соответствует заповеди апостола Павла. Таким образом мы принимаем участие в нуждах всех святых. Святыми апостол Павел называет всех верующих во Христа, подчеркивая этим призвание каждого из них к святой жизни.

Заканчивается сегодняшнее апостольское чтение призывом апостола Павла распространять свою любовь даже на тех, кто нас преследует: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте» (ст. 14). Нам нельзя не только мстить, отвечать злом на зло, но даже и на словах высказывать какое-либо неудовольствие по отношению к тем, кто нас преследует, враждебно относится к Церкви. Нельзя относиться неприязненно и к тем, кто, формально находясь внутри Церкви, доставляет скорби живущим во Христе (например, хулит монашество, клевещет на тех, кто стремится угождать Богу в этом звании, и всячески поносит их), будь то по зависти, по сатанинскому действию или по какой-либо другой причине. Мы должны этих людей не проклинать, а благословлять. Может быть, Господь когда-нибудь коснется их сердца, и они опомнятся.

Приведу пример из жизни. Один еврей в шестидесятых или семидесятых годах прошлого, XX столетия обратился в христианскую веру, после чего стал подвергаться преследованиям от своих родителей. В то время всякий верующий был, с точки зрения коммунистического безбожного режима, сумасшедшим. Если веришь в Бога, значит, лишился рассудка, — так рассуждали коммунисты. Этого человека подвергали насильственному лечению, пока он не сбежал от своих родителей. Подвизаясь в горах близ Сухуми, он спасался не только от их преследований, но спасался и в духовном смысле, принял монашество. Потом, когда началась перестройка и все переменилось, он по каким-то причинам был вынужден уйти с гор. К тому времени родители его обратились к вере, и если и не стали его непосредственными духовными чадами, то, по крайней мере, пользовались его назиданиями. Настолько могут меняться люди!

Апостол Павел учит благословлять, а не проклинать наших гонителей, возможно, по той причине, что сам был гонителем, сам преследовал Церковь Божию. Но, когда ему явился Господь, он совершенно переменился, стал избранным сосудом Божиим, потрудился более других апостолов. Откуда нам знать, не явится ли через некоторое время сегодняшний

гонитель защитником Церкви, ревнителем благочестия или благотворителем монашества? И поэтому мы должны поступать по заповеди апостола Павла: благословлять гонителей наших, то есть желать им всякого добра, говорить о них хорошо, извинять их заблуждения и козни против нас. Все прощать, всему снисходить. Истинный христианин — тот, кто имеет любовь. Преподобный Силуан Афонский сказал, что признаком действия в нас благодати Божией является любовь к врагам. Если нет в нас любви к врагам, значит, нет и благодати Божией. Правильнее, наверное, было бы сказать: мало благодати Божией. А полнота благодати, безусловно, обнаруживается в любви к врагам. И апостол Павел учит нас служить людям нашими духовными дарованиями, будь то пророчество или просто раздача милостыни, в духе любви. Наставляет нас любить друг друга с нежностью и почтением, более того, даже на врагов и гонителей наших распространять эту любовь и благословлять их. Вот каким должно быть служение истинного христианина, вот что значит дарование свыше!

Если человек пророчествует, но не имеет любви, то, как говорит апостол Павел, он — «медь звенящая» (1 Кор. 13, 1). Все, в конечном счете, сводится к любви. И все дарования есть проявление любви, служение любви. Стяжали мы любовь — значит, стали подлинными, внутренними христианами, а не христианами лишь на словах. Значит, сердце наше приняло Христа и Евангелие. А если мы делаем только нечто малое и внешнее, значит, не исполнились еще духом Христовым. И потому, следуя такому возвышенному рассуждению апостола Павла, а правильнее сказать, откровению, будем укрепляться в этом служении любви. Будем служить людям тем дарованием, которое нам дано, ибо каждый должен заниматься своим делом. Пророчествующий может не иметь дара начальствовать, а начальствующий — пророчествовать. Каждый в своем служении должен с любовью совершать свой подвиг и тогда получит награду от Бога и принесет пользу ближним. Аминь.

8 июля 2007 года

Неделя 7-я по Пятидесятнице

Рим. 116 зач. (15, 1–7)

Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию. Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня. А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду. Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа. Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию.

Истинное могущество — в любви

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел в Послании к римлянам говорит такие слова: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (ст. 1). Конечно, апостол обращается здесь не только к римлянам, но и ко всем христианам, в том числе и к нам — в особенности к тем из нас, кто имеет силу духа и превосходит других в ревности и вере. Действительно ли мы превосходим других или, может быть, напрасно так думаем о себе, потому что на самом деле не таковы? Можно предположить, что апостол Павел обращается здесь и к подлинно сильным, и к тем, кто только мнит о себе таким образом. Однако скорее речь идет о действительно духовных людях, потому что апостол Павел говорит «мы». Если бы он сказал «вы, сильные», тогда можно было бы увидеть в этом некоторое обличение, намек на самомнение и гордость.

Однако он говорит «мы», то есть «я, апостол Павел, и вы», значит, считает, что люди, к которым он обращается, в каком-то смысле ему подобны.

«Мы, сильные, должны сносить (или, как говорит славянский текст, «носить». — Схиархим. А.) немощи бессильных». Наша сила должна проявляться не в том, чтобы осуждать других, обличать, притеснять их и подавлять, но в том, чтобы носить их немощи. Если ты силен, то прежде всего должен быть силен именно в этом отношении. Есть люди с некоторыми духовными немощами — мы даже не называем их грехами, и апостол Павел избегает этого слова. Бывает, что человек не может исполнить какую-либо добродетель или понести некоторую строгость — он бессилен. И если ты не можешь терпеть в других людях их нравственных недостатков, заблуждений, непонимания духовных истин, то у тебя на самом деле нет сил поднять чужие немощи. Духовная сила, как мы видим из слов апостола Павла, должна проявляться в первую очередь именно в этом.

Но ведь «носить немощи» — это абстрактное выражение, как это нужно понимать и осуществлять? «И не себе угождать» — вот что говорит апостол Павел. Не себе мы должны угождать, не своего искать. Пусть даже речь идет не о сластолюбии, не о чем-то телесном или земном, а о нашей духовной ревности и наших духовных стремлениях. Тем не менее и в этом мы не должны угождать себе, думая только о том, чтобы получить большую благодать и больше преуспеть, пренебрегая немощными людьми, презирая тех, кто не может за нами поспеть, не понимает нас и по сравнению с нами не имеет ревности.

«Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию» (ст. 2). Нужно угождать ближнему — и это не человекоугодие. Иногда некоторым людям, которые под предлогом ревности и бескомпромиссности строги к другим, я советую: «Будьте человекоугодливы, подлизывайтесь (простите за такое слово) к человеку, старайтесь всячески ему угодить». Таким грубым и бесчеловечно ревностным христианам этот совет очень подходит. Если бы они начали человекоугодничать, так сказать, лебезить перед ближними, то, может быть, это как-то уравновесило бы их неуместную, жестокую ревность.

Хотя, если быть совсем точным, то нужно сделать оговорку, которую делает апостол Павел: ближнему нужно угождать «во благо». Угождать ему не в чем угодно, не потакать его страстям, немощам и греховным наклонностям, закрывая на них глаза, жалея его неразумной жалостью, которая для него погибельна. Но угождать ему во благо, то есть делать для него то, что полезно для его спасения. Ведь истинное благо — то, которое имеет отношение к вечности, а не к чему-то земному (в крайнем случае, это земное должно быть по отношению к вечности нейтрально, безвредно). Мы должны об этом помнить, когда занимаемся таким богоугодным человекоугодием. Тогда оно не становится тем пороком и страстью, которую осуждают святые отцы и о которой, между прочим, прекрасно рассуждает святитель Игнатий (Брянчанинов) в проповеди «О любви к ближнему», различая истинную любовь к человеку и человекоугодие.

«Угождать ближнему, во благо, к назиданию». Наше поведение должно иметь целью назидание человека. Не в том смысле, что мы должны совершать какие-то добродетели напоказ, а в том, что нам нужно заботиться о пользе ближних: всегда думать о том, как они на нас посмотрят. Не из человекоугодия или тщеславия, не с той целью, чтобы хорошо выглядеть в их глазах, но для того, чтобы и само наше поведение, и наши слова принесли им пользу. Иногда мы, может быть, правильно что-то делаем или правильно что-то ближнему говорим, но из-за его немощи наши правильные слова и поступки становятся для него соблазнительными. И таким образом мы даже отталкиваем людей от Церкви или угашаем в них ревность. Например, человеку, преткнувшемуся в брани, мы говорим жестокие слова обличения. Но ведь от этого он не поднимается, а впадает в еще большее уныние и отчаяние, и мы, всё верно сказав, приносим ему вред. Можно было бы привести множество примеров нашего неразумного поведения.

Истинный христианин, который, подобно апостолу Павлу, действительно силен духом, силен не в мире вещественном, а в ином, вышеестественном, — должен проявить свое могущество прежде всего в любви. Иначе можно заподозрить его в том, что он не имеет этой подлинной духовной силы, то есть благодати Божией, и только мнит о себе нечто несоответствующее действительности.

Дальше апостол Павел приводит прекрасный пример угождения людям, который всегда будет иметь значение для всех нас: «Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на меня» (ст. 3). Может быть, нам более известен славянский перевод слов псалма, которые приводит здесь апостол: «Поношения поносящих Тя нападоша на Мя» (см. Пс. 68, 10). Христос не Себе угождал, Он не следовал пути, по которому мог бы идти безгрешный и совершенный человек, Каковым Он был по Своей человеческой природе, но искал нашего спасения и угождал нам, потому что пришел в мир и совершил Свой спасительный подвиг ради нас. Мы должны понимать это не в том смысле, что Он угождал грешникам, а в том, что Он старался всех спасти и снизойти до всякого человека в его немощи, в его грехах. Наконец, Он даже сошел душою Своею во ад, чтобы освободить заключенных там от адских уз, если бы они последовали Его проповеди или были бы хоть сколько-то к этому способны и достойны сего.

«Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на меня». Господь принял на Себя чрезвычайное поношение. Злословия злословящих Бога, и, может быть, даже вообще все поношения и вся та хула, которая когда-либо была произносима в этом мире, в конце концов как бы сосредоточились и всей своей силой обрушились на Господа Иисуса Христа. Как в Своем Рождестве, когда Он возлег в яслях для скота, и во время всей Своей жизни и проповеди Он подвергался всевозможным уничижениям, так и сама смерть Его была унизительна. Он умер на Кресте, как говорит пророк, «умаленный паче всех сынов человеческих» (см. Ис. 53, 3). Само уничижение Сына Божия до уровня человека уже является чрезвычайным смирением, но Он был «умален паче всех сынов человеческих» и смирен более, чем какой-либо человек когда-либо. И все это было сделано Им ради угождения нам, чтобы извлечь нас из той бездны греха, из той грязи, в которой мы находились. Мы никогда не были бы спасены из нее, если бы не помощь свыше, совершенная таким удивительным образом, через уничижение, непостижимое для человеческого разума.

«А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду» (ст. 4). Эти слова относятся к пророчеству: «Поношения поносящих Тебя пали на меня», которое относится и ко Христу, и ко всякому человеку. Всякий человек, верующий в Бога, сподобляется в своей жизни вытерпеть ради Него какие-то поношения, бо́льшие или меньшие. В этом мы подражаем Христу, и в этом Он уподобляется нам, только в чрезвычайной степени. Что каждый из нас терпит отчасти, то Он испытал во всей полноте, насколько это было только возможно.

Во всех скорбях, преследующих истинно верующего человека на протяжении всей его благочестивой жизни, он должен иметь надежду на то, что все это не случайно, что это совершается ради его спасения и когда-нибудь принесет ему награду. У нас должно быть терпение, но возможно ли терпение без утешения? Нам надлежит терпеть, утешаясь наставлениями, получаемыми из Священного Писания. Апостол Павел говорит о ветхозаветном Писании, мы же должны еще в большей мере пользоваться Новым Заветом, который во времена апостола Павла только создавался.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса» (ст. 5). Когда мы станем терпеть сами и будем способны укрепить в этом других, то есть, будучи сильными, понесем на себе немощи бессильных, тогда мы приобретем

единомыслие между собой. А иначе более преуспевшие будут осуждать менее преуспевших, а те начнут поносить высших себя за жестокость и бесчеловечность, и никакого единомыслия у нас не будет. Снисхождение друг к другу во всех отношениях должно быть принципом христианской жизни. Именно в этом проявляется любовь. Не в каких-то абстрактных словах или мыслях, не имеющих отношения к жизни, но в том, что мы деятельно снисходим к нашим ближним, прощаем и носим немощи друг друга.

В ином месте апостол Павел говорит так: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Так часто бывает: кто в одном отношении силен, в другом оказывается бессильным. Очень редко можно встретить людей, достигших какого-то хотя бы относительного совершенства и на самом деле соответствующих учению апостола Павла о духовной силе. Чаще всего бывает так: кто-то имеет добродетель, например кротость, но не имеет молитвы, а тот, кто преуспел в молитве, отличается, допустим, гневливостью. Если я считаю себя сильным и поэтому снисхожу к другому, то должен понимать, что и тот немощный, к которому я снисхожу, тоже, может быть, снисходит ко мне в том недостатке и пороке, который я за собой не замечаю. Существует бесконечное разнообразие сочетания добродетелей с немощами и страстями человека, и потому мы все вынуждены друг к другу снисходить. Иначе нам было бы невозможно жить вместе, тем более быть христианами и составлять единое общество, а монашеская община является образом всей Церкви Христовой.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса». Отсюда мы видим, что единомыслие, например, в христианских догматах также происходит от снисхождения друг к другу. Это кажется странным, но на самом деле не удивительно, ведь «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), а мы, снисходя друг к другу, этим самым являем любовь. Если мы рассмотрим учение о Боге в нравственном отношении, то скажем: «Бог есть любовь». А если мы захотим кратко сказать о Боге в догматическом отношении, то скажем: «Бог есть Троица». Но если мы познали Бога-Троицу, то познали и Бога-Любовь, эти вещи нельзя друг от друга отделить. Когда мы их отделяем, то делаем это условно, и если человек знает одно, а не знает другого, значит, он не пребывает в богообщении, не знает Бога опытно, а только слышал от других и запомнил какие-то истины, которые стали для него отвлеченными категориями. Когда мы любим Бога, то храним правильные догматы. И в то же время когда мы любим Бога, то любим и ближнего. Из любви к Богу вытекают эти две как будто бы разные, совершенно не относящиеся друг к другу вещи.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса». Между прочим, во время Божественной литургии Церковь от лица всех верующих исповедует эту истину и придает ей, таким образом, очень большое значение. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». И хор, от лица всех молящихся, восклицает: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Значит, из любви следует единомыслие и правильное вероисповедание.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (ст. 5–6). От любви друг к другу происходит единодушие и мы имеем «единые уста» для того, чтобы славить Бога. Тогда наше вероисповедание превращается не в отвлеченную истину, а в то, что соединяет нас в общей молитве. А где двое или трое — а тем более множество — собрались во имя Божие, там и Господь посреди них (см. Мф. 18, 20). Вот какова сила единодушия и единомыслия! Но, конечно, здесь имеется в виду не любое единомыслие. Не такое, при котором мы просто соглашаемся с каким-то образом мыслей или учением, лишь бы только не спорить друг с другом, а единомыслие в богооткровенной истине. Любовь друг к другу дарует нам такое единомыслие, а оно, в свою очередь, является началом любви к Богу.

«Посему, — восклицает апостол Павел, — принимайте друг друга» (ст. 7). Простые слова, но сколько в них смысла! Если мы внимательно читаем Священное Писание, то в какие-то моменты вдруг замечаем, что в этих книгах изложены не отвлеченные рассуждения, а опыт, пережитый теми или иными людьми, пророками и апостолами. И мне кажется, в этих простых словах апостола Павла совершенно очевиден опыт его любви. «Принимайте друг друга». Ведь мы на самом деле не хотим принять друг друга во многих отношениях: в ком-то нам не нравится та или иная черта характера, те или иные взгляды, привычки, манеры, а иногда даже внешность. А мы должны принять человека таким, какой он есть. Это не значит, что нам нужно примириться с его грехами — нет, мы не имеем права этого делать. Ведь и Господь Иисус Христос, хотя и простил наши грехи, но не одобрил их. Далее апостол Павел говорит: «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» (ст. 7). Спаситель принял нас такими, какими мы были, ожидая нашего покаяния и даже предоставив нам средства для него и долготерпя о нас.

Апостол Павел неоднократно призывает нас: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Апостол Иоанн Богослов также говорит: «Как Он ходил, так и вы должны ходить» (см. 1 Ин. 2, 6). И если мы хотим подражать Христу, то, наверное, в первую очередь мы должны подражать Ему именно в этом: принимать друг друга, как Он принял нас. Заповедь «принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» можно сравнить со словами молитвы Господней: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Спаситель, толкуя эти слова, предупреждает нас: если мы не простим ближним согрешений, то и Бог не простит нам согрешений наших. Значит (продолжим параллель), если мы не хотим принимать друг друга, то и Господь Иисус Христос нас не примет.

Мы должны принимать человека со всеми его немощами, любить его и во всем снисходить к нему, невзирая на то плохое, что мы в нем видим, и что, может быть, в нем действительно есть. Ведь Господь Иисус Христос возлюбил нас и пострадал за нас, когда мы были еще грешниками, как рассуждает об этом святой апостол Павел (см. Рим. 5, 8). И если мы будем так делать, то прославим Бога, подобно тому как величайшая слава Божия проявилась в бесконечно снисходительной любви Сына Божия, Господа Иисуса Христа ко всем людям, в том числе и к нам. Как Он прославил Бога Своей необыкновенной и неизреченной любовью, так и мы в своем снисхождении друг к другу прославляем Бога, потому что уподобляемся Господу Иисусу Христу.

Я повторю еще раз: если мы действительно почитаем себя сильными или хотим видеть себя такими, то проявим свою силу прежде всего в снисхождении друг к другу. У нас должно хватить сил подъять немощи ближнего и терпеливо нести их, может быть, через всю нашу жизнь. Аминь.

15 июля 2007 года

Неделя 8-я по Пятидесятнице

1 Кор. 124 зач. (1, 10–18)

Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. Ибо

Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия.

О пагубности разделений в Церкви

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшнее чтение из Первого послания святого апостола Павла к коринфянам чрезвычайно актуально как для нашей обители, так, думаю, и для всей Церкви. Сказанное апостолом Павлом в I столетии не перестало быть значимым потому, что тот недостаток церковной жизни, о котором пойдет речь, имеет место и сейчас. Мы хорошо знаем это поучение святого апостола и тем не менее вновь и вновь уклоняемся от правильного следования Евангелию, которое составляет сущность церковной жизни.

«Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях» (ст. 10). Апостол Павел обращается с обличением к своим духовным чадам, к своим пасомым, а как апостол Христов — также и ко всем нам. Для того чтобы мы не противились ему и приняли обличение с бо́льшей легкостью, с бо́льшим смирением, апостол обращается к нам с отеческой любовью и даже ставит себя наравне с нами: «Умоляю вас, братия». Согласно этому выражению мы равны святому апостолу. И действительно, перед Христом все равны. А почему апостол Павел к нам так обращается, мы поймем из дальнейших размышлений над его словами.

«Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно». Естественно, если мы братья, если мы христиане и имеем одного Господа — Иисуса Христа, то мы должны говорить одно и то же, у нас не должно быть ни в чем разделения. Мы должны быть «соединены» или, как говорит славянский текст, «утвержде́ни» «в одном духе и в одних мыслях». Нам подобает думать одинаково, причем не формально соглашаться друг с другом, а быть согласными друг с другом «в духе». Придерживаться не только одного образа мыслей, но и одного настроения.

О чем же говорит апостол Павел? Почему он напоминает нам о том, что во имя Господа Иисуса Христа мы должны говорить и думать одно и то же? Потому что у коринфян возникло следующее уклонение: «Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры» (ст. 11). Этот факт стал известен апостолу от тех, кто к нему пришел и точно обо всем рассказал, поэтому сомневаться в нем не приходится. Апостол Павел сказал: «От домашних Хлоиных сделалось мне известным», чтобы коринфяне не пытались оправдываться. Видимо, коринфяне этих людей хорошо знали и понимали, что апостол Павел обладает достоверной информацией, и тот недостаток, в котором он их обличает, не надуман.

«Я разумею то, что у вас говорят: „я Павлов“; „я Аполлосов“; „я Кифин“; „а я Христов“» (ст. 12). Почему коринфяне так говорили? Потому что одни обратились от проповеди апостола Павла, другие — от проповеди святого Аполлоса, третьи — от проповеди Кифы, то есть апостола Петра. Некоторые же считали себя непосредственными учениками Христовыми. Последние, наверное, были самыми гордыми, потому что остальных ставили ниже себя, ведь те являлись учениками и последователями людей, а они — Самого Сына Божия. И Церковь разделилась: каждый называл себя по имени своего духовного руководителя и считал себя принадлежащим ему.

Есть ли этот недостаток в наше время? Он чрезвычайно распространен. К сожалению, и в

нашей святой обители он тоже имеет место. Одни говорят, что принадлежат такой-то старице, другие — другой, чуть ли не спорят, какая из них лучше, соперничают между собой. Некоторые же заявляют: «А я — чадо самого отца Авраама!» Эти, наверное, самые гордые, они не хотят признавать никого, кроме одного отца Авраама. На самом же деле, все ваши духовные руководители: старицы, духовник — все мы одного духа. Духа не отца Авраама, что утверждать было бы нелепым до безумия, — я надеюсь, что мы все одного духа Христова. Хочется думать, что своего я ничего не выдумал, но придерживаюсь учения подвижников благочестия, в особенности русских — святителя Игнатия (Брянчанинова) прежде всего. Сам святитель Игнатий, перефразировав известное евангельское изречение Спасителя, говорит о себе: «Мое учение — не мое, а святых отцов» (ср.: Ин. 14, 24). Получается (вернее, должно получиться в идеале) так: своего у нас ничего нет, наше руководство — святоотеческое учение, оно, в свою очередь, восходит к апостольскому Преданию, которое является учением Христовым, поскольку апостолы были учениками Спасителя. И если отец Авраам сказал нечто оригинальное, то есть отличное от святоотеческого Предания, то нужно предпочесть святоотеческое Предание — чтобы, во-первых, не погрешить самому, а, во-вторых, не подвергнуть отца Авраама осуждению за то, что он своей ошибкой кого-то соблазнил. Исправьте ошибку отца Авраама! Это пойдет на пользу и вам, и ему — он не будет отвечать за свой невольный грех.

К сожалению, этот недостаток есть не только в нашей обители, но и в нашей епархии, и во всей Церкви. Каждый говорит о себе: я — чадо такого-то духовника, а я — такого-то. Бывает, что и у пастырей возникает взаимная ревность. Один говорит: «Не ходите к такому-то, он неправильно говорит, ходите только ко мне». Другой утверждает противоположное. Получается хуже, чем в миру. Например, среди порядочных врачей такого нет: по врачебной этике врач не имеет права говорить о другом враче плохо, потому что недоверие пациента к доктору мешает лечению. Таким образом, Церковь раздирается на какие-то отдельные, изолированные группы. И чем больше такой нездоровой ревности в каком-либо духовнике или руководителе, тем более изолированной становится группа. Получается уже не Церковь, а секта. Иногда доходит буквально до сектантского сознания. Такого не должно быть. Если даже мы уверены, что наш духовник учит правильно, лучше других (в том смысле, что наиболее точно следует святоотеческому Преданию), то это не значит, что мы должны презирать всех остальных. Если бы мы стремились сохранить единство Церкви, то никого и ни за что не презирали бы и считали бы всех своими братьями и сестрами, независимо от того, являются они чадами нашего духовника или находятся в послушании у какого-нибудь другого священника или епископа. Учение Христово должно всех нас объединять. Если бы все христиане его придерживались, то куда бы мы ни пошли, услышали бы одно и то же.

Иногда доходит даже до национального разделения! Многие русские думают так: Русская Православная Церковь самая святая, а все остальные погибают. Греки, мол, всю ревность потеряли, у них уже ничего нет — все держится на нас. В XV–XVI веках, в связи с падением Константинополя, среди русских было популярным такое выражение: «Русская земля ныне благочестием всех одолела». И мы до сих пор это повторяем, забывая о том, что сейчас не XVI век, а XXI и что в современной России регулярно посещает храм максимум несколько процентов населения. И среди некоторых греков существует подобное настроение, они говорят о себе: «Мы — народ богоизбранный, Священное Писание преподано на греческом языке, святые отцы в большинстве своем — греки, а что может быть у русских, этих варваров?» Вот так происходит разделение Единой Апостольской, Вселенской Церкви.

Каждую литургию, а может быть, и в течение дня, во время разных молитвословий, мы произносим Символ веры, в котором есть такие слова: «Верую… во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». «Соборная» — значит собранная из всех народов и во все времена.

Другой перевод греческого слова «Кафолическая» — «Вселенская». Мы говорим, что верим в Единую Вселенскую, Соборную Церковь, а на деле, в своем уме раздираем ее. Раздираем между старицами в монастыре, раздираем между духовниками, раздираем между патриархами, а она ведь едина и в Греции, и в России, и в Румынии, и в Болгарии, и в Сербии. Единая Церковь во всех православных странах, везде, где догматическое учение Церкви хранится неповрежденным, где правильно совершаются Таинства. Ее не меньше в Грузии, например, чем в России, и не больше в Греции, чем в России. Даже в Иерусалиме ее не больше, чем, скажем, в Москве. Везде совершаются одни и те же Таинства, везде живет одна и та же Церковь. Мы не должны допускать никаких разделений, но обязаны хранить и беречь это вселенское сознание, начиная с того малого общества, каким является наш монастырь, и распростирая это сознание действительно до пределов земли.

И апостол Павел говорит: «Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (ст. 13). Он говорит только о себе, не желая, чтобы его превратно поняли, если бы он, пусть даже в виде допущения, говорил о святых Аполлосе и Кифе. Но суть состоит вот в чем: каким бы великим ни был наставник, пусть даже он самый выдающийся во всех отношениях духовник: мудрый, богопросвещенный, благодатный, но распялся за нас не он, искупил нас не он, и крестились мы не в его имя, а во имя Христово. И мы должны об этом помнить. Когда человек принимает святое Крещение, то дает обеты не человеку, который его крестит, каким бы великим он ни был, а Господу Иисусу Христу. И хранить мы должны учение не той или иной старицы, а учение Христово. Собственно говоря, никто из наших наставников ничему иному учить и не собирается, это было бы просто кощунственно. Неужели, если я вас постриг (а постриг — это второе Крещение), значит, вы принадлежите мне? Нет! Не мне, а Христу.

Апостол Павел показывает, что человек не принадлежит тому, кто совершил над ним Таинство, и превозносит благовестие перед совершением Таинства, потому что благовестие объединяет, а крестят волей-неволей разные люди. «Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя» (ст. 14–15). Видимо, древние коринфяне доходили и до такого мнения. Апостол Павел благодарит Бога за то, что своими руками крестил всего лишь нескольких человек: он проповедовал, а Таинства совершали бывшие с ним священники или епископы. «Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю» (ст. 16). Этим апостол показывает, что не придает значения тому, кто конкретно совершает Таинства. Повторю: важно то, что крещены мы во имя Господа Иисуса Христа.

«Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова» (ст. 17). Итак, не важно, кто крестил, и даже — кто благовествовал, важно, что благовествовали. Разумеется, и апостол Павел, и святой Аполлос, и святой апостол Петр, называемый здесь Кифой, проповедовали одно и то же Евангелие. И мы с дерзновением утверждаем, что, несмотря на свою немощь, проповедуем то же Евангелие, что и святые отцы со святыми апостолами, разве только по своей духовной и умственной немощи в этой проповеди погрешаем. Вы же должны обращаться к незамутненному источнику, и, перечитывая святых отцов, а в первую очередь Священное Писание, исправлять погрешности ваших наставников, кто бы они ни были: я, или другой какой-нибудь священник, или епископ, или патриарх, или человек, совершающий чудеса или обладающий даром прозорливости. Над всеми нами, как некое духовное небо, усыпанное звездами, находится Священное Предание, которое содержит учение тех или иных святых отцов, проповедующих, впрочем, одно и то же. Вот чему мы должны следовать. Конечно, и у святых отцов есть некоторые разногласия. Для подобных случаев Церковь избрала такой подход: когда мы видим у святых отцов разногласия по некоторым важным вопросам, тогда должны следовать мнению большинства из них. Таков критерий, позволяющий нам определить, что в святоотеческих писаниях является

человеческим — принадлежащим людям святым, духовным, но тем не менее способным ошибиться, а что является тем самым апостольским Преданием, которое передается через века и живет в Церкви.

Апостол Павел подчеркивает, что он благовествовал «не в премудрости слова», то есть имели значение не философия, логика, диалектика, красота слога, а то, что он проповедовал крест Христов. Когда мы слишком надеемся на себя и предпочитаем внешнюю сторону внутренней, крестная проповедь теряет свою силу. Если человек забывает о цели своей проповеди, то она превращается в самоцель, как бывает у некоторых искусных ораторов, могущих говорить на любую тему, однако без убеждения и благодати. Апостол Павел говорил не так. «Не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова» — вот какова была его проповедь.

«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (ст. 18). Вот на что мы все должны обращать внимание. В ином месте апостол Павел говорит: «Я ничего не желаю знать, кроме Христа, и притом распятого» (см. 1 Кор. 2, 2). Когда мы будем внимать слову о кресте, которое для погибающих юродство, или безумие, тогда не будем придавать значения человеческим различиям. Мы всеми силами души и тела будем стремиться следовать Божественному Евангелию, невзирая на то, через кого мы получаем это учение. Пусть мы получаем его даже от человека немощного, с какими-то нравственными недостатками. Но если он проповедует неповрежденное Евангелие, проповедует его так, как понимали и проповедовали его святые апостолы и святые отцы, так, как они по нему жили, то мы, принимающие проповедь этого человека, поступаем мудро, потому что взираем на крест Христов, который для спасаемых есть сила Божия. Эту силу Божию в смирении, в сораспятии Христу мы и должны искать, а не превозноситься нелепыми вещами, как древние коринфяне: «„я Павлов“; „я Аполлосов“; „я Кифин“; „а я Христов“» или, как у нас в монастыре сейчас говорят: «Я принадлежу такой-то старице», «а я — такой-то». Конечно, старицы отличаются друг от друга: одна, может быть, говорит пространно, другая — кратко, одна проявляет строгость, другая, как кажется, — мягкость и доброту. Но все они, думаю, искренно стремятся к тому, чтобы проповедовать одно и то же святоотеческое аскетическое учение. Вы же должны воспринимать это, не поддаваясь всяким нелепым разделениям, и не превозноситься тем, что вы — чада такого, как вам кажется, хорошего духовника, потому что много есть и других хороших духовников. Кроме того, может получиться так, что у хорошего духовника плохие чада, а у какого-нибудь более скромного духовника — гораздо более ревностные и духовно преуспевшие, ведь многое зависит и от вас. Один при плохом и неопытном духовнике становится благодатным подвижником, а другой при рассудительном не получает никакой пользы и поэтому подвергнется большему осуждению.

Думайте о том, чтобы следовать Евангелию, ведь святой апостол Павел в этом поучении очень точно раскрыл заповедь Господа Иисуса Христа, оставленную святым апостолам: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос» (Мф. 23, 8–10). Все мы — и ученики и учителя, должны это помнить: один у нас Учитель и Наставник — Господь Иисус Христос. Мы должны следовать учению именно этого великого Учителя, Ему подражать. Тогда нам, между прочим, легче будет переносить немощи наших наставников или наставниц, которые проявляются в отношениях с нами, потому что мы будем взирать на конечную цель, на подлинного Учителя. Ведь все остальные учителя являются лишь проводниками и выразителями вечного Божественного евангельского учения.

Призываю вас хранить единство Церкви и никогда против него не погрешать. Будем хранить единство и нашей обители как малой Церкви. Если апостол Павел называет малой Церковью семью, то тем более достойна этого называния монашеская обитель, монашеская община. Не

будем раздирать ризу Христову. Все будем единомысленны, единодушны, потому что мы стремимся быть учениками единого, вечного Учителя — Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

22 июля 2007 года

Неделя 9-я по Пятидесятнице

1 Кор. 128 зач. (3, 9–17)

Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение.

Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.

Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы.

Христос — основание наше

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел, желая соблюсти единство древней Коринфской Церкви от попыток разделить ее между учителями (самим апостолом Павлом, апостолом Аполлосом и апостолом Кифой-Петром), говорит тем неразумным людям, вводившим в Церковь раскол из-за личного пристрастия или, может быть, тщеславия: «Мы соработники у Бога» (ст. 9). Иными словами, и Павел, и Аполлос не сами по себе что-либо значат, но постольку, поскольку являются соработниками Бога или, можно сказать, помощниками, как и переведено в славянском тексте — «споспешницы Богу». «А вы Божия нива, Божие строение» (ст. 9) — вы, то есть все христиане. Это относится не только к коринфянам, но и ко всем нам. Мы являемся Божией нивой, на которой эти соработники Бога трудятся, вернее, сотрудничают с Богом, потому что все, что происходит в Церкви и вообще в мире, совершает Бог, и мы можем быть либо Его орудиями, Его соработниками, сотрудниками, споспешниками, как возвышенно говорит апостол Павел, либо противниками воли Божией. А сама Церковь — это нива, или, если сказать более прозаично, пашня. Получается, что те, кто трудится в Церкви, трудятся как некие крестьяне, пахари, потому что сначала они вспахивают землю нашего сердца, а потом засевают ее и взращивают на ней плоды Божии. Все мы, христиане, должны принести эти плоды. Далее апостол Павел сравнивает всех нас со зданием, которое еще находится в процессе строительства.

Этот труд на ниве Божией, на пашне Божией, закончится тогда, когда прервется наша жизнь. Тогда уже ничего нельзя будет сделать — либо мы останемся бесплодными, останемся неоконченным строением, а может быть, и уродливым, ни для чего непригодным, либо принесем плоды и окажемся прекрасным зданием, храмом Божиим, неким чертогом, в который может вселиться Сам Господь. Заметьте, как прекрасно говорит апостол Павел — все мы принадлежим Богу: одни как соработники Божии, другие как пашня и строение, или, по-славянски, «Божие здание». Все мы Божии. Апостол Павел говорит это, чтобы никто не

превозносился, никто не думал, что он сам по себе что-то значит: ни те, кто трудится в деле проповеди и назидает, ни те, кто воспринимает назидание и является плодом этого проповеднического труда.

«Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит» (ст. 10). В славянском тексте апостол Павел назван не строителем, а архитектоном. Греческое слово не переведено, слово же «строитель» — перевод не совсем точный. «Архитектон» — это тот, кто что-то созидает, тот, кто руководит созиданием. Это может быть и архитектор в теперешнем смысле слова, и человек, занимающийся каким-либо другим видом созидания, строительства. Апостол Павел говорит, что он положил основание не своими силами, не своим умом и трудом. Никто не может ничего создать сам. Соработники Божии положили основание по благодати Божией, то есть с помощью Божией, которая с преизбытком изливалась на все их дела и слова. Именно по благодати Божией и апостол Павел являлся премудрым архитектоном, как сказано в славянском тексте. Поэтому, когда он восхваляет себя, то тут же приписывает все Богу. «Я есть то, что есть» (см. 1 Кор. 15, 10), — действительно, я премудрый архитектон, но по благодати Божией.

«Я положил основание, а другой строит». Апостол Павел говорит здесь о себе и апостоле Аполлосе. Сам он обратил коринфян к вере, а апостол Аполлос впоследствии их назидал. То же происходит и в наше время. Кто положил в нас основание веры? Конечно, в глубочайшем смысле, святые апостолы, основавшие Церковь Христову. В Русской Церкви такими людьми можно было бы считать святого равноапостольного князя Владимира, равноапостольную княгиню Ольгу, а также первых наших святых, например Антония и Феодосия Печерских. Если говорить конкретно о нашем сестринстве, то пришедшие в обитель по большей части обратились к вере благодаря проповеди тех или иных священников и благодаря чтению святоотеческих книг, христианской литературы. Значит, основание положили другие, а не мы. И мы здесь скорее подобны апостолу Аполлосу. Мы созидаем на уже существующем основании веры и поэтому должны быть очень внимательными, должны смотреть, что мы возводим. Это можно отнести не только ко всей Церкви или к нашей монашеской общине, но и к каждому человеку. В тебе, христианин, инокиня или монахиня, святыми апостолами и святыми отцами положено основание. А как ты сам созидаешь? Смотри и будь внимателен, чтобы возводить достойно этого основания.

И далее апостол Павел объясняет, какое основание он положил или, если говорить о нас, положили в нас те или иные люди, а можно сказать, обстоятельства нашей жизни, Промысл Божий, обративший нас к вере и введший в Церковь. Что же это за основание? «Никто не может положить другого основания, кроме положенного (то есть заменить его невозможно, потому что иначе мы уже не будем христианами. — Схиархим. А.), которое есть Иисус Христос» (ст. 11). Основание — это правая, незамутненная, неискаженная вера в Господа Иисуса Христа. Все православные догматы и нравственное Предание кратко названы здесь именем Иисуса Христа, потому что Он открыл нам истину, и мы должны свято хранить это основание, — иного быть не может. Нужно тщательно следить за тем, чтобы кто-то другой или мы сами не подменили случайно это основание и не стали строить на каком-то ином, чуждом основании. Какое бы прекрасное строение мы ни воздвигли на нем, это строение будет бесполезно и даже губительно для нас. Иногда человек сделает что-то прекрасное, так что все его хвалят и все им восторгаются, но если основание его здания, то есть какой бы то ни было деятельности, — не Христос, тогда это только видимость подлинной деятельности. На самом же деле все это суетно, а может быть, даже душевредно — совершенно напрасно потраченные силы и время, а возможно, и вся человеческая жизнь. Потому мы должны внимательно следить за собой, чтобы не уклониться в сторону, не начать искать какого-то другого основания, кроме

того единственного, которое положено святыми апостолами, то есть Иисуса Христа.

На этом подлинном основании мы должны возвести достойное его здание. Основание это великое, превышающее человеческий разум, — и строить на нем мы должны соответственно из драгоценных материалов. Апостол Павел говорит об этом образно: «Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (ст. 12–13). Эти слова можно понимать по-разному. Прежде всего разделим материалы на два вида: драгоценные и низкие. Под драгоценными камнями можно понимать такие, как мрамор или гранит, украшенный золотом и серебром. Используя их, мы строим дворец. Когда же мы используем низкие материалы: дерево, сено, солому (или, по-славянски, дрова, сено, тростие), то строим деревянную хижину. Иными словами, мы строим или дворец, или крытую соломой избу. Это зависит от нас. Но если в буквальном смысле в этой нищей, убогой курной избе и можно как-то жить, то в духовном смысле это совершенно невозможно, потому что, как говорит апостол Павел, все будет испытано огнем. Под драгоценными камнями можно понимать также алмазы, рубины, топазы, изумруды. Тогда появляется еще более возвышенный образ. В таком случае мы строим нечто необыкновенно прекрасное, обладающее неземной красотой, так что апостол Павел не находит, с чем на земле это можно сравнить, кроме как с ювелирными украшениями, которыми люди часто восхищаются. Однако ювелирные изделия, например перстень, обычно невелики и украшают лишь человеческое тело, а здесь — огромное прекрасное здание, построенное на неземном основании, каким является Господь наш Иисус Христос. И тогда в сравнении с этим зданием «дрова, сено, тростие» — убогая, едва-едва держащаяся хижина — выглядят еще более убого.

Но мы часто довольствуемся такой хижиной. Дела нашей веры настолько ничтожны, мы тратим на них так мало сил, уделяем им так мало внимания и времени, что они похожи на некий шалаш. Мы построим его и успокаиваемся — есть где на некоторое время приютиться. Помолились мы, например, два раза в день более или менее внимательно, побывали в церкви, провели там время (в особенности это касается тех, кто редко ходит в храм Божий), — и вот, мы создали себе шалаш, спрятались в нем на время от дневного зноя или от стужи, а потом опять занялись своими обычными делами и поселились уже в другом доме, может быть, весьма пригодном и удобном для этой жизни, но имеющем в основании не Иисуса Христа, а нечто человеческое, иногда греховное и страстное. Поэтому апостол Павел предупреждает, что мы не должны быть спокойны, хотя бы по нашим, как нам кажется, скромным и здравым требованиям нам было довольно и этой хижины или шалаша. «Не будьте этим довольны, — призывает он, — не успокаивайтесь, потому что дело каждого будет испытано, станет явным, ибо день покажет». Какой день? Конечно, день Страшного суда или день частного суда, который для каждого из нас будет не менее страшен, чем день Страшного суда для всего мира. Для нас кончина мира наступает вместе со смертью, и потому нам безразлично, какой нам предстоит суд, всеобщий или частный. Если даже мы не доживем до кончины мира, то смерть отнимет у нас этот временный, тленный мир и мы предстанем пред Богом. Тогда дела наши будут испытаны как бы огнем, «ибо день покажет, потому что в огне открывается». В славянском переводе говорится так: «Когождо дело явлено будет: день бо явит, зане огнем открывается; и когождо дело, яковоже есть, огнь искусит». Получается, что сейчас наши дела еще не обнаружились. Со стороны может казаться, что мы делаем что-то прекрасное, но о том, что представляют собой наши дела на самом деле, известно только в невидимом, таинственном, духовном мире — ангелам, святым Божиим человекам и, конечно, всеведущему Богу.

Мы не знаем, из драгоценных ли материалов построены наши дела или из низких и легко сгораемых, но наступит такой день, когда все станет явным. Огонь покажет силу каждого из

нас — что мы успели сделать и насколько это значимо. И поэтому, зная о приближающемся неминуемом испытании, мы должны тщательно анализировать и изучать самих себя: что мы делаем, нужны ли наши дела, ценны ли они, какая их цена, из золота ли они, серебра и драгоценных камней, или из дерева, сена и, наконец, соломы, то есть совершенно иссохшей травы. Если влажное сено еще может сколько-то мгновений сопротивляться огню, то солома вмиг сгорает и превращается в пепел.

Как же узнать, что представляют собой наши дела? С чем их сравнивать? Как понять себя? Конечно же, критерием является Предание святых отцов. Можно сказать так: мы должны всегда думать о том, чтобы наше здание, наши дела были достойны того великого основания, которое положено в нас святыми апостолами, то есть Иисуса Христа. Если у нас не хватает собственной рассудительности, обратимся к учению святых отцов, которые подробно, мудро и точно изъясняют Священное Писание, и таким образом будем испытывать себя, глядя в Священное Писание и святоотеческое Предание, как в зеркало. Представьте себе зеркало, отражающее не лицо наше и тело, но душу. Временного, вещественного в этом зеркале не видно (и не нужно нам этого видеть, это совсем неважно), но зато отражается все невидимое и то, что для нас непостижимо из-за дебелости нашей плоти. Святоотеческое Предание и Священное Писание — это и есть то самое зеркало, которое отражает невещественное и глядя в которое мы можем увидеть невидимое. Будем тщательно в него вглядываться, будем рассматривать себя и изучать, что́ мы созидаем.

«А у кого дело сгорит, — продолжает святой апостол Павел, — тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (ст. 15). В славянском переводе говорится так: «(А) егоже дело сгорит, отщетится; сам же спасется, такожде якоже огнем». В тот день все обнаружится — и вдруг тот, кто пользовался уважением и кого хвалили, окажется совершенно нищим и, пытаясь укрыться в своей храмине, останется без всякого крова, потому что огонь суда вмиг испепелит его хижину, построенную из соломы, и он едва-едва спасется. И это относится к каждому из нас. Если же говорить о деле проповеди, пастырском служении, то каждый, кто назидает других, должен всегда смотреть, как он назидает. Может случиться так, что его труды как духовника окажутся соломой, которая вмиг исчезнет. Тогда он поймет, что ничему настоящему он не учил, потому что не опирался на то основание, кроме которого иного быть не может, то есть учение Иисуса Христа, и что он не имел в себе духа Христова и учил чему-то заимствованному из посторонних источников, а не из Божественного Откровения. Как неразумный пастырь, так и сам пасомый, неразумно созидающий свою нравственную жизнь из низких материалов, могут спастись, но с трудом, «как бы из огня». Хотя есть очень авторитетное мнение, принадлежащее святителю Иоанну Златоусту, который понимает эти слова иначе. Его толкование гораздо строже и страшнее. Он говорит, что слова «спасется как бы из огня» означают, что человек спасется не в том смысле, что получит блаженство в вечной жизни, а только в том, что его душа не исчезнет и будет существовать вечно. Иначе говоря, дела человека сгорят, исчезнут, а сам он останется существовать, но в огне. Таково мнение святителя Иоанна Златоуста, великого толкователя Священного Писания, и оно не может быть оставлено без внимания, хотя нам кажется, что оно не вполне основывается на тексте.

Далее святой апостол Павел укоряет всех нас: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (ст. 16). Знаем мы это или нет? Скорее, нет. Может быть, слышали, но не знаем опытно, как должно знать. А нам необходимо понимать, что вся Церковь, состоящая из людей, — это храм Божий. Не здание, не самые великие святыни или прекрасные храмы, но именно мы, люди, являемся нерукотворенным храмом Божиим. Ради нас и камни, и все святыни оживают и становятся действенными, ведь если не будет разумного духовного существа, могущего воспринять благодать, исходящую от этих святынь, обитающую в рукотворенных храмах, то эти святыни окажутся не нужны. Господь может даже отнять их у

людей, которые не способны постичь присущей святыням благодати, как и бывало иногда в истории христианских народов. И весь народ Божий, составляющий Церковь, и каждый из нас является храмом Божиим, потому что в нас живет Дух Божий, и мы должны это ясно чувствовать и понимать, что мы не принадлежим себе (ср. 1 Кор. 6, 19), мы не обыкновенные люди. И как ранее апостол Павел говорил, что он по благодати Божией является премудрым архитектоном и что они с Аполлосом — соработники Божии, а мы — Божия нива и Божие строение, так и ныне говорит, что мы — храм Божий. Теперь речь идет уже не о строительстве каких-либо драгоценных и прекрасных или ничего не стоящих и уродливых зданий, но о сохранении того, что создано Господом Богом, храма Божия. И мы должны беречь эту великую святыню, не осквернять самих себя, в противном случае мы хулим Бога, живущего в нас, кощунствуем, святотатствуем.

«Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (ст. 17). Очень выразительно передает эти слова славянский текст: «Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы». Во-первых, проповедникам следует быть внимательными, чтобы положить правильное основание и созидать на этом великом, небесном основании здание из драгоценных камней, золота и серебра. И во-вторых, мы все должны беречься растлить храм Божий, разорить его своими неразумными действиями, грехами, уклонениями во всевозможные заблуждения и ереси. Мы обязаны беречь великую святыню, находящуюся в нас. Задумайтесь, что мы, христиане, должны собой представлять, по словам апостола Павла, и ужаснитесь, насколько мы далеки от этого. Он говорит, что наше основание — Христос, что мы созидаемся из драгоценных камней, золота и серебра, что мы — храм Божий, строение Божие и нива Божия, что в нас живет Дух Божий. «Храм Божий свят; а этот храм — вы». Достойны ли мы такого прекрасного, возвышенного описания?

Но разве апостол Павел говорит об этом просто так, для красноречия? Конечно же, он, как боговидец, созерцающий тайны невидимого мира, видел, чувствовал и понимал все то, о чем говорил. Подобно ему и мы должны смотреть друг на друга с благоговением, видеть в каждом человеке храм Божий и беречься как-то повредить ему, соблазнить его чем-то, чтобы Дух Божий не покинул этого оскверненного нами места. И самих себя мы должны беречь и благоговеть перед святыней Духа, находящейся в нас, — созидать самих себя на правильном основании и хранить то, что в нас вложено, что дано нам от Бога. Можно понимать так: в отношении нравственности мы являемся чем-то созидаемым, а в отношении веры уже представляем собой храм Божий, но нам предстоит еще сохранить то, что мы имеем, развить это и украсить драгоценными материалами. Можно совместить два образа, предлагаемые апостолом Павлом. Представьте себе храм Божий, который мы начинаем украшать золотом, серебром и драгоценными камнями. И как мы заботимся о благолепии рукотворенных храмов, так мы должны заботиться и о самих себе, храмах нерукотворенных, чтобы это жилище было хоть сколько-нибудь достойно того великого основания, на котором оно построено, то есть Иисуса Христа и Духа Божия, живущего во всех нас.

Иначе с нами произойдет беда. Все ненужное, что мы делали, исчезнет, и Дух Божий покинет нас. Если мы разорим храм Божий, то Бог разорит нас. Одно из значений греческого слова, которое в русском переводе передано как «разорит», а в славянском — «растлит», — уничтожать. «Если кто храм Божий уничтожает, уничтожит того Бог». Конечно, уничтожит не в том смысле, что мы исчезнем и потеряем вечное бытие, но в том, что в нас не останется ничего доброго и мы будем наказаны вечной смертью. И никто никогда не избавит нас от этого страшного наказания, если мы не будем подвизаться, чтобы действительно стать Божией нивой, пашней, Божиим строением. Разве можно назвать Божиим строением нищую, убогую хижину? Нет. Даже самый прекрасный дворец, построенный из золота, серебра, алмазов, рубинов, изумрудов (каким описан новый Иерусалим в Откровении Иоанна Богослова), — и тот

едва достоин называться храмом Божиим. Поэтому мы должны совершать подвиг созидания самих себя с полным напряжением всех наших душевных сил и разума. Либо мы построим прекрасный дворец, либо лишимся всего, едва-едва спасемся. Но в случае, если человек едва-едва спасается, можно опасаться и того, что он не спасется. Будем же чрезвычайно внимательны к себе, будем подвизаться. И пусть слова апостола Павла не окажутся для нас всего лишь прекрасным образом, но пусть эта истина, данная нам в Откровении, руководствует нас к тому, чтобы последовать ей в своей жизни. Аминь.

29 июля 2007 года

Неделя 10-я по Пятидесятнице

1 Кор. 131 зач. (4, 9–16)

Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне.

Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу.

О подражании апостолам в смирении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшнее апостольское чтение из Первого послания к коринфянам святого апостола Павла обличает как нерадивых, горделивых христиан вообще, так и нерадивых пастырей в частности. Хотя апостол Павел не ставит себе такой цели, но, рассказывая о себе, он поневоле заставляет читающих, в том числе и пастырей, сравнивать себя с ним.

«Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков» (ст. 9). В славянском тексте начало этого стиха звучит так: «Мню бо, яко Бог ны посланники последния яви», а у епископа Кассиана (Безобразова) переведено: «Ибо Бог сделал нас, апостолов, последними». Последние два перевода отличаются от Синодального очень интересным моментом, меняющим наше обычное, не совсем правильное восприятие текста. Мы, читая Синодальный перевод, воспринимаем выражение «последние посланники» как «последние хронологически»: вот, ранее были пророки, а апостолы — это самые последние посланники Божии, открывшие полноту истины новозаветного учения. Но последними они были в глубочайшем смирении, которое святые апостолы были вынуждены воспринять в своем величайшем служении. Если перевести этот стих Писания дословно, то выйдет так: «Ибо я думаю, что Бог нас, апостолов, показал последними», то есть самыми последними людьми во всем человечестве. Он унизил их более, чем кого бы то ни было, ведь они были нищими, беспомощными и беззащитными, во время своих странствований многократно подвергались всевозможным притеснениям, избиениям, опасности и в конце концов претерпели мученическую смерть.

Обратим внимание на слова «как бы приговоренными к смерти» (ст. 9). Преступник,

приговоренный к смерти, обычно сидит в одиночной камере и не знает, когда его приговор приведут в исполнение: сегодня ли, через месяц ли. Иногда ожидание может длиться годами, иногда все заканчивается очень быстро. Всю оставшуюся жизнь человек находится в таком мучительном томлении. Апостол Павел сравнивает всех апостолов, и себя в том числе, с людьми, приговоренными к смерти, которые постоянно ожидают самого страшного. Легко ли терпеть такое душевное состояние?

Апостолов приговорили к смерти сами обстоятельства их жизни и проповеди. Ученики Спасителя возбуждали против себя ненависть врагов христианства — иудеев и язычников — и не могли ждать ни от кого никакой защиты и покровительства, потому что проповедовали в чужих городах. Не мог и не хотел их защитить ни иудейский народ, отрекшийся от них и изгнавший их (те самые соотечественники, на которых обычно опираются), ни римский закон. Апостол Павел, несмотря на то, что был римским гражданином, часто вопреки законам подвергался избиению, арестам и наконец был казнен, с точки зрения римского права, ни за что.

«Потому что мы сделались позорищем» (ст. 9). В славянском переводе — «позор», у епископа Кассиана — «зрелище», можно перевести и как «театр». Апостолы стали зрелищем для мира, на них все смотрят: кто насмехается, кто злобно желает смерти, а кто восхищается. Они на виду у всех, подобно гладиаторам в цирке, которые сражаются друг с другом или с дикими разъяренными зверями и обречены на смерть.

В таком положении находились святые апостолы, которыми мы сейчас хвалимся и которых почитаем великими святыми. Да, внутри нашего сообщества, внутри Святой Христовой Церкви они — великие, но перед глазами всего мира они были совершенно ничтожными; иногда даже современные им верующие, к сожалению, соблазнялись их беззащитным положением. «Мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков» (ст. 9). Как говорят некоторые толкователи, апостолы стали зрелищем и для добрых, святых ангелов, и для падших. Они стали зрелищем для людей, избранных к спасению, и для врагов Христовых. На то, как они совершали свое великое поприще, взирали то с восторгом, то с ненавистью, презрением и злобными насмешками.

Обратимся, например, к эпизоду из книги Деяний апостольских. Когда апостол Павел проповедовал в Афинах, его привели в ареопаг, собрание старейшин, и велели ему говорить, потому что им было интересно, что он проповедует. Сначала к нему отнеслись сравнительно доброжелательно, некоторое время его слушали. Когда же апостол Павел заговорил о воскресении мертвых, то старейшины стали смеяться и говорить: «Ну, об этом мы послушаем тебя в другой раз» (см. Деян. 17, 32). И только немногие люди, среди которых был Дионисий Ареопагит, впоследствии знаменитый богослов и один из первых епископов города Афин, последовали за ним, когда его отпустили. Значит, апостол Павел подвергся осмеянию перед виднейшими людьми города в самом благоприятном для него случае. Мы же хотим, чтобы нам досталась слава святых, а их позору, унижению, скорбям подвергаться не хотим.

«Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии» (ст. 10), — продолжает апостол Павел, иронизируя над коринфянами. В Священном Писании иногда употребляется ирония, ради того чтобы показать абсурдность мнений и чувств, которым мы порой предаемся. Апостол Павел говорит, что «мы [апостолы] безумны ради Христа». Он не обращает внимания на мирскую мудрость, человеческие знания, на то, что считается великим, утонченным, философски обоснованным или с практической точки зрения здравым. Святые апостолы всем этим пренебрегают и выглядят в глазах целого мира безумцами, безрассудными, даже глупцами. Мы же с вами все хотим быть умными: самый глупый человек старается как-то показать, что у него есть ум, и не желает признать своей

глупости. Апостол Павел говорит: «Мы безумны». Но не потому, что они на самом деле безумны, но потому, что ради Христа готовы выглядеть и так. Мы же считаем себя благоразумными во Христе. Хотим жить в покое, благополучии, совершенно бесскорбно, в свое удовольствие — и при этом спасаться. «Мы немощны», то есть совершенно беззащитны, никак не можем постоять за себя, — так апостол Павел говорит про всех апостолов. «А вы крепки». Нам представляется, что мы имеем какое-то прочное положение, или мы желаем его занять, иметь какое-то преимущество перед другими даже в монастыре, отрекшись от мира. Мы хотим представлять собой нечто особенное, настаиваем на том, чтобы исполнить свое желание, навязываем свое мнение другим, даже священноначалию.

«Вы в славе, а мы в бесчестии», — говорит о себе апостол Павел. Мы же с вами хотим пользоваться почетом, уважением хотя бы в кругу немногих людей, хотим, чтобы к нам хорошо относились, хвалили нас, одобряли, уважали и посторонние люди, даже чуждые Церкви. В своем малом кругу, в нашем сестринстве, мы тщеславимся друг перед другом и забываем о том, что подавляющее большинство людей смотрит на нас с презрением, не понимает нас и мы им кажемся действительно безрассудными, безумными и глупыми. Мы не хотим об этом помнить и готовы, если сталкиваемся с мирянами, в чем-то отказаться от своих принципов, лишь бы к нам относились уважительно.

Апостол Павел продолжает: «Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся» (ст. 11). Вот в чем состоял подвиг святых апостолов, вот в чем их отличие от обыкновенных христиан — в чрезвычайных скорбях. «Даже доныне», то есть уже в то время, когда были основаны многочисленные общины в разных концах вселенной, апостолы терпели скорби. Путешествуя, совершая свое апостольское служение, они испытывали нужду в самом необходимом, даже в одежде. Они переносили и побои, причем под побоями апостол Павел подразумевает не избиение палками или плетями, а пощечины, унизительные удары по лицу, то есть речь идет о чрезвычайно презрительном отношении к апостолам со стороны врагов Церкви. И великие святые апостолы терпели всё это ради того, чтобы распространять слово Божие, терпели из любви к людям, из преданности Богу, любви к Нему. Они скитались, не имея иногда прибежища, места, где могли бы переночевать. Их часто изгоняли из городов, как мы помним из Деяний апостольских, где много говорится об апостоле Павле и о тех невзгодах, которые ему пришлось пережить.

«И трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим» (ст. 12). Апостол Павел старался зарабатывать себе на пропитание своими руками, чтобы те, кому он проповедовал, не соблазнялись и не говорили, что он проповедует ради того, чтобы они его содержали. Поэтому он работал сам: днем проповедовал, а ночью трудился, для того чтобы его проповедь была успешней, чтобы все увидели его совершенное бескорыстие. Увы, увы! Сейчас такого почти нет, и на самом деле совершить этот подвиг чрезвычайно трудно.

«Злословят нас, мы благословляем». Мы, к сожалению, на это неспособны. «Гонят нас, мы терпим». Мы же с вами, если иногда и вынуждены терпеть какие-нибудь скорби, делаем это лишь внешне, а внутренне ропщем, негодуем, гневаемся и рады были бы и отомстить нашим обидчикам или даже просим у Бога якобы восстановления справедливости, выражающейся в том, чтобы Он наказал нашего обидчика какой-нибудь скорбью.

«Хулят нас, мы молим» (ст. 13). «Молим» можно понимать по-разному: возможно, апостолы молились за этого человека, а возможно, пытались его успокоить, умоляли его, чтобы он умиротворился. «Мы как сор для мира» (ст. 13). Это очень впечатляющий образ. Апостол Павел в довольно грубых выражениях говорит о себе самом и о других апостолах. «Мы как сор», то есть то, что выметается, выбрасывается вон. Но этого мало, апостол Павел выражается еще более грубо и откровенно: «Мы… как прах, всеми попираемый доныне» (ст. 13), а можно

перевести и так: «Мы стали отбросами для всех до нынешнего времени», то есть самым презренным и негодным, что только может быть.

Мы не можем подражать святому апостолу Павлу в том отношении, чтобы совершать чудеса, чтобы, например, повязки с нашим потом кого-либо исцеляли (см. Деян. 19, 12). Думать об этом было бы нелепо и даже кощунственно. Но почему мы не хотим уподобиться ему в смирении, ведь это для нас доступно, тем более что мы и на самом деле совершенно заурядные, ни на что не годные люди? Господь нас собрал в эту святую обитель не для того, чтобы мы сделали что-то великое, но для того, чтобы уберечь нас от соблазна и чтобы мы, падшие, скверные, негодные, ничтожные, здесь, в удобном месте, с большей легкостью спасали свою душу от вечных мук. Однако мы умудряемся поддаться гордости и здесь, в том месте, в котором мы находимся прежде всего для того, чтобы смириться. И сама наша черная одежда, и образ жизни, и отречение от всего, и сами обеты — все напоминает о смирении, но мы наперекор всему умудряемся гордиться иногда теми вещами, которые как раз для стяжания смирения и предназначены. Таково лукавство человеческое. Нас не извиняет то, что это общая черта всех людей, ведь мы находимся в обители осознанно и должны постоянно, каждое мгновение помнить, для чего мы здесь. Один подвижник, например, напоминая себе о том, что он отрекся от мира ради спасения, а не ради чего-либо другого, восклицал время от времени: «Где ты? Где ты?». Мы же забываем об основной цели нашей жизни и начинаем превозноситься какими-то незначащими вещами и таким образом сворачиваем с тесного пути.

Между прочим, словом «прах» или «отбросы» в древних Афинах, конечно языческих, называли самых опустившихся, низких, бесправных людей, подобно тому как сейчас говорят «подонки» или «отбросы общества». И когда город постигало какое-нибудь бедствие, например язва или моровое поветрие, тогда этих людей приносили в своего рода жертву — бросали их в море и говорили: «Избавь нас от нечистоты». Возможно, апостол Павел сравнивает себя не с отбросами в буквальном смысле слова, а с этими людьми, которые в древнем мире в человеческих глазах ничего не стоили.

Апостол Павел в своем послании неожиданно переходит к мягкому тону, опасаясь, видимо, как бы его духовные чада, коринфяне, не оскорбились, не впали в чрезмерную печаль. Конечно, своей иронией он стыдит их, но тут же и отказывается от своих слов, тут же их утешает: «Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих» (ст. 14). Его слова можно было бы понять так: «Я говорю об этом не для того, чтобы вам стало стыдно и вы почувствовали себя глупыми, безумными людьми, которые пытаются быть лучше, чем святые апостолы, но для того, чтобы вы, мои возлюбленные дети, вразумились, исправились и отказались от своего нелепого, даже не образа мыслей, а душевного состояния, чтобы вы пришли в правильное устроение и вновь вернулись к спасительному умонастроению и душевному стремлению».

Все мы, как и коринфяне, — грешные люди, все мы нуждаемся в покаянии и непрестанном плаче о себе, однако забываем об этом. Нам кажется, что всё уже позади и мы уже чуть ли не в Царствии Божием. Если говорим о спасении, то намереваемся спасать других людей, а ведь на самом деле для нас самих все только началось. Есть повествование об одном из великих подвижников, который, казалось бы, должен был надеяться не только на милость Божию, но и на особое дерзновение пред Богом. Когда душа преподобного Макария Великого после разлучения с телом, сопровождаемая ангелами Божиими, беспрепятственно миновала мытарства и возносилась на небеса, демоны кричали ей: «Макарий, ты ушел от нас». Он же отвечал им: «Нет, я еще не ушел от вас». Так повторялось несколько раз, пока душа возносилась все выше и выше. И только когда он вступил одной ногой в райские врата, тогда, наконец, сказал: «Вот теперь я ушел от вас». Имеем ли мы такой же образ мыслей? Так ли смиренно боимся, опасаемся за себя, как это делал великий подвижник, отец отцов? Макарий

Великий и мертвых воскрешал, и тем не менее трепетал за свое спасение. Мы же ведем себя бесстрашно, забыв о покаянии, забыв о том, что здесь, за монастырской оградой, мы находимся в месте, чрезвычайно удобном для нашего спасения. Речь идет не о монастырском заборе, а об определенном образе жизни, оберегающем нас от гибели.

Далее апостол говорит: «Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (ст. 15). Наставников много, например, ныне живущие священники — тоже наставники, но отцами Церкви являются святые апостолы, родившие ее, родившие тех, кто принял их проповедь для спасительной жизни. Поэтому и нам, сегодняшним христианам, нужно быть верными святым апостолам и подражать им. В этом наше спасение. Не выдумывать какой-то свой образ жизни, сознательно его конструируя или невольно, даже неосознанно поддаваясь своим страстям, нечаянно формируя свой взгляд на жизнь. Мы должны всегда проверять себя, согласна ли наша жизнь с Божественным Откровением, содержащимся в Священном Писании и святоотеческом Предании, или мы живем каким-то особенным образом? Христиане со своим собственным вымышленным христианством — да такого быть не должно и не может! Вспомним святителя Игнатия. Он очень много говорит о терпении скорбей и придает этому очень большое значение. Откуда он взял свое учение? Конечно же, из Священного Писания. Разве мы не видим, что его учение совершенно согласно с теми словами апостола Павла, которые мы сейчас разбираем? «Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием», значит, мы рождены через Евангелие. Как же мы можем вдруг от него отвернуться? Разве Евангелие не должно наполнять все наши мысли и чувства, каждый поступок и движение души, внутренний мир и деятельность? Разве мы можем заменить или дополнить его чем-то? Почему же мы отвращаемся от того, что является основанием и вообще всем существом нашей христианской жизни?

«Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (ст. 16). Апостол Павел обращается с просьбой к коринфянам. Но только ли к ним? Потеряло ли Священное Писание свою актуальность? Может ли это произойти со словами, сказанными не по человеческому рассуждению, но по действию Святого Духа? Конечно, невозможно, и слова эти касаются каждого из нас. Мы должны быть подражателями святому апостолу Павлу. Можно перечислить все те качества, которые он здесь называет, и таким образом понять, в чем мы должны быть подобными ему. Мы-то хотим быть подобными ему в чудесах, почете, славе, уважении, мудрости, но сам апостол Павел, правильнее сказать, Дух Святой, говорил не об этом. «Бог показал нас последними» — значит и мы тоже должны быть последними. «Как бы приговоренными к смерти» — и нам следует всегда помышлять о смерти. «Мы — зрелище, позор для мира» — незачем и нам стыдиться исполнять свой долг, пытаясь изображать из себя людей уважаемых, достойных, прекрасных или мудрых с мирской точки зрения. Если апостолы были посмешищем, то тем более пусть им будем мы, потому что мы меньше, чем святые апостолы. «Мы безумны» — и мы не должны бояться оказаться глупыми, если только эта глупость, это безумие ради Христа. «Немощны» — и нам не надо стыдиться признавать свою немощь в духовных вопросах и в обычной человеческой деятельности. Будем всегда уповать и надеяться на Бога, а не на свои силы. «В бесчестии» — зачем нам искать славы? Лучше, наоборот, стремиться быть бесславными, подобно тому как святые апостолы оказывались бесславными в глазах подавляющего большинства людей. Будем готовы, если необходимо, терпеть и голод, и жажду, и наготу, и побои, и унижения, и лишение крова или, по крайней мере, не роптать оттого, что испытываем в чем-то недостаток. Мы должны работать своими руками, не думая о том, что труд мешает духовной жизни. Если он не помешал апостолу Павлу проповедовать, то и мы не будем роптать на то, что трудимся, потому что обязаны и в этом быть подражателями святому апостолу Павлу, тем более что мы уделяем труду умеренное время, поскольку священноначалие заботится о том, чтобы бóльшую часть времени мы посвящали духовной жизни. Когда нас поносят, будем благословлять этих людей. Когда нас

гонят — терпеть. К сожалению, наша немощь, а правильнее сказать — нерадение, лукавство, простирается до того, что мы не то что гонения, но и заслуженное замечание с трудом терпим, а то и просто отвергаем. «Хулят нас, мы молим». Так и мы постараемся искать утешение только в молитве, хотя бы нас поносили и незаслуженно хулили. Тогда, в конце концов, мы придем к искреннему смирению, которое, несомненно, имел святой апостол Павел. «Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне» — и нам надо быть для всех как мусор, отбросы.

Увы, увы! Кто хочет стать таким? Где найти человека, который хотя бы шаг сделал в эту сторону? Мы хотим быть как святые, подражать им, мечтаем о святости. Почему же не хотим быть мусором и отбросами? Как должен вести себя человек в этом случае? Например, стоит он в комнате, а ему говорят: «Иди отсюда». Он молча выходит и думает, что с ним обошлись вполне справедливо. Иначе и быть не может, потому что он считает себя подлинно самым ничтожным существом, ни на что не годным и презренным. Если же мы ведем себя иначе, значит, в нашем сердце никакого смирения на самом деле нет, хотя бы мы и говорили в своем уме, что мы грешные, ничтожные и презренные.

Подражая апостолу Павлу во всем перечисленном, мы должны помнить, что рождены благовествованием Евангелия и только оно является нашей, выражаясь современным языком, идеологией, нашим образом мыслей, нашими чувствами. Внутри нас не должно быть ничего иного. Если бы мы следовали этому, тогда, может быть, не в чем-то сверхъестественном, даже не в бесстрастии, но в самом главном — в смирении и терпении — уподобились бы хотя бы в некоторой степени святому апостолу Павлу и всем святым апостолам. Смирение есть, как выразился один подвижник, одеяние Божества, высочайшая добродетель, без которой невозможно спастись, но которая и одна может спасти человека. Аминь.

5 августа 2007 года

Неделя 11-я по Пятидесятнице

1 Кор. 141 зач. (9, 2–12)

Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства — вы в Господе. Вот мое защищение против осуждающих меня. Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа? Или один я и Варнава не имеем власти не работать? Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон? Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное? Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову.

О благодарности духовным наставникам

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел, обращаясь к коринфянам, говорит: «Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства — вы в Господе» (ст. 2). Древние коринфяне, соблазняясь, предпочитали апостолу Павлу других учителей, иногда истинных, а иногда и

лжеапостолов. Поэтому он был вынужден себя похвалить. Конечно, апостол Павел не нуждался в человеческой славе или одобрении, не стремился отстоять свое достоинство. Он поступил так для того, чтобы утвердить их в вере, заставить понять, что благовествование, услышанное ими от святого апостола Павла, истинно, и оно ни в чем не уступает проповеди других, если не превосходит ее. Итак, апостол Павел говорит им, что печать его апостольства, то есть доказательство подлинности его апостольства (подобно тому как на документе ставят печать, доказывая этим то, что он принадлежит тому или иному лицу) есть сами коринфяне, то есть люди, обратившиеся благодаря его проповеди к вере во Христа, причем печатью его они являются «в Господе».

Ваш духовный наставник вынужден, может быть, даже с некоторым вредом для своей души, поступить сейчас подобно святому апостолу Павлу — похвалить себя, а также и прочих ваших наставников, для того чтобы утвердить в должном образе мыслей тех из вас, кто сомневается в том, правильно ли они окормляются, верные ли получают наставления. Однако нужно заметить, что ваши руководители, в отличие от апостола Павла, могут потерпеть ущерб, поддавшись тщеславию.

Как апостол Павел говорит: «Печать моего апостольства — вы», так и ваши наставники могут сказать, что печать их духовного руководства — вы, многочисленное стадо, собранное возле них Промыслом Божиим. Конечно, достоинство ваших наставников несравнимо с великим достоинством апостола Павла. Но в то же время они могут вместе с апостолом Павлом сказать, что ничему своему не учат. Апостольское благовествование получено от Самого Господа Иисуса Христа, а их учение получено от святых отцов.

«Вот мое защищение против осуждающих меня» (ст. 3), — говорит апостол Павел. Какое еще нужно искать доказательство, когда это доказательство — живые люди, вы сами, получающие пользу от наставлений, от учения ваших руководителей, только почему-то забывающие о том источнике, из которого вы утоляете свою духовную жажду? Как можно насыщать свои духовные голод и жажду и в то же время пренебрегать теми, кто подает вам пищу духовную и вразумляет вас, словно эти вещи не связаны между собой? Все это говорится, повторяю, не для того, чтобы воздавать вашим наставникам должную благодарность, но для того, чтобы вы не поколебались в истине и вместе с осуждением немощей и недостатков ваших наставников не отринули бы и благое их учение. Да, они немощные сосуды, но если бы они учили от себя, тогда надо было бы пренебрегать их наставлениями, но они не учат своему, а передают вам святоотеческое Предание.

Продолжая свое рассуждение, апостол Павел говорит коринфянам: «Или мы не имеем власти есть и пить?»(ст. 4). Иначе говоря, «разве мы не имеем возможности, права получать содержание от тех, кого окормляем?» «Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену (или «сестру-женщину», по некоторым переводам. — Схиархим. А.), как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?» (ст. 5). Апостол Павел утверждает, что мог бы пользоваться от коринфян, своих духовных чад, обращенных им к вере, всеми благами. Он мог бы иметь при себе, по некоторым толкованиям, действительно жену, с которой они были бы как брат и сестра, потому что немыслимо, чтобы святые апостолы, исполненные дарами Святого Духа, состояли в обычном брачном сожительстве. Может быть, апостол Павел употребляет здесь слово «жена» в значении «женщина», подразумевая тех христианок, которые сопровождали апостолов для служения им подобно тому, как и за Господом следовали некоторые женщины, служившие Ему. Но апостол Павел, и на это мы должны обратить внимание, всем перечисленным не пользовался, хотя прочие апостолы — и братья Господни, и даже сам первоверховный апостол Кифа, то есть Петр, — пользовались этими преимуществами. А если так, то и ваши духовные руководители, хотя они не достигли бескорыстия и мужества апостола Павла, который, чтобы не иметь препятствия для проповеди, содержал себя трудом своих рук,

могут, по крайней мере, иметь себе извинение в том, что другие апостолы не поступали так, как апостол Павел. Поэтому соблазняться тем, что пастыри и старицы, окормляющие вас, имеют право на материальное содержание, было бы совершенно нелепо.

Обратимся к следующим словам апостола Павла: «Или один я и Варнава не имеем власти не работать? Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?»(ст. 6–7). Так апостол Павел прибегает к соображениям здравого смысла и показывает коринфянам, что поскольку и воин получает жалование от императора, и тот, кто трудится в винограднике или пасет стадо, насыщается от своих трудов, то естественно, что и пастыри должны получать необходимое содержание от тех, кого они обратили к вере. Если апостол Павел делал нечто большее, чем прочие апостолы, то это не значит, что те, кто не имеет возможности, не имеет силы духа и ревности поступать подобно ему, тем самым уже уклоняются от Предания апостольского.

Сам Спаситель заповедовал апостолам, чтобы они пребывали в том доме, где их принимают, и брали всё от того, что им дают (см. Мф. 10, 11; Лк. 10, 8). Так поступали апостолы, так поступают и ваши наставники. Святой апостол Павел — это великий человек, который хотел не только исполнять то, что повелел ему Господь, то есть проповедовать, но и, сверх того, еще трудиться своими руками, не желая иного вознаграждения за свой труд. Ваши руководители не могут равняться на того, кто преуспел в этом отношении, может быть, даже больше, чем прочие апостолы. Дай Бог вашим наставникам достигнуть хотя бы самой малой степени того преуспеяния, которое имели проповедники апостольского времени. Ведь они бескорыстно проповедовали по всему миру, переносили многочисленные скорби, гонения, преследования, презрение со стороны людей, терпели иногда и от своих учеников неблагодарность и презрение. Дай Бог нам хоть в чем-то уподобиться этим древним проповедникам истины!

«По человеческому ли только рассуждению я это говорю?» (ст. 8). Иначе говоря, пользуемся ли мы только человеческим рассуждением, здравым смыслом? «Не то же ли говорит и закон?» (ст. 8) — восклицает святой апостол. Что он имеет в виду? То, что сначала он привел пример из повседневной жизни, а теперь обращается к закону Моисееву, который подтверждает его слова: не только здравый смысл, но и Откровение Божие говорит о том, что пастыри должны получать содержание от пасомых. И речь даже не о содержании, а о должном уважении и благодарности, которая может проявляться хотя бы в некоторой посильной помощи тем, кто в ней нуждается: проповедникам, или апостолам, или духовнику, или старицам, или настоятельнице, или епископам и даже патриарху. Справедливо ли, что мы содержим тех, кто, с обыденной точки зрения, ничего не делает? В чем состоял труд апостола Павла? В том, что он говорил. Существует такое представление: если человек говорит, то он не работает, он просто «проводит время», хотя из Предания известно, что апостол Павел говорил так много, что у него опухал язык. При этом он говорил не пустые или ненужные вещи, а проповедовал слово Божие, Евангелие.

«Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог?» (ст. 9). Конечно же, здесь речь идет не о волах: хотя Бог заботится обо всех живых существах, но эта заповедь в законе Моисеевом не имеет отношения к заботе о животных. Здесь в приточной форме говорится о тех, кто трудится на ниве Божией, на жатве или молотьбе, собирает словесную пшеницу, то есть души человеческие. Они имеют право получать содержание от своих трудов.

«Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое» (ст. 10). При любом деле, если человек трудится и знает, что не сможет воспользоваться плодами своих трудов, то работает нерадиво, пренебрегает этим делом. То же самое апостол Павел говорит и

о духовном труде. Конечно, прежде всего важна награда на небесах, в будущей жизни, а земной наградой для пастырей служит благодарность, которая выражается в материальной помощи и просто в человеческом добром чувстве, поддержке, может быть снисхождении к каким-то немощам. Ведь и апостол Павел упоминает, что он проповедовал галатам в немощи, и они не соблазнились этим (см. Гал. 4, 13–14). А если он мог так сказать о себе, то что говорить о ваших наставниках, подлинно немощных и телесно, и душевно? Они еще больше нуждаются в снисхождении и имеют законное право на это снисхождение, если действительно проповедуют слово Божие, неповрежденное Евангелие, будь то проповедь о вере или, например, о нравственности, которую мы слышим в монашеской обители. Ведь проповедь — не только то, что говорится с амвона, но и наставление во время исповеди, и обличение, и доброе слово, может быть, когда-то и наказание, епитимья. Все это имеет целью пользу того, ради кого совершается. За все нужно быть благодарным: и за поддержку и утешение, и за строгость; за пространное назидание и за краткое, может быть, жесткое обличение. И при этом пастырь должен рассчитывать на то, что его правильно поймут, что ему будут благодарны и предоставят все, в чем он будет нуждаться, касается ли это телесных или душевных потребностей.

«Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?» (ст. 11). Действительно, если ваши наставники говорят о спасении, о вечности и трудятся именно ради этого, то велико ли, если они примут от вас какую-то малую благодарность за свои труды, которые вас ведут к спасению от вечных мук и делают причастниками вечного блаженства? Велико ли это? Ничтожно мало. Но когда доходит до дела, то оказывается, что духовное мы так мало ценим, что вовсе не придаем ему никакого значения, оно для нас почти не существует. Нам кажется, что в духовной жизни все само собой получилось, мы не понимаем, откуда все взялось, кто трудится и кто уже потрудился, для того чтобы нас, по крайней мере, вразумить и сделать христианами, которые знают святоотеческое Предание и понуждают себя жить по нему. Нам кажется, будто все произошло естественно, подобно тому как вырастает брошенное в землю семя. Но даже и за семенем нужен уход, чтобы оно принесло плод в свое время, тем более это можно сказать о слове Божием, посеянном в душе человеческой.

«Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы?» (ст. 12). Еслинад коринфянами властвовали другие, то есть наставлявшие их уже после апостола Павла, то не тем ли более имел власть над ними апостол, приведший их к вере? «Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову» (ст. 12). Апостол Павел все выносил, трудился своими руками для того, чтобы никто не упрекнул его в том, что он проповедовал коринфянам ради какой-то корысти. Он поступал так, но он был великим человеком. Кто может уподобиться ему? Преподобный Исаак Сирин, рассуждая о молитве и о том, как безмолвник должен проводить время в уединении, говорит, что апостол Павел трудился и при этом проповедовал, но попробуй найди еще такого апостола Павла, да и сам Павел говорит, что другие апостолы так не поступали. Можем ли мы их за это осуждать, имеет ли кто-то право пренебречь ими из-за этого? Конечно, это немыслимо.

Поэтому сделаем такой вывод: хотя апостол Павел в своем самоотвержении велик, но это не значит, что мы должны требовать от наших наставников того, что мог совершить, может быть, один-единственный человек во всей вселенной.

Апостол Павел получал неблагодарность и видел непонимание со стороны коринфян, но можно сказать, что та неблагодарность, которую он претерпел от коринфян, относительно невелика по сравнению с тем, что иногда претерпевали другие истинные пастыри. Волей-неволей нам приходится вспомнить о поступке Иуды Искариотского: мало того, что из-за своих страстей он разочаровался в Спасителе, но он даже не просто оставил Его и ушел, как сделали другие, потерявшие веру в Спасителя, но и предал Его. Евангелисты могут объяснить этот

иррациональный, безумный поступок только тем, что в Иуду вошел диавол. Поэтому если наши поступки направлены против тех людей, которые заботятся о нашем спасении, то мы должны понимать, что диавол рядом и что именно он влагает в наши сердца убийственные мысли и ненависть к тем, кто руководит нами на пути к спасению.

Я сейчас приведу очень впечатляющие примеры из жизни монашествующих — тех, которые, казалось бы, в особенности должны подражать Христу и даже одежда которых представляет собой подражание одежде Божией Матери, тех, которые облечены в ангельский образ. Именно в среде ревнителей благочестия бывают страшнейшие преступления, как случилось и в среде апостолов.

Итак, начнем с рассказа о преподобном Венедикте Нурсийском: недалеко от тех мест, где подвизался преподобный Венедикт, «был монастырь, настоятель которого скончался; все оставшиеся после него братия пришли к достоуважаемому Венедикту и усердно просили его быть у них настоятелем. Долго не соглашался он, представляя им, что со своими правилами не может угодить нравам всех братий: но побежденный мольбами дал согласие. Когда же ввел в этом монастыре строгость правил жизни и никому не позволял уклоняться самовольными действиями с пути монашества ни на правую, ни на левую сторону (что случалось прежде), то безумно ожесточившиеся братия сперва стали укорять друг друга за то, что просили себе такого строгого настоятеля, потому что их свободная жизнь не согласовалась с его святыми правилами. Потом, когда увидели, что он не позволит им вольности, а тяжело было оставить привычки и обветшавший ум занимать новыми предметами, то некоторые из них поспешили сделать покушение на его жизнь и, посоветовавшись друг с другом, однажды примешали к вину яд. Так тяжела жизнь добродетельных для людей с испорченными нравами! По обычаю монастырскому, они принесли для благословения настоятелю стеклянный сосуд, в котором содержалось это смертоносное питье. Святой Венедикт, простерши руку, сделал над сосудом знамение креста, и сосуд, долго до того времени бывший в употреблении, так расселся от этого знамения, как будто бы вместо креста святой муж бросил в него камень. Из того, что сосуд не мог вынести знамения жизни, муж Божий тотчас понял, что сосуд содержал в себе смертоносное питье, немедленно встал и с веселым лицом, со спокойным духом говорил собранным братиям: „Да помилует вас, братия, всемогущий Бог! За что вы хотели сделать со мной это? Не говорил ли я вам прежде, что мои обычаи не сходны с вашими? Идите и ищите себе настоятеля по своим обычаям, потому что после сего вы не можете иметь меня настоятелем“. Затем он возвратился на любимое пустынное место и стал жить один, сам с собою в очах Всевидящего Бога»[1].

Вот до чего можно дойти, если поддаться помыслам неудовольствия по отношению к духовным наставникам, — даже до покушения на их жизнь. Удивительно, что это не единственный случай в истории Церкви, а о многочисленных примерах изгнания из монастырей их настоятелей, основателей, как, скажем, преподобного Сергия Радонежского, я уже не говорю.

Теперь обратимся к случаю из жития преподобного Григория Синаита: «Божественный Григорий, увидев здесь спокойное и уединенное место (он удалился в пустыню. — Схиархим. А.) и нашедши его соответствующим намеченной во имя Божие цели, вследствие совершеннейшей непроходимости пустыни, признал делом прекрасным поставить себе здесь предел. Посему он и ученики, с усердием взявшись за труд, построили здесь келлии для своего обитания. Упомянутый же Амирали (это другой подвижник. — Схиархим. А.) расположился со своими учениками приблизительно на одну стадию дальше от своего жилища Месомилия, имея (в числе учеников) и некоего монаха Луку, который сначала был учеником и святого Григория, встретившись с ним на Святой Горе.

Он, Лука, плененный, под воздействием демона, злою страстью зависти, был всецело

неудержим, как носивший внутри постепенно разгоравшуюся злобу. Посему, бесстыдно и дерзко возбужденный против учителя, он устроил разбойническое нападение, стал насмешками и оскорблениями — о, законы и правда Божия! — осыпать блаженнейшего и благороднейшего предстоятеля пред Богом и даже безумно бросился на него с мечом, и если бы тотчас сбежавшиеся ученики Амирали, вознегодовав на безумного оскорбителя и обидчика Григория и, можно сказать, Самого Бога и выразив отвращение к его поступку, руками и силою не воспрепятствовали безумному нападению, то несчастный, может быть, впал бы и в грех убийства или же, если нужно сказать правду, подверг бы общество всей вселенной величайшему лишению, намереваясь отнять у него светильник и величайшего провозвестника и учителя слова правды, (проповедовавшего) как бы с самой центральной возвышенности. Он же (Григорий), несравнимый в добродетели и поистине образцовый ученик Христа кроткого и мирного, оказавшись в таком положении, для всех, особенно любящих природу прекрасного, представился любезным и достойным почитания образцом, потому что не только не имел никакой досады на восставшего на него против всякого ожидания, но сначала нисколько и не взволновался: ему и на ум не пришло воздать злом за зло, но он отплатил ему за это такой любовью, что выразил ему и благодарность, как заповедует божественное и священное слово (Мф. 5, 38–48); ясным доказательством этого служит то, что он ради его [духовной] пользы трудолюбиво написал трезвенные главы, около ста пятидесяти, исполненные наставления в делании и созерцании. Он же (Лука), видя такую незлопамятность святого старца, который не только ему не отмстил, но сделался его благодетелем, стал упрекать себя и, обратившись, от всего сердца покаялся и припал к ногам божественного Григория, прося разрешения в содеянном грехе, а потом сделался и прилежным его учеником и, по благодати Божией, оказался и в прочих отношениях опытным монахом»[2].

Следующий пример — из жития преподобного Симеона Нового Богослова: «Орошал он [преподобный Симеон], как я сказал, непрерывно паству словами, и она ежедневно возрастала, но не безболезненно, не без различных препятствий, а с великими трудностями и вражескими искушениями. И чтобы через одно искушение показать и прочие, с ним случившиеся, я расскажу о том, что причинили ему монахи этого монастыря во время богослужения (обратите внимание, они решились на такой страшный, такой дерзкий, безумный, диавольский поступок даже во время богослужения.— Схиархим. А.). Однажды утром, когда кончилось утреннее славословие и блаженный муж, как было у него в обычае, начал поучать учеников, то обличая, то запрещая, то увещевая (2 Тим. 4, 2), согласно совету апостольскому — внезапно человек тридцать монахов, разодрав на себе одежды, подобно тем, которые когда-то были вместе с Анной и Каиафой (Мф. 26, 65), с бессвязными криками, порываясь совершить убийство и смутив всю церковь, дерзко подняли нечестивые руки на отца своего, чтобы схватить и растерзать его, словно дикие звери (видимо, настолько неприятно им было наставление преподобного. — Схиархим. А.). А он, когда заметил внезапное изменение их и то, как они изменились к родному отцу и учителю, прижал руки к груди и мысль устремил к небу: стоя неподвижно, с ясной улыбкой взирал он на нечестивцев.

Они же продолжали наступать на него с бессмысленными воплями и бранью, ярость лающих псов и бесстыдство свое обнажая, но сила свыше не позволяла им наложить на него нечестивые руки, ибо благодать, в Симеоне поселившаяся, удерживала их на расстоянии и отталкивала от него. Не зная, что делать, они выбегают из церкви и, сокрушив запоры монастырских ворот, одержимые и безумные, бегут в патриархию, оставив блаженного мужа только с благочестивыми»[3].

Далее в житии преподобного говорится о том, что эти ученики пытались оклеветать его перед патриархом, но тот им не поверил и хотел подвергнуть клеветников изгнанию (видимо, ссылке), но преподобный Симеон упросил простить их, и эти непокорные ученики разошлись

кто куда. Преподобный, имея истинную любовь к ним, навещал каждого из них, приносил все необходимое, не прекращал своих увещаний, и наконец эти ученики покаялись и он вновь собрал их воедино.

Последний пример представляет собой отрывок из жития преподобного Афанасия Афонского: «В царствование Иоанна Цимисхия лукавый нашел благоприятный для себя случай снова искусить преподобного. Он возбудил простецов монахов, живших в других частях Горы, жаловаться на святого новому царю, что он уничтожил прежние афонские обычаи, совершенно извратил древние постановления, сделал произвольно разные нововведения, завел множество скота, насадил виноградники, построил множество изящнейших зданий, — словом, сделал Святую Гору мирским селением, отчего в Горе происходит много соблазнов. Поэтому и просили они царя, чтоб он изгнал Афанасия из Святой Горы и разрушил горделивые его здания. Царь, слышав о высокой добродетели святого, не вдруг поверил клевете, а написал к обвиняемому, чтоб он сам явился к нему для личного объяснения. Афанасий, исцелившись от болезни, явился. Увидев его и убедившись в личных его достоинствах, царь выразил глубокое к нему уважение и, вместо того чтоб сделать ему какое-нибудь зло, облагодетельствовал его, подобно своему предшественнику Никифору, принял участие в устроении монастыря, назначил его лавре ежегодную выдачу из царских сумм двухсот сорока четырех золотых монет и дал ему на то свой хрисовул. Святогорцы, видя, что они неправедной своей жалобой на Афанасия принесли ему не вред, а сущую пользу, познали, что диавол обольстил их строить козни праведнику, на их же погибель, и потому, раскаявшись, смиренно просили у святого прощения. Между тем, полный ненависти и злобы, супостат, видя, что этим способом нисколько нельзя повредить преподобному, скрежетал на него зубами и готовился к новой и сильнейшей брани. Это его приготовление видел один из имевших чистые душевные очи — старец Фома. В третий час дня пришел он как бы в исступление и видит: все горы и юдоли Афона полны были пификов, мрачных как эфиопы, которые с великим гневом и яростью говорили друг другу: „Други! Что мы терпим здешних всельников? Почему не истребим их? Почему не растерзаем их зубами нашими? Долго ли еще терпеть и начальника их — этого жестокого нашего сокрушителя? Отчего до сих пор не уничтожим его? Не видите ли, что он самым жестоким образом изгнал нас из места нашего?“ Тогда как это и подобное со всей бесовскою злостью говорили демоны, Фома видит, что преподобный вышел из своей келлии с жезлом в руке и начал жестоко бить злившихся эфиопов: мурины, не терпя ударов святого, исчезли как дым и удалились не только от Мелан, но и со всей Святой Горы. Видение это скоро пришло в исполнение. Исконный человекоубийца в одном несчастном иноке лавры возбудил такую ненависть к Афанасию, что тот решился непременно убить незлобивого своего отца; и потому, выточив нож, он тихо пришел ночью к его келлии, когда святой возносил прилежную к Господу Богу молитву за него же неблагодарного, и говорит: „Отче, благослови“. Глас Иаковль, но руки Исавли. Афанасий, праведный, как Авель, не знал, что вне стоит Каин и зовет его на убиение. Спросив изнутри келлии: „Кто там?“, преподобный отворил дверь. Но лишь только дерзкий и коварный сын увидел кроткого своего отца — руки его невольно оцепенели и гибельное его оружие упало на землю. Вслед за тем он пал к ногам невинного своего отца и с горьким плачем говорил: „Помилуй, отче, своего убийцу, прости беззаконие мое и оставь нечестие сердца моего!“ Преподобный, зажегши огонь, увидел на земле изощренный на заклание его нож, познал адское против себя намерение своего сына-изменника и, удивившись этому, говорит: „На разбойника ли ты пришел на меня, чадо мое? Впрочем, Бог да простит тебе беззаконие твое! Оставь же свои слезы и не объявляй никому об этом несчастном своем деле“. Говоря так, святой лобызал его, как своего друга и, во уверение своего забвения нанесенной ему обиды, дал ему некие дары о Господе, а впоследствии всегда любил его — не только живого, но и после смерти — и оплакивал его более всех других братий. Так-то блаженный был непамятозлобив! Между тем этот отцеубийца, тронутый до глубины души незлобием своего отца, рыдая и сокрушаясь о своем беззаконии, никак не мог удержаться, чтоб не

проповедовать о высоте отчей к себе любви и о своем великом преступлении, и умер с чувством глубокого покаяния. И другой брат, подвигнутый тоже действием исконной злобы на ненависть к преподобному, непременно хотел потребить его от земли живых, но, не зная, как успеть в этом преступнейшем своем замысле, он предался волхвованию и чарованиям и, однако ж, к удивлению, увидел, что все чары его против незлобивого отца не имеют никакого успеха. Этот жалкий инок случайно вопросил другого своего брата: „Могут ли иметь какое-нибудь действие на человека чарования?“ Брат отвечал: „На человека благочестивого и живущего по Боге волхвования не имеют никакого действия“. Слыша это, омрачившийся злобою брат пришел в себя; зная же о незлобии своего отца к подобному себе отцеубийце, явился он к нему и, припадши к ногам его, с великим рыданием исповедал ему грех свой и просил у него прощения — что и получил от того, который подражал Возлюбившему грешный мир даже до крестной смерти. Таков был Афанасий к согрешающим против него!»[4].

Итак, мы видели несколько страшных примеров того, как духовные чада доходили до такой ненависти к своим духовникам, старцам, настоятелям, что в буквальном, не в переносном смысле готовы были их убить. Если мы поддадимся неприязни к тем, кто проявляет к нам строгость, ограничивает нашу греховную волю для нашего спасения, то ведь и с нами может произойти нечто подобное и мы придем в ужасающее, можно сказать, демоническое состояние, уподобимся Иуде Искариотскому, в которого вошел диавол. Потому мы должны тщательно над собой бодрствовать и избегать даже легкой неприязни к тем, кто нами руководит, должны испытывать по отношению к ним чувство благодарности, помогать им во всех их нуждах: и телесных, и душевных, — потому что и наставники иногда нуждаются в душевной помощи и поддержке. Если апостол Павел просил молитв своих духовных чад, тем более ваши пастыри — немощные, однако же исполняющие свой пастырский долг, — нуждаются не только в вашей вещественной помощи, но и в духовном вознаграждении: благодарности, поддержке, молитве, снисхождении.

Только тогда мы будем получать пользу, когда будем благодарны своим наставникам и снисходительны к ним, а иначе можем всё потерять и превратиться из монашествующих, из тех, кто облечен в ангельский образ, в тех, кто под действием страстей уподобился демонам. Будем чрезвычайно внимательны к себе, будем понимать, что все совершающееся в обители установлено ради нашего спасения. Устав, ограничивающий нашу свободу, непосредственное духовное руководство старицы или духовника, распоряжения настоятельницы, святоотеческое учение в целом, святоотеческое Предание, монашеские обычаи — все это стесняет нас. Мы как бы окованы цепями, но только для того, чтобы не делать зла. Наоборот, именно эти ограничения освобождают наш дух для беспрепятственного служения Богу, делают нас способными к такому служению, окрыляют нас.

Если мы сознательно и ревностно будем следовать всем монашеским установлениям, мы можем стать действительно ангелоподобными и на крыльях послушания вознестись духом к Богу и в сей жизни — в молитве, и в жизни будущей, что гораздо важнее. Ради чего мы находимся в обители? Ради вечности. Так будем же всегда об этом помнить, будем совершать подвиг послушания с должным расположением — не как рабы, которых пленили и продали господину и которые подчиняются поневоле, из страха, а как дети, которые повинуются своему любимому отцу. Мы должны служить Богу через послушание, потому что оно научает нас заповедям евангельским, в которых заключена воля Божия. Пренебрегая послушанием, пренебрегаем Евангелием. Если мы утверждаем, что стремимся к жизни христианской, но нас якобы неправильно учат, то в действительности мы отвергаем возможность исполнить волю Божию, которую предлагают и разъясняют нам наши духовные наставники в конкретных жизненных обстоятельствах, в каждой, как нам кажется, малозначащей ситуации.

Будем понимать, что сущность духовной жизни — это послушание воле Божией. А оно, в свою

очередь, приобретается с помощью более опытных. Если мы пренебрегаем опытом тех, кого Промысл Божий поставил над нами, то это значит, что в действительности мы пренебрегаем волей Божией, дерзко и гордо отвергаем ее, что бы мы при этом ни говорили, как бы ни оправдывались. И если мы не исправимся, не покаемся, то можем дойти до того ужасного состояния, примеры которого я вам привел. Будем помнить слова святителя Игнатия (Брянчанинова), что иногда бывает так, что человек в монастыре становится более страстным, чем был в миру, и это происходит по той причине, что он не имеет покаяния. А тот, кто кается и считает себя грешником, будет слушать не только старицу, но и вообще любого человека и с радостью подчинится любому, считая себя самым последним и низким. Дай нам Бог приобрести должное душевное расположение, о котором говорит святой апостол Павел. И не дай Бог когда-нибудь прийти в ужасающее состояние, подобное тому, в которое пришел Иуда Искариотский и восставшие на великих святых преподобных мужей. Аминь.

12 августа 2007 года

Неделя 12-я по Пятидесятнице

1 Кор. 158 зач. (15, 1–11)

Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали. Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то-есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною. Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали.

О разумном стремлении к богопознанию

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел, обращаясь к коринфянам, говорит: «А я объявляю вам, братья, то Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь. В этом смысле я благовествовал вам, если вы держитесь моего благовествования, если только вы не напрасно уверовали. Ибо я передал вам во-первых то, что и принял: что Христос умер за грехи наши по Писаниям, и что Он был погребён, и что Он воздвигнут в третий день по Писаниям, и что Он явился Кифе, потом — Двенадцати; затем свыше чем пятистам братьям одновременно, из которых бóльшая часть доныне в живых, а некоторые почили; затем явился Иакову, потом всем апостолам; а после всех явился и мне, словно недоноску. Ибо я наименьший из апостолов, я, который недостоин называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию. Но благодатию Божией я есмь то, что я есмь, и благодать Его во мне не оказалась тщетной, но я больше всех их потрудился, впрочем не я, но благодать Божия со мною. Итак, я ли, они ли, — мы так проповедуем, и вы так уверовали» (ст. 1–11)[5]. Апостол Павел напоминает коринфянам и, конечно, всем православным христианам, в том числе и нам, что наша вера основана на знании о воскресении из мертвых Господа Иисуса Христа и о явлении Его многим людям. Около шестисот человек — а это очень большое число — стали свидетелями Воскресения Спасителя.

Но я хочу обратить внимание на слова апостола Павла, которые он говорит о самом себе. В один ряд с явлениями ученикам воскресшего Христа, бывшими до Вознесения, он ставит то явление Спасителя, которого удостоился он сам и которое, как мы знаем из Деяний апостольских, произошло спустя длительное время после Вознесения Христова. Значит, с точки зрения апостола Павла, это явление ничем не отличается от тех, которые были другим апостолам в другое время. И для нас, для людей, живущих спустя почти два тысячелетия с того времени, это чрезвычайно важно: это говорит о том, что нет никакой разницы между ближайшими учениками Спасителя и теми, кто обратился к вере позже. Даже познание истины через откровение, даже свидетельство о Воскресении Христовом и непосредственное опытное знание Его Воскресения в последующие времена может быть таким же, каким оно было для святых апостолов, например, на Фаворе.

Если мы обратимся к описанию явления Господа апостолу Павлу евангелистом Лукой (см. Деян. 9, 1–9), а потом самим апостолом Павлом (см. Деян. 22, 6–10), то увидим, что это явление очень похоже на то, как Господь преобразился перед своими избранными учениками, апостолами Петром, Иаковом и Иоанном, на горе Фавор. Из сравнения этих событий — Преображения Господа на Фаворе и явления Его святому апостолу Павлу можно заключить, что они равнозначны, а значит, апостол Павел был равен не только прочим апостолам, но и избранным ученикам Господа. Хотя он и называет себя недоноском или, как мы привыкли слышать в традиционном переводе (Синодальном или славянском) — извергом. Если вдуматься, то «изверг» — значит «изверженный». Изверженный и недоносок — близкие по смыслу слова, только слово «недоносок» русского происхождения, а «изверг» — заимствовано из старославянского.

Нужно помнить, что апостол Павел постиг Божественное происхождение Иисуса Христа и Его Воскресение, когда был гонителем на Церковь Божию, выискивал и арестовывал последователей Господа Иисуса в Иерусалиме. Потом, пылая жестокой ревностью, он «явился к первосвященнику, испросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы кого найдет стоящих на этом Пути, и мужчин и женщин, привести в узах в Иерусалим. И было в дороге: приближался он к Дамаску, и внезапно осиял его свет с неба». Перевод епископа Кассиана (Безобразова), который я привожу, несколько непривычен для нашего слуха. Но он, хотя и имеет недостатки, более точный, чем Синодальный русский перевод. Поэтому, если с первого взгляда что-то покажется не совсем уместным, то только потому, что мы привыкли читать другой текст. «И, упав на землю, он услышал голос, говорящий ему: Саул, Саул (это то же самое, что «Савл, Савл». — Схиархим. А.), что ты Меня гонишь? И он сказал: кто Ты, Господи? А Он: Я Иисус, Которого ты гонишь. Но встань и войди в город, и будет тебе сказано, что надлежит тебе делать. Люди же, сопутствующие ему, стояли в оцепенении, слыша голос и никого не видя. Савл же встал с земли и с открытыми глазами ничего не видел. И ведя его за руку, ввели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел, и не пил» (см. Деян. 9, 1–9). Далее говорится о крещении и прозрении апостола Павла.

Спустя какое-то время апостол Павел сам рассказывает о бывшем ему откровении, о видении Господа Иисуса Христа, объясняя иудеям, арестовавшим его за то, что он якобы осквернил храм Божий, почему он обратился от своей ложной ревности, от враждебного отношения к Церкви Христовой и стал не только ревнителем христианства, но и его проповедником. «И было со мной, когда я шел и приближался к Дамаску: около полудня внезапно воссиял с неба сильный свет вокруг меня, и я упал на землю и услышал голос, говорящий мне: „Саул, Саул, что ты меня гонишь?“ И я ответил: „кто Ты, Господи?“ И Он сказал мне: „Я — Иисус Назорей, Которого ты гонишь“. Бывшие со мной свет видели, но голоса Того, Кто мне говорил, не слышали. И я сказал: „что мне делать, Господи?“ Господь же сказал мне: „встань и иди в Дамаск и там тебе будет сказано о всём, что назначено тебе делать“» (Деян. 22, 6–10).

Если мы сравним это описание с предыдущим, то увидим, что они как будто бы друг другу противоречат. Это связано, во-первых, с неточностью перевода — он не передает все многообразие оттенков греческой речи, а во-вторых, с тем, что мы, возможно, воспринимаем Священное Писание упрощенно. Апостол Лука говорит: «Люди же, сопутствующие ему, стояли в оцепенении, слыша голос, и никого не видя». Слова апостола Павла как будто противоположны: «Бывшие со мной свет видели, но голоса Того, Кто мне говорил, не слышали». На самом деле противоречия здесь нет: люди, шедшие с ним, конечно же, свет видели, но Того, Кто был в этом свете, не видели. Из этого мы можем сделать вывод о том, что апостолу Павлу было явление не просто света, а в этом свете явился Сам Господь Иисус Христос. Прочим же Господь не был видим, они даже не понимали, с кем говорил Савл. В греческом тексте сказано, что сопутствующие слышали звук голоса, но, о чем говорил этот голос, не понимали, как бы не различали слов. Известный греческий толкователь Трембелас именно так и толкует эти стихи Священного Писания: бывшие с Савлом видели свет, но не видели Господа Иисуса Христа, слышали звуки голоса, но речи явственно не различали, не понимали, с кем говорит апостол Павел.

Таким было явление воскресшего Господа Иисуса Христа апостолу Павлу, которое сам он ставит в один ряд с явлениями Спасителя Кифе и другим апостолам и не видит никакой разницы между этими событиями. Отличие лишь в том, что апостол Павел считает себя наименьшим из апостолов, как бы неким извергом или, что звучит, может быть, более грубо, но зато более точно, недоноском — так апостол Павел себя поносил, так он смирялся перед своими духовными чадами.

Теперь обратимся к повествованию о Преображении Христа, мы увидим чрезвычайное сходство: «И через шесть дней берет Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возводит их на гору высокую отдельно от других. И преобразился Он перед ними: и просияло лицо Его как солнце, а одежды Его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, беседующие с Ним» (Мф. 17, 1–2). И здесь повествуется о том, как Господь Иисус Христос явился в славе. Можно сказать, что в видении апостола Павла совместились два величайших откровения: явление Господа Своим ученикам по Воскресении из мертвых, когда Он удостоверял их в подлинности Своего Воскресения, и Преображение Христа на горе Фавор, когда Он обнаружил перед учениками Свое Божество. (Апостол Павел одновременно познал и Воскресение Христово, и Его Божественное происхождение.)

Исходя из описания Преображения Христа на Фаворе и из слов апостола Павла о явлении воскресшего Спасителя (я сейчас не обращаюсь к повествованию Евангелия о явлении воскресшего Спасителя ученикам), мы можем сделать вывод о том, что эти два события равнозначны. И если апостол Павел по Вознесении Христовом испытал то же, что и прочие апостолы, даже самые высшие из них, Петр, Иаков и Иоанн, значит, и в последующие времена самые разные люди, даже в каком-то смысле и недостойные (ведь и апостол Павел был гонителем Церкви), могут дерзать приобрести то же опытное познание воскресшего Спасителя и преобразившегося Спасителя, явившего Свою Божественную славу. Единственное, что отличает любого человека от апостолов, — это то, что у него нет такой же ревности к стяжанию знания Божия.

Я приведу несколько примеров явления Господа подвижникам благочестия и начну с самого известного случая: как Господь Иисус Христос явился преподобному Серафиму Саровскому во время совершения им Божественной литургии.

«Когда Серафим, после малого входа и паремий, возгласил: Господи, спаси благочестивых, — и, вышедши в царские врата со словами: и во веки веков, навел на предстоящих орарем, его внезапно озарил сверху необыкновенный свет, как бы от лучей солнечных. Подняв взоры на

сияние, блаженный Серафим узрел Господа нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами»[6].

Несомненно, это описание похоже на то, как Господь наш Иисус Христос преобразился перед учениками на Фаворе. С Ним тогда были величайшие пророки, Илия и Моисей, что для благочестивых иудеев, каковыми являлись апостолы, было, может быть, даже больше, чем явление ангелов, херувимов и серафимов.

Далее видение преподобному Серафиму описывается так: «От западных церковных врат шел Он по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши руки Свои, благословил служащих и молящихся. Затем (обратите на это внимание. — Схиархим. А.) Он вступил в местный образ близ царских врат (как бы вошел в икону. — Схиархим. А.). Сердце блаженного преисполнилось неизреченною радостью, в сладости. пламенной любви ко Господу, и озарилось Божественным светом небесной благодати»[7]. Преподобный не мог сойти с места, его ввели в алтарь, и, не понимая, что случилось, подумали, что ему стало плохо, что он изнемог от поста (это происходило на Страстной седмице, в Великий Четверг). Около двух часов он стоял, меняясь в лице: то бледнея, то краснея, пока не пришел в себя и тогда смог рассказать о том, что произошло. Конечно, он рассказал о видении не всем, а только своим старцам.

Еще один пример. Речь пойдет о преподобном Силуане Афонском, русском подвижнике благочестия, умершем в 1938 году. Явление Господа ему было в конце XIX века, когда он был еще послушником на Афоне. У него была сильная брань и, видимо, чувство богооставленности, опустошения, он не прекращал молиться, но в конце концов дошел до отчаяния и ему пришла мысль: «Бога умолить невозможно». Конечно, она абсурдная, но когда человек крайне отчаивается, то уже не отдает себе отчета и поддается внушениям бесовским.

Обратимся к жизнеописанию преподобного Силуана: «„Бога умолить невозможно“. С этой мыслью он почувствовал полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски. В этом состоянии он пребывал около часа.

В тот же день, во время вечерни, в церкви Святого Пророка Илии, что на мельнице, направо от царских врат (обратите внимание, речь опять пойдет об иконе. — Схиархим. А.), где находится местная икона Спасителя, он увидел живого Христа.

„Господь непостижимо явился“ молодому послушнику, и все существо и самое тело его исполнились огнем благодати Святого Духа, тем огнем, который Господь низвел на землю Своим пришествием (Лк. 12, 49).

От видения Симеон пришел в изнеможение, и Господь скрылся.

Невозможно описывать то состояние, в котором находился он в тот час. Мы знаем из уст и писаний блаженного Старца, что его осиял тогда великий Божественный свет, что он был изъят из этого мира и духом возведен на небо, где слышал неизрекаемые глаголы; что в тот момент он получил как бы новое рождение свыше (Ин. 1, 13; 3, 3). Кроткий взор всепрощающего, безмерно любящего, радостного Христа привлек к Себе всего человека и затем, скрывшись, сладостью любви Божией восхитил дух его в созерцание Божества уже вне образов мира»[8].

Случаи явления Господа Иисуса Христа Серафиму Саровскому и старцу Силуану похожи, только в первом случае Он явился и вошел в образ, а в последнем — икона Спасителя преобразилась.

Сейчас я опишу еще одно видение Христа, которое, конечно, не совершенно точно, но в основных своих чертах совпадает с тем, что видел апостол Павел, и с тем, что пережили ближайшие ученики Спасителя на горе Фавор.

У блаженного Нифонта, епископа Кипрского (это происходило еще до принятия им епископства), была сильнейшая, страшная брань, которую мы, наверное, не смогли бы понести. Даже он лишился рассудка на несколько лет, а что было бы с нами, не знаю, — наверное, умерли бы от страха в буквальном смысле слова.

Зачитаю отрывок из жития блаженного Нифонта: «Бог попустил прийти на Нифонта искушению, чтобы, испытанный как золото в горниле, он оказался достойным благодати Господней; искушение же то состояло в повреждении его ума, и оно, по диавольскому наваждению, продолжалось четыре года. Стоял однажды Нифонт на молитве с вечера до утра (уже мы можем увидеть разницу в сравнении с тем, как мы молимся: и время молитвы, и продолжительность моления показывают, какое у него было усердие. — Схиархим. А.) и вдруг услыхал страшный шум, несущийся справа налево. Святой ужаснулся и думал, что это за шум; и тотчас явился диавол с громким ревом и яростью и навел такой страх на святого, что ум его помрачился; едва придя в себя, он хотел помолиться и осенить себя крестным знамением, как дьявол напал на него со словами:

— Оставь молитву, и тогда я не стану бороться с тобою!

Блаженный же отвечал:

— Ни за что не послушаю тебя, нечистый дух: если Бог повелел тебе погубить меня, с благодарностью принимаю это, если же нет, то скоро с помощью Божией одолею тебя!

Диавол сказал на это:

— Ты заблуждаешься, Нифонт: Бога нет; ибо где Он?

Так постоянно говорил ему бес, развращая и помрачая его ум»[9].

Представьте себе: диавол явился и говорит: «Бога нет». Это абсурд: ведь если есть диавол, значит, мы должны предполагать, что сверхъестественный мир существует; а своим явлением диавол обнаруживает, что учение христианства о потустороннем мире, по крайней мере одна его часть, — правильное, значит, нужно предположить, что и другая, не испытанная его часть также соответствует действительности. Но сила страсти или, правильнее сказать, сила внушения бесовского столь могущественна, что человек не способен здраво рассуждать под ее воздействием.

Далее в житии блаженного Нифонта повествуется: «Так постоянно говорил ему бес, развращая и помрачая его ум. Святой же отвечал ему:

— Ты говоришь, диавол, как безумный, ибо „рече безумец в сердце своем: несть Бог“ (Пс. 13, 1).

Он хотел молиться, но не мог: произносил слова, а ум не покорялся ему. Горько печалился святой, помутившись умом, с этих пор он потерял рассудок и страдал, а когда он несколько приходил в себя, опять бес, не переставая говорил ему: „Нет Бога“, — но святой отвечал:

— Если даже я впаду в блуд, если убью, если еще какой грех сделаю, но от Христа моего не отвергнусь.

Диавол же опять говорил ему:

— Что ты говоришь: есть ли Христос? Нет Христа: я один всем владею и царствую над всем; кто тебе сказал, что есть Бог или Христос?

— Не прельстишь меня, темная власть! — отвечал святой. — Отойди от меня, враг всякой правды!

Диавол же не отступал и все боролся с ним, помрачая его ум и принуждая сказать: „Нет Бога“»[10].

Это чрезвычайно сильная хульная брань. Трудно вместить в разум, что такое может происходить.

«Так четыре года боролся святой с бесом и принуждал себя к молитве. Однажды, во время молитвы, усомнившись, есть ли Бог, взглянул он на икону Спасителя и, вздохнув из глубины сердца, простер руки к иконе со словами:

— Боже, Боже мой, зачем Ты меня оставил? Дай мне узнать, что Ты Бог, и что нет иного кроме Тебя, чтобы мне не преклониться к вражьему совету.

С этими словами он увидал, что лик Христа на иконе светится как солнце, и при сем обонял благоухание несказанное. В ужасе упал на землю, говоря:

— Прости меня, Владыка, что я искушал Тебя, сомневаясь в Тебе, Боге моем; теперь я верую, что Ты Един Бог и Создатель всей твари.

Лежа на земле, он повернул голову и посмотрел на образ Спаса и увидел чудо: образ Господень двигал глазами и бровями, как бы живой человек. Нифонт воскликнул:

— Благословен Бог мой и благословенно славное имя Его ныне и во веки, аминь!

С того времени сошла на Нифонта благодать Божия, ибо прошли уже четыре года испытания его; после сего у него всегда было веселое и светлое лицо, так что некоторые недоумевали и говорили:

— Что это значит, столько лет он ходил угрюмый, а теперь радуется и весел?

У святого же явилось мужество против бесов; насмехаясь над ними, он говорил:

— Где те, кто утверждали, что нет Бога?

И побеждал их постоянной молитвою»[11].

Мы видим, что это явление почти совпадает с тем, что испытал старец Силуан, и очень похоже на то, что испытал Серафим Саровский: там Спаситель явился и вошел в икону, а здесь, наоборот, если так можно выразиться, вышел из иконы. А по ощущениям тех, кому было видение, эти явления очень похожи на то, что испытал апостол Павел и апостолы, видевшие Господа на Фаворе.

Блаженный Нифонт жил в IV веке, то есть более полутора тысяч лет назад. Силуану Афонскому видение было в конце XIX века, преподобному Серафиму — в конце XVIII века, когда он был иеродиаконом. Приведу еще одно краткое описание того, что испытал подвижник, живший еще ближе к нам по времени. Оно принадлежит Иосифу Исихасту. Он передает два эпизода,

один из которых касается его самого, а второй — некоего подвижника, чье имя не названо.

«Однажды из-за следующих одно за другим ужасных искушений возобладали во мне печаль и уныние. И судился я с Богом, что это несправедливо. Что Он предает меня в столь многие искушения, не сдерживая их хоть немного, чтобы я хотя бы перевел дыхание. И в этой горечи услышал я голос внутри себя, очень сладкий и очень чистый, с глубочайшим состраданием: „Не вытерпишь всего этого ради Моей любви?“ И с этим голосом я разразился слезами такими сильными, и каялся об унынии, которое во мне возобладало. Не забываю никогда этот голос, такой сладкий, что сразу исчезло искушение и все уныние.

— Не вытерпишь всего этого ради Моей любви?

— О, воистину сладкая Любовь! Ради любви Твоей мы распялись и всё переносим!

Рассказывал мне еще тот брат, что однажды была у него печаль из-за некоего брата, которому он советовал, а тот не слушался, и была большая печаль из-за него. И, молясь, пришел он в исступление.

И видит Господа, на Кресте пригвожденного, всего окруженного светом. И, возведя главу, Христос обращается к нему и говорит: „Посмотри на Меня, сколько Я терпел ради любви твоей! А что ты терпишь?“

И с этим словом растворилась печаль, наполнился он радостью и миром, и, изливая ручьи слез, удивлялся и удивляется снисхождению Господню, Который попускает скорби, но и снова утешает, когда видит, что мы унываем»[12].

Иосиф Исихаст умер в 1959 году, значит, это видение было в XX веке — скорее всего, после Первой мировой войны. Итак, мы видим четыре явления Христа (внутренний голос, бывший Иосифу Исихасту, не учитываем): в XX веке, в конце XIX, в конце XVIII, в IV веке, и еще одно — видение апостола Павла, бывшее хотя и в I столетии, но уже по Вознесении Христа. И все эти явления равнозначны, ничем не отличаются от того, что переживали апостолы. Таким образом, опыт отцов (может быть, не всех, но тех, кто испытал подобное) совершенно тождествен опыту святых апостолов. Как апостол Павел имел то же откровение, что и высшие апостолы, так и все святые отцы имели ту же степень богопознания, что и апостол Павел; и мы, как и они, могли бы приблизиться к Богу, поэтому ничто не извиняет нашего нерадения.

Конечно, я говорю не для того, чтобы мы искали видений (наоборот — нужно быть чрезвычайно осторожными), и не для того, чтобы убавить ревность, а для того, чтобы предостеречь от прелести, поскольку ложная ревность может привести к самообольщению или, правильнее сказать, к обольщению бесовскому.

Приведу в пример два случая. Первый — из жития русского подвижника, затворника Печерского — преподобного Исаакия. Он очень строго подвизался, жил в затворе, в пещере.

«Однажды, при наступлении вечера, он по своему обычаю начал творить коленопреклонения, воспевая псалмы до полуночи; когда же он утомился, то, погасив свечу, сел на месте своем. Внезапно пещеру озарил великий свет, яркий как солнечный, и к преподобному подошли два беса в образе прекрасных юношей; лица их светились как солнце; они сказали святому:

— Исаакий! Мы — ангелы, а вот грядет к тебе Христос с небесными силами.

Поднявшись, Исаакий увидел множество бесов; лица их светились как солнце; один же среди них сиял более всех, и от лица его исходили лучи; тогда бесы сказали Исаакию:

— Исаакий! Вот — Христос; пади перед Ним, и поклонись Ему.

Не поняв бесовской хитрости и забыв ознаменовать себя крестным знамением, преподобный поклонился тому бесу, как бы Христу.

Тотчас же бесы подняли великий крик, возглашая:

— Исаакий — ты наш теперь!

Посадив его, они сами сели вокруг него; вся келия и пещерная улица около той келии наполнилась бесами (пещерные улицы в Киево-Печерской Лавре — это проходы, вырытые в горе, наподобие коридоров, в которые открывались пещерки, кельи затворников. — Схиархим. А.). Тогда один из бесов, мнимый Христос, сказал:

— Возьмите сопели, гусли и тимпаны и играйте на них, а Исаакий пусть пляшет перед нами.

Тотчас бесы стали ударять в сопели, тимпаны и гусли; схватив Исаакия, они стали скакать с ним и плясать в течение долгого времени; утомив преподобного, и оставив его едва живым и таким образом надругавшись над ним, бесы исчезли»[13].

В этом состоянии Исаакия обнаружил преподобный Антоний и стал его выхаживать, причем тот совершенно лишился рассудка, ничего не понимал и не мог двигаться. И только спустя долгое время — конечно, по молитвам отцов и благодаря уходу сначала преподобного Антония, потом преподобного Феодосия — Исаакий пришел в себя и вновь вступил в брань с диаволом, но уже не через уединение, а через безропотное, беспрекословное послушание — и на этот раз победил, стяжал благодать Божию, милость Божию и даже стал чудотворцем.

Мы читаем это не для того, чтобы порицать преподобного Исаакия, а для того, чтобы показать, что бывают ложные видения, и потому нужно быть, как я уже сказал, очень осторожными. Мы должны стремиться не к видению воскресшего Христа, а к тому же богопознанию, какое было у апостолов, стремиться, ничем себя не извиняя и не оправдывая. Пусть мы грешники, негодные и ничтожные люди, но и апостол Павел таковым искренно себя считал, называя себя недоноском, потому что гнал Церковь Божию.

Второй случай описан в Отечнике: «Был некто Валент, родом из Палестины, по духу гордый. Этот Валент долго жил с нами в пустыне. Много изнурял он свою плоть и по жизни был великим подвижником, но потом, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие, так что сделался игралищем бесов. Однажды глубоким вечером, когда уже было темно, он плел корзины и уронил шило на пол. Долго он не находил его, как вдруг, по бесовскому наваждению, появился в келии зажженный светильник, с ним он нашел потерянное шило. Это дало пищу его надменности. В упоении гордости подвижник еще более возмечтал о себе, так что стал наконец презирать и сами Тайны Христовы»[14].

Получается, что мнимую благодать он принял, а подлинную благодать, преподаваемую через Тайны Христовы, презрел. Явившегося ему под видом Спасителя демона он впоследствии предпочел Святым Тайнам, то есть мнимое созерцание Христа предпочел подлинному единению с Ним. Затем произошло следующее.

«Диавол же, уверившись, что Валент совершенно предался его обману, принял на себя вид Спасителя и ночью пришел к нему, окруженный сонмом демонов в образе ангелов с зажженными светильниками. И вот появился огненный круг, и в середине его Валент увидел как бы Спасителя. Один из демонов в образе ангела подошел к нему и сказал:

— Ты благоугодил Христу своими подвигами, и Он пришел видеть тебя. Итак, ничего другого не делай, а только, встав вдали и увидев его, стоящего среди всего сонма, поклонись ему, потом иди в свою келию.

Валент вышел и, увидев множество духов со светильниками на расстоянии около стадии, поклонился антихристу. Обольщенный до того простер свое безумие, что, придя на другой день в церковь, сказал при всей братии:

— Я не имею нужды в приобщении, сегодня я видел Христа.

Тогда святые отцы, связав его цепями, в течение года вылечили его, истребив его гордость молитвами, разнообразным унижением и суровой жизнью, как говорится, противное врачуя противным»[15].

Не нужно стремиться к видению. Обратите внимание, в душу Исаакия вкралась гордость, он ожидал чего-то особенного; Валент, как мы видим из повествования, был предрасположен к бесовскому обольщению. А апостол Павел, проявляя враждебность к Церкви, не ожидал никакого откровения, наоборот, он не признавал и не принимал Воскресения Иисуса Христа, явившегося ему в то время, когда он шел арестовывать и, может быть, даже убивать последователей Господа. Но для нас важно то, что апостол Павел ничего не ждал и в каком-то смысле имел чистую совесть, предполагая, что учение, которому он следовал, — фарисейская ересь, — справедливо; он исполнял все, что предписывалось, кроме того, был девственником. Старец Силуан, также ничего не ожидая, сказал: «Господи, ты неумолим». А если неумолим, значит, чего можно ожидать? Блаженный Нифонт просил, чтобы Господь укрепил его в вере, но разве он ожидал, что ему явится воскресший Христос, притом еще преображенный в славе, как на Фаворе. То же можно сказать и о Серафиме Саровском, который как иеродиакон совершал богослужение. Безусловно, ни одна часть богослужения не предусматривает подобного. И вдруг на малом входе он смог созерцать такое, что даже онемел.

Поэтому, с одной стороны, мы должны стремиться к богопознанию, и ревновать об угождении Богу и очищении своего сердца так же, как апостолы и святые отцы, с другой стороны, ничего не должны ожидать, почитая себя недостойными, как это делал апостол Павел, не стеснявшийся называть себя недоноском, или как Силуан Афонский и блаженный Нифонт, хотя отчаявшиеся до последней степени, но в этом отчаянии смирившиеся, то есть думавшие о себе, что они самые ничтожные люди и такие тяжкие грешники, что Бог от них отступил.

Будем разумно ревновать о своем спасении, о своем совершенствовании. Разумно, но не значит цинично, разумно, но не значит поддавшись теплохладности. Будем разумно ревновать, и Господь нас не оставит, несмотря на все наши недостатки, лишь бы мы были искренними, как апостол Павел, как блаженный Нифонт или Силуан Афонский и другие подвижники благочестия, уподобившиеся в степени богопознания святым апостолам. Аминь.

3 сентября 2006 года

Неделя 13-я по Пятидесятнице

1 Кор. 166 зач. (16, 13–24)

Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Все у вас да будет с любовью.

Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым), будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому

содействующему и трудящемуся. Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых.

Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью. Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием.

Мое, Павлово, приветствие собственноручно. Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, мара́н-афа́. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

Об истинной любви к Богу

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем апостольском чтении есть удивительные слова: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа» (ст. 22). «Анафема» в переводе с греческого значит «да будет отлучен». «Маран-афа» на арамейском диалекте, на котором евреи говорили во времена Спасителя, имеет приблизительно тот же смысл. Когда мы слышим эти слова, то, с одной стороны, не можем не устрашиться, а с другой, желая себя оправдать, относим их не к себе, а к врагам веры Христовой. Но если мы будем откровенными перед собой, то сможем ли мы сказать, что действительно любим Господа Иисуса Христа и к нам не относится это страшное прещение, предупреждение о том, что ждет людей, которые не имеют любви к Спасителю?

Господь наш Иисус Христос, посылая учеников на проповедь, сказал им: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Мф. 10, 34–36). Эти слова, безусловно, относятся к тому предмету, о котором мы сейчас рассуждаем. Любовь к Богу, к Господу Иисусу Христу бывает столь сильна, что истинного христианина она не только разлучает с самыми ближайшими родственниками, но и приводит иногда к вражде с ними.

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня» (Мф. 10, 37). Можем ли мы о себе сказать, что наша любовь к Господу так велика, что превзошла привязанность к самым родным людям, то есть отцу и матери? Иногда бывает, что человек как будто бы отрекается от своих родственников и следует за Господом, но не потому, что он предпочел любовь к Богу любви к своим родным, а потому, что у него к родным любви никогда и не было, он безразличен к ним, и собственно отречения не произошло. Просто был избран, может быть, более удобный для него образ жизни.

Нужно иметь в виду, что во времена земной жизни Спасителя нравы еще не были так испорчены, любовь к родственникам была незыблемым фундаментом нравственной жизни не только у иудеев, которые, согласно предписаниям закона Моисеева, особенно хранили ее, но и у язычников. Спаситель говорит: «И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня» (Мф. 10, 37). Значит, любовь к Господу Иисусу Христу должна превзойти даже любовь к своим детям (что уже совсем не вмещается в разум человеческий). «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38).

Но и это еще не все. На прощальной беседе со своими учениками, на Тайной вечери, Господь наш Иисус Христос открыл им, каковы должны быть признаки истинной любви к Нему: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет

Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин. 14, 21). Итак, внешний признак любви — это соблюдение заповедей Господних, а внутренний, духовный — явление Господа Иисуса Христа самому подвижнику. Далее Спаситель объясняет, как происходит это явление, и, хотя Он говорит не прямо, нетрудно понять, что имеется в виду: «Иуда — не Искариот — говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 22–23).

Понятно, что если Господь Иисус Христос может явиться непосредственно в Своей плоти, как, например, Он являлся преподобному Серафиму Саровскому или преподобному Силуану Афонскому, то Отец, не имеющий никакого вида и образа, может явиться только в душе человека так, что человек духом, умом узрит Его без какого-либо вещественного представления. Вспомним Преображение Спасителя: Господь может явиться как свет, облако или голос, но эти явления нельзя будет сравнить с каким-либо явлением вещественного мира. Кроме того, Отец и Сын, конечно же, не без участия Духа Святого, сотворят обитель внутри человека, в его сердце. Например, святой праведный Иоанн Кронштадтский пишет в своем дневнике, что когда он причащался Святых Христовых Таин, то ясно ощущал в душе своей, в сердце своем присутствие Пресвятой Троицы.

Итак, из признаков Божией любви Господь Иисус Христос выбрал только самые непосредственные признаки, хотя можно было найти много других. Во-первых, любовь к Господу Иисусу Христу должна быть выше, чем любовь к отцу, матери и детям. Во-вторых, она выражается в соблюдении заповедей: кто не в своем воображении только, но на деле любит Господа, тот слушает слово Божие, соблюдает заповеди, и в душе его пребывает Пресвятая Троица. Признаки безразличия, отсутствия любви также названы: «Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца» (Ин. 14, 24). Можем ли мы утверждать, что соблюдаем слова Божии? Если кто-нибудь и осмелился бы сказать это, то, пожалуй, можно было бы заподозрить его в самообольщении, в слепоте духовной.

Вернемся к словам апостола Павла «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, мара□н-афа□». Как это нужно понимать? Проклятие ли это со стороны апостола Павла или это предупреждение о том, что может произойти с теми, кто не имеет любви к Господу?

Действительно, кто не имеет этой любви, тот сам себя отлучает от Него или, выражаясь современным языком, разлучает с Господом. Разве отсутствие любви само по себе не является анафемой — разъединенностью с Иисусом Христом? Кто не любит Господа Иисуса Христа, тот сам навлекает на себя это проклятье, то есть анафему, если мы будем переводить это слово буквально. Своим безразличием, своей теплохладностью мы сами разлучаем себя с Господом. Апостол Павел предупреждает нас и всех, кто не имеет пламенной веры и постоянного усердия к стяжанию любви Господней, что мы будем разлучены с Ним не только в сем веке (а это мы, к сожалению, уже чувствуем, потому что Господь далек от нас или, правильнее сказать, мы удалились от Него), но и в веке будущем.

Перевод слов «маран-афа» довольно-таки пространный. В Синодальном переводе Нового Завета к тексту сделано примечание о том, что «маран-афа» значит «да будет отлучен до пришествия Господа». Можно истолковать эти слова и так: «тот, кто отлучен, будет наказан в пришествие Господне».

Но не для того апостол Павел это писал, чтобы коринфяне, к которым обращено его послание, отчаялись. И я рассуждаю на эту тему не для того, чтобы привести вас в смущение или уныние, а для того, чтобы вы понудили себя к покаянию и через покаяние пришли к исполнению

заповедей, соединению своего ума с Господом Иисусом Христом и самоотвержению ради Него. Слова эти сказаны для того, чтобы мы исправились и стали истинными христианами, а не только назывались именем Его, будучи на деле с Ним разлучены. Господь Иисус Христос тому, кто из любви к Нему соблюдает заповеди, является непосредственно, является в его сердце и пребывает в нем, и силою Божией такой человек может не только исполнять заповеди, но и совершать великие дела ради спасения ближних.

Апостол Павел, перечисляя свои страдания и скорби ради апостольской проповеди, говорит: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13). В ином месте, когда апостол Павел утверждает, что потрудился более других апостолов, он делает такое примечание: «Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор. 15, 10). Когда Господь будет с нами, когда Он будет действовать в нас, мы сможем соблюдать заповеди, потому что Господь будет содействовать этому, пребывая в нас. Он даже будет действовать вместо нас, и мы будем изумляться тем великим делам, какие будут совершаться. Только тогда мы сможем сказать, что любим Господа Иисуса Христа, как любил Его апостол Павел, как любили Его другие апостолы, истинные подвижники, истинные рабы Божии во все времена существования Церкви Христовой. Аминь.

24 сентября 2006 года

О христианской любви

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Апостол Павел, оканчивая свое Послание к коринфянам, наставляет их: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды» (ст. 13). Этими словами подчеркивается, что истинный христианин похож на воина, только ведет он невидимую брань, участвует в невидимой битве. Но оттого что она невидима, эта битва не становится неосязаемой, тем более недействительной и эфемерной. Сражение в духовной борьбе гораздо опаснее: ошибки в ней приводят к более страшным последствиям, чем малодушное поведение или неумение воина вести бой в обычном сражении. Потому что в обычном сражении, потеряв телесную жизнь, человек может сохранить свою душу для вечности, а в невидимой духовной битве может погубить себя навеки — потерпев поражение, он подвергнется вечным мучениям. Поэтому мы, христиане, должны быть гораздо более бдительными, то есть бодрствовать, стоять в вере. А бодрствование предполагает соединение двух, казалось бы, противоположных свойств — настороженности и мужества: тот, кто чересчур беспечен, может быть сражен, и тот, кто малодушен, заранее обрекает себя на поражение. В соединении настороженности и мужества мы должны укрепляться и утверждаться.

Далее апостол Павел говорит замечательные слова, простые, но, как часто бывает, если слова сказаны от непосредственного опыта, глубоко проникновенные: «Все у вас да будет с любовью» (ст. 14), а можно перевести точнее: «Все у вас да будет в любви».И если мы не предубеждены, если мы чутки к слову Божию и действительно хотим воспринять учение Духа Святого, которое заключено в Священном Писании, или, можно сказать, является Священным Писанием, тогда мы должны почувствовать этот опыт, понять и воспринять его своим сердцем. Сказано просто, но какой огромный смысл объемлют эти слова: «Все у вас да будет в любви»! Все, что бы мы, христиане, ни делали, управляем ли мы другими людьми, занимая начальственную должность, наставляем, творим милостыню или молимся — все должно быть в любви. И нет ничего, что не должно обретаться именно в любви, что может оказаться не освященным любовью, не погруженным в любовь. Если нам представляется иначе и мы сознательно или нечаянно не следуем этому наставлению апостола, значит, мы несовершенны или даже не стремимся

стяжать добродетель, при которой все, что бы мы ни делали, было пронизано любовью, все было в любви, исходило от любви и делалось ради любви и с любовью.

И апостол Павел приводит в пример людей, живущих по любви, и пример любви, какую нужно оказывать людям из благодарности к их труду — помощи истинным христианам (может быть, апостолам или другим учителям и служителям Церкви). «Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым[16]), будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся» (ст. 15–16). Просьба апостола Павла в переводе епископа Кассиана звучит так: «Прошу, чтобы и вы подчинялись таковым и каждому соработнику и труженику».Дом Стефана — это семья Стефана, которая была настолько примерной, настолько богоугодной, что апостол Павел призывает и всех коринфян ей подчиняться. В каком смысле подчиняться? Эти люди не занимали, может быть, никакой иерархической должности, но следовало им подчиняться, как и всякому, кто таким образом служит Богу в Церкви, потому что они достойны того, чтобы им подражали и помогали — подчинялись бы в том смысле, что вместе с ними совершали добрые дела.

Любовь апостола Павла проявляется и в словах «Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше» (ст. 17). Видимо, он нуждался в какой-то помощи, содержании, может быть, и в моральной поддержке. А может быть, недостаток был восполнен в том смысле, что, испытывая отеческую любовь ко всем коринфянам, апостол Павел несколько утешился тем, что его навестили хотя бы немногие из них.

Еще один пример любви мы находим в следующем стихе: «Ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых» (ст. 18).Действительно, когда человек испытывает любовь, его дух может успокоить только то, что чувство любви будет хотя бы несколько удовлетворено. Это и испытал апостол Павел. Здесь имеется в виду и то, что коринфяне, испытывавшие сыновнюю любовь к апостолу Павлу, также не могли обрести мира, пока не послали некоторых представителей к нему. С одной стороны, они рассказали ему обо всем, что происходило в Коринфе, и задали некоторые вопросы, с другой — получили наставление в виде послания. Таким образом, успокоился и дух коринфян, хотя в послании апостол Павел и обличает их. Однако он делает это исключительно из любви, а не из желания досадить или отомстить коринфянам за их плохое поведение или, как говорит светское юридическое право, совершить возмездие тому, кто сотворил преступление. Для того наказывают духовных чад или обличением, или епитимиями, чтобы исправить их, чтобы сделать их достойными любви Божией и вернуть к деятельной христианской любви.

«Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью» (ст. 19). Апостол Павел передает приветствие от церквей, то есть общин другой провинции — Асии. Коринфяне относились к древней провинции Ахаии, а здесь говорится об Асии (так называлась часть современной Малой Азии). Приветствие церквей Асийских исходит от немногих людей, знакомых коринфянам, — Акилы и Прискиллы с домашнею церковью, которую составляли те, кто собирался и молился в их доме. Тогда не было таких храмов, как сейчас, и люди в бедности и скудости преломляли хлебы, то есть совершали Таинство Евхаристии по домам (см. Деян. 2, 46). Так же и в доме Акилы и Прискиллы совершалось богослужение.

Вспомним и слова Спасителя, Который говорит: «Если вы приветствуете только своих друзей, то чем вы лучше язычников?» (см. Мф. 5, 47). Значит, приветствие и вообще приветливость, доброе расположение, не приносящее человеку, казалось бы, никакой пользы, на самом деле является естественным и необходимым проявлением любви. Если есть любовь, значит, будет и приветливость, если любви нет — в отношениях бывают сухость, холодность, сумрачность,

жесткость.

Конечно, есть ложная приветливость, лицемерная вежливость. Как и любая добродетель, вежливость может быть настоящей и происходить от искреннего сердечного расположения, а может быть исполнена лишь по видимости, являясь, по сути, лицемерием. Но не надо думать, что вежливость — это нечто ненужное и что мы должны быть простыми, грубыми, как будто бы в том, что мы говорим грубым голосом и уязвляем друг друга, есть какое-то достоинство, будто бы это святая простота. Это простота нехорошая, это проявление нашей холодности, а может быть, и гневливости. Истинная простота должна быть соединена с приветливостью, с расположением, проявляющимся даже во внешнем поведении. Вспомним, как преподобный Серафим Саровский обращался к людям, приходившим к нему: «Христос воскресе, радость моя!» Вежливость это? Может быть, такое обращение не совсем укладывается в рамки нашего представления о вежливости, но на самом деле это настоящая, истинная христианская приветливость, та самая, которая заповедана Господом Иисусом Христом, та самая, о которой говорит святой апостол Павел.

«Приветствуют вас все братия» (ст. 20). Между прочим, мы не обращаем внимания на слова «братья», «сестры», так как привыкли к ним. А они выражают то, какие отношения должны быть между нами, христианами: все правоверующие, правомыслящие, все, живущие по заповедям евангельским, являются нашими братьями и сестрами. Однако мы в лучшем случае чувствуем близость к себе только тех, с кем рядом живем (хотя для начала и это неплохо), скажем, членов нашей монашеской общины. А по большей части люди считают своими братьями и сестрами тех, кто с ними одной крови, кто происходит от тех же отца и матери, хотя они могут быть совершенно чужими и даже враждебными им по духу. Эта разобщенность свидетельствует о недостатке любви между христианами.

Далее апостол Павел дает такой совет: «Приветствуйте друг друга святым целованием» (ст. 20). Мы знаем, что поцелуй может выражать самые разные чувства: и низменную страсть, и, как видим из этих слов, святую любовь. По-славянски: «лобзанием святым». Так мы должны приветствовать друг друга, это заповедь святого апостола Павла. Даже если у нас нет настоящей, глубокой, искренней любви, но есть желание приобрести ее, то через исполнение этой заповеди о внешнем поведении (и пусть никто не говорит, что внешнее не имеет никакого значения!) мы понуждаем себя к тому, чтобы и сердце наше исполнилось любви.

Конечно, и Иуда Искариотский предал Спасителя лобзанием, но, еще раз говорю, заповеди могут быть исполнены как искренно, так и лицемерно. Если мы сами не имеем искренней любви, то не должны проецировать на других людей холодность, сухость, наоборот, должны всячески понуждать себя к тому, чтобы, никого не осуждая, никого ни в чем не подозревая, самим вести себя правильно, быть приветливыми, любвеобильными. Пусть это выражается в самых простых человеческих действиях — такие проявления любви, расположенности друг к другу, как объятия, лобзания будут святыми и чистыми признаками нашего внутреннего благодатного евангельского состояния.

«Приветствуйте друг друга святым целованием. Мое, Павлово, приветствие собственноручно» (ст. 20–21). Видимо, в те времена распространялись поддельные послания, приписываемые апостолу Павлу, и он должен был удостоверить коринфян в подлинности этого послания. Между прочим, такое, казалось бы, ненужное замечание и для нас является свидетельством того, что послание принадлежит апостолу Павлу. В другом послании, к Фессалоникийцам, он говорит: «Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании» (2 Фес. 3, 17). Для того чтобы не поверили чему-то ложному, как он выражается, «посланию, как бы нами посланному» (см. 2 Фес. 2, 2), он всегда ставил подпись своей рукой. Видимо, духовные чада знали его почерк, и таким простым способом подлинность послания была для них

удостоверена. Таким образом, если бы Священное Писание Нового Завета формировалось на протяжении нескольких веков, как утверждают современные рационалистические критики Священного Писания, то это замечание апостола Павла было бы совершенно неуместным и бессмысленным. Хотя, возвращаясь к главной теме, мы можем понимать собственноручное приветствие апостола Павла так, будто он говорит: «Я хочу выразить свою любовь к вам через приветствие, написанное, хотя и кратко, но моей рукою. Я не начальник, передающий вам письменные распоряжения, и этим простым, кратким человеческим действием — моей небольшой подписью я хочу показать мое к вам расположение, мою личную любовь».

В следующих словах апостол Павел вдруг меняет тон с любвеобильного, приветливого на гневливый и устрашающий: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа» (ст. 22).«Анафема» в переводе с греческого значит «да будет отлучен», «маран-афа» — «Господь грядет». Но, если мы имеем такую любовь, о которой апостол говорит: «Все ваше пусть будет в любви», то мы не устрашимся, а наоборот, поймем, что эти страшные слова к нам не относятся, и объединимся в духе со всеми любящими Господа Иисуса Христа. Мы должны любить друг друга, любить в Господе, должны иметь любовь к Господу Иисусу Христу, потому что тот, кто не любит Господа, сам себя отлучает от Него. А Господь придет и либо соединит нас с Собою, и мы получим вечную жизнь, либо осудит на вечные муки, на вечное отлучение от Себя. Поэтому апостол Павел напоминает о том, что мы должны дорожить этим состоянием, дарованным нам свыше, и постоянно пребывать в любви. «Благодать Господа Иисуса Христа с вами» (ст. 23), — тут же говорит он. Значит, если мы с вами и все христиане, читающие и слушающие это послание, действительно пребываем в любви к Господу Иисусу Христу и нашим ближним, прежде всего к братьям и сестрам во Христе, то благодать Господа пребывает с нами. Тогда к нам не может относиться слово «анафема», потому что немыслимо, чтобы человек был отлучен от Спасителя и одновременно имел в себе благодать Божию.

Апостол Павел заканчивает свое послание замечательными словами: «И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь» (ст. 24). Он говорит о любви, проявляющейся в такой простой форме, как приветствие, — приветствие через лобзание, через подпись, через благословение; любовь проявляется и в некотором устрашении, для того чтобы человек бодрствовал и не потерял то, что даровано ему благодатью Божией. Апостол Павел не удерживается и говорит, что не только любовь Божия, но и его личная любовь со всеми коринфянами и, я думаю, со всеми нами. Неужели, если бы мы жили в те времена и оказались среди людей, столкнувшихся с апостолом Павлом, его любовь не излилась бы и на нас? И неужели сейчас, пребывая на небесах, он меньше любит, чем тогда, когда пребывал в теле, неужели он не знает всех нас, всех своих духовных чад, слушающих и внимающих его посланию и старающихся следовать ему?

«Любовь моя со всеми», но это не просто человеческая любовь, которая ограничивается привязанностью к одному и безразличием или неприязнью к другим, но любовь во Христе Иисусе — безграничная и совершенная, глубокая и полная — до самоотвержения, потому что Господь Иисус Христос заповедал нам любить друг друга более чем самих себя. «Заповедь новую даю вам, — сказал Он на Тайной вечери, — как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (см. Ин. 13, 34), «Нет больше той любви, если кто душу свою отдаст за друзей своих» (см. Ин. 15, 13). Так поступил Сам Спаситель, так поступал и подражавший Ему апостол Павел, так должны были бы поступать и мы, если бы имели совершенную любовь. Апостол Павел, имевший, конечно же, такую любовь во время земной жизни, тем более обладает ею ныне, и она распростирается на нас: «Любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь».

Из этих как будто бы простых слов мы видим, какое большое значение в жизни христианина имеет проявление приветливости. Одно неприязненное выражение лица, какая-нибудь гримаса страсти на лице может испортить настроение нашему ближнему, оттолкнуть его от нас,

соблазнить, испугать. Холодность, раздражение или безразличие не являются малозначащими, потому что любовь не может не проявляться вовне. Конечно, это не значит, что всякий, кто нам улыбается или вежливо кивает, обязательно нас любит, и, наоборот, что всякий человек с серьезным лицом относится к нам неприязненно — человек может быть погружен внутрь себя, в молитву — мы не должны об этом судить. И не для того я это говорю, чтобы мы начали обращать внимание друг на друга: приветливо ли к нам относятся, есть ли выражение любви на лице человека, беседующего с нами или нет. Я говорю это для того, чтобы мы сами были приветливы. Каждый пусть думает о себе, следит за тем, чтобы любовь была и в сердце, и на устах, и на лице, и в жестах, и в привычных видах приветствия — объятиях и лобзаниях — во всем должна быть чистая, святая христианская любовь, любовь во Христе Иисусе. Если мы хотя бы эту малую часть всеобъемлющей безграничной любви, — любви, в которой можно бесконечно совершенствоваться, — будем иметь и хранить, то мы вокруг себя создадим такое пространство, в котором люди, общающиеся с нами, будут чувствовать мир, покой, радость и утешение.

Таким образом, следя за собой и ничего как будто бы не делая, мы будем одаривать людей миром Христовым и любовью. Даже пословица существует, может быть, не совсем точно относящаяся к тому, о чем я говорю, но показывающая, что есть народные наблюдения, связанные с внешним проявлением любви. Пословица выражает многовековой народный опыт, а русский народ является православным уже многие века, поэтому и опыт его в значительной степени христианский. И в пословицах, этих анонимных афоризмах, заключается мудрость христианства так же, как и в словах, сказанных из духовного опыта подвижников, например Нила Сорского или Игнатия (Брянчанинова), которые, в свою очередь, как представители русского народа, выражают народный опыт. Есть такая пословица: «Посмотрел, как рублем одарил». Значит, можно одним взглядом человеку сделать добро. Сейчас рубль не то что в старину, тогда это были большие деньги: на несколько копеек можно было сытно пообедать, а для бедного крестьянина слово «рубль» означало что-то весьма значимое и весомое. «Посмотрел, как рублем одарил»! Будем учиться такому доброму расположению ко всем, кто нас окружает, тогда будет легче жить и нам самим, и всем тем, кто с нами соприкасается, кто с нами общается, кто является нашим ближним. Аминь.

26 августа 2007 года

Неделя 14-я по Пятидесятнице

2 Кор. 170 зач. (1, 21–2, 4)

Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши.

Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф, не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей: ибо верою вы тверды.

Итак я рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением. Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною? Это самое и писал я вам, дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас. От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам.

О залоге Царствия Небесного и о правильном огорчении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел, обращаясь к коринфянам, подбадривает их, говоря: «Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши» (ст. 21–22). Мы должны понимать, что если имеем твердость в вере, то не потому, что мы какие-то особенные, и не потому, что в этом наша заслуга, а потому, что эту твердость даровал нам Бог. Ведь всякий человек, даже превосходящий других мужеством и силой воли, перед лицом всех тех испытаний, которые выпадают на долю каждого живущего на земле вообще, в особенности верующего, оказывается немощным. Только тогда мы можем укрепиться во Христе, то есть в вере во Христа и в жизни по Его заповедям, когда нас утвердит Бог. Мы должны, с одной стороны, хранить эту крепость, а с другой — заботиться о ее возрастании в нас.

«Помазавший нас есть Бог». Под помазанием можно понимать либо помазание благодатью Божией, которая сходит на нас и помазывает, как в древности, до пришествия в мир Христа, она помазывала пророков, царей, священников, либо, в узком смысле, Таинство Миропомазания. Все дары Святого Духа, раскрывающиеся в христианах, особенно в святых угодниках Божиих, например преподобном Серафиме Саровском или преподобном Силуане Афонском, изначально преподаются всем в Таинствах Крещения и Миропомазания. Раскрываются же они постепенно, в зависимости от усердия и ревности человека. Поэтому не будет натяжкой соединить эти два понимания.

Говоря «утверждающий же нас с вами», святой апостол Павел ставит себя на один уровень со своими учениками, обращенными к вере коринфянами, ведь это помазание — общее для всех. Другое дело, что одни более усердны, другие менее, и потому кажется, что проявившие ревность и раскрывшие в себе то, что даровано свыше, и прежде имели какое-то естественное превосходство над другими. Однако это не так.

«Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши». Слово «запечатлел» происходит от слова «печать», и поскольку оно уже утратило свое исходное значение, в котором употреблено здесь, то для ясности можно сказать так: «Который и запечатал нас и дал залог Духа в сердца наши». Между прочим, когда совершается Таинство Миропомазания, священник помазывает крещаемого со словами: «Печать дара Духа Святаго. Аминь». Господь запечатал нас как некие сосуды, мы действительно являемся храмами Божиими и сосудами Святого Духа, как говорит святой апостол Павел в ином месте (см. 1 Кор. 6, 19; 2 Тим. 2, 20).

Бог «дал нам залог Духа», или по-славянски «даде обручение Духа». При заключении сделки, чтобы она была более прочной, покупатель дает залог и говорит, что через какой-то срок, по исполнении всех условий сделки, он отдаст полную сумму. Обычно залог представляет собой меньшую часть всей суммы — и то, что мы испытываем сейчас, даже когда вся полнота дарований раскрывается, как в угодниках Божиих, например, в самом святом апостоле Павле, неизмеримо меньше того, что мы ожидаем получить в будущей жизни. Но мы должны беречь этот залог, который становится собственно залогом тогда, когда мы исполняем все условия сделки и впоследствии получаем всю сумму. Если же мы нарушим условия сделки, то залог может быть отнят, иногда, как это бывает, и через суд, и тогда мы останемся ни с чем, хотя как будто что-то уже имели. Итак, то, что мы сейчас испытываем: необыкновенное умиление, сладость, близость богообщения — все это только залог, который должен находиться не в уме, воображении или памяти, а в наших сердцах.

Может так случиться, что мы потеряем этот залог, не дождавшись того времени, когда должны

получить всё вознаграждение, то есть будущей жизни. Некоторые же думают: «Раз мы — христиане, то нам уже даровано Царство Божие». Если же довести наше рассуждение до логического конца, то получится абсурд: в нас есть благодать потому, что она должна быть. Например, если я священник, то у меня должна быть благодать, и поэтому она у меня есть. Или поскольку я христианин, то у меня должна быть благодать, поэтому она у меня есть. Или я монашествующий, и поскольку я отрекся от мира и посвятил свою жизнь Христу, то во мне должна быть благодать, а раз она должна быть, значит, она есть, пусть даже я ничего не чувствую и в моем сердце пустота и холод. Иногда мы поневоле ощущаем, что на душе скверно (выражение это хотя и привычное, но очень меткое), и в то же самое время полагаем, будто в нас есть благодать. Однако, если мы ее не чувствуем, как говорит преподобный Симеон Новый Богослов, значит, ее в нас нет. Другое дело, что мы должны знать признаки присутствия благодати Святого Духа в наших сердцах. Священное Писание указывает эти признаки, и святые отцы разъясняют их. Не будем сейчас подробно об этом говорить, важно то, что мы должны реально чувствовать этот залог Небесного Царствия.

Каков этот залог, который мы не видим и не можем ощутить? Допустим, я заключаю сделку, продаю вещь, которая стоит сто тысяч рублей. Мне дали залог в тридцать тысяч и говорят: «Остальное получишь, когда оформим все документы». Получив залог, я, естественно, должен хранить его где-то: у себя дома или, может быть, в банке. Если же я этой суммы не вижу, никак не могу ею распорядиться, разве можно сказать, что я имею залог? Конечно, это значит, что здесь либо какой-то обман, либо проявилась моя неопытность, либо неправильно оформили документы, как это иногда бывает в жизни. Конечно, эту аналогию между реальностью и тем, что происходит в духовной жизни, можно проводить только в основных чертах. Если я не чувствую благодати, значит, я ее не имею. Прежде чем надеяться на то, что мы получим всю обещанную Богом награду, мы должны убедиться в действительности сделки, в реальности полученного залога. Иначе наша сделка оказывается, выражаясь юридическим языком, ничтожной, то есть ничего не значащей.

Далее апостол Павел говорит уже о проступках коринфян и объясняет, почему он не пришел к ним, как обещал. Речь идет о конкретном случае из истории древней Церкви: происходили определенные события, на которые последовала соответствующая реакция святого апостола Павла. Мы не имеем к этому прямого отношения, но это не значит, что к нам это место Писания вообще не относится. Мы должны понимать: если это запечатлено в Священном Писании, то обращено ко всем, в том числе и к нам.

«Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» (ст. 23). Апостол Павел задержался, чтобы не доставить своим любимым ученикам, своим чадам во Христе огорчения. Если он их щадил, следовательно, мог и наказывать. Отсюда мы видим, что апостол имел власть щадить и наказывать. Власть эта была дарована Богом, и древние христиане подчинялись ей добровольно. Поэтому, когда мы не подчиняемся нашему священноначалию: патриархам, епископам, священникам, духовникам и другим, если они действуют согласно заповедям, канонам и догматам, то есть в Святом Духе, — тогда мы разрушаем то, что было в Церкви изначала. Если мы хотим спасаться, то должны покоряться им и внимать их поучению, если оно, конечно, согласно со Священным Преданием, а не является чем-то самоизмышленным, человеческим. Об этом также существуют определенные указания в церковных правилах.

«Не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей: ибо верою вы тверды» (ст. 24). Если вы обратились и верите во Христа, являетесь живыми членами Церкви, этого духовного организма, «виноградной лозы», по словам Спасителя (см. Ин. 15, 1–5), или «тела Христова», по словам апостола Павла (см. 1 Кор. 12, 27), то вы должны подчиняться всем законам новой христианской жизни — жизни во Христе, жизни церковной.

Как заметил священномученик Иларион (Троицкий), христианства нет без Церкви. Поэтому кто живет в Церкви, тот живет во Христе; кто отпал от Церкви, тот отпал и от Христа. Апостол не господствует над коринфянами, он подчеркивает, что, обратившись к вере, они сами вверили себя его власти. Все, что он делал, он делал для того, чтобы они радовались своему спасению, предвкушали ту вечную блаженную радость, которую мы все наследуем в будущей жизни, если Бог нас помилует. Апостолы и наследники апостольской власти, то есть вся церковная иерархия, от патриарха до самого младшего священнослужителя, содействуют осуществлению этой духовной радости.

«Итак я рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением» (2 Кор. 2, 1). Между прочим, замечу, что не только мы, грешные и немощные люди, нуждаемся в рассуждении, но и великий угодник Божий, святой апостол Павел, не все получал через откровение, но к каким-то выводам приходил через рассуждение и сопоставление разных вещей, конечно, при этом его просвещала благодать Святого Духа. Так вот, апостол Павел рассудил для самого себя следующее: не приходить в печали к своим чадам, чтобы не огорчить их, но подождать их исправления. Ведь он огорчает их, как мы знаем из Первого послания к коринфянам, своими обличениями за все те неисправности, которые были в их церковной жизни, например разврат, который вкрался под видом свободы. Он их обличает не для того, чтобы проявить свою строгость и власть, наказать, отомстить, а для того, чтобы исправить. Апостол хочет, чтобы его чада, исправившись, в первую очередь сами почувствовали радость от общения с Богом, от того, что их коснулась милость Божия — залог того, что в будущей жизни они станут наследниками Царства Божия.

«Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?» (ст. 2). Слова на первый взгляд странные, но на самом деле в них ясная и здравая мысль. Для чего я огорчаю вас? Для того, чтобы вы исправились. Кто же обрадует меня, как не огорчаемый мною? Если человек исправлялся, то он и радовал апостола Павла. И любой духовный пастырь, апостол ли Павел или обыкновенный священник, если только он ревностный духовник, огорчается, когда его духовные чада согрешают. Ради исправления он вынужден огорчать их тем или иным обличением, той или иной епитимьей: не для того, чтобы унизить, оскорбить, заставить страдать, но для того, чтобы исправить. Для истинного духовного руководителя, кто бы то ни был: патриарх, епископ, священник, старец или старица, — исправление и покаяние того, кого он своим обличением огорчил, является, может быть, величайшей радостью.

Я и сам испытал такое чувство, поначалу оно мне казалось странным, и я удивлялся, но потом где-то прочитал, что и у других такое бывает. Когда человек искренне кается и, желая исправиться, рассказывает о каких-то отвратительных нравственных безобразиях, то после такой исповеди священник, казалось бы, должен огорчиться или даже испытать некоторое отвращение, однако, несмотря ни на что, он испытывает радость. Это естественное чувство — свидетельство того, что благодать Божия ради искреннего покаяния посетила и кающегося, и священника. Бывает и противоположное явление. При лицемерном покаянии, правильнее сказать, при видимости покаяния, когда на исповеди человек как будто бы кается, но при этом то ли утаивает что-то, то ли хитрит, совсем не желает исправляться, — как будто камень ложится на сердце. В особенности часто мне приходилось это испытывать, когда я, как и прочие священники, исполнял свое послушание, исповедуя всех подряд. Приходило много разных людей, и, к сожалению, второе чувство я испытывал чаще. Иногда священник после такой исповеди идет с понурым видом, еле ноги волочит. Поэтому принятие исповеди, в физическом отношении как будто бы легкое, душевно очень тяжело. Наверное, оно — самая трудная часть пастырского служения, если, конечно, священник исполняет его ревностно. Говорю это не для того, чтобы вызвать сочувствие к себе или другим священникам, а для того, чтобы показать: священник ощущает невидимое покаяние или, наоборот, окаменение тех, кто к

нему приходит. Этот жизненный опыт доказывает правоту слов апостола Павла.

Нужно уметь принять обличение от своего пастыря, уметь перенести его, согласиться с ним, а не искать легкого пути и добрых руководителей, которые на самом деле не добрые, а безразличные. Иногда это безразличие бывает своего рода отчаянием. Когда, например, священник видит, что никто не хочет исправляться, принимать обличения, назидания, то начинает человекоугодничать, возможно, себе в осуждение, и говорить то, что от него хотят услышать: «Ну ладно, делай так. Бог простит тебе и то, и это…» Таким образом создается впечатление: «Какой добрый священник, он все разрешает, все прощает!» Его, может быть, и обвинять нельзя, потому что после нерадения своих пасомых он уже, наверное, невиновен.

«Это самое и писал я вам, дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас» (ст. 3). Любвеобильному и человеколюбивому апостолу Павлу трудно было прийти и огорчить их, высказав все в лицо, но поскольку умолчать он права не имел, потому что потворствовал бы таким образом их погибели, то он обличил их письменно, дав своим духовным чадам возможность исправиться и покаяться до своего прихода. Проповедуя Христово Евангелие и видя обращающихся к истинной вере, апостол Павел, конечно, радовался и ликовал, потому что привлек многие души ко спасению, к возлюбленному Христу, к Истине. Поэтому он говорил: «Я должен был бы радоваться, а вместо этого имею от вас огорчение».

Можно это приложить к нам? Безусловно. У нас большой монастырь, в который ради спасения пришло много сестер, оставивших свою прежнюю греховную или суетную жизнь. Мы должны бы радоваться тому, что эти люди находятся в стаде Христовом, причем пребывают не просто в церковной ограде, но уже вошли во Святая Святых, — так можно было бы назвать монашескую жизнь, если сравнить Церковь с ветхозаветным храмом. Но мы печалимся. Как же так?! Зачем вам, от всего отрекшись, вдруг оборачиваться назад? Зачем не повиноваться Евангелию и святоотеческому Преданию? Зачем отвергать свое собственное спасение? Зачем причинять мучение и себе, и нам, приводя нас в смущение и страх? Ведь мы не можем не переживать. Мы радуемся и утешаемся, когда кто-то исправляется, преуспевает, и, напротив, мучаемся и страдаем, когда видим какую-нибудь упрямицу, видим в человеке лукавство, нерадение и все, что от этого происходит. Можно сказать, что есть две страшные и ужасающие страсти, от которых происходят все грехи. Я часто теряюсь, какую из них назвать более опасной. Посмотришь на одного человека, кажется — одна, посмотришь на другого — нет, вторая. Эти две страсти — самонадеянность и нерадение. От них происходит всякое зло, всякое заблуждение, преткновение и падение. Не только духовный и благодатный человек, но и всякий человек, если у него не окаменело сердце, не может радоваться и оставаться беспечальным, видя ближнего впавшим из-за действия этих страстей и в другие грехи.

«Я уверен, что моя радость есть радость и для всех вас». Действительно, это самое прекрасное, когда пастырь радуется и вместе с ним радуется все его словесное стадо. Какая может быть радость у такого человека, как святой апостол Павел? Скажем, у обычных людей, даже у священников, поскольку у них есть какая-то частная жизнь, семья, бывают какие-то извинительные человеческие радости. Но что было у святого апостола Павла? В нем не было ничего земного, всей его жизнью был Христос и Церковь. Поэтому все его огорчения и радости были связаны с верующими, которых он обращал на спасительный путь, вводил в лоно Церкви Христовой. Потому он и говорит, что «моя радость есть радость и для всех вас». Чему же он радуется? Преуспеянию, совершенствованию, тому, что человек приближается к своему спасению и освящается. То же можно сказать и о монастырской жизни. У нас нет ничего человеческого, пусть даже и малого. Мы — и пастыри, и пасомые — живем только для Христа, поэтому радости и огорчения у нас у всех общие, как говорит святой апостол Павел в ином месте: «Страдает ли один член, страдают с ним все члены» (1 Кор. 12, 26). Ведь монашескую

общину, как и семью, можно назвать малой Церковью, обитель — это единый организм. И если в монастыре один член страдает, с ним страдают все остальные члены. Вам часто неизвестно то, что происходит с другими сестрами, но те, кто пасут стадо Христово, безусловно, знают всё, и это знание умножает их страдания.

Нужно отдавать себе отчет в том, что за видимым течением жизни скрывается невидимая реальность. Невидимая не значит несуществующая или эфемерная — она гораздо более значима и действительна, чем видимая, вещественная жизнь. Все видимое укоренено в невидимом, в том числе наши поступки и деятельность. Вы должны осознавать свою ответственность и перед Богом, и перед теми, кто Промыслом Божиим поставлен управлять вами, заботиться о вашем спасении.

«От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (ст. 4). Таков мотив, заставляющий апостола Павла огорчать своих духовных чад, обличать и порой даже отлучать от Церкви. Таким должно быть внутреннее чувство всякого пастыря. Пусть и в малой степени, но и мы имеем нечто подобное. Прекрасно сказал преподобный Силуан Афонский, испытавший, конечно, это на опыте: «Любовь умножает страдание». Если любишь кого-то, то, естественно, сострадаешь ему, а его грехи и проступки ранят твое сердце. К сожалению, такой любви, какую имел святой апостол Павел, у нас, современных пастырей, нет. Нет такой великой скорби, стеснения сердца, говорим мы не со многими слезами, однако нельзя сказать, что мы совершенно бесчувственны и безразличны. Мы не можем не сочувствовать тем, кто Промыслом Божиим соединен с нами и с кем мы проходим жизненный путь или хотя бы какой-то небольшой его участок. Тем более, как мы можем оставаться безразличными к тем, кто вверил нам свою судьбу, кого мы считаем своей похвалой, наградой, радостью, утешением, плодом своих трудов?! И вдруг этот плод начинает на наших глазах гнить, разлагаться и издавать смрад, — разве мы можем относиться к этому спокойно, разве мы можем не испытывать никаких чувств?

Может быть, наши чувства и не наша заслуга, а действие благодати Божией, пусть и не такое обильное, как в апостоле Павле. Ведь любовь происходит от благодати. Если Дух Святой оставит человека, то в нем исчезнут все живые христианские чувства, и в первую очередь любовь. Любовь, которую в избытке имел апостол Павел и которую, в малой степени по сравнению с ним, имеем мы, есть Дух Святой, обнимающий и привлекающий всех ко спасению. Мы не имеем права пренебрегать этой любовью Божией. Если какие-то запрещения, обличения, наказания огорчают нас, то мы должны понимать, что они делаются из любви к нам и для нашего спасения. Ведь часто наше покаяние начинается не с того момента, когда мы сами осознаём свой грех, свое отступление, но с неприятного, мучительного для нас слова наставника, с обличения. Мы должны ревновать о том, чтобы после такого обличения быть благодарными тому, кто нам сострадает, и, испытав великую духовную радость от истинного покаяния, которое заключается в изменении жизни, передать эту радость и своим пастырям. Тогда в нас действительно будет та любовь, о которой говорил апостол Павел, та радость, к которой он призывал коринфян. Наше покаяние тогда будет тем покаянием, о котором Господь наш Иисус Христос сказал: «Радость бывает на небесах больше об одном грешнике кающемся, чем о девяноста девяти праведниках, не нуждающихся в покаянии» (см. Лк. 15, 7). Аминь.

2 сентября 2007 года

Неделя 15-я по Пятидесятнице

2 Кор. 176 зач. (4, 6–15)

Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.

Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас. Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим, зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами. Ибо всё для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию.

О просвещении Божественным светом

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшнее апостольское чтение начинается такими словами святого апостола Павла, обращенными к коринфянам: «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (ст. 6). Более точно эти слова переводит епископ Кассиан (Безобразов): «Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, — есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших к нашему просвещению познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». Апостол Павел говорит это о себе и о других апостолах. Для того чтобы уверить коринфян в том, что святые апостолы имеют дерзновение проповедовать истину и говорят не от себя, а Сам Бог глаголет через них и слова их есть откровение Божие, он поясняет коринфянам, что Тот же Самый Бог, Который когда-то (как повествует пророк Моисей) сказал: «Да будет свет», и стал свет (Быт. 1, 3), воссиял в их сердцах.

Конечно, свет сотворенный и свет, которым воссиял в наших сердцах Бог, — это разный свет. Свет сотворенный, что бы ни было его источником: огонь, солнце или другие светила — есть вещество. Это только образ невидимого Божественного света, света Божественной славы, или, как выражаются наши учителя, святые отцы — Божественной энергии, Божественного действования. Этот свет, который мы обычно называем благодатью Божией, воссиял, как говорит апостол Павел, в сердцах святых апостолов. Он может воссиять и в наших сердцах, если мы достигнем меры преуспеяния апостольского. Многие подвижники достигали такого состояния, например преподобные Симеон Новый Богослов, Серафим Саровский, Василиск Сибирский, Арсений Великий. Я говорю только о тех, о которых мы, по рассказам очевидцев или их самих, точно знаем, что эти угодники Божии испытали осияние Божественного света, действующего прежде всего в сердцах человеческих. Это не образ и не аллегория, как можно назвать, допустим, распространенное выражение «свет знания». Действительно, Божественный свет несет в себе знание, но сам он выше всякого знания, потому что это есть Бог, проявляющий Себя в Своих Божественных энергиях. Мы не можем познать Бога таким, каков Он есть Сам в Себе, не можем постичь Его сущность, но Он открывает и преподает нам Себя в Божественных энергиях, в Своей Божественной соприсносущной славе. Эта вечная слава в полной мере воссияла в сердцах святых апостолов, как мы видим из кратких, но в то же самое время весьма значительных слов апостола Павла. Мы не должны думать, что преподобные отцы-исихасты переживали нечто отличное от того, что испытывали апостолы. Именно подвигом умного делания, исихазма, можно в какой-то степени приблизиться к Богу, а может быть, и достичь меры святых апостолов и сподобиться того, чтобы в сердце нашем воссиял Бог, Которого мы познаём и ощущаем как невещественный невечерний Свет.

«Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, — есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших». Этот Божественный свет может, по мере нашего достоинства, ревности и опыта, воссиять и в наших сердцах, к нашему просвещению познанием славы Божией. И это также не образное выражение. Этот опытно познаваемый Божественный свет, переживание единения с Богом, иначе говоря — богообщение, дает нам истинное «познание славы Божией в лице Иисуса Христа», познание того, что через Господа Иисуса Христа явилась неизреченная Божественная слава. Об этом говорится и в некоторых литургических молитвах, например в тайной молитве перед чтением Евангелия: «Воссияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего богоразумия нетленный свет и мысленная наши отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение». Это не образ, не символ, не аллегория, это подлинная правда, подлинное переживание. Тот, кто составил эту молитву, конечно же, пережил это сам. Вот что происходит от осияния Божественного света.

В одной из Евхаристических молитв находится подобная мысль, которая выражена цитатой из Евангелия. Священник, обращаясь к Богу Отцу, говорит: «Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя, Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единородного дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный».

В контексте этих цитат из тайных священнических молитв мы можем лучше понять слова апостола Павла: «Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, — есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших». В чем больше выражается слава Божия, как не в этой непостижимой, неизреченной и не укладывающейся в человеческий разум любви Божественной? Предвечный Сын Божий воплотился ради спасения нас, грешных людей, и стал ограниченным человеческим существом; воспринял на Себя последствия греха, не будучи грешным; и мало того, окончил Свою всесвятую жизнь страшной, позорной смертью ради спасения человеческого рода, ради каждого из нас. Вот в чем выражается эта безграничная «слава Божия в лице Иисуса Христа». Все это было в сердцах святых апостолов, ибо они говорили не что иное, как только то, что сами знали и переживали. Это должно быть и в наших сердцах. Как в древности, так и поныне их слова звучат и до кончины века будут звучать для желающих внимать им. Врата адовы не одолеют Церковь, Господь пребудет с нами во все дни до скончания века.

«Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (ст. 7), — говорит далее апостол Павел. Конечно, прежде всего это относится к святым апостолам. Они были обыкновенными людьми. Апостол Павел, по преданию, был маленького роста (может быть, потому и дали ему такое имя — Павел, что значит «малый»), был плешивым, как мы изображаем его и на иконах, то есть самым заурядным человеком. Кроме того, к нему относились неприязненно из-за его еврейского происхождения, потому что еще с древности некоторые люди испытывали отвращение к евреям, назовем ли мы это антисемитизмом или как-то иначе. С человеческой точки зрения в нем не было никакого величия: он был немощен плотью, по некоторым предположениям, имел тяжелую болезнь глаз; испытывал страх от бесконечных гонений, хотя и не поддавался этому страху и, несмотря ни на что, продолжал свое апостольское служение. Его преследовали, избивали, он, подобно Спасителю, иногда не имел, «где главу приклонить» (см. Мф. 8, 20); голодал, не имел одежды, его грабили разбойники... Однако в душе своей он имел сокровище — Божественный свет, свет славы Божией, в точном смысле слова носил истину в сердце своем.

Господь попустил этому сокровищу пребывать в немощных сосудах — человеческих телах, да и по душе люди — существа немощные. Он устроил так для того, чтобы мы не приписывали проповедь истины величию того или иного человека, но понимали, что он лишь хранит в себе эту драгоценность, подобно сосуду. В каком-то смысле это можно отнести и ко всем пастырям Святой Православной Церкви, будь то патриархи, епископы, священники — все те, кто должен

проповедовать слово Божие. Они обыкновенные немощные люди. Конечно, наша немощь гораздо больше, чем немощь святого апостола Павла и других апостолов, потому что, кроме немощи телесной, мы обложены еще и всевозможными душевными немощами, страстями, но если мы проповедуем согласно Преданию апостольскому, то и в наших глиняных и, может быть, даже надтреснутых сосудах хранится сокровище Божие. Этому сокровищу, слову Божию, и нужно внимать, не привязываясь к тому или иному человеку, но понимая, что источником проповеди является Божественное Откровение и Сам Господь Иисус Христос, открывший полноту истины.

Апостол продолжает: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся» (ст. 8). Отсюда мы видим, какая ревность была у святых апостолов и в каких трудных условиях они проповедовали. Для нас, пастырей, это является сильнейшим укором и воззванием к нашей ревности. «Отовсюду притесняемы, но не стеснены», то есть снаружи апостолов притесняли, но внутри они оставались свободными, внутри них был простор для действия Божественной благодати. Апостолы находились «в отчаянных обстоятельствах» — среди всевозможных бесчисленных, бесконечных, страшных скорбей, перед лицом постоянно угрожающей смерти, но не отчаивались, а мы, к сожалению, при небольших неприятностях не только не становимся более ревностными к своему служению, но и теряем то усердие, которое имели. Мы ждем благодарности от людей, а надо бы все делать единственно ради служения Богу, ради славы Божией, и если и ждать благодарности, то только от единого Господа.

Это можно отнести и к тем христианам, которые не несут пастырского служения, то есть не проповедуют и не занимаются окормлением людей. Но любое служение надо нести так, чтобы, несмотря на все скорби, сохранять свое христианское достоинство. Оно даровано человеку как образу и подобию Божию и восстановлено в каждом из нас крестной жертвой Господа Иисуса Христа, к которой мы приобщаемся в Таинстве Святого Крещения.

«Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» (ст. 9). «Низлагаемы», кроме того, можно перевести с греческого языка более выразительно: «низвергаемы». Казалось бы, человек приближается к гибели, он гоним, но Богом не оставлен. Таковы должны быть и все мы: и пастыри, и словесные овцы. Слово «низвергаемы» обозначает, конечно, не нравственное падение, а столь страшные жизненные скорби, во время которых человеку кажется, словно он все потерял, словно он низложен, низвержен. Но тот, кто пребывает с Богом, не может погибнуть. Бог восставляет его, и он вновь и вновь, несмотря ни на что, устремляется к своему служению.

Далее святой апостол дополняет описание тех скорбей, тех, можно сказать, мук, которые ученики Спасителя испытывали, исполняя свое великое служение: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (ст. 10). «Всегда носим повсюду» — так можно перевести это место с греческого. Что значит «мертвость Господа Иисуса»? Святые апостолы всегда были готовы принять смерть. Святой апостол Иаков Зеведеев погиб в самом начале своего служения (см. Деян. 12, 1–2), а его родной брат, Иоанн Богослов, бывший на несколько лет младше его, пережил всех апостолов и достиг глубочайшей старости — по преданию, он прожил более ста лет. Никто из апостолов не знал, в какой день его настигнет смерть, умрет ли он в молодом возрасте, как Стефан или Иаков, или в среднем, как, скажем, Варнава, или в глубокой старости. Две четверицы воинов охраняли апостола Петра после ареста, он был прикован сразу к двум своим стражам (см. Деян. 12, 4–6), — тогда он тоже готовился к смерти, но Господь избавил его, и он проповедовал еще много лет.

Как апостол Павел, так и другие апостолы были подобны Господу Иисусу, но в каком-то смысле им было еще тяжелее, потому что Господь Иисус Христос точно знал день и время Своего

страдания, они же всегда и повсюду носили в себе «мертвость Иисуса». Нам может показаться, что апостолы были людьми совершенно бесчувственными, но это не так. И Спаситель страшился смерти, и апостолы, конечно, постоянно пребывали в душевном мучении. Апостол Павел прямо говорит: «Отвне — нападения, внутри — страхи» (2 Кор. 7, 5). Представьте себе: человек на протяжении многих лет испытывает мучительный страх, который временами ослабевает, а когда появляются скорби, вновь усиливается. Он никогда не знает, что его ждет: убьют ли его сейчас или он останется в живых. Например, однажды апостола Павла побили камнями (см. Деян. 14, 19), и все, думая, что он мертв, оставили его, но он встал, оправился и продолжал проповедовать. О чем он думал, когда его начали побивать камнями? Он сам, будучи еще врагом Церкви Христовой, видел, как таким образом казнили первомученика архидиакона Стефана (см. Деян. 7, 58–60), и понимал, что это верная смерть.

Вот какими были страхи и мучения апостолов на протяжении многих лет, но это не ослабляло их ревности. Их низвергали, избивали, и только сила Божия сохраняла их от смерти, но они, как неустрашимые борцы и воины, получая раны, вновь вступали на свое поприще и, можно сказать, воскресали, чтобы снова устремиться к своему подвигу. Вот пример истинных пастырей, и все пастыри, где бы каждый из них ни подвизался, должны им подражать — не только апостолу Павлу, но и всем святым апостолам. Увы, увы! А мы ждем одобрения, благодарности, похвалы от людей, а если не встречаем этого, то нам кажется, что мы трудимся напрасно, тогда как должны были бы ждать в награду за свои труды, если они действительно есть, милости Божией, благодати Божией.

«Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем». Действительно, если человек будет так подвизаться и приобретет готовность служить Христу до смерти, тогда в нем обнаружится и жизнь Христова. Не этот человек уже будет жить, но в нем будет жить Христос, как совершилось это с апостолом Павлом, который сказал: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Такой человек, разумеется, будет и святым, и бесстрастным, и совершенным в любви и в других добродетелях. А тот, кто не хочет идти до конца, не получает этой награды — воскресения души еще во временной жизни. Если мы в этой жизни не чувствуем посещения благодати и надеемся только на то, что получим награду за гробом, то это выглядит странно. Как мы можем быть уверены в этой награде, если не имеем в себе, как выражается апостол Павел, «залога Духа», или, как говорит славянский перевод, «обручения Духа» (см. Еф. 1, 13–14)? Сначала даруется залог, потом полнота обручения, а потом совершается брак души с возлюбленным небесным Женихом Господом Иисусом Христом.

«Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» (ст. 11). Здесь апостол Павел поясняет, что́ значит «носить в себе мертвость Иисуса», без преувеличения называя все то, что он испытывал, преданием на смерть. Это происходило так часто, что он говорит об этом как о чем-то постоянном. Если какой-либо человек, скажем, что-то делает и потом у него бывают неприятности — раз, другой, третий, неужели он не будет бояться делать то же самое снова? Конечно, он будет избегать этого, чтобы не испытать тех же самых неприятностей. Но не так было со святым апостолом Павлом и с другими апостолами. Те, которых гнали, оскорбляли, унижали, можно сказать, убивали, вновь и вновь устремлялись проповедовать. Но в то же самое время с каждым разом в них, наверное, усиливался страх, и они, идя на проповедь, думали, что, может быть, на этот раз смерть их не минует.

В этом страхе и ожидании смерти они пребывали всегда, потому апостол Павел и говорит: «Ибо мы живые непрестанно (обратите внимание на слово «непрестанно». — Схиархим. А.) предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей». И жизнь Иисуса действительно открывается в святых мужах, причем в таком обилии,

что не только их самих утешает, и освящает, и дарует им предвкушение вечного блаженства еще в этой временной жизни, в смертном, тленном теле, но и для других является доказательством истинности их проповеди. Если, например, апостола Павла ужалила ядовитая змея, а он сбросил ее в огонь, не потерпев никакого вреда, то разве это не говорит о том, что жизнь Иисуса открылась в смертной плоти его, так что и сама смерть не могла его одолеть? Головные повязки, смоченные его по􏰀том, исцеляли больных, как и тень апостола Петра. Множество подобных чудес совершалось святыми апостолами, и мы, принимая свидетельства о них с верой, не имея права не верить, в то же самое время изумляемся и думаем: «Как это могло быть?» Если бы мы сейчас встретили такого человека, то, наверное, пришли бы в трепет и, может быть, дошли бы до такой же странности, как те язычники, которые хотели принести жертву апостолам Павлу и Варнаве (см. Деян. 14, 11), потому что сочли их за языческих богов.

«Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (ст. 12). Апостол Павел, постоянно ощущая действующую в себе смерть, тем не менее, наперекор ей проповедовал истину, доказывая ее и своими словами, и чудесными, сверхъестественными делами, — таким образом жизнь действовала в христианах, приведенных им к познанию истины. Пастырское служение, пусть даже не такое ревностное, не такое возвышенное, как у святых апостолов, всегда тяжело, потому что требует многих трудов. А пастырь — это не только тот, кто имеет священный сан или занимает определенную степень в церковной иерархии, но и тот, на кого возложено, например, старческое руководство. Испытывая скорби пастырского служения, проповедуя истину наперекор той смерти, которая действует в них, может быть, и в том смысле, что они имеют какие-то нравственные недостатки, но проповедуя не от себя, не от действия своих страстей, а согласно преподанному святыми апостолами, они проповедуют жизнь и распространяют эту жизнь на всех христиан. Именно на это нужно обращать внимание, этому следовать, это беречь, а на немощи человеческие не взирать. Некоторые соблазнялись даже немощами святого апостола Павла — тем более можно соблазниться недостатками нас, ваших наставников, но пусть это не мешает вам принять истину: не взирайте на наши немощи, пусть смерть действует в нас, а в вас пусть действует жизнь.

Апостол Павел продолжает: «Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим» (ст. 13). Он цитирует слова из псалма пророка Давида (они более привычны для нас в славянском переводе): «веровах, темже возглаголах» (Пс. 115, 1). Но та вера, о которой говорит апостол Павел, — это не доверие к чужим словам, а некий особый вид знания. Это знание также эмпирическое, то есть чувственное, но мы получаем его через чувства не телесные, а душевные, духовные, и оно не менее достоверно, не менее реально и подлинно, чем то знание, которое мы получаем с помощью наших телесных органов чувств. Потому некоторые философы называют это духовное знание мистическим эмпиризмом.

Апостолы «веровали», то есть знали духом, и потому говорили — не могли не говорить. Отсюда можно сделать вывод о том, что мы и апостолы имеем один и тот же дух веры, но нам даны разные дарования, разные служения.

«Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами» (ст. 14). Итак, апостольская проповедь всем приносит пользу: и в мертвенном теле апостола открывает жизнь Иисуса, и нас делает живыми и ставит вместе рядом с Господом. Мы все будем едино, если только воспримем тот же дух веры, какой был у святых апостолов, и будем стараться им подражать. Не во всем мы можем быть подобны им: нам не дано служение апостольское, у нас нет апостольских дарований для того, чтобы проповедовать слово Божие, нет ни сил телесных, ни ревности, ни знания, а самое главное — нет особого призвания на это служение; но все мы должны воспринять ту же апостольскую веру и в этом быть подобными апостолам. «Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас» — воскресит и в будущей жизни, как мы должны верить, и в этой жизни воскресит души наши,

так что все вместе мы будем составлять единую Церковь и находиться рядом с Господом.

«Ибо всё для вас, дабы обилие благодати тем бóльшую во многих произвело благодарность во славу Божию» (ст. 15). А возможен еще такой перевод: «Ибо все для вас, чтобы благодать, став чрезмерной…». Конечно, благодать не может быть чрезмерной, но может умножаться все более и более, становясь необыкновенно обильной. Это и имеет в виду апостол, говоря: «Тем бóльшую во многих произвела благодарность во славу Божию». Для вас и апостольское, и пастырское служение, пусть оно и скромно, но учреждено святыми апостолами. Ваши пастыри — наследники (хотя и грешные, немощные, недостойные) этого апостольского учреждения — священства, они хранят апостольское Предание и будут хранить его до скончания века.

«Дабы обилие благодати тем бóльшую во многих произвело благодарность во славу Божию». Как мы можем благодарить Бога? Не одними только словами благодарения, потому что иногда за ними может скрываться гордость, ведь и фарисей благодарил Бога, но благодарил горделиво. Нужно благодарить Бога своей жизнью, изо всех сил уподобляясь святым апостолам и даже, как дерзновенно говорят эти же апостолы, Самому Господу Иисусу Христу. Как апостолы подражали Ему, так и мы должны подражать им — в этом и есть величайшее благодарение Богу. Читая Священное Евангелие, мы должны не только принимать к сведению содержащиеся в нем нравственные поучения, но и, взирая на образ Господа Иисуса Христа, устремляться к Нему всеми нашими силами, всей нашей жизнью: и мыслями, и чувствами, и делами. Мы должны иметь, как говорит святой апостол Павел, разум Христов (см. 1 Кор. 2, 16), а раз он так говорит, значит это возможно.

Это и будет подлинным, истинным благодарением Богу, и это благодарение вызывается обилием благодати. Потому мы должны всячески стараться пребывать в том свете, о котором мы прочли в самом начале: «Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, — есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших к нашему просвещению познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (ст. 6). К стяжанию этого света мы и должны всеусильно стремиться. Когда же он воссияет в наших сердцах, тогда мы приобретем познание, названное святым апостолом Павлом верой, тогда мы будем веровать и говорить — говорить от опытного знания Бога. Но этому должна быть посвящена вся жизнь, это и цель ее, невидимая, внутренняя, тайная, это и вход в Царство Небесное, в Царство Божие.

Если сейчас мы не встанем пред Господом Иисусом Христом своей воскрешенной душой вместе со святыми апостолами и другими святыми мужами и женами, то кто знает, будем ли мы с Богом в будущей жизни? Нужно всячески подвизаться и трудиться для того, чтобы еще в этой жизни ощутить в себе и познать Божественный свет, опытно постичь слова Спасителя: «Аз есмь свет» (Ин. 8, 12). У кого дела добрые, как сказал Господь Иисус Христос, тот идет к свету (см. Ин. 3, 21), и это можно понимать не только в том смысле, что такой человек хочет сделать их известными, но и в том, что добрые дела приводят его к свету. Потому будем понуждать себя к добрым делам и мыслям, ведь мысли — это тоже дела, только духовные, и тогда мы увидим в себе этот внутренний, невидимый для телесных глаз, но ясный, реальный, подлинный Божественный свет, тот свет, который есть Сам Бог, сказавший воссиять свету и приведший из небытия в бытие и этот видимый свет, и весь вещественный мир. Аминь.

9 сентября 2007 года

Неделя 16-я по Пятидесятнице

2 Кор. 181 зач. (6, 1–10)

Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами.

Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения. Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.

«Се, ныне время благоприятно...»

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем чтении из Послания святого апостола Павла говорится о том, что присутствие благодати Божией в человеке, как ни странно, может оказаться напрасным, тщетным. Конечно, странным это кажется тем людям, которые не знают, насколько сложна духовная жизнь и сколько в ней трудностей. Иногда даже благодать Божия, как мы знаем из исторических примеров, может послужить поводом для падения человека, потому что и от этого он может поддаться гордости.

Апостол Павел говорит так: «Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами» (ст. 1). Нужно иметь в виду, что это сказано коринфянам. В другом месте апостол Павел, как о чем-то обыденном, говорит им, что если во время их собраний кто-нибудь говорит на таинственных языках, человеческих или ангельских, то должен быть «истолковывающий» и что предпочитать нужно тех, которые пророчествуют (см. 1 Кор. 14, 1–14). Эти люди обладали столь обильной благодатью, что апостол Павел назидает их в подобных вещах, как если бы с нами кто-то беседовал о соблюдении церковного устава и объяснял, что на богослужении сначала нужно читать такой-то тропарь или что такие-то каноны соединяются с такими-то. Именно этим своим ученикам апостол говорит о том, что благодать Божия может быть принята ими тщетно.

Конечно, речь идет о благодати Таинств святого Крещения и Миропомазания, о благодати веры, но эта благодать проявляется определенным образом. Мы, возможно, захотим возразить. Например, у преподобного Серафима Саровского была такая благодать, что при молитве лицо его сияло, как солнце, а преподобный Сергий Радонежский во время совершения Божественной литургии был объят огнем. Неужели мы должны сравнивать себя с этими подвижниками? Но нам необходимо понимать, что та благодать, которая действовала, казалось бы, необыкновенным, чудесным образом в подвижниках благочестия, — я напоминаю общеизвестную вещь — на самом деле есть та же самая благодать Крещения и Миропомазания, которая присутствует во всех нас, только подвижники благочестия в себе ее раскрывают, дают ей свободно в себе действовать, а в нас она едва теплится. Мы имеем возможность духовно преуспевать наравне с любым подвижником благочестия, даже наравне со святыми апостолами, только бы мы проявляли должную ревность.

И потому мы должны устрашиться слов апостола «...умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами». Ученики апостола Павла, коринфяне, имели великую благодать Божию, так что говорили на различных языках, пророчествовали, и тем не менее он поучает их тому, что нужно приобрести еще бóльшую добродетель — любовь. Если бы эти люди не послушали своего великого учителя, святого апостола Павла, то могло бы оказаться, что они совершено напрасно, тщетно приняли благодать.

Мы можем чувствовать в себе действие благодати, если только не ошибаемся, — случается и такое по немощи нашего ума. Но, допустим, мы точно знаем, что действие благодати проявляется у нас в особенно внимательной или умилительной молитве. Наверное, почти всякий во время молитвы испытывает умиление, ощущает близость Божию. И этим мы утешаемся: мы если и не спасены, то, по крайней мере, находимся на пути к спасению. Но оказывается, что и подлинная благодать Божия может быть тщетно принята нами, если мы не будем вести себя, как того требует святой апостол Павел и апостольское Предание.

«Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» (ст. 2). Осознаём ли мы, в каком состоянии, в каких обстоятельствах мы находимся? Осознаём ли, что сейчас «время благоприятное»? Может быть, из-за своего нерадения, невнимания мы упускаем это время. По-разному можно понимать эти слова: как время нашей жизни вообще, как нынешний век, когда уже прозвучала апостольская проповедь и потому действительно продолжается «время благоприятное», которое мы должны использовать. А может быть, эти слова касаются какого-то конкретного дня или краткого периода нашей жизни. Почему мы так нерадиво и спокойно относимся к тому, что день проходит за днем, год за годом? Мы всё чего-то ждем, не подвизаемся. Я имею в виду не столько подвиги телесные, не для всех возможные, сколько внутренний подвиг, подвиг очищения своего сердца. И хотя в нас есть некие начатки благодати, но, поскольку мы не пользуемся этой благодатью для своего спасения, не каемся, не боремся с должной ревностью со своими страстями, постольку «время благоприятное» для нас проходит. А кто знает, может быть, пройдет несколько лет или гораздо более короткий срок, и это драгоценное время для нас окончится, и мы уже не сможем подвизаться. Например, не будет возможности пользоваться наставлениями или не будет каких-либо других благоприятных для духовной жизни обстоятельств. А самое главное то, что мы можем привыкнуть к своему нерадивому, теплохладному состоянию и упустим то время, когда и благодать у нас была, и ревность еще действовала. Оно закончилось, потому что мы привыкли быть такими, какие мы есть, несмотря на множество страстей и дурных привычек. Мы остались довольны собой, потеряли ревность и желание стремиться к большему. И потому можно сказать, что свой день спасения мы пропустили, «прозевали». Спохватимся, захотим подвизаться, понуждать себя, а сил уже нет. Захотим встать, а не сможем, захотим покаяться, а силы духа нет, захотим усердно помолиться, а уже не получается. Мы закоснели в нерадении и пропустили время, благоприятное для нашего спасения.

«Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение» (ст. 3). Далее апостол Павел оправдывает себя для того, чтобы показать, что он, как истинный апостол, ничего не сделал соблазнительного, препятствующего спасению своих духовных чад. Конечно, мы о себе такого сказать не можем (я имею в виду себя и других ваших духовных руководителей). К сожалению, мы иногда «полагаем претыкание», соблазняем вас своим страстным поведением и ошибками. Но вы должны понимать, что (если говорить о себе) я, отец Авраам, не являюсь собственно учителем. Учителем, по Евангелию, является прежде всего Господь Иисус Христос (см. Мф. 23, 10). И христианство насаждено не мною, а святыми апостолами. И если я, может быть, в чем-то и «положил претыкание», послужил соблазном, то апостол Павел такого не делал. Не осуждая тех людей, которые Промыслом Божиим в данный момент поставлены нашими руководителями, будем взирать на тех, кто положил основание христианской Церкви своей проповедью и сверхъестественным подвигом. Я имею в виду апостола Павла и других апостолов.

«Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в

чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией» (ст. 3–7). Апостол Павел перечисляет иногда сходные, иногда противоположные обстоятельства: например, иное проповедовать «в нуждах», иное «в силе Божией». Но этим он показывает, что, несмотря на все препятствия, он проповедовал неискаженное слово истины и ничто не могло заставить его замолчать. О себе мы такого сказать, конечно, не можем, и, если бы у кого-то вдруг возникло желание проповедовать, он должен был бы трезво на себя посмотреть и рассудить, способен ли он проповедовать при таких скорбях и трудностях, какие были у апостола Павла, и пребывать при этом в таком душевном состоянии, в каком пребывал он? Иначе говоря, способен ли он, с одной стороны, быть «под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах», а с другой — «в чистоте, благоразумии, великодушии, благости, Духе Святом, нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке» (см. ст. 6–7)? Под оружием правды апостол Павел подразумевает, скорее всего, следующее: подобно воину, который сражается правой рукой и держит щит в левой, он поражает врагов истины и защищает истину от ложных учений.

«В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны» (ст. 8). «В чести и бесчестии». Кто способен проповедовать, равно перенося и то и другое? В чести можно соблазниться и поддаться гордости, в бесчестии — унынию и ропоту, при порицаниях — усомниться: раз люди тебя не одобряют, то, вероятно, ты что-то неправильно делаешь? А при похвалах можно предаться самолюбованию и тщеславному удовольствию, что также оскверняет человека и лишает его милости, благодати Божией.

«Нас почитают обманщиками, но мы верны». Ты учишь, и кто-то тебя принимает, а кто-то считает обманщиком, и, несмотря на такое отношение, ты должен по-прежнему совершать свое служение. Кто может это перенести? Это очень трудно. Я хочу даже прибегнуть к сравнению, конечно, весьма относительному, с теми, кто наставляет вас. Хотя мы немощные и грешные люди, но тем не менее мы тоже что-то терпим ради того, что вас назидаем: и демоны невидимо нападают, и через людей бывают скорби. Переживания доставляют душевные страдания, которые иногда приводят и к телесным. Все это нам приходится испытывать на себе, хотя мы терпим и не такие тяжкие скорби, какие терпел святой апостол Павел, не такие великие несем труды. Говорю это не с целью похвалиться, но с целью усовестить вас, заставить до некоторой степени осознать, как тяжело служение наставника, чтобы вы более ревностно подвизались и чтобы наши труды не были напрасны. Ведь очень горько, когда ты трудишься, скорбишь и даже телесно страдаешь, а оказывается, что человек еле-еле преуспевает. И даже не то чтобы преуспевает, а ты и тому рад, что он не падает.

«Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем» (ст. 9), — апостол Павел говорит о тех гонениях, которые он на себе испытал. «Нас огорчают, а мы всегда радуемся» (ст. 10) — к сожалению, мы, ваши наставники, не можем иметь такого душевного расположения. «Мы нищи, но многих обогащаем, мы ничего не имеем, но всем обладаем» (ст. 10). «Нищие», потому что апостол Павел, странник, зарабатывавший себе на пропитание тем, что ночью делал шатры, конечно, был нищим и ничего не имел, но всех обогащал сокровищами Царства Небесного.

Итак, помимо того, что мы должны бояться потерять благодать Божию и сделать ее действие в нас напрасным, нужно думать еще и о том, чтобы не напрасно были положены за нас труды. Я имею в виду труды не таких грешных людей, как я, но святых апостолов, святого апостола Павла и прочих апостолов, которые, конечно, могли бы о себе сказать то же самое, что и он.

Сегодняшнее чтение из Послания к коринфянам начинается следующими словами: «Мы же, как споспешники, умоляем вас». Споспешники кому? Споспешники, или соработники, сотрудники, Богу. Пусть никого не удивляет такое выражение, потому что, например, в

постановлении апостольского Собора звучали следующие слова: «Изволися Духу Святому и нам» (см. Деян. 15, 28). И Сам Господь сказал: «Дух Святой будет свидетельствовать о Мне, и вы будете свидетельствовать» (см. Ин. 15, 26–27). В этом соединении человеческих трудов с действием благодати состоит Промысл Божий о нашем спасении. Так совершается наше спасение. Мы должны дорожить благодатью Божией, действующей в нас, и ценить труды, ради нас положенные. Апостол Павел имеет право так говорить, в отличие, например, от меня. Кто знает, как я закончу свое течение, а он закончил его славно, прославил его мученической кончиной. Как сам он сказал, «течение совершил, веру соблюл» (см. 2 Тим. 4, 7). Соблюл не только в себе, но и в тех, кому он проповедовал. Соблюсти веру до конца — совсем немало, даже если бы речь шла об одном человеке. И потому на этот призыв, укор апостола Павла мы не должны смотреть только как на историческое свидетельство о том, что апостол Павел когда-то, по какому-то конкретному поводу написал Послание к коринфянам. И города этого давно уже нет, и люди те давно ушли в иной мир — получается, что все эти слова имеют значение лишь как некий исторический, литературный памятник? Будучи православными христианами, мы не можем так относиться к Священному Писанию. Это слово Божие, звучащее через все времена и услышанное нами. Нужно, чтобы оно достигло не только нашего слуха, но и сердца. К нам, равно как и когда-то к коринфянам, обращается апостол Павел. И мы должны принять этот укор, устрашиться того, что, даже если мы имеем столь же обильную благодать Божию, какая была у коринфян, мы можем ее лишиться, а само действие этой благодати может оказаться напрасным. Напрасным, если мы будем пребывать в нерадении и упустим день своего спасения, или, выражаясь обыденным языком, если будем день ото дня откладывать свое исправление. В таком случае наступит момент, когда благоприятное время пройдет и нам, даже при желании, измениться будет чрезвычайно трудно.

Призыв апостола Павла должен всегда звучать в нашем сердце и побуждать нас к деятельному покаянию и вере. Никакие благодатные ощущения пусть не успокаивают нас и не приводят к мысли, что все у нас уже хорошо. Наоборот, действие в нас благодати Святого Духа пусть побуждает нас стремиться к большему. Наше сердце должно внимать этим словам апостола Павла: «Вот, теперь время благоприятное. Вот, теперь день спасения». Аминь.

1 октября 2006 года

О том, что претерпели апостолы ради нашего спасения

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел во Втором послании к коринфянам пишет: «Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами» (ст. 1). Существуют разные мнения относительно того, что здесь означает слово «споспешники». Одни толкователи полагают, что споспешниками апостол Павел называет других апостолов, поскольку они все трудились сообща. Есть и другая точка зрения: под этим словом святой апостол подразумевает то, что он и прочие апостолы являются споспешниками, соработниками Богу.

Но мне хотелось бы обратить особое внимание на слова: «Умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами». Оказывается, мы можем принять благодать Божию тщетно, или, иначе говоря, напрасно. Этим словам Священного Писания необходимо верить, поскольку апостол Павел, как и другие святые пророки и апостолы, учит не от себя — через него говорит Дух Святой. Напрасно — не в том смысле, что благодать Божия ничего не значит, а в том, что человек, даже приняв такую благодать, какую имели древние христиане, может ее не использовать, не усвоить себе. И получится, что этот великий, неизмеримый Божий дар окажется напрасным по вине самого человека. Мы, будучи свободными, можем вести себя так, что наше поведение явится пренебрежением к благодати Божией, и она от нас отойдет.

Из церковной истории и жизнеописаний угодников Божиих можно было бы привести много примеров того, как те, кто приняли обильную благодать, потом оказывались недостойными ее и даже становились преступниками и врагами Божиими. Самый страшный пример — один из двенадцати учеников Спасителя, отпавший от лика апостольского, Иуда Искариотский. Разве не с помощью благодати Божией он, как и прочие апостолы, именем Иисуса совершал великие чудеса? Однако же Иуда отпал и совершил страшное преступление, наверное, самое страшное из всех, какие только возможны.

Приведу еще и такой пример. Некоему отроку во время Божественной литургии было видение. Когда началось причащение верующих, отрок стал время от времени смеяться. Его спросили, почему он смеется, и он ответил, что, когда некоторые люди подходят ко Причастию, подлетает голубь и склевывает частицу Тела Господня с лжицы, и они берут в уста пустую лжицу. Суть видения такова: некоторые люди, принимая в себя Тело и Кровь Христову, причащаются недостойно, Причастие бывает им в осуждение или, по меньшей мере, не приносит пользы. Таким образом, нужно быть чрезвычайно внимательными и относиться к себе очень строго.

Слово «споспешники» можно понимать и в том смысле, что мы являемся споспешниками апостолам в общем деле труда над своей душой ради своего спасения, тогда слова «умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами» будут более понятны. Апостол Павел даже умоляет, упрашивает — иначе труды его окажутся бесполезными. Преподав своим духовным чадам благодать Евангелия, — не в том только смысле, что они приняли от него учение, но и в том, что в них вселился Дух Святой, — апостол боится, что из-за своего нерадения они сами лишатся присутствия в себе Духа Святого и уйдут со спасительного пути. И его апостольские труды окажутся, таким образом, тщетными. Он говорит: «Я сделал нечто, но и вы должны потрудиться».

Не может быть так, чтобы мы, принимая слово Божие, без всякого труда становились совершенными, даже если бы принятие евангельской проповеди сопровождалось обильными действиями благодати Божией, как это было у коринфян. Это должно нас устрашить, привести в состояние внутренней собранности, бодрствования, страха Божия — страха потерять то, что даровано нам святыми апостолами, основавшими Церковь Христову. Не теми или иными священниками, епископами, а именно святыми апостолами, потому что все мы, современные пастыри, являемся их преемниками на ниве Божией. И ничего больше, чем преподали они, мы преподать не можем, потому что все было учреждено святыми апостолами, через которых действовал Дух Святой.

В церковной традиции так сложилось, что все внимание христианина устремлено на подвиг Господа Иисуса Христа. И это правильно. Но неправильно то, что подвиг святых апостолов мы рассматриваем как нечто незначительное или даже совсем упускаем из внимания. А ведь без их многолетнего, превосходящего человеческое разумение подвига, без их страданий и мученичества не было бы Церкви Христовой. Апостол Павел в ином месте восклицает, что он страдает, дабы восполнить недостаток скорбей Христовых в Церкви (см. Кол. 1, 24). Значит, страдания апостолов восполняли недостаток страданий всех христиан. Все мы должны уподобиться Христу, и в частности в Его страдании. Но мы не имеем для этого силы духа, мужества, правильнее было бы сказать, достаточной веры. Поэтому за нас должны страдать могущие это сделать. И вот апостол восполнял недостаток скорбей Христовых. Разве этого мало для основания Церкви? И потому будем помнить: нашими споспешниками в деле спасения являются не тот или иной священник, духовник, правящий епископ, патриарх, не какой-нибудь духовный писатель, пусть и великий, но святые апостолы. Мы, пастыри, являемся лишь тенью, образом, в лучшем случае продолжателями их деятельности и подвига.

«Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» (ст. 2). Апостол Павел цитирует из Священного Писания слова пророка Исаии: «Во время благоприятное Я услышал Тебя и в день спасения помог Тебе» (Ис. 49, 8). И тут же дает толкование, показывая, что возвещенное древним пророком сказано о том времени, когда началась евангельская проповедь. Слова апостола Павла: «Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» обращены не только к коринфянам, но и ко всем нам. Мы, появившиеся в мир спустя уже столь много лет после пришествия Христова и основания Его Церкви, слышим евангельскую проповедь, слышим учение о приближении Царства Божия. И мы не должны быть беспечными, не должны пропустить этого времени, ибо жизнь проходит почти мгновенно.

Недавно я беседовал с другом, с которым познакомился в юности, когда еще учился в техникуме. Он тогда учился в художественном училище, и было нам по четырнадцати-пятнадцати лет. Я ему говорю: «Вот, мы с тобой уже сорок лет знакомы, сорок лет дружим». А он в ответ сказал простые слова: «Да, жизнь коротка...»

Когда-то я читал у святителя Игнатия (Брянчанинова) о том, что жизнь проносится мгновенно: как ушли те годы, которые ныне уже в прошлом, так и будущая жизнь пройдет и окончится очень быстро. Он писал об этом, будучи в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами. Действительно, с возрастом человек постигает эту истину. Мы должны помнить, что, хотя наша земная жизнь с того момента, как мы услышали евангельскую проповедь, и до нашей кончины, названа «временем благоприятным», жизнь эта коротка, как день. Откладывая свое покаяние и исправление со дня на день, мы поступаем чрезвычайно легкомысленно. Легкомысленно до безумия. Подобно человеку, которому нужно принять срочное решение, иначе его ждет гибель, а он откладывает это, говоря себе: время еще есть. А потом вдруг оказывается, что времени нет. В духовной жизни мало принять решение к исправлению, нужно еще и исправиться, ибо покаяние заключается не в одном лишь сожалении о своих грехах, но и в изменении жизни. А на это уходит много времени, нужно много над собой потрудиться, чтобы изменить самих себя.

Когда я читаю о подвигах святых апостолов, становится стыдно за себя, поскольку не имею той ревности, какую должен иметь. Апостолы, совершая великий подвиг проповеди, не встречали никакой благодарности, разве что ожидали обрести утешение в том, если их ученики будут жить достойно, по-евангельски, по-христиански. А какую награду они получали от людей? Святой апостол Павел говорит об этом далее, и это должно нас, пастырей, устыдить.

«Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение» (ст. 3). К сожалению, мы, современные священники, полагаем своими немощами и страстями претыкание и соблазняем. Человеку бывает нужно сделать над собой усилие, чтобы пренебречь нашими немощами и услышать из наших грешных уст святую евангельскую проповедь. Апостол же Павел, как и прочие апостолы, ни в чем не полагал претыкания, ничем никогда никого не соблазнял, «чтобы не было порицаемо служение». Поэтому вы пренебрегите нашими немощами и внимайте всему так, как бы слово Божие звучало не из уст стоящего перед вами на амвоне отца Авраама, но из уст самого святого апостола Павла, который через века обращается к нам со своим увещанием. День благоприятен «ныне» — и во времена, когда это Послание было написано для коринфян, и сейчас, когда мы здесь, в городе Екатеринбурге, или в любом другом месте, где сегодня звучит апостольская проповедь, слышим слово Божие. Время благоприятно.

«Но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении» (ст. 4), и далее апостол Павел перечисляет свои труды, а трудился он на ниве апостольской до своей кончины около тридцати пяти лет. Только смерть прервала его служение, причем смерть уже в преклонном

возрасте. Ничто не могло заставить его прекратить проповедь — ни избиения, ни тюремные заключения, ни попытки его убить, ни запреты церковного священноначалия. В то время еще не было четкого отделения новозаветной Христовой Церкви от ветхозаветной и архиереи, служившие по Моисееву закону, пользовались авторитетом не только у не принявших Христа иудеев, но и у христиан. Из Предания и Священного Писания мы знаем, что первые христиане еще соблюдали Моисеев закон, ходили в храм, где, как надо полагать, приносили положенную по закону жертву. Сам апостол Павел по настоянию апостола Иакова принес жертву (см. Деян. 21, 18–26). Так что запреты иудейских первосвященников тоже не надо сбрасывать со счетов, они имели значение. Но апостолы шли против всего мира, и ничто, кроме смерти, не могло заставить их замолчать.

«В великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах» (ст. 4). Иногда бывает очень тяжело пережить стесненные обстоятельства: нехватку одежды, пищи, отсутствие крова, недосыпание. Апостолы же, кроме того, пребывали в постоянном страхе гонений и смерти.

«Под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах» (ст. 5). Апостола Павла многократно избивали, причем настолько сильно, что иногда он казался умершим. Один раз его побили камнями и вытащили за город как умершего, но он встал и пошел (см. Деян. 14, 19–20). Не скрылся, не спрятался, как поступили бы мы.

Мы, современные пастыри, ждем и со стороны священноначалия одобрения, похвалы, награды, и от своих духовных чад благодарности. Ждем положительной оценки своей деятельности, хотя, может быть, и не заслуживаем ее вполне, а если не встречаем таковой, то огорчаемся и досадуем. Но посмотрим, что пришлось пережить святому апостолу. «В награду» за свою проповедь он неоднократно был заключаем в тюрьму. Даже великие святые люди, видя, что их проповедь не принимают, делали простой вывод: раз не хотят меня слушать, то я замолчу, видимо, не время. Но апостол Павел так не думал. В одном городе его не принимали — он шел в другой; одни люди его отвергали — он обращался к другим.

«В трудах, в бдениях, в постах». Помимо проповеди апостол еще и трудился по ночам, чтобы прокормить себя и бывших с ним и ничего не брать у тех, кому он проповедовал. Он поступал так ради того, чтобы никто не соблазнился, будто бы он проповедует из корысти, ради собственного пропитания. Апостол Павел не желал подать даже малейшего повода для соблазна. Когда же он говорит о бдениях, то имеет в виду не ночную молитву, а то, что он часто не имел возможности спать, бывая вынужден срочно покидать одно место и следовать в другое из-за угрожающей ему опасности или трудясь по ночам. И под постами подразумевается не воздержание в пище ради угождения Богу, а голод.

Существует парадоксальная оценка деятельности проповедника, правильнее сказать, абсурдная: если ты хорошо проповедуешь, значит, у тебя появятся духовные чада, которые станут тебе помогать, и ты будешь материально благополучен. Но что же мы видим из Священного Писания? Разве апостол Павел плохо проповедовал? Он обошел, причем несколько раз, всю Римскую империю. Старался проповедовать, как он сам говорит, в тех местах, где до него слово Евангелия не было слышно. Тысячи и тысячи людей обратились к вере благодаря его проповеди, и тем не менее он голодал. Поэтому неправильным и прагматичным является мнение о том, что человек должен чувствовать от своих трудов пользу в самом примитивном, материальном смысле слова. Нам, современным пастырям, это укор и одновременно пример того, что не следует искать ничего материального. Вам же, слушающим, повторяю: не соблазняйтесь нами. Наше оправдание в том, что мы говорим не свое, но лишь передаем слова святых апостолов, говоривших Духом Святым. И потому внимайте тому, что́ мы говорим, а не тому, кто́ и как говорит.

Вы сами понимаете, что во время страданий сохранить душевное равновесие чрезвычайно трудно. И далее из слов апостола Павла мы видим, что ему среди всех скорбей это удавалось, поскольку он постоянно находился во внутреннем подвиге и благодать Святого Духа его укрепляла.

«Под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви» (ст. 5–6). Нужно не просто терпеть, но терпеть так, чтобы иметь и плоды духовные. Ничто не могло помешать апостолу Павлу во время проповеди сохранить чистоту. Можно понимать это как телесную чистоту, целомудрие. Ведь постоянно общаясь со многими людьми, с противоположным полом, не имея порой возможности усердно помолиться, чрезвычайно трудно сохранять душевную чистоту или, по крайней мере, чистоту помыслов. Правильно понимать под чистотой и чистоту веры. Апостол говорит, что его учение было неповрежденной проповедью Евангелия, в нем не было ничего человеческого, ничего своего, но все — Божие, все — от Духа Святого.

«В благоразумии», или, если перевести дословно, «в знании». Значит, апостол хранил и знание. Знание, бывающее не понаслышке, а от опыта, ибо он знал не только то, что слышал от других апостолов, но и то, что открывал ему Сам Господь.

«В великодушии», или, по славянскому переводу, «в долготерпении». Долготерпение — это чрезвычайно важная добродетель. Апостол Павел не роптал, не унывал, не проявлял никакого неудовольствия. Терпение его простиралось на многие-многие годы. Он не думал: придет время, когда я наконец-то отдохну, буду пожинать плоды своих трудов и хотя на старости лет поживу в покое. Нет, апостол был долготерпелив в своих проповеднических трудах и страданиях ради евангельской истины.

«В благости». Разве легко сохранить благость, доброту, когда ты отовсюду стесняем скорбями и постоянно находишься во внутреннем борении? Но в апостоле Павле был мир, потому что в нем жил Дух Святой, как и сам он далее пишет: «В Духе Святом». Ничто не могло лишить его Духа Святого, ничто не отнимало от него этой великой благодати Божией. Несмотря ни на что, в нем была полнота Божественного присутствия.

«В нелицемерной любви». Апостол имел любовь и к своим пасомым, и к врагам, которые иногда из врагов становились его чадами, что произошло, например, с тюремщиком, обратившимся к вере после того, как по молитве святого апостола Павла с заключенных спали оковы.

Для того чтобы понять подвиг святого апостола Павла, сравним его отношение к жизни и людям с тем, что испытываем мы. Ведь апостолы были людьми, подобными нам, такими же, как и мы, ничем от нас принципиально не отличавшимися, кроме своей ревности и преданности воле Божией.

«В слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке» (ст. 7). В учении апостола Павла не было ничего частичного, ошибочного, но все было истинным. Иногда, правда, он позволял себе говорить нечто необязательное для исполнения — например, когда учил о том, что девство лучше брака. Но в таких случаях он, отнюдь не навязывая своего мнения, сразу же делал оговорку, что говорит это из собственного опыта, от себя, а не от Бога. И поступал он так для того, чтобы не смутить тех людей, которые не были способны понести подвига целомудрия и уединенного служения Богу. Значит, даже будучи чрезвычайно опытным и говоря от опыта, он боялся, как бы истина не оказалась искаженной его личным мнением, хотя и считал последнее правильным. Вот какова была щепетильность святого

апостола Павла, вот какова должна быть и наша осторожность, когда мы кого-либо назидаем, стараемся кому-либо принести пользу.

«В слове истины, в силе Божией» — не в своей силе, не с надеянием на себя, а в силе Божией. Святой апостол постоянно ощущал, что Бог ему помогает и содействует. А ведь для того, чтобы всегда ощущать присутствие Божие и понимать, что в твоих поступках, словах, образе мыслей присутствует Бог, нужно пребывать в особенном состоянии, нужно много, очень много трудиться. Если это приобретено — хранить, потому что духовное состояние бывает чрезвычайно хрупким. Одно неосторожное слово может его разрушить. Апостол Павел был всегда предан Богу, и потому Бог всегда пребывал с ним.

И далее он пишет: «С оружием правды в правой и левой руке». Здесь он сравнивает себя с воином, который в Библии по-славянски назван «ободесноручным» (см. Суд. 3, 15; 20, 16). В те времена такой воин считался совершенным в искусстве сражения, почти что непобедимым, поскольку мог одинаково ловко владеть мечом правой и левой рукой. Как мы знаем из Священного Писания, «ободесноручными» были воины из колена Вениаминова. Апостол Павел принадлежал к этому колену. Может быть, он, как и другие мужчины, был научен этому искусству, передававшемуся в Вениаминовом колене из поколения в поколение. И вот апостол прикровенно говорит о себе как об искусно обученном, совершенном воине, всегда готовом сражаться с врагами истины, с ложью и заблуждением. С одной стороны, в нем действует сила Божия, а с другой стороны, и сам он проявляет некое искусство и мужество.

«В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны» (ст. 8). Вот каковы были апостол Павел и прочие апостолы. И это должно заставить нас, как споспешников им в деле спасения, быть чрезвычайно бдительными над собой. Апостол Павел совершал свое служение без преткновения. Когда его прославляли, он не соблазнялся тщеславием и гордостью, когда бесчестили, не считал себя опозоренным и униженным, но пребывал в ровном и мужественном состоянии души. Ему было безразлично, если о нем говорили дурно или клеветали на него, называли обманщиком. Ничто его не устрашало, он оставался верен своему служению и продолжал говорить то, что считал истиной, что внушал ему Дух Святой.

«Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем» (ст. 9). Апостол Павел, как мы знаем, имел невзрачную наружность. И вообще апостолы не были какими-то особо прекрасными, величественными людьми, внушающими уважение своей внешностью, даже наоборот. Апостол Павел был низкорослый, плешивый, да притом еще и еврей. А к евреям многие язычники относились с презрением и отвращением. И вот представьте: появляется какой-то невзрачный человек, еврей, и начинает говорить о событиях, с его точки зрения будто бы важных. Конечно же, поначалу его слушали с презрением. Как, например, смеялись над ним в Ареопаге, когда он проповедовал о воскресении из мертвых, и говорили: «Об этом мы будем слушать тебя в другой раз» (см. Деян. 17, 32). Но это не смущало святого апостола. Его осмеивали, вменяли ни во что, он же говорил. И когда он проповедовал, то вдруг видели, что за этой неказистой внешностью скрывается необыкновенный человек. Что это даже не человек, а труба Святого Духа. Что он велик, как древние великие пророки, и, может быть, еще возвышеннее и прекраснее их, потому что возвещает полноту истины. Тогда-то и узнавали, что перед ними не просто какой-то неизвестный, невзрачный, незнатный и небогатый человек из ничтожной провинции Римской империи, каковой была в то время Иудея, но апостол истины, через которого говорит Небо, через которого говорит Бог.

«Нас почитают умершими, но вот, мы живы». Умирали апостолы действительно многократно, потому что их много раз пытались убить, и только Промысл Божий не допускал этого до

времени, пока они не потрудились в достаточной степени. И наверное, неоднократно распространялись слухи о том, что апостол Павел умер, что его убили, но вдруг он вновь появлялся и продолжал проповедовать. Изумлялись этому, я думаю, не только его друзья и духовные чада, но и враги.

«Нас огорчают, а мы всегда радуемся» (ст. 10). Сравним с собой: возможно ли нам это? Мы огорчаемся от неприятного слова, укоризненного взгляда, даже от справедливого обличения и замечания. А чем огорчали святого апостола Павла? Избиениями, клеветой, попытками убить, заключениями в темницу, унижениями… Но он всегда пребывал в радости. Апостол говорит «мы», то есть, хотя рассказывает о себе, но его слова в равной степени относятся и к прочим апостолам.

«Мы нищи, но многих обогащаем» (ст. 10). Чем обогащают? Деньгами? Нет, конечно. Мы нигде не слышим, чтобы обращенные апостолом Павлом к вере стали богатыми людьми. Но он обогащал своих пасомых тем, что выше всего земного, выше целого мира — Царством Божиим. И тех, кто обращался к вере во Христа, делал царями и священниками, как говорит об этом Откровение Иоанна Богослова (см. Откр. 1, 6). Апостолы, эти нищие, ничтожные люди, которые нуждались в пропитании и у которых не хватало иногда денег на удовлетворение своих скромных нужд, обогащали целую вселенную проповедью о Царстве Божием и насаждением, устроением Царства Божия на земле, каковым является Церковь Христова.

«Мы ничего не имеем, но всем обладаем» (ст. 10). Чем обладал святой апостол Павел? Обладал ли он какими-то дворцами, имуществом? Что он имел в виду? Неправильно понимать эти слова в узком смысле: что христиане помогали апостолу удовлетворять его нужды и везде, где им были основаны общины, он мог рассчитывать на прием и материальную поддержку, потому что в таком случае нельзя было бы сказать: «Мы всем обладаем». Апостол Павел, скорее, всегда нуждался. Чем же он обладал? Человек, отрекшийся от всего и служащий Богу, надеющийся только на Него, чувствует, что он обладает всей вселенной, всем миром и что весь мир служит ему в той степени, в какой это ему необходимо. А если и скорби приходится понести, то он принимает их как из руки Божией, как то, что ему необходимо претерпеть ради собственного совершенствования, находя в этом восполнение скорбей Христовых, недостающих Церкви.

Вот что, подобно апостолу Павлу испытывали, переживали святые апостолы. И мы, их ученики — ведь и Церковь свою мы называем Апостольской, — должны помнить, какой великий, нечеловеческий подвиг они ради нас совершили. И потому мы должны приложить малое усердие для того, чтобы быть достойными их трудов и, будучи споспешниками трудам апостольским, принести плод духовный. Плодом же духовным является, в конечном счете, наше спасение.

Будем ценить подвиг этих великих древних мужей. О некоторых из них мы мало что знаем, но, как говорит Евангелие, дерево познается по плодам (см. Мф. 7, 16). Эти никому не известные, беспомощные, беззащитные, нищие люди основали Церковь Христову, которую врата адовы одолеть не могут (см. Мф. 16, 18). Будем верны апостольскому Преданию, будем жить в этом Предании, мыслить им, чувствовать согласно ему, будем подвизаться, как учили нас святые апостолы. Только так мы оправдаем их подвиг ради нас и сделаем их труды не тщетными. Только так благодать Божия, дарованная нам в Церкви Христовой, не окажется данной нам напрасно. Аминь.

16 сентября 2007 года

Неделя 17-я по Пятидесятнице

2 Кор. 182 зач. (6, 16–7, 1)

Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель.

Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием.

Очисти свой внутренний храм от мысленных идолов

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня читалось зачало из Второго послания к коринфянам святого апостола Павла. Апостол Павел говорит: «Какая совместность храма Божия с идолами?» (ст. 16). Мы должны предположить, что речь будет идти не о храме в том узком смысле слова, в котором мы привыкли воспринимать это понятие, и также, наверное, не об идолах или идолопоклонстве как о язычестве, а о чем-то большем, гораздо более значимом, хотя, может быть, и не примечаемом нами из-за нашего буквализма.

«Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» (ст. 16). Если в данном случае под храмом Божиим понимаются люди, значит, и под идолами понимаются не идолы в точном смысле слова, то есть какие-либо изваяния, которым поклонялись эллины, но то, что идолом становится и что заставляет человека преклоняться перед собой, вопреки его вере и любви к Богу. Речь идет о каких-либо страстях, пороках или же каких-либо принципах, происходящих не из христианского Богооткровения, но имеющих посторонний источник. Некоторые отцы сравнивают, например, блудную страсть с идолом Венеры, страсть гнева — с идолом Марса, и так далее.

«Какая совместность храма Божия с идолами?» Гораздо важнее понять положительную сторону этого изречения: собственно христиане являются храмом Божиим. Не стены, не камни, из которых составлены те или иные здания, предназначенные для совершения молитвы, иногда весьма прекрасные и благолепно украшенные, а именно люди составляют храм. Церковь Православная, Церковь Христова состоит не из строений, а из людей. Каждый из нас является одним из камней, созидающих этот храм Божий.

Но не только так можно понимать эти слова, в них можно еще увидеть и тот смысл, что в каждом из нас, как в храме Божием, должен пребывать Бог. Как в Ветхом Завете, когда евреи исходили из Египта, Господь пребывал среди их стана ночью в виде огненного столпа, а днем — в виде облачного, так и сейчас Господь пребывает среди нас. Он сказал святым апостолам перед Вознесением Своим: «Се, Аз с вами есмь до скончания века» (см. Мф. 28, 20), и слова Его не должны казаться нам некой аллегорией. Если они вышли из Его уст и переданы нам в Божественном Евангелии, значит, это есть безусловная истина, не нуждающаяся в том, чтобы ее перетолковывали и приспосабливали к нашему немощному и ограниченному разуму. Господь сказал, что Он будет с нами во все дни до скончания века, и Он действительно пребывает среди нас, если только мы собрались и живем во имя Его, о чем также говорит Сам Спаситель: «Где двое или трое собрались во имя Мое, там и Я посреди них» (см. Мф. 18, 20).

Если же мы этого не понимаем, мы тем самым показываем, что не имеем живого, подлинного богообщения.

Для того чтобы каждый из нас был тем камнем, из которого созидается Церковь Божия, он должен сам стать неким храмом, в котором пребывает Господь. Тогда можно будет сказать, что слова апостола Павла подлинны. Это не означает, что мы сомневаемся в их достоверности, но значит, что своим греховным образом жизни мы удаляемся от того, чтобы они свершились над нами. Бог должен пребывать в каждом из нас, а не только между нами, как было у евреев. Они могли вести себя нечестиво и роптать, Господь же пребывал между ними, но не находился внутри них. Сейчас, во времена Нового Завета, должно быть не так: Господь пребывает между нами в том случае, если Он прежде вселился в каждого из нас. И тогда пророчество Иеремии (см. Иер. 31, 1), содержащееся в приведенных словах апостола Павла, на нас сбывается.

«И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас» (ст. 17). Когда-то прикосновение к чему-либо скверному считалось недопустимым и оскверняло человека, так что для своего очищения он должен был совершить определенные ритуальные действия. Ныне говорится уже не о ритуальной или телесной нечистоте, а о душевной. Мы не должны даже прикасаться к тому, что может осквернить душу человека.

Обратимся к более понятным нам примерам, не к ветхозаветным предписаниям, а к современному представлению об обычной гигиене. После грязной работы мы обязательно моем руки. Прежде чем начать читать книгу или приступить к еде — также. Если мы замарали одежду, нам бывает неловко, мы стараемся ее очистить. (Бывает, что от одного только легкого прикосновения одежда человека марается: допустим, прикоснулся кто-то нечаянно плечом к стене, и мел остался на его одежде.) Если мы соблюдаем такие правила, имеющие принципиальное значение, пожалуй, только по отношению к здоровью, но никак не касающиеся души человека, то тем более мы должны быть, так сказать, духовно аккуратны, чтобы не замараться от прикосновения к чему-либо нечистому. Речь идет о том, чтобы не оскверняться греховными помыслами и страстями, а также быть осторожными, когда мы вообще соприкасаемся с миром и чем-либо мирским. Ведь мы оскверняемся либо непосредственным действием той или иной страсти, греховного помысла, либо действием той же самой страсти, но происходящей от другого человека. В последнем случае страсть может быть воплощена в произведении искусства, идеологии или просто в житейских принципах, которые никто не декларирует, однако все их негласно придерживаются.

Мы должны выйти из среды этих людей не только телом, что, собственно, уже и сделали, но и духом, отречься от всего того, что может нас осквернить. «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас». Какой вывод необходимо сделать из этих слов, принадлежащих также древним пророкам? Если мы выходим из среды этих людей, отделяемся от них, не прикасаемся к мирской нечистоте, то Господь нас принимает. И наоборот, если мы этого не сделаем, то, конечно, Он нас не примет. И стоит ли тогда удивляться, что мы, как будто бы столько совершая ради Бога, ничего не получаем, не соединяемся с Ним, не вступаем в богообщение. Много трудимся, однако же малоплодны. Это происходит по той причине, что мы не исполняем того, что нам повелевает в Священном Писании апостол Павел.

«И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель» (ст. 18). Если мы будем строго к себе относиться, отделимся от всего того, что может нас осквернить, тогда Господь примет и усыновит нас Себе. Как Господь Иисус Христос по природе является единородным Сыном Отчим, так и мы по благодати сподобляемся дара усыновления. Преподобный Варсонофий Великий, древний святой, говорил о себе: «Я ныне достиг такой

меры, что являюсь братом Иисусу» (конечно, он говорил это не ради хвастовства или по гордости, но из желания назидать своих духовных чад). Никто из нас, безусловно, не вправе произносить подобные слова, это было бы явным признаком необыкновенной гордости. Но в то же время необходимо понимать, что мы должны стремиться к такому состоянию. Если мы становимся сынами и дщерями Небесного Бога Отца, к чему призывает нас апостол Павел, то, естественно, становимся братьями и сестрами Господу Иисусу Христу. Но этого, как мы видим, нет. Тем не менее мы не имеем права оправдывать себя и думать, будто эти слова — аллегория. Например, Спаситель перед Вознесением сказал, что знамением уверовавшим послужит то, что они будут изгонять демонов, не будут бояться ядовитых змей и прочего (см. Мк. 16, 17–18), и мы начинаем объяснять эти слова в переносном смысле, потому что не хотим признаваться в том, что мы не являемся истинными верующими и поэтому ничего подобного с нами не происходит. Так же и в случае с приведенными пророческими словами: мы, повторю, не должны оправдываться, полагая, что тут имеется в виду нечто иное и что не нужно понимать буквально слова «И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель».

Апостол Павел увещевает нас: «Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа» (ст. 1). Действительно, имея такое обещание, как мы должны поступать? «Обещание» — так можно перевести на современный язык слово «обетование», для того чтобы эта мысль прозвучала более выразительно. Нам пообещали нечто великое: нас, грешных и немощных людей, усыновят Богу. Даже если бы у нас не было вообще никакого греха, даже и первородного, не было бы в нас и тени греховности, все равно то, что нас, ограниченных и ничтожных по сравнению с бесконечным величием славы Божией существ, делают причастными Божескому естеству, уже должно было бы побудить нас сделать для своего очищения все. «Очистим себя от всякой скверны плоти», то есть всяких земных страстей, а также «и духа», то есть гордости, всевозможных заблуждений и всего прочего, что можно отнести к болезням души. «Совершая святыню в страхе Божием». Собственно тогда мы и будем совершать святыню, тогда мы и будем в своем внутреннем храме приносить жертву Богу, подобно тому как епископ совершает Божественную Евхаристию. Мы станем, согласно сравнению преподобного Иоанна Лествичника, епископами своего сердца. И если каждый из нас станет таким храмом Божиим, где совершается Божественная святыня и где мы приносим невидимую, однако же благоуханную и приятную жертву Богу, то мы подлинно будем теми духовными и словесными камнями, из которых созидается Церковь Христова. А иначе мы вынуждены будем признать, что принадлежим к Церкви в лучшем случае частично. Может быть, в догматическом отношении это неточное выражение, потому что человек либо принадлежит к Церкви, либо отпадает от нее. Но я говорю так для того, чтобы мы поняли свою немощь и свое ничтожное, слабое духовное состояние, в котором мы, к сожалению, пребываем из-за нерадения. Имея такие великие обещания, мы не хотим очистить себя от всякой скверны плоти и духа и потому не можем совершить в своем сердце святыню, не имеем того страха Божия, который бывает от ощущения присутствия Бога в нас.

Вернемся к первому стиху сегодняшнего апостольского чтения: «Какая совместность храма Божия с идолами?» (ст. 16). Казалось бы, эти вещи действительно никак не могут совмещаться, соединить их нельзя, однако же мы умудряемся это сделать. Так в древности некоторые израильские цари, находясь под влиянием язычества и в какой-то степени приняв его идеологию и учение, наполнили храм Божий идолами и тем самым осквернили его. Подобным образом мы поступаем со своим собственным сердцем и душою, привнося внутрь себя нечто постороннее и руководствуясь в своей жизни действием той или иной страсти или принципами, сложившимися вне Церкви и не имеющими никакого отношения к Божественному откровению. А то, что мы позволяем себе внутри, конечно же, проявляется и в нашей деятельности. Таким образом, мы привносим все это в Церковь Христову. Мы оскверняем сами

себя и волей-неволей распространяем эту нечистоту вокруг. Тем самым мы удаляем от себя Бога, поскольку Он не может пребывать среди нечистоты. Удаляем благодать Божию и от самих себя, и из среды церковной.

Потому не будем считать чем-то маловажным, не касающимся других людей то, что мы живем в нерадении, услаждаемся действием страстей и подвержены миролюбию в том или ином отношении, умственном или душевном. Нет, это не есть нечто постороннее и незначительное, это касается не только нас, но и всех тех, кто нас окружает. Преподобный Серафим Саровский сказал такие примечательные слова, которые мы часто повторяем и помним всегда: «Стяжи мирный дух, и вокруг тебя спасутся тысячи». Наверное, может быть и противоположное: если в нас дух не мирен, то мы соблазняем многих людей. Не будем себя извинять и оправдывать, потому что, где оправдание, там не может быть никакого исправления. Наоборот, будем укорять себя не с целью привести себя в уныние или отчаяние, но с целью возревновать о том, чтобы очистить свой внутренний храм от всего чуждого, языческого, от мысленных идолов. Аминь.

8 октября 2006 года

Неделя 18-я по Пятидесятнице

2 Кор. 188 зач. (9, 6–11)

При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог. Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело, как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век. Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей, так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу.

Милостыня, приятная Богу

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня на литургии читались назидательные слова из Послания святого апостола Павла. Он обращается к коринфянам, говоря им о необходимости сбора пожертвований для верующих в Иерусалиме. Видимо, люди нуждались в такой милостыне, поскольку не могли самостоятельно зарабатывать на пропитание из-за притеснений со стороны единоплеменников, враждебно относившихся к проповеди христианства. А может быть, эти средства распределялись между теми, кто проповедовал слово Божие, — между апостолами, для того чтобы те могли совершать путешествия и удовлетворять насущные потребности, ведь всякий человек, даже высокодуховный, безусловно, нуждается в этом.

Апостол Павел увещевает своих духовных чад и призывает их к щедрости: «При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (ст. 6). Апостол сравнивает милостыню с сеянием. Кто бросит в землю мало зерна, тот, естественно, и урожай получит небольшой. А кто посеет щедро, тот может рассчитывать на большее. Но прежде всего это сравнение нужно отнести к вопросам духовным. «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет» означает, что, когда мы раздаем милостыню, то есть материально помогаем людям, то таким образом совершаем сеяние. Тогда что же такое жатва? Жатва — это воздаяние в будущей жизни. Однако мы должны смотреть не только на то, что будет за гробом, за порогом смерти, но и на то, что будет сейчас. Благотворение уже сейчас должно приносить плод нашей душе, и

это не просто наше право, но и обязанность.

В Евангелии есть такие слова: «Тому, кто творит милостыню втайне, Отец Небесный воздаст явно» (см. Мф. 6, 4). Здесь говорится не о воздаянии того же самого, то есть не о том, что раздавший деньги получит гораздо больше денег, но о том, что, раздавая милостыню, он должен ощущать в душе умножение благодати. Эту связь между действиями, касающимися как будто бы только земной стороны нашей жизни, и действиями, связанными со стороной духовной, невидимой, нужно ясно осознавать.

Но, казалось бы, к нам, находящимся в святой обители, в стенах монастыря, ведущим особый образ жизни, это не может относиться напрямую. Святитель Игнатий (Брянчанинов) считает (и, безусловно, его мнение справедливо — оно основано на мнении святых отцов), что монах не имеет права самостоятельно раздавать милостыню. Его милостыня — терпение и смирение. Его милостыня (если, конечно, он достиг какого-то духовного преуспеяния) — помощь человеку словом Божиим, назидание, то есть милостыня душевная, о которой отцы говорят, что она выше милостыни телесной настолько, насколько душа выше тела. Монашествующие не имеют права раздавать милостыню в буквальном смысле этого слова. Если кто и делает это в монастыре, то по особому поручению. Прежде всего, это делают настоятель или настоятельница, а также тот, кто по благословению исполняет соответствующее послушание.

Но, помимо душевной милостыни преуспевших и помимо материальной милостыни, раздаваемой начальствующими, монашествующие могут раздавать милостыню в другом смысле слова. Что такое деньги, которые чаще всего раздают как милостыню? Это эквивалент человеческого труда. Можно быть огородником или садовником и выращивать овощи и фрукты, которые потом дать нуждающемуся, и это, конечно, тоже будет милостыня, а можно продать выращенные плоды и дать человеку деньги, и тогда он сможет приобрести необходимое: пищу, одежду или что-либо иное. Поэтому и мы творим милостыню, если мы трудимся в обители, даже исполняя самую простую работу, служим друг другу, а иногда и мирянам, например, выполняя их просьбы. Если мы будем служить правильно, разумно, если будем осознавать, что это не просто какой-то необходимый, «рабский» труд, — работа, которую мы исполняем поневоле («сеем скупо», то есть делаем нехотя), если будем «сеять щедро», то есть трудиться от всей души, желая помочь своим ближним (кто бы они ни были, монашествующие или миряне), тогда мы щедро и пожнем. Пожнем благодать Божию в своей душе.

Далее апостол Павел говорит: «Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (ст. 7). Сказано это не для того, чтобы человек по расположению сердца давал мало. Скажем, у меня нет желания трудиться для сестер, пусть, мол, они сами себя обслуживают, и вот за это мне воздастся, — нет. Сказано это для того, чтобы каждый посмотрел на свое расположение, давал милостыню не с огорчением и принуждением, а добровольно, ради любви к человеку.

«Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» (ст. 8). Бог силен воздать нам, отблагодарить нас (слово «благодать» на современном русском языке и значит «благой дар»), обогатить и вещественно, и духовно, для того чтобы мы имели избыток и от этого избытка всякому человеку могли помочь, — «были богаты на всякое доброе дело».

Апостол Павел продолжает: «Как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век. Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» (ст. 9–10). Господь, возращающий семя, так что оно приносит обильный плод и насыщает тех, кто трудился над сеянием и жатвой, может «умножить плоды правды вашей», то есть нашей праведности, правильного отношения, любви к людям.

«Так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через вас производит благодарение Богу» (ст. 11). То есть чтобы мы были богаты, могли не только от скудости, но и от избытка той благости, благодати, которая у нас есть, благотворить всякому нуждающемуся, «который через нас производит благодарение Богу». Последние слова означают, что, оказывая людям благодеяние, мы таким образом вызываем в них благодарение Богу. И это для нас, быть может, самая великая награда. Тем самым мы проповедуем Евангелие. Не обязательно мы доказываем подлинность евангельского повествования, защищаем истины веры, но, показывая, что в христианах действительно есть любовь, что мы являемся носителями, проводниками этой любви, мы распространяем слово Божие. И это самая лучшая, самая убедительная проповедь.

Приведу вам пример из жизни. Один человек интересовался духовными вопросами, но, как многие современные интеллигентные люди, к сожалению, больше увлекался всевозможными восточными учениями, которые приходят к нам прежде всего из Индии, этого заповедника язычества. Наши общие знакомые пытались его переубедить, но их слова не производили на него должного впечатления: он оставался при своем мнении. После одного из таких разговоров мой друг, который еще не был членом Церкви, хотя и был крещен в детстве, он был, так сказать, этническим православным, прощаясь с ним по принятому у христиан обычаю, троекратно его облобызал. И почему-то именно это произвело на него сильнейшее впечатление, в душе у него все перевернулось. Такое, казалось бы, простое, элементарное проявление любви привело этого человека в Церковь. Он покаялся и стал православным христианином, стал жить по-христиански. Можно было бы привести много других подобных примеров.

Итак, нужно проявлять любовь через милостыню, в чем бы эта милостыня ни выражалась: в трудах, финансовой помощи человеку, назидании словом Божиим — что Промысл Божий дал в наше распоряжение, тем мы и должны пользоваться, чтобы исполнить эту заповедь апостола Павла. Такая милостыня и нам приносит пользу, и нас обогащает, и в других людях вызывает благодарение Богу. Что значит благодарение Богу? Человек становится слугой Божиим, рабом Божиим, из нерадивого или чуждого Церкви человека он становится истинным христианином. И потому мы не должны пренебрегать такими, как нам кажется, малозначащими вещами, о которых мы думаем, что они только мешают нам в духовной жизни, отвлекают нас от молитвы, от чтения. Служение ближним — великое дело. Часто именно в мелочах, в незаметных вещах проявляется величие духа человека. И такими по видимости незаметными вещами приобретается душа другого человека для вечности.

Но мы должны это делать, как говорит святой апостол Павел, «не скупо», то есть без ропота и огорчения, оттого что у нас отнимают время, но, наоборот, от всей души, так, чтобы это было от расположения нашего сердца. Если мы будем так щедро сеять, то мы щедро и пожнем в своей душе, даже если нам выразят неблагодарность. Если мы увидим хотя бы одного человека, испытавшего истинную благодарность к Богу через благодарность нам, то это будет для нас утешением и великой радостью. И тогда мы поймем, что наши скромные труды угодны Богу. Аминь.

15 октября 2006 года

Неделя 19-я по Пятидесятнице

2 Кор. 194 зач. (11, 31–12, 9)

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук.

Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.

О том, чем хвалился апостол Павел

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня за Божественной литургией мы слышали чтение из Второго послания святого апостола Павла к коринфянам. В нем содержатся замечательные, удивительные слова. Все мы, наверное, их знаем и помним, потому что они сразу врезаются в память, стоит один раз их услышать. И потому еще, что мы слышим их не однажды в год, ведь их положено читать также и в день памяти апостола Павла, 12 июля.

Святой апостол Павел говорит: «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук» (ст. 31–32). Коринфянам, духовным чадам апостола Павла, казалось, что по сравнению с первыми, главнейшими апостолами он не столь значителен, и они усомнились в его апостольском авторитете. Но он начинает убеждать их в том, что он ничем не меньше самых великих апостолов, хотя был призван к своему служению уже после того, как Господь Иисус Христос вознесся на небеса. А для нас святой апостол Павел является удивительным примером того, что человек может быть призван к служению Богу в любое время и достичь таких же высот богообщения, такого же преуспеяния в добродетели, какого достигли и святые апостолы. Ведь апостол Павел ничуть не меньше тех, кого сам он называет столпами: Петра, Иакова и Иоанна (см. Гал. 2, 9).

«Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним» (ст. 1). Апостол говорит о видениях, то есть о таких благодатных явлениях, как, например, явление Господа Иисуса Христа, бывшее Серафиму Саровскому или Силуану Афонскому. Когда преподобный Силуан Афонский на мгновение увидел преобразившегося Господа, это видение изменило всю его жизнь, а у апостола Павла, несомненно, было много таких видений. Он употребляет слово «видение» во множественном числе. Но он имел еще и откровения, которые больше, чем видения, поскольку в откровении не только показывается нечто, но и сообщаются тайны Божии. Конечно, апостолу Павлу эти откровения были для того, чтобы он послужил другим людям, открывая им тайны Царствия Небесного.

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба» (ст. 2). Все толкователи единодушно считают, что апостол Павел говорит здесь о себе, но из смирения или, если хотите, даже из приличия делает это в прикровенной форме. Тем не менее он намекает, что речь идет именно о нем, так что коринфяне, испытывая доверие к апостолу Павлу, при желании, безусловно, могли об этом догадаться. Восхищение апостола Павла к Богу было столь

неописуемым, что он даже не знал, в теле он находился или вне тела. Видимо, это произошло с ним во время уединенной молитвы, и никто не мог сказать, как это было. Иначе свидетели заметили бы, что тело его либо осталось бездыханным, либо исчезло и оказалось в ином мире. Например, когда у Василиска Сибирского душа во время молитвы выходила из тела, то он видел свое тело со стороны лежащим и как бы мертвым. Подобное испытывали и некоторые другие подвижники. Но, видимо, возможно быть восхищенным на небо и вместе с телом, если апостол Павел говорит об этом, хотя нам это кажется совершенно невероятным. По своей немощи мы, как люди малодуховные, считаем сомнительным всё то, что не соответствует нашему скудному духовному опыту. А подвижники Христовы, в особенности столь преуспевшие, как святой апостол Павел, наоборот, пренебрегали опытом житейским, чувственным как сновидением, как чем-то мимолетным и пустым.

«И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (ст. 3–4). Апостол Павел знал нечто такое, что человеку трудно воспринять, потому что это вообще невозможно пересказать человеческими словами. Ведь мы можем назвать лишь тот предмет, который дан нам в нашем земном опыте, а для наименования предметов, существующих только в духовном мире, нет и соответствующих слов. В таком случае можно лишь приводить какие-то сравнения, образы, но они не всегда точно передадут смысл, в особенности тем, кто ничего подобного не испытал. А иное и вовсе невыразимо. Но, может быть, «нельзя пересказать» по той причине, что мы в настоящем своем убогом состоянии еще больше, чем коринфяне, неспособны это воспринять. Пересказывать такие вещи людям недуховным нет смысла: либо превратно истолкуют, либо не поверят, либо просто не поймут.

«Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня» (ст. 5–6). Апостолу Павлу есть чем хвалиться, однако он не хвалится. Но не из желания представлять из себя что-то важное, как иногда это делаем мы: говорим загадками и многозначительно, а если бы нас расспросили поподробнее, то нам и сказать было бы нечего. Но апостол Павел говорит так для того, чтобы никто не подумал о нем более, чем он выглядит в глазах других людей. Как же он выглядел? Если говорить о внешности, то она у него была очень заурядная: он был мал ростом и плешив. Его еврейская внешность — вспомним, как он говорит о себе: «Еврей от Евреев» (Флп. 3, 5), — естественно, могла вызывать у людей другого происхождения некоторое презрение. Однако речь, наверное, идет не о внешнем облике, а о том, как он себя вел. Что же мы знаем о нем? Апостол Павел был человек чрезвычайно добродетельный, необыкновенно красноречивый, никого и никогда не боялся, готов был пойти на смерть, вытерпел много всевозможных бед. Днем он проповедовал, ночью трудился, чтобы никто не мог его упрекнуть, что он нахлебник и проповедует за чужой счет, чтобы не полагать, как он говорит, препятствия проповеди (ср. 1 Кор. 9, 12). Но этого мало, он совершал и многие великие чудеса: повязки, пропитанные его потом, исцеляли людей (см. Деян. 19, 12); когда его ужалила ядовитая змея, то он не потерпел никакого вреда (см. Деян. 28, 5). С ним происходило и много другого чудесного, что или описано в Священном Писании, или опущено за множеством. Несмотря на все это, апостол Павел говорил: «Я не хочу, чтобы о мне думали больше, чем видно». Значит, в нем было нечто такое, что больше даже дара чудотворений, который кажется нам самым высоким и удивительным. Чудеса апостола Павла видели многие люди, в том числе и коринфяне. Далее он говорит, что его проповедь в Коринфе была не меньше проповеди других, даже высших, апостолов и что в отношении чудес коринфяне тоже не были ничем, так сказать, обижены (см. 2 Кор. 12, 11–12).

«И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел

сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (ст. 7). Ранее апостол только упомянул о своих немощах, а теперь говорит о них подробно. Обратившись к греческому тексту, мы увидим, что русский перевод «удручать меня» является слишком общим. Дословный перевод был бы «заушать меня», то есть «давать пощечины, бить по щекам». Диавол так искушал апостола, словно бил его по щекам, как делают и люди, когда хотят кого-то унизить. Эта скорбь была постоянным унижением для апостола Павла. В чем именно она состояла, мы можем только догадываться. Одни толкователи говорят, что это были скорби, связанные с гонениями от врагов Христовых, препятствовавших таким образом проповеди. А другие — и мне их мнение кажется более убедительным, хотя здесь допустимо разномыслие, потому что за обоими мнениями стоят святые отцы, — считают, что у апостола Павла была какая-то болезнь, может быть головы или глаз, столь мучительная, что он называет ее жалом в плоть. Само слово «жало» точнее было бы перевести с греческого как «колючка», «заноза» или «кол». Может быть, эти слова неблагозвучны и необычны для Священного Писания, но зато они яснее показывают нам, какие мучения испытывал апостол Павел. Представьте себе, кто-то сравнивает свою болезнь с колом в теле и признаётся: «Я испытываю такие мучения, как будто меня без конца бьют по щекам». Так унижает его эта болезнь. Обратите внимание: апостол Павел, который совершал великие чудеса, исцелял больных, изгонял бесов из бесноватых, говорит, что он страдает от диавола: «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны». Значит, диавол искушает и святых людей, но только как искушает? Нас он искушает через злые помыслы, возбуждая в нас действие страстей. К святым приступить таким образом он не может, потому что они — совершенно бесстрастные, чистые люди. Может быть, они и замечают в себе какие-то тонкие движения страстей, для нас даже незаметные, например легкое неудовольствие или скорбь, но у них нет таких душевных искушений, как у нас, и потому Господь попускает, чтобы диавол искушал их скорбями, например телесными болезнями. Мы должны понимать, что могут быть болезни от диавола, причем такие, от которых не в силах избавиться даже святые мужи.

Кроме того, нужно обратить внимание на несколько слов, которые мы обычно не замечаем, пробегая текст глазами, хотя в них заключается великий смысл, именно они особенно полезны для нас. Апостол Павел два раза повторяет слова «чтобы я не превозносился». Отсюда можно сделать вывод о том, что даже такой великий человек, как апостол Павел, великий проповедник истины, потрудившийся, по его словам, более других апостолов (см. 2 Кор. 11, 23), совершавший чудеса, имевший, как он сам признаётся, чрезвычайные откровения, может превозноситься. И потому ради его безопасности, ради того, чтобы он не подвергся действию губительной страсти гордости, ему дано было жало, или кол, в плоть. Бог попустил, чтобы диавол бил его по щекам и унижал. Хотя апостол Павел трижды молился, как он говорит, «трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня» (ст. 8), но эта скорбь от него не отошла. Спаситель в Гефсиманском саду трижды молил Небесного Бога Отца «мимонести» от Него «чашу сию» (Лк. 22, 42), если это возможно, но смирился, сказав: «Не Моя воля, но Твоя да будет». Так и апостол Павел трижды молился и, видимо, после третьего моления получил то чрезвычайное откровение, о котором мы сейчас услышим. С одной стороны, Господь его слышит и является, чтобы утешить, но с другой — не избавляет его от скорби.

«Но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (ст. 9). Апостол Павел так просто говорит о явлении Божием, об откровении, как мы передавали бы обычный разговор с другим человеком. В этих словах также содержится весьма полезный для нас урок: сила Божия совершается в немощи. Не там, где просто есть немощь, ведь мы немощны во всем и всюду, но там, где мы замечаем ее и от этого смиряемся. Когда мы не только умом осознаём свою немощь, но и в сердце наше глубоко проникает это смиренное ощущение, тогда мы даем место Господу и в нас начинает действовать Его сила. Находимся ли мы в телесных скорбях, подобно апостолу Павлу, терпим ли болезни, подвергаемся ли

гонениям от людей, или у нас, немощных и страстных, душевные скорби от того, что диавол на нас нападает и смущает всякими греховными помыслами. Может быть, у нас есть еще какие-то соблазны, воспринимаемые истинным христианином, конечно же, как скорбь. Но если при этом мы смиряемся и сознаем свою глубочайшую немощь, то через нашу немощь начинает действовать сила Христова.

Далее апостол Павел говорит (и на этом заканчивается сегодняшнее апостольское чтение): «И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (ст. 9). Итак, если мы не стыдимся признать себя немощными перед другими людьми, не величаемся, не хвалимся, не хотим, чтобы о нас, вопреки словам апостола Павла, подумали больше, чем есть на самом деле, то мы привлекаем в себя благодать и силу Божию. Апостол Павел знал об этом и потому предпочитал смиряться и хвалиться своими немощами, а мы, наоборот, хотим, чтобы о нас думали больше, чем видят, даже намекаем на то, что в нас существует нечто необыкновенное, какие-то добродетели, знания или благодать Божия. Но когда мы так превозносимся, хотя люди нас и хвалят, перед Богом мы бываем умалены, лишены благодати, пусты и похожи, по обличению Спасителя, на гробы «повапленные» (см. Мф. 23, 27), то есть побеленные, снаружи выглядящие роскошно (обычно люди украшают могилы своих родственников дорогими камнями, мрамором или скульптурными изображениями), а внутри полные гниющих костей и праха человеческого. Так происходит и с нами: перед людьми мы стараемся показаться лучше, чем мы есть на самом деле, а внутри у нас всевозможная мерзость.

Пример апостола Павла, этого великого человека, призванного к апостольскому служению уже после Вознесения Христа Спасителя и притом бывшего гонителем, врагом Церкви, фанатиком, как бы мы сейчас сказали (фанатизм его простирался до того, что он стремился предавать смерти первых христиан и одобрял их смерть), — это, с одной стороны, прекраснейший в Священном Писании пример для подражания, а с другой — живой укор для нас, потому что, глядя на него, оправдываться мы уже не можем. Ничто не мешает нам подражать апостолу Павлу, но, конечно, не в том, что он был восхищен до третьего неба и имел чрезвычайные откровения — это зависит не от нас, а от Бога, — но в искреннем смирении. Ибо если апостол Павел, имея такие великие откровения, считал, что скорби посылаются ему для смирения, чтобы он не превозносился, то тем более мы должны бояться за себя и смиряться, и даже скорби принимать с радостью, потому что Господь посылает их для того, чтобы мы смирились и стали сосудами благодати Божией, лишь бы только мы не поддались в них какому-нибудь греховному соблазну.

Есть такие слова, принадлежащие одному из древних философов: «Познай самого себя». Платон приписывает их своему учителю, Сократу. В святоотеческой традиции существует интерпретация этого изречения: «Кто познал себя, тот познал Бога». Это означает, что познавший свою глубочайшую немощь приближается к Богу или, правильнее сказать, Бог приближается к нему, приникает к нему и открывается в его душе, делает его Своей обителью, храмом Божиим. Обратите внимание на то, что апостол Павел не только говорит о том, что нужно смиряться, но и сам как бы между прочим, нечаянно проявляет смирение: он признает себя человеком, могущим поддаться гордости даже из-за чрезвычайности откровений. «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился». Смирение было для него чем-то совершенно естественным, потому что у истинно духовных людей смирение становится самой природой. Как может смиряться человек, который воскрешает мертвых? Как может смиряться человек, пот которого исцеляет других людей (см. Деян. 19, 12)? Как может смиряться человек, по молитвам которого спасаются во время кораблекрушения даже язычники? Как может смиряться человек, который ужалившую его ядовитую змею стряхнул в огонь, как безвредное

насекомое, не потерпев от нее никакого вреда? Как может смиряться человек, которого почитали богом и которому хотели приносить жертвы, как божеству (см. Деян. 28, 6)? Однако же апостол Павел говорит: «Я должен остерегаться гордости. Для того мне дана эта ужасная скорбь, для того диавол наносит мне пощечины, чтобы я не превозносился. Значит, я могу поддаться этой страсти». Такими осторожными, бдительными и смиренными должны быть и мы. А мы, когда нас постигает какая-нибудь болезнь, спрашиваем, за что это и почему. Но апостол Павел не произносил таких слов, хотя именно он имел на это право. Потому будем подражать святым и Самому Господу прежде всего в смирении, будем искать не высот, а глубины смирения. Если мы найдем ее, то Бог откроется нам и сделает нас Своими возлюбленными чадами. Аминь.

22 октября 2006 года

Неделя 20-я по Пятидесятнице

Гал. 200 зач. (1, 11–19)

Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа. Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий. Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, — я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня.

О том, что Господь открывается нам внутри нас самих

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня за Божественной литургией мы слышали слова апостола Павла из его Послания к галатам: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (ст. 11–12). Апостол Павел, о чем мы неоднократно упоминали и что для нас важно и весьма поучительно, был призван к апостольскому служению уже после Вознесения Господа Иисуса Христа. В связи с этим у некоторых людей возникал соблазн считать, что он меньше других апостолов и поэтому то, чему он учит, не столь значимо, правильно и истинно, как учение так называемых высших апостолов, то есть тех, кто был из числа двенадцати. И для того чтобы Евангелие (в переводе с греческого «благая весть»), которое он проповедовал, не было в презрении, не было уничижено перед якобы превосходящей его благовестие проповедью других апостолов, святой Павел вынужден был защищаться. Говорил он это не для того, чтобы превознести себя; заботился отнюдь не о своем достоинстве, а о том, чтобы христиане, обращенные им к вере, принявшие от него учение, не усомнились в нем, то есть говорил он это из любви к своим духовным чадам.

«Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое», — говорит он. Апостол Павел принял Евангелие не так, как мы принимаем друг от друга христианское учение, выслушивая, скажем, проповедь священника, или поучение на исповеди, или иного рода наставление, потому что мы получили это учение не непосредственно от Господа, но через книги

Священного Писания, через учение святых отцов, в котором содержится апостольское Предание. Можно сказать, что в том учении, которое мы получили, есть нечто человеческое. Эти слова не относятся к Священному Писанию, потому что в нем как раз ничего человеческого нет, но люди, толкуя Писание, естественно, привносят в него нечто свое, и это учение уже не является словом Божиим в точном смысле слова. А вот апостол Павел говорит, что его благовестие не имеет в себе ничего человеческого, и объясняет почему. Он принял Евангелие и научился ему не от людей, в том числе и не от апостолов, допустим Петра или других, почитаемых столпами, не через «вторые руки», а через откровение Иисуса Христа.

Здесь имеется в виду не только то откровение, которое было у апостола Павла во время его обращения. Произошло оно, как вы знаете из повествования о деяниях апостольских, когда апостол Павел шел из Иерусалима в Дамаск, чтобы арестовывать и предавать суду, а может быть, и казнить последователей нового, еретического, как ему казалось, учения, то есть христиан. Тогда они, правда, еще не носили имени христиан, но веру имели ту самую, какую имеем сейчас мы. Были у апостола Павла и другие откровения. В Священном Писании упоминаются некоторые из них. Например, апостол Павел говорит, что знает человека, который был восхищен до третьего неба и слышал неизреченные глаголы (см. 2 Кор. 12, 2–4); что ему неизвестным для нас образом явился Господь и сказал: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9). Апостол Павел говорит, например, что нужно помнить слова Господа «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35) — и так далее. В тех Евангелиях, которые нам известны, всех этих слов нет, значит, апостол Павел узнал их из какого-то другого источника. Без сомнения, апостол Павел имел многочисленные откровения. Он даже сам говорит о себе то, что мы слышали в прошлом воскресном апостольском чтении: «И за чрезвычайность данных мне откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (см. 2 Кор. 12, 7). Слова «за чрезвычайность данных мне откровений» означают, что откровений было множество, и были они особенными. Поэтому его Евангелие, его благовествование ничем не отличается от того, что преподавали другие апостолы. Хотя апостол Павел и не видел Господа, не общался с Ним во время Его пребывания на земле, но он ничем не был обделен по сравнению с другими святыми апостолами. В день Пятидесятницы на святых апостолов сошел Святой Дух и просветил их (собственно, это сделало их апостолами даже в большей степени, чем пребывание со Спасителем), также и апостол Павел имел чрезвычайные откровения и видения.

Апостол Павел говорит: «Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий» (ст. 13–14). Он настолько ревновал о соблюдении тех самых преданий, которые обличал Господь наш Иисус Христос, называя их человеческими (см. Мк. 7, 8), что даже гнал Церковь Божию. Апостол называет себя «неумеренным ревнителем», причем в этом отношении он преуспевал более других. Обычно люди столь фанатичного настроения бывают как бы слепыми и глухими ко всякому вразумлению, они даже видениям и откровениям не верят. Господь наш Иисус Христос совершал много чудес перед подобными людьми, и они оставались безразличными, так что апостол Иоанн Богослов, цитируя пророка Исаию, восклицает: «Кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня?» (Ин. 12, 38), а от себя говорит: «И когда Господь сотворил столько знамений, они не верили Ему» (см. Ин. 12, 37). Так святой Иоанн Богослов изумляется упорству иудеев. Однако апостол Павел, несмотря на то что в этом отношении превосходил многих своих сверстников (в известном смысле, это похвально), когда Господь призвал его, без раздумий последовал за Ним. «Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, — я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» (ст. 15–16). То есть не стал прислушиваться к каким-то страхам, опасениям, человеческим

рассуждениям, но бесстрашно, безрассудно (то есть без человеческих рассуждений) пошел по апостольскому пути, не думая о том, к чему это приведет. А ведь христиане подозревали его в том, что он лицемерит, потому что помнили о его фанатизме, злобном отношении к Церкви и гонении на нее.

«Я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск» (ст. 16–17). Не совсем понятно, какая Аравия имеется в виду: Аравийский полуостров или местность вблизи Дамаска, но для нас это не существенно. Важно то, что апостол Павел проповедовал, еще не посоветовавшись с апостолами, то есть проповедовал только то, что получил от Господа в откровении. В его проповеди не было ничего человеческого, хотя бы даже невинного и прекрасного, — только одно божественное.

«Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать» (ст. 18). Много ли можно узнать за пятнадцать дней? Даже если апостол Петр в эти пятнадцать дней многое успел ему открыть, — проповедовал ведь апостол Павел до общения с ним. «Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня» (ст. 19), — говорит апостол Павел. Иаков же, как известно, был первым Иерусалимским епископом. Естественно, апостол Павел, придя в Иерусалим, должен был засвидетельствовать свою верность Церкви перед епископом этого города, как и сейчас это делается. Вот как апостол Павел, так сказать, расхваливает себя ради своих духовных чад, ради тех, кого он родил в истине, во Христе, чтобы они не усомнились.

Нет ничего человеческого в благовествовании апостола Павла, следовательно, в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна тоже нет ничего человеческого. Кроме того, существует мнение, что евангелист Лука записал проповедь апостола Павла. Если мы верим церковному Преданию, принимаем это мнение, тогда в Евангелии от Луки мы слышим проповедь апостола Павла. Если же мы сомневаемся в истинности этого мнения, то должны, по крайней мере, принять точку зрения, согласно которой апостол Павел проповедовал приблизительно так, как другие евангелисты. И когда мы за Божественной литургией слушаем Священное Писание, то должны принимать его с беспрекословной верой, ибо это есть апостольская проповедь. Мы слышим ее так, как слышали ее древние евреи, или греки, или другие народы.

В особенности уместно обратить внимание на следующие слова апостола Павла: «Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью» (ст. 15–16). Что значит то откровение, которое из врага церкви, из фанатичного фарисея сделало Павла христианином и святым апостолом, избранным сосудом Божиим? А потрудился он более других апостолов, обратил к вере многие-многие тысячи людей в разных концах Римской империи, не стыдился проповедовать ни евреям, ни, в особенности, язычникам, благовествовал и перед образованными людьми, и перед простыми, и проповедь его была весьма успешна. В чем же состояло это откровение? Да, у апостола Павла было видение Спасителя, ему не раз являлся Сам Господь. Но мы часто не обращаем внимания на те несколько слов, которые имеют чрезвычайное значение для понимания сути откровения. Почему человек имеет такую веру, которую невозможно поколебать? Отчего человек имеет такую веру, которая сильнее угроз смерти и мучений? Апостол говорит: «Когда же Бог… благоволил открыть во мне Сына Своего» (ст. 15 и 16). «Открыть во мне» — вот на что нужно обратить внимание. Господь являлся апостолу не только внешне — его глазам и ушам, — но и внутренне, и в этом вся суть. Ведь многие своими глазами видели Господа Иисуса Христа и слышали Его проповедь своими ушами, но их духовные уши и очи были закрыты. И они не могли принять учение Спасителя, потому что Он не явился им внутренне. Конечно, вина в этом лежит на самих людях. Апостол же Павел, хотя и гнал Церковь, был человеком совершенно

искренним, непредубежденным и думал, что таким образом служит Богу. Когда ему открылось нечто совершенно противоположное его прежним убеждениям, он не стал прислушиваться к человеческому рассудку, к тому, что сам называет «плотью и кровью», потому что Господь явился ему не только внешне, но, главное, внутренне.

Святые апостолы в день Святой Пятидесятницы приняли в себя Святого Духа в виде огненных языков. В описании этого события мы видим одну только внешнюю сторону. Но этот Божественный огонь проник во все их существо — через голову, верхнюю часть тела, наполнил всю душу и, можно сказать, весь телесный состав. И когда Господь явился апостолам внутри, открылся им как Бог, когда они познали подлинно иную реальность и увидели, что Иисус Христос, с Которым они общались три с половиной года, есть Сын Божий, увидели это не по делам Его, а непосредственно, — тогда из рыбаков, из учеников, слушавших учение Спасителя, они сделались святыми апостолами, познавшими истину духом. И если мы хотя бы в некоторой степени уподобимся им, тогда и мы станем истинными христианами, действительно принявшими учение Христово, принявшими его внутри себя самих. Поэтому важнейшим деланием всех христиан, в особенности монашествующих, которые не имеют для того никаких препятствий, является делание, отличное от всех прочих. Это так называемое умное делание. Умное делание вселяет Господа Иисуса Христа в сердце человека, уподобляет его святым апостолам (если, конечно, человек преуспевает в этом делании), делает его свидетелем тайн Божиих. Если мы обратимся к историческим примерам, и древним, и близким к нашему времени, то увидим, что эти люди являются свидетелями Евангелия в гораздо большей степени, чем те, которые занимались апологетикой и писали книги. Какая апологетика, какое оправдание христианства может быть для нас, современных людей, сильнее, чем рассказ об опыте богообщения святого преподобного старца Силуана Афонского или его ученика схиархимандрита Софрония (Сахарова)? Или рассказ Мотовилова о его беседе с преподобным Серафимом Саровским, когда на них обоих сошел Святой Дух и лицо преподобного Серафима просияло, как солнце? Или рассказы преподобного Симеона Нового Богослова об опыте богообщения в его возвышенных, божественных гимнах? Или молитвенный опыт Василиска Сибирского (молитвенные состояния, как они названы его сподвижником Зосимой (Верховским))? Непосредственный опыт богообщения, который, как мы видим на примере апостола Павла, ничем не отличается от опыта апостолов и делает человека равноапостольным, — вот что является самой лучшей апологетикой, самым лучшим оправданием и обоснованием христианства. Равноапостольные — это не только те, кто потрудился, подобно апостолам (например, Кирилл и Мефодий, или Нина, проповедовавшая в Грузии, или князь Владимир и княгиня Ольга, или император Константин и его мать Елена), но и те, кто имел опыт, подобный апостольскому.

Господь откроет Себя в нас, когда мы будем подлинными христианами, когда соединимся с Ним через внутреннее наше естество, через нашу сущность, через сердце. Когда мы увидим в себе Господа Иисуса Христа, соединимся с Ним, тогда нам не нужны будут никакие доказательства. И, может быть, простое слово, сказанное нами, будет убедительнее, чем изощренная логика ученых-богословов, поскольку оно будет исходить из опыта. Истинные богословы, собственно, имели этот опыт. Ведь иное дело иметь ученость, почерпнутую из книг, а иное дело быть действительным богословом. Есть такое монашеское изречение: «Кто чисто молится, тот богослов». А у святителя Григория Богослова есть замечательные слова, которые я часто повторяю. Он говорит, что не тот богослов, кто рассуждает о Боге, а тот богослов, кто очищает себя ради Бога.

В подражание святому апостолу Павлу мы должны всячески подвизаться, чтобы увидеть внутри себя Господа Иисуса Христа, Сына Божия, насажденного в нас Таинствами Крещения, Миропомазания и, в особенности, Причащения Святых Христовых Таин. Господь в нас! Мы

этого не понимаем только тогда, когда, по словам апостола Павла, бываем, к сожалению, в чем-то неискусны[17]. Поэтому мы должны овладеть тем искусством, которое святые отцы считают выше всех искусств и всех наук, выше всех человеческих занятий. Должны всячески ревностно преуспевать в том, что называется умным деланием, и никак не оправдывать своего нерадения. Мы должны укорять себя, каяться в нем и снова устремляться в это таинственное путешествие внутрь самих себя, углубляясь туда, где и пространства, собственно, никакого нет и быть не может. Тогда мы перейдем в некую духовную область, обретем внутри себя небо, найдем там, как сказал Господь наш Иисус Христос, Царство Небесное. Аминь.

29 октября 2006 года

Неделя 21-я по Пятидесятнице

Гал. 203 зач. (2, 16–20)

Однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть. Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.

Как дать Христу свободу действовать в нас

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Апостол Павел в Послании к галатам, чтение из которого мы слышали сегодня, говорит: «Узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть» (ст. 16). Здесь речь идет, конечно, о законе Моисеевом. И если богооткровенный закон Моисеев никого оправдать не мог, хотя был дан на горе Синай при великих знамениях, о которых вы знаете из Священного Писания, то тем более эти слова можно отнести к тем законам и традициям, которых придерживались, например эллины, до того как обратились к вере во Христа. Не могли быть оправданы и те, кто придерживался философских воззрений, отличавшихся, может быть, бо́льшим здравомыслием по сравнению с языческими мифами и фантазиями. Так же можно сказать и о нас, современных людях, потому что и мы придерживаемся многих разных правил, принципов, традиций, мнений, касающихся как житейских мелочей, так и вообще взглядов на других людей, на свою жизнь. И эти принципы не имеют никакого обоснования, кроме того, что они общеприняты. Они не даны свыше, не даны через Откровение, имеют не Божественное, а человеческое происхождение, однако же мы твердо их придерживаемся и не желаем от них отступать. Конечно, они неизмеримо ниже, чем богооткровенный Моисеев закон. И если закон Моисеев не мог никого оправдать (единственное, что в нем было доброго, — это то, что он открывал веру в грядущего Христа тем, кто приникал к этому закону и следовал его предписаниям), тогда что можно сказать о тех законах, которых придерживаемся мы? Даже будучи христианами, мы следуем многим неписаным правилам, которые предпочитаем Евангелию. Любой закон бессилен, и только вера в Иисуса Христа может спасти человека.

«Делами закона, — говорит апостол Павел, — не оправдается никакая плоть (то есть всякий человек, живущий по плоти. — Схиархим. А.)». А тот, кто следует какому-либо закону, волей-

неволей начинает вести плотскую жизнь, потому что дух вынужден подчиняться этому закону и, таким образом, от горних высот приникать к земным требованиям. Как говорит апостол Павел, «где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17) или, по словам Евангелия, «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3, 8), закон же нужен для обуздания плоти, и сходя к жизни по плоти, мы вынуждены убедиться, что никакая плоть не может оправдаться исполнением закона.

«Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак» (ст. 17). Как понимать эти слова? Галаты отвергли свои лживые языческие законы и обратились к вере во Христа. В их среде могли быть и иудеи, знавшие Моисеев закон, но все они предпочли оправдываться во Христе. Впоследствии галаты подпали под влияние проповедников, выдававших себя то ли за апостолов, то ли за особых посланников, может быть из общины апостола Иакова, соблюдавшей Моисеев закон. Вполне объяснимо, что иудеи, исповедовавшие христианство и жившие в Иерусалиме, соблюдали Моисеев закон, потому что им требовалось быть безупречными в глазах тех, кто искал повода придраться к ним. Они соблюдали закон не потому, что это было необходимо, а скорее, если можно так выразиться, из тактических соображений или, согласно языку церковных канонов, из соображений икономии, иначе говоря, из некоторого снисхождения. И галаты поддались влиянию людей, проповедовавших необходимость обрезания и соблюдения других уже устаревших и упраздненных обрядов и требований Моисеева закона. Таким образом, галаты показывали, что, первоначально приняв проповедь Христа, подчинившись ей и ища оправдания только в ней, не соблюдая закон, они грешили. И, следуя логике, мы приходим к кощунственному выводу: получается, ради веры во Христа галаты пренебрегли Моисеевым законом, а значит, Христос сделался служителем греха. Так и мы, предпочитая закон, утверждаем, что вера во Христа и искание свободы во Христе, служат отвращением от необходимого соблюдения закона. Апостол Павел, доведя до абсурда эту мысль, опровергает ее словами: «Никак», то есть «это невозможно» или, по-славянски, «да не будет».

«Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником» (ст. 18). Не Христос виноват, а я: сначала разрушил, отверг рабство закону (каков бы он ни был, пусть даже Моисеев, а тем более тот, которому следуют люди, чуждые Откровения), а потом вернулся к прежним своим принципам и вновь начал созидать то, что разрушил. Из-за своего неразумия, маловерия, отсутствия твердости в следовании своему пути я сам себя сделал преступником.

Приведу, может быть, примитивный пример. Допустим, уголовное право вводило запрет на какую-то деятельность, потом этот пункт был отменен. Если он отменен, значит, уже не считается преступлением делать то, что он запрещал. Так, при советской власти были иные требования, чем сейчас, когда наше государство следует другим идеологическим принципам, имеет совсем другое политическое устройство. Например, раньше преследовалась коммерческая деятельность, а сейчас она, наоборот, поощряется, так как способствует развитию экономики. Если вдруг человек начинает соблюдать отмененные законы, это выглядит нелепо, более того, он может оказаться нарушителем законов ныне действующих. Все человеческие законы условны, а здесь речь идет о том, что даровано Богом. Поэтому, если я говорю о необходимости соблюдения того, что уже устарело и от чего я раньше отказался, то показываю этим, что я совершил преступление, осуждаю себя в том, что по вере во Христа я стал преступником. Так делают те, кто возвращается к прежним, чуждым христианству принципам — не важно, предписания ли это Моисеева закона или какие-либо другие установления уже сугубо человеческие.

«Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога» (ст. 19). Что значит «законом я умер для закона»? Поскольку закон предъявляет строгие требования к своим последователям, то исполнить его становится практически невозможно (о чем апостол Павел много рассуждает).

Единственное, чем может послужить закон, — это показать человеку его немощь, неспособность жить по заповедям, неспособность жить согласно велению совести, показать, что сам по себе человек мертв. И таким образом, закон, можно сказать, умерщвляет человека. Так бывает и с нами: пытаясь чего-то достигнуть, следуя каким-либо принципам, даже велениям совести, если нет помощи Божией, веры во Христа, нет благодати Христовой, — мы оказываемся несостоятельными и приходим к полному разочарованию в себе и, так сказать, умираем для закона. Но происходит это для того, чтобы человек ожил в Боге: познав свою немощь, познав, что подзаконные требования не могут оправдать, он обращается ко Христу.

«Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (ст. 19–20). Когда человек понимает свою полную немощь, как понял апостол Павел, живя по закону, и подобно ему всей душой обращается ко Христу, — тогда он сораспинается Христу. И он уже не сам живет, но в нем начинает жить и действовать Христос, поскольку человек не способен жить нравственно в точном, глубоком смысле, который раскрывает Священное Писание. И только сообразовываясь Христу, живущему и действующему в его душе и в его членах, человек способен следовать Божественному Откровению. Действительно, если мы оглянемся на историю праведников, живших в ветхозаветные, подзаконные времена, то увидим, что они не могли совершить те требования, которые предъявлял Моисеев закон, тем более человек не способен исполнить усугубленные заповеди Господа Иисуса Христа. Например, если Ветхий Завет говорил: «не убий» и «не прелюбодействуй» (см. Исх. 20, 13–14), то Господь Иисус Христос сказал: «не гневайся» и даже «не смотри с вожделением» (см. Мф. 5, 22 и 28). Конечно, сами мы не способны исполнить эти заповеди и рано или поздно каждый из нас это обязательно поймет, если только не лишится рассудка или не впадет в прелесть. Всякий здравомыслящий человек — в молодости ли, в зрелых годах, в старости или перед смертью — обязательно поймет свою немощь. Однако важно, чтобы мы поняли это тогда, когда еще есть время для исправления. Только тогда мы сможем жить по заповедям, жить по-евангельски, когда умрем ради Христа и уже не мы будем жить, а Христос будет жить в нас и действовать через нас. Как встать на этот единственно верный путь? Как, если можно так выразиться, оживить в себе Христа? Как умереть ради Христа? Как сораспяться Христу? Об этом написано множество книг: святые отцы, подвижники благочестия, исполнившие Евангелие, написали пространные труды о борьбе с грехом. Эти книги древние отцы называли деятельными, сейчас мы называем их аскетическими творениями.

«Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (ст. 19–20). Когда в нас действует Христос, внешне мы остаемся такими же, как раньше. Скажем, апостол Павел не стал внешне подобен Христу, он сохранил свою обычную внешность. Хотя некоторые люди считают, что, вглядевшись в глаза, они могут увидеть внутреннее человека, но на самом деле это иллюзия. Иногда, наверное, можно составить поверхностное представление о человеке, но по-настоящему понять его и то, что в нем происходит, никто не может, если только Дух Святой не откроет это. Догадаться о том, какой необыкновенный переворот произошел в апостоле Павле, никто не мог, и многие христиане не верили в то, что обращение Павла было искренним, поэтому святым апостолам пришлось удостоверять и убеждать их в этом. Так же и все обратившиеся к вере люди: и жившие в древности, и наши современники, и мы — сохраняли и сохраняют черты не только внешности, но даже и характера. У преподобного Амвросия Оптинского есть рассуждение, которое он заимствовал из творений святителя Амвросия Медиоланского, о том, что даже благодать Божия не меняет природных черт характера.

Воспользуемся еще с древности известной характеристикой человека, такой как темперамент. Допустим, если человек от природы был флегматиком, то, обратившись к вере, он не превратится в сангвиника. Конечно, это не значит, что холерик останется гневливым,

сангвиник всегда будет смеяться, а меланхолик — ходить грустным. Речь идет о том, что черты их характера очистятся, и в них не будет содержаться грех, но медлительный останется медлительным, а энергичный останется энергичным. Совсем не значит, что при бесстрастии все будут иметь какой-то усредненный темперамент, — сохранятся внешность, некоторые естественные черты характера и темперамент, потому что они имеют обоснования в телесном устроении человека. Итак, при обращении в веру ничего не поменяется во внешнем, но внутренне человек перероди́тся, если только уподобится апостолу Павлу. А апостол Павел говорит это не для того, чтобы себя похвалить, а для того, чтобы поставить себя в пример, показать, что человек может преобразиться, что из гонителя Церкви может превратиться в истинного христианина, и не только в христианина, но и в апостола, иначе говоря, в такого человека, в котором живет и действует Христос.

«А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия» (ст. 20). Веру, о которой говорит апостол Павел, нужно понимать не как доверие. Это вера не с чужих слов, как если бы, допустим, святой апостол Павел или другие апостолы рассказали нам о Воскресении из мертвых Господа Иисуса Христа — и мы бы поверили. Здесь под верой подразумевается знание — знание, отличающееся от обычного, рассудочного, но столь же, если не более, достоверное. Вера в Сына Божия является особым видом знания, которое не только открывает человеку истину, но и соединяет его с этой истиной и оживотворяет его этим единением.

Далее апостол Павел говорит замечательные слова, чрезвычайно важные именно для нас: «Возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (ст. 20). Если понимать буквально, то можно подумать, будто бы Господь Иисус Христос возлюбил одного только апостола Павла и предал Себя на смерть и распялся только за него. Конечно же, это не так — за весь мир, за людей, живших до Рождества Христова и в Его время, и за грядущие поколения распялся Господь Иисус Христос. Но апостол Павел чувствовал, переживал все это очень живо и понимал: Спаситель распялся не за всех вообще, а за каждого человека в отдельности, в том числе и за него.

Неоднократно в своих проповедях я повторял такую мысль: мы должны помнить, что Господь, страдая на Кресте, совершая весь Свой искупительный подвиг, как всеведущий Бог помнил о каждом из нас. Всеведение Божие из Божественного ума сообщалось уму Его человеческого естества и, таким образом, хотя ум человеческий и пребывал ограниченным по своей природе, но, если можно так выразиться, черпал всеведение из Божественного ума при общении с ним. И Господь Иисус Христос, как я уже сказал, в каждый момент Своего искупительного подвига помнил о всех людях. Нам это, может быть, представляется невозможным, потому что мы не имеем подобного опыта. Но можно привести такое сравнение: если мы, ограниченные, грешные люди, помним одновременно о нескольких или даже о многих близких людях, которые, скажем, путешествуют, и мы думаем, все ли у них благополучно или есть какие-то трудности и опасности, — тем паче Господь помнил всех нас, каждого в отдельности.

Как апостол Павел говорит, что возлюбил его Сын Божий, Господь Иисус Христос, и предал Себя за него, так и каждый из нас должен думать о себе. Если мы приобретем такое сердечное знание, какое было у апостола Павла, то тогда в нас будет жить Христос. А мы смотрим на все это как бы со стороны. В ином месте апостол Павел сказал: «Ничего не хочу знать, кроме Христа распятого» (см. 1 Кор. 2, 2). Он всегда помнил о том, что Господь распялся за него еще тогда, когда он был чужд веры в Него, и что возлюбил его еще тогда, когда он гнал Его последователей. Эти слова апостола говорят о той чрезвычайной любви, какую он имел к Господу Иисусу Христу, они обнаруживают его душевное состояние.

Несколько ранее апостол Павел сказал: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Мы, может быть, не понимаем, что это значит, но далее в его словах обнаруживается, по крайней мере,

одна черта, одно свойство его жизни во Христе: «Живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Для того чтобы получить свободу во Христе, для того чтобы освободиться от греха, нам нужно действительно соединиться со Христом, соединиться с Ним так же, как это сделали святые мужи и апостол Павел. Например, преподобный Симеон Новый Богослов ощущал, что Христос пребывает в каждом члене его тела, он с изумлением смотрел на члены своего тела и ужасался, потому что видел в них Христа. И это не образ. Образно понимают это те, кто чужд духовного опыта, поэтому они начинают перетолковывать эти слова, пытаются предположить, что они обозначают, соотнося их смысл с тем, что им знакомо.

Но мы должны обращаться не к своему ограниченному опыту, опыту грешников, а к опыту праведников, преподобных и богоносных мужей. Богоносными их называли не в переносном смысле слова, а в самом точном, потому что они носили в себе Бога, были соединены с Ним всем своим существом. Но они не отождествляли себя с Ним, как делают это некоторые мистики, допустим, суфии. Нет, они понимали Его бесконечную отдаленность по сущности, но в то же время понимали, что Господь в них живет. Тогда как прельщенные люди говорили о себе, с нашей точки зрения, да и с точки зрения правоверных мусульман, кощунственные вещи. Например, один мистик говорил о себе: «Я есмь истина». А другой интерпретировал знаменитую фразу из Корана «Нет Бога, кроме Аллаха» и говорил: «Нет Бога, кроме меня». Они впали в состояние прелести и даже умоисступления, отождествив себя с Божеством. А апостол Павел говорил: «Не я живу, но живет во мне Христос». Он говорил, с одной стороны, о необыкновенной близости к нему Господа, Который в нем живет, с другой стороны, отделял себя от Бога и бесконечно умалял себя пред Ним. Но, однако же, умалял себя не до такой степени, что лишался собственного существования. Апостол Павел говорит, что живет верой в Сына Божия, но живет самостоятельно.

И нам надо так же смириться и сделать все для того, чтобы Господь вселился в наши сердца, правильнее сказать, чтобы вселившийся в нас Христос действовал в нас свободно, потому что Он соединен с нами Таинствами Крещения, Миропомазания, причащения Святых Христовых Таин. И от нас зависит, поймем ли мы, что Христос в нас живет, дадим ли Ему свободно действовать в нас или будем подавлять Его действия своими греховными поступками. Под греховными поступками нужно понимать и внутренние движения души, потому что с них начинается всякое дело. И сами по себе они могут быть названы преступлением, даже если не проявятся в телесных действиях человека.

Мы должны дать Христу свободу действовать в нас — только тогда мы сможем исполнить заповеди Евангелия, потому что Он будет не просто руководить нами, а будет исполнять эти заповеди вместе с нами. Священное Писание справедливо называет Господа Помощником (см. Евр. 13, 6; Пс. 9, 35; 45, 2; 117, 7), только мы не совсем понимаем, что это значит. Господь — Помощник не потому, что Он иногда помогает извне, а потому, что Он всегда, в каждое мгновение живет и действует в нас и помогает нам исполнить Евангелие, и без Него, как Сам Он сказал, мы не можем сотворить ничего (см. Ин. 15, 5). Поэтому все усилия употребим на то, чтобы стяжать в Себе Христа, чтобы дать Ему свободу действовать в нас, чтобы соединиться с Ним всем своим существом. Только тогда мы будем истинными христианами. Аминь.

5 ноября 2006 года

День памяти святых отцов Седьмого Вселенского Собора

Евр. 334 зач. (13, 7–16)

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же. Учениями

различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими. Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии. Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, — то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат.

Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего. Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его. Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу.

О строгом хранении апостольского Предания

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы совершаем память праведного Авраама и святых отцов Седьмого Вселенского Собора. Казалось бы, тысячи лет отделяют этого древнего праведника от святых отцов, в VIII веке защитивших православие от иконоборцев, или, как называл их Иоанн Дамаскин, христианоклеветников. Но их объединяет вера: праведный Авраам верил в грядущего Мессию, а может быть, и в какой-то мере постигал тайну Пресвятой Троицы, поскольку из явления трех ангелов он мог провидеть будущее откровение миру об образе бытия Божия; святые отцы Седьмого Вселенского Собора защищали истинное богопочитание от тех, которые, мнимо ревнуя о том, чтобы в Церкви не было идолопоклонства, на самом деле косвенно отрицали истину Боговоплощения. Иконоборцы, может быть, не смели называть вещи своими именами, за исключением немногих, наиболее дерзких, каким был император Константин Копроним, тем не менее, их мнение превращало Боговоплощение во что-то эфемерное и нереальное. Ведь если Спасителя нельзя изображать, значит, и подлинность Его воплощения оказывается сомнительной.

Сегодня читалось зачало из Послания к евреям, которое содержит наставление о том, что мы должны повиноваться нашим наставникам. Мы все помним эти знаменитые слова апостола: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие: ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их» (ст. 7). Апостол Павел, обращаясь к евреям, говорит об их наставниках — апостолах, но мы, поминая в первую очередь их, не можем обойти и тех, кто хранил апостольскую веру, кто был ее носителем и защитником от всевозможных ересей — разномыслий, уклонений, заблуждений. Мы должны помнить, что эти наставники преподали нам не человеческое учение, но слово Божие, Откровение. И взирая на соответствующую правой вере жизнь и праведного Авраама, и апостолов, и святых отцов, мы должны подражать им именно в вере, то есть хранить ее незыблемо и твердо. Полнота истины была преподана один раз через святых апостолов, и их учение нельзя изменить, дополнить или уточнить, хотя некоторым представляется, что Церковь, на протяжении своей истории формулируя догматы, уточняла вероучение. На самом деле она только повторяла истину для будущих поколений, которые, так сказать, забыли богооткровенное учение, ясно и точно преподанное святыми апостолами, повторяла в том числе и для нас. А иначе мы должны были бы принять странную и даже кощунственную мысль о том, что мы знаем больше, чем святые апостолы.

Прочтем следующие слова апостола Павла в Синодальном переводе: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (ст. 8). Его учение не может быть ничем дополнено и тем более не может быть что-то от него убавлено или в нем изменено по существу, поскольку истину, сокровенную от сотворения мира, преподал нам Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий, а Он неизменяем. И «вчера», то есть во времена святых апостолов, и «сегодня» — тогда, когда апостол Павел писал Послание к евреям, и в наше время, когда святые апостолы и святые отцы

уже отошли в иной мир, — во все время до кончины мира и «во веки», в будущей жизни, Христос был, есть и будет Тот же, поэтому не переменится и Его учение. Конечно, в будущем веке мы приобретем полноту богопознания, но до кончины мира не будет иных откровений, дополняющих то, что изначала было открыто Господом Иисусом Христом через апостолов. Учение святых апостолов твердо хранили подвижники благочестия разных времен: и мужи апостольские, и те, кто защищал истину во времена гонений на Церковь, и отцы Вселенских Соборов, и подвижники последующих времен, когда созывать такие обширные и авторитетные собрания стало невозможно по разным общественным и другим обстоятельствам. И мы должны хранить веру, как хранили ее люди, во всем подобные нам и отличающиеся только своей ревностью и праведностью.

«Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими» (ст. 9). В буквальном смысле эти слова относятся к христианам из евреев, которые оставались под влиянием Моисеева закона. Они придавали большое значение внешней стороне своей жизни, очень много рассуждали о том, что́ и когда можно есть, и считали, что ритуальная чистота чрезвычайно важна в деле спасения. Апостол Павел просит их не увлекаться внешним, но укреплять сердца благодатью. Это наставление, конечно, нельзя сделать поводом для нарушения поста — речь идет об изощренном учении фарисеев, касающемся ритуальной чистоты.

Но в этих словах можно видеть и таинственный смысл: под яствами можно понимать умственные «яства» — всевозможные человеческие учения. Даже самое увлекательное, самое утонченное, самое прекрасное из них, в конечном счете, не может принести пользы, потому что при исходе из этого мира в мир иной человек нуждается в реальной помощи, а отвлеченное рассуждение в тот момент оказывается совершенно бессмысленным и ненужным. Да и в борьбе человека с собственной безнравственностью человеческие учения не приносят пользы. Только благодать Божия может укрепить сердце человека для того, чтобы он следовал возвышенным нравственным идеалам, которые преподаны нам через Божественное Откровение и хранятся в совести человека, даже если его ум не просвещен истиной. Никто не сможет следовать своей совести без помощи Божией, даже если и захочет. Зачем же нужны умственные, духовные яства, которые не от Бога, не от Христа?

«Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии» (ст. 10). Здесь говорится о Божественных Тайнах, преподаваемых нам в Таинстве Евхаристии. Мы знаем из церковного Предания, что Моисеев закон соблюдали те из обратившихся ко Христу евреев, которые жили в Иерусалиме и принадлежали к общине апостола Иакова, брата Господня. Апостол Павел, как можно догадываться, уже после смерти святого апостола Иакова говорит им, что соблюдение закона не приносит никакой пользы. То, что мы вкушаем в Евхаристии, неизмеримо выше жертв, которые приносятся в скинии: они только образ истины, уже явившейся в святой Церкви Христовой. А к нам, не имеющим никакого отношения к иудейскому закону, эти слова можно приложить следующим образом: мы не должны увлекаться ничем мирским, ничем земным, как бы это ни было значимо, потому что Тайны Христовы, вкушаемые нами, неизмеримо выше всего человеческого, всего земного, пусть даже самого прекрасного и возвышенного, самого удивительного из того, что владеет умами и душами людей. Но, к сожалению, очень часто бывает, что религия для нас на втором месте, а на первом — мнение нашего окружения, среды, в которой мы находимся.

«Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, — то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» (ст. 11–13). И мы должны уйти из мира, если не телом, поскольку не все имеют такую возможность, то духом, умом, вниманием, и пребывать вместе с Господом. Он был отвергнут всем этим миром — и

язычниками, и иудеями — как сказал апостол Петр в Деяниях апостольских: «Ибо поистине собрались в городе сем на Святаго Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским» (Деян. 4, 27). Мы должны выйти вместе с Ним, нося Его поругание, не боясь быть опозоренными, оказаться в глазах других людей смешными, ничтожными, даже безумными. Если мир отверг Его, а мы следуем за Ним, то и мы должны естественно ожидать того же, что и Он претерпел, и не бояться позора.

Апостол Павел напоминает, что ветхозаветные жертвоприношения, при которых кровь животных вносили во Святое Святых, прообразовывали крестную жертву Спасителя. Тела этих животных, когда евреи странствовали в пустыне, выносили за стан, а когда уже был сооружен храм Соломонов — за пределы Иерусалима и там сжигали. И Господь был распят за пределами Иерусалима, и там, отвергнутый всеми, пострадал за человеческий род.

Итак, мы должны выйти к Нему, «нося Его поругание», как дерзновенно говорит апостол Павел. И когда святые отцы защищали истины православия, допустим догмат или о Пресвятой Троице, или о Боговоплощении, или об иконопочитании, то они носили на себе поругание Спасителя, потому что с точки зрения человеческих учений, которые основывались, например, на философии или неправильном понимании Священного Писания и казались здравыми, разумными, логичными, православные вели себя нелепо.

Как Бог может быть «один» и «три»? Это не укладывается в обычный человеческий опыт, противоречит здравому смыслу. Как можно изображать Бога? Это немыслимо, и, с точки зрения Священного Писания, является идолопоклонством. А мы дерзаем создавать иконы в честь Спасителя. Это оправдано Откровением, но и оно нелепо в глазах людей, опытно не переживавших его. Истинные православные, которые не только ведут нравственный образ жизни, но и придерживаются определенных убеждений и вероучения, выглядят в глазах мира безумными.

«Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (ст. 14). Евреи были очень привязаны к своему святому городу — Иерусалиму, и, видимо, не только те, кто не верил в совершившееся пришествие Мессии, но и христиане. Апостол Павел говорил, что нужно устремляться к горнему Иерусалиму, и в прикровенной форме предсказывал гибель святого города, предупреждая о том, что если евреи своевременно не отрекутся от него, то их скорбь будет невыносимой и неутолимой. Вы знаете, что до сих пор в Иерусалиме существуют остатки храма, очень выразительно названные иудеями Стеной плача, у которой они оплакивают гибель своего храма. Да, можно понять их горе, они всего лишились — лишились того, что, как это ни странно, стало для них идолом. Но для нас, христиан, не должно быть никакого места, ничего вещественного, пусть даже святого, привязанность к которому отвлекала бы нас от Бога.

Между прочим, патриотизм хорош только тогда, когда он не противоречит патриотизму духовному, евангельскому, когда он не мешает нам устремляться к небесному Иерусалиму. А если мы увлекаемся чем-то земным, значит, наставление апостола Павла о том, чтобы не иметь здесь постоянного града, но искать будущего, напрямую относится к нам. Мы должны помнить о том, что наше жительство на небесах: Отец наш на небесах, и Отечество наше там же.

«Итак, будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его. Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу» (ст. 15–16). Будем прославлять Господа Иисуса Христа за все великие благодеяния, которые нам оказаны, и хранить веру, сохраненную для нас и преподанную нам святыми отцами.

Для того чтобы понять, что в учение, изначально переданное апостолами, святые отцы не привнесли ничего нового, достаточно обратиться к нескольким стихам из Евангелия от Луки: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то́ бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк. 1, 1–4). Мы пробегаем эти строки глазами, и они кажутся нам скучными, неинформативными, кажутся, так сказать, формальным вступлением в Евангелие, но на самом деле в них содержится глубочайший смысл — учение о Предании Православной Церкви.

Обратите внимание на это очень краткое, но емкое сообщение святого апостола Луки: «Многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях». Два предыдущих Евангелия — от Матфея и Марка — нельзя назвать «многими», значит, речь идет не о них (и тем более не об Евангелии от Иоанна, потому что оно было написано позже). Видимо, многие не из апостолов пытались составить какие-то повествования, не имея на то благодати свыше. Это было опасно, потому что они могли внести в них нечто, так сказать, человеческое и уже потому ошибочное. Тогда сам апостол Лука предпринимает попытку, конечно не без содействия Святого Духа, изложить известные события, тщательно их исследовав и проверив.

Из слов «как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова» ясно, что повествование о событиях, хорошо известных среди первых христиан, передали ближайшие ученики Христа. Апостол Лука не был среди них, он записывал с чужих слов, но записывал даже хорошо известное после тщательного исследования, рассуждения и не без содействия благодати Святого Духа. Так поступали и святые отцы: они тщательно исследовали то, что было хорошо известно Святой Церкви, не добавляя ничего нового, наоборот, тщательно изучая, что же из устного учения Церкви действительно относится к учению святых апостолов, а что привнесено позже, по вине человеческой ограниченности, каких-то человеческих слабостей и ошибок. Затем, по тщательном исследовании, они излагали это по порядку. Наверное, святой апостол Лука был в этом смысле первым и показал нам пример того, как нужно действовать, чтобы сохранить апостольское Предание.

Далее он говорит: «Рассудилось и мне… по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен». Имя Феофил обозначает «боголюбец», и, хотя апостол обращается к реальному историческому лицу, это обращение можно отнести и к каждому из нас, потому что каждого истинно верующего христианина можно назвать феофилом, боголюбцем. Отсюда можно сделать вывод о том, что Евангелие нужно воспринимать не как книгу вообще, а как слова, адресованные непосредственно к каждому человеку, к каждому, кто любит Бога.

В славянском переводе сказано более выразительно: «[Чтобы ты имел] утверждение». Апостол Лука не преподносит новое вероучение и даже не раскрывает прежнее, а показывает твердое основание того, что Феофил уже знал. Итак, если Евангелие является лишь твердым основанием того, в чем мы уже наставлены, то тем более такими являются догматы Вселенских Соборов или другие вероучительные истины.

Рассмотрим кратко несколько примеров того, как в Евангелии говорится о тех или иных догматах и что утверждает о них Церковь.

Первый пример относится к иконопочитанию. Когда Филипп говорил Нафанаилу о Спасителе, «Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри» (Ин. 1, 46), по-славянски «прииди и виждь». Казалось бы, какое отношение к

иконопочитанию имеют эти два слова? Но согласно апостольскому Преданию, или традиции («традиция» — это в переводе с латинского на русский язык, собственно, и есть «предание»), они являются обоснованием догмата о священных изображениях.

Еще один пример. Господь Иисус Христос говорит о будущем Таинстве Евхаристии: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 54–56). Эти слова были так поразительны, что многие ученики, услышав их, оставили Его. Церковь в сравнительно позднее время для того, чтобы утвердить эту евангельскую истину, воспользовалась термином «пресуществление», заимствованным у римо-католиков. Его не употребляли ни святые отцы, ни тем более святые апостолы, но этот термин очень точно изображает то, о чем говорится в Священном Евангелии.

Слово «единосущие» также не встречается ни в Священном Писании, ни в Священном Предании, более того, им пользовались еретики-савеллиане. Но святые отцы дали этому термину православное толкование, и он прекрасно объясняет слова Евангелия «Я и Отец — одно» (Ин. 10, 30), или, по-славянски, «Аз и Отец едино есма».

Мы видим, что новое, привносимое в Церковь, на самом деле не является новым. Слова новые, но учение совершенно то же, известное древним христианам, преподанное им святыми апостолами. И потому мы, православные христиане, должны точно хранить то, что пришло к нам через века благодаря подвигу святых отцов, и не относиться к этой нашей обязанности с пренебрежением или равнодушием. Если мы это утратим, значит, Церковь исчезнет. Она, конечно, не погибнет вообще, но она может уйти из нашего народа, переместиться в другое место, как сказано в Апокалипсисе: «Если не покаешься, то приду, и сдвину светильник твой с места» (см. Откр. 2, 5). Потому мы должны иметь ревность о правой вере, хранить Предание апостолов и святых отцов и, как говорит святой апостол Павел, «поминая наставников наших, подражать их вере». Это не мало — это подвиг всей жизни. И если мы сохраним эту веру, то будем иметь надежду стяжать то, что обрели эти наши наставники, — вечную блаженную жизнь, гражданство горнего Иерусалима. Аминь.

21 октября 2007 года

Неделя 22-я по Пятидесятнице

Гал. 215 зач. (6, 11–18)

Видите, как много написал я вам своею рукою. Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти. А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира. Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию. Впрочем никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь.

Мы — новый Израиль

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы слышали слова апостола Павла из Послания к галатам: «Видите, как много написал я вам своею рукою» (ст. 11). Апостол Павел, желая удостоверить галатов в том, что он действительно считает обрезание и прочие обрядовые предписания Моисеева закона несущественными, написал это своею рукою.

Оригинальный греческий текст по смыслу несколько отличается от русского перевода. В Синодальном переводе сказано: «Как много написал я вам своею рукою», а по-гречески: «Какими большими буквами я вам написал своей рукой». Видимо, апостол поставил, как бы мы сейчас сказали, автограф: несколько фраз написал сам, чтобы галаты увидели, что это точно рука святого апостола Павла, и поверили, что изложены действительно его убеждения. В данном случае он, можно сказать, апеллировал к своему авторитету: «Вы меня уважаете, почитаете, потому не думайте, что это сказал кто-то другой вместо меня, но это именно мое мнение».

Апостол, обращаясь к галатам, говорит: «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов» (ст. 12). Нужно знать, что римлянам вообще был свойствен традиционализм, они не преследовали приверженцев других верований, за исключением тех случаев, когда обряды той или иной религии требовали чего-либо, с их точки зрения, недозволенного, например человеческих жертв. Хотя сами римляне имели жестокий обычай устраивать гладиаторские бои, в которых погибали люди, и эта традиция происходила от обычая приносить в жертву пленных, тем не менее, римляне считали себя человеколюбивыми и цивилизованными. Они насаждали свое представление о цивилизации, где только было можно, но при этом старались с уважением относиться к чужим религиям. Это, собственно, было благоразумно: не может существовать огромное государство без терпимости к тому, что представляется покоренным народам самым главным, а религия тогда, конечно, была самым существенным в жизни всех людей.

Однако на христианство эта терпимость к традиционным, выражаясь современным языком, конфессиям не распространялась, потому что это была новая религия, и притом она появилась у евреев и ими же отвергалась. Поэтому римляне преследовали ее именно как нетрадиционную с точки зрения самих евреев. Сначала, пока римляне не отличали христиан от иудеев, считая их веру тождественной, христиан не трогали. Когда же стало понятно, что христианство — это новое учение, которое претендует на то, чтобы распространяться среди людей всех национальностей, в том числе и традиционно придерживавшихся языческих верований, например греков или римлян, начались преследования.

В этом контексте понятно, почему апостол Павел говорит: «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов». Эти христиане таким образом выдавали себя за иудеев и подпадали под отношение к традиционным вероисповеданиям, которые были терпимы римской властью; кроме того, и сами евреи относились к таким людям с терпимостью. Для христиан, живших в Иудее, такое соблюдение иудейских обрядов было еще оправданным, поскольку они находились под пристальным вниманием своих врагов из числа фарисеев и были вынуждены эти обряды соблюдать. И действительно, члены общины апостола Иакова, брата Господня, соблюдали обряды и, более того, участвовали в ветхозаветном богослужении. Самого апостола Иакова, который был христианским епископом Иерусалима, почитали праведником все евреи, в том числе фарисеи и саддукеи. Он пользовался таким уважением, что, когда римлянами был взят и разрушен Иерусалим и иудейский храм, Иосиф Флавий, передавая общепринятое в то время мнение, утверждал, что это событие было наказанием даже не за отвержение Христа, а именно за убийство апостола Иакова, которого его враги сбросили с храмовой горы. В Палестине было необходимо соблюдать все предписания Моисеева закона, но не из страха гонений, а ради того, чтобы быть безупречными в глазах своих соплеменников и избежать их упреков в том, что они

приняли христианство, чтобы не соблюдать Моисеев закон. Галаты же, происходившие из язычников, находились не в таком положении, чтобы им нужно было исполнять все обряды иудейской религии.

Вернемся к словам апостола Павла: «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов», то есть для того, чтобы не быть гонимыми ни от иудеев, придерживающихся фарисейской ереси или каких-либо других заблуждений, ни от римлян. «Ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти» (ст. 13). Не соблюдают закон потому, что вообще не способны его соблюдать, поскольку предписания закона были неисполнимы и единственное, что он мог дать, — это научить человека его собственной немощи, привести к пониманию того, что без Христа он не может жить нравственно, не может жить по совести. При всем этом те из обрезанных, которые принимали христианство, соблюдали не весь закон, но только некоторую его часть: обрезание, субботу, запрет на вкушение недозволенного. Они не совершали жертвоприношений и не придерживались такого вероисповедания, какое имели распространенные в то время иудейские секты.

Таким образом, сами не соблюдая всего, эти иудействующие христиане принуждали других соблюдать закон, чтобы похвалиться тем, что якобы они кого-то обратили к истинной вере. Но трудно обратить человека к истинной вере, когда он совершенно чужд ее. Гораздо проще, когда он уже обратился, научить его чему-то дополнительно и потом похвалиться, что спас человека от погибели. Поэтому такие учителя тех, кто уже обратился к вере и принял христианство, учили совершенно ненужному соблюдению некоторых устаревших, упраздненных и бесполезных обрядов Моисеева закона.

А ведь если христианин возвращался к закону, значит, он сомневался в том, что благодать Божия, подаваемая в Крещении и других Таинствах, достаточна для спасения, и признавал необходимым соблюдать еще и то, что было обязательным в Ветхом Завете. В ветхозаветные времена тот, кто не обрезывался, не принадлежал к израильскому обществу, то есть к Церкви. Но апостол Павел под Израилем, под Церковью, понимает совсем другое: не общество тех, кто является евреями благодаря рождению или обряду обрезания, а новый Израиль, вне зависимости от происхождения тех, кто в него входит.

Апостол Павел продолжает: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (ст. 14). Если те хвалятся обрезанием, то апостол Павел хвалится не тем, что он еврей по природе, а крестом Христовым, не своими заслугами, а крестной жертвой Спасителя. Подчеркивая важность значения крестной жертвы для каждого человека, он говорит: «Господь предал Себя за меня» (см. Гал. 2, 20). Вот чем он хвалится — крестной жертвой Спасителя, которая выше всех человеческих предписаний и дел: как исполнения Моисеева закона, так и совершения новозаветных добродетелей, особенно если в исполнении их человек видит свою заслугу.

Нам нечем хвалиться: ни собой, ни своими делами. Апостолу Павлу, как одному из величайших апостолов и больше всех потрудившемуся в апостольском служении, было чем похвалиться, но он желает хвалиться только крестом Христовым. Не собою, не своими делами и подвигами, не своим происхождением, а только искупительной жертвой Христовой. Почему? Он объясняет это в словах: «Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира». Благодаря крестной жертве мир умер для апостола Павла, как бы распятый. Как распинали разбойников, уголовных преступников, и они в мучениях погибали за свои преступления, так и мир умирает для апостола Павла: он казнен, уничтожен, исчез для него. Однако и апостол распялся и умер для мира, как распятый умирает и покидает этот мир. Хотя, конечно, апостол и был жив, но образ его жизни столь отличался от обычного образа жизни

как евреев, так и язычников, что можно было сказать, что апостол Павел умер. Мы выразились бы не столь громко, но более понятно: «Умер для мира».

«Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь» (ст. 15), то есть ни языческое, ни иудейское происхождение ничего не значит. Почему апостол Павел так говорит? Потому что, с одной стороны, язычники презирали тех, кто принимал обрезание, и считали этот обряд омерзительным, а с другой стороны, иудеи, не имея мужества расстаться с тем, что уже устарело и потеряло свое значение, придерживались обрезания и презирали тех, над кем оно не было совершено. Но во Христе Иисусе все это ничего не значит, не приносит никакой пользы и не причиняет никакого ущерба. Если крестились обрезанный человек и необрезанный, то никто из них не больше и не меньше.

Мы можем понимать слова апостола Павла более широко: национальность или принадлежность к той или иной культуре ничего не значат, потому что во Христе Иисусе «нет ни Еллина, ни Иудея» (Кол. 3, 11) или, как бы мы сейчас сказали, русского, или грека, или, допустим, англичанина, или француза. Ныне это уже ничего не значит, потому что хотя мы и сохраняем принадлежность к той или иной этнической общности по внешности, культуре, языку, характеру, но становимся уже новым творением: внешне — те же, внутренне — совсем иные. И это внутреннее так велико, что внешним просто пренебрегают как ничего не значащим, и Господь не изменил в нас ничего внешнего, так как оно столь ничтожно, что можно о нем забыть.

Далее апостол Павел говорит: «Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию» (ст. 16), — тем, которые понимают, что, родившись во Христе, они стали уже совершенно новыми существами и живут по новым законам. Хотя эти христиане пребывают в вещественном мире, как и все люди, может быть, живут в том же самом месте, где жили и раньше (не все ведь отделяются от общества и живут подобно монахам, большинство христиан остается в прежних условиях), но внутренне они совершенно отделились от мира, он для них умер.

Почему апостол Павел присовокупил: «И Израилю Божию»? Потому что именно те, кто находятся в мире с Богом и дерзают уповать на милость Божию, и есть истинный Израиль Божий. Это не пустые слова. Нужно иметь в виду: то, что кажется сейчас незначительным, для христиан первых веков было чрезвычайно важным. Некоторые современные израильские историки признают, что между христианскими писателями-апологетами, жившими во II и III столетиях, и авторами творений, впоследствии вошедших в вероучительную книгу иудеев Талмуд, велась скрытая полемика, одним из важных пунктов которой был вопрос о том, кто является истинным израильтянином. Христиане вполне определенно и осознанно утверждали: «Мы являемся истинными израильтянами, а прочие, именующие себя таковыми, на самом деле чужды израильского общества и не имеют права так называться». В Откровении апостола Иоанна Богослова, например, упоминается о «тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2, 9), то есть те, кто считают себя собранием Божиим, собранием израильтян, на самом деле сборище сатанинское.

Вот такой спор шел между христианами и евреями. На самом деле, по мнению некоторых историков, в христианство обратилось до трети еврейского народа. Евреев среди первых христиан было, возможно, даже больше, чем тех, кто обратился из язычества: эллинов, римлян или людей других национальностей. Потому апостол Павел и говорит: «Мир им, и милость, и Израилю Божию», то есть Церкви Христовой, которая и есть истинный Израиль.

Между прочим, иудаизм не такая замкнутая религия, как нам по неведению представляется. Евреи и по сей день тех, кто обрезывается, считают израильтянами, какого бы они ни были

происхождения, и ни в чем не ущемляют их права. Могу привести такой, может быть, смешной пример. Где-то в Центральной России старообрядцы в своем постепенном удалении от православия пришли, наконец, к выводу о том, что истинная религия — это религия Моисея. Пригласили раввина, и несколько сел обрезались и стали исполнять все иудейские обряды. Очень смешно было, когда люди с чисто русской внешностью, в русских одеждах, носили имена, например, Хаим и тому подобные. Не знаю, как относились к ним до революции, преследовало их правительство или нет, но уже в новое время те из них, кто сохранили свои корни в этой секте, выехали в Израиль и были приняты как равноправные израильтяне: по законам этой страны всякий еврей имеет право получить израильское гражданство и поселиться в Израиле. Такое отношение евреев к своим соплеменникам, я думаю, перешло из древности.

Мы должны бы так же смотреть на Крещение, как евреи — на обрезание. Как принявший обрезание, вне зависимости от его происхождения, считается членом синагоги, или, как бы мы сказали, израильской церкви, так и все, кто принимает Крещение и становится христианином, независимо от своего происхождения принадлежат к Израилю Божию, новому Израилю. Мы не осознаем того, что мы истинный Израиль, мы духовные потомки Авраама, пророков, апостолов и всех первых христиан. Парадоксальная ситуация: люди разных национальностей стали Израилем, а природные израильтяне отпали от истинного Израиля и превратились в совершенно особое общество, только по плоти имеющее нечто общее со своими святыми предками.

Апостол Павел продолжает: «Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (ст. 17). Апостол Павел как бы говорит: «Зачем вы удручаете меня своим нелепым поведением, этими неуместными рассуждениями о ненужном и никчемном обрезании? Зачем вы огорчаете меня тем, что отвергаете благодать Божию, возвращаясь к закону? Я ношу на теле язвы Господа Иисуса». Что это за язвы? По мнению большинства толкователей, это нанесенные ему раны, а может быть, и болезни, которые он терпел ради Господа. Эти скорби он называет «язвами Христовыми», потому что они уподобляют его Христу: как Христос пострадал ради искупления человеческого рода, так и апостол Павел посильно, насколько это возможно для человека, уподоблялся Ему, страдая ради своих духовных чад, в том числе и ради запутавшихся галатов, введенных в заблуждение иудействующими христианами.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь» (ст. 18). Зачем вам нужен закон, когда вы получили благодать Господа нашего Иисуса Христа? Вспомним начало Евангелия от Иоанна: «Закон Моисеем дан бысть, благодать (же) и истина Иисус Христом бысть» (Ин. 1, 17). Значит, тому, кто воспринял благодать Христову, закон уже не нужен, для того человека он упразднен, бессилен, беспомощен. Лучшее, что он может сделать для человека, — смирить его, а спасти его и помочь ему закон не в состоянии. Он только приводит к Господу Иисусу Христу, но уже пришедшему к Нему нелепо вновь возвращаться к закону.

Апостол Павел говорит галатам: «Со духом вашим», подчеркивая, что не нужно обращать внимания ни на что плотское, пусть оно внешне возвышенно, прекрасно, правильно, но необходимо помнить, что благодать Господа Иисуса Христа и раньше пребывала с галатами, с их духом. Пусть они вспомнят свое прежнее состояние и обратятся внутрь самих себя, а не устремляются к внешним предписаниям, которые лишают их благодати.

Можем ли мы отнести эти слова апостола Павла к себе? Эта проблема для нас как будто бы неактуальна — никто из нас, слава Богу, не прельщается соблюдением обрядов Моисеева закона. Но это не значит, что Послание святого апостола Павла, часть богодухновенного Священного Писания, устарело. Это значит, что мы должны отнести его слова к своей жизни

не буквально, а несколько иначе.

«Я не желаю хвалиться, — говорит апостол Павел, — разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа». Разве это к нам не относится? Разве мы не хвалимся своими делами, поступками, исполнением тех или иных предписаний? Если у нас хватает ума или просто скромности не говорить этого вслух, то разве мы не поддаемся тщеславию внутренно, сами перед собой? Преподобный Иоанн Лествичник говорит такие замечательные слова: «Трудно отвергнуть похвалу человеческую, но еще труднее отвергнуть похвалу бесовскую». Похвалу человеческую, которую мы слышим и которая льстит нашей гордости, отвергнуть трудно, но гораздо труднее отвергнуть помыслы, хвалящие нас, когда никто об этом не знает. Мы превозносимся сами перед собой, сами себя хвалим, выглядим в своих собственных глазах мудрыми, добродетельными, ревностными, приписываем себе какие-либо другие свойства, а надо хвалиться только Крестом Христовым, только тем, что мы принадлежим к Церкви Христовой, обществу искупленных Кровью распятого за нас Господа Иисуса Христа.

И даже правильнее каждому из нас было бы сказать словами апостола Павла: «Распятого за меня». Человек может и должен хвалиться тем, что для него сделал Господь, тем, к какой Церкви он принадлежит, тем, от Кого он происходит по духу, — в этом и состоит христианская проповедь. Но гордиться этим и видеть в этом свою заслугу он не может, потому что на самом деле ее нет. В чем наша заслуга, когда мы — если говорить именно о нас — еще не существовали в то время, когда за нас была принесена крестная жертва? Если бы мы хвалились только Крестом Христовым, если бы только это было для нас значимым и все наши мысли были сосредоточены только на нем, — а именно к этому призывают нас слова, произносимые во время пострига в мантию, — тогда бы мы отреклись от мира не только на словах, не только выйдя из него телом, но и внутренне и духовно умерли бы для него, стали бы чуждыми ему, как апостол Павел.

Почему мы, монашествующие, отделились от общества других людей? Потому что по немощи нашей не можем, находясь среди них, распяться для мира, а апостол Павел мог. Но если мы, осознав эту свою немощь, отделились от мира и стремимся подражать апостолу Павлу, как он и призывает нас: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16), — тогда мы идем по правильному пути. Если же мы внешне отделились именно ради этого, а внутренне принадлежим миру, если мы живы для мира и мир жив для нас, тогда мы не можем назвать себя христианами в полном смысле этого слова.

Один мой старый друг когда-то сказал такие слова, которые не все могут правильно понять и которые, может быть, не всем можно сказать, но его настроение, его состояние было правильным, смиренным. Он, очень интеллигентный, культурный человек, работал в церкви сторожем, и однажды какие-то люди, пришедшие в храм, его спросили: «А вы что — христианин»? Он ответил: «Я хочу быть христианином». Конечно, они могли соблазниться, но он имел в виду, что хочет стать настоящим христианином, но еще не имеет права называть себя таким в полной мере.

Тем паче мы, отрекшиеся от мира, должны постоянно размышлять о словах апостола Павла. Каждый из нас должен думать так: когда Господь Иисус Христос умер на Кресте, предал Себя на эту позорную смерть ради меня, то таким образом мир умер для меня или я умер для мира. Можно понимать слова апостола Павла как указание на двойное отречение: и мир должен для нас исчезнуть, как бы не существовать, и мы должны вести образ жизни, показывающий, что для мира мы как бы умерли, ничего для него не значим. Мы же хотим что-то собой представлять, желаем славы, одобрения, желаем, чтобы нас ценили, а это противоречит состоянию апостола Павла, являющемуся для нас образцовым. Если апостол Павел и рассказывает что-либо о себе, то идет на это, по его выражению, становясь безумным (см. 2

Кор. 11, 23), ради того чтобы мы стали мудрыми и подражали ему, так как иначе мы и не знали бы о его духовных состояниях, о его преуспеянии, не знали бы, к чему нам должно стремиться.

Следующие слова также имеют для нас чрезвычайное значение. Апостол Павел не раз возвращался к этой мысли: «Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь» (ст. 15). В ином месте он говорит, что ныне «нет ни Еллина, ни Иудея, ни Скифа, ни мужского пола, ни женского, но во Христе Иисусе новое творение» (см. Кол. 3, 11; Гал. 3, 28). Ничего не значат ни пол, ни национальность, ни даже культурная принадлежность, потому что в этих словах, кроме противопоставления национальности, есть и скрытое противопоставление культурных и некультурных людей: эллины, нация очень культурная, считали прочие народы, например скифов, дикими. И не имеет никакого значения, моет человек в монастыре пол, или изучает греческий язык, или поет — это не приближает его к Богу и не удаляет от Него, потому что мы — новое творение. Каждый делает то, на что он способен и чем может принести пользу. Не будем обращать внимания на различия в наших занятиях, но будем только стремиться быть новым творением. Хотя от предметов высоких я обратился, так сказать, к монастырскому быту, но это — наша жизнь. Имея правильное или неправильное отношение к таким повседневным вещам, мы можем возвышаться к Богу или отпадать от Него.

Теперь обратимся к словам, которые не входят в это зачало, но содержат и еще более раскрывают ту же самую мысль: не должно быть «ни мужского пола, ни женского» (см. Гал. 3, 28). Что это значит? Это значит, что мы должны быть выше стремления полов друг к другу, которое вложено в нас Богом ради продолжения человеческого рода. Во Христе Иисусе это стремление не имеет никакого значения, мы — новое творение, стоящее выше разделения не только между нациями, но и между полами. Каким же существам мы уподобляемся в этом случае? Ангелам Божиим, как и Господь наш Иисус Христос сказал, что в будущем веке не будут вступать в брак, но будут как ангелы Божии на небесах (см. Мф. 22, 30). И мы уже сейчас стремимся раскрыть в себе то, что в нас вложено; мы, собственно, уже таковы. Однако из-за своего нерадения мы не видим в себе того, что в нас уже есть, не возвышаемся над всеми этими разделениями, в том числе и над разделением между полами. Мы чувствуем в себе те или иные страсти: тщеславие, гордость, блудную страсть — по той причине, что не даем благодати Божией свободно действовать в нас, не даем ей раскрыть себя. Мы не живем так, как должны жить, не бываем теми, кто мы есть, и как бы отвергаем то, что уже получили в Таинствах Крещения и Миропомазания.

Таким образом, слова апостола Павла являются назидательными не только для древних христиан — галатов, запутавшихся в таких вещах, как обрезание и Крещение, соблюдение Моисеева закона и отвержение его устаревших предписаний, но и для нас они чрезвычайно актуальны. Мы должны умереть для мира, и мир должен исчезнуть для нас. Мы должны стать новым творением, быть выше всего человеческого, и тогда только мы можем претендовать на то, чтобы быть членами Церкви Христовой, нового Израиля, Израиля Божия. Аминь.

12 ноября 2006 года

Неделя 23-я по Пятидесятнице

Еф. 220 зач. (2, 4–10)

Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены, — и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе, дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе. Ибо благодатью вы спасены через веру, и

сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять.

О совершении добрых дел

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит: «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены» (ст. 4–5).

«Бог, богатый милостью»... Бог спасает нас не потому, что мы сделали что-то доброе или чем-то заслужили Его милость, Его благодеяния, но только потому, что Он милостив. Иначе говоря, единственной причиной, по которой Бог спасает нас, является Его любовь: «По Своей великой любви, которою возлюбил нас». Это понятно и из следующего стиха: «И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом». Последние слова можно перевести с греческого языка более точно: «И нас, мертвых по преступлениям, сооживил со Христом». Этот оттенок смысла чрезвычайно важен, потому что апостол Павел указывает на то, что мы оживлены, оживотворены вместе со Христом, мы оживотворяемся постольку, поскольку мы соединены с Ним, а не сами по себе. «Благодатью вы спасены», то есть это благой дар, дар Божий, а не наша заслуга. Далее следует вновь обратиться к греческому оригиналу. В Синодальном переводе сказано: «И воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (ст. 6), но мы сможем глубже понять смысл этих слов, если обратим внимание на одну подробность в греческом тексте. Слова «воскресил» и «посадил» правильнее было бы перевести «совоскресил» и «сопосадил»: «и совоскресил с Ним, и сопосадил на небесах во Христе Иисусе». Это значит, что поскольку мы — едино с Господом Иисусом Христом, с нами происходит великое чудо. В Его человеческой природе мы сооживлены, совоскрешены и даже соцарствуем с Ним, восседая на небесах. И если сейчас мы знаем об этом только по вере и, как говорит апостол Павел, как бы видим в зеркале и гадаем (см. 1 Кор. 13, 12), то в будущем веке это обнаружится в полной мере: «Дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе» (ст. 7). Благость Бога, Его любовь к нам, беспричинная и никак не заслуженная нами, проявляется именно во Христе Иисусе, и мы можем постичь ее постольку, поскольку пребываем в единении с Ним.

«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (ст. 8). Мы спасены через веру, но это не значит, что вера — это наша заслуга. Вера есть Божий дар. Об этом прекрасно рассуждает святитель Григорий Палама, объясняя, что вера — это Божественное действие. И само действие веры, и предмет веры, который открывается нам в этом действии, и даже сама возможность уверовать — все это дары Божии. Мы можем прийти к этому выводу, правильному и трезвому, если вспомним, какими мы были без Бога. Мы не могли и помыслить о Нем, не могли ничего понять или о чем-то здраво рассудить, не могли уверовать. А изменение, произошедшее с нами, настолько разительно, что апостол Павел называет его новым творением.

«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (ст. 8–9). Действительно, мы не заслужили спасения делами. Если мы и совершали какие-то добрые дела, которые, как мы думаем, привели нас к вере, то они только показывали наше расположение. Сами по себе они ничего не значили и были до такой степени ничтожными, что их, можно сказать, и не было. «Ибо мы — Его творение» (ст. 10), то есть человек верующий, обретший Христа, соединившийся с Ним, настолько отличается от человека, пребывающего в состоянии естественном, в котором пребывают все люди вокруг нас и в котором когда-то находились и мы, что его можно назвать новым творением. Конечно,

внешне мы остались такими же: ни черты лица, ни наши естественные свойства не переменились, поскольку они ничего не значат. Апостол Павел многократно возвращается к этой теме. И кому, как не ему, знать это, если он сам пережил подобное, причем в чрезвычайной степени? Из гонителя он стал избранным сосудом Божиим. Ненавидя Церковь Божию, преследуя ее и стараясь даже предавать смерти последователей Христовых, он переменился настолько, что стал распространять веру Христову и сам уже подвергался гонениям и преследованиям, а в конце концов был казнен как преступник, хотя вина его состояла только в том, что он апостол и свидетель Христов.

«Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела» (ст. 10). Обратите внимание на противопоставление, которое не сразу можно заметить. «Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» — и далее: «Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела». Если мы совершаем добрые дела, то это не наша заслуга. Мы стали новым творением, новой тварью во Христе Иисусе, и дела, совершаемые нами, — это естественное проявление нашего обновленного, заново сотворенного существа. Мы должны это осознавать и в то же время понимать, что если мы будем жить по страстям и обратимся назад, подобно жене Лотовой, то можем потерять все, что приобрели. Кроме того, устремляясь вперед, мы должны помнить, к чему мы стремимся, что мы из себя представляем и что нам даровано, — мы созданы для того, чтобы совершать добрые дела. Не обновлены, не искуплены, не очищены, но, как говорит апостол Павел, именно созданы. Может быть, это не видно другим, и мы сами, к сожалению, не всегда это осознаем и приписываем добро себе, своим заслугам и произволению. Но мы обязаны верить святому апостолу Павлу, глаголам Духа Святого, возвещаемым нам через него, а именно тому, что мы — новое творение и потому совершаем добрые дела. Что же это за добрые дела? Здесь апостол Павел не говорит о них, но мы должны понимать, что добрыми делами можно назвать то, что соответствует Евангелию. Это не только милостыня, как принято понимать в узком смысле, но и нищета духовная, и отречение от мира, и кротость со смирением, уподобляющие нас Самому Христу, и даже ненависть к тому, что отвращает нас от любви к Богу. Все это кратко названо добрыми делами. Недостаточно иметь лишь стремление к добродетели. Признаком нового творения является деятельность, соответствующая евангельскому учению. Деятельностью же можно назвать не только дела телесные, но и духовные: молитву, смирение и другие добродетели, может быть, никому не видимые и никем не понимаемые. Они равнозначны добродетелям, связанным с телесной деятельностью. Кроме того, мы не можем совершить настоящее доброе дело, если оно не имеет начала внутри нас, и в этом смысле мы тоже должны расширить понимание того, что такое доброе дело.

Совершение добрых дел — это наше предназначение, это естественно для нас. Если мы живем так, как должно, если мы действительно являемся новым творением, а не считаемся им лишь постольку, поскольку об этом сказано, тогда, безусловно, добрые дела, и духовные, и совершаемые при посредстве тела, должны быть видны. Но видны не потому, что мы ищем славы, а потому, что иначе и быть не может. И при этом всякий человек, который обновился настолько, что по сути является уже новым творением, понимает, а правильнее сказать, живет сознанием того, что его дела — не его, но дар Божий. В этом состоит глубочайшее смирение. Апостол Павел, как и всякий благочестивый человек и подвижник, говорил, конечно, от своего опыта. Совершивший многие апостольские подвиги, проповедовавший Евангелие по всему миру, испытавший ради этой проповеди многие скорби, терпевший и телесные болезни, и страдания, апостол Павел, поучая нас, говорил то, что знал и переживал как истину: «Сие не от нас, но Божий дар». Есть и другие слова святого апостола Павла, содержащие тот же смысл. Когда он говорил, что потрудился более всех апостолов, то прибавлял: «Впрочем, не я, но благодать Божия, которая во мне» (см. 1 Кор. 15, 10). Таково мнимое хвастовство апостола Павла. Еще он говорил: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Другими

словами, потрудился Христос, а не я, Он даровал мне веру, сделал меня иным человеком, и Сам же действует во мне. Таково сознание и отношение к себе подлинного христианина, в этом апостол Павел является для всех нас примером.

Даже если бы мы приобрели всё то, что имел апостол Павел: полноту ведения, чрезвычайные откровения, восхищение души к Богу, дар чудотворения, то вместе с этим мы должны были бы иметь и такое же, как у него, смирение, такое же самосознание, выражающееся в словах «сие не от нас, но Божий дар», «не мы, но благодать Божия, которая в нас», «не мы живем, но живет в нас Христос». Если такой великий человек, как апостол Павел, смирялся, то мы, почти ничего не имея по сравнению с ним, тем более должны смиряться. Однако, как это ни парадоксально, чем больше у человека благодати, тем больше он смиряется, и чем меньше ее, тем сильнее в нем действуют страсти, в том числе, конечно же, и гордость. Но мы, понимая из слов апостола Павла, какими мы должны быть, будем хотя бы от этого смиряться и укорять самих себя. Если бы мы имели всё то, что имел он, то должны были бы осознавать, что это дар Божий, а если не имеем, то и хвалиться нам нечем. И потому будем смиряться, каяться и в меру своих сил подражать апостолу Павлу, к чему он сам призывает нас: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Аминь.

19 ноября 2006 года

Неделя 24-я по Пятидесятнице

Еф. 221 зач. (2, 14–22)

Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем. И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе.

Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святый храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом.

Христос есть мир наш

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит о Господе нашем Иисусе Христе: «Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» (ст. 14–16). Такова первая фраза сегодняшнего апостольского чтения, слышанного нами за Божественной литургией.

Подобно тому как апостол Иоанн Богослов говорит: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), святой апостол Павел о Господе Иисусе Христе говорит: «Он есть мир наш» (ст. 14). Такие слова мог сказать только тот человек, который опытно переживал общение с Господом Иисусом Христом. Он отождествляет это духовное ощущение, мир, с его Источником, потому что, когда человек чувствует в себе пребывание Господа Иисуса Христа, обещавшего: «Я приду и вселюсь в того, кто заповеди Мои исполняет» (см. Ин. 14, 23), он видит, что Господь есть не просто

миротворец, но Он несет мир в Себе и есть сам этот мир.

Конечно, одно слово «мир» не дает исчерпывающего описания не только Божественной природы, которую описать невозможно, но и Божественных энергий, или действий. В то же время Божественное действие содержит в себе Самого Бога, и нельзя сказать, что оно есть нечто иное, меньшее. Когда мы говорим: «Бог есть любовь» или «Господь есть мир», это и значит, что в любви и мире приходит к нам Сам Господь.

«Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду» (ст. 14). Здесь речь идет об эллинах и иудеях, между которыми, естественно, была вражда, поскольку иудеи исповедовали истинного Бога, а эллины были язычниками, многобожниками. Например, из Маккавейских книг мы знаем, что они пытались насадить в Иудее свою ложную религию, проливая множество крови, и иудеи вели с ними жестокие войны, отстаивая свою религию. Кроме того, эллины считали себя культурной нацией, и, собственно, они и были одной из самых культурных наций того времени. Всех прочих, в том числе и иудеев, они воспринимали как варваров. Многие иудейские обычаи казались эллинам нелепыми и вызывали у них глубокое отвращение.

Таким образом, между этими двумя народами была взаимная вражда, но Господь Иисус Христос упразднил ее, разрушив средостение, преграду, стоявшую между ними, потому что упразднил ветхий закон. Он не отменил заповеди «не прелюбодействуй» или «не убий» (см. Исх. 20, 13–14), но возвел человека к высшему состоянию. Он отменил все языческие заблуждения, однако же не упразднил совести, жившей в язычниках, о чем апостол Павел говорит так: люди, не будучи под законом, творили добро, следуя своей совести (см. Рим. 2, 14–15).

Итак, разрушено средостение, и верующие должны соединиться, что и происходило среди первых христиан. Остановим свое внимание именно на иудеях, не будем говорить обо всех вообще национальностях. Если сейчас иудеи, или евреи по происхождению, присоединяются к Церкви Христовой, состоящей из язычников по происхождению, например из русских или греков, то в древности, наоборот, язычники присоединялись к Церкви, состоявшей в основном из иудеев. Все как бы поменялось местами, однако же сущность церковной жизни от этого не изменилась: средостение разрушено — и все то, что разделяет людей, национальные и культурные преграды, исчезло и не имеет никакого значения.

Что же сказать о современных антисемитах, которые утверждают, что евреи ни в каком случае, как бы они ни каялись и искренне ни принимали христианство, не имеют права, например, принимать священный сан и вообще не могут быть равноправными членами Церкви Христовой? Конечно же, такое утверждение говорит о том, что эти люди не познали Бога. Ибо тот, кто познал Христа и силу жертвы Христовой, понимает, что все разделения исчезли. Напротив, непонимание этого обличает в людях то, что они исповедуют Бога только устами, в лучшем случае принимают Его одним умом, но сердце их далеко отстоит от Него (см. Мф. 15, 8).

То же самое нужно сказать обо всех прочих разделениях, мешающих нам быть единым целым. Допустим, один человек интеллигентный, а другой — малообразованный, один по национальности русский, другой — еврей или украинец, и это также бывает препятствием для единения. Известно, что люди, зараженные националистическими настроениями, относятся неприязненно даже к своим собратьям по вере. Есть много преград, естественных или греховных, мешающих нашему единению: умственные способности, образование, имущественное или социальное положение, характер, пол. Конечно, мы должны соблюдать осторожность в общении с людьми другого пола, но это не должно служить поводом для

человеконенавистничества. Мы остерегаемся друг друга по немощи, а не из принципа.

Итак, Господь пришел и водворил мир, разрушив все преграды между людьми. И если мы чувствуем, что преграды эти все-таки для нас действительны и мешают нам соединиться сначала с Господом, а затем друг с другом, то, значит, мы Господа не познали, не пришли к Нему. Вспомним слова апостола Иоанна Богослова: «Как ты можешь любить Бога, Которого не видишь, если ты не любишь ближнего, которого видишь?» (см. 1 Ин. 4, 20). Вспомним, как преподобный авва Дорофей сравнивает любовь к Господу и людям с окружностью. Центром окружности является Господь, и чем более точки, находящиеся на радиусах, приближаются к центру, тем ближе они становятся между собой. Этот прекрасный образ означает, что, чем больше мы любим Господа, тем больше любим друг друга. И авва Дорофей, и прочие подвижники понимали это: подлинная любовь к Богу обязательно производит любовь к ближнему и разрушает все препятствия. А кто говорит, что он любит Бога, но придает значение чему-то человеческому, например национальности или культурному уровню, тот не познал Его.

«Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею» (ст. 14–15). Господь упразднил вражду между людьми Своим распятием на Кресте, крестной жертвой. Дорогой ценой мы куплены, как говорит в ином месте апостол Павел (см. 1 Кор. 6, 20; 7, 23). И нам необходимо помнить, что разрушенная преграда не должна быть нами воссозидаема. Мы не можем придавать значение тому, что Господь уничтожил, и делать это препятствием для себя к подлинной евангельской жизни.

«А закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека» (ст. 15). Под законом заповедей нужно понимать Моисеев закон. Он упразднен, во-первых, в той своей части, которая имеет ритуальное значение, а во-вторых, в той части, которая в более возвышенной форме преподана нам в Евангелии. «Не прелюбодействуй» упразднено не в том смысле, что можно прелюбодействовать, а в том, что нельзя уже и смотреть с вожделением (см. Мф. 5, 28). Заповедь «не убий» отменена не потому, что теперь можно убивать, но потому что нельзя даже гневаться (см. Мф. 5, 22).

«Дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека» (ст. 15). Теперь уже нет ни эллина, ни иудея и вообще никакой другой национальности. Появился новый человек — христианин. Пусть он говорит на еврейском языке, на котором говорили первые христиане, на греческом или каком-либо из славянских языков, на которых говорят христиане, обратившиеся к вере уже спустя почти тысячу лет после пришествия Спасителя, но все они представляют из себя один народ — новый Израиль.

«Дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир» (ст. 15). Обратимся к истории Церкви и посмотрим, что́ создал этот новый человек. Из чего состоит, выражаясь светским языком, церковная культура? С одной стороны, это учение, основанное на библейском Откровении, которое содержится в книге, принадлежавшей евреям. С другой стороны, в Церкви присутствует множество таких культурных явлений, как иконопись, музыкальная и песенная культура, архитектура и прочее, не имеющее отношения к древней еврейской цивилизации. Мы видим, что каждый народ принес в Церковь все самое лучшее, что у него было. Некоторые считают, что церковная культура есть синтез нескольких культур. Прежде всего еврейской, эллинской, римской, сирийской. Римское право, например, чрезвычайно повлияло на церковные каноны и вообще на сознание христианина. Наверное, можно было найти и другие влияния, но мы говорим об основных и общеизвестных. Так из многих получился один новый человек — христианин, воспринявший от всех все самое лучшее. То, что было естественно, допустим, в культуре античной, греческой, было очищено гением святых отцов, конечно, под воздействием Божественного Откровения, заимствованного от

апостолов, или, опять же выражаясь светским языком, еврейских проповедников. Об этом говорит Алексей Степанович Хомяков, выдающийся русский философ.

«И в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» (ст. 16). Все мы примирились с Богом, если мы подлинные христиане, посредством крестной жертвы Спасителя. И это была настолько действенная жертва, что вражда была не просто умалена или отменена, а, как сказал апостол Павел, убита, ее уже нет.

«И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким» (ст. 17). Кто эти дальние и близкие? Конечно, с точки зрения апостола Павла, бывшего природным иудеем, с детства воспитанным в благочестии, близкими были прежде всего иудеи. Дальние были те, которые даже не мыслили о том, что есть истина, что она может быть им неожиданно проповедана и они когда-либо могут ее принять. И вот, дальние и близкие, все соединились. Но мы, применяя слова апостола к нашему времени, можем понимать их и более широко: дальние и близкие — это вообще все люди. Не только ближних нужно любить, но и дальних. Все соединены в одно, все представляют собой нечто единое, если только подлинно следуют Христу.

«И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (ст. 17–18). Все мы получили возможность общаться с Богом в Духе Святом вне зависимости от того, какими мы были в прошлом: простыми или образованными, развратными или целомудренными. Какого бы пола, национальности и характера мы ни были, все мы имеем доступ к Богу. Но это не значит, что мы сохраняем то, что было в нашем прошлом. Эллины и иудеи (если мы возьмем этот конкретный пример, о котором говорит апостол Павел) не сохраняют своих прошлых заблуждений, но берут только то лучшее, что было в их жизни: эллины — чистую совесть и стремление ко всему возвышенному, евреи — Божественное Откровение, за исключением ритуальных предписаний и формальных требований. Так и мы, если берем что-то хорошее, а все дурное отметаем, можем сказать о себе, что имеем доступ к Богу. Напротив, мы не имеем к Нему доступа, если сейчас остаемся такими, какими мы были в прошлом, и при этом дерзновенно и необоснованно считаем, что имеем право на богообщение, и удивляемся, почему же в нас нет благодати Божией, почему Господь нам не является и не приближает нас к Себе. Потому что все то, что нужно было отмести, то, что Господь разрушил и даже убил, как сказал апостол Павел, мы вновь начинаем в себе культивировать, придавать этому значение и даже развивать. Таким образом, мы воздвигаем преграду не только между собой и другими людьми, но и между собой и Богом. Если человек чувствует, что он не имеет ничего общего с тем или другим человеком, то он должен понимать, что эта преграда одновременно не допускает его и к Господу.

«Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святый храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (ст. 19–22). Эти слова становятся в особенности понятны, если мы вспомним, как относились к этому древние. Кто были свои, так сказать, родственники Богу? Те, которые были с Ним одной плоти — ибо Господь по плоти был евреем — те, которые произошли из чресл праведного Авраама и были богоизбранным народом. Апостол Павел говорит то, что сейчас для нас представляется уже неважным, но для людей того времени было чрезвычайно актуальным: «Вы уже не чужие Богу. Не думайте, что если вы не произошли от Авраама, значит, вы чужие Богу в любом случае. Нет, вы стали родными Ему так же, как и те, кто является родственным Ему по плоти». Сейчас то же можно сказать христианам не из язычников, а из евреев. Евреи когда-то отпали от Христа, но теперь если некоторые из них обращаются к Нему, то, соединяясь с древом Церкви, они вновь соединяются с тем народом, от которого отделились, отпав от Христа. Таким образом, утерянное ими единство восстанавливается.

«Вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (ст. 19). Слова «сограждане святым» в особенности были ясны для эллинов, потому что они придавали большое значение понятию «гражданин». Собственно, «гражданин» понималось в узком смысле слова — «житель города». Тогда не говорили «граждане Римской империи», как мы сейчас говорим «граждане России», но говорили «граждане Рима» или «граждане Афин». Кто был гражданином города, тот имел в нем определенные права, пользовался защитой закона, покровительством знатных граждан. А кто был чужой, тот вынужден был искать каких-то покровителей, иначе было опасно даже путешествовать или останавливаться где-либо. Он был беззащитным, если не имел покровителя или, как выражались римляне, патрона. Поэтому апостол Павел успокаивает христиан из числа эллинов: «Вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (ст. 19).

«Быв утверждены на основании Апостолов и пророков» (ст. 20). Некоторые толкователи считают, что под пророками нужно понимать пророков Нового Завета, таких как пророк Агав, упоминаемый в Деяниях апостольских (см. Деян. 11, 28; 21, 10). Есть и сейчас люди, до некоторой степени обладающие пророческими дарованиями, мы называем их обычно прозорливыми, старцами и другими подобными именами, но, по сути, они имеют дар пророческий. Все мы утверждены на основании веры в святых апостолов и пророков. У нас в России тоже были люди, обладавшие пророческими дарованиями, например преподобный Серафим Саровский, отец Иоанн Кронштадтский и другие угодники Божии. И мы соединяемся со всеми ими, являемся родными им, потому что приняли их учение, учение апостолов и святых отцов.

«Имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святый храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (ст. 20–22). Это здание построено не на человеческом учении, пусть ранее я употреблял такие выражения, как эллинская или еврейская культура, для того чтобы было понятнее. Краеугольный камень этого великого строения есть Сам Иисус Христос. На Нем зиждется здание, построенное не из камней или какого-либо другого материала, а из людей. Мы сами — живые камни этой Церкви Божией. Все вместе мы составляем величественное и прекрасное здание, и одновременно каждый из нас в отдельности должен являться храмом Божиим. Если мы не просто теоретически воспринимаем слова апостола Павла, но делаем их своим жизненным принципом, понуждаем себя подвизаться таким образом, чтобы соответствовать его учению, тогда, благодаря действию Святого Духа, мы становимся жилищем Божиим. Еще раз повторю: и все мы вместе, и каждый из нас в отдельности. Более того, если каждый из нас не является храмом Святого Духа, он не может быть одним из живых камней, созидающих Церковь Божию, он отпадает от нее. Мы должны это осознавать. Представьте себе, как строится здание. Опытный каменщик выбирает хорошие камни и употребляет их в дело, а негодные отбрасывает. Допустим, ему попался треснувший кирпич. Каменщик попробовал его использовать, но он еще больше раскололся, и каменщик отбросил его в сторону.

Если, по слову апостола Павла, будет разрушена преграда, отделяющая нас как от Бога, так и друг от друга, то каждый из нас сможет стать жилищем Божиим. Не благодаря своему усилию, но благодаря крестной жертве Христа и действию Святого Духа. Только тогда он станет пригодным для участия в этом великом деле — созидании Церкви Божией.

Всё в церковной жизни того или иного народа слагается из отдельных людей, и когда этих людей становится очень мало, тогда Церковь разрушается и исчезает. Да, Церковь Христова непобедима, «врата адова не одолеют ее» (Мф. 16, 18), но нигде не сказано, что врата ада не одолеют Церкви Русской, Римской, Греческой или какой-либо иной. Если народ перестает быть ревностным, оскудевает в благочестии, перестает исполнять заповеди Божии, предпочитает Божественному Откровению нечто земное, человеческое (я уже не говорю о греховном), тогда

возрастает преграда, отделяющая нас и друг от друга, и от Самого Господа. Тогда Церковь, как сказано в Откровении Иоанна Богослова, уходит в другое место, светильник бывает сдвинут (см. Откр. 2, 5), а то, что мы до тех пор считали Церковью, превращается в обыкновенную организацию. Так произошло с некоторыми народами, показавшими прежде великие подвиги благочестия и великую ревность по православию, например с римлянами и коптами, потомками древних египтян. Из среды египтян вышло множество великих подвижников благочестия, египетских монахов. Мы до сих пор назидаемся их наставлениями, читаем об их подвигах и умиляемся. Но народ этот отпал от Бога. Римляне были оплотом православия многие века, но сейчас они чужды его. Поэтому мы не должны обольщаться разными легендами и считать, что в России, что бы ни произошло, Церковь всегда будет существовать. Некоторые Церкви совсем исчезли, например прославленная Карфагенская Церковь, как исчезли и целые народы.

Говорю это не для того, чтобы вызвать какое-то смущение или унизить славу Русской Церкви, но для того, чтобы мы поняли, что каждый из нас несет личную ответственность перед народом Божиим, перед Церковью Божией, а именно Русской Православной Церковью. Каждый из нас должен, подвизаясь ради очищения своего, тем самым содействовать обновлению и всей Церкви, распространению и утверждению православия в земле Русской. А кто руководится какими-либо иными принципами, помимо христианских, тот, часто сам того не осознавая, становится врагом Божиим, хотя при этом объявляет себя ревнителем православия. Мы должны быть осторожны и бдительны, должны понимать, что ничто человеческое нельзя предпочесть Божественному Откровению, Божественным заповедям и евангельским догматам. Именно этим мы должны руководствоваться, следуя учению мудрого, великого и прославленного учителя, каким был святой апостол Павел. Аминь.

26 ноября 2006 года

Неделя 25-я по Пятидесятнице

Еф. 224 зач. (4, 1–6)

Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.

О терпении и снисхождении друг к другу

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы читали зачало из Послания святого апостола Павла к ефесянам, но слова его обращены не только к ним, но и ко всем христианам, ко всей Церкви Христовой, как в то время, так и во все века, потому что его устами, а значит, и рукой, которой он писал свои послания, двигал Дух Святой. Так и пророк Давид говорит: «Язык мой — трость книжника скорописца» (см. Пс. 44, 2). И потому, внимая рассуждениям святого апостола Павла, мы внимаем Откровению Божию.

Апостол Павел говорит: «Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны» (ст. 1). Судя по этим словам, апостол Павел находился тогда в заключении. Однако он не просит своих духовных чад о какой-либо помощи: вызволить его из заключения, помочь освободиться от этого тягостного состояния или каким-то иным образом

облегчить его страдания. Апостол Павел умоляет их о том, чтобы они поступали достойно «звания, в которое призваны», то есть призывает их быть достойными звания христиан. Он не укоряет их, но увещевает, как бы говоря: «Я страдаю ради Господа и в Нем пребываю, но умоляю вас ради моих уз, моих страданий, быть достойными того звания, которое я проповедовал и в которое вы были призваны. За Него я и терплю все эти страдания, то есть, по сути, терплю ради вас». Он называет себя «узником в Господе» не потому, что хвалится своими страданиями, но потому, что осознает: находясь в таком положении, он, может быть, еще более приближается к Господу.

Все мы как будто бы понимаем, что мы христиане и что это имя нас ко многому обязывает. Но что значит поступать достойно этого звания? К сожалению, мы вспоминаем о своем христианском призвании в исключительные моменты: во время молитвы (да и то нас увлекают посторонние помыслы), во время богослужения, причащения, а потом, в течение дня, мы начинаем руководствоваться мотивами, которые не имеют никакого отношения к нашей вере и христианским убеждениям, часто — своими страстями. Потому мы должны постоянно бодрствовать над собой и, по словам апостола Павла, «поступать достойно звания, в которое мы призваны».

И далее он продолжает: «Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью», или, если обратиться к подстрочному переводу, «терпя друг друга в любви» (ст. 2). Для того чтобы быть достойными христианского звания, мы должны поступать именно так, «со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением», то есть не в чем-то одном проявляя смирение, а в чем-то его отвергая, но во всем: и в мыслях, и в словах, и в чувствах, и в поступках, да и в самом внешнем виде иметь всевозможное смирение друг перед другом. Кроме того, необходимо иметь не только смирение, но и кротость, потому что, как говорит святитель Иоанн Златоуст, бывают люди смиренные, но гневливые. Спаситель не напрасно говорит: «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем» (см. Мф. 11, 29), подчеркивая, что в первую очередь эти две добродетели необходимы человеку для того, чтобы найти покой душевный, исполнить заповеди Христовы, быть способным понести на себе иго Христово. Однако мы должны не только смиряться друг перед другом, не только кротко переносить обиды или неприятные для нас вещи (может быть, и не нацеленные на то, чтобы нам досадить, но из-за нашего отрицательного к ним отношения вызывающие негодование), но и долготерпеть. Если человек делает что-то нам неугодное, то нужно не просто проявлять снисхождение, но терпеть, ожидая его исправления. Ведь если мы сами себе во всем снисходим и считаем, как бы нелепо это ни прозвучало, что Бог должен все нам прощать, потому что мы каемся, то тем более мы должны проявлять снисхождение к другим людям. К тому же под покаянием мы имеем в виду иногда просто формальное обращение к Богу. К сожалению, у нас не такое покаяние, какое было у преподобной Марии Египетской и других подвижников благочестия. Да и о себе мы знаем гораздо больше, ведь мы непрестанно грешим, а о других людях знаем только то, что они, как нам представляется, поступили с нами плохо один или, может быть, несколько раз. И потому нужно проявлять к людям долготерпение, «снисходя друг к другу в любви», терпя друг друга в любви. Мы можем сделать вывод о том, что и древние христиане, отличавшиеся от нас гораздо большей ревностью, готовностью в любое мгновение пострадать за Христа, тоже должны были понуждать себя проявлять терпение, чтобы мирно сосуществовать друг с другом.

Вместе с тем нельзя ожидать и того, что нас будут окружать люди совершенно безупречные — едва ли это возможно. Может быть, в наше время кто-то и способен достичь бесстрастия, однако бесстрастные люди могут показаться нам небезупречными по каким-либо другим признакам. Совсем необязательно человек бесстрастный полностью подходит нам по характеру, манерам, воспитанию. Кроме того, таких людей все-таки бывает очень немного,

даже в цветущие времена христианства они были исключением. И потому мы должны быть готовы терпеть друг друга, снисходить друг к другу и всё покрывать любовью. Иначе мы не сможем сохранить то единство, которое нам необходимо для того, чтобы подлинно представлять собой Церковь Христову.

Апостол Павел далее говорит: «Стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (ст. 3). Что такое «единство духа»? Эти слова можно понимать по-разному: как единство нашего душевного расположения или как единство, происходящее от действия Святого Духа, дарующее нам соединение друг с другом в мире. Для того чтобы сохранить мир, необходимо, как уже было сказано, смиряться друг перед другом, быть кроткими, долготерпеть, снисходить во всем, и тогда в нас будет пребывать Дух Святой. А если мы дадим свободу нашим человеческим свойствам, то они будут это единство разрушать; мир, а вместе с ним и Дух Святой, будет от нас удаляться, а где не будет Духа Святого, там начнет разрушаться церковное единство, составляющее из нас всех единое Тело Христово.

«Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания» (ст. 4). Что такое «одно тело»? Конечно, можно понимать это как образ. Как в одном человеке одно тело и один дух, так и все мы должны составлять единого человека. Но здесь можно увидеть и учение о Церкви: одно Тело Христово и один Дух Святой. И потому мы не имеем права разрушать его ради своих индивидуальных наклонностей, свойств, часто дурных. Об этом нужно всегда помнить. Ведь если каждый будет думать, что от одного человека ничего не зависит, то все вместе мы посеем идеологию разлада, раздора. И если каждый будет жить, как ему представляется нужным, преследуя свои интересы, то Церковь Христова будет, если можно так выразиться, расшатываться и разделяться.

«Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания». Какова же надежда нашего звания? Мы надеемся на вечную жизнь, на воскресение из мертвых, на единение с Господом и пребывание с Ним во веки не только в этой жизни, но и, в особенности, в будущей. Нас очень многое объединяет, мы являемся членами одного Тела Христова, в нас действует один Святой Дух, мы стремимся к одной цели. Апостол Павел продолжает: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (ст. 5). Здесь под именем «Господь» нужно подразумевать Господа Иисуса Христа, то есть мы верим в одного Господа Иисуса. Это единство всех нас соединяет, и мы должны его всячески беречь. «Один Господь, одна вера». Почему так важно сохранять православную веру, не погрешать против евангельских догматов и святоотеческого учения? Потому что, нарушая это учение, мы вносим разделение в Церковь, изгоняем из нее мир и любовь. Можно сказать, что тогда уже и Церкви нет. «Один Господь, одна вера, одно крещение». Все мы омыты одним Крещением. Кто бы каким грешником ни был, или, может быть, ему кажется, что по сравнению с другими людьми он праведный, однако и он, как все люди, осквернен первородным грехом. Крещение всех равно омывает и всех делает одинаковыми перед очами Божиими.

«Один Бог и Отец всех» (ст. 6). Наконец, апостол Павел восходит к Самому Богу и Отцу. Сначала он говорит о Теле Христовом как о Церкви, потом о Святом Духе, потом о Господе Иисусе Христе и, наконец, восходит к Первоначалу. «Один Бог и Отец всех», то есть все мы, христиане, равно являемся детьми Небесного Бога Отца. А будучи Его чадами, как же мы можем относиться друг к другу как совершенно чужие люди? Почему для нас родственники ближе, чем наши братья и сестры во Христе? Потому что мы не осознаем своего сыновства, духовного происхождения от Бога Отца и не ценим родства с братьями и сестрами во Христе, будь это монашествующие или миряне. И конечно, в первую очередь те, кто живет в одной обители, кому легче это увидеть, должны исполнять заповедь о любви. Монастырь, обитель — это образ всей Церкви.

«Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (ст. 6). Он выше нас всех, поэтому никто не имеет права превозноситься над другим человеком. Если мы несколько отличаемся друг от друга, то по сравнению с Ним мы равно ничтожны или, наоборот, равно велики по отношению друг к другу как Его чада, поскольку, происходя от Бога, имеем божественное величие. «Который над всеми, и через всех», то есть во всех нас и через всех нас Он действует, совершая Свой Промысл и ведя нас ко спасению. И одновременно Он во всех нас пребывает. Если бы мы были подлинными христианами, то ощущали бы на себе исполнение слов Спасителя: «К любящим Меня мы придем с Отцом Небесным и обитель Свою в нем сотворим» (см. Ин. 14, 23). И несмотря на то что нас соединяет столь многое, великое и важное, а разъединяют ничтожные вещи, мы, однако же, этим ничтожным, нелепым вещам придаем значение, боремся друг с другом, противимся друг другу, всячески досаждаем. Мир Божий покидает нас, единство разрушается. Мы должны понимать, что без борьбы с собой это единство сохранить невозможно.

Мы не имеем права ожидать от других людей совершенства, если сами при этом не будем прикладывать никаких усилий к тому, чтобы снизойти друг к другу. Мы думаем, что будем мирными, снисходительными, будем иметь любовь тогда, когда нас будут окружать люди безупречные, но апостол Павел, вдохновляемый Духом Святым, говорит, что едва ли это возможно. Он учит нас, что немощи человеческие есть даже в обществе святых, какими и были первые христиане. Ведь обращаясь к вере, эти люди знали, что их могут в любой момент подвергнуть истязаниям, пыткам, чтобы заставить отречься от Христа. Многие из них лишались своего благополучия (что, может быть, еще не так страшно), родных, навлекали на себя ссылки, изгнания, а часто и мучительную смерть. И вот к ним святой апостол Павел обращается с такими словами. Значит, мы тем более должны снисходить друг к другу, потому что мы отстоим от времени, когда проповедовали святые апостолы, почти на две тысячи лет и нам, естественно, труднее сохранить ту пламенную ревность, какая должна быть у истинных христиан. Я это говорю не для нашего оправдания, не для того, чтобы вы сделали вывод о том, что нужно к себе снисходить, а для того, чтобы мы были терпеливы друг к другу. И тогда одним своим терпением мы будем созидать Церковь Божию. Мир Божий будет водворяться в нас самих и распространяться вокруг нас.

Преподобный Серафим Саровский, так же как и святой апостол Павел, имел разум Христов, был истинным христианином. Не приводя слов из Послания к ефесянам, не рассуждая о них, он говорил: «Стяжи мирного Духа, и вокруг тебя спасутся тысячи». Действительно, этот мир не может удержаться внутри человека, он распространяется вокруг него. Как это происходит, мы объяснить не можем. Может быть, это проявляется в поведении человека, становится явным для всех через его жестикуляцию, мимику, манеры, речь, а может быть, сама благодать Святого Духа создает вокруг человека некую атмосферу, и чем больше действует в человеке мир, тем больше людей он захватывает в этот круг. Такой человек, даже не проповедуя, не пытаясь убедить других людей, самой своей жизнью, и даже не только жизнью, но и действующей через него благодатью, орудием которой он является, распространяет вокруг себя мир Христов и созидает Церковь Божию. А мы, считая себя ревнителями православия, заботясь об обращении людей к вере и проявляя ревность (на самом деле ложную), ведем себя дерзко, гневливо, нетерпеливо и, скорее, разоряем Церковь. Об этом сказал Сам Господь Иисус Христос, когда обличал фарисеев и книжников: «Горе вам, ибо вы обходите море и сушу, чтобы сотворить одного пришельца (то есть хотя бы одного человека обратить к вере. — Схиархим. А.),и делаете его сыном геенны сугубейшим вас» (см. Мф. 23, 15). Истинная ревность прежде всего должна быть обращена внутрь самого себя, сначала мы должны научиться сохранять мир в своей душе. Этот мир нельзя отождествлять со спокойствием, удовлетворенностью, тем более самодовольством, этот мир — от действия Святого Духа. Мы должны ценить его, потому что это бесценный дар Божий. И если, уступая в малом, мы приобретаем столь великое, приобретаем

не только для себя, но и для тех, кто нас окружает, кто с нами общается, разве не стоит ради этого мира бороться с собой, так чтобы снисходить друг к другу в житейских мелочах? Это прежде всего касается тех, кто живет в обители, потому что, как я уже сказал, монастырское братство или сестринство является образом Церкви. То, что должно быть во всей Православной Церкви, должно в особенности проявляться в тех людях, которые от всего отреклись ради своего спасения, угождения Богу. С одной стороны, у них больше обязанностей, а с другой — возможностей это осуществить.

Истинное, настоящее сестринство во Христе у нас будет не тогда, когда мы станем требовать друг от друга безупречности, а когда будем во всем снисходить друг к другу, терпеть и долготерпеть, смиряться, проявлять кротость. Ведь все мы члены одного и того же Тела Христова, в нас один и тот же Святой Дух, мы верим в Единого Господа Иисуса Христа, крестились во имя Его, и все мы — чада и общники Небесного Бога Отца. Аминь.

3 декабря 2006 года

Неделя 26-я по Пятидесятнице

Еф. 229 зач. (5, 9–19)
Потому что плод Духа состоит во всякой благости, праведности и истине. Испытывайте, что́ благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть. Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия. И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу.

Исполнение воли Божией насыщает человека

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит: «Плод Духа состоит во всякой благости, праведности и истине» (ст. 9). Или, как сказано в переводе епископа Кассиана (Безобразова), «плод света во всякой доброте, и праведности, и истине». Мы можем иметь превратное мнение о плодах Духа, основанное на наших предположениях, домыслах, и потому апостол Павел объясняет нам, в чем они состоят. Действует ли в нас Дух Святой, есть ли в нас плоды Духа или они отсутствуют, мы должны определять по тому, стала ли доброта нашим постоянным, естественным свойством, живем ли мы праведно, придерживаемся ли истины, или наша душа колеблется и мятется, и мы подвергаемся действию всевозможных страстей и едва-едва удерживаемся от тяжких грехов.

«Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте» (ст. 10–11). Даже если бы мы явственно ощущали в себе присутствие плодов Святого Духа, то и тогда мы должны были бы испытывать, что благоугодно Богу. Испытывать — не значит проверять благословения, распоряжения старших. Испытывать — значит исследовать Священное Писание и на нем основывать не только поступки, но прежде всего внутреннюю жизнь. Истинное послушание не может этому мешать, оно, наоборот, содействует этому, потому что послушание руководителю более опытному, чем мы, помогает нам с большей

легкостью постичь волю Божию и с большей точностью приложить евангельские заповеди к конкретным жизненным обстоятельствам, к своему душевному состоянию. Исследовать волю Божию необходимо, иначе мы уклонимся от жизни по Евангелию, и само послушание превратится для нас в некую формальность: внешне мы будем подчиняться, придерживаться какой-то дисциплины, а наши мысли и чувства совершенно произвольно устремятся вслед нашим страстям. Поэтому необходимо всегда испытывать себя. По словам Иоанна Лествичника, монах — это тот, кто на всяком месте и во всякое время придерживается евангельских заповедей. И святитель Игнатий (Брянчанинов) вслед за всеми святыми отцами говорит, что нужно усвоить евангельские заповеди, запомнить их так, чтобы на всякую приходящую мысль мы могли ответить евангельской заповедью, которая подтвердила бы справедливость нашего намерения или отвергла его.

Кроме того, мы не должны участвовать в «бесплодных делах тьмы». Бесплодных с точки зрения духовной, потому что дела тьмы приносят иногда обильные плоды: дают человеку богатство, преуспеяние в том или ином деле. Но в лучшем случае это совершается при помощи компромиссов с совестью, а в худшем — путем прямого попрания своей совести и, конечно, самого Евангелия, как и в Священном Писании сказано: «Если совесть наша упрекает нас, то тем паче Бог, Который знает больше, чем наша совесть» (см. 1 Ин. 3, 20).

«И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте». Обличать — это не значит обязательно говорить вслух: это не всегда уместно, не всегда полезно, не всегда разумно. Некоторые предполагают, что относиться к чему-либо отрицательно — это уже осуждение, и под предлогом того, что нельзя осуждать, запрещают и себе, и другим порицать явно порочные, явно греховные дела, обнаруживая тем самым, что они имеют к таким делам тайную симпатию и сочувствие.

Действительно, не всегда уместно сказать что-либо вслух, иногда это будет противно заповеди Евангелия о том, что нельзя метать бисер перед свиньями (см. Мф. 7, 6). Однако в самих себе мы должны обличать дела тьмы, должны ясно сознавать, что угодно Богу, а что является богопротивным и подлежит отвержению, и мыслить и действовать согласно открытой нам через Священное Писание воле Божией. А распознав богопротивное, мы должны его осудить. Это совсем не противоречит заповеди Евангелия «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1) — судить людей не должно, но их греховные дела мы, безусловно, должны распознавать. Иначе, проявляя, как нам кажется, любовь к ближнему, мы, как говорит о том святитель Игнатий (Брянчанинов), поддадимся человекоугодию. Мы будем согрешать вместе с этим человеком, сами заразимся страстью и будем содействовать погибели ближнего, по отношению к которому, казалось бы, проявляли человеколюбие.

«Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить» (ст. 12). Апостол не желает даже перечислять дела тьмы, не приносящие никакого духовного плода, то есть не дающие человеку ни доброты, ни праведности, ни познания истины, ни пребывания в ней. Но если апостол Павел, говоря о грехах других людей: о разврате, коварстве, распространенных среди язычников, — испытывал только отвращение и стыд, то для нас это небезвредно и небезопасно: рассуждая об этих грехах, мы начнем сочувствовать страстным помыслам, всколыхнем наше греховное прошлое и вновь разбудим то, что в нас уже начало утихать. Осудить дела тьмы, обличить их для самих себя — не значит подробно о них рассуждать, в них вникать и о них фантазировать. Это очень важный момент в духовной жизни: с одной стороны, мы понимаем, что пришедший нам помысел — это грех, с другой стороны, мы не должны его рассматривать, потому что от этого можем потерпеть вред. Нужно и волю Божию испытывать, и дела тьмы обличать, но при этом не говорить о том, о чем говорить стыдно, не говорить об этом даже в уме.

«Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть» (ст.13). Конечно, рано или поздно все обнаружится. Злые, греховные дела мы пытаемся скрыть, стыдимся даже вспомнить о них, стыдимся, если кто-то о них узнает; на примере самих себя мы понимаем, как люди пытаются совершать втайне эти «дела тьмы». И Евангелие говорит: «У кого дела добрые, тот идет к свету, чтобы были видны его дела, а у кого злые — тот бежит от света, чтобы они не были видны, не обнаружились в свете Божественного Откровения» (см. Ин. 3, 20–21). Из этих слов Спасителя мы можем сделать вывод о том, что все являемое и то, что стремится открыться, есть свет и добродетель.

Конечно, бывают люди, совершенно извратившиеся в своем естестве, которые хвастаются тем, чего нужно было бы стыдиться, но здесь речь идет о нормальном состоянии человека. Например, мы не стыдимся жить целомудренно, молиться, поступать по совести, не стыдимся отрекаться от земных выгод, ради того чтобы не повредить своей душе. Хотя, еще раз говорю: мир стремится к тому, чтобы черное представить белым, а белое — черным, чтобы постыдное сделать похвальным, а похвальное, добродетельное выставить постыдным. И некоторые люди из человекоугодия пытаются подражать тем, кто пребывает в грехе и заблуждении, стыдятся быть последовательными в своих христианских убеждениях, чего бы они ни касались: учения о мироздании или нравственной стороны жизни. Эти люди стыдятся объявлять о своих добродетелях и, ради того чтобы выглядеть как все, не только напускают на себя вид греховности, но и грешат на деле.

Приведу пример всем нам понятный. Допустим, мы находимся в сосредоточенном молитвенном состоянии, нам хочется быть серьезными, молчать, а рядом кто-то шутит, болтает. И, для того чтобы не выглядеть перед этим человеком ханжами, мы тоже начинаем болтать и изображать шутливое настроение. Но так мы срастаемся с этой маской. Теряем внимание, молитву и действительно приобретаем настроение, нас опустошающее. Даже такое будто бы незначительное проявление человекоугодия чрезвычайно опасно.

«Посему сказано: „встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос“» (ст. 14). Эти слова, приведенные апостолом Павлом, являются цитатой, но поскольку их нет в Ветхом Завете, то некоторые толкователи полагают, что они взяты из какого-нибудь богослужебного гимна, не дошедшего до нашего времени. «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» — слова эти, без сомнения, были известны христианам того времени, по крайней мере ефесянам. Тот, кто спит духовно, подобен мертвому, с той только разницей, что он может словно бы проснуться. Он не живет для Бога и настолько чужд вышеестественного, невидимого горнего мира, что этот мир для него словно не существует. Соответственно и он для невидимого мира мертв, не существует.

И если мы действительно стремимся к Господу, если мы стремимся к тому, чтобы наши дела стали светом, то есть соответствовали богооткровенному евангельскому учению, которое и есть свет, то мы как бы восстаем из мертвых и нас освещает Сам Господь Иисус Христос, пребывая в нас, источая Свои Божественные энергии. Он освящает нас, сообщая святость, и освещает, даруя Божественный свет всему нашему естеству: и сердцу, и уму, и душе, и даже телу, так что в некоторых подвижниках благочестия это было явно видно. Мы знаем это, например, из беседы Мотовилова с преподобным Серафимом о цели христианской жизни, из гимнов преподобного Симеона Нового Богослова, из повествований о том, как молились подвижники древнего Египта, например Арсений Великий, который во время молитвы был весь как бы огненный. Таким образом, «освещение» нужно понимать не в переносном смысле, а в буквальном, с той только оговоркой, что у иных это проявляется в малой степени, может быть, в преображении черт лица — тогда мы говорим, что человек светится внутренним светом; а в иных действует такая сила Божественного света, что и само тело их начинает светиться.

«Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые» (ст. 15). Мы должны шествовать по этой жизни с большой осторожностью, бдительностью, должны трезвиться. Не нужно думать, что из-за того только, что мы христиане, из-за того только, что мы имеем искренние добрые намерения, все само собою образуется и устроится. Нет, нужно трезвиться, обличать в самих себе приходящее зло, стремиться к свету, чтобы и самим стать как бы светом миру, и при этом весьма осторожно шествовать по пути. Апостол Павел как бы подводит итог: «Итак, смотрите, поступайте осторожно». Все, о чем говорилось раньше, — это как раз и есть, если сказать кратко, осторожная поступь, осторожное хождение по жизненному пути. «Не как неразумные, но как мудрые», то есть: будьте мудрыми. В данном случае неуместно быть детьми, потому что нам необходимо постоянно рассуждать, постоянно исследовать, в чем воля Божия, «все испытывать, доброго держаться» (см. 1 Фес. 5, 21).

«Дорожа временем, потому что дни лукавы» (ст. 16). Мы действительно должны дорожить временем, должны, как говорится в иных переводах, выкупать его, будто имущество, находящееся в чужой собственности. Можно привести и другой образ. Представьте себе, что мы хотим иметь коллекцию произведений искусства, всеми способами стараемся купить эти произведения и, как делают иногда фанатичные коллекционеры, ограничиваем себя во всем, лишь бы не потратить деньги на что-нибудь постороннее, лишь бы приобрести то, что является для нас вожделенным и единственно ценным. Именно так мы должны относиться ко времени, к дням своей жизни, потому что дни лукавы, обманчивы: кажется, что времени еще много, но день за днем — и жизнь растаяла, будто утренний туман развеялся от свежего ветра, и уже нет ее, уже приблизился конец.

Поэтому мы должны постоянно выкупать свое время. Мы выкупаем его, когда совершаем добрые дела, когда живем ради того, чтобы приносить плоды Духа, плоды света. Если же мы участвуем в бесплодных делах тьмы и соответственно не приносим никакого плода благодати, значит, мы теряем время и никогда уже не сможем возвратить его: потерянный день другим днем не заменишь. Потому один древний подвижник говорил: «Нельзя прожить день благочестиво, если ты не будешь думать, что он последний». Для нас эта мера, может быть, слишком высока, но, тем не менее, мы должны видеть в этом наш идеал, относиться к своей жизни так, как этот человек. Мы не сможем прожить дня благочестиво, то есть безупречно, по Евангелию, если не будем думать, что этот день — наш последний день.

«Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия» (ст. 17). Снова апостол Павел делает вывод: не будьте нерассудительны, то есть не относитесь ко всему безмятежно и, так сказать, безалаберно, снисходительно к самим себе, а будьте рассудительны. Рассудительными мы должны быть не для того, чтобы преуспеть в чем-либо земном, в том или ином искусстве или мастерстве, в приобретении знаний или каких-либо преимуществ, — нет, но в том, чтобы узнать волю Божию. А как хотим узнать волю Божию мы? Молимся, молимся, и думаем: «Почему мне не приснится пророческий сон? Почему у меня нет видения? Почему никакой пророк не скажет, что мне делать?» А нам говорит не пророк, но сам святой апостол Павел: «Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия». Значит, нерассудительный не думает о том, что есть воля Божия, а рассудительный как раз ее познаёт. С одной стороны, ее раскрывает Священное Писание, Божественное Откровение, с другой — подсказывают обстоятельства. Рассуждая и соизмеряя то и другое, он видит, что ему нужно делать, чтобы его жизненный путь одновременно был и узким путем в Царствие Небесное.

«И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (ст. 18). Винопитие — это одна из человеческих слабостей. Упиваясь вином, человек теряет контроль над собой и в разнузданном состоянии может совершать самые страшные преступления. Прежде всего, это блуд. У нас в России, как вы знаете, огромное число убийств совершается

пьяными людьми, то же можно сказать и про тяжкие увечья. Поэтому, когда апостол Павел об этом говорит, мы не должны думать, что это какая-то мелочь. Если для нас, находящихся в монастыре, винопитие представляется чем-то неважным, то не таково оно для всего мира: эта, казалось бы, ничтожная слабость губит множество человеческих жизней.

Может показаться, что для нас эти слова апостола неактуальны: вином у нас здесь никто не упивается, но ведь упиваться можно не только им. Опьянять человека могут и страсти. Например, гордость опьяняет человека так, что он теряет здравый смысл, не видит того, что все окружающие в нем замечают: грубость, гневливость, осуждение, нерадение и тому подобное. Человек, одурманенный страстями — гордостью, тщеславием, нерадением, под их действием бывает еще хуже, чем упившийся вином. Тот, по крайней мере, часто понимает, что он в ненормальном состоянии. А опьяненный страстью до того ослеплен, что ему представляется, будто все вокруг видят все неправильно, имеют извращенный взгляд на вещи, один только он все ясно видит и понимает. Он не осознает своего опьянения, да и «похмелье» тут наступает не на следующее утро, а, в лучшем случае, через много лет, и выйти из этого «похмелья» бывает почти невозможно. Поэтому не будем смеяться над людьми, опьяненными вином, а лучше подумаем о себе, потому что мы в гораздо большей степени опьянены страстями.

Апостол Павел призывает искать утешение не в вине, то есть, если широко понимать, не в земном наслаждении, а в благодати Божией. Он говорит: «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом». Если бы в нас действовала благодать Божия так, как она действовала, скажем, в преподобном Серафиме Саровском, то мы понимали бы, что никакие самые изощренные земные наслаждения не могут сравниться с той сладостью, какую испытывает человек от общения с Богом. Когда преподобный Серафим Саровский рассказывал о том, что он чувствовал, будучи восхищен на небеса, то иногда, от одного воспоминания приходя в исступление, он забывался и замолкал, потому что уносился духом в то, что пережил. Он говорил, что если бы та келья, где находились он и его слушатели, была полна червей и эти черви ели их плоть во всю временную жизнь, то надо было бы с радостью на это согласиться, чтобы не лишиться той сладости, какую Бог уготовил любящим Его в будущем веке. Но мы не знаем небесной сладости и потому предпочитаем ничтожное удовольствие величайшему вечному и бесконечному наслаждению. Причем я говорю в данном случае только о силе наслаждения, а не о том, доброе оно или греховное. Если бы мы были разумны, рассудительны, то даже из желания получить большее наслаждение, мы устремились бы к Богу всею душою, всеми силами, пренебрегая ничтожными удовольствиями временной жизни.

«Исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными» (ст. 18–19). Слово греческого текста, которое в Синодальном переводе звучит как «славословия», можно перевести и как «гимны». Поддерживать себя, искать наслаждения нужно в молитве, в разных ее видах и образах. Вот к чему мы должны стремиться! Не вином и страстями упиваться, но общаться с Богом через молитву. И апостол Павел, как и все опытные наставники, назидает своих слушателей, испытав на себе все то, что предлагает: для него пение псалмов, гимнов, молитвословий было гораздо приятнее, чем что-либо человеческое, земное. А в нас страсти действуют сильно, добродетель же чуть теплится, поэтому от греховных поступков мы испытываем сильнейшее чувство удовольствия, а от духовных занятий, молитвы — едва-едва что-то ощущаем. Но так происходит потому, что мы нерадивы, не прикладываем должного усилия для того, чтобы прийти к познанию духовного наслаждения.

И нас ничто не оправдывает. Не будем ведь мы говорить в оправдание: «Я же не Серафим Саровский!» Наверное, многие из вас так подумали. А другие подумали: «И отец Авраам тоже не Серафим Саровский». Я, конечно, не Серафим Саровский, и вы тоже не преподобные жены,

но кто же в этом виноват? Мы сами и виноваты. Что отличает преподобного Серафима от любого человека? Когда у него спросили, чего не хватает современным подвижникам в сравнении с древними, он не назвал поста, строгости, подвигов или, например, здоровья, а сказал: «Решительности». Нет у нас решительности, не идем мы до конца, жалеем себя и все время оглядываемся назад, как жена Лотова, потому мы и больны, по словам Иоанна Лествичника, худшей из всех страстей — окамененным нечувствием.

Заканчивается сегодняшнее поучение прекрасными словами: «Поя и воспевая в сердцах ваших Господу» (ст. 19). Прежде всего, эти слова можно понимать, как назидание не просто петь и получать удовольствие от красивых мелодий и изящно сложенных слов, а сочувствовать песнопениям всем сердцем. Но здесь, как мне представляется, есть иной смысл, который нам, имеющим представление об умном делании, должен быть понятен. Речь идет о внутренней молитве. Для того чтобы петь и воспевать в сердцах наших Господа, не нужно знать каких-то изощренных по стихосложению или мелодии гимнов, не нужно обладать искусством пения. Петь может и человек, не искушенный ни в литературе, ни в музыке, но имеющий любовь к Богу, смирение, покаяние, имеющий ревность. Он может в сердце воспевать Бога немногими простыми словами, словами Иисусовой молитвы. Непрестанно воспевая их в своем сердце, человек так услаждается, что забывает обо всем земном: не только о вине, о действии греховных страстей, но даже о своих естественных потребностях. Иные подвижники, погружаясь в молитву, созерцание, забывались настолько, что не могли даже вкушать пищу. Например, преподобный Иоанн Колов так погружался в умное делание, что однажды, плетя корзины у себя в келье, опомнился только тогда, когда плетение уперлось в стену. Казалось бы, житейский пример, пустяк, и мы не знаем, что он испытывал, но из этого видно, какая у него была сосредоточенность при молитве.

Другой пример. Правда, здесь речь пойдет не об Иисусовой молитве, но это не важно; Иисусова молитва наиболее удобна и действенна именно по своему содержанию, но могут быть иные молитвы, может быть и чтение Священного Писания, псалмов и, как говорит апостол Павел, гимнов. Один подвижник пришел к другому, и после их длительной духовной беседы наступило время трапезы. Естественно, их трапеза была не такая, как у нас, а состояла, наверное, из сухарей, воды, в лучшем случае, были какие-нибудь овощи. Они встали на молитву перед трапезой; один прочитал на память Псалтирь, другой — пророческую книгу, после этого они забыли о пище, попрощались и разошлись.

А для того чтобы вы не сомневались, что подобное возможно, я приведу пример из Евангелия. Вы помните, что когда Господь наш Иисус Христос беседовал с самарянкой и пришли его ученики, отлучавшиеся купить еды, то произошло следующее: «Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь. Но Он сказал им: у Меня есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою: разве кто принес Ему есть?» (Ин. 4, 31–33). Мы читаем Евангелие и думаем: «Какие ученики были наивные!» Но мы замечаем это в них, потому что смотрим со стороны, а ведь и мы точно так же наивны. Разве мы не удивляемся: «Как можно насытиться благодатью?!» Если мы не верим, что благодать может насытить человека и пресечь в нем все, даже естественные, потребности, то мы, подобно ученикам, можем спросить: «Какая еще может быть пища, о которой мы не знаем?» «Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4, 34). Воля Божия, о которой мы читали и рассуждали сегодня на основании слов апостола Павла, оказывается, может насыщать человека. Господь Иисус Христос был совершенным человеком, Он имел всю полноту человеческого естества и все, кроме греха, человеческие немощи: нуждался и в отдыхе, и в сне, и в пище, и даже в утешении, например, когда говорил Своим ученикам: «Бодрствуйте и молитесь вместе со Мной» (см. Мф. 26, 38; Мк. 14, 34). Господь объясняет нам, что, совершая волю Божию, можно насытиться, и потому мы должны стремиться к

исследованию воли Божией, для того чтобы ее исполнять, для того чтобы шествовать по стопам Спасителя и во всем Ему подражать. Понятно, что в Божественном мы не можем быть Ему подобны, но в человеческом — обязаны.

«Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16), — сказал апостол Павел, значит, он считал возможным для себя подражать Спасителю. Апостол Павел — человек, подобный нам: он обратился к вере уже после вознесения на небеса Господа нашего Иисуса Христа Своей пречистой плотью. И мы должны подражать Господу и апостолу Павлу, верному ученику Спасителя, в том, чтобы всегда и всюду следовать воле Божией, чтобы искать наслаждения только в общении с Богом. А все остальное делать постольку, поскольку это необходимо ради нашей немощи, ради нашей человеческой ограниченности, и от этого смиряться. И вновь с большей ревностью углубляться в себя, искать внутри себя единения с возлюбленным Господом нашим Иисусом Христом и всегда воспевать Его в сердце своем. Аминь.

10 декабря 2006 года

Неделя 27-я по Пятидесятнице

Еф. 233 зач. (6, 10–17)

Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.

О всеоружии Божием

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы вновь будем рассуждать о наставлениях святого апостола Павла. Он говорит: «Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его» (ст. 10). Апостол Павел призывает нас укрепляться не чем-либо человеческим, нашим собственным или заимствованным от других, но укрепляться Господом. И укрепляться не просто каким-либо рассуждением или мыслью о Нем, но действенно — «могуществом силы Его». Сила Его столь безгранична, что любые трудности, беды и искушения мы можем преодолеть с Его помощью. Своих собственных сил нам, конечно, недостаточно. Как говорит псалом, «не надейтеся на князи, на сыны человеческия» (Пс. 145, 3). Другой человек не сможет помочь нам в сражении с темными силами, о которых пойдет речь далее.

«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских» (ст. 11). Здесь апостол Павел имеет в виду известное его современникам вооружение воинов. Оно состояло из панциря, или, иначе говоря, доспехов, щита, копья (пилума), короткого меча для рукопашного боя, шлема и поножей, или наколенников, то есть части брони, защищавшей ноги. Между прочим, сейчас тоже существуют определенные доспехи, которые частично защищают даже от огнестрельного оружия, — каска и бронежилет. А в то время доспехи имели гораздо большее значение, и поскольку полное вооружение делало воина сравнительно неуязвимым, то он носил на себе буквально несколько десятков килограммов одних только доспехов. Он должен был обладать силой хотя бы только для того, чтобы нести их на себе,

причем в них нужно было еще и сражаться. Кроме того, рукопашный бой с применением копья и меча также предполагал то, что человек должен быть сильным и выносливым.

У римлян было два вида щитов, и апостол Павел в дальнейшем будет говорить о щите тяжело вооруженных воинов, которые у греков назывались гоплитами, а у римлян — принципами. Этот длинный щит был прямоугольной формы и закрывал человека почти полностью. Если, например, надо было укрыться от обстрела врага, то достаточно было встать на одно колено, и ты уже полностью был скрыт за этим щитом. У них были также круглые щиты для легко вооруженных воинов. Иногда римляне употребляли военный маневр под названием «черепаха». Когда их окружали враги, они становились в круговую оборону и прямоугольными щитами ограждали себя со всех сторон, а из круглых щитов делали сверху некое подобие панциря. Так что всадник на лошади мог даже заскочить на эту фигуру, но не мог проломить «панцирь» и проникнуть внутрь. У римлян было множество военных ухищрений.

Апостол Павел призывает ефесян, к которым он обращается, и, конечно же, всех христиан, и нас в том числе, быть полностью вооруженными, ведь если мы опустим какую-то часть вооружения, то можем быть легко сражены врагом. А древние воины учились поражать своего противника именно в незащищенное место. Приведу исторический пример. Юлиан Отступник, как говорят языческие историки, желающие выставить его героем, погиб так: когда персы внезапно напали на военный лагерь римлян, он бросился в бой, не успев облачиться в доспехи, и был сражен. Потому полное вооружение — это вещь совсем не маловажная.

Если сейчас мы воспринимаем слова апостола Павла о вооружении воинов как красивый образ, то его современники относились к ним вполне серьезно. Конечно, если бы сейчас кто-нибудь стал приводить примеры из современного вооружения, то люди, не имеющие отношения к военному искусству, наверное, мало бы их поняли. Но те, кто служил в армии, и в особенности те, кому приходилось участвовать в боевых действиях, прекрасно поняли бы значение и важность этих слов. От знания военного дела зависят жизнь и смерть, я уже не говорю о победе или поражении.

Поэтому апостол Павел говорит: «Облекитесь во всеоружие Божие». Это полное вооружение, или всеоружие, должно быть Божиим, а не человеческим. Никакие соображения, ухищрения, философские доктрины или нравственные устои не помогут, если они имеют человеческое, а не Божественное происхождение. Это всеоружие должно быть даровано нам от Бога, притом не только как Божественное учение, но и как некая сила, постоянно содействующая человеку и имеющая для него столь же большое значение, как для воина железо, ограждающее его от поражения.

«Чтобы вам можно было стать против козней диавольских». Брань диавола против нас не телесная, даже если мы будем говорить о телесных страстях, например гневе или блудной страсти, но духовная, и она коварна. И мы можем противостоять всем коварствам, которые диавол невидимо против нас устраивает, только будучи облеченными в полное всеоружие Божие. Здесь снова употреблен образ, может быть, не совсем нам понятный, но совершенно ясный для тех людей, для которых римское вооружение было синонимом военного искусства и залогом победы. Как правило, в то время войска шли друг на друга во фронтальную атаку, иначе говоря, лоб в лоб. Могли быть какие-то маневры, но все равно войска должны были противостоять друг другу. И смысл сражения состоял в том, чтобы сломить вражеское сопротивление, прорвать его и заставить противника бежать. Нужно еще иметь в виду, что при таком тяжелом вооружении бежать было чрезвычайно трудно. Для этого надо было, по крайней мере, бросить щит, потому что это огромная тяжесть. Еще и в правой руке было копье с длинным железным наконечником или меч, да и сам воин, можно сказать, был нагружен железом. Итак, во время нападения врага нужно было суметь не только устоять, но и так

сопротивляться ему, чтобы он не мог продвинуться дальше.

Естественно, если мы боремся не с людьми, а с диаволом, разве нам помогут человеческие средства? Какими бы они ни были: пусть это будет какое-либо человеческое учение, допустим философская теория или магические заклинания, которые употребляли против демонов разные народы, — ничто человеческое помочь нам не в силах. Только один Бог может помочь нам при определенном условии: если мы будем не только уповать на Него, но и делать всё, что необходимо — воспринимать от Него то, что Он дарует нам для победы над диаволом и его коварством.

«Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (ст. 12). Епископ Кассиан переводит конец этой фразы так: «Против духов зла на небесах». Что это значит? Мне кажется, что правильнее было бы сказать: «Против духов зла воздушных», потому что диавол и демоны находятся в воздухе. По учению иудеев, это было первое небо, и апостол Павел, привыкший к понятиям определенного рода, выражался так, как было привычно иудеям. Под третьим небом он подразумевал небо, где присутствует Сам Господь и ангелы, а под первым — небо, называемое нами воздухом.

«Потому что наша брань не против крови и плоти». Здесь апостол Павел имеет в виду как раз тот самый рукопашный бой, ради которого и необходимо было облечься во всеоружие Божие. Он постоянно проводит аналогию со сражением тяжело вооруженных воинов. Но мы сражаемся не с людьми, это уточнение очень важно. Наши враги — это не враги Церкви, то есть еретики, безбожники или даже ее гонители, и тем более не национальные враги, а падшие ангельские чины: начала и власти. Они являются миродержителями в том смысле, что руководят людьми, подчинившимися действию диавола и страстей. Эти люди составляют из себя общество, которое называется «миром». «Мир» в данном случае — это не синоним всего сотворенного и, тем более, не синоним душевного мира, но синоним греховного образа жизни. Это как раз и есть «тьма века сего». Будучи воинственно настроенными, мы должны направлять свою воинственность не против людей, даже если они грешат и действуют нам во вред, но против демонов, сделавших людей своими слепыми орудиями и через них на нас нападающих.

«Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (ст. 13). Слова «день злый» можно перевести с греческого и как «день лукавый». Нам часто кажется, что против нас враждуют люди или неблагоприятно складываются обстоятельства, а на самом деле тут незримо действует диавол. Потому его действия против нас иногда называются коварством, а день, в который происходит наше невидимое сражение, — лукавым, из-за того что лукав демон, тайно на нас устремляющийся.

Если мы исполним всё, чему учит нас апостол Павел, тогда сможем устоять. Исполнить нужно все учение. Не так, чтобы одно исполнить, а другим из каких-либо соображений пренебречь: допустим, не хочу я брать щит, потому что он очень тяжелый, или не хочу вести сражение определенным образом, а желаю делать все по-своему. Для того чтобы вести битву с диаволом, необходима не только вера и упование, но и большое искусство.

«Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности» (ст. 14). Здесь апостол Павел уже начинает истолковывать вооружение воинов. Сначала он говорит о том, что мы должны препоясать чресла свои истиной. Широкий пояс, сделанный из плотной кожи, был частью одежды и признаком воинского звания. Иногда он был обшит металлическими бляхами, для того чтобы, с одной стороны, быть гибким и не мешать во время движения, а с другой — защищать поясницу от поражения врага. В этом случае он, можно

сказать, являлся частью вооружения. Апостол Павел называет этот пояс истиной. Подобно тому как воины препоясываются поясом, мы должны быть всегда опоясаны истиной и никогда ее не оставлять. Что есть истина? Истина — это правое исповедание и стремление всегда жить согласно Откровению Божию.

«И облекшись в броню праведности». Что может защитить нас от диавола? Праведность. То, что мы живем нравственно и стремимся к безупречности, ни в чем себя не извиняя. И мы не можем считать себя неуязвимыми, если мы не облеклись в эту самую необходимую для битвы часть вооружения.

«И обув ноги в готовность благовествовать мир» (ст. 15). Здесь подразумеваются не поножи, которые защищают голени от поражений противника, но обычная обувь. В то же время нам предлагается нечто необыкновенное. Нас призывают к воинственности, но как же мы должны сражаться? Сначала шла речь об истине, потом о праведности, и, наконец, нам предписывается благовествовать мир. Итак, мы сражаемся, проповедуя мир. На нас нападают, но мы тогда одерживаем победу, когда готовы благовествовать мир нашим врагам. Благовествование мира, то есть примирение со своими врагами (по крайней мере, стремление к примирению), одновременно есть вражда против диавола и демонов. Это благовествование должно выражаться не только в словах, но и в нашем душевном состоянии. Вот как ведется это странное сражение! По видимости мы оказываемся совсем не воинственными людьми, потому что думаем о праведности, в особенности о целомудрии, думаем о следовании истине, о том, чтобы на зло отвечать добром и всегда распространять вокруг себя мир, а не ссору или раздражение.

Далее апостол Павел говорит: «А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (ст. 16). У греков щиты разной формы имели разные названия. И здесь говорится о длинном щите тяжеловооруженных воинов, который почти полностью закрывал тело от поражения. Таким щитом для нас является вера. Именно она может более всего нас защитить. Но под верой имеется в виду не просто умственное убеждение или доверие чужим словам, а действие благодати и особый род знания, как об этом говорит святитель Григорий Палама. Как есть у человека особое духовное чувство, отличающееся от пяти телесных чувств, так есть у него и особая умственная способность. Она состоит не в том, что человек может рассуждать и делать какие-либо умозаключения, а в том, что он может постигнуть умом то, что созерцается уже в мире невидимом. И это действие ума (притом оно не самостоятельно, ему споспешествует Божественная сила) является верой. При помощи нее мы можем угасить все раскаленные стрелы лукавого.

Что значит «раскаленные» или, по-славянски, разжженные стрелы? В древности при сражениях стрелы часто обматывали паклей, смачивали в смоле и поджигали, чтобы кроме обычного поражения причинить человеку ожоги. В особенности это имело большое значение, когда осаждались крепости, к тому же какие-то части одежды воинов были тоже подвержены огню. И кроме того, человек так реагирует на огонь, что невольно пытается сбросить с себя загоревшуюся вещь. Если на нем что-то горит, то он теряет самообладание — терпеть этого не может никто, потому что это противно человеческой природе.

Диавол пытается поразить нас всевозможными способами: причиняет нам боль, разжигает наши страсти и делает нас самих себе врагами. Например, он разжигает в нас блудную страсть или гнев, да и уныние тоже можно назвать пламенем, который пожирает человека и лишает его всякой способности сопротивляться. Потому чрезвычайно важно иметь такую веру, которая могла бы все эти стрелы угасить.

«И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (ст. 17). «Шлем

спасения» нужно понимать как «шлем надежды спасения», о котором апостол Павел говорит в Послании к фессалоникийцам (см. 1 Фес. 5, 8). То есть свою голову и свой ум нужно укрыть под надеждой спасения. Если мы потеряем надежду спасения, поддадимся, например, унынию, отчаянию или просто будем безразличны к нашей будущей участи, впав в нерадение, то тогда мы не сможем противостоять диаволу. Мы будем безоружны, и он сможет нас поразить, воспользовавшись тем, что мы в чем-то не ограждены и не защищены. Мы должны также принять «меч духовный, который есть Слово Божие».

Здесь шла речь о наступательных и оборонительных средствах. Правда, апостол Павел не истолковывает все части римского вооружения, но это, наверное, необязательно. Важно не то, чтобы аналогия была абсолютной, а важно, чтобы мы поняли, как мы должны вступить в борьбу с диаволом. Итак, какие добродетели нам нужно иметь? Апостол Павел говорит о том, что мы должны облечься в доспехи праведности, препоясать чресла свои истиной, защитить себя щитом веры и шлемом надежды спасения — это оборонительные средства. Потом он перечисляет два наступательных средства: ноги, обутые в «готовность благовествовать мир», и меч. Мы, как это ни парадоксально, должны устремляться в атаку, проповедуя мир и словом Божиим нанося удары врагу, но не человеку, а диаволу.

Чему учит нас слово Божие? Читая Евангелие, мы не должны обличать других в том, что они не соблюдают заповедей. Но слово Божие мы должны относить к себе и обличать самих себя, например, так: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12, 31). Или: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). Или: «Чем вы лучше язычников, если приветствуете только друзей своих?» (см. Мф. 5, 47). Таким образом мы сможем не только защитить себя, но и устремиться в атаку на диавола, напасть на него, рассеять его козни и поразить его словом Божиим. В особенности, если мы будем действовать не в одиночку, а все вместе, как некое организованное войско, то сможем действительно нанести ему поражение.

Такова проповедь апостола Павла, таково его сравнение. Интересно, что иногда он приводит такие примеры из жизни, которые недопустимы для буквального подражания, например о воинской службе. Древние христиане-воины в большинстве своем старались уйти из армии. Служение там, во-первых, заставляло участвовать в языческих обрядах, и при первом «удобном» случае человек должен был обнаруживать свое христианство и подвергать себя мучениям. Во-вторых, в самой армии были очень грубые нравы. И наконец, сама профессия убивать тоже весьма сомнительна с христианской точки зрения. В особенности, когда она не оправдана, например, необходимостью защищать родину или отечественные святыни, а является исключительно работой. А в то время, заметим, римская армия была уже полностью наемной, разве что военачальники были коренными римлянами.

Иногда апостол Павел сравнивает духовную жизнь с античным спортом. Например, он говорит: «Я не так бью, чтобы бить только воздух» (см. 1 Кор. 9, 26), то есть сравнивает себя с кулачным бойцом, или приводит пример из спортивного состязания: «Все бегут, но только один, прибежавший первым, получает награду» (см. 1 Кор. 9, 24). Но это не значит, что нам нужно все воспринимать буквально, — мы должны воспринять сам смысл этих сравнений. Это своего рода доказательство от противного: «Как делают люди ради того, чтобы получить какие-либо земные почести, например победить в сражении, так и вы поступайте в духовной жизни».

А теперь, для того чтобы лучше понять самих себя, взглянем на учение апостола Павла как бы с обратной стороны: посмотрим, в каком состоянии находится человек, который не поступает так, как учит святой апостол. Итак, он говорит: «Укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его». А мы думаем, что, конечно, укрепляться необходимо, но нужно больше надеяться на себя, предпринимать что-то человеческое и мобилизовать все свои силы. Дальше: «Облекитесь во всеоружие Божие». А мы не надеваем полного вооружения, и если пытаемся как-то

обезопасить себя, то не Божественными средствами, а человеческими. Пытаемся устроить свое общение с людьми таким образом, чтобы нам не подвергаться скорбям, иметь безопасное и удобное положение. И нам представляется, что мы избежим скорбей и диавол не причинит нам зла.

В особенности нужно обратить внимание на следующие слова апостола Павла. Он говорит, что «наша брань не против крови и плоти», а мы думаем, что наши враги — люди. Святой апостол продолжает: «Приимите всеоружие», а мы думаем, что это необязательно и мы как-нибудь обойдемся без него. Он говорит, что мы должны препоясать чресла свои истиной, а нам кажется: откуда мы можем знать истину и почему должны так строго ей следовать и так себя стеснять? Если иногда нам бывает неудобно туго затянуть ремень, то тем более мы избегаем этого в духовном отношении. Но если в первом случае по какой-то причине это еще извинительно, допустим по состоянию здоровья, то здесь это никак не может быть простительно.

Мы совсем не думаем о том, что праведность есть броня, и пренебрегаем этим. Мы не стараемся благодаря этому средству сделать себя совершенно неуязвимыми. Никакого желания благовествовать мир у нас также нет. Наоборот, мы хотим устремлять свои ноги к тому, чтобы исполнить то или иное стремление своей души — по большей части, страсть или, если брать шире, свою волю. А ведь благовествование мира предполагает, что человек очень часто должен отказываться от своей воли, от своих планов и намерений и предпочитать такие действия, такое поведение, от которых мир сохранится, а не пострадает.

Есть ли у нас щит веры или мы им пренебрегаем? Понимаем ли мы, что находимся в постоянном сражении и потому всегда нужно ограждать себя верой? Или мы часто руководствуемся какими-то привычными для нас человеческими понятиями, а может быть, своими собственными умозаключениями и чувствами, ни на чем не основанными и даже странными, с человеческой точки зрения? Если бы какой-нибудь серьезный человек попытался их оценить, то он, наверное, стал бы смеяться над тем, что нас волнует, к чему мы стремимся, из-за чего огорчаемся и страдаем. А если мы не имеем щита веры, то, конечно, разжженные стрелы лукавого достигают своей цели и поражают нас. И потому мы уязвляемся и разжигаемся действием всевозможных страстей и никогда не можем найти себе покоя.

Конечно же, нет у нас и шлема спасения. Если не по той причине, что мы впали в отчаяние, то по такой очень распространенной, к сожалению, причине, как нерадение, то есть совершенное забвение того, что цель нашей жизни — спасение в вечности. Мы не потому не имеем надежды на спасение, что отчаялись, а потому, что вообще забыли о нем. Может быть, отчаявшийся в своем спасении находится в лучшем положении, чем мы, безразличные к нему. Он, по крайней мере, помнит о том, что будет, если он не покается, а мы пренебрегаем памятью о суде, как о чем-то несуществующем.

И наконец, разве мы стремимся взять в руки «меч духовный, который есть Слово Божие»? Разве мы стремимся поразить своего невидимого врага словом Божиим, подобно тому, как Спаситель во время искушения в пустыне поражал диавола изречениями из Священного Писания и отвергал его обольщения? Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что у новоначального должна быть привычка на каждую мысль и на каждый поступок находить какое-либо изречение из Евангелия. Безусловно, это правильно. Это трезвение, которое нужно для того, чтобы укорить себя, если ты согрешил, предостеречь себя от неправильного поступка, противного Божественному Откровению, или даже подбодрить себя и вызвать в себе ревность. Но мы этим пренебрегаем, то есть, иначе говоря, вступаем в сражение с диаволом совершенно безоружными, никак не подготовленными.

Представьте себе: должно начаться сражение. Но ведь вооружаться нужно не в тот момент, когда оно уже началось, а заранее. Если же мы будем делать это в тот момент, то мы погибнем. Приведу еще один пример из истории. Как произошло поражение русских, когда татары сражались с ними на Калке? У татар было очень мобильное войско и конница. Каждый воин имел по две лошади: одна лошадь отдыхала, а на другой он передвигался. Причем татары были очень неприхотливыми и не останавливались даже для приготовления пищи: у них под седлом было мясо, которое вялилось, так сказать, естественным образом, от конского пота. Кроме того, они очень стремительно передвигались. Напавших татар было не так много, но они представляли из себя хорошо организованное войско. Чингисхан ввел железную дисциплину: если один из десятка бежал, то весь десяток казнили, если десяток бежал, значит, казнили сотню, и потому они просто боялись отступать. И вот русские не спеша двигались навстречу предполагаемому сражению, думая, что все будет, так сказать, по правилам: все выстроятся, и начнется сражение. Впереди шли сторожевые полки, тоже довольно-таки беспечно. Когда они перешли реку Калку, то перед ними внезапно появилось татарское войско. Князь только успел крикнуть: «Вооружайтесь!» Но надо было уже не вооружаться, а сражаться. Это нападение было для русских неожиданным, и когда половцы (также выступившие против татар) в страхе побежали назад, то просто смяли русские дружины, поскольку те даже не успели выстроиться для боя. Татары быстро сломили неорганизованное сопротивление русских и ворвались в главный стан, где их появление тоже стало неожиданным. Многие из русских воинов не были вооружены, не успели надеть на себя доспехи. Постоянно ездить окованными железом, это, сами понимаете, очень изнурительно: человек может утомиться еще до начала битвы. В итоге русское войско было разгромлено. На этом примере хорошо видно, что воинам, выходящим на войну, нужно быть всегда готовыми к сражению.

А у западных рыцарей был другой обычай, который даже вошел в поговорку: «Рыцарь, спящий во всеоружии». Притом вооружение их было еще более тяжелым, чем у римских воинов, о которых нам рассказывает апостол Павел. Пример, приведенный им здесь, наверное, даже недостаточен, потому что эти рыцари были полностью закованы в латы, с головы до ног были одеты в железо, вплоть до того, что иногда даже на руках носили железные перчатки. Такой тяжело вооруженный воин сам даже не мог сесть на коня, при нем обычно было несколько оруженосцев, которые его «обслуживали». Наверное, его можно сравнить с современным танком. Лошадь у него обычно была очень сильной породы и тоже закована в железо. Поскольку перед сражением вооружаться было некогда, а на такого человека нужно было долго надевать железо, то он одевался заранее и в этом железе даже спал. А потом, когда приходило время сражения, он поднимался и садился на лошадь, конечно, с посторонней помощью, но зато благодаря такому своему вооружению он был практически непобедим.

Апостол Павел говорит, что мы должны брать пример с римских воинов, а я провожу эту аналогию дальше и призываю вас брать пример с рыцарей, спящих во всеоружии. Мы всегда должны быть готовы к сражению. Между жизнью воинов и нашей монашеской жизнью есть одна разница: на войне бывает много случайностей — герой погибает, а какой-нибудь трусливый или неопытный человек остается живым. А в духовной жизни герой всегда побеждает. Потому что его меч — это слово Божие, а всеоружие, в которое он облечен, есть сама Божественная благодать. И потому, если только мы делаем всё правильно, мы обязательно победим. Господь не оставит тех, кто на Него уповает. Кто следует этому Божественному Откровению — поучению апостола Павла, которое было сказано по внушению Святого Духа, тот обязательно выйдет из этой брани победителем. Аминь.

17 декабря 2006 года

Неделя 28-я по Пятидесятнице

Кол. 250 зач. (1, 12–18)

Благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви; Он — начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство.

О том, что Господь дарует нам жребий святых

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Апостол Павел, обращаясь к колоссянам, говорит: «Благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете» (ст. 12). Мы должны благодарить Бога и Отца, потому что именно Он призвал нас к тому, чтобы быть участниками наследия святых, или, как перевел епископ Кассиан (Безобразов), сделал нас «способными участвовать в жребии святых во свете». Есть изречение Самого Спасителя: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин. 6, 44). То, что мы получаем жребий святых — это не наша заслуга или какое-то исключительное наше право, но дар свыше. Именно Бог Отец сделал нас способными к участию в жребии святых. Под призванием имеется в виду не просто наш отклик на зов Божий, но то, что Господь изменяет нас таким образом, что мы можем уподобиться святым, хотя сами по себе немощные, грешные и скорее несем в себе залог вечных мук, чем блаженства. Но такова великая и неизреченная милость Божия, что грешников и падших людей Он делает способными участвовать в жребии святых во свете. Конечно, здесь говорится о Божественном свете и Божественной славе.

«Избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего» (ст. 13). Бог настолько возлюбил нас, что избавил от власти тьмы. Власть тьмы — это не только власть неведения и неверия, но и власть самого диавола, потому что человеческое неведение — это плод действий сатаны.

Мало того, что своими силами мы были не способны уподобиться святым, получить их жребий и наслаждаться Божественным светом и не могли сделать ничего доброго, но мы находились под властью диавола. Бог Отец по Своей неизреченной милости (само имя «Отец» говорит о любви) избавил нас от этой власти и ввел в Царство Сына Своего. В славянском тексте — «престави в Царство Сына любве своея», а в переводе епископа Кассиана — «перенес в царство Сына любви Его». Я думаю, что перевод епископа Кассиана более удачный: Бог Отец перенес нас в Царство Своего Сына. Не мы своими силами и способностями перешли туда, но Он Своею властью и благостью освободил нас от власти диавола и чудесным образом переместил совершенно в иное, можно сказать, противоположное место. Из царства зла — в Царство благости и любви. И даже не в царство ангелов, а в Царство Сына, то есть усыновил и удочерил нас Себе. Он сделал нас родными Себе, так что мы дерзновенно можем называть Его своим Отцом, как и учил об этом воплощенный Сын Божий, Господь Иисус Христос (см. Мф. 6, 9; Лк. 11, 2). Называя Его так, мы, может быть, не всегда по-настоящему понимаем и чувствуем, какая это для нас великая милость — обращаться к Богу так просто и открыто, как дети к своему отцу.

В переводе епископа Кассиана Господь Иисус Христос Сын Божий образно именуется «Сыном

любви Его». А если Он Сын любви, то и Сам преисполнен любви. И отныне, если мы сами своей греховностью и нерадением не исторгнем себя из Его Царства, то будем вечно пребывать в Божественной любви, в любви Бога Отца и Господа Иисуса Христа.

«В Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов» (ст. 14). Если мы остаемся верны этому избранию Божию и жребию, который Он нам даровал, то грехи наши нам простятся. Но ведь грехи — это то, что уже сделано. Как можно изменить прошлое? Допустим, я разбил какую-то вещь, что мне с ней делать, если она уже разбита? Но мы думаем так о последствиях наших поступков, которые бывают в мире материальном, и не придаем значения тому, что происходит в мире духовном. В мире, где, собственно, живут духи, люди, ангелы и демоны и где действует единый бесплотный Дух, Тот, Кого можно называть духом в полном, абсолютном смысле слова, — Бог. В этом мире тоже могут быть необратимые последствия, тоже можно что-то «разбить» и разрушить так, что оно уже не будет подлежать восстановлению. Это гораздо страшнее, чем повредить какую-нибудь вещь, это собственно и называется грехом. Но Бог может простить наши грехи и исправить прошлое — прошлое меняется, человек становится другим.

Мы видим, какие благие дела творит по отношению к нам Бог Отец: Он освобождает нас от власти тьмы, делает способными к тому, чтобы мы были участниками в жребии святых во свете. А ведь это совсем немало — сделать нас способными быть во свете. Если бы благодать Божия осияла грешного и бездуховного человека, то он не способен был бы ее принять и даже почувствовать. Более того, она могла бы принести ему мучение, как она приносит мучение, например, демонам. Не думайте, что только демоны страдают от благодати Божией, а люди, какими бы они ни были, ощутив ее, чувствуют наслаждение. Мы замечаем, что некоторым людям, да и нам, к сожалению, иногда тоже, бывает тягостно стоять на молитве. Дело не в том, что мы устали, а в том, что нам не хочется молиться, не хочется читать Священное Писание и присутствовать на богослужении. Значит, бывает такое состояние души, при котором мы не способны воспринять благодать Божию, то есть Божественный свет. А Бог меняет нас и делает способными к восприятию Божественного света, то есть Своего естества, сприсносущного Его неизреченной и непостижимой сущности, делает нас причастниками Своей энергии.

Итак, Бог Отец вводит нас в Царство Сына и прощает нам грехи. Он дает нам все это из одной только любви, не требуя от нас какого-либо вознаграждения или даже труда. Он подает нам эти дары, лишь бы только мы были готовы и способны воспринять их и проявить благодарность. Она состоит даже не в том, что мы будем благодарить Бога в буквальном смысле слова, а в том, что посчитаем Его дары действительно нужными и полезными для себя и будем хранить их, то есть проявим деятельную благодарность. Тогда эта милость Божия пребудет с нами.

«В Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари» (ст. 13–15). Здесь апостол Павел уже переходит к рассуждению о Сыне Божием. Мы имеем в Нем прощение грехов, а Сам Он есть образ невидимого Бога, как говорится в славянском тексте, «перворожден всея твари». Не в том смысле, что Сын Божий рожден раньше, а тварь рождена после Него, и не в том смысле, что сначала сотворен Сын, а потом сотворена тварь. Не нужно связывать между собой эти два слова — «перворожден» и «твари» — и делать неверные выводы, как поступают некоторые еретики. Они говорят либо о том, что Бог не сотворил мир из ничего, а извел его из Себя, либо наоборот — что Он не родил Сына Своего, а сотворил Его. Правильное понимание этого выражения должно быть таким: Сын является прежде всякого творения, и Он рожден, а тварь появилась после, и она, как говорит само ее название, сотворена, а не произошла непосредственно из Бога.

Апостол Павел подчеркивает это для того, чтобы мы не подумали, что Иисус Христос как

человек (притом родившийся и живший совсем недавно по сравнению со временем, когда апостол говорил эти слова) является такой же тварью, как и все прочие существа. Действительно, как человек Он — творение, но в то же время Он есть перворожденный, «перворожден всея твари» и есть образ Бога невидимого, а образ содержит в себе весь первообраз, иначе он был бы неточным и неполным. И, воплотившись, Господь Иисус Христос сделал этот невидимый образ видимым через Свое человеческое естество. Например, взирая на иконах на образ Христа, мы видим человеческое лицо, но в то же самое время — лицо Сына Божия. Как по чертам лица мы можем угадать характер человека, так и, созерцая черты лица Спасителя, мы можем почувствовать, что предстоим не перед изображением человека, но перед ликом Сына Божия, «Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари».

«Ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано» (ст. 16). Перевод епископа Кассиана, может быть, более точен, чем церковнославянский и русский: «Потому что в Нем было сотворено всё». Почему — в Нем? Потому что Он, как Слово Божие, есть предвечный носитель Божественных идей. Как у человека есть какие-то замыслы о своих делах, так есть они и у Бога, но у человека они возникают, исчезают и меняются, а Бог, как существо неизменное, от века имел в себе мысли о видимом мире. Эти мысли, конечно, также существовали в Слове Божием, как и в Боге Отце, поскольку Сын единосущен Отцу. Итак, в Господе Иисусе Христе было сотворено все, что на небесах и все, что на земле. Поскольку все, что существует в мире видимом, нам известно, то апостол Павел на этом не останавливается. И, вероятно, желая говорить о более возвышенных творениях, он перечисляет ангельские чины: престолы, господства, начала и власти. То есть все создано Им, в Нем и через Него. Как пишет апостол Иоанн Богослов, «все через Него начало быть, что начало быть» (см. Ин. 1, 3) — не только видимое, но и невидимое.

Апостол Павел говорит это для того, чтобы мы почувствовали величие Сына Божия. Им и в Нем все сотворено, а мы введены в Его Царство. Когда мы посещаем храмы Божии, живем по уставу и Преданию Православной Церкви, то хотя мы телом находимся на земле, но в то же самое время душой — конечно, в зависимости от нашей ревности и преуспеяния — пребываем уже в Царствии Божием. Церковь есть Царство Небесное, уже открывшееся на земле. И для того чтобы мы понимали, Кто основатель этой Церкви и частью Кого мы являемся, апостол Павел говорит о Господе, что через Него все начало существовать и в Нем все существует.

«Все Им и для Него создано». Все создано для Него в том смысле, что всякое творение видит в Нем свою конечную цель, свое блаженство, свое осуществление и полноту бытия.

«И Он есть прежде всего, и все Им стоит» (ст. 17). Он был прежде всего — прежде, чем что-либо возникло, «все через Него начало быть, что начало быть». Конечно же, Сын не прежде Духа Святого, потому что Дух Святой не начал быть, Он всегда был совечен Отцу, так же как и Сын. И вот этот Сын Божий и Бог, Которым все содержится, Который является Вседержителем, Творцом и смыслом существования всего видимого и невидимого мира, «есть глава тела Церкви» (ст. 18). Отсюда мы должны понять величие Того, Кому мы служим и Чьи заповеди мы должны хранить.

«Он — начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство» (ст. 18). Господь первый во всем. Он существовал раньше твари, и в этом смысле Он первенец. Через Него все начало быть, и Он здесь также первый. Он выше ангелов и всех земных тварей, и вновь здесь Он первый. И наконец, Он первым исшел из ада и разрушил его крепость и власть. И вот, Он является основателем нашей Церкви; можно сказать, Он — Церковь, а мы — Его часть. Он — глава Церкви и тело Церкви, а мы — члены этого тела. Поэтому мы должны понимать, что

такое Церковь, и с благоговением осуществлять свое христианское служение. Особенно это относится к нам, монашествующим, которые от всего отреклись, ради того чтобы беспрепятственно служить Богу.

У нас превратное, слишком узкое представление о Церкви. Например, когда мы творим молитву Иисусову, нам кажется, что эта молитва, так сказать, частная, она не имеет отношения к церковному богослужению. Мы думаем, что Церковь — это храм и то, что в нем происходит, а на самом деле Церковь — это вся жизнь христианина. Пустынник или исихаст, подвизающийся в безмолвии и уединении, может быть, посещает храм чрезвычайно редко из-за удаленности своего исихастерия. Но он не отпал от Церкви и находится ближе к ней, чем мы, ежедневно приходящие в храм. Это происходит в особенности по той причине, что он, непрестанно повторяя имя Иисуса Христа, соединился через это с Ним в гораздо большей степени (если он только истинный подвижник), чем мы, часто причащающиеся. Суть церковной жизни состоит в единстве со Христом, ибо, повторю, Христос — это Церковь. Если член тела Христова соединен с этой священной Главой, Господом Иисусом Христом, Сыном Божиим, значит, он в Церкви. А если он удалился от Господа Иисуса Христа, то, пусть бы он был в храме или даже священнодействовал в алтаре, он от Церкви отделен.

Получается, что Иисусова молитва, которая может совершаться вне всякого богослужения и не является богослужебной молитвой, — самая откровенная и ясная церковная молитва, выражающая церковный дух. И кто истинно и глубоко церковен, тот, конечно же, будет всегда упражняться в ней и желать в ней преуспеть. И при этом все, что касается обрядов и внешней жизни Церкви, не будет от него удаляться, но наоборот, будет более ясно им постигнуто и принято, потому что смысл всего того, что происходит в Церкви, ее суть, заключенную в нескольких словах, он воспринял в себя.

Я не говорю, что достаточно молиться Иисусовой молитвой, ничего не зная и ничего не читая. Конечно, если бы мы достигли такого преуспеяния, как великий пророк Иоанн Предтеча, то не нуждались бы ни в каком человеческом обучении и все нам открывал бы непосредственно Бог. Но это удел немногих избранников, а необходимость каждого человека — совмещать изучение Предания Церкви и заботу о внутреннем преуспеянии. Мы сможем по-настоящему понять церковное Предание тогда, когда духом своим соединимся со Христом, то есть будем полнокровными и живыми членами Церкви Христовой. Не какими-то мечтаниями или умозаключениями, а действенно, душой своей соединимся с Господом Иисусом Христом и будем Ему внимать. Тогда Он вразумит нас, может быть, через святоотеческие книги или Священное Писание, через людей, носителей Священного Предания, и покажет, как Ему служить, как исполнять Его волю и хранить Его святое учение.

Некоторым людям кажется, что поскольку они изучают святоотеческие книги, то уже не нуждаются в том, чтобы повторять эту как будто бы маленькую и необязательную молитву, которой нет в богослужебном уставе. Но это не так. Можно сказать, что Иисусова молитва — это универсальное богослужение, заключенное в восьми словах. Можно иногда повторять пять слов, как делали некоторые подвижники: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Можно — семь слов, как делает большинство греков: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». А можно, по русской традиции, повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Суть состоит в том, что таким образом мы приобщаемся к Господу Иисусу Христу, соединяемся с Ним и живем в Церкви.

Эти две вещи: верность Преданию и внутреннюю молитву — мы должны сохранить. Конечно, все церковные богослужения, и в особенности Таинства, необходимы, но суть их в самой лаконичной форме содержится в Иисусовой молитве. И, приобщаясь через нее к Господу Иисусу Христу, мы приобщаемся и к тем Божественным энергиям, которые преподаются нам

через церковные Таинства. А не имея этой молитвы или не ревнуя о ней, мы не способны воспринять то, что нам дает Церковь.

В начале проповеди мы говорили о том, что Бог Отец делает нас «способными участвовать в жребии святых во свете». Но способными Он делает нас именно во Христе. Если мы пренебрегаем внутренней молитвой, то, будь мы даже очень умными, ревностными и старательными, мы не сможем ощутить этот Божественный свет. Он всегда сияет — но не для слепцов, он все проницает — но большинство людей не замечает его и даже не знает о его существовании. И для того чтобы воспринять эту великую милость Божию, неизреченно изливающуюся на людей и являющуюся жребием святых, нужно приобщиться к имени Господа Иисуса Христа, а через него и к Самому Господу, и стать глубоко воцерковленными людьми, стать истинными, живыми, полнокровными членами тела Господа Иисуса Христа, Сына Божия. Аминь.

9 декабря 2007 года

Неделя 29-я по Пятидесятнице

Кол. 257 зач. (3, 4–11)

Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе.

Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.

О совлечении с себя ветхой одежды греха

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы слышали апостольское чтение из Послания апостола Павла к колоссянам. Святой апостол пишет им: «Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (ст. 4). Конечно, речь идет о явлении Христа в будущей жизни. Почему? Потому что в нынешней жизни и для нас, верующих, Он — невидим, скрыт от наших телесных чувств, хотя своим духовным чувством мы Его осязаем и, если ревностно подвизаемся, ощущаем Его внутри самих себя. В зависимости от нашего преуспеяния, от того, как мы углубились в созерцание Его вездеприсутствия, мы ощущаем Его действия в Таинствах, а иногда даже и вне себя, вокруг себя. В то же время Он и для духовных чувств не вполне открыт и не вполне явен, но только отчасти показывает нам Свою славу, ради того чтобы поддержать нас в бранях, утешить в скорбях.

Итак, апостол Павел имеет в виду будущее явление Христа, хотя Он и сейчас, если мы живем ради Него, становится нашей жизнью. В ином месте апостол Павел говорит о себе: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20), а здесь он относит это ко всем христианам: Христос есть «жизнь наша». Мы только должны жить право, ревностно, и тогда будем ощущать это всегда. Чем больше мы общаемся со Христом, чем больше ощущаем Его как «жизнь нашу», тем больше стремимся к тому, чтобы в полной мере увидеть Его Божественную славу, Его величие, равно как и телесными глазами узреть Его как человека. Когда это произойдет, когда

мы действительно увидим Его, если будем помилованы, тогда Он прославит нас таким образом, что и мы сами явим свою славу. Как же это можно объяснить, как понять? Сейчас человек, который угождает Богу и пребывает во Христе, не созерцает Его телесными глазами, не ощущает телесными чувствами — только духом. И те, кто взирают на такого человека со стороны, также не видят, что Христос есть его жизнь, и считают его ничем не примечательным. Разве что кто-нибудь, также будучи духовным, прозревает и чувствует в этом подвижнике нечто необыкновенное, нечто сродное, знакомое ему по его собственной внутренней жизни. Но когда Христос явится нам, тогда и наша слава, упование и единение со Христом откроются в полной мере. Потому апостол Павел и говорит: «Тогда и вы явитесь с Ним во славе». Спаситель Господь наш Иисус Христос сказал, что угодники Божии в будущем веке просияют, как солнце (см. Мф. 13, 43). Даже и в нынешнем веке некоторые отчасти сподоблялись такой славы, например: Арсений Великий, Симеон Новый Богослов, преподобный Серафим Саровский и другие подобные им подвижники. Тем более так будет, когда нам откроется полнота истины.

Далее читаем: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение» (ст. 5). Все увидят явившегося Христа, в том числе и осужденные грешники, но у них это вызовет плач и скрежет зубов, горькое, уже бесплодное сожаление о том, что они не жили, как должно. Однако сейчас апостол говорит о таком явлении славы Христовой, которое не лишает зрителей остатков надежды, а, наоборот, их самих сподобляет славы. И для того чтобы нам сподобиться славы, мы должны умертвить свои земные члены. Конечно, не в буквальном смысле умертвить, а очистить свои члены, зараженные пристрастием к земному, зараженные грехом. Как выразился один подвижник, нужно умерщвлять не плоть, а страсти. Можно сказать иначе: поскольку страсти стали для нас чем-то естественным, нашей второй природой, то апостол и говорит, что нужно умертвить члены, которые на земле. Из этого можно сделать вывод о том, что есть члены нашего естества, находящиеся на небе — небесные члены. В противоположность блуду можно назвать целомудрие, любостяжанию — нищелюбие, отречение от мира и таким образом представить себе, что человек, который живет небесным, имеет соответственно и природу иную.

Мы помним, что Господь наш Иисус Христос сказал: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя. Если рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя. Лучше тебе с одним глазом или одной рукой войти в Царствие Божие, чем с двумя быть ввержену в геенну огненную» (см. Мк. 9, 43 и 47). Здесь под членами тела также подразумеваются наши страсти — мы не мыслим себя без них, отождествляем себя с ними. Но апостол Павел говорит нам, что если мы хотим жить небесным, то должны отречься от всего, что привязывает нас к земле: блуда, нечистоты, страсти, то есть всякого необоснованного желания, похоти злой (имеется в виду не только блудная похоть, но и вообще всякое желание, которое человек стремится удовлетворить любой ценой), любостяжания. Апостол Павел утверждает, что эти члены нужно не просто отсечь, отбросить, но умертвить их, убить, так чтобы у нас их вообще не было.

Среди наших «земных членов» апостол упоминает любостяжание. Не такая уж это невинная страсть. Она отвратительна до такой степени, что апостол называет ее идолослужением, потому что, когда человек стремится к обогащению ради удовлетворения своих страстей, ради самого богатства, он превращается в идолослужителя. Для него Бог — уже не Господь Иисус Христос, не Пресвятая Троица, но имущество, при помощи которого, как ему кажется, он сможет решить все свои проблемы, удовлетворить все свои желания. И мы видим, что в наше время очень много таких людей, которые цель своей жизни видят только в обогащении, не понимая, что оно в лучшем случае лишь средство, но никак не то, вокруг чего нужно строить свою жизнь.

«Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание,

которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления» (ст. 5–6). Именно за то, что человек прилежит этим страстям, считает их своим естеством, заботится о них, живет ими и ради них, приходит гнев Божий, потому что через все это совершается неповиновение Богу. Только что апостол Павел сказал о явлении славы Христовой, а здесь говорит о том, что может прийти и наказание. То же самое явление Христа одних прославит, а для других будет гневом Божиим за то, что они исполнением своих запретных желаний, которые превратили в свою вторую природу, противились воле Божией.

«В которых и вы некогда обращались, когда жили между ними» (ст. 7). Апостол Павел напоминает и христианам того времени, и всем нам, что мы тоже когда-то были грешниками и ходили в этих грехах, — смиряет нас. Преподобный Нил Сорский пишет, что для того чтобы смирить себя, нужно вспомнить о своих самых отвратительных грехах. Апостол Павел не говорит колоссянам: «Ты виноват в таком-то грехе, а ты в таком-то», но взывает к их совести: «Вы когда-то грешили и покаялись в этом, так живите достойно вашего покаяния». Когда мы жили среди «сынов противления», сынов греха, мы были такими же, как они. Но теперь мы ушли от них и потому, напоминая себе о своем прежнем ужасном состоянии, должны остерегаться, как бы вновь не прийти в него.

«А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших» (ст. 8). С греческого эту фразу можно перевести еще и так: «А теперь и вы снимите с себя всё: гнев, ярость, злобу, хулу, срамословие уст ваших». Мы должны совлечь с себя всю эту нечистоту, как ветхую, отвратительную, грязную одежду. Здесь апостол Павел говорит еще о некоторых грехах: гневе, ярости, злобе. Мы должны быть чистыми не только от блуда, но и от этих страстей, которые, может быть, кажутся нам не такими опасными и тяжкими. Равно мы должны очиститься и от хулы. Слово «хула» употреблено здесь не в смысле богохульства, а в смысле злоречия друг на друга: пересудов, порицаний и так далее. Иногда оно доходит и до срамословия — нецензурной брани. Впрочем, если мы говорим друг другу нечто постыдное, отвратительное, хотя бы и выраженное в каких-то приличных словах, тем не менее это тоже срамословие.

«Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его» (ст. 9). Вот что значат слова апостола Павла о том, что мы должны снять с себя всё. Можно себе представить, что есть некий стержень (наша сущность, наше «я») и есть состояние, в котором мы пребываем. Так вот, апостол Павел сначала говорит о ветхом человеке, которого мы должны снять с себя, как одежду. Не то чтобы лишиться своей природы, которую никто от нас отнять не может, и мы сами от нее избавиться не можем, но совлечься того, что для нас стало как бы природным, а на самом деле нам чуждо. Бывает, что человек привыкает к какой-либо одежде, и поскольку люди видят его всегда одетым в одно и то же, то им кажется, что его внешний вид — это он сам. А когда он появляется в другом наряде, его даже не сразу узнают. При помощи такого разъяснения можно понять образ апостола Павла. Мы облечены в ветхую одежду греха. Не в том смысле, что она обветшала, а в том смысле, что она изначально, сразу после падения человека, была ветхой, негодной.

«Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его». В славянском переводе эти слова звучат так: «Не лжите друг на друга, совлекшеся ветхаго человека с деяньми его». Значит, признаком ветхости является и ложь, клевета друг на друга, которой также нужно остерегаться. Клевете мы можем поддаться и невольно. Скажем, испытывая неприязненные чувства к человеку, мы делаем в отношении него предположения: вот, он сделал это, или посмотрел на меня, или сказал что-нибудь по такой-то причине. Таким образом мы приписываем этому человеку какой-то мотив, на самом деле нам неизвестный, и, по сути, лжем на него.

Мы сейчас говорим не о сознательной, явной клевете, а о том, что со всеми нами очень часто происходит — о наших предположениях, домыслах друг о друге. Итак, мы должны совлечься всего ветхого, избавиться не только от таких мыслей, ибо все начинается с мысли, с нашего душевного состояния, но, безусловно, и от дел. «И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его» (ст. 10). Мы избавляемся от ветхого, чтобы облечься в нового. И этот новый человек постоянно обновляется. Если мы пребываем в таком состоянии, то становимся всё лучше и лучше. Мы очищаемся и обновляемся, как сказал апостол Павел, «в познании по образу Создавшего его», то есть приходим в познание того, какими мы должны быть, в чем состоит образ Божий, и так совершенствуемся.

Далее апостол Павел перечисляет признаки обновленного человека: «Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во во всем Христос» (ст. 11). Все различия между нами теряют значение, потому что в нас изображается Христос. Тот Христос, Который должен явиться во славе, должен изобразиться в нас сейчас, потому что Он — наша жизнь. Если этого не произойдет, то мы окажемся Ему чуждыми, хотя, конечно, как и все люди обязательно увидим Его во славе. Все народы увидят Его, все восплачут, но одни — от умиления и радости, а другие — от горького сожаления.

«Нет ни Еллина, ни Иудея». У эллинов была изощренная, изысканная культура, но в то же время оскверненная пристрастием к земному, развращенностью, вплоть до всевозможных видов разврата, и хотя, может быть, она и была озарена поисками истины, но все же оставалась чуждой ее. Иудеям было дано Откровение Божие, поэтому у них было познание истины, но одновременно была и гордость, часто неоправданная, потому что многие из иудеев были недостойны дарованного им. И апостол Павел говорит, что это различие между людьми теряет всякое значение. Сейчас для нас эллин — это хороший человек, а иудей — преступник, который якобы во всем виноват. Такое у нас расхожее представление. Тогда же было наоборот: иудей был человеком, принадлежащим к Церкви, знающим Откровение, а эллин — человеком, чуждым этой Церкви. Но во Христе эта разница исчезает, потому что и эллин приобщается к Церкви, и иудей получает полноту знания того, что было только обещано, но еще не раскрыто в Ветхом Завете. Ни обрезание, ни необрезание не имеют уже значения по той причине, что этот признак принадлежности к Церкви, существовавший со времен Авраама до пришествия Христова, потерял значение. Мы имеем нечто большее, чем обрезание — святое Крещение.

«Варвара, Скифа». Заметим, что пары сравнения здесь приводятся с разных точек зрения. Когда говорится об эллине и иудее, то противопоставляются язычники и люди, познавшие истину, принадлежащие к Церкви. А когда речь идет о варваре и скифе, здесь уже представлен взгляд греков на других людей. Эллины считали варваром всякого человека, не принадлежащего к их народности. Слово «варвар» передает насмешливое отношение к чужой речи. Греки говорили про чужеземца: «Он говорит „вар-вар“». Как мы сейчас говорим «тарабарщина», если слышим что-то непонятное и бессмысленное, так и они говорили «вар-вар». Греки были очень гордыми и считали, что их культура — самодостаточна. Мало того, варварами эллины считали и сравнительно культурные народы. Например, персов нельзя назвать народом некультурным, просто у них была другая культура, но для греков они были варварами. Также и латиняне, завоевавшие греков, для последних тоже были варварами. В этой паре говорится и о скифах, которые являются, как некоторые считают, предками славян. Греки считали этот народ до такой степени диким, что для них скиф мало чем отличался от зверя. Конечно, на самом деле это было не так, и у скифов была культура, но они были кочевниками, людьми, с точки зрения эллинов, совершенно дикими. Вдобавок, скифы, совершая набеги на цивилизованные страны, могли разорять пограничные области и угрожали благополучию самих стран.

Итак, все эти противопоставления теряют значение: эллин ты или иудей, варвар или скиф, раб

или свободный. Последнее сравнение для нас, конечно, непонятно. Для римлян, например, раб был одушевленной вещью. С ним можно было сделать все что угодно, вплоть до убийства, он не принадлежал себе. Конечно, это не значит, что с рабами всегда обращались исключительно жестоко, но, тем не менее, таков был порядок вещей. В Афинах, когда решались какие-нибудь вопросы внутреннего управления, участвовать в голосовании имели право только свободные мужчины. Насколько мне известно, так было не только в то время, когда Афины были свободным городом, но и тогда, когда они потеряли свою самостоятельность. Это было нечто вроде городского самоуправления. В Риме раб тем более был бесправным существом. И вот, оказывается, что этот человек, раб, совершенно лишенный всяких прав, и даже права на жизнь, приравнивается к свободному человеку. Слушателей или читателей этого Послания в то время должно было просто шокировать то, что для христианина, оказывается, безразлично — раб ты или свободный. Все земное совершенно упраздняется, потому что во всех нас один и тот же Христос.

Если бы мы имели такое самосознание, то не осуждали бы человека за то, что он, как нам кажется, развращенный или за то, что в прошлом у него были какие-то тяжкие грехи. Не смотрели бы, недавно он пришел в Церковь или пребывает в ней с детства, потому что в современном понимании обрезание-необрезание можно интерпретировать именно так: обрезанный — тот, кто всегда был в Церкви, а необрезанный — тот, кто пришел в нее не сразу, допустим, уже взрослым человеком. Если нет никакой разницы между положением раба и свободного, то тем более наше социальное положение теряет всякое значение, ведь в наше время социальные различия меньше. И если бы мы были подлинными христианами и в нас действительно изобразился Христос, то мы на всех смотрели бы одинаково, с равной любовью, во всяком человеке мы видели бы Христа, никогда не смели бы никого осуждать или презирать, но понимали бы, что все мы — одно целое. Здесь апостол Павел говорит не об отношении к врагам, к людям, чуждым христианства, но к самим себе, к сочленам Тела Христова. Вот что означает совлечься ветхого человека и облечься в нового — это значит в каждом человеке видеть Христа. И это созвучно словам Самого Спасителя: «Когда вы делаете добро одному из малых сих, то вы делаете его Мне» (см. Мф. 25, 40).

Сегодня, как вы знаете, совершается память святых праотцев — людей, послуживших вочеловечению Сына Божия с древнейших времен, от Адама до праведного Авраама, до ветхозаветных праведников. И мы видим среди них не только тех, кто принадлежал к ветхозаветной Церкви, допустим Моисея или Авраама, но и людей, находившихся вне ее, скажем праведного Иова (по происхождению он был идумеянином). Это говорит нам о том, что важно не происхождение, а наше душевное состояние, любовь к Богу, стремление ко Христу, в те времена грядущему, в наши времена уже пришедшему. Общение со Христом, вера во Христа, но не только умственная, а соединяющая нас с Ним — все это делает нас истинными христианами. Наш долг — всеми силами подвизаться для того, чтобы исполнить это завещание апостола Павла, чтобы Христос был нашей жизнью и чтобы, когда Он явился, сопрославил с Собою и нас. Аминь.

24 декабря 2006 года

Неделя 30-я по Пятидесятнице

Кол. 258 зач. (3, 12–16)

Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к

которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны. Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу.

О внутреннем судии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем апостольском чтении мы слышали призыв апостола Павла, обращенный не только к древним колоссянам, но и к христианам всех времен, в том числе к нам, — вести весьма возвышенный образ жизни и пребывать в высоком духовном состоянии. «Облекитесь, — говорит он, — как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость (дословно с греческого последние два слова — «в утробу сострадания, доброту». — Схиархим. А.), смиренномудрие, кротость, долготерпение» (ст. 12). Апостол называет нас «избранными Божиими». Конечно, совесть обличает нас в том, что мы недостойны такого возвышенного именования, но как раз и хорошо, что есть это обличение: оно подтверждает, что мы стремимся стать достойными нашего звания. Цель нашего призвания — святость, значит, мы не должны быть как все, не должны быть погружены в тьму неведения и порабощены страстям. Мы «возлюбленные», а не чужие Богу люди. Как святые, возлюбленные избранные Божии, как некие аристократы, патриции, мы должны облечься в царскую одежду — «во утробу сострадания». Несколько странное выражение, но таков буквальный смысл. По-славянски сказано примерно так же: «во утробы щедрот». Облечься в «утробу сострадания» — это значит иметь такое же сострадание к людям, какое мать имеет к своем младенцу. Вот к чему призывает нас святой апостол, вот в чем состоит наше избранничество. В это мы должны быть облечены, как в одежду, достойную нашего избранничества и Божественной к нам любви. Нужно постоянно испытывать сострадание ко всякому человеку, иметь проистекающую из сострадания доброту, смиренномудрие, кротость и долготерпение. Доброта предполагает, что мы всегда готовы снизойти к человеку, пусть даже он сам виноват в своих страданиях. Смиренномудрие предполагает, что мы всегда предпочитаем ближнего себе, ставим его выше. Кротость с долготерпением проявляются в том, что мы не только переносим обиды, но и долготерпим, а не в том, что мы лишь некоторое время снисходим к человеку, любим его, а потом начинаем раздражаться от его неразумного или греховного поведения и отворачиваемся от него.

К сожалению, в нас действует множество разных страстей, едва ли кто-то из нас достиг такого состояния, о котором можно сказать «облечен в утробу сострадания». Но это цель, к которой мы должны стремиться, и никто и ничто не могут ее отменить. Нет никаких извинительных причин для уклонения от того, что нам открыто через апостола Павла Духом Святым, мы не можем сказать сами себе: «Сейчас это уже неуместно». Если сказал об этом апостол, значит, сказал об этом Дух Святой. И потому мы должны видеть перед собой эту благородную одежду, багряницу, порфиру, по выражению Священного Писания, и по крайней мере укорять себя за то, что мы в таком убогом виде, что не можем справиться с мелкими неудовольствиями, обидами, раздражением, гневом, и каяться в этом.

Далее апостол Павел говорит: «Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (ст. 13). Славянский перевод слова, которое переведено здесь как «жалоба», — «поречение», то есть «если кто имеет, что на кого сказать». К сожалению, мы часто жалуемся друг на друга: приходим к настоятельнице, духовнику и жалуемся. Мы считаем, что должна восторжествовать справедливость. В миру люди также испытывают неудовольствия и если, в лучшем случае, не выскажут своей жалобы самому человеку, то с кем-нибудь другим поделятся: «Ты знаешь, он мне сказал то-то и то-то, я еле стерпел, надо было ему в ответ сделать то-то и то-то». Таких взаимных неудовольствий бывает

очень много, мы несовершенные люди, и потому апостол Павел, зная наше несовершенство, упоминает о жалобах. Между прочим, и с самим апостолом случалось подобное. Из Священного Писания известно, что у него было разногласие с апостолом Варнавой, его ближайшим другом (см. Деян. 15, 36–40). Если среди апостолов такое бывало, то среди нас тем более это есть. Но как нужно поступать? Апостол говорит: «Снисходя друг другу и прощая взаимно». Лучше не жаловаться, не говорить никому о своих неудовольствиях, не искать справедливости во всевозможных мелочах, не думать, будто, постоянно доказывая свою правоту, мы в конце концов достигнем того, что водворится полный порядок, конечно, с нашей точки зрения. Того, кто так делает, обычно называют ворчуном. Он все ворчит: и то не так, и это не так… Ему кажется, что если его выслушают и всё сделают, как он хочет, то в конце концов все будет идеально. Но если бы вдруг случилось так, что какой-нибудь очень смиренный, кроткий человек из любви и снисхождения к нему во всем его послушался, то у него возникли бы новые претензии. И тем самым он показал бы, что дело не в чужих ошибках, а в том, что в нем действует страсть, которая не позволяет принять действительность и людей такими, какие они есть, отчего он имеет свое, часто неправильное, страстное представление и хочет всем навязать этот шаблон. Такой человек никогда не найдет покоя. А если мы будем прощать все эти мелкие неудовольствия, которых бывает очень много, а может быть, если хватит сил, иногда и не мелкие, тогда мы уподобимся Христу: «Как Христос простил вас, так и вы», то есть так и вы поступайте. Если у нас много жалоб друг на друга, пусть даже справедливых, основанных на нашей принципиальности и безукоризненной нравственности, то тем более у Христа есть жалобы на нас Богу. Однако вместо того, чтобы жаловаться на тех людей, которые Его поносили и в конце концов позорной смертью умертвили на Кресте, Он говорил: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят» (Лк. 23, 34). Он молился за тех, кто Его поносил и распинал. Да и распялся Он в том числе за Своих гонителей. Не жаловался Богу, а ходатайствовал о прощении всех и вся. В этом мы и должны уподобляться Господу. Господь является для нас примером. Если мы подражаем святым, которые, в свою очередь, подражали Христу, то можем и непосредственно подражать Самому Спасителю, потому что как человек Он был совершенным, а значит, все, что сделал Он, должны сделать и мы; что Он Себе позволил, например проявить какие-то человеческие немощи, позволено и нам, а чего Он не допустил, отверг, то и нам запрещено.

«Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (ст. 14). Последние два слова с греческого языка на славянский переведены как «соуз совершенства», но можно перевести их как «связь совершенства». Все добродетели соединяет любовь, и если она исчезнет, то эта связка добродетелей, пусть даже самых возвышенных, распадется и совершенства уже не будет. Поэтому прежде всего мы должны стяжать любовь. Ни дарования, ни благодатные откровения — ничто не будет иметь значения, если мы не приобретем любви к Богу и ближним, каждый из которых является образом Божиим.

Апостол Павел продолжает: «И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны» (ст. 15). В славянском переводе на месте слов «да владычествует» сказано «да водворяется», а буквальный перевод — «да будет судьей». Последний перевод весьма поучителен и очень соответствует тому, что переживают люди духовно опытные. Я увидел, насколько правильно учил в отношении внутренней жизни мой покойный духовник игумен Андрей (Машков). Он говорил очень просто: нужно беречь душевный мир. Если ты потерял мир, значит, ты в чем-то согрешил. Таким образом, мир Божий, мир благодатный (не покой, конечно, происходящий от того, что человек бывает чем-то удовлетворен) является судьей. Например, в нас действуют какие-то помыслы, один внушает, что нужно поступить так, другой — иначе, а мир, который действует как судья (мы не имеем в виду какую-то персонализацию), говорит нам: «Если ты последуешь такому-то помыслу, то меня потеряешь. Видишь, я ухожу из твоего сердца, покидаю тебя, значит, ты поступил

неправильно». Так действует этот высший судья в нашей душе, и мы каемся, исправляемся, и тогда мир вновь возвращается, как будто говоря: «Теперь ты делаешь правильно. Да, это ты должен отбросить, а этого придерживаться». Если мы будем прислушиваться к своему внутреннему судье, то обретем единение с Богом. Другое значение слова, переведенного «да будет судьей», — «да управляет». Мир Божий управляет в нашей душе. Собственные рассуждения иногда обманывают нас из-за того, что мы делаем ошибки, так сказать, в духовной логике: исходим из неправильных посылок и соответственно получаем неправильные выводы или незаметно для себя со страстью придерживаемся не того, что правильно, а того, что нам более приятно. Но мир беспристрастно показывает нам, верные мы принимаем решения или уклоняемся от следования воле Божией. Он и судит, и управляет, но где управляет? Не в мозгу, не в голове, а, как говорит апостол Павел, «в сердцах ваших». Сердце вообще главный судья человеческой жизни, оно показывает, в чем человек подлинно убежден, а что он только декларирует. Так и здесь: по тому, действует ли в наших сердцах этот мир или, наоборот, прекращает свое благодатное действие, мы понимаем, на верном ли мы пути или куда-то уклонились. К этому миру, говорит апостол Павел, вы и призваны, то есть Господь даровал вам его, а вы должны его хранить и, прислушиваясь к своим внутренним духовным ощущениям, наблюдать, куда клонятся ваши мысли, чувства, намерения, как развивается ваша внутренняя жизнь — основание и причина внешних поступков.

Говоря о мире, к которому мы и «призваны в одном теле», апостол Павел подразумевает, что Церковь составляет одно тело и мы соединены воедино. Естественно, в одном теле не может быть раздора, потому что иначе оно будет разрушаться. Если мы христиане, значит, должны быть единодушными, мирными. А можно ли быть мирными, если требовать друг от друга: «Зачем ты так сделала?», «Почему ты так поступила?» Вроде бы все справедливо, но наш мир говорит: «Это неправильно, потому что я от этого уйду, исчезну из твоей души». Так не лучше ли промолчать?

Отец Андрей любил приводить в пример настоятеля Глинского монастыря, схиархимандрита Серафима (Амелина), который был настоящим делателем этого внутреннего мира. Даже когда кто-то не слушался, он старался так к этому отнестись, чтобы ситуация умиротворилась. От него, можно сказать, веяло миром. Когда он, уже в очень преклонном возрасте (ему было более восьмидесяти лет) был тяжело болен, хотя и числился настоятелем, не мог больше управлять монастырем, потому что лежал в предсмертной болезни, братья просили келейника пустить их к нему в келью и просто постоять, чтобы приобщиться к этому миру, который от него невидимо исходил. Они ничего не говорили, не спрашивали, просто стояли и смотрели на своего любимого авву, а он их молча поучал. Это не какие-то рассказы из книг, а воспоминания из недавнего прошлого — конца пятидесятых – начала шестидесятых годов. Вот мы видим пример человека, который делом исполнил наставление апостола Павла. Вообще, глинское братство составляло тот самый единый организм, единое тело, в котором все были единодушны и любили друг друга. Они сохранили эту сплоченность на протяжении десятков лет, чувствовали единодушие и духовное родство.

Апостол Павел далее говорит: «И будьте дружелюбны». Иначе с греческого можно перевести: «и будьте благодарными». Человек, всем все прощающий, снисходительный, имеющий мир, единение со всеми, конечно, будет всем благодарен, то есть будет забывать о каких-то мнимых или действительных неприятностях, которые он потерпел от других, но зато будет помнить все сделанное ему добро и даже просто доброе отношение. Это естественное свойство души: быть благодарным поддерживающим тебя духовно близким людям, через которых и вместе с которыми ты соединен со Христом.

«Слово Христово, — говорит далее апостол Павел, — да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными

песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (ст. 16). Мы воспринимаем слова апостола как механическое перечисление, но если посмотреть на них с точки зрения внутреннего опыта, опыта самого апостола Павла и других подвижников, то можно увидеть, что все это взаимосвязано, едино. Когда человек находится в описанном состоянии, то он насыщается словом Божиим, словом Христовым, под которым подразумевается прежде всего Евангелие и другие книги Нового Завета. Это Христово слово должно вселяться в нас обильно, не просто коснуться, а вселиться и жить в нас. Преподобный Серафим Саровский говорил, что наш ум должен как бы плавать в законе Господнем. Мы знаем, что сам он ежедневно прочитывал одного евангелиста, наверное, читал и другие книги Нового Завета, его ум был погружен в созерцание новозаветного Откровения. Он действительно как бы плавал в Евангелии, а мы, к сожалению, витаем умом в чем-то постороннем и часто уходим от того единого на потребу, в чем мы должны всегда поучаться. Если слово Христово будет вселяться в нас обильно, тогда будет в нас и всякая премудрость, научающая нас. Вразумившись словом Христовым, мы не будем развлекать себя чем-то посторонним, чуждым Божественного Откровения и даже вообще христианской культуры, скажем, какой-то музыкой и тому подобным, но нам будет достаточно того, что преподает Церковь, почему апостол Павел и говорит: «Вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями». Отсюда можно извлечь такой смысл потому, что эти слова были обращены к колоссянам, принадлежавшим к одной из самых культурных наций древности, если не сказать единственной. Сейчас мы называем ее древними греками. Естественно, у них была очень разработанная и утонченная культура, но апостол Павел им говорит: не это нужно, а псалмы, славословия и песни духовные. Их мы должны воспевать не с какими-то, пусть искренними и сильными, чувствами, какие бывают выражены в светских художественных произведениях, но во благодати в сердцах наших. Это касается не только внутренней молитвы, Иисусовой молитвы, произносимой в сердце, но и любого молитвословия — оно должно исходить из нашего сердца. Наше неотъемлемое делание — непрестанно воспевать Богу в сердце, имеем ли мы возможность делать это открыто, или только внутренне, тайно.

Судьей здесь опять же должен быть внутренний мир. Может ли быть мир в душе, если мы станем развлекаться каким-то светским искусством? В самом лучшем случае он будет умаляться, а если мы слишком увлечемся, то можем вовсе его утратить и, таким образом, потеряем критерий христианской жизни. Выражаясь аскетическим языком, мы станем пустыми, то есть в нашей душе будет постоянная пустота и сухость, потому что мы занялись не тем, чем нужно. Мир Божий ясно проговорит нам: «Меня нет, потому что ты предпочел мне мирские развлечения, отвлекся на постороннее, думаешь о человеческом. Я вернусь, когда ты покаешься и потрудишься для того, чтобы вновь соединить ум с Богом».

Апостол Павел, вразумляя нас, показывает, каким должен быть истинный христианин: он должен быть облечен, как в царскую порфиру, «в утробу щедрот», или «сострадания», иметь судьей внутри себя благодатный мир и, воспевая и благодаря Бога в своем сердце, непрестанно поучаться в слове Христовом, так чтобы вселить его в свое сердце. Аминь.

23 декабря 2007 года

Неделя 31-я по Пятидесятнице

1 Тим. 280 зач. (1, 15–17)

Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной. Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь.

О смирении святого апостола Павла

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем апостольском чтении мы слышали знаменитые слова апостола Павла: «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз» (ст. 15). Они нам известны, потому что почти дословно содержатся в молитве перед Причащением, составленной святителем Иоанном Златоустом: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз». Иоанн Златоуст, Феодорит и другие святые отцы восхищаются смирением апостола Павла и говорят, что он превзошел в нем всех людей. Конечно же, слова апостола Павла выражают его искреннее убеждение и не являются каким-то литературным приемом, к которому он прибегает с целью произвести на нас впечатление. Он даже предваряет эту мысль вступлением: «Верно и всякого принятия достойно слово» (ст. 15), то есть убеждает нас в том, что произносит эти слова не по необходимости, но исключительно ради нашей пользы.

Священное Писание написано человеческой рукой, но мы знаем, что через людей, составивших его, говорил Дух Святой, как сказал пророк Давид: «Язык мой — трость книжника скорописца» (см. Пс. 44, 2). Тогда мы приходим к чрезвычайно поразительной, парадоксальной мысли, будто Дух Святой открывает нам страшную истину: тот, кого мы называем святым первоверховным апостолом и кто сам говорит, что он поставлен возглавлять проповедь христианства среди язычников, подобно тому как апостол Петр — среди иудеев (см. Гал. 2, 7), — самый первый из всех грешников. Так сказано в Священном Писании, а оно не может погрешать. Можем ли мы воспринимать эти слова буквально?

Апостол Павел говорит о себе так, вовсе не имея в виду подверженность плотским грехам или страстям, — так некоторые превратно толкуют его слова «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня» (2 Кор. 12, 7). Апостол Павел и до обращения был человеком чистым, он ставит себя в пример тем, кто желает вести девственный образ жизни (см. 1 Кор. 7, 8). Он был гонителем Церкви, но обратившись к вере, не просто покаялся в этом, но и превратился в одного из величайших апостолов: не ложны его слова о том, что он потрудился более всех апостолов (см. 2 Кор. 11, 23). Он говорит, что непорочен перед законом (см. Флп. 3, 6), что не погрешил и в своем служении: «Я ничего не знаю за собою» (1 Кор. 4, 4). Он прикровенно, будто о ком-то другом, рассказывает о себе, что был восхищен до третьего неба (см. 2 Кор. 12, 2–4). Когда апостол Павел молился об избавлении от страданий, под которыми одни понимают болезни, другие — гонения, воздвигнутые на него врагами веры, Сам Господь явился ему и сказал: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (см. 2 Кор. 12, 7–9). И этот человек тем не менее считал себя самым первым из грешников.

Тайна этого откровения состоит в том, что человек, в котором обильно действует Дух Святой, как Он действовал в святом апостоле Павле, приобретает опытное знание того, что он самый первый из всех грешников. Он не просто понимает, осознаёт это умом, но и переживает глубоко в душе. Это знание не укладывается в наши обычные представления, оно иррационально, нелогично, чуждо всякого последовательного рассуждения, но оно подлинно. Апостол Павел постиг то, что нужно считать себя первым из всех грешников, что Господь пришел спасти всех грешников, и в первую очередь — его, и благодаря этому стал избранным сосудом Божиим. Или можно сказать наоборот: признаком избранничества Божия и особой близости человека к Богу, особого действия в нем благодати является глубочайшее переживание, опытное ведение того, что он самый худший из людей, самый страшный грешник.

А ведь есть люди, творящие ужасные преступления. Не будем обращаться к каким-либо другим

историческим источникам — возьмем пример из Евангелия. Иуда Искариотский совершил преступление, называемое богоубийством, а апостол Павел говорит о себе, что он — самый первый из грешников, значит, считает себя хуже даже Иуды. Прийти к этому логически невозможно, это можно постичь только собственным духовным опытом. Если бы мы достигли такой меры познания своей греховности, какая была у апостола Павла, значит, стали бы подобными ему. И он призывает нас к этому, восклицая: «Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый». Мы должны понимать, что если к нему относятся эти слова, то к нам — в еще большей степени.

Апостол Павел продолжает: «Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной» (ст. 16). В этих словах опять проявляется искренность его смирения: он уверен, что его, столь страшного грешника, худшего из всех людей, Господь помиловал для того, чтобы никто впоследствии не отчаялся, чтобы каждый увидел долготерпение Господа Иисуса Христа к человечеству и к каждому человеку в отдельности. Очень важна именно конкретность: «Христос Иисус пришел в мир спасти (вообще всех. — Схиархим. А.) грешников», — говорит апостол Павел и уточняет: «Из которых я первый», то есть «Он пришел спасти самого худшего грешника — меня».

К сожалению, в нас нет ясного понимания, живого представления того, что Господь пришел спасти меня. Мы думаем обо всем человечестве в целом. А если бы мы сосредоточили мысль на самих себе, то нам было бы легче постичь, что мы грешные люди. Я уже не говорю — худшие из всех грешников: немало искренно считать себя просто грешником и не колебаться в этом мнении. Да, мы думаем, что мы грешники, но, когда приходит искушение, своими поступками мы показываем, что на самом деле считаем себя праведными: нам кажется, что к нам отнеслись несправедливо, а уж тем более мы не можем потерпеть унижение.

Апостола Павла ужалила ядовитая змея и не причинила ему вреда (см. Деян. 28, 3–5); повязки, пропитанные его потом, исцеляли людей (см. Деян. 19, 12); ему являлись ангелы (см. Деян. 27, 23) и Господь Иисус Христос; он был восхищен до третьего неба, но считал себя первым из всех грешников. Из слов апостола Павла мы должны сделать очень простой вывод: покаяние необходимо и самым совершенным людям.

Если бы мы поняли, что долготерпение Божие безгранично, обратились к Богу с искренней верой, смирились и без всякого исключения каждое мгновение от всей души считали себя грешными, то еще во временной жизни, находясь в этом теле, постигли бы вечную жизнь и приобрели надежду на то, что унаследуем ее. Апостол Павел не боялся смерти, а жаждал ее, потому что через смерть он соединился бы со Христом и пребывал с Ним неразлучно (см. Флп. 1, 23). Такое дерзновение имеет по-настоящему смиренный, глубоко кающийся человек, и его надежда, конечно же, не напрасна. Кто считает себя худшим из всех грешников, тот осознаёт, что Иисус пришел спасти именно его, чувствует, переживает это и видит, что спасение его совершается. А кто возомнил себя уже спасенным и совершенно не думает о том, что необходимо покаяние, как бы считает, что он лучше святого апостола Павла и находится в большей безопасности, тот на самом деле обольщается и поддается самоуспокоению. Нужно отличать спокойствие, происходящее от покаяния и смирения, от спокойствия, которое бывает плодом самообольщения, — в этом случае человеку только кажется, будто бы все хорошо, будто он уже спасен.

«Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь» (ст. 17). Апостол Павел воздает благодарение Богу и за то, что помилован он, такой великий грешник, и за то, что на его примере, как ему представляется, увидят бесконечное долготерпение Божие. Почему я сказал «как ему представляется»? Потому что

мы искренне считаем его святым, а он искренно считал себя самым страшным грешником и говорил: «Если Господь помиловал меня, гонителя Церкви, то тем более каждого из вас помилует, только вы обратитесь к Нему». Действительно, мы должны благодарить Бога денно и нощно за величайшую Его милость к нам. Но для того чтобы мы не только умом сознавали ее, но и чувствовали, что она коснулась и, можно сказать, объяла нас, нужно приобрести, пусть это звучит странно, покаяние святого апостола Павла.

Слова апостола Павла — это еще одно подтверждение того, что учение святителя Игнатия (Брянчанинова) о необходимости покаяния и для новоначальных, и для совершенных абсолютно верно и истинно. Апостол Павел считал, что Господь пришел спасти его, потому что он грешник, и спасает его, и не терял именно такого осознания этой истины до конца жизни. Это доказывает, что таково душевное состояние всякого истинного христианина, и потому апостол Павел должен служить для нас, по его же словам, примером и образом искреннейшего смирения и покаяния. Аминь.

16 декабря 2007 года

Неделя 32-я по Пятидесятнице

1 Тим. 28:5 зач. (от полу) (4, 9–15)

Слово сие верно и всякого принятия достойно. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных. Проповедуй сие и учи. Никто да не пренебрегает юностью твоею; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден.

Неделя по Богоявлении

Еф. 224 зач. (от полу) (4, 7–13)

Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова. Посему и сказано: восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам. А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все. И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова.

О правильном отношении к духовным дарованиям

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы совершаем память преподобных Домники и Мавры. Кроме того, сегодня Неделя по Богоявлении и Неделя тридцать вторая по Пятидесятнице, и поэтому положены два апостольских чтения. С Божией помощью мы постараемся извлечь из них нравственный урок для себя. Сначала последовательно разберем зачало из Послания к ефесянам, а потом перейдем к словам апостола Павла из Послания к Тимофею.

Апостол Павел говорит: «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова» (Еф. 4, 7).

Благодать дана не только всей общине ефесян или вообще христиан, но каждому — не обделен никто. Если мы этого не чувствуем, причина тому в нашем собственном нерадении или каких-нибудь других наших недостатках. Кроме того, мы, может быть, недопонимаем, какой смысл заключен в рассуждении апостола Павла о том, что благодать дана «по мере дара». Каждому дано в свою меру. Мы не должны кичиться, если у нас есть какие-то благодатные дарования, или, наоборот, унывать, если нам кажется, что их нет. Дарования даны нам не только для нашего спасения, но и для взаимного служения, для того, чтобы мы помогали друг другу. Как Господь желает, так Он и дает, — об этом сказано и в притче Спасителя о талантах (см. Мф. 25, 15). Каждому они были даны в зависимости от силы человека. И потому Господь Иисус Христос, давший нам столько, сколько Он считает нужным, и то, что Он считает нужным, не должен быть нами порицаем. Мы сомневаемся, нам представляется, что произошла ошибка, что мы заслуживаем чего-то большего или иного. Но Господь Иисус Христос, как всеведущий Бог, знает о нас все, и потому мы должны со смирением принимать всё, что имеем, и со смирением относиться к тому, что нам чего-то, как нам кажется, недостает.

«Посему и сказано: восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам» (ст. 8). Господь Иисус Христос взошел на высоту, то есть вознесся на небеса, пленил плен, то есть поработил, связал диавола, смерть и грех и после этого дал нам дарования, не потому, что Он не мог дать их раньше, а потому, что мы не способны были их воспринять. Господь пленил диавола, чтобы тот не мог свободно в нас действовать, пленил грех, чтобы он не обладал нами, пленил смерть, чтобы мы не страшились ее. И, получив такую свободу, мы стали способны принять те дары, которые Он ниспослал в день Пятидесятницы и ниспосылает на всех христиан во все времена и в Таинствах, и какими-то еще, может быть, непостижимыми для нас, неизъяснимыми путями.

«А „восшел“, — говорит апостол Павел, — что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли?» (ст. 9) — или, как сказано в переводе епископа Кассиана, «в преисподние части земли». Но в этих переводах содержится уже и некоторая трактовка, а точнее было бы перевести просто «в низшие части земли» или, как говорит славянский текст, «в дольнейшия страны земли». Здесь имеется в виду или сошествие Спасителя на землю и Его воплощение, или то, что Он после Своей смерти сошел в ад и там, так сказать, дошел до самого дна бытия. Но эти два толкования не противоречат друг другу, потому что сошествие в ад есть продолжение домостроительства воплощения. Господь смирился, восприняв на себя человеческую плоть, образно говоря, сойдя с небес на землю, но на этом Его смирение не завершилось. Он усугубил его, когда, совлекшись плоти, человеческой душой сошел в преисподние места земли и таким образом объял Собой все творение. Он проник даже туда, куда не может проникнуть праведный, святой и безгрешный человек и где не может явиться Бог. Однако Он сошел туда как человек и Своим Божеством, соединенным с человеческой душой, разрушил власть диавола. Потом, как мы знаем из Евангелия и Деяний апостольских, Господь восшел из преисподней через Свое Воскресение, вознесся на небеса и таким образом соединил все мироздание.

«Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (ст. 10). Господь наш Иисус Христос, благодаря тому что воспринял человеческое естество, благодаря Своему крестному подвигу, Воскресению и Вознесению на небеса всех привел к поклонению Себе. Тех, которые своими грехами отпали от Бога, — а таковым было все человечество, жившее до воплощения Спасителя, — Он привел к поклонению Богу, по словам апостола Павла, «возвестил истину некогда непокорным духам» (см. 1 Пет. 3, 19–20). И после этого Он смог ниспослать людям Свои духовные дары. Мы обычно воспринимаем понятие «дар» в узком смысле, например, говорим о даре молитвы, даре смирения, но апостол Павел говорит об этом в смысле гораздо более широком. Он рассуждает о дарованиях, которые даются людям для спасения других христиан: «И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных

Евангелистами, иных пастырями и учителями» (ст. 11). И мы не должны роптать, что не имеем каких-либо дарований, потому что они даются промыслительно. Например, какой-нибудь епископ или священник не может роптать, что он не жил во времена Спасителя и не получил пророческого дара. Но и тот христианин, который несет скромное служение, например занимается в обители по видимости низким, бесславным трудом, не должен думать, что он ниже того, кто имеет пророческое дарование или поставлен на высокое служение. Все это промыслительно ниспосылается от Бога для нашего спасения, и никто из нас не будет обделен, на каком бы месте он ни находился. И наоборот, никто не должен считать себя находящимся в безопасности только потому, что получил какое-то особенное служение. Мы видим, что апостол Иуда отпал от лика апостольского и на его место впоследствии был избран другой. Видим, что апостол Павел был избран из числа гонителей и стал одним из самых ревностных апостолов, потрудившихся более других. И так было не только в апостольский век, но и во все последующие времена. Те, которые в глазах других людей казались великими, в очах Божиих и по суду Евангелия иногда оказывались ничего не значащими, а невзрачные, обыкновенные люди совершали подвиги мученичества и исповедничества или славились своими проповедническими трудами и приобретали духовные дарования. Достигнет ли человек преуспеяния и приобретет ли те или иные дары, зависит не от положения, которое он занимает среди людей, а от его внутреннего расположения, ревности, как говорит русская пословица, «не место человека, а человек место красит». И потому никто не должен считать себя ущербным. И наоборот, никто не должен считать, что он автоматически становится ближе к Богу, если занимает какое-то почетное место.

«И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (ст. 11–12). Святыми апостол Павел называл всех христиан. И это укор для нас, потому что мы не достойны такого наименования, хотя действием Святого Духа мы должны были бы стать святыми. Ведь в церковных Таинствах мы очищаемся от всех грехов и только из-за своего немощного произволения оскверняемся вновь и возвращаемся к прежнему. Под Телом Христовым подразумевается Церковь. Все мы трудимся для ее созидания (одному дано больше, и с него больше спросится, другому дано меньше — меньше с него и спрос, но каждый человек должен сам спрашивать с себя очень строго). И пустынник, живущий в совершенном уединении, также созидает Церковь, хотя как будто не занимается этим. Вспомним, например, преподобного Василиска Сибирского. Он был монахом, не имел священного сана, у него не было духовных чад, кроме преподобного Зосимы (Верховского). По заповеди духовного отца он безмолвствовал в пустыне, молился и заботился как будто только о себе, назидая лишь своего друга и ученика, преподобного Зосиму. Но можем ли мы сказать, что он не созидал Церковь? Хотя подвиг его во время его жизни был известен очень немногим людям и только сейчас, спустя более чем полтора столетия, в Русской Церкви узнаю́т о его духовном величии и необыкновенном преуспеянии в молитве, но это не значит, что он подвизался втуне. Благодаря своему примеру и учению, он сделал из преподобного Зосимы величайшего наставника монашества. Хотя тот написал очень мало, и в монастыре, основанном им — Троице-Одигитриевской пустыни, при его жизни было не так много сестер, только преданные ему духовные чада, но написанные им труды, пусть небольшие по объему, чрезвычайно ценны и важны для духовной жизни. Его «Поучение о послушании», «Житие Василиска Сибирского» и «Повествование о молитвенных действиях старца Василиска» назидают сейчас всю Церковь, и, может быть, во многих монашествующих возбудят пламенную ревность к подражанию этому старцу и приобретению истинного послушания. Итак, мы видим, что пустынник, заботясь только о себе, созидал Церковь Божию. Я уже не говорю о том, какую пользу истинный монах приносит своей молитвой всему миру, но даже и в узком, практическом смысле через преподобного Зосиму старец Василиск облагодетельствовал Русскую Церковь и все монашество. Думаю, когда-нибудь его учение станет широко известно и будет весьма полезно всем, кто способен его

оценить. Таким образом, и всякий из нас, заботясь только о своем спасении, участвует в созидании Церкви Божией, которая есть Тело Христово. Как говорит апостол Павел, если один член тела болеет, то с ним сострраждет все тело и, наоборот, духовное здравие, благодать из одного члена распространяется по всему телу и оздоровляет другие члены (см. 1 Кор. 12, 26). Грешим мы — страдает вся Церковь, очищаемся, освящаемся — и вся Церковь обновляется. Понимаем мы это или нет, но такова действительность, и поэтому мы должны заботиться о своем очищении, должны подвизаться.

«Доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (ст. 13). В этих словах есть обоснование моих предыдущих рассуждений. Апостолы, пророки, пастыри и учители будут наставлять людей до тех пор, пока не только они сами, но и все мы не придем в единство веры, которое состоит не в одном правильном исповедании догматов, но и в познании Сына Божия. А это уже касается всех: пастырь ли ты, епископ, простой монашествующий или мирянин, ты должен прийти в познание Сына Божия, то есть стать совершенным человеком. Таков подвиг каждого христианина. Будучи ребенком, человек знает мало, и его представление о мире весьма наивно и примитивно, но, достигая зрелого возраста, он приобретает здравый смысл и правильные понятия обо всем окружающем. Так и истинный христианин, совершенствуясь и взрослея духовно, постигает Христа и становится как бы взрослым человеком во Христе, приобретает полноту ведения.

Теперь перейдем к сегодняшнему чтению из Послания к Тимофею. Обращаясь к Тимофею как к пастырю, епископу и сотруднику, святой апостол Павел говорит: «Слово сие верно и всякого принятия достойно. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных» (1 Тим. 4, 9–10). Для этого и предпринимается любой пастырский труд и труд всякого христианина. Хотя апостол Павел говорит здесь о себе, но его слова, пусть в меньшей степени, можно отнести к любому истинному пастырю. Мы трудимся, терпим поношения и осмеяния потому, что надеемся этим принести пользу людям, привести их ко спасению, в особенности тех, которые уже находятся в Церкви Божией.

«Проповедуй сие и учи» (ст. 11), — говорит далее апостол Павел, желая, чтобы мы всегда помнили о том, что трудимся именно для приобретения спасения, для того, чтобы приблизить к себе Спасителя, чтобы Его спасительный подвиг не оказался для нас напрасным из-за нашего нерадения и лени. Мы должны последовать этому учению в своей жизни и, кроме того, наставлять других своим примером, не словами (это дано не всякому), но самим образом жизни возвещать о том, что Спаситель пришел спасти всех.

«Никто да не пренебрегает юностью твоею; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (ст. 12). Эти слова можно понимать в том смысле, что не до□лжно пренебрегать начальствующими в Церкви, если они сравнительно молодого возраста. Под юностью в то время подразумевался возраст не около восемнадцати лет (такой возраст, наверное, считался еще отроческим), но около тридцати. Тридцатилетний возраст считался совершеннолетием. Но для нас важно другое: мы должны вести себя так, чтобы люди забыли о нашей юности, если мы юные, и относились к нам как к старцам, если мы ведем себя благоразумно, степенно и мудро, а не так, как обычно ведут себя порывистые молодые люди, которые совершают необдуманные, неправильные поступки. В чем же состоит эта мудрость, делающая нас уважаемыми, несмотря на юность? Мы должны быть образцом для верующих в слове и поведении, чтобы не говорить ничего нелепого, лишнего, а только душеполезное или, по крайней мере, то, что необходимо в практических вопросах. Но еще нам нужно иметь любовь, она — признак зрелого христианина. Если у нас нет любви, то нас действительно будут презирать за нашу духовную юность или даже младенчество. Существует очень

распространенный и общепринятый термин — «новоначалие». Новоначальным, юным по духовному опыту можно остаться на всю жизнь. Можно достигнуть преклонного возраста, однако быть презираемым за свою духовную юность. Бывает и наоборот: человек в молодом возрасте ведет себя как многоопытный старец, но это редкость. Например, преподобного Макария Великого, когда он был еще в сравнительно молодых летах, называли «юным старцем». Подобны ему были и некоторые другие подвижники. Никто не мешает и нам приобрести такие качества сейчас, не дожидаясь, когда пройдут годы, потому что если мы будем слишком терпеливо относиться к отсутствию духовных дарований и не будем стремиться приобрести их, если будем сидеть и ждать, ничего не делая, то эти дарования не появятся у нас никогда. Один человек, которому я предлагал избрать монашество, любил повторять такие слова: «Всякому овощу свое время». И у нас получается так же. Мы постоянно говорим: «Когда-нибудь я начну молиться, когда-нибудь начну смиряться, когда-нибудь научусь кротости, а сейчас мне нужно отстоять свои интересы, чтобы не пострадала работа. Всякому овощу свое время, сейчас сделаю одно, потом другое, третье — и потом уже овощ созреет». А потом появляются еще какие-то дела, и так мы всё откладываем и откладываем, рассуждаем, как Экклезиаст, говорим его мудрые слова: «Всему свое время» (Еккл. 3, 1). Но эти слова не обязательно означают, что время настанет когда-то потом. Может быть, оно уже настало, а ты пропустил его, прозевал, проспал, и больше его не будет. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни» (Еккл. 3, 5). Это не значит, что мы должны постоянно их разбрасывать и никогда не собирать. Нам нужно приметить тот самый момент, когда уже пора собирать. А мы день ото дня вяло сопротивляемся своим страстям и думаем, что если не убили никого, то это уже почти кротость. Оправдываем себя тем, что «всему свое время». Но когда же наступит это наше время, когда мы начнем подвизаться и по-настоящему бороться с той или иной страстью, с гневом, унынием, нерадением, блудной страстью? Слова апостола Павла «проповедуй сие и учи» мы должны применить к себе в том смысле, что нам уже все возвещено, мы всему научены и потому должны это исполнить. Не нужно вести себя так, чтобы выглядеть вечно юным в плохом смысле слова.

«Но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (ст. 12). Чистота заключается не только в том, что человек телом не совершает блудных грехов, но и в том, что сердце его чисто от скверных помыслов и движений.

«Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением» (ст. 13). Значит, занятия, приличные людям, желающим получить духовную пользу, — это прежде всего чтение и учение. Апостол Тимофей, будучи духоносным человеком, нуждался в том, чтобы упражняться в чтении, пока отсутствовал апостол Павел, иначе говоря, духовный руководитель, который мог бы наставить его непосредственно. Мы можем применить эти слова к себе так: поскольку у нас нет духоносных руководителей, подобных апостолу Павлу, то мы должны назидаться в чтении, а не роптать, что у нас нет таких наставников, что мы предоставлены самим себе и потому якобы и грешим. У нас есть наставники: это и сам святой апостол Павел, и другие апостолы и пророки, ветхозаветные и новозаветные, и многочисленные святые отцы. Мы должны изучать, исследовать их наставления и распознавать волю Божию. Читать мы, конечно, должны не ради развлечения, а для того, чтобы научиться следовать за Господом.

«Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства» (ст. 14). Конечно, в прямом смысле это не может относиться к нам. Даже если говорить о священниках, они не получают пророчества о том, что должны стать какими-то необыкновенными людьми, они не имеют никаких особенных дарований, какие, видимо, имел апостол Тимофей. И тем паче эти слова не могут относиться к непосвященным, то есть не имеющим священного сана. Но, тем не менее, и мы не должны нерадеть о находящихся в нас дарованиях, данных нам в Таинствах Крещения и

Миропомазания, Исповеди и Причащения Святых Христовых Таин, а также в наставлениях святых отцов. Мы не должны пренебрегать ими, отговариваясь тем, что у нас нет опытных наставников, нет благоприятных обстоятельств или что еще не пришло время и все нужно делать потихоньку. Действительно, должно быть благоразумие, все нужно делать своевременно, не торопясь, но нельзя впадать и в противоположную крайность. Мы должны придерживаться того, о чем говорит пословица: «Торопись, не поспешая». Есть и другая, малоизвестная, пословица: «Поедешь тихо — догонит лихо, поедешь скоро — догонишь горе», то есть нужно держаться среднего. А мы следуем принципу «тише едешь — дальше будешь». Хотя у каждого своя мера и универсального совета здесь дать невозможно, но, тем не менее, нужно проявлять и ревность, и осторожность. С одной стороны, нельзя становиться до того осторожным, чтобы поддаваться нерадению, тотальной лени и безразличию, а с другой — проявляя ревность, мы должны быть благоразумными, чтобы не стремиться, по словам Иоанна Лествичника, приобрести добродетель прежде времени.

«О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден» (ст. 15). Конечно, апостолу Тимофею было нужно, чтобы его преуспеяние видели его пасомые, а мы ведем монашеский образ жизни, который предполагает, что надо скрывать свое преуспеяние. Мы должны быть обыкновенными людьми, должны вести себя так, чтобы никого не соблазнять. Если же кто-то ведет себя соблазнительно, совершает подвиг юродства, то, значит, он должен пламенно молиться, чтобы те люди, которых он соблазняет своими поступками, не потерпели вреда. А если ты не можешь своей молитвой покрыть тех, кого искушаешь, то и не берись за такой подвиг, а веди себя так, чтобы никого не соблазнить, не обидеть, не ввести в искушение.

Таким образом, мы видим, что два апостольских чтения этого дня можно объединить. Те дары, которые нам даны, мы должны использовать, чтобы они не находились у нас втуне, должны развивать их в себе, чтобы они в нас действовали. И если мы станем так себя вести, то и сами будем получать пользу и другим будем ее приносить — своим благочестивым примером, целомудренной жизнью. Мы должны вести себя так, чтобы не только никого не соблазнять, но и приносить пользу людям своим преуспеянием, чтобы они, видя его, благодарили и прославляли Бога, приходили к вере, к Церкви, каялись. Преуспеяние должно быть явно для всех. Это не значит, что нужно делать все напоказ, но значит, что наша духовная жизнь волей-неволей обнаруживается через наше поведение. Например, если человека оскорбляют, а он воспринимает это кротко или у него какое-нибудь горе, скорбь, а он ведет себя радостно и не унывает, то понятно, что такой человек преуспел. Тогда, по словам Евангелия, мы будем как город, который стоит наверху горы и не может скрыться. Вот точные слова Спасителя: «Вы есте свет мира: не может град укрытися верху горы стоя; ниже вжигают светилника и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине суть. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех» (Мф. 5, 14–16). Аминь.

21 января 2007 года

Недели подготовительные к Великому посту

Неделя о мытаре и фарисее

2 Тим. 296 зач. (3, 10–15)

А ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Иконии, Листрах; каковые гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе

Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса.

Удел христианина

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы вспоминаем притчу Господа нашего Иисуса Христа о горделивом, тщеславном фарисее и смиренном кающемся мытаре. Может быть, в связи с тем, что эта притча иногда приводит к мысли, что лучше грешить и каяться, чем совершать добрые дела и пребывать в гордости, сегодня читается зачало из Послания святого апостола Павла к Тимофею, в котором говорится о необходимости вести правильную жизнь. Конечно, нужно и добрые дела совершать, и пребывать в постоянном покаянии.

Мы будем следовать за мыслью апостола Павла, рассматривая по порядку стихи Священного Писания.

«А ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Иконии, Листрах; каковые гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь» (ст. 10–11). Апостол Павел обращается к Тимофею с ободряющим словом, с утешением, может быть, даже с благодарностью, напоминая ему о его преданности, твердости в прошлом и тем самым призывая его и в будущем быть таким же. Он говорит: «А ты последовал мне в учении», или, по-славянски, «ты же последовал еси моему учению». С нами, к сожалению, часто бывает так, что мы слышим какое-либо назидание и, может быть, понимаем его и помним о нем, но не делаем жизненных выводов. Последовать учению апостола Павла, иначе говоря, учению христианскому, евангельскому — это не значит просто услышать его и понять, научиться красиво говорить и рассуждать, но значит принять его так, чтобы и думать, и жить, сообразуясь с ним и в мыслях, и в поступках.

Апостол Павел далее говорит, что Тимофей последовал ему в житии, или, как еще можно перевести, в поведении. Значит, нужно не только следовать учению, но и подражать в поведении. У апостола Павла слово не расходилось с делом, как это, к сожалению, бывает у нас. Ка□к он говорил, так и вел себя, так и жил. Мы, священники, конечно, не имеем права говорить так, как живем, потому что тогда мы извращали бы христианское учение. Не мы, грешные, немощные, обыкновенные люди, являемся образцом, а святые апостолы, угодники Божии. На них нужно взирать, с них брать пример, с тех, у кого учение не расходилось с поведением, при этом не соблазняться поведением тех учителей, которые учат правильно, но по человеческой немощи, ограниченности не всегда всё точно исполняют. Однако это не значит, что нам все извинительно. Если такое расхождение есть, то в этом необходимо каяться и стараться, чтобы наша жизнь в точности соответствовала Евангелию. Кроме того, нужно, чтобы само расположение, то есть намерение, желание, было правильным. Об этом прекрасно рассуждает святитель Тихон Задонский в своей книге «Об истинном христианстве», в главе «О сердце человеческом». Есть дела по видимости добрые, но поскольку намерение у человека дурное, постольку дела его оказываются грехом. Можно делать что-то ради славы или корысти. Например, пошел человек защищать Отечество, все думают: какой он мужественный, готов своей жизнью пожертвовать ради сродников по плоти. А он делает это ради славы, а может быть, даже ради обогащения, грабежа. В глазах людей человек выглядит патриотом, а по сути он грабитель. Поэтому правильным должно быть не только учение, поведение, но и намерение. Это немаловажно. Нужно понимать, что мы, как существа телесные и духовные, одновременно существуем в двух мирах. Не должно быть такого, что внешне мы как будто действуем

правильно, а духовно совершаем преступление.

Подобно тому как апостол Тимофей во всем следовал за апостолом Павлом, должны и мы подражать ему. В одном из своих Посланий он прямо так и говорит: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Подражать святым людям легче, чем Христу. Впрочем, апостол Иоанн Богослов говорит, что мы должны ходить так, как Он, Господь Иисус Христос, ходил (см. 1 Ин. 2, 6), а апостол Петр — что мы должны последовать стопам Его (см. 1 Пет. 2, 21). Мы призваны подражать и Самому Господу, но из-за того, что нам трудно понять, как это осуществить в своей жизни, нам легче смотреть на жизнь людей подобострастных (см. Иак. 5, 17), то есть подобных, нам и замечать, в чем мы можем быть похожи на них. Подражая им, мы должны иметь веру правую, а не любую, лишь бы искреннюю, как некоторые безумно говорят. Должны быть долготерпеливы, иметь любовь и быть готовыми, подобно апостолу Павлу и его ученику апостолу Тимофею, претерпеть гонения и страдания, какие бы они ни были. К сожалению, мы не таковы. За свои добрые дела мы ищем вознаграждения не столько от Бога, сколько от людей. Мы желаем похвалы, одобрения и если этого не получаем, то считаем, что с нами обошлись несправедливо не только люди, но и Сам Бог. Мы как будто не имеем награды, а награда — это Царство Божие внутри нас (см. Лк. 17, 21), а не человеческие слова или расположение.

Господь избавлял апостола Павла до тех пор, пока это было нужно для его служения. Пришло время, и он стал жертвой Богу, как он сам о себе говорил: «Аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста» (2 Тим. 4, 6). Если мы ждем избавления от скорбей, то не просто ради того, чтобы жить благополучно и спокойно, — подобно апостолу Павлу мы должны быть готовы ко всему, — а ради того, чтобы беспрепятственно совершать служение Богу. Смысл слов апостола Павла таков: Господь избавит нас от всех скорбей, если это необходимо для угождения Ему и, в особенности, для спасения других людей, но никто и ничто нам не поможет, если нам предстоит пострадать ради Него. И не нужно стремиться к бесполезной земной безмятежности.

«Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (ст. 12). Размышляя о предыдущих стихах, мы могли бы сказать, что слова о гонениях и страданиях относятся только к апостолу Тимофею. Но нет, не так нужно их понимать. Апостол Павел говорит, что все желающие благочестиво жить во Иисусе Христе будут гонимы. Все! Речь, конечно, идет о благочестиво живущих христианах, а не о благочестиво живущих мусульманах, индуистах или иудеях. И среди них есть люди по-своему благочестивые, благонравные, добрые, живущие по совести, хотя и во многом заблуждающиеся. Но не нужно думать, что безразлично, как жить благочестиво, — во Христе Иисусе или нет. Под благочестием нужно понимать одновременно и нравственность, и правильную веру, ведь можно и во Христе Иисусе жить не благочестиво, допустим, исказив веру или ведя безнравственную жизнь.

Итак, благочестие — это соединение правой веры и добродетельной жизни. Достигнуть этого можно только тогда, когда мы будем пребывать во Христе Иисусе, а не только верить в Него. Мы стремимся к соединению с Господом, понуждаем себя к непрестанной Иисусовой молитве, но это всего лишь начало. Только после того как соединимся с Ним, мы, собственно, начинаем жить во Христе Иисусе. А до тех пор мы в каком-то смысле даже не способны исполнить заповеди, потому что без Него, как Он Сам сказал, открыв одну из тайн добродетельной жизни, мы не можем творить ничего (см. Ин. 15, 5). Ничего, никакой даже наималейшей, ничтожнейшей в человеческих глазах заповеди или добродетели. Поэтому и необходимо с Ним соединиться и всегда пребывать в Нем. И если мы будем так жить, то будем гонимы. Не награда ожидает нас, не похвала, не избавление от всех скорбей, не беспечальная и по-человечески счастливая жизнь, но гонение. Как говорит апостол Павел, гонение от сродников и даже лжебратий (см. 2 Кор. 11, 26), то есть тех, которые именовались христианами, но

враждебно к нему относились. Я умалчиваю обо всем прочем, что испытал апостол Павел. Кроме того, как он выражается, «наша брань не против плоти и крови, но против духов злобы поднебесных» (см. Еф. 6, 12). Значит, мы бываем гонимы не только людьми, иногда самыми близкими, братьями и сестрами во Христе, но и демонами. То, что они невидимы, не делает брань с ними легче, наоборот, она бывает невыносимо тяжелее, мучительнее, чем даже телесные страдания. Хотя, нужно оговориться, выше подвига мученического ничего нет.

Итак, мы должны приготовиться к этой участи: все желающие жить благочестиво будут обязательно гонимы. Это, можно сказать, признак благочестия. Апостол Павел не мог говорить иначе, чем его Господь, а Спаситель сказал: «Когда на вас будут клеветать, будут вас гнать и злословить, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (см. Мф. 5, 11–12; Лк. 6, 22–23). Эти слова мы поем почти на каждой литургии, поэтому они известны всем.

«Злые же люди и обманщики (или, как в славянском переводе, чародеи, потому что в греческом языке это слово имеет двоякий смысл: «обманщик, шарлатан» и «чародей, заклинатель». — Схиархим. А.) будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь» (ст. 13). Парадоксально: те, которые угождают Богу, будут гонимы, а те, которые преуспевают во зле, наоборот, будут жить беспечально. Не только во зле преуспевая, но и, может быть, служа самому диаволу и демонам, эти люди, тем не менее, будут получать какую-то награду. За что, от кого? Конечно же, от диавола, имеющего до времени некоторую свободу действовать на земле, чтобы соблазнить как можно больше людей и прельстить даже избранных, как сказано в Евангелии (см. Мф. 24, 24). Тем более он будет поощрять тех, кто ему служит. Эти люди будут, как говорится по-славянски, «преуспевать на горшее», прельщая других и одновременно прельщаясь сами.

Мы часто говорим, что главное, чтобы человек был искренний. Но он может быть искренним, однако прельщенным, обманутым. Он обманут или самими демонами, диаволом, или другими людьми: своими друзьями, современниками или теми, кто жил когда-то давно. Да, он заблуждается искренне, но тем не менее он заблуждается, он прельщен! И, будучи искренне убежденным в чем-то ложном, он именно поэтому с большей легкостью прельщает других людей. Искренность в лучшем случае свидетельствует о том, что человек не лицемерит, но не о том, что он не заблуждается. Глядя на преуспеяние таких людей во зле, на их земное благополучие, власть, славу, мы не должны досадовать и говорить: «Почему в мире такая несправедливость?» Святой апостол Павел узнал от Бога и открыл нам, каков путь истинных христиан: если ты совершаешь добро — будешь презрен, если служишь диаволу — будешь в славе.

«А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен» (ст. 14). Мы тоже, подобно апостолу Тимофею, знаем, кем научены. Мы, как и он, ученики святого апостола Павла, ученики апостолов, пророков и святых отцов, бывших преемниками апостолов не только в том смысле, что через рукоположение получили от них по преемству епископскую благодать, но и, самое главное, в том, что последовали их учению в своей жизни. Мы можем быть уверены в истинности учения, воспринятого нами от этих людей, потому что не слова и рассуждения, но прежде всего жизнь человека доказывает верность его слов. Взирая на жизнь апостола Павла и подобных ему людей, живших в последующие века, будем твердо держаться этого учения. Люди праведной, самоотверженной жизни были, есть и будут до конца мира. Такими были, например, новомученики и исповедники Российские, жившие в сравнительно недавнее, можно сказать, в наше время.

Далее апостол Павел напоминает святому Тимофею о том, что тот с детства изучал Священное Писание. Он был наполовину язычником, наполовину евреем, и воспитывали его в благочестии. Известно, что у иудеев принято обучать детей грамоте с пятилетнего и даже

четырехлетнего возраста. Сейчас, наверное, эта традиция утрачена, а когда-то начинали обучать грамоте совсем маленьких детей, правда, только мальчиков. Чтобы им было интересно, буквы делали из печенья и мазали чем-нибудь сладким. Это может показаться смешным, однако это говорит о том, какое значение придавали иудеи вплоть до недавнего времени обучению грамоте, потому что грамота — это доступ к Священному Писанию. Евреев иногда называли народом книги. К сожалению, кроме Священного Писания, Пятикнижия Моисея и пророческих книг, они изучали и другие, ложные книги: Талмуд, в более позднее время — Каббалу, так что хорошее извращалось человеческим преданием, осужденным Спасителем. Но об апостоле Тимофее этого сказать нельзя. В то время самой книги Талмуд не существовало и люди более прилежали Священному Писанию. Оно еще не было извращено интерпретацией Талмуда. Для нас это пример того, какое громадное значение имеет Священное Писание, — его нужно постоянно изучать, ему нужно постоянно следовать. Святые апостолы, даже некоторые из двенадцати, сами бывшие свидетелями Слова, как говорит апостол Лука (см. Лк. 1, 2), то есть бывшие с Господом Иисусом Христом в дни Его земной проповеди, тем не менее носили при себе Священное Писание Нового Завета, Евангелие от Матфея (потому что тогда больше ничего не было). Они не говорили: «Мы сами все знаем, сами все видели». Но носили Евангелие с собой, для того чтобы читать. А мы, живя спустя столько времени после этих событий, не хотим все время возобновлять в своей памяти жизнь и учение Господа Иисуса Христа, пребываем в нерадении.

Апостол Павел говорит: «Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение» (ст. 15). Мы должны искать мудрости в Писании, но только нельзя это делать самостоятельно. У апостола Тимофея был учитель — святой апостол Павел, который объяснял ему, как правильно понимать Священное Писание. Для того чтобы все понять правильно, мы должны держаться духоносных, то есть вразумляемых Духом Святым, людей. Кроме того, нужно помнить, что мудрость — это не отвлеченное книжное знание. Для достижения ее иногда прилагаются огромные усилия, но не с целью превзойти других в умственном отношении, а с целью достичь спасения через веру. Как говорит преподобный Макарий Оптинский, кто читает книги, даже Священное Писание, из любопытства, тот получает скорее вред, чем пользу.

Все у нас должно быть ради спасения, а спасение совершается в Господе Иисусе Христе. Не будем роптать из-за трудностей, они у нас, слава Богу, отнюдь не такие тяжкие, какие были у апостолов и христиан апостольского времени. Не будем роптать и унывать, зная, что скорби — удел истинных христиан. Если же мы хотим жить беспечально, то должны избрать путь лжи, заблуждения. Конечно, благоразумный человек, желающий своего спасения, на это не пойдет. Одно дело, если человек заблуждается, не познав пути истины, и другое дело, если он познал истину и потом возвращается к прежнему, как пес на свою блевотину, по словам апостола Петра (см. 2 Пет. 2, 22), — в таком случае второе ему будет горше первого (см. Мф. 12, 45), ибо лучше не знать, чем, познав, отречься. Это касается и веры вообще, и жизни в монашестве в частности. Нельзя нам обращаться вспять. Мы должны терпеть гонения и от людей, и от демонов, быть мужественными, зная, что награда будет в сердце и на небесах, а не на земле, в материальном мире, где до второго пришествия царствует грех и диавол. Можем ли мы от него ожидать одобрения, похвалы и награды? И нужна ли нам такая похвала? Потому углубимся в себя, будем искать утешения во Христе Иисусе, будем всегда пребывать в Нем, и тогда, с Божией помощью, научимся постепенно тому, о чем говорил апостол Павел: подражанию ему, следованию за Господом Иисусом Христом. Аминь.

28 января 2007 года

Неделя о блудном сыне

1 Кор. 135 зач. (6, 12–20)

Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею.

Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть. А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом. Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии.

«Прославляйте Бога в телах ваших и в душах ваших»

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, как вы знаете, Неделя о блудном сыне. Евангельская притча, которая читается в этот день, хорошо вам известна, поэтому мы будем рассуждать о сегодняшнем апостольском чтении, которое также касается этой темы. Апостол Павел предостерегает нас от примитивного понимания притчи о блудном сыне. Не надо думать, что если мы даже тяжко согрешим и совершим какие-нибудь блудные грехи, то, покаявшись, можем приобрести еще большую благодать. Эта притча была сказана Спасителем не для того, чтобы оправдать грех блуда, но чтобы показать силу покаяния, которое может поднять человека даже из такого страшного, как бы уже окончательного падения, избавить его от бесповоротной гибели. Сегодняшнее апостольское чтение как раз говорит прежде всего о страхе перед этим отвратительным грехом.

Мы будем читать стихи из Послания апостола Павла к коринфянам в Синодальном переводе. «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (ст. 12). Что это значит? Это не значит, что апостол Павел разрешает нам совершать вообще все, что мы хотим, и что человек может исполнить любое греховное желание под тем предлогом, что ему якобы все позволено и разрешено и что все это якобы одобряется.

Действительно, человеку все позволено в том смысле, что он обладает свободой. В пределах этой свободы и возможностей, предоставляемых ему обстоятельствами, Промыслом или попущением Божиим, он может многое совершить. В мыслях же своих он может себе позволить и того больше — любую нелепость, даже вообразить нечто фантастическое. Допустим, какой-нибудь писатель, художник или кинорежиссер воображает что-то отвратительное, мерзкое и богопротивное. При современных технических возможностях он может облечь все свои фантазии в те или иные образы, и эта как будто бы невинная идея, принадлежавшая ему одному, становится страшным орудием соблазна для всего мира. Поэтому не нужно думать, что если мы не совершаем чего-либо руками, а лишь представляем это в уме, то оно безобидно, по той причине что принадлежит только нам.

Апостол говорит: «Все мне позволительно». Конечно, прежде всего речь идет о том, что есть некоторые вещи, действительно позволенные в рамках нравственного закона. С одной стороны,

я могу делать вообще все что угодно, с другой стороны, мне разрешается нечто в рамках закона. Это не значит, что все позволенное заповедями уже не может принести нам вреда. Например, апостол Павел дальше будет рассуждать о пище. Да, мы вправе вкушать все, но это не значит, что, вкушая даже разрешенное церковным уставом, мы можем предаваться объедению, лакомству — одним словом, чревоугодию. То же можно сказать и о многом другом, как будто бы естественном и разрешенном. Например о супружестве, которое тоже разрешено, но не должно обладать человеком. Если человек будет слишком неосторожно к этому относиться, то оно может приобрести над ним власть и поработить его. Мы же, монашествующие, избрали блаженную участь, благую часть, как говорит Евангелие (см. Лк. 10, 42), отрекшись даже от того естественного, что дозволено христианину.

«Все мне позволительно, но не все полезно». Действительно, есть разрешенные вещи, которые тому или иному человеку не полезны. Я буду приводить, может быть, простые примеры. Нам всем позволено употреблять вино — нигде, ни в Ветхом, ни в Новом Завете это не запрещается, но многим людям, конечно же, это не полезно. И потому не нужно из позволения делать благословение — это не одно и то же. Что разрешается, то не обязательно нужно исполнять, это касается не только приведенного мною примера, но и действий человека в более широком смысле, и даже его мыслей. Нам можно думать обо всем, но о многих предметах думать не полезно, потому что, начиная размышлять о чем-то как будто бы правильном, невинном и позволительном, мы уклоняемся в греховные помыслы, и в нас начинают действовать страсти. Мы не можем удержать свой ум и воображение в пределах бесстрастного. И то, что само по себе невинно, из-за нашей страстности становится для нас соблазном и приносит нашей душе тяжкий вред. Потому, зная свою немощь, мы не можем позволить себе всё из того, что нам как будто бы разрешено законом и даже нашей совестью.

«Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною». Нужно думать не только о том, что человеку полезно, а что нет, но и о том, чтобы даже что-либо невинное не приобрело над ним власть и не поработило его себе. Если ничтожный предмет лишает человека Бога, как сказал преподобный Максим Исповедник, то он уже не является таким невинным и ничтожным. Например, один из авторов Добротолюбия, преподобный Нил Синайский, говорит о том, что если во время молитвы ты обратил внимание на насекомое, которое тебя беспокоит, то это насекомое лишило тебя Бога.

Даже делая добрые дела, мы должны думать о том, чтобы они не возобладали над нами и чтобы у нас не возникло к ним пристрастия. Это касается и наших послушаний — того, что мы совершаем по совести. Ведь если что-либо приобретет над нами такую власть, что мы не сможем ей противиться, то в какой-то момент, когда нужно будет прекратить то или иное занятие, чтобы предаться молитве и устремить ум свой к сугубому служению Богу, мы этого сделать не сможем. И то, что должно было принести пользу и нам и людям, не только окажется неполезным, но станет уже явно греховным.

Читаем далее: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела» (ст. 13). Пища разрешена всем, это естественно. Но апостол Павел оговаривается: не все, чего требует наше тело, является естественным и позволительным. Да, пища для чрева и чрево для пищи, но все это временно. Возможно, по воскресении из мертвых способность человека вкушать пищу, если и останется, то так изменится, что не будет иметь над ним никакой власти. Наподобие того, как Спаситель вкушал пищу по Воскресении: Он не испытывал в этом никакой нужды и делал это для удостоверения Своих учеников в том, что подлинно в теле воскрес из мертвых. А может быть, в будущей жизни эта способность совсем исчезнет, поскольку вкушать пищу человеку необходимо для поддержания своей жизни в земном мире, где он постоянно, можно сказать, от рождения борется со смертью. И потому не нужно придавать слишком большого значения этой

естественной потребности, поскольку мы знаем, что наступит время, когда этого не будет совсем. Кроме того, здесь вспоминаются слова Спасителя о том, что в будущем веке не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут как ангелы на небесах (см. Мф. 22, 30). Отсюда мы видим: то, что сейчас естественно для нашего пребывания на земле, в будущей жизни исчезнет. И потому, если мы избрали безбрачный, подобный ангельскому, образ жизни, то должны относиться соответствующим образом и к пище.

Однако нужно оговориться для тех, кто всё понимает слишком примитивно. Нам совершенно определенно сказано: «Пища для чрева, и чрево для пищи». Да, все это будет упразднено, но не сейчас, а когда-то. Если мы не будем питаться, то впадем в другую крайность — в грех самоубийства от своей неразумной ревности. Можно жить без блуда, можно жить и без брака, но без пищи невозможно. Малое ли количество пищи принимает человек, если он подвижник, или большее, но без этого нельзя. Вкушает ли он несколько смокв, как делали древние аскеты, или посещает монастырскую трапезу, все равно он не может совершенно без этого обойтись.

Если смотреть поверхностно, рассуждение апостола Павла о пище как будто бы не относится к теме сегодняшнего дня, но на самом деле оно имеет с ней глубокую внутреннюю связь. При неразумном употреблении пища может привести к действию блудной страсти. Некоторые даже так толкуют повествование Евангелия о том, как диавол искушал Спасителя вкушением хлебов: если бы тогда Спаситель позволил Себе принять пишу, то потом диавол мог бы искушать Его и другими плотскими грехами. Чревоугодие — это, в широком смысле слова, тоже плотской грех. Поэтому, имея посильное воздержание и благоразумно соблюдая его, мы отсекаем и дальнейшее развитие греха.

«Тело же не для блуда». Смотрите, какое противопоставление делает апостол Павел. «Пища для чрева, и чрево для пищи»: много ли мы вкушаем или мало, едим ли мы что-то вкусное или неприятное на вкус, но принимать пищу для нас естественно. «Тело же не для блуда» — здесь такой связи уже нет. Мы должны это помнить и, хотя бы испытывали какое-то влечение ко греху, пресекать его, а не удовлетворять эту потребность, как в отношении пищи.

«Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела». Наше тело, так же как и душа, должно быть орудием служения Богу. Во время нашего пребывания на земле душа находится в теле, и без него мы не можем совершить никакого дела. Даже когда мы прилежим умному деланию, нам нужны некоторые внешние условия, например возможность сосредоточиться, полумрак, спокойствие, тишина. Мы нуждаемся в том, чтобы удручать тело поклонами и находиться на молитве в определенном благоговейном положении.

Апостол Павел далее говорит о теле еще более возвышенно. «Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею» (ст. 14). Когда будет воскресение из мертвых, все естественные потребности человека упразднятся, и эта противоестественная греховная потребность — удовлетворение похоти — также исчезнет. В следующем стихе, кажется, нет внутренней связи с предыдущим, но если мы вникнем, то увидим, что она очень глубокая и прочная. «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!» (ст. 15). Бог воскресил Господа Иисуса Христа и нас воскресит также. Почему Он воскресит нас? Потому что мы соединились с Господом в Таинствах и, в особенности, стали едиными с Ним в Таинстве Причащения.

Есть вариант перевода, который особенно подчеркивает смысл слов апостола Павла и показывает всю несуразность нашего поведения, когда мы устремляем тело свое к блуду. В Синодальном переводе сказано: «Отниму ли члены у Христа», в славянском: «Web ли убо уды Христовы». А можно перевести эту фразу еще и так: «Оторву ли члены у Христа». Наверное, слово «оторву» звучит грубо, и перевод не такой красивый, но зато этот оттенок смысла очень

важен. Здесь подчеркивается, что по отношению ко Христу мы являемся такими родными и близкими, как наши члены тела по отношению к нам. Представьте, например, что кто-то захотел бы оторвать у нас палец. Как бы мы сопротивлялись! Мы не позволили бы этого сделать, если бы это было в наших силах. И как было бы мучительно и противоестественно, если бы, несмотря на все наши усилия, это с нами произошло. Ведь лишиться какой-то части своего тела — это не то же самое, что снять с себя одежду и отдать ее другому человеку. А мы, повторю, так же совершенно едины со Христом, как члены тела со всем остальным телом.

Мы не понимаем, что мы едины с Богом, и слабо верим в это. Но апостол Павел ясно осознавал и чувствовал это как подлинную, переживаемую им реальность. И он открывает нам то, что знает, а знает он это, конечно же, от Духа Святого. Хотя его поучения изложены не в такой возвышенной и поэтичной форме, как псалмы пророка Давида, ветхозаветные пророческие книги или Откровение Иоанна Богослова, — он написал их в форме рассуждений — но в них не человеческая логика, а Божественное ведение и подлинно Божественное Откровение. Читая или слушая эти, может быть, сухие рассуждения, мы должны понимать, что через них нам открывается Божественная реальность, хотя невидимая, но подлинная. Она не ощущается телесными чувствами, но ощущается чувством духовным, как это было у апостола Павла. И, вникая в его слова, мы должны не просто поверить им и понять их, но постараться на своем собственном духовном опыте пережить то, что должно переживать всякому христианину — почувствовать свое полное единство с Господом Иисусом Христом.

Вспомним, как преподобный Симеон Новый Богослов в «Божественных гимнах» ужасается тому, что после причащения в каждом члене своего тела он видит Христа. Он с ужасом рассматривает свои руки и другие члены тела и даже рассуждает о тех органах, о которых неловко говорить. Но он не стыдится рассуждать об этом, потому что он стал уже выше всего низкого и порочного. Он говорит: «Христос везде — и там тоже Христос». Разве может человек, ощущающий это, поддаться блудной страсти? Разве она может в нем действовать? В нем нет уже ничего того, что могло бы его увлечь к этой нечистоте. Нам это непонятно, нам стыдно даже говорить об этом и это слушать, потому что в нас нет такой чистоты и единения с Господом Иисусом Христом. Но кто в этом виноват? Что нам мешает этого достичь, кроме нашего нерадения и других страстей?

«Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» Это не образ, а действительность. Когда мы вкушаем под видом хлеба и вина Тело и Кровь Христовы, мы не видим в них Христа, но это Христос. Когда во время Крещения мы погружаемся в крещальные воды, мы не видим, что Дух Святой сходит, но Он сходит. То же можно сказать о других Таинствах и даже обрядах, например о молебнах или келейной молитве. Мы не видим, что во время их совершения реально присутствует Бог, но если в нас хоть сколько-то действует духовное чувство, если мы имеем подлинный духовный опыт, то мы ощущаем это столь же явно, как и то, что воспринимаем телесными чувствами. У некоторых подвижников духовное восприятие развивается до такой степени, что телесное уходит на второй план. Они скорее поверят своему духу, просвещенному Духом Святым, чем своим телесным чувствам.

Человек, приобретший такое душевное состояние, в каком все мы должны находиться, не может оторвать себя от Христа, как один из членов Его тела, и сделать членом блудницы. Почему апостол Павел приводит такой образ? Он берет основание для этого из библейского Откровения о том, какова участь мужа и жены. «Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: „два будут одна плоть“» (ст. 16). Конечно, это сказано о браке, но поскольку блуд есть извращение брака и для его совершения используются естественные способности человека, данные ему для продолжения рода, то это касается в равной степени и блуда. В браке человек соединяется со своей супругой, которая, так же как и он, принадлежит Христу, и потому явного отделения от Господа здесь нет. Однако

трудно себе представить, чтобы во время близкого брачного общения человек не забыл о Боге. И волей-неволей это также разлучает человека со Христом, несмотря на то что это естественно и дозволено.

Поэтому наиболее ревностные, а может быть, наиболее немощные (не постыдимся сказать так о себе) избирают такой образ жизни, в котором не было бы этого препятствия и в котором можно было бы соединяться с Господом, действительно прийти в полное единение с Ним. Вспомним, как восхваляет монашество преподобный Иоанн Лествичник. Он говорит: «Разве среди мирян мы видим такие дарования, как среди монашествующих?» Конечно, мы едва ли имеем дарования, о которых ведет речь преподобный Иоанн. Но если говорить о внутреннем душевном состоянии, то, безусловно, даже мы, немощные, имеем бо́льшую возможность прилежать служению Богу, чем ревностные миряне. Ибо забота о семье, соединение в браке со своими близкими — не только в таком узком смысле, о котором мы говорили, но вообще любовь к ним — не может не отвлекать человека от служения Богу.

Мы избрали образ жизни, при котором ничто нас не отвлекает от Господа, но не нужно думать, что нам ничего не угрожает. Я сейчас не говорю об опасности совершить грех на деле, хотя никто не может считать себя уже спасенным и потому находящимся в полной безопасности, никто не имеет права впадать в беспечность, даже если бы он совершал чудеса. Но ведь соединяться с блудницей можно не только телом, но и духом, можно прилепиться ко греху в мечтах и так увлечься, что забудешь о Боге. Потому-то диавол часто искушает монашествующих именно этой страстью: ничто так не пленяет ум человеческий, ничто так не противоположно молитве и ничто не является таким препятствием для соединения с Богом, как блудная страсть. Она есть, так сказать, извращенная любовь: та любовь, которая должна быть отдана Богу и ближнему, отдается чужому телу. Поэтому мы должны очень тщательно за собой наблюдать, чтобы не поддаться этому, даже когда мы сохраняем внешнее телесное целомудрие.

Апостол Павел дальше говорит: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (ст. 17). Он противопоставляет это тому, что соединяющийся телом с блудницей является с ней одной плотью. В акафисте ко Причащению Господь назван избранным Женихом душ и сердец. Мы стремимся пребывать в духовном браке с Господом, в духовном соединении с Ним. Отсюда мы видим, что блуд есть прямая противоположность молитве. Потому нужно тщательно за собой следить, дабы ничто не оторвало наш ум от Божественного созерцания, от наслаждения в молитве и Божественного вожделения, как говорит священномученик Дионисий Ареопагит, и не заменило это вожделением скотским.

«Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела» (ст. 18). Получается, что апостол Павел считает этот грех как бы наиболее тяжким из всех вообще грехов. Если человек даже совершает убийство, то, как это ни странно звучит, он не так оскверняется, как если он совершает блуд, потому что тогда он убивает и тело и душу. В одно мгновение он может потерять все, что приобретено трудами многих десятков лет. Если человек поддастся этому греху, то он делает покаяние для себя иногда даже невозможным или таким затруднительным и тяжким, что едва-едва может не то чтобы вернуться в прежнее благодатное состояние, а хотя бы что-то из него приобрести. Если, когда он пребывал в чистоте, он с легкостью совершал свое служение, то, впав в этот отвратительный грех, он с больши́м трудом приобретает то, что давалось ему раньше легко. Потому нужно постоянно опасаться этого греха.

Апостол Павел говорит: «Бегайте блуда». Представьте себе, что человек испугался до такой степени, что бросился бежать. Ведем ли мы себя так, когда на нас нападают нечистые помыслы? Бежим ли мы от блуда или в лучшем случае вяло отходим, говорим нечистому

помыслу: «Что ты привязался? Побеседовали чуть-чуть — и хватит. А ты надоедаешь целый день»? Мы должны бежать, как от огня, как от смертельной опасности — не только от реального соблазна, но и даже от мысли. «Блудник грешит против собственного тела». Когда мы принимаем блудную мысль, то наше тело уже приходит в движение, мы испытываем отвратительные ощущения и чувствуем себя хуже скотов. От одной только мысли наше тело оскверняется — что же говорить о грехе, совершенном на деле?

«Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (ст. 19). Нам кажется, что если мы грешим, то приносим вред, пусть даже и тяжкий, только самим себе. Это не так. Мы являемся храмами Божиими, храмами Святого Духа; я надеюсь, что мы это иногда ощущаем, по крайней мере должны ощущать. Дух Святой, Который послан нам и пребывает в нашем теле, как в храме, делает нас не принадлежащими самим себе, потому что мы уже принадлежим Богу. Мы не только члены тела Христова, но и храмы Святого Духа. Наше тело больше, чем орудие, это храм, в котором душа совершает служение Богу и в котором Дух Святой орошает нас Божественной благодатью и освящает душу, а иногда и самое тело. Причем это происходит явно: вспомните, например, о преподобном Симеоне Новом Богослове. Может быть, мы не испытываем того, что испытал он, но в какой-то степени, я думаю, имеем опыт того, как наше тело изменяется под действием благодати, так же как оно изменяется и под действием греха.

Мы, повторю, не принадлежим самим себе. Апостол Павел объясняет далее почему: «Ибо вы куплены дорогою ценою» (ст. 20). В славянском переводе: «Куплени бо есте ценою». Цена, которой мы приобретены, настолько дорога, что можно даже не говорить об этом, а сказать только: куплены ценой. Цена эта — жизнь Господа Иисуса Христа, которую Он отдал за нас на Кресте. Эта цена так бесконечно велика, как бесконечен, велик, свят и совершенен Бог. И потому, понимая, что мы не принадлежим себе и что мы выкуплены из рабства греха такой непостижимой ценой, мы должны служить только Богу и никогда, ни под каким предлогом не допускать не только совершения греха на деле, но и удаления от Бога в своем уме. А если мы и совершили такое преткновение, то тут же должны слезно каяться, с сокрушением молиться, просить у Бога прощения и вновь всячески трудиться над тем, чтобы в молитве восстановить свое единство с Господом Иисусом Христом, а через Него со всей Пресвятой Троицей.

«Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших» (ст. 20). Из слов святого апостола мы можем сделать такой вывод: нужно хранить в чистоте не только тело, но и душу. Мы должны прославлять Бога чистотой и телесной и духовной, потому что как наше тело принадлежит Ему, так и дух. Нельзя говорить, что одно принадлежит Ему в большей степени, а другое — в меньшей. И всю свою жизнь мы должны сделать прославлением Бога. То, о чем сказал нам святой апостол Павел, должно стать не только нашим теоретическим знанием, но и подлинной жизнью, нашим опытом и переживанием. И тогда мы будем истинными христианами и достигнем истинной чистоты.

Вспомним вновь притчу о блудном сыне, которую мы слышали сегодня в евангельском чтении на литургии. Мы должны понимать, что эта притча изображает только одну сторону нашей жизни и дает определенные нравственные уроки: во-первых, учит нас тому, что нельзя завидовать кающимся грешникам из-за того, что Господь обильно утешает их Своей благодатью; и, во-вторых, показывает, что из любого греха можно восстать. Но в притче не сказано о том, с каким трудом побеждается этот грех. А ведь это неимоверно тяжкий труд и не всякому это удается. Единицы из тех, которые впали в эту мерзость, смогли от нее избавиться. И потому, если Господь освобождает нас от рабства греху, мы должны дорожить этим и ценить это, прославлять Бога в духе и в теле, ибо они принадлежат не нам, а Ему. Мы не только являемся членами тела Христова и храмами Божиими, но и принадлежим Пресвятой Троице, соединяемся с Ней и пребываем в духовном браке с Богом, имеем един дух с Ним.

Из притчи о блудном сыне мы должны извлечь мысль о пользе и могуществе покаяния, а не о том, что можно согрешить как угодно и Господь потом простит. Нужно помнить, что покаяние необходимо всем: и тем людям, которые считают, что они осквернены, и тем, которые мнят себя чистыми. Господь сказал, что Он пришел не праведников, а грешников призвать к покаянию (см. Мф. 9, 13; Мк. 2, 17; Лк. 5, 32). Это не значит, что есть праведники, не нуждающиеся в нем, а значит, что есть люди, мнящие себя праведниками и отвергающие от себя покаяние. Всякий человек: и блудница, которая омывала ноги Спасителя слезами и вытирала их своими волосами (см. Лк. 7, 37–38), и апостол Павел, который был девственником, — все нуждаются в покаянии. Апостол Павел говорит о себе, что он первый из грешников (см. 1 Тим. 1, 15).

И потому, учитывая, что апостольское чтение является как бы комментарием и дополнением к евангельскому и, таким образом, учит нас правильно и более точно его понимать, мы должны извлечь из сегодняшнего Евангелия такой урок: у нас должно быть покаяние, но одновременно и сохранение чистоты как тела, так и духа. Каким иначе и может быть покаяние? Настоящее покаяние как раз очищает дух человека, делает его таким ясным, чистым и светлым, что в этой духовной простоте он может соединиться с Господом, стать с Ним един дух. Аминь.

4 февраля 2007 года

Неделя о Страшном суде

1 Кор. 140 зач. (8, 8 – 9, 2)

Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных. Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное? И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа. И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего.

Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе? Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства — вы в Господе.

О бережном отношении к совести ближнего

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Неделя о Страшном суде. В эту Неделю мы вспоминаем притчу Спасителя, которая по сути является пророчеством о том, что произойдет в грядущие времена. Когда произойдет — мы не знаем, но это обязательно будет. И одновременно сегодня начинается Неделя мясопустная — те, кто вкушают мясо, заговляются на этот род пищи. В связи с заговением в этот день читается соответствующее апостольское послание. Можно сказать, что сегодняшнее евангельское чтение посвящено воспоминанию Страшного суда, а чтение из Послания святого апостола Павла к коринфянам — заговению на Великий пост.

Апостол Павел объясняет нам, как важно воздержание от пищи. Существует неправильное, но очень распространенное мнение, будто пост должен быть тайным. Люди, превратно толкуя слова Спасителя, полагают, что мы должны поститься так, чтобы этого никто не видел. Но мы так поступать не можем. Предание о Великом посте восходит к апостольским временам, и

вкушение скоромной пищи в дни Великого поста, а также в среду и пятницу очень строго наказывается: миряне и непосвященные монахи отлучаются от Церкви, а священнослужители лишаются священного сана. В Церкви есть общепринятые посты, и если мы не будем в эти дни делать того, что требует от нас устав — пусть в несколько ослабленной форме, но тем не менее в основном придерживаясь Предания Церкви, — то мы, наоборот, соблазним людей. Апостол Павел говорит, что христианин, вкушая идоложертвенное (и даже понимая, что это ничего не значит), может соблазнить немощного человека: тот подумает, что вкушать идоложертвенное можно и даже нужно и что это правильно. Таким образом, этот немощный человек, поскольку уже предполагает, что такое вкушение все же имеет какое-то значение, осквернит свою совесть. Так может произойти и с нами: если мы на глазах людей будем нарушать пост (даже если бы наше мнение о том, что это вообще ничего не значит, и оказалось правильным), то соблазним других людей. Оказывается, не всегда нужно совершать пост тайно. Иногда, совершая его явно, мы делаем доброе дело, а утаивая — соблазняем других. Поэтому нам надо быть чрезвычайно осторожными. И в толковании Священного Писания не обращаться к мнениям, которые распространены среди людей, не знающих святоотеческого учения, а придерживаться церковного Предания.

Апостол Павел говорит: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (ст. 8). Действительно, пища сама по себе не может ни приблизить человека к Богу, ни отдалить от Него. Нам нужно научиться оценивать то, приближает ли нас пища к Богу, с точки зрения внимания в молитве, потому что прежде всего в молитве обнаруживается наша близость к Богу или отдаленность от Бога. И пища приближает нас к Богу только тогда, когда делает нашу молитву более внимательной. Однако пища имеет еще и другое значение. Она может удалять нас от Бога и потому, что является поводом для возникновения тех или иных страстей. Например, она может послужить поводом для возникновения блудной страсти. И хотя пища сама по себе не удаляет нас от Бога, однако мы можем впасть в грех чревоугодия, а за чревоугодием обычно следует блудная страсть.

Кроме того, апостол Павел говорит еще и о другом, очень важном для нас значении пищи: не принося вреда нам, она может принести вред ближнему. Это кажется странным: ведь ем-то я, почему же ближний получает вред? «Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных» (ст. 9). Слово «свобода» многозначно. Например, в славянском переводе Библии это слово трактуется как «власть», а епископ Кассиан (Безобразов) переводит его как «право». Значит, здесь говорится о свободе в том смысле, что мы имеем право или власть поступать, как нам угодно. Однако мы должны думать не только о том, чтобы не принести вред себе самим, но и о том, чтобы не повредить ближнему. Даже если бы наше знание было подлинным знанием, если бы вкушение идоложертвенной или иной запрещенной пищи действительно ничего не значило (между прочим, церковными правилами вкушение идоложертвенного запрещено), то мы всё равно можем соблазнить людей. Так можно сказать и о любом другом деле, кажущемся в наших глазах невинным, нейтральным. Для человека, относящегося к этому делу иначе, чем мы, оно может быть соблазнительным. Поэтому, совершая какой-либо поступок, как будто бы не нуждающийся в оценке с нравственной точки зрения, мы должны думать о том, как этот поступок отразится на другом человеке. Иначе получится, что наша свобода станет соблазном для других, а этого быть не должно. «Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих, — сказал Спаситель, — лучше б ему мельничный жернов повесить на шею и бросить в море» (см. Лк. 17, 2).

«Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище...» (ст. 10) Под знанием здесь подразумевается то, что идоложертвенное будто бы ничего не значит. Действительно, что такое идол? Это не бог, а просто каменное изваяние. Здесь можно вспомнить, например, рассказ из «Отечника». Некий подвижник перед своими братьями

поносил идола, кидал в него камни, а потом просил у него прощения и кланялся ему. Когда же братья сказали ему: «Что ты делаешь?», то он ответил: «Я делал это для вас, чтобы показать: монах, как эта статуя, должен быть безразличен к похвале или порицанию». Итак, мы видим, что идол — это просто бездушный камень, неважно, сделан ли этот идол красиво, как древнегреческие античные скульптуры, или выглядит уродливым, страшным, как, например, индуистские божества. Впрочем, страшные изваяния были и в античности. Например, Артемида Ефесская, о которой упоминается в Деяниях апостольских (см. Деян. 19), имела вид женщины, у которой было множество грудей (она олицетворяла плодородие). Поэтому наше представление об античных статуях как о чем-то прекрасном не всегда соответствует действительности.

Апостол Павел, говоря о том знании, согласно которому идолы и идоложертвенная пища ничего не значат (если бы даже это знание и было подлинным), показывает, что все не так просто, как казалось коринфянам. Сами изображения, как мы уже сказали, были иногда отвратительными и ужасными, в особенности, когда дело касалось так называемых мистерий, или тайных культов. Я уже не говорю о тех легендах и мифах, о тех верованиях, которыми окружались эти кровожадные и развратные божества. С нашей точки зрения, их нельзя назвать никак иначе, как только словами псалма «вси бози язык бесове» (Пс. 95, 5). И какое это может быть «знание», которое позволяет человеку войти в капище, где ему, как христианину, должно быть просто отвратительно? Поэтому можно предположить, что апостол Павел иронизирует над теми людьми, которые мнили о себе, будто они всё поняли об идолах. Мол, идолопоклонничество — это пустое, на это можно не обращать внимания, можно входить в капище и есть там предлагаемую пищу. Для людей это было выгодно: с одной стороны, в жертву приносили лучших животных, а с другой — мясо раздавалось бесплатно или за очень скромную плату. И конечно, это было соблазном.

«Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?» (ст. 10) То есть не подумает ли этот немощный человек, что раз христианин это вкушает, значит, это хорошо? В то время были секты, утверждавшие, что нужно одновременно поклоняться и истинному Богу, и другим богам — разумеется, мнимым. Иногда, может быть, люди поступали так, чтобы не подвергнуться гонениям, а иногда потому, что не имели такой ревности и веры, чтобы отречься от идолопоклонства, «прелести идольской», как говорится в литургии Василия Великого. Итак, апостол говорит: «Ты будешь проявлять свободу, ты, как тебе кажется, не потерпишь вреда, а совесть твоего ближнего будет уязвлена, и он будет искушаться».

Апостол Павел упоминает о возможности вкушения идоложертвенного не потому, что это действительно разрешено. Мы должны соизмерять это его рассуждение с апостольским правилом, запрещающим не только вкушать идоложертвенное, но даже и посещать капище. Он как бы предупреждает: «Даже если бы от вкушения идоложертвенного не было для тебя никакого вреда, то подумай хотя бы о том, что ты соблазнишь другого человека».

«И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос» (ст. 11). Иными словами, что это у тебя за важное, великое знание, из-за которого ты пренебрегаешь этими, как тебе кажется, предрассудками? Можно ли такое отношение к действительности, из-за которого погибает твой немощный брат, назвать знанием? А ведь каждый христианин является членом Тела Христова, поэтому мы, можно сказать, наносим рану Самому Христу. О блуде апостол Павел говорит: «Оторвем ли мы член Тела Христова и сделаем ли его членом блудницы? Да не будет!» (см. 1 Кор. 6, 15) Так же получается и здесь: делая как будто бы невинную вещь, мы губим человека, за которого умер Христос.

Кстати, из этих слов апостола Павла можно сделать вывод о том, что Христос умер не вообще

за всех, а за каждого человека. И каждый из нас должен это понимать и помнить: Христос умер именно за меня. И с не меньшей верой, не меньшим чувством мы должны относиться так же и к ближнему, говоря себе: «Христос умер за этого человека. Поэтому я должен не только не согрешить, но и не соблазнить брата, даже если бы я делал что-то правильное или нейтральное по отношению к заповедям, к нравственности (если такое вообще может быть)». Таким образом, нам нужно думать не только о том, чтобы сделать все правильно, но и о том, как на нас посмотрят. Не для того, чтобы нас хвалили, одобряли, не для того, чтобы стяжать доброе о себе мнение. Нет, мы должны думать об этом только для того, чтобы ничем человека не соблазнить. Не сделать и не сказать ничего такого, что могло бы соблазнить нашего ближнего; не дать повода к соблазну ни намеком, ни даже жестом.

«А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа» (ст. 12). Ем ли я идоложертвенное, думая, что это ничего не значит, или делаю нечто такое, что в моих глазах является по отношению к Евангелию нейтральным, но в то же время может принести мне какую-то пользу, я должен помнить, что могу уязвить совесть ближнего. И если с точки зрения христианина, якобы немощного, а на самом деле, может быть, более благочестивого, чем я, это мое занятие соблазнительно, значит, я должен устраниться от этой деятельности, хотя бы мне представлялось, что она не имеет в себе никакого отрицательного содержания. Ибо, соблазняя его, я, даже не глядя на этого человека, уязвляю его — дословно «бью, раню». Бью — только не физически, а нравственно, бью его по совести, раню его душу, а это человеку порой гораздо больнее, чем побои. И этот мой грех относится уже не к ближнему, а ко Христу.

И нам, вступающим в Великий пост, нужно думать не только о том, чтобы не вкушать мяса, но и о том, чтобы ничем не соблазнять наших собратьев. Иначе говоря, мы не только должны вести себя безупречно перед своей собственной совестью, но и думать о совести другого человека. Апостол Павел восклицает: «И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (ст. 13). Он как бы говорит: «Если какое-нибудь дело — не только вкушение идоложертвенного, но вообще любое дело — для другого человека соблазнительно и он может из-за этого погибнуть, то я таким образом согрешаю против Христа, ведь Он умер за этого человека. И ради того, чтобы человек не погиб, я не только не буду делать того, что его соблазняет, но лучше и вовек не буду заниматься этим как будто бы невинным занятием — лишь бы только никого не соблазнить». Слова апостола Павла «не буду есть мяса вовек» можно понимать двояко: может быть, это просто риторический оборот, а может быть, он действительно вообще никогда не ел мяса ради того, чтобы никто не заподозрил его во вкушении идоложертвенного.

Мы видим, как апостол Павел дорожил людьми, как он беспокоился о том, чтобы никого ничем не соблазнить, потому что понимал, что все мы «куплены дорогою ценою» (1 Кор. 7, 23). «Не Апостол ли я? — спрашивает он коринфян — Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе?» (ст. 1) Он приводит доказательства своего апостольства, говоря: «Разве я человек, мнением которого можно пренебречь и поэтому думать, будто я говорю что-то пустое? Нет, я такой же апостол, как и прочие апостолы. Я свободен, но отказываюсь от своей свободы ради того, чтобы приобрести ближних, а уже приобретенных не отвратить от спасительного пути». Между прочим, из этих слов апостола Павла можно сделать вывод (несколько отклонившись от темы нашего разговора), что апостол Павел был порицаем современниками: в его апостольстве сомневались, считали его ниже других апостолов. И он как бы взывает к совести коринфян. Тем более мы можем быть порицаемы и не признаны, потому что мы гораздо ниже апостола Павла и гораздо меньше достойны уважения, хотя бы что и правильно говорили.

Кроме того, обратите внимание на то, что апостол Павел приводит в доказательство своего

апостольства? «Не Иисуса ли Христа Господа Моего я видел?» Значит, на апостольское служение призывается тот, кто видел Господа. Из Деяний апостольских мы знаем, что апостол Павел видел Господа Иисуса Христа уже после Его Вознесения. А теперь обратимся, например, к таким русским подвижникам, как преподобный Серафим Саровский и преподобный Силуан Афонский. Преподобный Серафим Саровский видел Господа Иисуса Христа явившимся ему во время богослужения. Не буду рассказывать о тех чувствах, которые тогда пережил святой подвижник, — вы это помните. Старец Силуан пережил явление Спасителя также в храме — на месте иконы он увидел живого Господа Иисуса Христа. Значит, эти люди являются апостолами, и их, может быть, краткий рассказ о том, что они пережили, является для нас, христиан последних времен, свидетельством, доказательством подлинности нашего вероучения. Этот опыт для нас более важен, чем какие-нибудь отвлеченные умозаключения и апологетика. Некоторые немощные и ограниченные разумом люди пытаются порицать старца Силуана. Впрочем, боясь предосудительно говорить о самом старце Силуане, они нападают на его ученика — покойного приснопамятного схиархимандрита Софрония (Сахарова), обвиняя его в том, что он якобы был прельщенным. Но тем самым они косвенно хулят самого Силуана Афонского, который был действительно апостолом. И рассуждения этих, так сказать, мнимых апологетов, приводящих в доказательство истин христианства какие-то отвлеченные умозаключения, ничего не стоят по сравнению с этим опытом богопознания малограмотного монаха.

Конечно, мы несколько отвлеклись в сторону, но из этих примеров мы можем сделать вывод о том, что опыт духовный гораздо выше любого отвлеченного знания и гораздо действеннее и полезнее для всех нас. «Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства — вы в Господе» (ст. 2). Эти слова относятся не только к коринфянам, непосредственным адресатам Послания апостола Павла, но и ко всем нам. Мы также являемся его учениками, мы также являемся печатью его апостольства, доказательством того, что его проповедь истинна. Читая послания апостола Павла, назидаясь в них, принимая его учение, мы сами собою являемся жизненным доказательством правильности, подлинности его богооткровенного учения. И потому должны принять то, что он нам говорит, с верой, не как красивое рассуждение, а как жизненный принцип: должны всегда не только думать о том, чтобы иметь чистую совесть (то есть быть уверенными в том, что мы якобы поступаем разумно), но и оглядываться на ближних, чтобы ничем никого никогда не соблазнить. Если мы будем иметь свою собственную совесть чистой и беречь совесть ближнего, тогда мы станем подражателями святого апостола Павла. Он и сам говорит: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). В этом будет проявляться подлинная любовь. Может быть, у нас это получится не сразу, может быть, мы будем трудиться над этим долгие годы, но нам всегда нужно помнить: совершая жизненный путь, мы должны заботиться не о своем только спасении, но и о спасении тех, кто нас окружает. Аминь.

11 февраля 2007 года

Неделя сыропустная, воспоминание Адамова изгнания

Рим. 112 зач. (13, 11 – 14, 5)

Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти.

Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а

немощный ест овощи. Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его. Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума.

О снисхождении к немощным в вере

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы слышали апостольское чтение из Послания к римлянам. В нем апостол Павел говорит: «Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали» (ст. 11). Мы должны совершать добродетели, помня, что спасение приближается к нам с каждым днем. Мы боимся смерти, боимся и Страшного суда вообще просто потому, что в нас присутствует страх смерти. Земное, человеческое, телесное для нас более реально, чем Божественное и небесное, и потому мы страшимся расставания с этой временной жизнью. Боимся мы еще, конечно, и по той причине, что совесть наша нечиста, мы не раскаялись и не очистились. Приближение часа кончины и Страшного суда для нас есть нечто ужасающее, но если бы мы были истинными христианами, то радовались бы этому, потому что в этом наше спасение. Сейчас, пока мы живем на земле, мы находимся в плену: в плену страстей, обстоятельств, всевозможных скорбей, а когда разрешимся от уз тела, тогда обретем всё, что ради нас было совершено Господом Иисусом Христом, и оно начнет действовать над нами. Поэтому апостол Павел и говорит: «Спасение к нам ближе, чем когда мы уверовали», то есть с каждым днем оно приближается как ко всякому из нас, так и ко всему человечеству. Ко всякому из нас оно приблизится при исходе из этого мира, а ко всему человечеству — когда наступит кончина мира. Поэтому нам должно пробудиться от сна.

Мы уверены, что мы всё понимаем и находимся в трезвом состоянии. Но нам это кажется от самонадеянности и самообольщения. Нам представляется, что мы трезво взираем на жизнь, а на самом деле мы настолько погружены в свою плотолюбивую жизнь, что подобны спящему человеку, который во сне мнит, будто он делает что-то очень важное. Во сне действует иная логика, события развертываются в своеобразном порядке и все, что происходит там, — совершенно отлично от того, что происходит в действительности. Когда мы спим, нам кажется вполне нормальным, если мы во сне делаем какие-то абсурдные вещи. Но когда пробуждаемся от сна, то иногда смеемся, иногда ужасаемся тому, что происходит в нашем сознании без нашего контроля, а иногда бывает стыдно даже и вспомнить, что приснилось. Апостол Павел сравнивает нашу жизнь, протекающую якобы в состоянии бодрствования, со сном. Мы должны пробудиться и избавиться от обаяния страстей, обаяния сластолюбия, от дурной логики, подсказывающей нам определенную последовательность поступков, совершенно не соответствующую разуму Евангелия. Нам нужно пробудиться, восстать от сна, ибо спасение приближается, но может пройти мимо нас. Оно приближается, но коснется нас, обымет и усвоит себе, только если мы будем к этому способны. Поэтому апостол Павел и призывает нас к пробуждению.

Бывает так, что человек вроде бы и проснулся, но в нем остается дремота, он вяло действует, вяло мыслит и медлит приступить к своим обычным дневным занятиям — он еще находится под влиянием сна. А мы должны перемениться вовсе: оставить логику сновидений, оставить расслабление, бывающее при пробуждении, снять с себя одежду, в которой мы спим, и надеть ту, в которой обычно совершаем дневные дела, — одежду бодрствования. Апостол говорит об этом далее: «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (ст. 12), или, как можно еще перевести, «в доспехи света». Итак, мы откладываем ночную одежду. Ночь уже прошла, день приблизился, и мы должны заниматься

обычными дневными делами, отложив все, что было естественно для ночи. И мы облекаемся в доспехи света, которые, конечно же, есть благодать Божия. Более того, доспехи света — это Сам Христос. Мы должны оставить дела тьмы — всё, что казалось нам естественным, правильным, когда мы, как в ином месте говорит апостол Павел, жили, сообразовываясь с духом века сего (см. Еф. 6, 12). Апостол говорит об этом в очень широком смысле, подразумевая и грехи, и страсти, и мнения человеческие, земные. Все это мы должны отложить и принять совсем другой вид. В доспехи света одеваются для того, чтобы, во-первых, отразить тьму, а во-вторых, как видно из самого названия — «доспехи света», или, в славянском переводе, «оружие света», чтобы воспротивиться этой самой тьме.

«Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти» (ст. 13). Нужно обратиться и к славянскому тексту, потому что он раскрывает другой оттенок одного из стоящих в этом месте греческих слов: «Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянствы…» Слово, переведенное на русский язык в Синодальном переводе как «пирования», иначе можно перевести как «козлогласование». Почему? Послание это было обращено к людям, оставившим язычество, знакомым именно с культурой Древней Греции, и потому им хорошо было понятно, о чем идет речь. В древности у греков, а позже и у римлян, был распространен обычай устраивать празднования в честь мнимого бога Диониса, или Вакха, покровителя виноделия, а значит, и пьянства. Во время этих празднеств, так называемых мистерий, происходили торжественные шествия, которые часто заканчивались пьянством. И не просто пьянством, а доведением себя до экстатического состояния. Совершались разнузданные оргии, приводившие к человеческим жертвам. Например, вакханки, упившиеся вином и впавшие в экстаз, могли разорвать на части любое живое существо, попавшееся им на глаза. Поэтому пьянство совсем не безобидно, если был даже настоящий культ этой страсти. Такой дополнительный смысл заключен в словах апостола Павла, но мы понимаем под ними просто пьянство, разгул, пирования, нечто такое, что удаляет нас от истинного Бога и приводит к ложному мироощущению и отношению к духовности.

Апостол Павел предостерегает нас, говоря, что мы должны ходить как днем. Ночью человек может себе позволить совершить что-то неприличное, а днем он старается выглядеть хорошо перед теми, кто его видит. И мы должны вести себя как днем, только не ради человеческого мнения, а ради Господа, всегда нас созерцающего, видящего не только наши телесные поступки, но и всякое внутреннее движение нашей души. Перед Богом, святыми людьми и ангелами, святыми небожителями, мы должны ходить как днем, то есть вести себя прилично, благообразно, не предаваясь ни разгулам, ни кутежам, от которых обычно бывает любодеяние и даже еще худшее распутство, противоестественный разврат. А от пьянства легко дойти до ссор, ревности, зависти, гнева и убийства, что и происходило во время вакханалий. Сейчас словом «вакханалия» называют всякую оргию, крайне разнузданное пиршество, а когда-то это было религиозное действие. Апостол Павел говорит, чтобы мы вакханалиям не предавались. Ведь даже если мы номинально не будем поклоняться Вакху, мнимому божеству (правильнее было бы назвать его демоном), однако будем грешить в его духе, это приведет ко всему тому, что происходило обычно во время вакханалий.

Но если мы не пьянствуем в буквальном смысле, это не значит, что наставление апостола нас не касается. Можно быть опьяненными и действием страстей: гневом и гордостью, тщеславием и унынием. Те, кому знакома страсть уныния, знают, что иногда она так опьяняет человека, что он теряет здравый смысл, все видит наоборот. Любая страсть и вообще наша страстность, греховность может нас опьянить не меньше (если не больше), чем вино. Действие в нас двух таких ужасных страстей, как блуд и гнев, о которых здесь говорит апостол Павел, является следствием нашего умственного помрачения. И потому к нам, хотя бы мы и совсем не

употребляли вина, это поучение апостола относится так же, как и к пьянствующим, то есть тем, кто опьяняется в буквальном смысле слова. Мы видим, что поддаемся блудной страсти, гневу, и проявляется это в виде ссор, зависти. Значит, мы опьянены. Иначе мы не вели бы себя так, как люди, помрачившиеся разумом, и ходили бы прилично. Разве мы ведем себя прилично с точки зрения Евангелия? Более того, даже с общечеловеческой, но нехристианской точки зрения мы подчас тоже ведем себя неприлично. До такой степени мы помрачены страстями. И если посторонний человек увидит, как мы ссоримся, завидуем, то нам бывает стыдно и за себя, и за тех, кто поддается страсти. Мы стараемся такую ситуацию как-то прикрыть. Потому, вспоминая слова апостола Павла, будем ходить благообразно.

«Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (ст. 13–14). Доспехи света, оружие света, о которых упоминалось раньше, — это Сам Господь Иисус Христос. Сейчас апостол Павел говорит о Нем прямо. С точки зрения житейского здравого смысла, одному человеку облечься в другого человека невозможно. Но тот, кто имеет опыт молитвы, опыт смирения, понимает, что это возможно исполнить в самом буквальном смысле. Он чувствует, что Христос в нем и что он во Христе. Но мы, поскольку наш опыт очень скуден, знаем это отчасти, а апостол Павел говорит о полноте. Мы должны облечься в Господа Иисуса Христа так, чтобы ничто наше не находилось вне Его, ведь то, что находится не в Нем, уже подвержено опасности оскверниться грехом. Как облечься в Господа Иисуса Христа? Смиряясь, погружаясь с молитвой в самого себя, пребывая умом и в себе и в Нем одновременно, понуждая себя строго следовать заповедям и не позволяя себе ни под каким предлогом выступать за пределы Евангелия ни в движении ума, ни, тем более, в поступках.

Нам необходимо заботиться о своем теле, о его чистоте, здоровье, питать его, иначе мы будем самоубийцами. Но мы не должны обращать это попечение в похоть. Обычно под похотью мы понимаем блудную страсть, но на самом деле всякое неразумное, неумеренное желание, стремление к излишеству уже есть похоть. Похотение — хотение сверх естественного хотения. Оно приводит к тому, что в нас начинают действовать различные страсти и мы перестаем владеть собой. Например, не соблюдая умеренности в пище, мы поддаемся чревоугодию, а от него происходит блудная страсть. Когда нам препятствуют удовлетворить ту или иную страсть, может появиться гнев. Разрешив себе удовлетворить какую-либо страсть, совершить грех, мы потом уже невольно подчиняемся другой страсти и удивляемся: почему так? Почему в нас действует блудная страсть, если мы этого не хотим? Это происходит по той причине, что мы позволили действовать в нас осуждению, гордости, чревоугодию, нерадению.

Далее апостол Павел призывает нас быть снисходительными к тем, кто кажется нам немощным в вере. Возможно, тот, кого мы считаем немощным, на самом деле гораздо сильнее нас, но в любом случае мы должны быть снисходительны. «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях» (ст. 1). Это наставление касается споров, конечно, не о догматах. Не может быть никакого снисхождения к заблуждениям, разве только в том случае, когда мы терпим их ради вразумления человека. Нельзя говорить, что не имеет никакого значения, как человек исповедует Пресвятую Троицу и правильно ли он думает о воплощении Господа Иисуса Христа. Имеются в виду вопросы нравственные, а точнее, выражаясь языком Православной Церкви, аскетические. Речь пойдет о том, как должно поститься, как вкушать пищу. В этом мы не должны придавать слишком большое значение различениям мнений. Пусть один думает так, другой — иначе.

Мы знаем, что даже среди святых отцов есть разные мнения о том, как нужно подвизаться. Например, египетские подвижники питались сухарями, вкушали их один раз в день и считали, что это очень умеренный, нестрогий пост. Сирийские подвижники иногда питались одной

дикорастущей травой и корнями, египетские подвижники, может быть, казались им нерадивыми. В более поздние времена отношение к посту переменилось по той причине, что люди стали более немощны телесно. Да и духовно они тоже уже не способны были выдержать такого подвига. Кроме того, греческие подвижники уделяли большее внимание внутренней жизни, поэтому их пост и телесные подвиги были умереннее по сравнению с подвигами египтян. В северных странах, говоря вообще, невозможно поститься так, как в южных. Например, Иоанн Кассиан Римлянин, подвизавшийся в Галлии (на территории современной Франции), говорил, что в их северной стране нельзя поститься так, как на юге, в Египте. В нашей же местности, на Урале, человек нуждается в еще более обильной пище просто потому, что для жизни требуется больше тепла. Например, преподобные Василиск Сибирский и Зосима (Верховский), подвизавшиеся долгое время в Сибири, еще севернее нашей местности, находясь чуть не половину года в холоде, вынуждены были заботиться не только о пище, но и об отоплении. Питаться они должны были более основательно, и хотя по сравнению с нами они постились, конечно, очень жестоко, но по сравнению с египетскими подвижниками это был уже нестрогий пост.

Из приведенных мною примеров видно, что действительно даже среди святых отцов в отношении строгости телесных подвигов и поста были разные мнения, тем более они могут быть среди обычных христиан, обыкновенных людей. Мы должны друг к другу снисходить и принимать немощного в вере, чтобы не соблазнить его. Если человек думает, что его спасение зависит более от воздержания в пище, чем от молитвы или смирения, то нужно к нему снизойти. Речь, конечно, идет о разумном воздержании. Если относиться к воздержанию неблагоразумно, то можно стать самоубийцей. И такие случаи бывали. В индийском религиозном течении джайнов, например, совершают своего рода медленное самоубийство: постепенно уменьшают количество пищи до такой степени, что человек умирает. Они считают, что это хорошо и что таким образом они выходят из колеса сансары, то есть бесконечных перевоплощений души, и сливаются с неким абсолютом. Мы не должны уподобляться этим людям, но должны разумно подвизаться, смиряя свою плоть — если она в этом нуждается — так, чтобы она служила нашему духу, а не так, чтобы дух служил немощной плоти и вместе с ней дремал или спал во время молитвы или унывал от одного того, что приходится стоять на службе.

Иное дело — просто не иметь здоровья и терпеть свои немощи, стараться их преодолеть, и иное дело — самому добровольно лишать себя здоровья. Отец Андрей (Машков) одному монаху, жившему в той же, где и он, Успенской обители, в Одессе, как-то сказал: «Я воскрешаю, а ты убиваешь». Он очень лаконично изъяснялся, так что некоторые люди его не понимали. И тот монах возразил: «Я никого не убивал!» Отец Андрей имел в виду себя: ему нужно было воскрешать свою немощную и больную плоть, а тому монаху нужно было убивать, то есть изнурять, свою здоровую и крепкую плоть. Он не осуждал того монаха и себя не хвалил, а просто таким образом объяснял, почему они не могут нести равный телесный подвиг. Так должны рассуждать и мы. Иногда действительно приходится свою плоть воскрешать для того, чтобы она могла служить Богу. Нил Сорский, живший в XV веке, говорил, что у иного плоть как медь, а у другого — как воск. Если у человека плоть немощна, как воск, то ему нужно ее не умерщвлять, а поддерживать. А кто имеет телесную крепость, тому нужно себя удручать. В наше время таких людей мало, было бы смешно считать всех богатырями, хотя и «записать всех в немощные» тоже нельзя.

Поэтому необходимо рассуждать: есть общий порядок вещей и есть очень много конкретных ситуаций. Об этом и говорит, хотя и кратко, апостол Павел: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях». Далее он объясняет: «Иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи» (ст. 2). Один человек, который ест все, понимает, что от действия страстей его спасает

благодать Божия, а другой думает, что избавление от страстей зависит только от поста. Такому можно разрешить поститься, но в разумных пределах.

Преподобный Василий Поляномерульский приводит такой пример: нашли одного подвижника, тридцать лет подвизавшегося в пустыне, питавшегося только кореньями, и его мучила блудная страсть. Когда стали выяснять, почему с ним это происходит, то оказалось, что он не занимался умным деланием, не следил за своими помыслами. Иоанн Лествичник описывает другой случай. У одного монаха были хульные помыслы (это мучительная, отвратительная брань, изнуряющая человека). Он не знал, как бороться с ними, и чуть не уморил себя постом, но от телесных подвигов и поста эти помыслы не проходили. А нужно было просто не обращать на них внимания. В Глинской пустыни был один подвижник, монах Мартирий, очень простой человек, крепкий телесно, он каждый день наизусть прочитывал Псалтирь. Глинские старцы не разрешали обращаться к нему за советом: сам он вел духовную брань, но был неискусен как наставник. Он всем давал один совет: «Если нападают страстные помыслы, нужно делать больше поклонов». И он не проводил различия между теми и другими помыслами. Но не все могли следовать его совету, не всем это помогало. Он, вероятно, даже не понимал, какая у него была чистота ума. Ему достаточно было сделать большее количество поклонов, а другому это ничего не принесло бы, потому что без чистоты ума, без смирения телесные подвиги оказываются просто удручением плоти, никак не влияющим на душу.

«Иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи». Понятно, что ест овощи не тот, кто немощен телесно. Имеется в виду немощный в вере. Если же человек, немощный не только в вере, но и телесно, считает, что ему нужен более строгий пост, то он имеет еще и самую опасную немощь — немощь ума (к сожалению, эти три немощи очень часто соединяются). Что будет с этим немощным в вере, имеющим еще две немощи, о которых он не думает? Когда у человека нет рассуждения, он может и себе и другим нанести большой вред. Если речь идет о посте, то, конечно, себе. Поэтому все всегда нужно делать по благословению. Если человек, немощный в вере, но имеющий крепость телесную и некоторое рассуждение, больше надеется на пост, чем на молитву, считая, что молитва у него слабая из-за недостатка веры, такому человеку можно позволить подвизаться. А что принесет пост тому, кто немощен еще и телесно? Ему волей-неволей нужно искать другой выход. Об этом говорит преподобный Иоанн Лествичник, и его совет подходит почти всем нашим современникам, потому что людей крепких телесно сейчас очень мало. Если кто-то и отличается крепостью, то лишь в сравнении со своими современниками, очень слабыми и больными, а с древними подвижниками и подвижницами ему не сравниться. По словам Иоанна Лествичника, тот, кто против блудной страсти не может подвизаться телесно, должен больше стремиться к смирению и смирением угашать ее, а смирение приобретается, как известно, покаянием. Так человек сможет справиться со своими страстями — блудной, если она его мучит, или другими. Надо иметь в виду, что пост не является средством борьбы со всеми страстями. Например, при хульной брани он не помогает, а при гордости должен быть правильный подход к подвигу поста, для того чтобы он приводил к смирению. К сожалению, из-за нашей неопытности он часто приводит, наоборот, к тщеславию и самомнению.

«Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его» (ст. 3). Под «тем, кто ест» подразумевается тот, кто считает, что ему можно есть все, не только овощи. Речь идет, конечно, не о Великом посте, который очень строго соблюдали с апостольских времен. Ему посвящены некоторые апостольские правила. Кто нарушал Великий пост или в течение всего года — пост в среду и пятницу, который по значимости приравнивался к Великому посту, тот, если он священник или епископ, лишался сана, а если мирянин — отлучался от Церкви. Это очень строгое предписание, потому что как Великий пост, так и пост в среду и пятницу установлены в честь воспоминания страданий Спасителя.

Апостол Павел имеет в виду пост в течение всего года. Один вкушает, когда дозволено, обычную пищу, а в дни поста подвизается, другой считает, что ему нужно воздерживаться целый год. И мы не должны осуждать друг друга. При этом поститься нужно благоразумно, то есть в том случае, когда мы действительно нуждаемся в усмирении плоти. Пост должен иметь определенный смысл. Цель его — смирить плоть и освободить дух, а не умертвить плоть в буквальном смысле слова, так чтобы добиться какой-нибудь болезни или умереть — это подход чисто сектантский.

Посмотрите, какой парадокс: тот, кто не ест (ест одни овощи в течение всего года), пусть не осуждает того, кто ест. Почему? Потому что Бог его принял. Получается, что Бог принимает такого человека, который благоразумно чередует пост и вкушение скоромной пищи, и он угоднее Богу, чем немощный в вере, а значит, немощный и в благодати. Таким образом, апостол Павел косвенно восхваляет благоразумие.

«Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его» (ст. 4). Итак, ни строго постящиеся, ни как будто снисходящие себе и, с точки зрения этих подвижников, ведущие себя нерадиво — никто не имеет права осуждать другого, потому что, если даже и пал тот, кого мы осуждаем, мы ему не господа, а Господь его есть Иисус Христос. «Перед своим Господом», иначе говоря, «господином», он стоит или падает. Мы даже не можем понять и оценить, в каком состоянии находится человек. Смотрим мы на строгого постника, и кажется нам, что он лицемер, ханжа. Или смотрим на того, кто ест с аппетитом, и думаем: «Это чревоугодник», а он, может быть, совсем и не падает, но в это самое время предстоит перед Господом Иисусом Христом в непрестанной молитве, и плачет, и кается о себе и даже о других. То же можно сказать и о строгом постнике. Мы смотрим на тело, но не видим того, что происходит в душе человека. Если даже он и падает, то не перед нами, а перед своим Господом. Вообще, мы не имеем права относиться к другим людям как господа. Мы такие же рабы, как и они, — рабы Божии. Они принадлежат не нам, а Богу, поэтому мы не должны руководить людьми самовластно и деспотически, если мы поставлены в руководители, допустим несем послушание старицы или настоятельницы. Если же нет, то мы не имеем права даже вникать в чужую жизнь. Бог силен восставить любого самого падшего, самого низкого человека. А мы должны заботиться о себе: каяться, смиряться и стараться всегда быть облаченными во Христа, в несотворенную одежду — благодать Святого Духа. Должны всегда во всем подражать Господу Иисусу Христу, всегда умом своим, по словам преподобного Серафима Саровского, как бы плавать в законе Господнем. Тогда мы будем непадательны[18], вне зависимости от того, строго ли мы постимся или умеренно из-за телесной немощи. Иногда немощный телесно вынужден быть более сильным в вере, потому что ему нельзя полагаться на пост, а немощный в вере, но сильный телом может смирять свою плоть строгим подвигом.

Итак, мы должны помнить, что время приближается — время Страшного суда, время, когда мы предстанем пред Господом Иисусом Христом и Он будет судить обо всем, что мы сделали доброго и злого. Суд произойдет и сразу после смерти, предварительный суд во время прохождения мытарств, и может случиться, что мы будем на них удержаны и не достигнем того, чтобы в тот момент предстать пред престолом Божиим.

В Неделю сыропустную, которая в церковном обычае называется Прощеным воскресеньем, как евангельское, так и апостольское чтение призывает нас никого не осуждать. Если мы не простим другим их грехов, то и нам Бог не простит. Если мы будем осуждать, то сами будем осуждены. Если будем взирать на пост другого человека и рассуждать, хорош он или плох, то не получим пользы от собственного поста. Поэтому во время Великого поста мы должны сосредоточить внимание внутри самих себя. Это не значит, что только в дни святой Четыредесятницы нужно быть такими, но значит, что в эти дни мы должны особенно

позаботиться о том, чтобы приобрести навык внутренней собранности, смирения, покаяния, неосуждения и потом сохранить его в течение всего года и всей нашей жизни. Ради этого Церковь и учредила обычай испрашивать друг у друга прощение. Поскольку все делают это вместе, нам легче преодолеть себя и сделать то, что в обычные дни бывает сделать очень тяжело. Церковь учит нас прощать друг другу и испрашивать прощение у всех. Все мы должны искренне простить друг другу и мелкие обиды, которые иногда долгое время мучают человека, и тяжкие. Если по каким-то причинам мы не имеем возможности попросить прощения у некоторых людей, то внутренне должны простить их, очистить свою душу от обид, злопамятства. Таким образом, мы приступим к поприщу Великого поста и, принося сугубое покаяние в течение Четыредесятницы, достойно, благоговейно и с истинно евангельской верой встретим Святую Пасху, день воспоминания Воскресения Христова. Аминь.

18 февраля 2007 года

Недели Великого поста

Неделя 1-я Великого поста, Торжество Православия

Евр. 329 зач. (от полу) (11, 24–26; 11, 32 – 12, 2)

Верою Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние.

И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и других пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия.

О правильной вере

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в Неделю Торжества Православия, мы слышали апостольское чтение из Послания святого апостола Павла к евреям. Какое отношение это чтение имеет к событию, которое мы празднуем сегодня? Что это за событие? Мы вспоминаем тот день, когда в 843 году от Рождества Христова святая царица Феодора после смерти своего супруга, императора-иконоборца Феофила, восстановила иконопочитание. До этого в Византийской империи почти целое столетие с большей или меньшей силой свирепствовала иконоборческая ересь.

Православные, в особенности монашествующие, были гонимы, подобно древним святым, о которых говорит апостол Павел, терпели страшные преследования, покидали пределы Византийской империи или переселялись на ее окраины, где царская власть не имела такого влияния. Многие были убиты или подверглись пыткам, как, например, братья Феодор и Феофан, прозванные Начертанными, потому что на их лицах по приказанию императора Феофила были варварски вырезаны стихи, хулящие их. Многое вынесла в то время Православная Церковь в лице своих исповедников и мучеников.

Император Феофил, по утверждению Феодоры, в самые последние минуты жизни раскаялся в своем заблуждении и, приложившись к святым иконам, отошел в иной мир. Она, желая восстановить иконопочитание и беспокоясь об участи своего супруга-еретика, просила, чтобы святые отцы молились о его прощении. (Надо сказать, что царица Ирина, по инициативе которой был созван Седьмой Вселенский Собор, осудивший иконоборцев, предала анафеме своего умершего мужа как еретика.) Царица же Феодора, то ли из любви и привязанности к мужу, то ли в надежде на его спасение (ведь он перед смертью изменил свое отношение к почитанию святых икон), с дерзновением предприняла следующее. Она упросила патриарха Мефодия, а также всех исповедников, в особенности пострадавших в последний период иконоборчества от ее супруга, молиться о его прощении и усердно молилась сама. И вот с пятницы на субботу первой седмицы Великого поста (поэтому мы и отмечаем память Торжества Православия в первое воскресенье поста) ей приснился сон. Боголепные мужи, ангелы, вели связанными еретиков-иконоборцев, и среди них был и ее муж, истязаемый бичами. Она стала умолять, чтобы его простили, и ей сказали: «Женщина, велика вера твоя», — и отпустили ее мужа.

Между прочим, здесь мы видим аналогию тому, что говорит апостол Павел о праведницах Ветхого Завета, которые по вере получили живыми своих умерших. Он имеет в виду тех жен, о которых говорится в житиях пророков Елисея и Илии: пророки воскресили их сыновей и вернули матерям. Здесь также произошло нечто подобное, может быть, даже большее: еретик и гонитель Церкви получил прощение ради веры своей жены, святой Феодоры, — конечно же, ради веры, подкрепленной ревностью о восстановлении иконопочитания. Своими добрыми делами, своим подвигом веры царица Феодора загладила грех мужа.

Помимо этого пророческого сна стоит упомянуть еще об одном чуде. Когда патриарх Мефодий молился о прощении Феофила, то он дерзнул написать на хартии имена всех царей-еретиков и положил их под святую трапезу. После литургии он достал оттуда хартию и увидел, что имя императора Феофила исчезло. Таким образом, из сновидения и из этого явления все поняли, что Бог простил Феофила ради веры его супруги и ее подвига благочестия.

Все соратники этого умершего императора были иконоборцами. Они образовали нечто вроде государственного совета (это был регентский совет), потому что управлять империей, по византийским законам, мог только мужчина, а сын Феофила был еще отроком. Впоследствии оказалось, что они весьма безучастно восприняли восстановление иконопочитания, а один из них даже обратился к вере, потому что тяжело заболел и выздоровел после молитвы перед иконами.

Итак, мы видим, что иконопочитание было окончательно восстановлено лишь после столетия гонений на иконы, причем его восстановление сопровождалось чудесами. Сегодняшнее апостольское чтение свидетельствует о том, что по вере в Бога в разные времена происходили чудеса. Таких чудес, подтверждавших то, что иконы действительно достойны почитания, было великое множество. Например, всем известно чудо, связанное с Иверской иконой Божией Матери. Вы знаете, что ее изображают со шрамом красного цвета на лике: когда воин-иконоборец ударил копьем в икону Божией Матери, оттуда потекла кровь.

Оглядываясь на историю Церкви, с одной стороны, мы видим, что Господь всевозможными чудесами подтверждал правую веру (бывшие иконоборцы, например, часто обращались к вере), а с другой, — что многие ревнители православия, иконопочитатели не приняли избавления: их подвергали истязаниям, предавали смерти. Какой же вывод мы из этого можем сделать в отношении как ветхозаветных праведников, так и новозаветных? Одни получали помощь, другие умирали в мучениях, не дождавшись избавления. В чем же тут чудо? А чудо в том, что вытерпеть страдания, достойно пройти испытания — это труднее, чем получить помощь в виде чудесного избавления от каких-то скорбей. Действительно, испытывать пытки, муки и остаться верным своим принципам — выше человеческих сил. Это возможно только тогда, когда превосходящая природу человека потусторонняя сила, то есть Бог, вмешивается, начинает содействовать человеку. Это чудо, в высшей степени удивительное и непостижимое, доказывает истину православия в большей мере, чем спасение от скорбей. В Ветхом Завете, например, говорится об отроках, брошенных в печь и избавленных от гибели (Дан. 3, 19–94), и о мучениках Маккавеях, не получивших никакой помощи, но умерших с упованием на воскресение мертвых и с верой в него (2 Мак. 7, 1–42). Так же и во времена иконоборчества: были случаи чудесного обращения при святых иконах и мощах, показывавшие, что почитание их достойно и истинно, и было чудо необыкновенной твердости в муках, гонениях и преследованиях. Что более удивительно?

Мы всегда хотим получить помощь Божию именно таким образом, чтобы избавиться от каких-нибудь несчастий: болезней, презрения, клеветы, изгнания, пыток. Мы этого очень боимся и, естественно, хотим от этого избавиться. Нам кажется, что это важнее и лучше для нас, но, согласно Священному Писанию, это не так. В Послании к евреям есть такие слова: «Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия» (ст. 2). Господь Иисус Христос показывает нам ту награду, которую все мы получим, если будем следовать Ему, если будем Его подражателями. Между прочим, «взираем» мы на Господа и через образы иконописные — без них нам будет трудно помнить об этом. Когда, находясь в храме или келье, только мельком взглянешь на икону Спасителя, то уже одно это заставляет вспомнить о молитве и покаянии, рождает в душе страх Божий, внушает мысль о подражании Спасителю и призывает следовать по стопам праведников, подражателей Христовых. Взирая на нашего Подвигоположника, мы видим, что Он претерпел гораздо больше того, что другие люди терпели, — такое уничижение и страдание, какое редко выпадало на долю кого-либо из людей, пусть они и заслужили это своими грехами. Но Он получил и необыкновенную награду: воскрес из мертвых, воссел одесную Бога и Отца. Испив до дна чашу страдания и уничижения как человек, Иисус Христос получил награду, превосходящую всякий разум и всякое воображение. Поэтому если, взирая на Спасителя, мы будем подражать Ему и искать помощи Божией не в том, чтобы избавиться от скорбей, но в том, чтобы достойно, христоподражательно их перенести, то и мы будем награждены содействием невидимой благодати Божией, обильно нас укрепляющей и утешающей. И в мгновение страданий, и в особенности в будущей жизни, будем награждены, подобно Спасителю, потому что так же воскреснем из мертвых, будем находиться рядом с Ним, лицезреть Его славу и наслаждаться неизреченным богообщением — неописуемым, не передаваемым человеческим языком.

В святоотеческой литературе принято различать веру умственную и веру сердечную. Наверное, часто так и бывает, что человек умом все правильно понимает, верит, но сердце его лишь отчасти сочувствует тому, что воспринял его разум. Но на примере иконопочитателей, живших во времена иконоборчества, и других подвижников веры, которые пострадали за нее, совершили многие подвиги, боролись с ересью, мы видим, что вера умственная не является чем-то отдельным. Так бывает, но это неправильно. Иногда мы чувствуем пустоту в сердце, но не может быть такого, чтобы вера сердечная была лишена разумности. Иначе что тогда

значила бы такая твердость в стоянии за святые догматы, например за догмат иконопочитания?

Многие считают, что если есть живая, сердечная вера, чтобы жить праведно и нравственно, то, так сказать, интеллектуальные тонкости, не имеющие, как представляется, никакого отношения к нравственности, не нужны. Зачем переживать о том, как исповедовать Троицу: так или немного иначе? Как говорить о воплощении Сына Божия: как Несторий или как Евтихий, — не все ли равно? Главное, чтобы была сердечная искренняя вера. На самом деле это вещи неразделимые: не может быть искренней сердечной веры, если нет правильной веры умственной, ибо это уже будет не вера, а, скорее, фанатизм и прелесть. Бывали фанатики и среди еретиков, и какая-то сила укрепляла их в фанатичном противостоянии истинной Христовой Церкви, но эта сила — гордость, а где гордость, там и диавол. Мы должны понимать, что правильное исповедание и искренность этого исповедания — это вещи, неотделимые друг от друга. Догматы — это не отвлеченные спекулятивные умозаключения, а опыт веры пророков, апостолов и святых отцов. И этот опыт, созерцаемый нами как нечто отвлеченное, поскольку мы сами не имеем опыта тождественного, должен для нас из теории превратиться в переживание. Тогда мы уподобимся древним пророкам, праведникам, святым апостолам, святым отцам и исповедникам — всем тем, кого мы вспоминали в связи с сегодняшним апостольским чтением и с тем событием, которое Церковь уже более тысячи лет приводит нам в пример — торжеством православия, торжеством иконопочитания над хулителями Церкви Христовой, как называли иконоборцев в древности. Аминь.

25 февраля 2007года

Неделя 2-я Великого поста, архиепископа Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского

Евр. 304 зач. (1, 10 – 2, 3)

В начале Ты, Господи, основал землю, и небеса — дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся. Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?

Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть. Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него?

О стремлении к вечности

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем чтении из Послания святого апостола Павла к евреям говорится о тех событиях, которые происходили тогда, когда не только нас, но и вообще людей еще не было, и о тех, которые произойдут, когда нас уже не будет, — о сотворении и кончине мира. Но это не значит, что столь отдаленные события нас не касаются: как мир был сотворен из ничего, так и мы, хотя и в разное время, также приходим в него из небытия. Мир когда-то закончит свое существование, и будет Страшный суд. Мы, может быть, в своем теле и не доживем на земле до этого события, увидим его только при воскресении из мертвых. Однако, когда за нами приходит смерть и душа наша разлучается с телом, и мы также предстаем на свой суд, не

менее страшный, чем суд над всем человечеством. Поэтому эти события касаются нас не в меньшей степени, чем и представителей последнего поколения, тех, кто станет свидетелями кончины мира, которая завершит человеческую историю.

Апостол Павел говорит: «В начале Ты, Господи, основал землю, и небеса — дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся» (ст. 10–12). Слова эти взяты из Ветхого Завета (см. Пс. 101, 26–28), но апостол Павел придает им определенное значение: он хочет показать, что Творцом мира был не только Бог Отец, но и Единородный Сын Божий, воплотившийся и принявший имя Иисус. Земля, которую основал Господь через Своего Сына, когда-нибудь исчезнет, и Бог изменит все с такой легкостью, с какой человек сворачивает одежду. Лишь вечность бытия Божия останется неизменной.

Далее мы читаем: «Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?» (ст. 13). Апостол Павел открывает нам истину о том, что Тот, про Кого сказано: «Седи одесную Меня», есть Единородный Сын Божий. Доказывает он это словами из Священного Писания, говоря, что Сын Божий неизмеримо выше ангелов, потому что ни о ком из них никогда не было сказано, чтобы кто-либо из ангелов воссел одесную Отца, доколе все враги его не будут повержены под его ноги. Враги Христа — это и демоны, и еретики, и люди, чуждые Ему. Вражда с такими заблуждающимися людьми состоит не в том, чтобы мы преследовали их и от имени Божия наносили им вред, а в том, чтобы мы противились духу, который враждебен Евангелию и евангельским догматам. Людей мы любим, но зло, носителями которого они бывают, мы ненавидим и отвергаем. И часто случается так, что враги Бога впоследствии становятся его друзьями, точнее сказать преданными рабами, как это произошло и с самим апостолом Павлом. Поэтому под враждой нужно понимать непримиримое отношение к заблуждению и ереси как греху, но не к людям. Если мы избегаем людей, пытающихся нас соблазнить, то не потому, что они действительно достойны пренебрежения, а потому, что мы сами немощны.

«Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (ст. 13–14). Ангелы — это служебные духи, и они не могут сравниться с Сыном Божиим. Хотя Он так же был послан в мир, но не как служебный дух, а как Тот, Кто произвольно принял решение о том, чтобы сойти на землю, воплотиться, принять человеческое естество и послужить делу нашего спасения — послужить добровольно, а не потому, что это было заложено в Его природе.

«Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть» (ст. 1). Мы знаем, что мир сотворен через Господа Иисуса Христа, Который по Своем Воскресении вознесся на небеса, воссел одесную Бога и Отца и пребывает в этом непостижимом для нас, но подлинном, реальном состоянии. И будет пребывать до тех пор, пока все враги его, то есть все враждебное Евангелию и истине, не будет покорено Ему, пока не признает Его власти, не смирится и не будет вынуждено отречься от всех своих заблуждений и лжеучений. Мы должны понимать и помнить, что нужно быть внимательными ко всему, что нам было проповедано через святых апостолов, — к Евангелию, иначе и мы окажемся теми самыми врагами, которые будут у ног Спасителя. У слова «отпадать» в греческом языке есть такой оттенок смысла, который не удалось передать в Синодальном переводе Священного Писания: «протекать мимо», «проскальзывать», «ускользать». Мы можем ускользнуть от истины, как выскальзывает из рук какой-либо предмет, который неудобно держать. Нужно быть чрезвычайно внимательными, чтобы не подвергнуться такому внезапному удалению от истины: оно будет внезапным для нас, но на самом деле — подготовленным нашим нерадением, невниманием, пренебрежением к тому, что мы слышим.

Апостол Павел продолжает: «Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него?» (ст. 2–3). По апостолу Павлу, Ветхий Завет, или Моисеев закон, был возвещен через ангелов, а Новый Завет, отменивший Ветхий и принесший нам полноту истины, проповедан через Самого Сына Божия. Апостол Иоанн Богослов говорит об этом: «Благодать (же) и истина Иисус Христом бысть» (Ин. 1, 17). Тех, которые пренебрегали Моисеевым законом, люди побивали камнями и Бог наказывал их на глазах у верующих, чтобы утвердить последних в вере, как наказал Он, например, Дафана и Авирона, которых поглотила земля (см. Чис. 16, 29–33). Еще более страшное наказание ожидает тех, кто противится полноте истины, преподанной нам через Иисуса Христа. Хотя мы не были свидетелями евангельских событий, но нам рассказали о них те, которые были рядом с Самим Господом, то есть святые апостолы, прежде всего евангелисты, и другие писатели Нового Завета. И рассказали не только они, но и те, кто устно передавали своим ученикам Божественное Откровение, проповедовали его по всему миру, хотя и не оставили писаний, которые вошли бы в канон Нового Завета. Например, апостол Фома, который, как мы знаем, проповедовал в Индии и многих обратил к Христу, ничего не написал. Не оставили Евангелий и другие апостолы из числа двенадцати, кроме Матфея и Иоанна, хотя апостол Петр написал два послания. Но это не значит, что проповедь этих учеников Спасителя не принесла никакого плода: она жила в Церкви как устное предание и обрамляла, так сказать, записанное Откровение, поддерживала его, комментировала и способствовала его правильному пониманию.

Если мы впадем в нерадение к слову Божию, той истине, которую Господь Иисус Христос возвестил через святых апостолов, то нас ожидает страшное наказание. Потому покаяние должно стать нашей природой. Нам нужно помнить, что христианский образ жизни, тем более монашеский как особенно последовательный и бескомпромиссный, состоит в том, чтобы готовиться к вечности, — для того мы и вышли из мира. Все остальные цели являются промежуточными. И если они мешают, мы должны устранить всё необязательное: то, что по необходимости нужно делать ради заботы о своем теле, — свести к минимуму, остальное же — сообразовывать с вечностью. Все должно быть устремлено к вечности.

Наши мысли, чувства, переживания, наше общение друг с другом — все это должно быть озарено светом вечности. Само покаяние имеет смысл только в том случае, когда оно освещается вечностью и, если можно так выразиться, происходит от нее, имеет с ней неразрывную связь, когда оно становится как бы отблеском надмирного бытия, силой, дающей жизнь нашим делам, которые мы совершаем ради того, чтобы прийти к этой вечности и чтобы она стала для нас блаженной, соединила нас с возлюбленным Господом Иисусом Христом. Поэтому мы всегда должны помнить о смерти — переходе из этой временной жизни в вечную. Мы не знаем, когда наступит время Страшного суда, но точно знаем, что все мы предстанем на нем. Будет это через сто или через пятьсот лет — знать мы не можем. Продлится ли бытие мира ради грядущих поколений или, может быть, в какой-то мере ради нашего покаяния или же сократится из-за развращенности человечества, которую мы теперь с ужасом наблюдаем? Повторю: мы не можем этого знать, но должны помнить о Страшном суде, этом неминуемом событии, которое для нас настолько реально, что мы ежедневно вспоминаем о нем во время Божественной литургии, при чтении тайных евхаристических молитв, как об уже осуществившемся. Вся наша жизнь должна быть сообразована с этим. Когда мы молимся Иисусовой молитвой, то молим Господа о том, чтобы Он помиловал нас ради вечности. Когда мы совершаем какую-либо добродетель, например проявляем кротость, удерживаем гнев, смиряемся перед уничижающими нас, творим милостыню материальную или духовную, проявляющуюся в каком-то добром чувстве или поддержке другого человека, то делаем это

также ради вечности. Причем не только ради своей вечности, не только ради того, чтобы спасти себя, но и ради того, чтобы, по возможности, привлечь к этому спасительному пути и тех, с кем мы соприкасаемся и кому делаем добро. Только в свете этого и можно понять, что́ есть истинное добро, подлинное доброделание, и что есть ложное, потому что можно потакать человеческим страстям, как об этом прекрасно рассуждает святитель Игнатий (Брянчанинов), и вместо любви к ближнему проявлять человекоугодие, не принося, таким образом, пользы ни себе, ни тем более другим.

Ветхозаветные пророки, а вслед за ними и апостол Павел, говорят, что этот мир «пройдет» так же быстро, как срок служения одежды. Обветшавшую и уже негодную, ее сворачивают и убирают — так случится и с этим миром. И если все произойдет так быстро, легко и внезапно, значит, мы всегда должны быть готовы к тому, чтобы оказаться в это время бодрствующими, как говорил об этом Сам Господь Иисус Христос: «Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих, хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим» (Лк. 21, 36). Конечно, самый лучший и уместный способ бдения — это молитва, но она должна иметь правильный дух, правильное устроение. Если мы молимся ради того, чтобы достичь какого-то совершенства, бесстрастия и стать лучше других, то это, скорее, приносит нам вред. Если мы молимся даже для того, чтобы в этой временной жизни достичь чего-то доброго, но забываем о вечности, то в таком случае мы воздвигаем себе мысленного идола.

Наш взор должен быть устремлен за границу нашего земного существования, и даже за границу существования видимого мира. Нужно иметь такую же веру, какую имели пророки и апостолы, и верить не только в бессмертие души, но и в воскресение мертвых, после которого наступит жизнь вечная, нескончаемая. Мы говорим об этом каждый раз во время Божественной литургии, когда произносим Символ веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века». Чаять — значит ждать, надеяться. Но, к сожалению, получается так, что какие-то временные цели заслоняют от нас главную цель, главную не только для всего человечества, но и для всей твари. Для нас вечная жизнь — это скорее нечто воображаемое. Но если бы мы осознали Божественную, богооткровенную истину о вечной жизни и всей душой поверили бы в нее, если бы, по словам Спасителя, вера наша была хотя бы с горчичное зерно, то мы и горы могли бы переставлять (см. Мф. 17, 20). Мы таких чудес за собой, к сожалению, не видим. Получается, что вера наша меньше, чем горчичное зерно, и потому-то жизнь наша столь нерадива, столь расслабленна.

Что бы мы ни делали (допустим, мы даже заняты послушанием, отвлекающим от молитвы), мы должны помнить, что непрерывно движемся к вечности, что мы собрались в этой обители ради вечности, и только это одно, во-первых, может оправдать наше отречение от мира, а во-вторых, придать нам силы для этого пожизненного и нелегкого подвига монашеской жизни. Если мы забываем об этом, то возникают мысли, которые увлекают нас в мир, вызывают у нас сожаление о том, от чего мы отказались. Может быть, это мысли даже не о чем-то реальном, оставленном в миру, но о самой возможности что-либо там совершить. Последнее тоже бывает мучительно: возникает пристрастие, привязанность, и мы, находясь в обители, отворачиваем свое лицо от вечности и устремляем его к чему-либо временному, а отвращая свой взор от вечности, мы отвращаем его и от Господа.

«Иисус Христос, — говорит апостол Павел в ином месте, — вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). К этому неизменному, вечному Господу Иисусу Христу мы должны устремить свои взоры, желать в своей молитве соединиться с Ним и, конечно, настроить свою волю согласно заповедям Божиим. Апостол Иоанн Богослов говорит: «Будем ходить, как Он ходил» (см. 1 Ин. 2, 6)[19]. Если будем идти вслед за Ним, то придем туда же, куда и Он — в вечность. Как Он сидит одесную Бога и Отца, так и мы встанем одесную Господа Иисуса Христа, когда будет Страшный суд, и окажемся в числе избранных Его, в числе овец Христовых, а не в числе

упрямых и не послушных воле Божией козлищ.

«Ты Тот же, и лета твои не кончатся» (ст. 12). Если мы соединимся с Господом, то станем вечными, блаженными, равноангельными существами. Но для этого нам нужно потрудиться. Человек, увидев в толпе того, кто ему дорог и близок, смотрит поверх прочих людей, никого не замечает, боится потерять из виду дорогого человека, опасается, как бы толпа не оттеснила того в сторону, и устремляется к своему близкому. Если в нашей жизни любовь к какому-то человеку, на чем бы она ни была основана, заставляет нас пренебрегать всем остальным, то любовь к Господу Иисусу Христу должна быть много сильнее. Мы должны смотреть как бы поверх толпы — взирать на Господа поверх всех временных, суетных событий и стремиться к Нему, преодолевая все препятствия, чтобы соединиться с Ним. Тогда наша монашеская жизнь будет подлинно христианской, вдохновенной, имеющей истинную цель, то есть вечность, и одновременно могущественное средство для достижения этой цели — память о вечности, которая будет всегда нас окрылять, поддерживать и приобщать к себе. Аминь.

4 марта 2007 года

Неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная

Евр. 311 зач. (4, 14–5, 6)

Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.

Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.

О дерзновении к Богу

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в Крестопоклонную Неделю, мы слышали чтение из Послания святого апостола Павла к евреям. Это чтение, безусловно, имеет прямое отношение к сегодняшнему знаменательному дню, в который мы вспоминаем о Кресте Господнем, страданиях Спасителя и о том, что мы обязаны следовать за Господом и стать крестоносцами.

Апостол говорит: «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего» (ст. 14). Мы часто соблазняемся поступками первосвященников, то есть архиереев, иереев, других священных лиц, но если бы мы всегда помнили, что нашим истинным первосвященником является не какой-нибудь обыкновенный человек, а Господь наш Иисус Христос, то ничто не заставило бы нас смутиться, даже если бы мы увидели в поступках священников ту или иную человеческую немощь. Как я говорил в прошлой своей проповеди, мы должны взирать как бы поверх толпы, стараясь не упустить из виду Того, Кого мы любим. Господь наш Иисус Христос находится так неизмеримо

высоко — Он прошел небеса и воссел одесную Бога и Отца, — что, взирая на Него, мы по необходимости вынуждены поднять взор наш от всего земного, чтобы оно не отвлекало и не смущало нас.

Мы должны твердо придерживаться нашего исповедания, потому что вера наша основана не на человеческих доказательствах, а на памяти о тех событиях, которые описаны в Священном Евангелии и проповеданы святыми апостолами. «Ибо мы, — говорит апостол Павел, — имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (ст. 15). В то же самое время нам нужно помнить, что Он великий первосвященник и величие Его неизмеримо выше не только всякого величия человеческого, но и нашего представления о величии. Спаситель и Человек, и Бог, что выражено столь краткими, но необыкновенно значимыми словами святого апостола Павла: «Имея Первосвященника… Иисуса Сына Божия». Он Человек — и потому назван Иисусом. Бог — и потому назван Сыном Божиим. Как Сын Божий по необходимости должен быть Богом, так и Сын Человеческий — Человеком. Несмотря на Свое величие, Он сострадает нам, потому что Сам был облечен человеческой плотью и вместо предлежащей ему славы, как говорит апостол Павел, претерпел страдания и муки (см. Евр. 12, 2). Спаситель был во всем подобен человеку, претерпел все человеческие немощи: и человеческую ограниченность, и телесную немощь — перенес все искушения, какие только можно себе представить, и испытал все в полной мере, хотя Сам не подвержен был греху. Сила, интенсивность искушений, постигших Господа Иисуса Христа, превосходила все, что только бывает с людьми. Если человек поддается тому или иному соблазну, то искушения прекращаются, поскольку греховная цель достигнута — диавол добился своего. Если же человек не поддается, то искушение становится все более и более сильным, страшным, даже, как кажется, превосходящим человеческие силы. Господь наш Иисус Христос как человек претерпел все искушения, причем в сильнейшей степени, поэтому Он и сострадает нам. Но в то же время Он не согрешил, то есть Он испытал на Себе, как и что нужно делать, чтобы победить грех.

Мы часто говорим: «Ему было легко, Он был Бог». Но в этих нелепых и даже кощунственных словах содержится некий оттенок ереси. Рассуждая таким образом, мы предполагаем, что воплощение Сына Божия было недействительным, как думали, например, докеты, или считаем, что оно носило временный характер. Так полагали монофизиты, учившие, что до воплощения Господь Иисус Христос имел две природы, а после воплощения — только одну, Божественную. Но Господь Иисус Христос был совершенным человеком, то есть имел всю полноту человеческого естества. Поэтому страдания Его были сопоставимы с теми, какие испытывают обыкновенные люди, и даже несоизмеримо превосходили их по своей силе, однако Он как человек их победил. «С помощью Божией», — хочется добавить нам. Это верно, но и мы также имеем возможность с помощью Божией победить грех, однако, к сожалению, не идем до конца и в какой-то момент уступаем диаволу, не желая больше подвергаться ужасной муке. Конечно, после этого мы испытываем, может быть, не меньшее мучение от упрекающей и уязвляющей нас совести, но в тот момент мы не хотим об этом думать: мы уступаем, соблазняемся, делаем то, что внушает нам диавол. А Спасителя искушал и непосредственно диавол в пустыне, и враги, и даже друзья, как, например, апостол Петр, который прекословил Ему: «Господи, да не будет этого с Тобою», — на что Спаситель ответил ему: «Отойди от Меня, сатана!» (см. Мф. 16, 22–23). Господь Иисус Христос вытерпел все страдания, но не согрешил, поэтому Он и опытен, искусен в борьбе с грехом.

Далее апостол Павел говорит: «Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» (ст. 16). С дерзновением — не значит без страха, но при этом не должно быть и неуместной робости. Если мы хотим победить грех, то у нас нет другого выхода. Наша человеческая немощь вынуждает

нас искать помощи, но друг от друга мы ее получить не можем: как может один утопающий помочь другому? Псалмопевец Давид сказал: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения» (Пс. 145, 3). Поэтому мы должны с дерзновением искать помощи сверхъестественной. Сам Спаситель говорил, что мы должны стучать в двери и неотступно просить, пока наш друг, который, может быть, в это неподходящее для просьб время спит, не восстанет с ложа и не даст нам, нуждающимся, хлеба. Конечно же, под другом подразумевается Господь Бог — наш единственный и безупречный друг (см. Лк. 11, 5–9). Значит, мы должны стучать, пока нам не отворят, стучать, пока наша неотступность не будет удовлетворена. Об этом говорится и в других притчах Спасителя.

Итак, мы приступаем к престолу благодати — не к престолу суда, не к престолу справедливости, но к престолу благодати, то есть благого дара, потому что все, что мы получаем от Бога, есть дар и милость. Приступаем как с дерзновением, так и со страхом. Мы должны помнить, что это престол Божий, и приступать к нему со страхом и одновременно благоговением и любовью, надеждой и трепетом. Нужда заставляет нас быть дерзновенными, и мы вынуждены приступать к престолу Божию, чтобы получить милость и благовременную помощь, когда нас борет враг, когда находят сильнейшие искушения. Приступаем с дерзновением, какие бы тяжкие грехи ни лежали на нашей совести, какими бы немощными, убогими, израненными соблазнами и демонами мы ни были. Мы должны, несмотря на свое отвратительное, может быть, и погибельное нравственное состояние, угрожающее нам смертью вечной, иметь дерзновенную надежду на помощь, как имел ее израненный странник, которому помог милосердный самарянин. Когда мы уйдем из этой скоропреходящей земной жизни, тогда уже будет поздно просить о чем-либо, поэтому мы должны дорожить каждым моментом, особенно когда испытываем тяжесть борьбы с грехом. Кто знает, сколько нам придется прожить, какие грядут испытания, будет ли у нас еще возможность доказать свою верность Богу. Поэтому мы должны стремиться получить именно благовременную помощь как для того, чтобы победить грех во время брани, так и для того, чтобы не потерять быстротечное время нашей земной жизни, чтобы не оказалось, что оно пролетело в одно мгновение и просить уже некогда.

Апостол продолжает: «Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах» (ст. 1–3). Здесь апостол Павел указывает на вполне известное всем его читателям, евреям, служение первосвященника. Первосвященник избирался из людей и поставлялся на служение Богу. Он был вынужден приносить жертвы за других: грешников, заблуждающихся, невежественных людей, но, будучи сам таким же немощным, как и они, приносил жертвы и за себя. Это заставляло его, если, конечно, он не очерствел своим сердцем совершенно (а бывали, наверное, и такие), сочувствовать людям.

Так, собственно, происходит и сейчас. Служители алтаря: и нынешние первосвященники, то есть епископы, и священники, их помощники, и другие — независимо от сана имеют человеческие немощи и поэтому вынуждены сочувствовать людям и не быть слишком строгими к ним. Они принимают покаяние верующих и выслушивают рассказы об их душевных болезнях с человеколюбием, а не с возмущением, и стараются им помочь. А если бы сами священники были безупречными, как ангелы, то тогда, скорее всего, и требования предъявляли бы соответствующие, ведь и Господь наш Иисус Христос также был «обложен немощами», кроме греха, для того чтобы сочувствовать нам. Получается, что даже Бог только в том случае может сочувствовать людям, если Он как человек пережил то же, что и они. Это заставляет нас быть чрезвычайно дерзновенными. Силуан Афонский, на своем собственном опыте испытавший, что́

такое помощь Божия, говорит: «Если бы мы знали, какой Господь Иисус Христос милосердный, то никто никогда не отчаивался бы».

«И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон» (ст. 4). Из ветхозаветной истории мы знаем, что тех, кто пожелал стать первосвященником или равным Аарону, Бог наказал страшным образом: одних поглотила земля, других пожрал огонь, вышедший из кадильниц (см. Чис. 16, 31–35). Получается, что человек не имеет права с дерзновением искать первосвященства. Святитель Симеон Солунский говорит, что можно искать священства, но не епископства — проявлять инициативу в этом отношении человек не имеет права. Не всегда, конечно, так бывает, но так должно быть. Для нас важно следовать Священному Писанию и Преданию Православной Церкви.

«Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя» (ст. 5). Эти слова известны нам из псалма (Пс. 2, 7). Господь наш Иисус Христос стал первосвященником, потому что освящен был Самим Богом и Отцом. Он одновременно был и первосвященником, и той жертвой, которую этот Первосвященник принес, но не за Себя, конечно, а за народ. Причем Он принес ее не только за израильский народ, но и за все человечество; не только за своих современников, но и за тех, кто жил прежде Него от сотворения мира и кто должен появиться до конца времен.

Далее читаем: «Как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (ст. 6). Мелхиседек, по выражению Священного Писания, не имел ни начала, ни конца своих дней (см. Евр. 7, 3). Писание не говорит ни о его предках, ни о том, что было с ним после того, как он благословил Авраама и принес за него жертву. Таким образом, Священное Писание, в котором даже умолчание имеет значение, свидетельствует о том, что Мелхиседек явился прообразом Господа нашего Иисуса Христа, подлинно не имеющего ни начала, ни конца Своих дней. Он — вечный первосвященник. Все священство новозаветной Церкви, будь то патриархи, епископы, священники, диаконы или все иные, низшие священные степени, — все оно освящается от этого единого Архиерея, потому что главой Церкви является не патриарх Иерусалимский, Константинопольский или Московский, а Господь наш Иисус Христос. Они лишь образы этого невидимого, но действенного и реального главенства. Поэтому с дерзновением и любовью, надеждой и страхом мы должны приступать к престолу величества Божия, надеясь на Его всемогущую помощь. Лишь бы только мы не устали просить, не потеряли надежду. Он всегда поможет нам, если для нас это будет полезно, спасительно. А если, как нам кажется, Он медлит, то только для того, чтобы научить нас непрестанной молитве и вниманию, ибо через эти, казалось бы, формальные вещи, как раз и совершаются самые высшие христианские добродетели: вера, надежда и любовь. Будем помнить, что наш первосвященник Господь Иисус Христос совершен и сострадает каждому: и в великих и тяжких скорбях, если бы они подлинно были такими, и в каких-то человеческих, малых переживаниях.

Для того чтобы доказать правоту своих слов, я приведу пример из Евангелия. Когда Господь наш Иисус Христос со Своими учениками и Пресвятой Девой, Своей святой Матерью, присутствовал на браке в Кане Галилейской, закончилось вино. Казалось бы, ничего страшного не произошло: ведь люди не умирали от жажды, без вина можно и обойтись. Просто, наверное, не совсем приятно было устроителям этого празднества, даже стыдно, что они недостаточно хорошо подготовились к пиру. Может быть, они были бедны, и у них не хватило средств, но они старались, чтобы все остались довольны. «И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте» (Ин. 2, 3–5). Господь благословил воду, и она превратилась в вино. Мы видим, что сочувствие Его простирается и до таких, казалось бы, мелких житейских проблем. Значит, тем более Он слышит нас тогда, когда мы страдаем, боремся с грехом, соблазнами, помыслами, когда диавол нападает на нас.

Спаситель говорит: «Забудет ли Господь избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь?» (см. Лк. 18, 7). Этого не может быть. Мы всегда должны помнить об этом и не соблазняться немощами священников и архиереев. Будем взирать выше земных событий, очами веры смотреть на нашего великого Первосвященника, восседающего одесную Бога Отца, стремиться к Нему, Ему молиться. И мы обязательно получим благовременную помощь свыше. Но для этого нужно хранить исповедание, как сказал апостол Павел (см. Евр. 10, 23). Если мы твердо следуем догматам Православной Церкви, то это не мешает нам, а, наоборот, содействует правой вере и исповеданию, проявляющимся в непрестанной молитве Иисусовой. Разве она не исповедание, разве она не похожа на то рассуждение апостола Павла, которое мы только что слышали, когда он говорит о первосвященнике — Иисусе, Сыне Божием? Мы непрестанно должны взывать к этому Первосвященнику, непрестанно умолять Его, и тогда мы приблизимся к Нему духом, находясь еще на земле. Тогда помощь эта окажется благовременной, тогда престол Божий будет для нас престолом благодати, а не престолом суда. Все для нас сделано, но нам, со своей стороны, нужно приложить усилия, чтобы то, что уже совершено, оказалось для нас действенным, реальным, полезным, стало не только нашей верой, но и подлинной реальностью, самой нашей жизнью. Аминь.

11 марта 2007 года

Неделя 4-я Великого поста, преподобного Иоанна Лествичника

Евр. 314 зач. (6, 13–20)

Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. И так Авраам, долготерпев, получил обещанное. Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека.

Якорь нашей надежды

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит: «Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя» (ст. 13–14). Этими словами апостол Павел напоминает нам о том, как Господь Самим Собой поклялся Аврааму, что от него произойдет праведный Исаак (Аврааму в то время было сто лет, а его супруге Сарре — девяносто). Авраам принес в жертву Богу единородного возлюбленного сына, про которого и дано было ему обетование (см. Евр. 11, 17–19), — принес не на деле, но внутренне, своим произволением, и он на самом деле заклал бы Исаака, если бы его не остановил ангел Божий. После этого Бог обещал, что от Авраама произойдет великий народ.

Мы видим это сбывшимся сейчас, а в то время Авраам был странником в земле обетованной и тогда казалось немыслимым, что от него произойдет израильский богоизбранный народ, от одного человека — миллионы. Это сбылось, потому что по вере Авраам стал отцом многих народов, а вернее — единого народа, нового Израиля, то есть всех православно верующих, где бы они ни жили и на каком бы языке ни говорили. Ведь язык — не только звучание слов, но и

единство понятий, единое отношение к действительности. И это единое евангельское отношение к действительности через Откровение дано всем людям, исповедующим Христа, на каких бы языках они ни говорили.

Апостол Павел, желая уверить нас в том, что если Господь что-то обещал, то это обязательно исполнится, приводит нам этот пример, чтобы и мы, подобно Аврааму, ждали исполнения обетования. Если Бог клялся Самим Собою, значит, клятвы Своей не нарушит, потому что нет большего, чем Он мог бы поклясться.

Не думайте, что Авраам увидел исполнение только того обещания, что от него родится Исаак. Если бы мы, подобно саддукеям, не верили в загробную жизнь, то, конечно, могли бы сказать, что Авраам не знал всего того, что происходило после его смерти. Но Спаситель говорил про него: «Отец ваш рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (см. Ин. 8, 56). Эти слова возмутили иудеев, а нас должны исполнить веры. Совершенно ясно, что Авраам возрадовался духом, оттого что увидел исполнение обетования: от Авраама произошел богоизбранный народ, а в этом народе, от семени его, воплотился Сын Божий, от Которого произошел уже новый Израиль, народ христианский.

Так и мы, если не видим своими глазами того, что обещал нам Бог, не должны терять веру, сомневаться, смущаться. То, что нам обещано, мы, как и Авраам, на земле увидим исполнившимся лишь отчасти. Самое главное мы узрим в жизни будущей, в особенности тогда, когда произойдет всеобщее воскресение из мертвых. Апостол Павел указывает нам на уже совершившееся, для того чтобы уверить нас: и мы увидим то, что еще не исполнилось (см. Евр. 6, 10–12)

«Итак Авраам, долготерпев, получил обещанное» (ст. 15). Исполнение обетования последовало благодаря великому и долгому терпению Авраама. И мы, взирая на пример отца веры, которым Авраам стал не только для евреев, но и для всех народов, также должны иметь глубокое терпение, которое при этом сохраняется долгие годы и не ослабевает оттого, что за это время как будто бы не исполняется обещанное нам.

Апостол Павел продолжает: «Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду» (ст. 16–18). Значит, Господь, во-первых, не может оказаться не правым в содержании того, что Он сказал, во-вторых, Он не может быть клятвопреступником, — вот эти две вещи. И потому мы должны приобрести полную уверенность в исполнении Божественного обещания и не терять твердой надежды на это. Как бы тяжело ни было нам в этой земной жизни, исполненной скорбей и духовных браней, в особенности это касается монашествующих, мы не должны терять надежду. Нужно крепко за нее взяться и держать не упуская, взирать на то, что было обещано в древности и уже исполнилось, и понимать, что обещанное исполнится.

Как было с Авраамом, так будет и с нами. Апостол Павел, конечно, утешает евреев, которым это Послание было адресовано. Видимо, они испытывали тяжкие скорби, поскольку были гонимы своими соплеменниками и оказались врагами на своей родине, среди своих соотечественников, по слову Спасителя: «И враги человеку — домашние его» (Мф. 10, 36). Терпеть такую вражду вдвойне тяжело. Однако утешение апостола Павла относится не только к евреям, но и к нам. Мы бываем чужими и для своих родных, и для людей, не понимающих монашества, и для тех, кто живет теплохладно или, тем более, грехолюбиво. Мы терпим презрение, а иногда и скорби, по крайней мере житейские. Я уже не говорю о том, что у нас

бывают и духовные брани, которые иногда столь мучительны, столь страшны (можно без преувеличения употребить это слово), что мы даже не видим житейских скорбей, — так мы углублены в свою внутреннюю брань, такие ужасные невидимые страдания испытываем.

Надежду, которую мы должны держать крепко, не упуская, апостол Павел называет якорем: «Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий и входит во внутреннейшее за завесу» (ст. 18–19). Якорь безопасен и крепок, но за него нужно держаться. Представьте себе, с какого-нибудь судна бросают якорь, но другой конец цепи оказался незакрепленным на судне и корабельщики упустили ее. Поможет ли якорь? Конечно, он окажется бесполезным. Одним своим концом якорь должен быть крепко соединен с судном цепью, а другим концом — зацепиться за морское дно, чтобы предотвращать опасность для судна при ветре и буре.

Однако если обычный якорь мы бросаем в глубину морскую, то духовный якорь бросаем прямо в противоположном направлении. Апостол Павел говорит, что этот якорь «входит во внутреннейшее за завесу». Это образ, заимствованный из религии евреев. Завесой здесь названо то, что отделяло в Иерусалимском храме Святое от Святого Святых. Но для того, чтобы понять, что здесь имеется в виду не храм, а нечто гораздо большее и высшее, нужно прочитать следующий стих: «Куда предтечею за нас вошел Иисус» (ст. 20). Куда же Он вошел? Конечно же, не во Святое Святых иудейского храма, а на небеса и «воссел одесную Бога» (Евр. 10, 12). И Святое Святых храма иудейского есть лишь образ этой немыслимой святыни, этого подлинного, действительного Святого Святых. Бросая свой якорь надежды, мы бросаем его не в глубину морскую, не вниз, а вверх — он как бы возносится на небеса и там укрепляется этой надеждой.

Можно сказать, что наша земная жизнь — это море, как часто об этом говорится в церковных песнопениях: «Житейское море воздвизаемое зря напастей бурею...». Мы находимся на поверхности этого моря, а дно, прочное, дающее нам опору, — не земля, не дно земного моря, а небеса. И туда же мы направляем свою надежду, и, как якорь в глубину морскую, она входит в глубину небесную, «куда предтечею вошел за нас Иисус».

Господь наш Иисус Христос, как мы все прекрасно помним, много пострадал, много претерпел от врагов истины с младенчества и до последнего часа Своей земной жизни. Но вышел победителем, хотя с человеческой точки зрения, с точки зрения людей, чуждых веры, упования и вообще размышления о чем-либо духовном, возвышенном, сверхъестественном, Он потерпел поражение. Если можно так выразиться — дерзко, совсем не возвышенно, но более понятно и выразительно, — Господь Иисус Христос был неудачником: Его распяли, народ не поверил Ему и не последовал за Ним, во время Его земной жизни у Него было немного учеников, да и те при Его аресте разбежались, за исключением буквально нескольких человек. Однако после Своего страдания, Воскресения и Вознесения на небеса Спаситель создал новый народ — Церковь, новоизбранный Израиль, объявший все народы на земле во все времена. Более того, Господь стал победителем не одного какого-то человека и даже не целого народа, как бывает у каких-то завоевателей, государственных деятелей или народных вождей, — Он победил смерть, Он победил диавола.

Если бы можно было применить к Господу как к надеющемуся слова апостола Павла, то можно было бы сказать, что надежда не посрамила Его. Но мы не можем с полным правом сказать про Спасителя, что Он надеялся — Он не надеялся, а знал. Мы же надеемся и, надеясь, должны взирать не только на праведного Авраама, жившего в древности, но и на Спасителя, жившего для тех евреев, к которым было непосредственно обращено это Послание, совсем недавно. Мы видим свершившимся и то, что было обетовано апостолам, и то, что было обещано Спасителю.

Поэтому мы должны понимать: что произошло с Господом Иисусом Христом, то произойдет и с нами, если мы не потеряем надежды, если будем крепко держаться ее, если соединим ее с твердой опорой, с небом небес — третьим небом. Как апостол Павел был восхищен до третьего неба, так и Господь прошел через небеса небес — сквозь небеса. И устроение иудейского храма было образом таинственного устроения небесного: священник сначала входил во двор Господень, потом во Святое, потом во Святое Святых. Иисус Христос взошел и воссел одесную Отца и нас призывает к Себе. Мы надеемся: как произошло в древности с праведным Авраамом, как произошло с его потомком по плоти, воплотившимся Сыном Божиим, так должно произойти и с нами, лишь бы надежда наша не исчезла, лишь бы мы твердо держались ее.

Апостол Павел продолжает: «Куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека» (ст. 20). Восседая одесную Бога и Отца, Господь Иисус Христос является и жертвой, один раз принесенной за все человечество, жертвой столь великой, столь бесконечно ценной и ни с чем не сравнимой, что повторение ее не нужно, и одновременно ходатаем и первосвященником, который принес эту жертву и вознес ее к Богу. Поэтому, какими бы тяжкими ни были наши грехи, какими бы трудноискоренимыми ни были наши страсти, какие бы препятствия ни чинили нам диавол, мир или люди, — мы не должны терять надежду, ибо милосердие Божие безгранично. Тот, Кто соизволил быть принесенным в жертву через распятие на Кресте за грехи человеческие, конечно же, всякого из нас готов простить, лишь бы надежда наша была непоколебимой.

Живя на земле, мы должны искать опору не на земле, но на небе. Земля, кажущаяся нам твердыней, на самом деле в отношении нравственном, духовном — зыбкая поверхность моря. А небо, которое мы привыкли считать чем-то эфемерным, воздушным, более зыбким, чем вода, наоборот, служит опорой. С таким внутренним расположением мы должны жить и на нем строить всю свою деятельность, тогда Господь даст нам силы для того, чтобы преодолеть это бурное житейское море и не утонуть, и в конце мы достигнем тихой мирной пристани — небесного пристанища. Аминь.

18 марта 2007 года

Неделя 5-я Великого поста, преподобной Марии Египетской

Евр. 321 зач. (от полу) (9, 11–14)

Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то-есть не такового устроения, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление. Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!

О том, как можно приобщиться к вечному искуплению

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел говорит: «Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устроения, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» (ст. 11–12). Христос пришел как Первосвященник будущих благ. Из самих этих слов апостола можно сделать вывод о том, что от колена Левиина происходили

первосвященники благ для того времени настоящих, а для нас, во времена Нового Завета, уже прошедших, Господь же Иисус Христос был Первосвященником благ будущих по отношению к Ветхому Завету. Эти будущие блага — не какое-то частичное примирение с Богом, не страх Божий и не подзаконное жительство, но прощение грехов, надежда на вечную жизнь, дерзновение называться сынами и дщерями Божиими — и не только называться, но и подлинно быть ими. И это сейчас, на земле, а если под будущими благами понимать то, что ожидает нас, верующих во Христа, в будущей жизни после нашей кончины, и в особенности после воскресения из мертвых, то, конечно, первосвященство Христово, которое дарует нам эти блага, неизмеримо выше любого человеческого священства, и даже подзаконного Моисеева. Все остальные священники, под которыми я имею в виду всех тех, кто в разных народах пытался от лица людей предстательствовать перед невидимой таинственной силой или силами, как бы они их ни называли и ни понимали, хотя и мнили себя служителями Божиими, на самом деле таковыми не являлись.

Обратим внимание на слова «Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею». Что такое «большая и совершеннейшая скиния»? Это, прежде всего, Сам Христос. Как в скинии, сотворенной по образцу, виденному Моисеем на горе, было Святое Святых, в котором находился кивот, а в нем манна, расцветший жезл Аарона и скрижали, так и в человеческой плоти Господа Иисуса Христа пребывало Его Божество. Манна, ниспосланная иудеям с неба, была как раз образом сошедшего с неба, воплотившегося Сына Божия. Но под скинией нужно понимать не только тело Господа Иисуса, но и то место, куда Он вошел и где воссел одесную Отца, то есть горнюю скинию. Можно даже сделать более подробное толкование. Как скиния разделялась на Святое и Святое Святых, так нечто подобное можно сказать и в отношении Спасителя: плоть, человеческое естество Господа нашего Иисуса Христа, Его воплощение — это Святое, а сидение одесную Отца — это Святое Святых. И как во Святое Святых ветхозаветной скинии можно было попасть только пройдя через Святое с определенными молитвами и жертвоприношениями, так и человеческому естеству нельзя было вновь взойти к Богу и воссоединиться с Ним никак иначе, как только пройдя через ту часть скинии, которая являлась воплощением Сына Божия. Так совершилось наше спасение и освящение.

Ветхозаветный первосвященник должен был многократно, каждый год, приносить жертву за себя и за «людские невежества». Между прочим, и в тайных молитвах Божественной литургии святителя Иоанна Златоуста, а также литургии Василия Великого есть слова, которыми и сейчас священник или архиерей молится «о своих гресех и людских неведениих». Но если тогда за грехи народа нужно было приносить в жертву козлов, а за грехи первосвященника — тельцов, то Христос принес одну жертву, бесконечно более ценную. К ней можно отнести эти слова в самом буквальном смысле — принесена жертва бесценная, хотя мы на самом деле не понимаем значение слова «бесценная». Сейчас, когда мы совершаем Божественную литургию, мы только возобновляем эту жертву и приобщаемся к ней. Никакой новой жертвы уже не может быть принесено. Это и не нужно, потому что ничего ценнее ее быть не может.

«Придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устроения, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище» (ст. 11–12). В Синодальном переводе говорится «однажды», но это не совсем точный перевод, правильнее было бы перевести «раз и навсегда». Этим подчеркивается особенное значение жертвы Христовой — это единое жертвоприношение распространяется на все времена, оно принесено один раз и навсегда. Христос вошел в скинию нерукотворенную, то есть на небеса, будучи одновременно и Тем, Кто приносит жертву, и жертвой, и Тем, Кто ее принимает. Потому с тех пор эта жертва распростерлась на все времена и Спаситель как Архиерей всегда ходатайствует о всех нас: и о тех поколениях, которые еще не родились, и о

тех, которые живут ныне, и о тех, которые уже ушли из жизни.

Как говорит апостол Павел, Христос, раз и навсегда войдя в святилище, «приобрел вечное искупление» (ст. 12), то есть человек уже не может совершить ничего такого, что нарушило бы это искупление. Конечно, мы можем навредить самим себе и согрешить так, что отпадем от этой искупительной жертвы, но сделать так, чтобы она не распростиралась и на нас, если мы покаемся, и на других людей, что бы они ни совершили, мы не в силах. Здесь никто ничего не может сделать, ни диавол, ни все силы ада, ни все человечество, если бы даже оно восстало против Бога во главе с антихристом (может быть, так и будет, когда он придет). Никто и ничто не может отменить это вечное искупление. Мы все уже искуплены. От нас зависит только одно: выразить деятельное согласие или отказаться от этого.

В литургии святителя Василия Великого есть тайносовершительные слова, которые кому-то по неопытности могут показаться не совсем подходящими к моменту окончательного совершения Таинства. Например, в литургии Иоанна Златоуста Таинство совершается при словах «преложив Духом Твоим Святым», а в литургии Василия Великого — при словах «излиянную за мирский живот и спасение». Сначала благословляют Чашу со словами «Чашу же сию, самую Честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» и потом произносят окончательные тайносовершительные слова — «излиянную за мирский живот и спасение». Странно, почему такие слова? Потому что именно ими подчеркивается: то, что вот-вот должно появиться на престоле вместо хлеба и вина, — это есть Та Самая Кровь Христова, которая была излита почти две тысячи лет назад за искупление человеческого рода, всего мира, и излита, конечно, из пречистого тела Спасителя. Таким образом, мы видим уже не «вместообразная Святаго Тела и Крове Христа», но Ту Самую Кровь, «излиянную за мирский живот и спасение».

Этим как раз объясняются в действительности слова святого апостола Павла о том, что Спаситель вошел во святилище «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию». Мы приобщаемся этой жертвы, и если бы мы были достойно, как должно, освящены и потому дерзновенны, то умом и духом вошли бы в это Святое Святых, где пребывает ныне с телом Господь наш Иисус Христос, потому что то Тело, которое мы вкушаем на святой трапезе, ничем не отличается от Тела Того, Кто восседает одесную Бога и Отца в нерукотворном святилище.

«Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!» (ст. 13–14). Эти слова были адресованы древним евреям, давно ушедшему поколению людей, но мы должны понять, почему апостол Павел так говорит. Для нас его доказательство уже не имеет никакого значения, поскольку жертвоприношения давным-давно прекратились и иудейский храм разрушен, но для древних евреев было само собой разумеющимся: раз кровь тельцов и козлов, являющихся только прообразом крестной жертвы Спасителя, очищает людей, то тем более это делает кровь Сына Божия. Ведь это была не просто человеческая кровь, хотя и она бесконечно драгоценнее крови животных, не просто кровь невинного человека, страдальца (то, что Он был невинен, понимали многие люди даже из тех, кто осуждал Его; даже Иуда Искариотский воскликнул: «Предал я кровь невинную!» (см. Мф. 27, 4)), но кровь Богочеловека, воплотившегося Бога, человеческая кровь бесплотного Бога. Бесплотного не в том смысле, что Он не имел плоти, но в том, что, воплотившись, Он не претерпел никакого изменения и, восприняв на Себя человеческую плоть, человеческое естество, сделал его как бы Божественным телом. И, таким образом, тело, принадлежавшее Ему, пострадало, а кровь Его стала кровью Божией, оставаясь в сущности кровью человеческой. Но если мы понимаем, что, допустим, вода освящается молитвами, то тем более человеческое тело освятилось воплощением Божества, воплощением Сына Божия, освятилось бесконечно, как бесконечен Сам Бог. И поэтому жертва Сына Божия является единственной и

неповторимой.

В Синодальном переводе говорится: «Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу», а более точный перевод такой: «Который Духом Вечным принес Себя непорочного Богу». Телицу, принесенную в жертву, сжигали как всесожжение, а потом растворяли пепел с водой и окропляли священника и других людей, но Господь принес Себя не на огне, не на жертвеннике: будучи Вечным Богом, Он Сам принес Себя в жертву Духом Вечным как человек. Получается, что не только Его произволение и послушание Богу Отцу, но и содействие всех Трех Лиц Пресвятой Троицы совершило эту бесконечную, бесценную, единственную и неповторимую жертву, искупление, которое действует на все времена и во всех людях.

Вернемся к словам апостола Павла: «Кольми паче кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел». Действительно, наши дела суетны и греховны, они мертвы в том смысле, что приносят смерть нашей душе, лишают нас благодати, потому что как для тела разлучение с душой есть смерть, так и для души — разлучение с Духом Святым, благодатью Духа Святого. Дела наши мертвы как потому, что бесполезны сами по себе, так и потому, что разлучают нас с Богом. Конечно, мы не должны относить это ко всему, что делает человек. Например, мы в обители совершаем много разных дел, кажущихся нам очень важными. Но в чем их важность, почему они приобретают значение с христианской точки зрения? Потому, что они совершаются ради вечности и таким образом обретают свой смысл. А то, что делается ради временного, является, если говорить очень мягко и снисходительно, суетным и напрасным, а по большей части, греховным, потому что так называемая суета — это просто мелкие грехи. Но ими может быть заполнена вся жизнь человека. Если наполнить мешок маленькими камушками, то он будет не менее тяжелым, чем если бы в него положили несколько булыжников, и потому не нужно считать, что суета — это нечто малозначащее.

От наших мертвых дел никто не может нас спасти и очистить, как только Господь Иисус Христос, если мы приобщимся к Его бесконечной жертве, к вечному искуплению. Тогда, избавившись от наших дел, мы восстанем для служения Богу живому и истинному. А раз мы служим Богу живому и истинному, то и дела наши становятся преисполненными жизни, оживотворяются. Действием Святого Духа, очищением крестной жертвы мы оживотворяемся, оживотворяются и наши поступки, если мы не уклоняемся от своего предназначения, от вечного искупления. «И потому, — восклицает апостол Павел, — Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное» (Евр. 9, 15).

Итак, мы служим Богу, мы воскресаем для служения Богу живому и истинному. Апостол Павел очень просто, в нескольких стихах открывает нам великие истины, но как это происходит в жизни? Эти стихи можно прочитать за несколько минут. Понять их, конечно, не самостоятельно, но прочитав толкования святых отцов и других авторитетных комментаторов, можно также за короткое время. А как исполнить? Много ли нужно времени, чтобы осуществить то, о чем сказал апостол Павел? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примеру преподобной Марии Египетской, память которой мы ныне совершаем.

Вам хорошо известно ее жизнеописание, тем более что оно ежегодно читается во время богослужения. С тридцати до семидесяти восьми лет преподобная Мария подвизалась в пустыне, вкушая одну траву или корни трав, не имея ни крова, ни одежды, в непрестанной молитве и, что самое трудное, испытывая тяжелейшую брань от демонов. Я думаю, что такие нечеловеческие подвиги были обусловлены как раз тем, что ей нужно было сделать что-то чрезвычайное, чтобы победить диавола. Она прибегала ко всему — готова была и умереть. Конечно, человек, который питается одной травой, не думает о том, чтобы сохранить свое

здоровье. Я уже не говорю о хищных зверях и суровом климате, потому что в тех местах бывают резкие перепады температуры. Все это представляло опасность для жизни. Но преподобная Мария своей усердной, пламенной молитвой и телесными подвигами достигла такого состояния, что ее коснулось вечное искупление.

Обратим внимание на одну подробность в ее жизнеописании: перед тем как перейти Иордан, она причастилась в церкви, находившейся у места крещения Спасителя, а в следующий раз причастилась уже через сорок с лишним лет. Первое причащение сделало ее способной совершить такой невероятный подвиг, который даже нам, верующим людям, кажется почти сказочным, и нам приходят мысли о том, что это какое-то преувеличение, благочестивый вымысел. Я уже не говорю про людей, чуждых Церкви. А второе причащение, которого она сподобилась в день своей смерти, послужило для нее средством достичь обожения, освящения, она действительно прикоснулась к вечному искуплению. Но что нужно было для этого сделать?! Прежде всего, какую решимость нужно было проявить, особенно вначале, когда она перешла Иордан?! Уходя в пустыню, преподобная Мария переправилась через Иордан на лодке, а обратно шла уже по воде. И между этими двумя причащениями, между двумя прехождениями через Иордан лежало сорок семь лет подвига.

Вот как можно приобщиться к вечному искуплению, а не просто одним сознанием, одними рассуждениями и богословствованием. Дело не в том, что мы должны поститься, как преподобная Мария, — мы не выдержали бы и одного дня такого поста. И не в том, что нужно обязательно отправиться в какую-то пустыню, — сейчас просто нет таких мест, где можно было бы уединиться, или их очень мало. Уже в XIX веке преподобные Зосима (Верховский) и Василиск должны были отправиться в Сибирь, потому что нигде не могли найти удовлетворительного места для уединения. Речь идет не о том, что нужно внешне повторить подвиги преподобной Марии, а о том, что необходимо проявить такую же решимость жить по Евангелию, такое же покаяние, пусть оно и не будет иметь тех героических проявлений, какие были у нее. Нам иногда хочется подражать внешнему. О внешнем можно рассказать: например, человек много лет очень строго постился, — это нам понятно. А когда речь заходит о том, чтобы вести брань со своими страстями, как преподобная Мария, то об этом мы не хотим даже слышать, не желаем проявить не только героизма, но и простого усердия. Поэтому мы и остаемся со столь скромным преуспеянием и, нуждаясь в покаянии не меньше, чем Мария Египетская, не имеем ее усердия. Может быть, иногда едва-едва выступит у нас какая-нибудь слеза умиления, и мы тут же тщеславимся.

Для того, чтобы крестная жертва Спасителя нас коснулась и мы приобщились к вечному искуплению, для того, чтобы ходатайство нашего Великого Архиерея не осталось напрасным, мы должны дать деятельное согласие, должны приобщиться к этой жертве своей жизнью, своим умом, но не только теоретическим пониманием, но и умственным подвигом. И когда мы проявим такое чрезвычайное усердие, выражающееся в непрестанной молитве, смирении, покаянии, хранении помыслов, послушании, тогда и с нами произойдет чудо — мы преобразимся. Из людей плотских, грешных, страстных мы превратимся в ангелоподобных, какими мы и должны быть, надев на себя иноческую одежду — ту одежду, которая символизирует состояние бесплотных и которую называют ангельским образом. То, что было с преподобной Марией, должно произойти и с нами, а для этого необходимо уйти не в пустыню, не через Иордан, а внутрь себя, воздерживаться не от пищи или телесного покоя, но от дурных помыслов, и тогда в нас начнет действовать безграничная и бесконечная благодать Господа Иисуса Христа, нашего Великого Архиерея. Его жертва коснется нас, начнет нас искупать, и мы почувствуем внутреннее преображение, хотя для других оно будет незаметно. Не будет у нас почерневшего от зноя тела, изможденного от поста лица, но будет душа, просветленная действием Святого Духа. Аминь.

25 марта 2007 года

Неделя 6-я Великого поста, ваий. Вход Господень в Иерусалим

Флп. 247 зач. (4, 4–9)

Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.

Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами.

Об истинной радости

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Апостол Павел, обращаясь к филиппийцам, восклицает: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь» (ст. 4). Этим он призывает не только филиппийцев, но и всех нас, всех православных христиан, всегда радоваться, но не земной человеческой радостью, не о чем-то временном, тленном, суетном, а тем паче греховном, но «радоваться в Господе», или, как говорит славянский перевод Писания, «радоваться о Господе».

Радоваться в Господе — значит радоваться духовной радостью, радоваться спасению, которое уже совершилось ради нас, и тому, что наше общение с Богом восстановлено через крестную жертву Спасителя и сошествие в мир Святого Духа. Апостол Павел придает этому столь великое значение, настолько уверен, что эту радость не могут преодолеть никакие скорби, никакие тесноты этой временной жизни, и она, несмотря на неисчислимые перенесенные им скорби, настолько преисполняет его, — что он дважды повторяет это слово: «Радуйтесь… и еще говорю: радуйтесь».

«Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко» (ст. 5). Когда нас притесняют и естественно было бы, как ожидается всегда в таких случаях, на причиненные неприятности дать адекватный ответ ради самозащиты, ради того, чтобы оберечь себя от каких-то напастей, ответить злом на зло, апостол вдруг говорит: «Кротость ваша да будет известна всем человекам» — в том числе и тем, кто нас преследует.

Мы не должны быть кроткими напоказ, но наше поведение, в том числе при скорбных обстоятельствах, в особенности при скорбях, причиненных нам людьми, должно быть таково, чтобы наша кротость стала известна всем. Не одному человеку, потому что именно с ним мы повели себя кротко, а на другого разгневались, но всем. Верующим и неверующим, близким нам людям, с которыми мы постоянно общаемся, и тем, с кем мы встретились, может быть, неожиданно, друзьям и недругам, христианам и врагам Христовым — всем должна быть известна наша кротость, то есть мы должны быть кроткими всегда.

Причина этой непрестанной кротости — близость Господа. Даже если в нас и возникает естественный протест, негодование на наших обидчиков или хотя бы неприязнь к ним, мы, вспоминая, что Господь близко, должны смиряться, углубляться в себя и, соединяясь умом с Богом, умиротворяться, радоваться о Господе — не о телесном покое и утешении — и хранить эту непоколебимую кротость, потому что скоро будет пришествие Господне. И в любом случае

скоро, потому что жизнь наша проносится стремительно, мы предстанем пред Господом, а значит, должны быть готовы дать Ему ответ. Спрашивать же нас будут не о том, справедливо или несправедливо нас обижали, а о том, как мы при этом себя вели: по евангельским заповедям или по своим страстям.

Апостол продолжает: «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (ст. 6–7). «Не заботьтесь ни о чем». Конечно, мы вынуждены заботиться о тех или иных повседневных вещах. Мы не можем стяжать такой беспечальности, чтобы в буквальном смысле слова быть как птицы. Да и птицы заботятся о пропитании, целый день, в отличие от нас, трудясь для того, чтобы прокормить себя.

Однако мы можем все наше упование возложить на Бога. Делая то, что необходимо и что велит нам делать наша совесть, мы должны понимать, что удовлетворение всех наших потребностей, даже самых минимальных, зависит не столько от нас, сколько от Бога, и поэтому мы должны всегда «в молитве и прошении с благодарением открывать свои желания пред Богом». В любом деле мы должны на первое место ставить молитву и испрашивать Божией помощи, что мы, к сожалению, часто исполняем лишь формально. Все наши нужды: и острые, то, что касается, например, здоровья или пропитания, и не такие важные, но всё же необходимые, мы должны, так сказать, повергнуть пред Богом. Не потому, что Он нуждается в том, чтобы мы Его сначала попросили — Бог знает все наши потребности, — но потому, что это нужно нам самим. Иначе нам не избавиться от многозаботливости, многопопечительности, отвлекающей нас от созерцания Бога, а значит, и от радости о Господе, радости в Боге. Как только мы начинаем размышлять о тех или иных предметах, ум наш от «единого на потребу» (см. Лк. 10, 42), от общения с Богом, переходит к земным вещам, рассеивается, и тогда, как всем нам известно из собственного горького опыта, мы впадаем в многопопечительность и лишаемся того мира, который должен сходить на всякого человека, пребывающего в сосредоточенной молитве.

Обратим внимание на уже прочитанные нами слова: «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе». «Соблюдет» только тогда, когда мы повергнем свою молитву пред Богом и, более того, будем благодарить Его, даже если не получаем просимого. Мы должны благодарить Бога за все: и за доброе, и за то, что нам кажется злым. Великий святитель Православной Церкви, испытавший от собратьев во Христе многие страшные, а главное, совершенно несправедливые скорби, святой Иоанн Златоуст, восклицал перед смертью: «Слава Богу за все!» Так и мы должны благодарить Бога, только тогда мы приобретем тот мир, который выше всех наших потребностей, выше всего человеческого.

Когда же мы стяжем этот «мир, который превыше всякого ума», то поймем, что только он нам действительно и нужен, а все остальное требуется лишь по необходимости и в самой малой степени. Некоторые подвижники, достигшие этого высочайшего состояния, забывали и о пище, и о других потребностях. Многие мученики во время страданий благословляли и благодарили Бога, испытывая неизъяснимое блаженство, хотя в то время тела их терзали железом или жгли огнем.

«Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом. И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе». Мир Божий соблюдет наши сердца и помышления, чтобы они пребывали в единении с Господом Иисусом Христом, с возлюбленным нашим Спасителем. Тогда мы не только будем иметь мир, но и познаем любовь Божию и, конечно же, будем радоваться неизреченной радостью.

Далее апостол говорит: «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (ст. 8). Только находясь в таком возвышенном состоянии, мы можем исполнить все добродетели, потому что без помощи Божией это совершенно невозможно, это выше наших сил. Иногда мы не можем понудить себя и к самому простому, но если Господь с нами, если Он нас укрепляет и мы пребываем в Духе Святом, тогда мы можем вместе с апостолом Павлом воскликнуть: «Вся могу о укрепляющем мя Христе» (см. Флп. 4, 13). Могу и много потрудиться ради Господа, как апостол, и потерпеть тяжкие скорби, и жизнь свою отдать за Христа. Но все это я могу совершить только тогда, когда я с Ним и в Нем, потому что эти подвиги выше человеческих сил, даже если бы наша воля была необыкновенно крепка. Мы существа немощные и слабые, но тем больше нам нужно смиряться и тем легче познать свою немощь, тем с большей легкостью мы можем обнаружить в себе действие всемогущей силы Божией, укрепляющей нас для совершения всех добродетелей, конечно, при нашем посильном понуждении. Апостол Павел не перечисляет самих добродетелей, но только характеризует их самыми возвышенными словами: истинные, честные, справедливые, чистые, любимые и прославляемые. Слово «прославляемые» говорит не о том, что люди прославляют нас, а о том, что добродетель прославляется всеми. Только об этом мы должны помышлять, и заботой нашей должны быть только эти духовные предметы, стремление исполнить все добродетели на самом деле.

В последнем стихе этого зачала апостол призывает филиппийцев: «Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами» (ст. 9). А видели они в нем, прежде всего, живой пример добродетели. Мы, конечно, не знаем апостола Павла лично, но мы знаем этого святого по его Посланиям, знаем о его подвигах из Деяний апостольских и немного из Предания, например, то, что он так много проповедовал, что к концу дня у него деревенел язык и он не мог уже произнести ни слова — таким самоотверженным проповедником он был. Но, взирая на апостола Павла, о котором в Священном Писании сказано больше, чем обо всех других апостолах, мы не должны исключать из примеров для подражания и других подобных ему святых мужей, например апостола Петра, о котором много говорит Евангелие, или апостола Иоанна Богослова. Мы должны перенимать для себя все, что мы видим в них, и если мы будем подражать святым, то «Бог мира будет с нами».

Церковный устав, составленный святыми отцами, великими, гениальными (не побоюсь назвать их этим светским словом) людьми, предлагает нам это апостольское поучение в день Вербного Воскресения, когда мы вспоминаем, как Господь Иисус Христос торжественно вошел в Иерусалим, встречаемый ликованием народа. И мы также должны ликовать, но для того, чтобы ликование наше было подлинным, духовным, мы должны радоваться о Господе, стремиться приобрести «мир, превосходящий всякий ум», а для этого — оставить все земные попечения и размышлять и заботиться только о христианских добродетелях. Аминь.

1 апреля 2007 года

Великий Четверток. Воспоминание Тайной вечери

1 Кор. 149 зач. (11, 23–32)

Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню

возвещаете, доколе Он придет. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.

О необходимости испытывать себя перед причащением

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в Великий Четверток, когда мы вспоминаем установление Господом нашим Иисусом Христом Таинства святой Евхаристии, читается следующее зачало из Первого послания к коринфянам святого апостола Павла: «Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание» (ст. 23–24). Примечательны уже первые слова этого зачала: «Ибо я от Самого Господа принял». Апостол Павел не от обыкновенных людей это слышал (как мы, например, узнаем о чем-то друг от друга или из книг), и даже не от святых апостолов, бывших непосредственными свидетелями и участниками Тайной вечери, но принял это от Самого Господа, то есть ему было откровение. Нам, как людям, в которых мало благодати, человеческое свидетельство представляется гораздо более важным и значимым. Поэтому нам кажется, что рассказ апостола Матфея, как очевидца Тайной вечери, более достоверен и убедителен. Но для того, кто получил откровение Божие, понятно, что оно гораздо достовернее, реальнее и внушительнее, чем человеческое слово. Когда Бог открыл, уже невозможно сомневаться. И кроме того, ведь участником Тайной вечери был не только апостол Матфей или другие апостолы, которые впоследствии, безусловно, рассказывали о ней своим ученикам, но и Иуда Искариотский. Мы не будем сейчас спорить о том, принимал ли он Святые Тайны или ушел раньше, но, тем не менее, он там присутствовал и все-таки не понял того, что спустя несколько лет после Тайной вечери понял апостол Павел.

Мы знаем, что на Тайной вечери в Иуду Искариотского, бывшего тогда апостолом, вошел диавол и учил его тому, что́ нужно делать. Оказывается, что, будучи даже непосредственным участником такого великого события, можно ничего не понимать и, более того, соблазняться и враждовать против Господа Иисуса Христа. Можно получить внушение не от Духа Святого, что было бы естественно для того, кто находился рядом с Господом Иисусом Христом и сонмом Его возлюбленных учеников, но от диавола. Апостол же Павел, спустя долгое время после Тайной вечери, получил внушение от Духа Святого. И, глядя на пример этого великого ученика Христова, апостола Павла, мы должны понимать, что и мы, в сущности, ничем от него не отличаемся. Он постиг подлинность Таинства Евхаристии, потому что ему явился Господь, и мы также, если бы были достойны, познали бы это на своем собственном опыте, как бывало с некоторыми подвижниками благочестия. Например, один русский монах, живший на Афоне, когда причащался, вдруг почувствовал во рту вкус Тела и Крови, причем это было не ради его недостоинства, а скорее наоборот, ради его веры и любви к Богу. Пересилив себя, он прожевал эту частицу Плоти, проглотил ее и почувствовал, как он выражается (а он был простым человеком), будто бы внутри него засветилась лампа. Говоря богословским языком, он почувствовал несотворенный Фаворский свет, исходящий от Пречистых Таин.

Хочу привести вам противоположный пример. Одному отроку было видение. Во время богослужения, когда все причащались, он стоял и, глядя на причащающихся, время от времени смеялся. К нему подошли, может быть, желая сделать замечание, и спросили: «Почему ты смеешься?» А он говорит: «Когда некоторые люди подходят причащаться и

открывают уста, вдруг подлетает голубь и склевывает частицу с лжицы, и они облизывают пустую лжицу. Поэтому я и смеюсь». Ему, как малому отроку, было смешно, а на самом деле через это невинное дитя людям было открыто, что недостойно причащающиеся в действительности ничего не принимают в себя, не получают никакой пользы от причащения. Мы не будем говорить о том, принимают ли они в себя частицу или не принимают, и о том, что, собственно, происходит физически, а будем говорить о значении Таинства. Сейчас я прочту вам слова из литургии Василия Великого. Священник, молясь после совершения Таинства Евхаристии, произносит следующие слова (мы, священники, бываем невнимательны и многое только пробегаем глазами, а эти слова имеют чрезвычайно большое значение): «Помяни, Господи, по множеству щедрот Твоих и мое недостоинство, прости ми всякое согрешение, вольное же и невольное; и да не моих ради грехов возбраниши благодати Святаго Твоего Духа от предлежащих Даров». Получается, что ради грехов священника действие благодати от Святых Даров может быть возбранено. Благодать из-за недостоинства священника может не действовать в полной мере или же из-за недостоинства мирян, причащающихся Святых Таин, действовать таким образом, что вместо ожидаемого благословения и освящения они причастятся в осуждение, о чем далее и скажет святой апостол Павел (см. ст. 29).

«Сие творите в Мое воспоминание» (ст. 24). В воспоминание всего того, что Господь совершил ради нас и что перечисляется во время Божественной литургии: Крест, погребение, Вознесение на небеса, сидение одесную Отца и даже грядущее второе пришествие. Мы совершаем Таинство Евхаристии в воспоминание Господа, однако это не просто обряд. Как вы сами понимаете, кровь может быть отделена от тела только в том случае, если человек пострадает. В живом, здоровом организме она течет по жилам и ее не видно. Поэтому, когда мы освящаем хлеб и вино отдельно, а затем вкушаем Тело и Кровь отдельно, то тем самым возвещаем смерть Господню. Тело, ломимое за нас, — это не просто хлеб, преломляемый при совершении определенных священнодействий, но Тело, ломимое за нас на Кресте и вообще в ходе всех тех евангельских событий, начиная с Гефсиманской молитвы, которые связаны со страданиями Господа за нас.

«Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание» (ст. 25). «Новый завет» — это тоже очень значительные слова. Когда Бог через пророка Моисея заключал завет с народом израильским, с ветхим, как мы теперь говорим, Израилем, то Моисей окропил людей кровью животных, и таким образом был заключен завет. Мы же, благодаря тому что приняли в себя каплю Крови Христовой, окроплены, хотя и не в буквальном смысле, Кровью Самого Сына Божия. С нами заключен договор, завет. Если мы будем делать то, что от нас требуется, получим то, что нам обещано, обетованное. Если же мы нарушаем завет, то простительные нарушения, заслуживающие снисхождения, Бог нам прощает, когда мы каемся, а за совершенно предосудительные, противные этому завету проступки наказывает нас и завет с нами расторгает. Но Господь долготерпелив, и, хотя иногда наказывает нас, это наказание служит нам во спасение. Так Он наказывал и израильский народ, который временами, может быть, страдал больше, чем другие народы. Но Бог делал это потому, что любил Свой народ: «Кого люблю, того и наказую», — говорит Священное Писание (см. Откр. 3, 19). И апостол Павел рассуждает о том, что незаконного сына не бьют, а бьют родного (см. Евр. 12, 6–8).

«Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (ст. 26), то есть мы не прекратим совершать это Таинство, доколе не придет Спаситель или доколе мы не придем к Нему, после того как разрешимся от этого временного тела и уйдем из суетной земной жизни. Именно ради этого мы и причащаемся, и верим в нечто такое, что не укладывается в человеческий рассудок: под видом хлеба и вина мы принимаем в себя Самого Господа Иисуса Христа вместе с Его человеческой душой, которая неразрывно

соединена с Божественной Ипостасью Сына Божия.

«Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней» (ст. 27). Виновен в том смысле, что он не понимает, что делает, не подготавливается в достаточной степени к принятию Святых Христовых Таин. Достойными же мы делаемся, конечно, не в полной мере, потому что считать себя достойным может только безумный человек, но достоинство наше состоит в покаянии, выражающемся не только в сокрушении сердечном, покаянных молитвах и слезах, но и в исправлении своей жизни. И странно было бы даже предположить, что найдется хоть один человек, который в буквальном смысле слова был бы достоин принять в себя Сына Божия. Хотя бы он не имел никаких грехов, но из-за своей человеческой ограниченности он не может быть совершенно достойным.

«Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (ст. 28). Это значит, что мы должны не просто на исповеди рассказать о своих грехах, но прежде исповеди испытать себя. Сама исповедь есть уже плод самоиспытания. Мы должны тщательно проверять себя, достойны ли мы причащения или нет, не имеем ли мы, например, злобы на кого-нибудь, не совершили ли какой-нибудь тяжкий смертный грех. У греков, например, нет требования исповедоваться перед каждым причащением, но всякий человек должен испытывать свою совесть и, если найдет в себе даже что-то сомнительное, не только явно греховное, должен прийти к духовнику и рассказать ему. А духовник уже рассудит, можно ли ему причащаться или нет, назначит покаянные труды, епитимью и скажет, что он должен сделать для своего исправления. Святыми отцами очень благоразумно установлено, чтобы причащению предшествовало Таинство Исповеди, — неважно, перед каждым причащением мы исповедуемся или не перед каждым, но достаточно часто. Нужно постоянно вникать в себя. Духовник — это помощник, и он совершает Таинство прощения грехов, но самоиспытание зависит от нас. Ведь духовник не может проникнуть в нашу душу, разве только какой-нибудь подвижник, обладающий даром прозрения, но таковых бывает чрезвычайно немного, и на это рассчитывать нельзя.

Если бы мы принимали Святыню достойно, после должного самоиспытания и соответственного исправления, тогда ощущали бы то же, что и подвижник благочестия, о котором я рассказывал: он почувствовал, как изнутри просвещается Божественным светом. И это происходило бы с нами не только во время причащения. Частое причащение постепенно изменяло бы нас, просвещало, преображало, и благодаря одному только этому Таинству мы становились бы другими людьми.

«Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (ст. 29). Об этом я и упоминал предварительно. Апостол Павел предостерегает нас, что если мы приступаем к Причастию недостойно, то делаем это себе во осуждение. Таинство действительно, Тело и Кровь Христовы всегда остаются Телом и Кровью Христовыми. Не нужно буквально воспринимать видение, бывшее отроку: будто бы голубь, то есть Дух Святой, на самом деле склевывает частицу. Преподобный Симеон Новый Богослов говорит об этом иначе: благодать Божия отлетает от Святых Даров (так дерзновенно он выражается). Нет, благодать мы в себя принимаем, но эта благодать, вместо того чтобы быть для нас светом просвещающим, является огнем сожигающим. Она обличает нашу греховность, и поскольку мы не отделились от своих грехов, постольку действие благодати направлено уже не только против грехов, но и против нас самих, и мы подвергаемся наказанию Божию. Если мы сами себя не наказываем, не каемся, значит, должны потерпеть наказание Божие.

«Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (ст. 30). Немощные — это те, кто испытывает какие-то не очень серьезные болезни, больные — те, кто болеет чем-то более серьезным, а при неисцелимых болезнях доходит до того, что люди умирают. Если бы мы

причащались достойно, то испытывали бы подобное тому, что испытывал отец Иоанн Кронштадтский, который после причащения чувствовал необыкновенный прилив сил и был способен целый день находиться в непрестанном подвиге служения ближним. Святые Дары укрепляли его в буквальном смысле слова, давали ему не только духовные силы, но и телесные. Хотя, как мы знаем, некоторые подвижники, например преподобный Амвросий Оптинский, многие годы пребывали на одре болезни, но это не умаляет их святости. О святителе Игнатии (Брянчанинове) также известно, что он часто пребывал на одре болезни и даже не мог пойти на службу. Не будем всех судить одинаково. Однако укорять себя и видеть свою вину — полезно. Не нужно сравнивать себя с Амвросием Оптинским и считать, что мы лежим и болеем подобно ему. Да, может быть, мы лежим и болеем, как Амвросий Оптинский, но добродетелей таких, как у него, у нас нет, и поэтому сравнивать себя с ним нелепо. Лучше будем укорять себя в том, что мы не получаем должной помощи, поддержки Божией из-за своего недостоинства.

«Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (ст. 31). Если бы мы в должной мере осудили самих себя, хотя бы и никак не наказали, но просто укорили себя, увидели свои грехи: гневливость, нечистое вожделение, тщеславие и многое другое, что в нас действует, — тогда мы не были бы осуждены Богом. Но поскольку мы всегда склонны себя оправдывать, а не укорять, постольку с нами и происходит то, о чем говорит далее святой апостол Павел. Может быть, мы и умеем оправдаться перед людьми, например перед духовником, но Бога ведь не обманешь.

«Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (ст. 32). Но даже в этом случае наказание благодетельно для нас, потому что мы наказываемся, чтобы не быть осужденными с миром. Людей мира сего Бог не наказывает, не трогает, а нас, как Своих, наказывает, чтобы исправить. Если мы сами не видим своих грехов или лукаво себя оправдываем, то Бог, осуждая и наказывая нас в этой жизни, избавляет от наказаний в жизни грядущей. И в этом проявляется любовь Божия. Поэтому будем день и ночь радоваться и благодарить Бога за то, что Он сподобляет нас причащения Святых Христовых Таин. Так причащались и святые апостолы, и великие святые. Причащались и обоживались, и освящались, и просвещались невечерним светом, Фаворским светом Божества. Будем радоваться и благодарить Бога даже в немощах наших и болезнях, хотя бы они были наказанием за наши грехи, потому что Господь человеколюбиво отделяет нас от всех прочих людей и, наказывая, спасает, освящает и делает избранниками Божиими. Будем благодарить Бога за все, ибо Его любовь к человеческому роду безгранична, что видно не только из того, что Он пострадал за нас, но и, в особенности, из того, что Он дает нам вкушать Свои пречистые Тело и Кровь. Аминь.

5 апреля 2007 года

Неподвижный годовой круг

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

1 Кор. 125 зач. (1, 18–24)

Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы

проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость.

В чем состоит наше спасение?

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в праздник Крестовоздвижения, читалось зачало из Первого послания к коринфянам святого апостола Павла, в котором говорится: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (ст. 18). Хотя мы, православные христиане, и принимаем учение о кресте, крестных страданиях Иисуса Христа ради нашего спасения, в то же время в нашей душе иногда возникает недоумение: почему Господь не может спасти заблуждающихся каким-либо другим образом? Ведь Он, как всемогущий, способен сделать все для спасения человека. Почему люди спасаются только через принятие креста? Разве всемогущество Божие не доходит до такой степени, чтобы спасти людей совестливых, искренних, но не знающих креста, не желающих по какой-либо причине принять его — может быть, даже потому, что в некоторых странах не проповедовалось Евангелие Христово?

Таким образом, принимая учение о кресте и зная, что только крестом человек и может быть спасен, мы всё же сомневаемся в том, что это учение является всеобъемлющим, универсальным. Нам кажется, что могут быть какие-то исключения. Что же говорить о людях, чуждых Евангелия? Для них и вовсе непостижимо, зачем нужно было спасать человека таким странным образом. Да и в чем, собственно, состояло это спасение? Спасение, как обычно представляется людям, — это помощь погибающим, нуждающимся. Скажем, человек тонет — его спасают. Заблуждается — его вразумляют. Находится в затруднительных обстоятельствах, житейских или душевных, — ему помогают. А в чем же заключалось спасение человека через крест? С точки зрения враждебных Христу фарисеев, книжников и архиереев, Господь наш Иисус Христос — или Иисус Назарянин, как они Его презрительно называли, подчеркивая, что Он человек из маленького, никому не известного города, — не только никого не спас, но и Сам оказался совершенно беспомощным против Своих врагов. Он позволил Себя распять и умер, осмеянный Своими врагами и теми, кто Его не принял. Господь только благодаря Иосифу и Никодиму едва-едва избежал позорного погребения: Его тело должны были бросить в яму, как и тела двух разбойников, распятых с Ним рядом, потому что тела казненных преступников нельзя было даже погребать обычным образом.

Не понимая, в чем же тут состояло спасение, иудеи, стоявшие у креста, восклицали: «Других спасал, Себя ли не можешь спасти?» (см. Лк. 23, 35; Мк.15, 31; Мф. 27, 42). Но это непостижимое для человеческого разума Божественное деяние, названное апостолом Павлом «юродством для погибающих» или, если более точно перевести с греческого, «глупостью для погибающих», на самом деле есть Божественная сила. Через то, что казалось заурядным для того времени и обычным по своей несправедливости преступлением, совершилось наше спасение, ибо распят был Человек, являющийся в то же время и Сыном Божиим. Поэтому Он искупил человеческий род, оставив каждому человеку свободу. В этом и состоит тайна Божия: сохранить человечеству свободу. Спасение разумного существа заключается в том, что разум его и воля обращаются к Богу, и вся борьба любого подвижника благочестия направлена именно на то, чтобы свою волю покорить Христу. Вот чего мы должны искать: не того, чтобы Христос и против нашего желания помог бы нам и избавил нас от власти страстей и пороков, а того, чтобы сама воля наша изменилась и покорилась Божественному Евангелию, заповедям Божиим.

Вернемся к словам апостола Павла: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия». Если мы с верой принимаем рассказ Евангелия о распятии

Спасителя, и не просто принимаем его как исторический факт, но и осознаем его значение, то чувствуем на себе действие силы Божией, помогающей нам направить нашу немощную волю на служение Господу. «Ибо написано, — говорит апостол Павел, — погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» (ст. 19). Действительно, мудрость мудрецов и разум разумных оказались бессильны. Господь наш Иисус Христос сказал: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Лк. 10, 21; Мф. 11, 25). Под младенцами подразумеваются не люди с недостаточно развитым интеллектом, а те, кто признают свои способности (хотя бы они и намного превосходили дарования других людей) недостаточными для постижения тайн Божиих. Тот, кто считает себя мудрым, разумным, на деле оказывается беспомощным, потому что его собственный человеческий разум бессилен постичь истину.

«Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?», — спрашивает апостол Павел (ст. 20). Действительно, где они? Любой человек, каким бы мудрым и великим он ни был, отрицая крест Христов, то есть отвергая Евангелие, оказывается совершенно беспомощным перед действительностью. Он даже и постичь ее не может, хотя иногда ему и кажется, что он нашел какое-то интересное, удачное объяснение какому-то явлению. Сама жизнь, бытие с его неумолимыми законами может растоптать и уничтожить всякого. Все временно, все суетно. Премудрый Екклезиаст сказал: «Все суета и томление духа» (см. Еккл. 1, 14). Что бы человек ни делал, все оканчивается смертью, «и мудрый, и глупый умирают одинаково» (см. Еккл. 2, 16). И древние языческие мудрецы, греческие софисты, и мудрые иудейские книжники оказались совершенно беспомощными. А можно под мудрецами понимать вообще философов, как предлагающих какие-то свои новые и оригинальные идеи, а под книжниками — ученых, которые изучают и систематизируют чужие мысли, но и эти люди также не могут постичь действительность.

«Где совопросник века сего?» Где те люди, которые обладают умением рассуждать, логическими или диалектическими способностями, искусством красноречия? Могут ли они при помощи своих преимуществ, которыми кичатся и за которые многие действительно их прославляют и превозносят, постичь истину? Само обилие всевозможных философских систем и учений говорит о беспомощности мыслителей. Реакцией на эти безуспешные попытки дать объяснение действительности является скептицизм в разных его формах. В особенности в наше время существует много разных философских течений, которые отвергают логический способ познания, считая его совершенно несостоятельным, хотя и их объяснения не имеют успеха: таковы, например, современные философские течения феноменологии, экзистенциализма и другие. Есть такие философские направления, например прагматизм, которые утверждают, что никакого познания истины не может быть в принципе, а существует только более или менее удобное объяснение ее для практических целей. Есть и такие, которые полагают, что различные взгляды на действительность — это лишь разница в словах, языке, и если что-либо нельзя назвать, то и говорить об этом в таком случае не имеет смысла. Итак, люди на протяжении многих тысяч лет философствуют и пытаются собственными усилиями исследовать окружающее и понять самих себя, но в итоге приходят к полному непониманию всего. И наивысшее, чего может достигнуть человеческая мысль сама по себе, есть признание собственной беспомощности.

Апостол Павел продолжает: «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (ст. 20) Действительно, мудрость мира сего оказалась безумием, потому что никакой пользы она человеку не приносит и, помогая ему как-то устроиться в жизни, не решает проблем, которые оказываются для него самыми значительными: для чего существует человек, что такое жизнь и смерть. Более того, современное научное знание вообще отказывается давать ответы на подобные вопросы и тем самым объявляет их несущественными. Частные проблемы изучаются,

а общие игнорируются, можно сказать, безо всякого стыда, как будто вообще им не существует объяснения и человеческий разум не нуждается в понимании истины. Для чего существует мир? Откуда он произошел? Что такое человек? Каков смысл его существования? Что ждет человека за гробом? Все эти вопросы остаются без объяснения, а если и объясняются, то фантастическим образом, в угоду взглядам тех, кто вообще отвергает бытие духовного, сверхъестественного. Мы видим, что мудрость мира сего действительно обратилась в безумие. Это легко можно проиллюстрировать примером многих и многих направлений мысли, возникших как в древности, так и в наше время. Люди отказались от Божественного Откровения, от проповеди Христа и креста Христова. И что же приобрели взамен? Полную пустоту и сумятицу умов.

«Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (ст. 21). Богу было благоугодно спасти мир мнимой глупостью и даже безумием проповеди.

«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости» (ст. 22). Древние иудеи искали чудес, подтверждавших Божественное происхождение Господа Иисуса Христа, и говорили: «Покажи нам знамение с неба» (см. Мф. 16, 1), а эллины требовали логических доказательств. Но не только иудеи или эллины, но и мы сами ищем и требуем этого, а тем более люди, находящиеся вне Церкви. Проповедь освобождает нас от власти греха, но мы не хотим принять ее юродство только на этом основании. Нам нужно нечто внешнее, пусть это будет доказательство для ума или чудо, удостоверяющее наши чувства в том, что проповедник — носитель истины Божией и говорит достойное веры.

«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости, а мы проповедуем Христа распятого» (ст. 22–23). Вот что удивляло в то время всех: и греков с их развитой культурой, и чуждых этой культуры иудеев. Иудеи имели свою культуру, и более того, богооткровенную религию, но они не были последовательны и не шли в принятии этой религии до конца и потому не приняли Христа. Они искали чудес, поэтому проповедь о Христе распятом их отталкивала и была неприемлема для них.

Но в этой проповеди и состоит сущность христианского учения. Формально мы это признаем: мы носим на своем теле изображение креста, во всех церковных священнодействиях присутствует крестное знамение и в течение дня мы сами на себя это знамение много раз накладываем — допустим, перед едой или для избавления от какого-либо искушения, соблазнительного помысла. Но в то же самое время и мы не принимаем учения о кресте полностью, всей душой, потому что, подобно неверующим, имеем в себе дух мира сего или, как сказал апостол Павел, «века сего» (Еф. 6, 12). И как век сей задает вопросы, на которые, как ему мнится, нет ответа, так и мы, может быть, являемся ему совопросниками и недоумеваем: почему же Господу было угодно спасти мир именно таким образом? Потому что только так и можно было сохранить человеческую свободу. Если бы наше освобождение было иным, насильственным, против воли человеческой, то это уже было бы не освобождением, а скорее порабощением. Ведь часто и мы воспринимаем как рабство обязанность жить по заповедям, исполнять церковные постановления, иногда кажущиеся нам незначительными, в частности монастырский устав, который есть опосредованное, приспособленное к жизни Евангелие. Иногда мы, может быть, смиряемся с необходимостью исполнять эти предписания, но часто и негодуем против них. И это при том, что мы приняли проповедь креста Христова. Что же говорить о тех людях, которые этого принять не хотят?

Даже когда мы добровольно принимаем Христа, но имеем в себе мирской дух, мы, по немощи своего естества, как говорит апостол Павел, воспринимаем свободу Христову как порабощение (см. Рим. 6, 19). Что произошло бы, если бы Господь захотел спасти человечество каким-либо

иным образом? Пусть тогда многие люди и были бы вынуждены принять Евангелие, поскольку Господь заставил бы их это сделать какими-то неизъяснимыми, фантастическими способами. Однако они оказались бы в том же самом положении, что и Адам и Ева до грехопадения, которые были созданы богоподобными, святыми, чистыми, не имеющими никакой наклонности к греху, но искусились и воспользовались своей свободой во зло. И в нашем предполагаемом случае люди были бы поставлены перед выбором между добром и злом, но грехопадение, которое тогда произошло с двумя людьми, произошло бы уже со всем человечеством, а это гораздо страшнее. Если тогда человечество пало в лице двух его представителей, то потому, что тогда оно и состояло из двух человек. Представьте себе, какая страшная катастрофа была бы сейчас, когда пали бы миллиарды и миллиарды людей!

Поэтому в данной нам свободе мы видим бесконечную любовь Божию к человеческому роду. Господь создал человека по Своему образу и подобию. Бог есть Существо совершенно свободное, не стесняемое никакими обстоятельствами и обладающее всемогуществом. Человек — существо ограниченное и всемогуществом не обладает, но свобода является неотъемлемым, если не основным, признаком образа Божия в человеке. Лишить человека свободы — значит лишить его образа Божия или, иначе говоря, сделать его другим существом, не человеком. Поэтому Господь и спас человека через крестное страдание, чтобы, с одной стороны, искупить всякого человека, с другой — оставить его свободным, потому что где принуждение — там рабство, где принуждение — там нет любви.

Апостол Павел продолжает: «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов (то есть для всех нас: и тех, кто более склонен верить каким-либо авторитетам, как иудеи, и тех, кто склонен к самостоятельному размышлению, как эллины. — Схиархим. А.), Христа, Божию силу и Божию премудрость» (ст. 22–24). Действительно, в тайне Христова распятия — и непобедимая, непреодолимая никем и ничем сила, и премудрость, превосходящая самую высшую, но ограниченную человеческую мудрость. Аминь.

27 сентября 2006 года

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

О силе «слова крестного» и бессилии человеческой мудрости

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в день Крестовоздвижения, уместно подробно истолковать апостольское чтение на этот великий праздник. Оно начинается так: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (ст. 18). Когда проповедуется истина о том, что Господь Иисус Христос принес Себя в жертву ради нашего спасения, то для тех, кто отвергает истины христианства, слово об этом выглядит юродством, то есть безумием. Нам это учение кажется привычным и естественным, поскольку мы находимся в лоне Православной Церкви. Мы имеем искреннюю веру, однако глубокое проникновение в истины Откровения, принятые нами с чужих слов, приходит к нам постепенно, в результате долгой подвижнической жизни. Ведь иное дело принимать истины Откровения на веру, а иное — переживать их так, как, скажем, преподобный Василиск Сибирский, которому было видение распятого Спасителя. По сравнению с ним и подобными ему подвижниками, мы не до конца понимаем, что такое «слово крестное». В наше время, когда проповеди христианства уже две тысячи лет, большинство людей, населяющих так называемый христианский мир, фактически отпало от христианства. Для них «слово крестное» — безумие, но не в том смысле, как оценивают «слово крестное»

люди, стремящиеся к истине, но еще не познавшие ее. Безумие для современных христиан означает и нечто смешное, нелепое. Поэтому не нужно обольщать себя тем, будто все думают так же, как и мы. Недавно в разговоре с одной сестрой я сказал: «Опомнись! Выгляни за ограду! Кто это „все“, которые так думают?!» Мы должны яснее осознавать, во что верим, живее воспринимать истины веры, постоянно переживать их.

«Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (ст. 18). Здесь апостол Павел противопоставляет юродству не мудрость, а силу — явления, казалось бы, разноплановые. Он говорит о силе потому, что для нас важна не столько мудрость, как ее понимали древние философы, скажем Сократ, Платон, Аристотель и другие мыслители, сколько сила Божия. Ведь человек спасается не рассуждениями, не пониманием, но силой Божией.

«Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» (ст. 19). Это взято из книги пророка Исаии (см. Ис. 29, 14). То, что у людей, чуждых богооткровенной истины, считается мудростью, в конце концов будет отвергнуто. Не христианское богословие, ученость или проповедь, но сама жизнь показывает безумие этих мудрецов. Они сами, опровергая друг друга, показывают собственную несостоятельность, на что указывали еще древние апологеты. Иногда, когда человек как будто бы убедительно рассуждает, ему в шутку говорят: «Как тебя послушаешь, так ты прав». Так и здесь получается: послушаешь Платона — прав он, Сократа — он, Протагора — он, Эмпедокла — и он прав. То же самое можно сказать и о более поздних мыслителях. Послушаешь Канта — он совершенно прав, однако после него были мыслители, которые опровергали и его мнение. Разобраться во всех философских учениях чрезвычайно трудно не только нам, не изучавшим основательно философские творения (и даже тем, кто специально изучает философию), но и самим философам. Этот спор бесконечен, новые мнения возникают и опровергаются беспрерывно. Пожалуй, самое интересное в философских концепциях — именно критика чужих мнений. А когда философ преподносит свое собственное учение, то тут уже слишком очевиден, как мне кажется, момент недостоверности философских теорий.

Какую пользу приносят философы человечеству или конкретному человеку? В лучшем случае — некоторое интеллектуальное удовлетворение. Человек с какой-то особенно ярко выраженной интеллектуальной жаждой находит нравящееся ему разрешение своих вопросов, причем в чисто интеллектуальной области, практически не соприкасающейся с жизнью. В сущности, самый главный критерий выбора — оценочный: нравится или не нравится нам то или другое философское мировоззрение. Некоторые философы даже откровенно говорят об этом. Например, русский философ Семен Франк говорил, что его единственный учитель — философ эпохи Возрождения Николай Кузанский, и добавлял: «Кто знает, как рождаются философские убеждения, тот поймет меня». На самом деле: понравился ему Николай Кузанский, и он основал на его взглядах свою собственную философскую систему, развил, так сказать, его мысли. Что касается жизненных проблем, то философия не в силах с ними справиться. Есть, правда, философские течения, направленные именно на решение жизненных проблем. Например, прагматизм, который отвергает излишнюю теоретичность ради решения практических задач; экзистенциализм, претендующий решить проблему нашего существования; в конце концов, марксизм. По одному марксизму мы можем судить, какая от философии «польза». Карл Маркс говорил, что философия изучает мир, а задача марксизма — изменить его. Мы видим, как его изменили. Кто знает, сколько еще придется приходить в себя после таких экспериментов. Очевидно, что философия никаких проблем не решает, а, наоборот, создает еще большие трудности. Мы познали на собственном опыте, как ужасно повлиял на нашу жизнь марксизм. На жизнь западного общества в известной степени повлиял и фрейдизм и вышедшее из него учение о психоанализе, а также прагматизм. Вообще же на

развитие западной цивилизации очень сильно повлиял рационализм.

То, что было справедливо для древности, во времена пророка Исаии, потом святого апостола Павла, остается актуальным и сейчас. Апостол Павел пересказывает далее слова пророка Исаии: «Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» — отвергну за их совершенную бесполезность. «Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (ст. 20).

Некогда я проводил миссионерские беседы и мы с одним интеллигентным человеком разговаривали о вере. Он интересовался философией, изучал йогу и другие духовные традиции именно потому, что ему хотелось приобрести правильное мировоззрение. На него очень подействовали эти слова святого апостола Павла: «Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?», которые я истолковал ему так: «Не одинаково ли умирают мудрые и безумные?», как говорит Экклезиаст (см. Еккл. 2, 16). На него все это так сильно подействовало, что наш разговор стал переломным моментом в его духовном поиске и он пришел к православию.

«Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» Действительно, где эти люди? Они ушли из жизни, не зная даже, к каким последствиям приведет их собственная философия. Они, может быть, ужаснулись бы, узнав о последствиях, или ужасаются сейчас, находясь в ином мире. Думали ли Фридрих Ницше или Чарлз Дарвин, которого тоже можно назвать скорее философом, чем ученым-биологом, что их идеи приведут к возникновению фашизма? Вряд ли Карл Маркс предполагал, что произойдет, когда его доктрина будет применяться к жизни так, как в России или в Китае. Совсем недавно, в семидесятых годах XX века, в Камбодже, или Кампучии, были уничтожены миллионы людей. Или еще один пример: Томас Роберт Мальтус, бывший англиканским священником, то есть человеком с христианскими убеждениями, выдвинул теорию об ограничении рождаемости, в том числе путем воздержания от вступления в брак и от супружеских отношений. Вроде бы все просто и понятно. Но его доктрина получила впоследствии чрезвычайное развитие под названием неомальтузианства. Здесь уже ограничение рождаемости понимается как планирование семьи и детоубийство. Предполагал ли христианин Мальтус, к чему приведут его идеи?

Если обыкновенные люди скажут какую-нибудь глупость, то над ними посмеются и всё, а какие страшные последствия бывают от мудрствования умных людей, «мудрецов, книжников, совопросников века сего»! Они и сами становятся иногда жертвами собственной философии или деятельности, согласной с их философией. Сократ, например, «благодаря» своей проповеди о том, что нужно уважать власти, и «благодаря» своим воззрениям вообще, вынужден был принять яд, потому что его приговорили к смертной казни через отравление, то есть его философские взгляды привели его к гибели. Российские революционеры, большевики в годы сталинского террора гибли, став жертвой собственных взглядов. Даже если всеми уважаемый философ благополучно оканчивает свои дни, то, как бы он прекрасно ни рассуждал, пользы он от этого не получает, потому что он в конце концов переходит в вечность, где действуют другие законы.

Выдающийся русский философ Николай Онуфриевич Лосский обратился к вере после трагического случая, произошедшего в революционное время: заболела и умерла его малолетняя дочь. Прийти к вере и обрести истину ему помогла не философия, а тяжелая жизненная скорбь.

Получается, что философия — это некое занятие, которое может быть, а может и не быть. Оно не приносит пользы ни самому философу, ни его последователям. «Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?» Бог действительно обратил их мудрость в безумие. Почему?

Потому что они не могут познать истины собственными силами. Можно сказать об этом же словами Самого Спасителя: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11, 25), то есть тем, кто не считает себя великим и выдающимся.

Приведем теперь пример из священной истории. Святой апостол Павел был человеком ученым, о чем он сам упоминает: «Я был воспитан у ног Гамалиила» (см. Деян. 22, 3), знаменитого еврейского учителя. Образование иудейских детей носило почти исключительно богословский характер: начиная с детских лет и вплоть до зрелого возраста, они очень много времени проводили, изучая Священное Писание и занимаясь его толкованием. Но апостол Павел познал истину не благодаря изучению и истолкованию закона. Когда он находился под влиянием того понимания Моисеева закона, какое получил в иудейских богословских учебных заведениях, тогда он был врагом истины Христовой и сделался даже соучастником убийства первомученика Стефана. Обрел он истину по дороге в Дамаск благодаря явлению Господа Иисуса Христа. Мы видим, что мудрость сама по себе ничего не может принести человеку. Собственными усилиями обрести истину невозможно. В лучшем случае мудрость выражается в истолковании богооткровенного учения, необходимом ради человеческой немощи, доносит это учение в доступной форме до тех, к кому обращена проповедь слова Божия, как это делали святые отцы.

«Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?» — все это риторические вопросы, ответ на которые мы прекрасно знаем. Под мудрецом можно понимать философа, под книжником — иудейского знатока закона, а слово «совопросник» можно отнести и к тем, и к другим: и к способным вести диалектические споры в области философии, и к способным вести диспуты на богословские темы в рамках иудейской религии. Между прочим, у иудеев (правда, уже в более позднее время) был распространен своеобразный логический метод исследования и анализа, который на еврейском языке назывался «пилпул», что значит «перец», то есть имелась в виду особая острота мысли. Иудейские юноши упражнялись в «пилпуле», так чтобы можно было доказать любое мнение: сначала одну точку зрения, потом противоположную ей. Таким образом, совопросничество существовало не только среди античных философов, но и среди иудеев, людей совсем иной культуры и иного мировоззрения. Но и те и другие по разным причинам не смогли обрести истину.

«Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (ст. 20–21). Созерцая творение, человек имел возможность прийти к истине. Тем не менее, древние философы через исследование природы не смогли познать величие Творца, Его присутствие в мире, они осуетились своим умом, придумав множество всяких богов. Произошло это не потому, что откровение через природу было смутным и неясным, а именно из-за человеческой самонадеянности, заблуждения человеческого ума, некоторые обоготворяли даже насекомых или земноводных.

Скажем теперь об иудеях. С исторической точки зрения из древнего Моисеева закона вышли две религии: христианство и иудаизм. Некоторые богословы называют его новоиудаизмом для отличия от древнего иудаизма. Каждая из этих религий претендует на то, что она — естественное продолжение Моисеева откровения. Мы, христиане, понимаем, что исповедуемая нами истина утверждается не какими-то умствованиями и рассуждениями, а Христовым подвигом и Божественной силой. К чему же пришли в своем понимании Бога иудейские мудрецы? В одном из трактатов ранних еврейских мистиков, которые жили в первые столетия по Рождестве Христовом, Бог представляется совершенно человекообразным, указывается даже на его огромные размеры. Такого-то размера у Него эта часть тела, такого-то размера — та. А в Талмуде подробно описывается, как Он проводит время: в первой половине дня Он

делает это, во второй — то. Значительную часть времени Он раскаивается в том, что погубил Иерусалим и рассеял израильский народ. Для нас это смешно, потому что у нас другое, исключительно духовное, представление о Божестве, а так называемые практикующие иудеи изучают это и по сей день.

В отношении мистического опыта иудаизма приведу из учения каббалы пример, который показывает, куда движется иудейская мудрость, отказавшаяся от христианского Откровения. Для того чтобы прийти в экстатическое состояние и почувствовать присутствие Божие, каббалист должен переставлять буквы еврейского алфавита. Переставляя их довольно долгое время, он приходит в экстатическое состояние и созерцание. Некоторые ученые отмечают сходство с практикой индийской йоги. А с тем, что испытывали те же иудеи, но совсем с другими убеждениями, например пророки Исаия, Иеремия, это не имеет ничего общего. Вот к чему пришли те, кто как будто бы основывались на Откровении, в сущности же совершенно отказались от него. Они трактуют его таким образом, что уже, можно сказать, не содержат Моисеева закона в его неповрежденном виде: буква та же, а понимание совершенно искаженное.

Мудрость действительно превратилась в подлинное безумие, поскольку своей мудростью мир не познал Бога. Тогда «благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (ст. 21). Поскольку человек не мог собственными усилиями и изысканиями познать истину, то по всему миру были посланы апостолы, которые, проповедуя, может быть, в простых словах, без всяких особенных доказательств, подтверждали свою проповедь Божественной силой: исцеляли тяжелобольных, воскрешали мертвых и совершали другие чудеса. Какими могли быть рассуждения, например, апостолов Петра и Андрея, которые были рыбаками? Апостолы призывали наших духовных предков, а сейчас призывают и нас к тому, чтобы мы обратились к истокам их проповеди, то есть евангельским событиям. Чудеса, которые совершали святые апостолы, были доказательством истинности того, что они говорили о Христе. И мы обращаемся к чудесам гораздо более страшным, великим и непостижимым, имеющим для нас гораздо большее значение, чем исцеление или даже воскрешение из мертвых. Мы обращаемся к проповеди о Христе Распятом, потому что через распятие было совершено искупление человеческого рода, то есть всех людей, в том числе и каждого из нас. Мы должны это живо и ясно сознавать и чувствовать сердцем.

Когда речь идет о спасении, мы должны думать и о погибели, потому что в спасении нуждается погибающий, как говорит об этом святитель Игнатий (Брянчанинов). Для нас слово «спасение» слишком привычно, оно приобрело терминологический смысл, и мы не ощущаем его остро. Для того чтобы более выпукло показать, что такое спасение, приведу следующее рассуждение. Всем понятно, что когда ты, например, тонешь в пруду или заблудился в лесу, очень важно знать, как нужно спасаться. Если ты этого не знаешь, то погибнешь. Если заблудишься в лесу, например, — можешь умереть от голода. А когда речь идет о спасении в вечности, то мы говорим об этом спокойно, с холодком. Даже выражение «Спаси Господи!», имеющее чрезвычайно важный смысл, — пожелание спасения, мы произносим просто как формулу вежливости. В нашей христианской среде оно все равно что «благодарю». На самом же деле мы высказываем пожелание того, чтобы Господь спас этого человека, а раз речь идет о спасении, значит, человек находится в чрезвычайной опасности, погибает. Если бы мы всё это осознавали, то слова апостола Павла стали бы для нас живыми.

Зачем нужно было «юродство проповеди»? Чтобы оставить людям свободу, ведь, несмотря на чудеса, никакого принуждения не было. Спаситель совершил много великих чудес, подобных которым не было, и, однако же, большинство народа не поверило Ему, так и проповедь апостолов большинство их современников не приняло, несмотря на такие удивительные доказательства, как чудеса исцелений или воскрешения мертвых.

И это «буйство проповеди» необходимо было для того, чтобы оставить человеку свободу, чтобы он принял истину добровольно. Но принять истину — не значит согласиться с ней, а потом охладеть к ней и забыть о ней, как у нас обычно происходит. Принять истину — значит жить ею всегда, а жить ею — значит понимать, что Господь нас спасает, спасает же Он погибающих. Нужно сознавать опасность нашего положения, а следовательно, и необходимость помощи, и прилагать соответствующие усилия для своего спасения. Получилось вот что: для не принявших Божественную мудрость, выразившуюся в проповеди, она оказалась безумием, а для принявших ее безумием оказались рассуждения не принявших, потому что они совершенно бесплодны.

«Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости» (ст. 21–22). Иудеи требовали чудес и тем не менее отвергли явленные им чудеса милосердия. Им были нужны чудеса могущества, им был нужен Мессия, который своим словом или чудесной силой покорил бы всех своих врагов, народы, противящиеся истине. Этот соблазн, между прочим, живет в веках, он не умер. И мы все равно ждем спасителя под разными другими именами, пусть уже не Мессию, не Христа, но какого-нибудь человека, который путем мудрости, внешних преобразований, успехов во внешней деятельности установит справедливый порядок. Если же такой человек не оправдывает наших надежд, то мы начинаем презирать его, считать неудачником. Человечество живет этой мечтой внешнего преобразования, отчего происходят всевозможные бунты, революции, завоевания. Поэтому, осуждая иудеев, мы на самом деле придерживаемся такого же взгляда на вещи: мы хотим чудес силы. Мы всегда соблазняемся и говорим: почему Бог не защищает нас, не побеждает Своих врагов внешним каким-то образом, не покоряет их праведным людям? В то же время мы в чем-то подобны и эллинам, которые искали мудрости и всяких отвлеченных умственных изысканий, при помощи которых можно было бы познать истину.

Таким образом, от человека, который претендует на то, чтобы устроить наше спасение, мы требуем следующих двух вещей: внешних преобразований и особого, изысканного ума, выражающегося, может быть, в красноречии, силе логики, убедительности и тому подобных вещах. Мы жаждем силы и мудрости именно в таком примитивном иудейско-эллинском понимании. Этого не должно быть. Прежде всего мы должны осуждать это в себе. Когда-то Спаситель сказал ученикам: «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Мф. 16, 6), имея в виду не только их учение, потому что учение — это не закваска, учение — это уже, так сказать, готовый, испеченный хлеб. Закваска предполагает некую подоплеку, мотив. Внешнее выражение каких-то явлений может быть самым разнообразным, а мотив — одним и тем же. Мы должны беречься именно закваски фарисейской и саддукейской, в данном случае иудейской и эллинской. Если в проповеди мы не встречаем неопровержимых доказательств чего-либо, то она представляется нам неубедительной. Однако мы должны смотреть на то, что она приносит нашей душе, а также на те изменения, которые происходят или могут произойти с нами, если мы примем проповедь и будем следовать Евангелию.

«А мы, — продолжает апостол Павел, — проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (ст. 23). Как можно принять бессильного Мессию? Как принять учение, ничем не доказанное? С точки зрения изощренной античной философии оно достойно осмеяния. К сожалению, то же самое можно сказать и о мировосприятии наших современников. Две тысячи лет не изменили человека к лучшему. Если и было какое-то изменение к лучшему, то отступлением от христианских основ оно сведено на нет. Почему распятие Спасителя — соблазн и безумие? Потому что в нем нет ни силы, ни доказательств. На самом же деле через распятие совершилось спасение человечества. Грех побежден, причем не «в побегах», не в каких-то его «отростках», а в самом «корне». Грех, ложь, заблуждение

полностью выкорчеваны. Заблуждение состояло в том, что Адам и Ева были прельщены и обмануты змием. Это событие в книге Бытия изложено в очень простой форме и выглядит чрезвычайно примитивным, почти детски простым, но это совсем не значит, что оно вымышлено. Каждый, в меру своей мудрости, церковного просвещения, постигает его значение в большей или меньшей степени.

Поэтому те или иные ложные философские мнения неважны — важно исторгнуть ложь из души человека, чтобы он уже не следовал и не подчинялся внушению диавола, не пытался вкусить запрещенного плода, чтобы стать равным Богу. Господь Иисус Христос искоренил это заблуждение: как Адам проявил непослушание в легчайшей заповеди, так Господь Иисус Христос, новый Адам, исполнил эту заповедь в самой тяжелой форме. Адам и Ева простерли руки к древу познания добра и зла и вкусили запретный плод, а Господь эти человеческие руки, дерзнувшие ослушаться Бога, простер на кресте, чтобы исцелить их. Эта Божия сила и премудрость гораздо выше любых человеческих доказательств и рассуждений, которые ни к чему не приводят и никому не помогают. Помочь нужно не словом, не рассуждением, а делом. Даже если я буду все правильно говорить, утешать, успокаивать человека, но реально помочь ему не смогу, толку не будет. Допустим, человек тонет, а мы заговариваем с ним о какой-нибудь интересной книге — ему ведь не до этого. Даже если мы будем рассуждать о том, как ему нужно плыть, спасаться, мы, наверное, скажем всё правильно, но реально не поможем, ведь он в панике и учиться плавать ему уже поздно. Наша помощь оказывается мнимой. Подлинная же помощь будет состоять в том, что мы сами поможем человеку выбраться из воды.

Спасение — это не какие-либо рассуждения, возвышенные или правильные, правдоподобные или ложные. Оно должно быть действенно, реально. То, что совершил Господь наш Иисус Христос на Кресте, есть величайшая сила и мудрость, потому что были побеждены как диавол, так и грех и ложь, вошедшие в мир через диавола и овладевшие человеком. Потому апостол Павел и говорит: «А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (ст. 23–24). Не человеческие силу и мудрость, но Божии. Они настолько велики, что когда святые только отчасти сподобляются этой силы, то совершают великие чудеса; когда отчасти сподобляются этой мудрости, то становятся великими проповедниками и мудрецами. Их мудрость и величие признают иногда и находящиеся вне Церкви. Например, красноречие Иоанна Златоуста признавали и его современники и, как говорит Предание, его проповедь была настолько прекрасной, что даже язычники приходили ее слушать. Есть различие между силой и мудростью в человеческом понимании и силой и мудростью подлинными, Божиими.

Восприняв евангельское учение, мы должны относиться к нему не как к неким отвлеченным убеждениям. Нам нужно сделать его своей жизнью, тогда мы будем подлинно заботиться о своем спасении, и крестная сила, спасшая нас, проникнет в нас и начнет в нас действовать. Если мы будем относиться к распятию как к давнему событию истории Церкви, то никакой пользы не получим. Если мы призванные, то должны быть достойны этого призвания, должны исповедовать Божию силу и Божию премудрость, явленную нам через распятие Господа Иисуса Христа. Конечно, этим не отрицается значение того, что было до распятия, и в особенности после Воскресения и восшествия Господа на небеса, но распятие является ключевым моментом. Кто не принимает его, тот не принимает ни бывшего до него, ни происшедшего после. Верить в распятие Спасителя нужно с осознанием того, что оно совершено для каждого из нас. Тогда мы будем получать пользу, чувствовать силу крестного знамения и величие Креста, само изображение которого будет производить на нас гораздо более сильное впечатление. Благодать Божия будет действовать в нашем сердце. Мы будем понимать, что, причащаясь Тела и Крови Христовых, «смерть Господню возвещаем», по словам

апостола Павла (см. 1 Кор. 11, 26). Ведь отдельно Тело и Кровь может быть только у мертвого человека, а у живого кровь находится внутри тела, и отдельно ее никто не видит.

Поскольку мы вспоминали о подвиге Спасителя, нового Адама, в сопоставлении с преступлением нашего прародителя, ветхого Адама, то уместно вспомнить о том, как была создана Ева. Она была сотворена из ребра Адама. Новая же Ева, Церковь Христова, создана из прободенного ребра Спасителя, из которого истекла кровь и вода — вода Крещения и Кровь Евхаристии. Опять мы видим, что через распятие, через крест Христов началось и по сей день совершается наше спасение. Будем помнить об этом, ценить и переживать это, но для того чтобы сказанное нами исполнить, необходимо подвизаться. Ведь мы все носим на груди крест не только для того, чтобы он нас охранял, но и ради воспоминания о Том, чьими последователями мы являемся, какой ценой мы искуплены. С усилением веры сила креста будет проявляться и через крестное знамение, и через наш нательный крест, мы будем везде и всюду чувствовать помощь Божию: в быту, в храме, в борьбе со страстями и в деле нашего спасения. Тогда мы и само спасение будем осознавать как актуальную жизненную необходимость, потому что будем чувствовать, что находимся в беде и опасности погибнуть. Святитель Игнатий, рассуждая о том, что спасение необходимо погибающим, напоминает нам, что мы должны постоянно заботиться о своем спасении, подвизаться. Одна только наша принадлежность к Церкви Христовой не спасает нас автоматически.

Между прочим, когда монах при постриге приносит обеты, ему предлагается постоянно помнить о страданиях Христовых. Это, можно сказать, долг монаха. В Евангелии и всевозможных духовных книгах мы также находим напоминания о страданиях Спасителя. Привыкать к «слову крестному» нельзя, надо постоянно его переживать. Чем больше будет у нас благоговения и духовного опыта, тем живее станет для нас эта, казалось бы, древняя историческая истина. Аминь.

30 сентября 2007 года

Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Евр. 320 зач. (9, 1–7)

И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное: ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется «святое». За второю же завесою была скиния, называемая «Святое-святых», имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, а над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно. При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую — однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа.

О ветхозаветных прообразах Девы Марии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в день, когда мы празднуем Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, читается зачало из Послания святого апостола Павла к евреям, которое мы иногда можем услышать и в другие Богородичные праздники. В этом чтении, на первый взгляд, не содержится воспоминаний о Божией Матери, но если вникнуть в суть слов святого апостола Павла, то станет очевидно, что он рассказывает о ветхозаветном строении скинии,

прообразовавшем явление в мир Спасителя через Божию Матерь.

Апостол Павел говорит: «И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное» (ст. 1). Скиния разделялась, как впоследствии и храм Соломонов, на несколько частей. В один из передних дворов входить и молиться могли все.

«Ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется „святое“» (ст. 2). В святилище скинии и впоследствии в так называемом Святом храма Соломонова находились святыни, перечисляемые апостолом Павлом: «светильник, и трапеза, и предложение хлебов». И, собственно, сама трапеза и предложение хлебов — это уже предсказание о Божией Матери.

Сегодня на богослужении мы слышали тропарь из канона Божией Матери, в котором как раз находим подобное истолкование слов апостола Павла: «Клас прозябшая Божественный, яко нива неоранная яве, радуйся, одушевленная трапеза, Хлеб животный вмещшая». Так песнописцы называют Божию Матерь. Трапеза, то есть стол с хлебами предложения, которые меняли каждую неделю, обозначала Божию Матерь, а хлебы — Господа Иисуса Христа, Который должен был в последние времена воплотиться, а ныне уже пришел в мир.

Другие символы служат еще более ясным прообразованием Божией Матери. Истинные богопочитатели, если бы они были просвещены Духом, уже в ветхозаветные времена могли видеть в скинии нечто особенное, таинственное и символическое, говорящее о том, что должно произойти в будущем. Это было пророчество, так сказать, в предметном виде, данное не через слова, но через сами вещи, имевшие символическое значение.

«За второю же завесою была скиния, называемая „Святое-святых“» (ст. 3). С одной стороны, когда первосвященник входил туда раз в год, как говорит апостол Павел, «не без крови» (ст. 7), он прообразовывал смерть Спасителя. А с другой стороны, те святыни, которые находились в этом Святом святых, изображали Самого Спасителя и Божию Матерь.

В псалмах есть такое изречение: «Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоея» (Пс. 131, 8). Эти слова истолковываются как пророчество о Божией Матери, но и они, в свою очередь, также основаны на описании скинии. «Ты и кивот святыни Твоея» — что это за кивот, или ковчег? «За второю же завесою была скиния, называемая „Святое-святых“, имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета» (ст. 3–4). Божию Матерь в особенности прообразовывал ковчег завета, в котором находился сосуд с манной. Что же такое манна? Манна — это, как сказано также в псалмах, небесный хлеб (см. Пс. 77, 24), та чудесная пища, которую посылал Господь евреям сорок лет в пустыне, когда они не имели возможности обрабатывать землю. Эта небесная пища, ангельский хлеб, как говорит псалмопевец, прообразовывала Сына Божия, долженствующего в последние времена сойти с неба на землю.

То, что евреи видели в символах, мы сейчас видим уже сбывшимся. Мы осознаём, что все, о чем говорили пророки и что должно было произойти, уже сбылось, не только тогда, когда читаем Евангелие и веруем в него, но и тогда, когда в буквальном смысле вкушаем эту небесную Манну: вкушая Самого Христа под видом хлеба и вина, мы принимаем в себя истинные Тело и Кровь Христовы. Это действительно подлинная Манна, сходящая с небес. Как у евреев манна сходила с небес ежедневно, так и у нас, христиан, ежедневно по всему миру, в особенности в монастырских храмах, совершается Божественная литургия, пусть даже мы не причащаемся каждый день по каким-либо причинам. И, как говорит Священное Писание и Дух Святой через апостолов, эта Жертва не прекратится до скончания мира (см. 1 Кор. 11, 26).

Другие святыни, перечисленные здесь апостолом Павлом, также изображали с разных сторон пришедшего в мир Спасителя. Золотой сосуд с манной, находившийся, как говорит Предание, в ковчеге, прообразовывал плоть Спасителя, в которой Он явился на земле. Скрижали завета были прообразом Божественного учения и прообразовывали Господа как Слово Божие. Как известно, скрижали завета — это вытесанные камни, на которых перстом Божиим были написаны заповеди, данные Моисею на горе. Расцветший жезл Ааронов показывал, что мертвое может сделаться живым. Это было прообразом того, что от Девы безмужно родится Сын Божий, воспринявший от Нее человеческое естество, а также Воскресения Господа Иисуса Христа из мертвых, которое превосходило человеческий разум и представление о привычном ходе вещей в этом мире.

«А над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно» (ст. 5). Мы также не будем говорить об этом подробно и только напомним, что́ это обозначает. Ковчег был украшен изображениями херувимов, которые были обращены лицами друг к другу. Между ними, над крышкой ковчега, являлась слава Божия, и Господь открывал архиереям Свою волю над ковчегом, как это было во времена Моисея и в последующие времена.

Таким образом, мы видим, что Бог открывается над ковчегом, показывая тем самым, что Он должен воплотиться и что воля Божия откроется через Мессию — Сына Божия, воспринявшего на Себя человеческую плоть от Девы. Не почитающие Деву тем самым отрицают и воплощение Сына Божия, как, по сути, отрицал его преданный анафеме на Третьем Вселенском Соборе Несторий. Он не желал называть Пресвятую Деву Богородицей и именовал сначала Человекородицей, а потом, как казалось ему, нашел компромиссное выражение и стал называть Ее Христородицей. Но, по сути, он умалял и хулил славу Божией Матери.

Против почитания Божией Матери восставали и иконоборцы, по крайней мере самые радикальные из них, например император Константин Копроним, прозванный так народом («Копроним» — это значит навозник. Существует предание, что когда его крестили в младенческом возрасте, то в купели, в самый неподходящий момент, с ним произошло то, что бывает с младенцами. И это посчитали предзнаменованием его дальнейшей жизни). Этот Копроним-Навозник говорил о Божией Матери со своими приближенными, прибегая, как ему казалось, к очень убедительному примеру. Он брал простой ларец, наполнял его драгоценностями и спрашивал: «Сколько стоит этот ларец?» Ему отвечали: «Чрезвычайно дорого». Потом вынимал драгоценности и снова спрашивал: «А сколько он стоит теперь?» Ему отвечали: «Нисколько». «Вот так, — говорил он, — и Дева Мария, пока Она имела в Себе Сына Божия, была велика, а так Она обыкновенная женщина».

Но это нелепая, бессмысленная и отвратительная хула. Если Сын Божий вошел в Деву, то неужели это никак Ее не коснулось и не преобразило? Из Евангелия мы знаем, что нужно было, чтобы Ей особо явился ангел и предсказал о воплощении от Нее Сына Божия. Само это предсказание было связано со сверхъестественным событием, не случающимся с обыкновенными людьми. Тем более на Нее должна была сойти сила Вышнего (см. Лк. 1, 35), как сказано в Писании, Духа Святого. Хотя не описано, как это происходило и что Пресвятая Дева испытывала, но, наверное, это было нечто несравненно большее, чем явление ангела. И, когда от Нее уже родился Сын Божий, это не могло на Ней не отразиться и Она не осталась обыкновенным человеком. Нет, Она была преображена и обновлена, Она стала действительно ковчегом завета.

«При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать богослужение; а во вторую — однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа» (ст. 6–7). Это принесение крови уже прообразовывало

крестную жертву Спасителя. Итак, мы видим, что скиния была пророчеством о пришествии в мир Спасителя. Но это уже сбывшееся пророчество не удалилось от нас, мы не можем думать, будто отстоим от этого события уже почти на две тысячи лет и будто оно было столь давно, что нас уже не касается. Благодаря нашей вере мы должны переживать его так, будто бы это происходит в наше время.

То, что евангельские события можно ощущать так ясно, говорит апостол Павел, когда укоряет галатов: «Как вы могли так себя вести, когда Христос как бы был распят у вас перед глазами?» (см. Гал. 3, 1). Я думаю, что речь идет не о каком-то видении, а скорее всего, о том остром переживании, которое испытали те, кому проповедовал апостол Павел: они воспринимали описанное в Евангелии так, как будто бы оно происходило на их глазах. Если мы будем по-настоящему искренно и бескомпромиссно верить, тогда и мы также будем переживать Божественное Евангелие.

Близость к нам евангельских событий выражается также в том, что мы участвуем в Тайной вечери и по ходу литургии вспоминаем основные события всей жизни Спасителя и Его крестную жертву, а потом причащаемся Его Святых Тела и Крови, вкушаем эту небесную Манну, но не прообразовательную, а истинную. Мы уподобляемся херувимам, как о том говорится и в Херувимской песни: «Иже херувимы тайно образующе», и, таким образом, в нас должна явиться та самая слава Божия, которая являлась над крышкой ковчега завета. Не только те наши сестры, которые носят ангельские имена, сестра Херувима или сестра Серафима, являются ангелами, но и каждая монахиня, инокиня и послушница изображает собой ангела: как символизирует его, так и таинственно прообразовывает и даже, можно сказать, по сути является им.

Чем мы отличаемся от ангелов? Конечно, многим: прежде всего, грехами и тем, что мы существа совсем иной природы, облеченные в тело. Однако, когда мы сразу же после совершения Таинства святой Евхаристии поминаем всех святых, то произносим следующие слова: «Якоже быти причащающимся во трезвение души, во оставление грехов, в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение. Еще приносим Ти словесную сию службу, о иже в вере почивших, праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолех, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех (и дальше то, ради чего я читал эти слова. — Схиархим. А.) и о всяком дусе праведнем в вере скончавшемся». Значит, поминая всех этих святых и вообще всех людей, живших благочестиво, мы называем их духами праведными, скончавшимися в вере. О чем это говорит? О том, что и мы тоже духи, ведь мы не только облечены телом, но и имеем душу. Сам внешний вид — что, мне кажется, совершенно ясно — отличает нас от тех существ, которые имеют в себе жизнь, но не имеют бессмертного духа, — от животных. Само строение тела и, в особенности, человеческое лицо отображает на себе внутреннюю жизнь человеческого духа, что с очевидностью понимает всякий благоразумный человек, хотя он, может быть, и не видит ясно эту жизнь. Значит, мы все являемся духами. Хотелось бы, чтобы мы были духами, ведущими праведную жизнь.

Если же мы духи, то, значит, должны уподобляться херувимам, также духам. И когда за Божественной литургией в храме воспевается это прекрасное песнопение, «иже херувимы тайно образующе», то оно обозначает как то, что священники изображают херувимов, так и то, что и все присутствующие в храме должны ими быть. Все должны, как херувимы, умом взирать на Бога и быть как бы исполненными множества очей, то есть все существо наше должно стать оком, которое созерцает являющегося нам Бога.

Сама иноческая одежда, с одной стороны, черным цветом выражает покаяние и отречение от мира, а с другой — изображает славу ангелов. Она делает нас внешне ангелоподобными и

изображает благодать Божию, в которую мы облечены. Мы не видим эту благодать, но одежда показывает нам, что благодать нас облекает. Когда священник облачается в священные одежды для совершения богослужения, он вместе с ними облекается и благодатью священства, как об этом говорится в литургийных молитвах. Так и монашествующие облекаются в свои одежды, напоминающие им о том, какими монахи должны быть по сути, и о том, что они облечены благодатью и, как ангелы, должны воспевать Богу Херувимскую песнь, а именно троекратное «Аллилуия, аллилуия, аллилуия», то есть «хвалите Господа, Господь грядет». Мы непосредственно переживаем уже совершившееся — не только верим в то, что произошло когда-то ради нас на Голгофе и в Сионской горнице, но и переживаем непосредственно, потому что мы присутствуем на Тайной вечери, мы являемся теми херувимами, только уже не сделанными из золота, а подлинными и живыми, и среди нас должна являться слава Божия.

Какие слова возглашает священник после совершения Евхаристии? Дочитав эту молитву, он заканчивает ее следующими словами: «О всяком дусе праведнем в вере скончавшемся. Изрядно (то есть особенно. — Схиархим. А.) о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии». Затем воспевается песнопение «Достойно есть яко воистину блажити тя Богородицу» или задостойник, также прославляющий Пресвятую Деву. Благодаря Ей воплотился Сын Божий и мы имеем возможность вкушать Его пречистую плоть, потому мы обязаны воздать Пресвятой Богородице славу.

Все это нами должно переживаться во время совершения Божественной литургии. Мы должны это чувствовать своим сердцем и осознавать умом. Жизнь Спасителя проходит перед нами, и мы должны благодарить не только Бога, но и тех, через кого было преподано нам слово Божие, а в особенности Ту, через Которую воплотился предвечный Сын Божий.

Так Церковь прославляет Пресвятую Деву на каждой Божественной литургии. То, что было только прообразовано в скинии и совершалось там один раз в год, притом символически, ныне совершается ежедневно в святых православных храмах. Манна небесная, пречистое Тело и Кровь Христова, истинная Манна преподается каждому достойному. Потому, с благоговением принимая Святые Тайны, будем благодарить Бога и святых, а изрядно Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию. Аминь.

14 октября 2007 года

Неделя перед Рождеством Христовым, святых отец

Евр. 328 зач. (11, 9–10, 17–23, 32–40)

Верою обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог.

Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единородного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование. Верою в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. Верою Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих. Верою Моисей по рождении три месяца скрываем был родителями своими, ибо видели они, что дитя прекрасно, и не устрашились царского повеления.

И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне

и Иеффае, о Давиде, Самуиле и других пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в ми□лотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

О вере в грядущее воздаяние

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня совершается память святых отцов — ветхозаветных праведников, которые находились в родстве с Господом Иисусом Христом, были предками Его по плоти. И сегодняшнее апостольское чтение как раз говорит о вере этих праведников в грядущего Мессию, Христа. Попытаемся истолковать некоторые стихи этого довольно пространного зачала и развить интересные, полезные для нас мысли, которые там есть.

Сначала апостол Павел восхваляет праведников, с которыми по их вере совершились удивительные, самые разнообразные чудеса. Это были и победы в битвах, и воскресение мертвых. И здесь же он говорит о тех святых, которые как будто бы не приняли избавления: «Прияша жены от воскресения мертвых своих: инии же избиени быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат» (ст. 35). По-русски, «жены получали умерших своих воскресшими; а другие не приняли избавления для того, чтобы получить лучшее воскресение». Апостол Павел говорит здесь о двух воскресениях: о том, которое подобно воскресению сына наинской вдовицы (см. Лк. 7, 11–16), и о том, которое будет в грядущем веке. Иные для утверждения своей веры и веры других сподобились принять многое, в том числе даже своих родственников, разрешенных от уз смерти. А другие — и таких больше — ничего не получили от Бога, ожидая в грядущем веке «лучшего воскресения» и лучших благ, неизмеримо превосходящих все возвышенные земные блага, даже дозволенные праведным людям.

Отсюда мы усматриваем, что праведность необязательно вознаграждается только какими-то земными благами. Нам кажется, что Бог слышит нас тогда, когда по нашим молитвам удовлетворяет наши земные нужды. Однако Он слышит нас и тогда, когда ничего нам не посылает. Это делается ради того, чтобы мы получили нечто лучшее. И не только в будущем веке, но и в сем веке мы получаем нечто большее, чем наше избавление от каких-либо скорбей. Ощущая в своей душе и в своем сердце предвкушение вечных благ, мы тем самым уже уверяемся, что в будущем мы получим их в полной мере. И потому, когда мы много молимся, плачем и упрашиваем Бога о том, чтобы Он удовлетворил наши прошения (которые бывают у нас и от вполне извинительных земных нужд и, тем более, от любви к ближнему), мы должны понимать, что если Господь не посылает нам просимого, то делает это ради того, повторю, чтобы еще более привлечь нас к Себе и вместо наших, может быть, неразумных просьб и желаний, даровать нам гораздо большее.

Вспомним слова Спасителя: «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Бог даст Духа Святаго просящим у Него» (см. Лк. 11, 13). Если наша молитва искренна, она обязательно будет услышана. Мы не всегда получаем то, что хотим, потому что это не всегда полезно, а может быть, даже и ничтожно по сравнению с тем, что хочет дать нам

Бог. Молитва наша все равно бывает услышана, и мы получаем нечто иное: вместо чего-либо вещественного или телесного — дарования Святого Духа.

Если человек получает и вкушает эти дарования, то, осознавая, насколько это велико и славно, прекрасно и вожделенно, он уже забывает о просимом. Тогда он понимает, что какая-либо земная скорбь, нужда или обстоятельство, понудившие его к искренней молитве, были лишь средством, промыслительно посланным ему ради того, чтобы заставить его искренне обратиться к Богу. К сожалению, бывает так, что человек даже и не знает, к чему следует стремиться. Поэтому земное, ощущаемое в нашем повседневном опыте, представляется нам чем-то вполне конкретным, реальным, а то, о чем мы читаем в Священном Писании или творениях святых отцов, — чем-то абстрактным и непонятным. В особенности это касается тех произведений, в которых святые отцы рассказывают о собственных духовных переживаниях. Невещественное для нас — это нечто нереальное, воображаемое, потому мы к нему и не стремимся. И только когда в молитве мы получим предвкушение того, что в вечности будет в гораздо большей степени, тогда только, осознав, почувствовав, испытав это, уже стремимся удержать, а если утеряем — вернуть. Теряя благодать, мы начинаем усердно подвизаться, плакать и сожалеть об этой утере.

Правда, иногда бывает и такое, что человек забывает о благодати, пережитой им, пренебрегает ею или начинает объяснять превратным образом то, что он испытал. Например, в XIX столетии было такое происшествие. Один студент, как и многие образованные люди в то время, увлекся вольнодумством, можно сказать, атеизмом. Однажды он заболел. Во время этой болезни с ним произошло то, что на языке современной медицины принято называть клинической смертью. Душа его отделилась от тела, он проходил мытарства, видел демонов, а потом ему было повелено вернуться в тело, и он ожил. Естественно, что у него появилась вера, и он стал говорить совершенно иное по сравнению с тем, что говорил прежде. Но, когда он оправился, друзья оказали ему медвежью услугу: они переубедили его, внушив, что все это ему показалось, что это были галлюцинации. Он этому поверил, а вскоре опять заболел и умер уже окончательно.

Нечто подобное было и во времена преподобного Феодора Студита в VIII столетии. Феодор Студит, уже находясь в темнице за защиту святых икон, убедил одного вельможу в том, что если он будет почитать святые иконы и молиться перед иконой Божией Матери, то исцелится от смертельной болезни. Тот поверил, помолился и получил исцеление. Но потом его переубедили, и он опять отверг иконы, забыв и о Феодоре Студите, и о его учении. Затем он вновь тяжело заболел, и в этот раз ему уже ничто не помогло, он умер.

Однако мы говорим о естественном и правильном отношении человека к тому, что он переживает. Если он ощущает в молитве действие Святого Духа, выражающееся, допустим, в особенном внимании, страхе Божием, умилении или правильных, евангельских чувствах по отношению к ближним: любви, снисхождении, смирении, — то он должен понимать: полученное им гораздо важнее и ценнее, чем то, ради чего он начал молиться, — может быть, ради исцеления от болезни или избавления от какой-нибудь скорби. Потому что болезнь, как и здравие, окончится со смертью человека, а то, что он приобрел в молитве, — если речь идет о высоких духовных дарованиях, — это вечно. Об этом говорит и апостол Павел: «Земное временно, а духовное — вечно» (см. 2 Кор. 4, 18). И вечное, безусловно, гораздо ценнее.

В таком отношении к вечному мы должны уподобляться древним праведникам, которые имели веру во Христа и в грядущее воздаяние, таким, например, как мученики Маккавеи, которые ничего не получили от Бога в этой жизни, претерпев только одни страдания. Для них грядущее было уже как бы настоящим. Но они имели такую веру, повторю, еще до пришествия Христа. Нам же, после пришествия в мир Спасителя, когда полнота истины уже явилась, полнота

благодати уже действует и Господь невидимо пребывает с нами, — отнюдь не извинительно быть менее ревностными, чем праведники, которые жили только верой в грядущего Спасителя, грядущего Мессию.

В такой пламенной вере мы должны и даже обязаны подражать всем тем, которые, как говорит апостол Павел, «были избиты», то есть убиты, «не приняв избавления, чтобы улучить лучшее воскресение», и претерпели многие и многие другие скорби. «Те, которых не был достоин весь мир, скитались в горах, и вертепах, и в пропастях земных» (см. ст. 38). По славянскому переводу — «в вертепах», а по русскому переводу — «в пещерах». Эти люди были гонимы и преследуемы, жили, подобно диким животным, в пещерах, скрываясь от своих преследователей. Вот как были унижены те, которых не был достоин весь мир! Тем более мы должны с радостью и благодарением терпеть все скорби, понимая, что боль, телесное страдание не являются с духовной точки зрения злом. И поэтому будем всё принимать как из рук Божиих, ожидая только близости Божией к нам, явления благодати в нашей душе, в нашем сердце.

К этому мы должны непрестанно стремиться, только этого должны всегда желать. А исполнение наших молитвенных прошений о земных благах — необязательно, оно может быть или не быть, в зависимости от того, полезно это для нашего спасения или вредно. На таких праведников, как мученики Маккавеи; пророк Исаия, перепиленный деревянной пилой; Иеремия, убитый своими соплеменниками, и многие другие, мы должны взирать, им должны подражать и заботиться только о том, чтобы Христос всегда пребывал с нами и мы всегда следовали во всем Его воле и заповедям. Аминь.

31 декабря 2006 года

Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

Гл. 209 зач. (4, 4–7)

Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.

О Божественном усыновлении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сегодняшнем чтении из Послания апостола Павла говорится о том, какое значение для нас имеет пришествие в мир Спасителя.

Обратимся к Синодальному переводу: «Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону» (ст. 4). «Полнота времени» обозначает, что наступил тот день, когда все исполнилось для того, чтобы пришел в мир Господь наш Иисус Христос. Многие и многие поколения праведников ожидали этого и, может быть, испытывали некое нетерпение. Им казалось, что это событие должно вот-вот произойти, поскольку оно было открыто им в Духе, но они уходили из этого мира, так и не став очевидцами пришествия в мир Христа Спасителя.

Но то, что кажется людям как будто бы промедлением, на самом деле является исполнением времени. И если те, кто пребывал в законе, так бесчеловечно обошлись с Господом Иисусом

Христом, предали Его мучительной, позорной смерти, то что произошло бы, если бы Он пришел в то время, когда люди были совершенно чужды даже здравых представлений о нравственности?

Так или иначе, каким бы продолжительным или коротким ни показался нам этот срок, но пришла полнота времени и Бог послал от Себя Сына Своего. Слово «послал» говорит о том, что Сын не был рожден в какой-то момент времени, а пребывал вечно с Отцом и собезначален Ему. Хотя Он имеет начало в Отце, но во времени так же бесконечен, как и Бог Отец.

«Родился от жены» –– это значит, что Господь родился не обыкновенным образом –– не **через** жену, а **от** жены, то есть заимствовал от нее человеческое естество не так, как это обычно бывает, когда люди появляются в мир.

«Подчинился закону» — это значит, что Господь наш Иисус Христос принял закон для того, чтобы, с одной стороны, исполнить его, а с другой — показать его бесполезность, потому что по закону Он был осужден, и закон оказался несправедливым. Поскольку в законе совершилось такое необыкновенное преступление — богоубийство, то он упразднен и, таким образом, крестной жертвой Господа Иисуса Христа все мы освобождены.

«Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (ст. 5). Конечно, речь идет прежде всего об иудеях, но в широком смысле эти слова из Послания апостола Павла к галатам можно отнести и ко всем людям. Галаты, как известно, раньше были язычниками. Они приняли христианство, но считали, что помимо Евангелия необходимо придерживаться и ветхозаветных предписаний. Апостол Павел показывает им, что закон не имеет уже никакого значения, ибо все, кто был под законом, искуплены кровью Спасителя. Кто под законом — тот раб, а кто выкуплен — тот становится сыном.

Поскольку никто не мог исполнить закона, то каждый, на кого распространялись его предписания, подчиненный ему, был осужден на смерть, всякий был преступником. Но искупленный от закона уже освобождался от налагаемых им обязательств и получал от Бога силу и власть быть свободным от греха. Не так, чтобы постоянно подвергаться порицанию за совершение греха и нарушение закона, а так, чтобы быть освобожденным от закона по той причине, что он уже не нуждается ни в каких запрещениях и свободно исполняет волю Божию. Например, у царя есть рабы, служащие ему из страха, и есть дети, которые не служат, а просто исполняют волю отчую. И более того, Сам Бог Отец –– потому что под царем мы имеем в виду Бога Отца –– заботится о Своих сынах, и в дому Божием все делается ради усыновленных Ему христиан.

«А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: „Авва, Отче!“» (ст. 6). Мы усыновлены и сделались по благодати братьями Христу. Как бы дерзновенно это ни звучало, но так Он Сам сказал Марии Магдалине, когда явился ей по Воскресении: «Иди скажи братьям Моим, что восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (см. Ин. 20, 17). В лице апостолов Он сделал всех нас Своими братьями, сыновьями Небесного Бога Отца. Мы должны не только понять это умом, но и получить свидетельство этого — действие Духа Святого в нашем сердце. Именно Дух Святой, когда сходит в наше сердце, которое является средоточием духовной жизни, вопиет к Богу и дерзновенно называет Его Отцом.

«Авва, Отче!» Здесь употреблены два слова с одинаковым значением — «отец». «Авва» — это арамейское слово, то есть принадлежащее к разговорному языку евреев того времени, а «Отче» — русский перевод слова греческого. Значит, не важно, кто ты по происхождению: принадлежишь ли ты к богоизбранному народу, или ты принадлежал некогда к язычникам и

беззаконным. Не важно, на каком языке ты говоришь, а важно, что ты обращаешься к Богу от всей души, из сердца своего. Ты делаешь это не потому только, что умом осознаешь правильность своих рассуждений об этом, но потому, что сердце твое непроизвольно обращено к Богу и любит Его так, как родного отца. Такое дерзновение даровал нам Бог через пришествие Господа Иисуса Христа, Сына Божия!

Теперь мы имеем дерзновение обращаться к Богу и называть Его не какими-то величественными именами, а просто — своим Отцом. Мы стали родными Богу. Наш отец уже не какой-то обыкновенный человек, пусть даже искренно нас любящий, но во всех отношениях всесовершенный Бог. Всесовершенный Он, конечно же, и в любви Своей к нам.

«Посему ты уже не раб, — обращается апостол Павел как бы к каждому из нас, — но сын» (ст. 7). К сожалению, у нас нет такого духовного опыта, какой был у древних христиан, у галатов, несмотря на их некоторые заблуждения и ошибки. Но все же иногда мы чувствуем искреннюю любовь к Богу, чувствуем, что Он заботится о нас. В особенности, когда мы произносим слова, казалось бы, привычной молитвы «Отче наш», но вдруг что-то такое проснется в нас и мы от всей души называем Бога, обращаясь к Нему: «Отче наш!» Это является доказательством того, что мы уже не рабы, мы — дети Божии.

«А если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (ст. 7). Наследник чего? Раб ничего не наследует, он работает столько, сколько от него требуют, получает лишь необходимое для того, чтобы поддержать свои силы и вновь продолжать данную ему работу. Наемник работает ради того, чтобы получить договорную плату. А сын трудится из любви, и все ему принадлежит. Он не просто получает какую-то определенную плату, но является наследником всего — Царство Божие становится его Царством. И совершилось это, как говорит апостол Павел, через Христа.

В день, когда мы вспоминаем Рождество Христово, мы должны всё это понять и оценить. Что произошло, когда пришел в мир — уже более двух тысяч лет назад — Господь наш Иисус Христос? Что изменилось? Те, кто отпали от Бога, были совершенно чужды Ему и, если особо говорить о язычниках, жили подобно диким зверям, вдруг от этого зверства, я уж не говорю от подзаконного рабства, избавлены и усыновлены, сделаны детьми Божиими. Они стали наследниками Царства Божия и его — можно употребить такое выражение — равноправными гражданами. Не рабами, не подчиненными, а равноправными гражданами.

Помня о Рождестве Христовом, мы должны быть достойны той милости Божией, которая была дарована нам через пришествие в мир Христа Спасителя. Мы должны не просто представлять себе это теоретически, может быть, умиляясь на мгновенье, но исповедовать это всей своей жизнью, стяжать в себя Господа Иисуса Христа. Тогда мы не просто будем иметь возможность, дарованную нам, но не использованную нами, — достичь любви к Небесному Богу Отцу. Любовь эта станет нашей действительностью, и мы почувствуем то, что чувствовали древние христиане, к которым обращался апостол Павел. Мы ощутим, что Дух Святой вопиет из сердец наших, с дерзновением, как бы от нашего естества взывает к Богу и говорит: «Авва, Отче!».

Вспомним, например, из Евангелия, что нечистые духи, входя в людей, их устами говорили всевозможные нелепые вещи и, делая их своими орудиями, совершали безумные поступки. Противоположное этому происходит, когда в нас входит Дух Святой. Если беснование часто было следствием того, что человек вел нечестивую жизнь или родственники его имели какие-то пороки, то пришествие в человека Духа Святого является следствием его богоугодной жизни, его трудов, ревности, веры и понуждения. И тогда обыкновенный человек (я уж не говорю о том, что все мы нечисты) становится орудием Божиим, сосудом Святого Духа и возлюбленным чадом Божиим. Это не только желательно, но даже необходимо для всякого

христианина, в особенности для тех, кто отрекся от всего ради того, чтобы беспрепятственно служить Богу и чтобы это усыновление сделать для себя реальным и с радостью, дерзновением и любовью, а не со страхом и ужасом перейти когда-то в вечную жизнь и наследовать вечное Небесное Царство Бога Отца. Аминь.

7 января 2007 года

Обрезание Господне

Кол. 254 зач. (2, 8–12)

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти. В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых.

Об увлечениях современного человека

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В день праздника Обрезания Господня читается зачало из Послания святого апостола Павла к колоссянам. Он обращается к колоссянам, но, конечно же, слово его адресовано и ко всем нам, потому что Писание не ограничивается каким-либо частным случаем, вызвавшим откровение святого апостола, но простирается ко всем людям, живущим в разные времена, и является универсальным, потому что это не человеческое, но Божие слово.

Будем читать Синодальный перевод и попытаемся извлечь из учения апостола Павла для себя пользу и назидание.

«Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (ст. 8). Будучи людьми, уже просвещенными благодатью, Откровением Божиим, мы должны остерегаться, чтобы не увлечься каким-либо человеческим учением. Это может быть философия, так называемое научное знание или жизненная философия, которая часто имеет большее влияние, чем отвлеченное учение, хотя люди этого не осознают. Первое значение слова «увлек», переведенного в Синодальном тексте, — «увел как добычу». Нельзя поддаваться влиянию чего-то стороннего по отношению к Откровению, иначе мы будем захвачены в плен врагом и уведены, как рабы или иное имущество. Из слов апостола мы видим, что философия, которой увлекались колоссяне, была враждебным Христу занятием.

Теоретически можно допустить, что философия может быть и христианской, хотя это скорее исключительное явление. Вообще, самостоятельные человеческие размышления чужды Откровению и потому опасны, хотя по видимости они могут во многом казаться похожими на него, потому что, с одной стороны, мы недостаточно проникаем в суть Откровения, с другой — плохо знаем христианское вероучение. Очень часто случается, что люди, даже искренно верующие, благочестивые, увлекаются нехристианскими философскими или научными мнениями, теориями, гипотезами и даже не осознают, что между этими теориями и христианским вероучением есть явное противоречие. Они воспринимают христианство поверхностно и не способны до конца осознать, что, принимая тот или иной догмат Православной Церкви, они должны прийти к определенному выводу, а именно: к отрицанию

многого из того, что является общепринятым и кажется естественным и безвредным.

То же самое можно сказать и о наших увлечениях. Нам представляется, что они не только совершенно нейтральны по отношению к религии, но и полезны, прекрасны. И мы не можем просчитать все последствия, довести цепочку рассуждений до конца. Если бы мы смогли это сделать, то увидели бы, что на самом деле в наших увлечениях есть мнения, противоречащие христианскому учению. Это очень распространенное явление. К сожалению, этому подвержены и мы, монашествующие. Дай Бог, чтобы это касалось только каких-нибудь житейских мелочей. Но часто бывает, что верующие люди принимают и враждебные христианству философские доктрины, отстаивают их, всячески желают примирить свои увлечения, допустим, любовь к искусству (а те или иные произведения искусства часто враждебны христианскому духу) с православной нравственностью, вероучением. Просто потому, что им это очень нравится. Некоторые философские доктрины, умозаключения или научные гипотезы тоже по-своему прекрасны. Между прочим, одним из критериев того, что научная гипотеза правдоподобна, как ни странно, является то, что она привлекательна с эстетической точки зрения. Не всем известно о таком критерии научности, а ученые придают этому большое значение. Так или иначе, мы увлекаемся философией «по стихиям мира», то есть пытаемся найти обоснование своим взглядам в чем-то естественном, отвергая христианское Откровение. И тогда действительно становимся добычей врагов Церкви.

Апостол продолжает: «Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (ст. 9). Не нужно нам рассуждать о каких-то малозначащих по отношению к спасению предметах, хотя бы в глазах наших современников они казались чем-то чрезвычайно значимым, фундаментальным. Для нас важно то, что приближает нас ко Христу, что нас спасает или, наоборот, губит. Пусть мы в чем-то ошибаемся, чего-то не знаем, имея, по выражению святителя Григория Паламы, «случайное незнание», — это не принесет нам никакого ущерба. Как говорит Екклезиаст, и мудрые и глупые одинаково умирают (см. Еккл. 2, 16). Пусть мы будем глупыми, смиримся с таким взглядом на себя, с таким наименованием, но и мудрые не будут иметь перед нами никакого преимущества, когда придет смерть. И потому станем каяться, готовиться к смерти, думать о вечности, о воплотившемся Сыне Божием — Господе Иисусе Христе, потому что в Нем, как говорит апостол Павел, обитает вся полнота Божества телесно. Единственное, что для нас важно, — это Откровение Сына Божия, и если Он что-то нам не открывает, то это нам и не нужно, не имеет значения для вечности.

В словах «в Нем обитает вся полнота Божества телесно» мы должны увидеть и откровение об истине Боговоплощения. Божественная природа, в полноте присущая, естественно, и Второй Ипостаси Пресвятой Троицы, Сыну Божию, соединилась в Его лице с полнотой человеческого естества, конечно же, безгрешного и чистого, то есть Человек Иисус одновременно всемогущий, вездесущий Бог. Церковь, вспоминая сегодня Обрезание Господне, тем самым подчеркивает, что воплотившийся Сын Божий обладал человеческим естеством в полной мере, и потому те обряды, которые положено было совершать в то время над верующими, совершены были и над Ним.

Следующий стих: «И вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» (ст. 10). В Нем полнота Божества, а мы имеем полноту ведения, по крайней мере, если бы захотели, то приобрели бы ее, имеем полноту благодати. Именно в Нем, ни в чем другом, не в той или иной религии, не в том или ином учении или философском направлении, не в том или ином принадлежащем людям мнении, пусть даже кажущемся чрезвычайно важным, само собой разумеющимся, общепринятым, но в Нем, в Господе Иисусе Христе. Поэтому мы можем и даже должны пренебречь всем остальным, если это отвлекает нас от Него. Еще раз подчеркну, здесь нужно быть чрезвычайно осторожным, потому что подчас по своей простоте, неискушенности, мы можем не заметить соблазна. По возможности нужно прибегать к мнению

тех людей, которые владеют мечом слова Божия и могут отличить истину от лжи, даже когда последняя весьма правдоподобна. Это святитель Василий Великий, другие святые отцы, я уже не говорю об апостолах. Бывает, что нам самим трудно понять Священное Писание, например апостольские послания. Прибегнем к помощи святых отцов и других православных мыслителей, живших пусть в более поздние времена, но опиравшихся на святоотеческое учение, и с их помощью будем исследовать всё, с чем мы соприкасаемся в своей умственной деятельности. Только тогда мы сможем отличить истину от лжи. Не будем самонадеянно пытаться извлечь из чего-то пользу, думая, что мы к этому способны.

Некоторые наши современники из числа верующих считают, что поскольку древние отцы, например отцы IV века, заимствовали какие-то мысли из различных философских течений, допустим, у стоиков, неоплатоников или Аристотеля, то и мы имеем полное право заимствовать какие-либо правильные мысли из современных философских течений. Как будто бы все похоже, все правдоподобно. Одно только настораживает: таковы ли мы, как Василий Великий или Иоанн Златоуст? Способны ли мы к критическому переосмыслению, способны ли мы взять доброе, а соблазнительное, душевредное отвергнуть? Или получится как раз наоборот: душевредное возьмем, а полезного не заметим? К сожалению, с течением времени верующие люди, да и все человечество, становится все более немощным, и потому нужно с большой осторожностью относиться ко всему внешнему, более доверять авторитету святых отцов и на них опираться. Пусть мы будем казаться излишне осторожными, сухими, нетворческими людьми, но зато пребудем в святоотеческом Предании. Приведу пример, как я думаю, убедительный для всех вас. Святитель Игнатий (Брянчанинов) не стыдился говорить, что его учение не оригинально. Он говорил: мое учение — не мое, но святых отцов. А мы хотим быть оригинальными. Что из этого выходит? Всевозможные заблуждения, ереси. Если критически осмыслить все высказывания современных христианских мыслителей, то можно найти очень много всевозможных заблуждений, и все из-за того, что мы чересчур смелы. Мы должны опираться на Божественное Откровение, на то, что преподано святым апостолам Самим Господом Иисусом Христом. Разве может быть что-то больше этого, разве есть что-то более важное? Даже если бы было что-то интересное и правильное, а мы это из осторожности отвергли на том основании, что из Евангелия мы такой вывод сделать не можем, то мы ничего не потеряли бы. А тот, кто осмеливается что-то добавлять к Евангелию, весьма и весьма погрешает, он действительно пленен миром. Пленение миром — это не только соблазны плотских грехов, скажем, блуда или чревоугодия, но и умственные заблуждения, которые в каком-то смысле лежат в основе всякого греха. Если бы люди понимали, что блуд — это плохо, неправильно, то, наверное, остерегались бы его. Но человечество оправдывает себя, говоря, что в блуде состоит наслаждение жизнью, и, мол, что естественно, то не может быть неправильно.

Апостол Павел далее говорит: «Который есть глава всякого начальства и власти. В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым» (ст. 10–11). Над нами уже не должен совершаться обряд обрезания, как в ветхозаветное время, потому что мы обновились, с нас совлечена не часть плоти, но вся наша плоть, то есть вся наша плотская жизнь. Над нами совершен не какой-то символический, прообразовательный обряд, но Таинство святого Крещения, в котором мы совлеклись нашего ветхого человека и облеклись в нового. Этим нерукотворенным обрезанием мы должны чрезвычайно дорожить, потому что Сам Дух Святой, ниспосланный от Бога-Отца через Бога-Сына, Господа Иисуса Христа, очищает нас и совлекает с нас прежнее плотское житие.

И продолжает: «Быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых» (ст. 12). Крещение обозначает погребение Христово, и одновременно оно совершается во имя Пресвятой Троицы. Противоречия здесь нет. Когда

каноны говорят о том, что нельзя крестить во имя Господа Иисуса Христа, то имеется в виду, что нельзя заменять троекратное погружение единократным. В то же время, как пишут святые отцы, троекратное погружение — это символ тридневного погребения. Погружаясь в воду, как положено при правильном совершении этого Таинства, человек как бы умирает, потому что в воде он жить не может. Троекратно погрузившись, он тем самым показывает, что во имя Пресвятой Троицы, во имя тридневного погребения Спасителя, он умер для прежней жизни, и, когда в третий раз поднимается из воды, восстает уже совосставшим Христу. Внешне все остается прежним: то же самое тело, черты лица, иногда даже остается некоторое действие страстей, хотя, если мы вновь добровольно не предадимся услаждению грехом, они уже не имеют над нами прежней власти, но при кажущейся неизменности, внутренне происходит такая глубокая перемена, что внешнее теряет всякое значение. Мы обретаем свободу, мы нравственно воскресли, и это воскресение — залог того, что мы воскреснем для жизни вечной, блаженной, для единения с Богом в вечности в день Страшного суда, при всеобщем воскресении. Как Бог воскресил Господа Иисуса Христа, или, правильнее сказать, как Сам Господь Иисус Христос как Бог воскресил Себя, так и мы воскрешены Божественным действием и восставлены для новой жизни. Поэтому все, что чуждо Церкви, не имеет для нас никакого значения, а увлечения всевозможными учениями — признак того, что человек не знает истины.

Приведу пример из жизни русского философа, основателя школы интуитивизма, Николая Онуфриевича Лосского, отца знаменитого богослова Владимира Николаевича Лосского. Основная тема, которая волновала его многие годы, — это идеи, связанные с гносеологией, он много об этом писал. Случилось так, что в годы лихолетья, гражданской войны, его отроковица-дочь заболела и умерла. Это его так потрясло, что он обратился к Церкви, и хотя в его взглядах оставались некоторые заблуждения, он очень сильно переменился. Нужно иметь в виду, что русская интеллигенция того времени с большим трудом могла отказаться от всех своих взглядов и заблуждений, для этого нужно было иметь чрезвычайную решимость, какой у нее не было. Эти люди были слишком глубоко вкоренены в западноевропейскую культуру, поэтому мы не можем слишком строго судить этого человека за то, что от некоторых своих заблуждений он не отказался. Для нас важно то, что к вере его обратила не его философия, а беда, горе. Другие люди, жившие в то время, но не испытавшие таких потрясений, остались вне Церкви. Итак, мы видим, что не столь важны для человека какие-нибудь взгляды, рассуждения, даже самые сложные философские течения, сколько сама жизнь, толкающая его к покаянию или, может быть, приводящая кого-то к отчаянию.

Некоторым представляется, что философия — это такое занятие, когда человек беспристрастно рассуждает, пытаясь до чего-то додуматься. Нет, это не так. Еще один русский философ, современник Лосского, Семен Франк, объясняя в одном из своих произведений, почему он придерживается определенного взгляда на гносеологию, говорит, что те, кто знают, как рождаются философские взгляды, его поймут. Человек как бы заранее знает истину, он не ищет ее, у него уже есть определенные взгляды, которые он пытается обосновать и донести до людей. Скажем, тот же Семен Франк считал своим учителем философа эпохи Возрождения, Николая Кузанского, а также его древнего предшественника, Плотина. Для него не имели значения многочисленные философы Нового времени. Ему нравился этот мыслитель, и он опирался на его взгляды. Разве это не такое же творчество, как у художника, писателя, музыканта? Нет здесь ничего объективного, как это представляется людям, чуждым философии. И потому обращать внимание на те или иные философские течения, находящие отклик в нашей душе, нельзя. Может быть, нам нравится в том или ином философском направлении как раз то, что созвучно нашим страстям, заблуждениям, а Откровение требует от нас покаяния, изменения себя.

Мы не имеем права увлекаться тем, что нам льстит, как говорит в ином месте апостол Павел, «в последние времена будут избирать учителей, которые будут льстить слуху» (см. 2 Тим. 4, 3). Мы не должны так поступать. Нужно следовать Откровению, преподанному Господом Иисусом Христом, а не тем или иным учениям ограниченных, немощных, смертных людей. Если даже представить себе такого человека, который бы никогда не умирал и всю жизнь рассуждал бы и исследовал, — все равно он не смог бы своими силами прийти к познанию истины. Что такое философия? Философия — это рассуждение человечества, всегда учащегося и никогда не могущего прийти к познанию истины. Если бы апостол Павел жил в наше время, он бы, наверное, то же самое сказал и о научном знании. В эпоху Возрождения тех, кто занимался так называемым объективным научным знанием, называли натурфилософами. В наше время эта философская школа чрезвычайно развита и придает себе гипертрофированное значение.

Будем тщательно изучать святоотеческое учение, потому что оно изъясняет нам Божественное Откровение. Не будем увлекаться «стихиями мира», не будем бояться показаться глупыми в глазах людей, чуждых Церкви. Не всегда глупость является таким уж страшным пороком. Если человек добровольно избрал простоту ради того, чтобы постичь самое главное, то он будет мудрее всех мудрецов, которые ищут истину не в Боге, а в самих себе. В конечном счете они ничего не находят, и даже если бы была какая-то надежда на познание истины у таких людей, то смерть все пресекает, и они не достигают в этом успеха.

Мы воскрешены для новой жизни. Будем жить этой новой жизнью в полной мере, будем, как говорит апостол, «исполнены», то есть совершенны в этой жизни. Если же мы в нравственности следуем Евангелию, а в умственной сфере руководствуемся чем-либо посторонним, то должной полноты в нас нет. Будем совершенны, будем заимствовать от полноты Божества, сущей во Христе, полноту благодати и ведения, и тогда мы будем истинными христианами. Аминь.

14 января 2007 года

Святое Богоявление

Тит. 302 зач. (2, 11–14; 3, 4–7)

Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам.

Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни.

О благодати, дарованной каждому христианину

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в день Святого Богоявления, во время Божественной литургии вместо обычного Трисвятого мы пели песнопение, которое обычно воспевается при Крещении: «Елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся, аллилуия!» Мы делаем это не только потому, что таков древний обычай: ранее оглашенные крестились в Крещенский сочельник и в самый день

Крещения и уже приступали к причащению. Обычай читать те тринадцать паремий, которые мы слышали вчера за Божественной литургией, ради того и был учрежден, что во время этого чтения оглашенные выходили из храма, шли в крещальню, там принимали святое Крещение и возвращались уже просвещенными этим Таинством, участвовали в Божественной литургии и как полноправные христиане приступали к Святым Христовым Тайнам. Мы воспеваем упомянутые слова не только в силу древнего обычая. Для всех нас, уже давно, может быть даже в детстве, принявших святое Крещение, они служат напоминанием о том, что мы все облеклись во Христа: «Во Христа крестихомся, во Христа облекохомся». К сожалению, мы забываем о том, что должны быть совсем другими людьми, о том, что мы облечены во Христа. Мы должны жить уже не по естеству, не по ветхому человеку, не по ветхому Адаму, а по новому, в Которого облечены благодатью святого Крещения.

Святитель Симеон Солунский возвышенно рассуждает о том, что Господь наш Иисус Христос не только установил все Таинства, начиная с Крещения и Миропомазания, которые все мы принимаем, но и совершил их на Себе Самом. Он был крещен от Иоанна и когда в Крещении на Него сошел Святой Дух, был миропомазан: Миропомазание совершилось через возложение рук и помазание Духом. Собственно говоря, миро, освященное епископами или патриархом, как раз и имеет такую благодать, что при произнесении определенных молитв оно запечатлевает Святого Духа, нисходящего на крещаемого в Таинстве Крещения. Спаситель также совершил первую Божественную литургию. Хотя Господь Иисус Христос предпочитал девство и освятил этим монашество, но Своим присутствием в Кане Он освятил и брак. Он учредил покаяние и, Сам безгрешный, приступил к Иоанну Крестителю, перед которым все каялись, и принудил его совершить над Собой крещение, бывшее крещением покаяния, сказав: «Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3, 15). Он, конечно же, был и священником, и архиереем, потому что во время Своего Преображения был рукоположен Богом Отцом в вечного архиерея, разумеется, как человек, потому что как Бог Он не нуждался ни в каком человеческом освящении.

Для нас сейчас важно, что Господь Иисус Христос принял Крещение от Своего раба, Творец — от твари, и таким образом показал нам пример, которому мы все должны следовать. Если Он подчинился установленному свыше порядку, то тем более мы, грешные люди, обязаны принять это Таинство и хранить то, что нам было даровано в нем. Сошествием Спасителя в Иордан не Он омылся от скверны, которой в Нем не было, в отличие от всех людей, но освятились воды, и Иоанн Креститель, прикоснувшись своей рукой к главе Спасителя, получил освящение от Него. И мы все через это смирение Спасителя получили возможность освятиться, возвыситься и просветиться Святым Духом.

Святой апостол Павел рассуждает об этом так: «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (ст. 11). Явилась, конечно же, благодаря пришествию в мир Спасителя, и мы должны не только созерцать это событие умом и благодарить за него Бога, но и деятельно к этому приобщиться, что и совершается в Таинстве Крещения. Благодать пришла для всех, но только в том случае, если мы сами добровольно к ней приступим. Нет различия между рабами и свободными, как было в древности, между людьми власть имущими и обыкновенными, богатыми и бедными, разумными и простыми, образованными и невежественными. Нет различия даже между развращенными и праведными, потому что грехи человеческие — ничто по сравнению с благостью Божией, и праведность человеческая также ничего не значит в сравнении со святостью Божией. Мы все равны, но только в том случае, если приступаем к Таинству Крещения.

И вот явилась благодать Божия, «научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, в которых раньше пребывали, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке» (см. ст. 12). Благодать учит нас и через Священное Писание, потому что

Священное Писание — это книга, написанная не обыкновенным человеком, но испытывающим действие Святого Духа. Дух Святой водил рукою или устами тех, кто составлял книги Священного Писания и, в особенности, книги Нового Завета. Апостолы составили Священное Писание не только как свидетели жизни Спасителя, как люди, которые видели своими глазами, слышали своими ушами и сами осязали воплотившееся Слово Божие, но и как вдохновляемые действием Всесвятого Духа, а не каким-то человеческим чувством, пусть даже самым возвышенным. Поэтому можно сказать, что посредством Священного Писания нас вразумляет благодать Божия. Она дает нам уразуметь и через ум, и непосредственно нисходя в нашу душу, что Священное Писание — не просто книга, но глаголы Святого Духа. Благодать влечет нас к Богу, очищению, единению с Господом Иисусом Христом, чтобы пребывать с Ним и умом, и волей и стать рабами Божиими. Для этого мы должны отречься от всякого нечестия, от всего того, что противно Евангелию, от всевозможных заблуждений, будь то неверие или любовь к наслаждениям, которая может прикрываться тем, что мы и веру имеем, и совесть храним, а на самом деле наслаждения для нас выше. Под заблуждением можно подразумевать какое-либо религиозное, философское или просто общепринятое человеческое убеждение, которое кажется нам само собой разумеющимся. Мы должны отречься и от всевозможных земных желаний, будь то блудная страсть, или гнев, или тщеславие — от всего, что движет падшим человеческим естеством. Мы должны жить в нынешнем веке целомудренно и не только воздерживаться от блудной страсти на деле, но и сохранять чистоту духа, чистоту ума — жить праведно и благочестиво. Не надо думать, что мы покаемся и Господь нас простит и поэтому мы можем позволить себе то или иное, — уже сейчас мы должны жить праведно и благочестиво, отрекшись от всего того, что влекло нас к себе ранее или, может быть, прельщает сейчас.

Мы это делаем, «ожидая, — как говорит святой апостол Павел, — блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (ст. 13), то есть в ожидании Его второго пришествия, когда мы будем судимы и, может быть, осуждены, если будем жить нерадиво, уклоняться от Евангелия; в особенности, если будем делать это произвольно, а не нехотя, когда нас, может быть, влечет грех и мы не имеем сил противиться, или если мы вовсе забудем о вечности и будем жить для себя. Господь придет: Он будет наказывать и награждать. Если у человека дела добрые, то он, как сказал Сам Спаситель, стремится к свету, чтобы его дела были видны. Если же он страшится света, значит, должен трезво посмотреть на себя, на свою совесть и, может быть, увидеть, что у него есть злые дела, потому что он пытается уйти в тень, чтобы их не было видно (см. Ин. 3, 19–21).

Мы должны жить этой блаженной надеждой на пришествие Спасителя. К сожалению, наши грехи и суд так нас устрашают, что мы боимся того, чего истинные христиане должны вожделеть и к чему страстно стремиться. Новый Завет завершается, как вы помните, Откровением Иоанна Богослова, и почти последние слова этой таинственной книги: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20). Вот каково было настроение истинных христиан в древности и каким оно должно быть сейчас. А мы страшимся этого дня, для нас он является действительно Страшным судом, а не вожделенным и долгожданным Царством Небесным.

«Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам» (ст. 13–14). Нельзя думать так: захотим — придем к Господу, не захотим — будем жить так, как нам представляется правильным, приятным. Мы избавлены, выкуплены (так тоже можно перевести соответствующее греческое слово): мы были рабами, не принадлежали себе, были порабощены греху и злу до такой степени, что даже не могли отличить белого от черного. Мы часто делали зло, думая, что совершаем добро, и устранялись от добра, как от чего-то постыдного, опасного и вредного. И

вот Господь нас выкупил, освободил, и теперь мы принадлежим не себе, а Ему. Он искупил нас не какими-то, пусть даже огромными, сокровищами, а искупил крестом, Своими страданиями, Своим бесконечным унижением. Цена этого выкупа настолько велика, что всякий человек, если только захочет, может быть освобожден: он не только обретет веру, но и станет совершенно свободным от власти греха. От нас зависит в полной мере воспользоваться этим выкупом или частично принадлежать Богу, а частично опять по доброй воле предаться во власть греха, что, к сожалению, очень часто с нами происходит.

Господь искупил нас от беззакония всякого, а не от какого-то одного. Допустим, в нас действовала блудная страсть, и от нее Он нас освободил, а от гнева освободить не может. Или, наоборот, от гнева освободил, а от гордости не смог. Нет, Господь освободил нас от всего, что можно только себе представить и что, может быть, даже и вообразить трудно. Мы теперь совершенно свободны, и только от нас зависит очиститься и стать действительно полноправными чадами Божиими, или, иначе, полноправными гражданами богоизбранного народа, нового Израиля. Если ветхий Израиль был освобожден от рабства фараону, то новый Израиль освобожден от власти духовного фараона — диавола, чья власть гораздо страшнее и могущественнее. Поэтому, чтобы освободить людей от нее, потребовалось гораздо большее по сравнению с тем, что было необходимо для освобождения евреев из Египта.

Чем же мы, богоизбранный народ, отличаемся от прочих людей? Тем, что мы должны быть ревнителями добрых дел: не просто делать добрые дела, так сказать, нехотя или по долгу, понуждая себя, а быть ревнителями, то есть всевозможным образом заботиться, ревновать о том, чтобы сделать доброе дело, пламенно, можно сказать страстно, желать этого. Мы должны гореть духом: «Что бы еще доброго сделать, кому бы еще помочь?» Может быть, даже думать: «Хоть бы представился случай, чтобы меня обидели, оскорбили, а я бы простил, меня бы оклеветали, а я бы вытерпел». Мы должны не только исполнять те добрые дела, которые нам нравятся, но и быть ревнителями всякого доброго дела, в чем бы оно ни состояло. Доброе же дело — это не только милосердие по отношению к человеку, но всякое дело, соответствующее евангельской заповеди. Быть нищим духом — доброе дело, быть плачущим — тоже доброе дело, и любить врагов — доброе дело, и подставить другую щеку — доброе дело. Многое из того, что нам делать совершенно не хочется и чего мы всячески избегаем, является добрым делом, если рассуждать об этом согласно Евангелию.

«Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом» (ст. 4–5). Благодать Божия — а можно перевести как «благость» — явилась не потому, что мы ее заслужили. Господь пострадал за людей и искупил их, когда они были еще нечестивыми и пребывали в грехах (см. Рим. 5, 8), — так апостол Павел говорил современникам Спасителя, а про нас можно сказать, что Господь пострадал, когда мы еще не родились, и Он предвидел, что мы будем грешить, противиться Ему, совершать всевозможные низкие, отвратительные поступки. Мы этой благости Божией ничем не заслужили и потому должны чрезвычайно дорожить ею — такой естественный вывод мы можем сделать, ибо «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения» (ст. 5), через купель Крещения. До такой степени это преображение через Крещение значимо, действенно, что его можно сравнить с возрождением: как человек рождается и приходит в мир из чрева матери, так он рождается из купели Крещения.

Никодим, беседуя со Спасителем, недоумевал: «Как же может человек родиться, будучи уже стар?» Тогда Господь сказал: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Небесное», хотя бы он был старым. Никодим же искренне недоумевал, неужели он может еще раз войти в утробу матери (см. Ин. 3, 4–5). Купель Крещения — это, можно сказать, утроба нашей Матери-Церкви, из которой мы рождаемся. Рождаемся и меняемся так, что становимся

совсем другими людьми. Иногда мы сами чувствуем это, иногда из-за своей неготовности, немощи, каких-то недостатков, грехов мы не вполне это понимаем, но если будем подвизаться, понуждать себя, то вдруг обнаружим, что в нас появилась сила, возможность перемениться самым необыкновенным образом, стать действительно другими людьми. И не потому, что мы вдруг исполнились какой-то решимости. Если бы такая возможность не была дана нам в Таинстве Крещения, то мы ничего не смогли бы с собой сделать, ибо мы возрождены и обновлены не человеческими силами и убеждениями, но «Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего» (ст. 5–6).

Апостол Павел подчеркивает, что Святой Дух излит на нас обильно. Как мы погружаемся с головой в купель Крещения, и вода полностью покрывает нас, так и наша душа в это время невидимо погружается в волны действия Святого Духа, в волны благодати. Нас омывает не вода, а Святой Дух, вода же символизирует невидимое присутствие благодати Святого Духа. Посмотрим на святых угодников: преподобного Симеона Нового Богослова, преподобного Серафима Саровского, преподобного Василиска Сибирского, — я привожу в пример только немногих людей, о которых известно, какую благодать они испытывали во время молитвы, поскольку большинство подвижников скрывало то, что с ними происходило. Ведь то, что чувствовали эти подвижники, было той самой крещенской благодатью, которую они получили в младенчестве, а не чем-то новым. Они, благодаря своему усердию, решимости, бескомпромиссному следованию Евангелию, раскрыли ее, дали ей свободу действовать в полной мере. И мы имеем в себе ту же самую благодать — не меньшую, чем имели Симеон Новый Богослов, Василиск Сибирский, Серафим Саровский или Арсений Великий, но только с той разницей, что мы ею не пользуемся. Она живет в нас как возможность, взывает и к Богу, чтобы Он помиловал нас, и к совести, побуждая нас к покаянию, подвигу, следованию Евангелию. Но мы из-за своего нерадения совершенно не понимаем, что́ имеем в себе. Поэтому я часто говорю о том, что нерадение — самая страшная, губительная страсть, если ее вообще можно назвать одним словом «страсть». Это всеобъемлющее зло. Какие-то ничтожные соблазны отвлекают нас от Бога, и Царствию Божию, которое в нас сокрыто, мы предпочитаем даже не царство человеческое, а какие-то ничтожные вещи, на самом деле вообще недостойные внимания человека с возвышенным умом.

Благость Божия излита на нас для того, как говорит апостол Павел, «чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (ст. 7). Вот что должно нас привлекать к себе и вызывать в нас, по дерзновенному выражению священномученика Дионисия Ареопагита, вожделение — вожделение Божественного Царства, вожделение общения с Богом и со святыми. Нас ждет вечная жизнь, и истинные подвижники ощущают вечность уже здесь, на земле. Например, сами апостолы ощутили ее, когда Спаситель преобразился перед ними на Фаворе. А на самом деле что их окружало? Они были в пустынном месте, только гора и, может быть, какие-нибудь заросли — одним словом, пустыня. Но в этой пустыне было Царствие Божие.

Как жил преподобный Серафим Саровский? Ходил, можно сказать, в рубище, в лаптях, жил в какой-то избушке в пустыне. Питался иногда самой скудной пищей, какую обычный человек выдержать не может, например травой или сухарями, причем и это вкушал очень понемногу. Что он имел, с человеческой точки зрения? Он был совершенно нищим и убогим человеком. Братья не понимали его, даже презирали и осуждали за то, что он не ходил в церковь, пренебрегая, как им казалось, богослужением. Они не понимали, что то, что они испытывают во время богослужения, — ничтожно мало по сравнению с тем Царством, какое раскрылось в душе этого великого подвижника.

Василиск Сибирский подвизался в пустынных местах, в которых вообще трудно было жить. Сколько скорбей, сколько опасностей претерпели святые подвижники, преподобные Василиск

Сибирский и Зосима (Верховский), для того чтобы войти, как выражался преподобный Зосима, во внутреннюю пустыню! Они побывали во многих местах, где бы хотели поселиться, чтобы жить безмолвно. Они думали поехать в Крым, но поняли, что там, во-первых, инородцы, а во-вторых, нельзя найти полного уединения; хотели пойти на Кавказ. Однако, все обдумав, они поняли, что кроме Сибири не найдут нигде настоящего, полного уединения. И все: мороз, трудности, лишения, даже опасность для жизни, — они терпели ради того, чтобы пребывать с Господом Иисусом Христом. Они от всего отреклись, даже от самого невинного и простого, отреклись почти и от своей жизни, желая только пребывать с возлюбленным Господом.

Вот совсем небольшой пример. У преподобного Василиска был такой странный головной убор, что, думаю, если бы мы увидели такого человека, подумали бы, что он умалишенный: вместо козырька (видимо, чтобы солнце в глаза не светило) у него был кусок бересты. А преподобному Василиску было безразлично, что о нем думают, он всегда был благодушным, радостным и приветливым, потому что в нем жил Христос. Я обращаю ваше внимание не на то, что они жили в пустыне и жестоко подвизались, а на то, что они ничего не имели, от всего отказались ради Бога, ради Царствия Божия. Эти люди жили не во дворцах, где были всякие диковины, а в землянках, избах, питались самым скудным образом, терпели мороз. Но у них было Царство — не человеческое, не какое-нибудь даже великое христианское царство, а Царство Божие. И мы, повторяю, ничем от них не отличаемся, кроме одного — нерадения. Я говорю не свои слова, но слова преподобного Серафима Саровского, который на вопрос «Чего нам не хватает по сравнению с древними подвижниками?» отвечал: «Только одного — решимости».

Конечно, у нас нет телесных сил подвизаться так, как, допустим, египетские пустынники или тем более сирийские. У нас, может быть, нет возможности и уединяться так, как они, но на самом деле это и несущественно. Единственно существенное, на что указал преподобный Серафим Саровский, — решимость. Всего остального может не быть, и оно необязательно. Нужна решимость жить по Евангелию, решимость стяжать Царствие Божие. Разве стремление к тому, чтобы стяжать Царство Божие внутри себя, не есть евангельская заповедь? Мы должны понимать, что в Таинстве Святого Крещения мы получили уже всё сполна. Наша жизненная задача состоит в том, чтобы эту полноту в себе хотя бы в какой-то степени сделать реальной и уже сейчас, находясь в этой временной суетной жизни, вкусить вечность, начать внутренне шествовать к ней. Не пребывать полностью, телом и душой, в этом временном мире, но приобщиться, хотя бы в какой-то степени, и к миру горнему. Человек принадлежит двум мирам, а мы слишком далеко ушли от мира невидимого, духовного и погрузились в земное существование.

Все возвышенные духовные блага, о которых мы читаем в житиях подвижников благочестия, дарованы нам в Таинстве Святого Крещения. Мы должны ревностно подвизаться в том, чтобы сохранить это, не говорю — преумножить, но хотя бы не потерять. Если мы вспомним, как крестились первые христиане, то увидим, что на них и Дух Святой сходил, и на других языках они говорили, — значит, это даруется всякому человеку сразу во время Крещения. К сожалению, мы этого не осознаем.

Один из миссионеров, проповедовавших среди инородцев на нашем Севере, в Сибири, крестил одного якута. Крестным был тоже инородец, принявший Крещение ранее. И вдруг во время совершения Таинства этот крестный в ужасе закричал: «И у меня так было? И у меня так было?» После Крещения священник спросил его, почему он так вскрикнул. Тот ответил, что когда освящали воду (между прочим, в этот момент читается молитва, похожая на ту, которая читается во время освящения воды в Крещенский сочельник и в самый день Крещения), он увидел, что с неба сходит огонь и погружается в воду. И мы тоже, глядя на пример подвижников, о которых я упомянул, и многих других, хотя бы сейчас должны воскликнуть: «И у нас так было!» Мы должны подвизаться и уподобляться им, чтобы стать достойными той

безграничной милости Божией, которая излилась на нас в Таинстве Крещения. Аминь.

19 января 2007 года

Сретение Господа нашего Иисуса Христа

Евр. 316 зач. (7, 7–17)

Без всякого же прекословия меньший благословляется большим. И здесь десятины берут человеки смертные, а там — имеющий о себе свидетельство, что он живет. И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его.

Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, — ибо с ним сопряжен закон народа, — то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона. Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства. И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.

О новозаветном священстве

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в праздник Сретения Господа нашего Иисуса Христа, мы слышали чтение из Послания святого апостола Павла к евреям, в котором говорится: «Без всякого же прекословия меньший благословляется большим» (ст. 7). Почему эти слова читаются в праздник Сретения? Когда Богомладенца Христа принесли в храм, Его встретил праведный Симеон (за это и прозванный Богоприимцем), он произнес слова, часто повторяемые на богослужении и в церковной традиции названные «Песнью праведного Симеона»: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром» (Лк. 2, 29). К кому были обращены эти слова? Чтение Апостола является, так сказать, комментарием, или разъяснением евангельского чтения. Исходя из этого можно сделать вывод, что (раз меньший благословляется большим) благословляется не Богомладенец Христос, а сам Симеон Богоприимец, как человек, конечно, несоизмеримо меньший, чем воплотившийся Сын Божий, Бог. Поэтому слова «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко», обращены именно к Богомладенцу Христу.

О праведном Симеоне сказано, что в нем был Дух Святой (см. Лк. 2, 25), Который ему, конечно же, открыл, что перед ним воплотившийся Бог, и к Младенцу Симеон обратился как к своему Владыке. Христос воспринял на Себя все человеческое естество со всеми последствиями грехопадения и немощами, кроме самого греха; Он воспринял и немощи человеческого возраста и потому, как Младенец, безмолвствовал. Но в малом Младенце был всесовершенный, безграничный Бог, и Симеон Богоприимец, когда держал Младенца на руках, сам был содержим Им как всемогущим и вездесущим Вседержителем. «Без всякого же противоречия меньшее благословляется бóльшим» или более сильным, как можно было бы перевести слово, употребленное в греческом тексте. И конечно, праведный Симеон, произнося слова благословения, открывая тайну Боговоплощения, тайну пришествия в мир Христа, Мессии, в то же самое время освящался и благословлялся неизреченной Божественной силой, исходящей от этого Младенца.

Далее апостол Павел говорит: «И здесь десятины берут человеки смертные, а там — имеющий о себе свидетельство, что он живет» (ст. 8). Апостол сравнивает десятины, подаваемые по закону Моисееву сынам Левииным, которые совершали священнодействие в ветхозаветном храме, и десятину, которую принес Авраам Мелхиседеку, священнику Бога Вышнего, возвращаясь после так называемой битвы царей, когда он освободил своего племянника Лота и шел с богатой добычей (см. Быт. 14, 14–20). В Ветхом Завете о священническом служении Господа Иисуса Христа, как вы помните, пророчески сказано: «Ты иерей во век по чину Мелхиседекову» (Пс. 109, 4). И, таким образом, священство, происходящее от Мелхиседека, не имеющего, по Священному Писанию, ни рода, ни племени, ни предков, ни потомков, поставляется выше священства Левиина. Мелхиседек, конечно же, имел родителей, а может быть, и детей, но его жизнь в том виде, в каком она нам открыта, является пророчеством о воплощении Сына Божия и об учреждении нового священства. По сравнению с ним священство Левиино не имеет никакого значения, потому что, как далее говорит апостол Павел, священники из колена Левиина: и Аарон, и все его потомки — рождались и умирали, а первосвященник по чину Мелхиседека, Господь наш Иисус Христос, является вечным архиереем.

Можно сказать, что вообще все патриархи, епископы, священники Православной Церкви являются только служителями и выразителями вечного архиерейства Господа нашего Иисуса Христа. И когда мы совершаем Таинство — совершаем его не своей силой (что было бы нелепо, кощунственно предположить), но силой Божией. Благословляя Святые Дары, хлеб и вино, мы обращаемся к Богу Отцу, призываем Духа Святого и благословляем их рукою с имясловным перстосложением, то есть рукою, изображающей имя Иисуса Христа. И этим показываем, что не мы, но Бог через нас, видя наше произволение, наше желание, совершает это великое Таинство. И когда мы причащаемся только что нами благословленных Хлеба и Вина, как будто бы нами освященных, то мы от них освящаемся. Да, мы совершаем определенные священнодействия, и без них Таинство не совершится, но они, скорее, показывают наше произволение, и ради этого происходит чудо преложения, пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Таким образом, меньшее, то есть мы, немощные, грешные, ограниченные люди, благословляемся от большего — от Сына Божия, воспринявшего на Себя человеческое естество и таинственно почивающего в Святых Тайнах, имеющих вид хлеба и вина. Как обычный на вид Младенец был воплотившимся Сыном Божиим, так же Хлеб и Вино имеют только вид и физические свойства хлеба и вина, а в сущности являются Телом и Кровью Того Самого Христа, Который воплотился, жил на земле, проповедовал, пострадал за нас, воскрес, вознесся на небеса и сидит одесную Отца. И это сравнение правомерно — в обоих случаях то, что выглядит одним, в сущности является другим: там — Младенец, но и Бог, здесь — Хлеб и Вино, и это также Бог. Как тогда, так и сейчас меньшее благословляется большим.

«И здесь десятины берут человеки смертные, а там — имеющий о себе свидетельство, что он живет» (ст. 8). Мелхиседек, по Писанию, не имеет ни начала, ни конца, так и Сын Божий учредил новое священство, стал новым архиереем, пребывающим вечно. И теперь все, что получают от Него, что происходит от Него, что от Него освящается, — непреложно и вечно. Поэтому все ветхое уже упразднилось, и что-либо устаревшее имеет значение только потому, что находится в единении с Господом Иисусом Христом. «И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его» (ст. 9–10). Апостол Павел рассуждает о том, что, будучи еще в чреслах Авраама, десятину Мелхиседеку принесли его потомки — его правнуки: Исаак — сын Авраама, Иаков — внук. Значит, Левий, один из двенадцати патриархов, происшедших от Иакова, был Аврааму правнуком. Таким образом, те, кто имел духовный разум, кому Духом Святым было открыто, уже тогда понимали, что левитское священство временное и будет до тех пор, пока не явится Тот, Кого прообразовывал собой Мелхиседек.

В следующем стихе апостол Павел доказывает, что священство, происходящее от Левия, уже прошло: «Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, — ибо с ним сопряжен закон народа, — то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться?» (ст. 11). Нас в этом не нужно убеждать, но для иудеев, когда еще существовало богослужение в храме Соломоновом, вопрос об отмене прежнего священства был очень важным и актуальным. Иудейский храм называли Соломоновым, хотя это был второй храм, восстановленный, точнее сказать, заново построенный Иродом Великим. В этом храме явилась великая слава — Господь наш Иисус Христос — Тот, Чьим прообразом был древний ковчег, в котором находились манна и скрижали. Пришло время исполнения пророчеств, и потому прежние богослужения потеряли смысл.

Заметьте, апостол Павел обращается именно к евреям, которые, скорее всего, жили в Иерусалиме и участвовали в жертвоприношениях. Мы знаем из церковного Предания, что древние христиане из иудеев исполняли весь Моисеев закон для того, чтобы ничем не соблазнить своих соплеменников, не дать никакого повода для гонений на христиан. И первого Иерусалимского епископа — Иакова, брата Господня, евреи, не принявшие христианства, почитали праведным человеком. Они даже считали, что гибель Иерусалима в семидесятом году произошла потому, что несправедливо казнили этого праведника. Можно предположить, что вся его паства, все его духовные чада, подражая ему, соблюдали предписания Моисеева закона. И апостол Павел, обращаясь к ним, говорит, что по сравнению со священством Нового Завета — первосвященством Господа Иисуса Христа — это уже не имеет никакого значения. Апостол Павел не сравнивает христианских епископов с первосвященниками израильского народа, он говорит, что наш первосвященник — Господь Иисус Христос, а по сравнению с Ним что может значить любой человек?

В следующем стихе говорится: «Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона» (ст. 12). Конечно, это не значит, что новый закон отменяет прежние заповеди: не убий, не прелюбодействуй и прочие, — Спаситель сказал, что от закона не прейдет ни одна черта (см. Мф. 5, 18). Наоборот, Господь усугубил строгость этих заповедей, разъяснил их в смысле большего внимания к себе. Отменено же то, что касалось богослужения, обрядов, всех тех обычаев, которым тщательно следовали иудеи, — все это потеряло сакральный смысл и соблюдалось лишь по привычке.

«Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику» (ст. 13). Мы знаем, что Господь принадлежал к колену Иудину, из которого происходили цари, а не священники. И при учреждении нового священства Господь Иисус Христос сделался и царем, мессией, помазанником, и первосвященником нового Израиля и, конечно, израильтян по плоти, если только они обращались ко Христу. В новом Израиле не важно, какого человек происхождения: еврей ли он и принадлежит к богоизбранному народу, или эллин, или скиф, или варвар. Потому что, родившись от Христа в купели Крещения, причащаясь Его Тела и Крови, мы становимся единой плотью с Ним и являемся новым народом, происходящим от Иисуса Христа и справедливо и разумно называемым христианами.

«Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства. И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей» (ст. 14–16). Господь стал священником, освятившись крестными страданиями и Воскресением из мертвых. Его священство никто никогда не сможет разрушить или отнять, и потому оно непоколебимо действует с того времени по сей день и пребудет во веки веков. И всякий сможет называться священником или архиереем только тогда, когда приобщится этого

истинного священства.

«Ибо засвидетельствовано: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (ст. 17). Не тот или иной священник или архиерей, а Господь наш Иисус Христос является священником вовек по чину Мелхиседека. И мы присутствуем в храме, где Он совершает все Таинства. Он посылает Свою благодать, освящающую нас иногда явно и ощутимо для нас, а иногда скрыто, но всегда действенно и могущественно. Понимаем ли мы это, будучи просвещенными, или не понимаем из-за невежества, из-за скудости и омраченности нашего ума, чувствуем ли это, будучи достойны, или не чувствуем, но в святой Православной Церкви сила Божия всегда будет действенна.

Господь Иисус Христос, Пресвятая Троица являют Свою Божественную славу через все святыни Православной Церкви: не только через Таинство Евхаристии, но и через иконы, всевозможные обряды и символы. Хотя они являются изделием рук человеческих, но поскольку это символы Божественного присутствия, проводники Божественной энергии, то, можно сказать, они орудие в руках Божиих. Через них Господь Иисус Христос освящает нас, поэтому все эти святыни, безусловно, больше нас, и мы должны отнести к себе слова апостола Павла: «Без всякого прекословия, меньшее освящается большим». И потому с благоговением будем относиться ко всем православным святыням: и великим, таким как Таинство Евхаристии, и тем, которые по нашей немощи кажутся нам малозначащими. Будем относиться к ним так, как святой праведный Симеон Богоприимец относился к Богомладенцу Христу: к Младенцу, которого он держал на своих руках, он обратился с необыкновенными словами: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видесте очи мои спасение Твое» (Лк. 2, 29–30). Аминь.

15 февраля 2007 года

День памяти славных и всехвальных апостолов Петра и Павла

2 Кор. 193 зач. (11, 21 – 12, 9)

А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я. Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук.

Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве

только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.

Как открывается нам воля Божия?

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла читается зачало из Второго послания к коринфянам, в котором апостол Павел перечисляет свои страдания и труды, понесенные им ради Господа Иисуса Христа. Мы не будем упоминать о всех скорбях, которые претерпел апостол Павел, как, впрочем, и апостол Петр, — невозможно рассказать обо всем. Коснемся только одного рода несчастий, пережитых апостолами Петром и Павлом, — заключения их в темницу.

Апостол Павел говорит: «Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (ст. 23). Конечно, он сравнивает себя с теми, кто ложно называл себя апостолами. Но даже если апостол Павел имеет в виду и истинных апостолов, то делает это ради того, чтобы утвердить свой авторитет в глазах тех, кто в нем усомнился, потому что такого рода сомнения могли привести и к сомнению в значении его проповеди. Апостол Павел был в заключении несколько раз, но прежде чем говорить о том, как он переносил эту скорбь, обратимся к страдальческому опыту апостолов, претерпевших это раньше него.

Как повествует книга Деяний апостольских, руками апостолов, в особенности апостола Петра, совершались в народе многие знамения и чудеса, и даже оттого, что тень апостола Петра осеняла кого-то из больных, они уже надеялись получить исцеление. В то время множество больных приносили в Иерусалим, потому что апостолы проповедовали только там. «Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу» (Деян. 5, 17–18). Это одно из первых упоминаний о том, что апостолы находились в заключении. Речь, скорее всего, идет о ближайших учениках Спасителя — двенадцати апостолах.

«Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни. Они, выслушав, вошли утром в храм и учили». Когда же хотели судить их, то «служители, придя, не нашли их в темнице и, возвратившись, донесли, говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими перед дверями; но, отворив, не нашли в ней никого» (см. Деян. 5, 19–23). Так произошло чудесное избавление святых апостолов. Первосвященники и бывшие с ними недоумевали о том, что же произошло, и им донесли, что те люди, которых они арестовали, проповедуют в церкви. Ангел Божий чудесным образом освободил святых апостолов, чтобы они проповедовали, но были ли они совершенно избавлены от скорбей? Нет.

«Тогда начальник стражи пошел со служителями и привел их без принуждения, потому что боялись народа, чтобы не побили их камнями. Приведя же их, поставили в синедрионе» (Деян. 5, 26–27), и начался суд. Праведный Гамалиил, почитаемый нами как один из первых христианских святых, в то время принадлежал к синедриону (мы не знаем, был ли он христианином уже тогда, или искренность привела его к правой вере впоследствии). Он выступил в защиту святых апостолов, но ему не удалось полностью оградить их от ненависти

синедриона: его послушали и не казнили апостолов, но «призвав, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их. Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (см. Деян. 5, 40–41). Их проповедь продолжалась, апостолы «всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5, 40–42). Мы видим, что ангел освободил их, но в то же время не защитил от неправедного суда и позорного наказания. Конечно, среди апостолов, заключенных в темницу, был и святой апостол Петр, потому что в то время он более, чем другие, блистал чудесами и славой и был вождем апостолов, как бы их князем.

Деяния апостольские повествуют и о другом заключении святого апостола Петра: «В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом» (Деян. 12, 1–2). Апостол Иаков, скорее всего, находился в заключении (пусть и краткое время), но ни с помощью ангела, ни иным чудесным образом он не был освобожден. Почему же вначале он и другие апостолы были спасены, а в этот раз он был казнен?

Далее читаем: «Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем [Ирод] взял и Петра, — тогда были дни опресноков, — и, задержав его, посадил в темницу» (Деян. 12, 3–4). Его казнили бы немедленно, но в праздник это считалось неприличным, поэтому казнь решили отложить до истечения дней опресноков. «И приказал четырем четверицам воинов стеречь его, намереваясь после Пасхи вывести его к народу» (Деян. 12, 4). Вывести, конечно, не для того, чтобы показать народу, а чтобы казнить. Вы помните, что, когда схватили апостола Павла, народ желал растерзать его и кричал: «Недостойно жить такому» (см. Деян. 22, 22). Можно предположить, что ненавистники христианства могли также поступить и по отношению к апостолу Петру.

«Итак Петра стерегли в темнице, между тем церковь прилежно молилась о нем Богу. Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу» (Деян. 12, 5–6). Обычно узника охраняли, приковывая его руку к руке воина. Апостол Лука сообщает такую подробность: апостола Петра сковали не одной цепью, а двумя; с ним были в буквальном смысле неразрывно связаны два воина, так что не оставалось никакой возможности освободиться. Нужно обратить внимание на то, что Петр внутренне был совершенно готов к смерти. Он не скорбел, не унывал, а спал, хотя знал, что в следующее утро его, скорее всего, казнят, что эта участь его не минует, как не миновала апостола Иакова, брата Иоанна Богослова.

«И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его. И сказал ему Ангел: опояшься и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним. Тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский» (Деян. 12, 7–11). А народ иудейский жаждал, конечно, его смерти.

Мы видим, что Господь через ангела Своего спас апостола Петра. Для чего? Для того, чтобы он продолжал свою проповедь. Конечно же, эта миновавшая угроза смерти послужила обстоятельством, указывающим апостолу Петру ясно, как бы перстом, что ему необходимо оставить Иерусалим и проповедовать в других местах.

А сейчас речь пойдет о святом апостоле Павле. Один из случаев его заключения в темницу

описан апостолом Лукой в Деяниях апостольских. Проповедуя в Македонии, Павел изгнал из служанки духа прорицания, и ее господа, видя, что исчезла надежда получать от этой служанки доход, схватили апостолов Павла и Силу и оклеветали перед римскими начальниками. Апостолов избили и заключили во внутреннюю темницу, которую обычно располагали в центре тюрьмы где-нибудь в подземелье. Бежать оттуда было невозможно, потому что пришлось бы пройти через многие другие отделения темницы.

«Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их» (Деян. 16, 25). Опять мы видим: апостолы не скорбели, не плакали, не просили об избавлении, а молясь, воспевали Бога. «Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели. Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали» (Деян. 16, 26–27). Между прочим, стражи, которые стерегли апостола Петра, были казнены. Возможно, апостол Павел не ушел из темницы именно потому, что это могло привести к гибели темничного стража. А может, он предчувствовал, что это заключение не будет иметь для них пагубных последствий и что их освободят: в то время язычники к проповеди христианства относились гораздо спокойнее, чем завидовавшие ей иудеи.

«Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь. Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись? Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его» (Деян. 16, 28–33). Это заключение в темницу привело к тому, что один из гонителей стал христианином. Если бы апостол захотел воспользоваться этим чудесным освобождением, то, безусловно, покинул бы темницу и проповедовал бы дальше слово Божие.

Значит, скорби необходимы, потому что они указывают путь, по которому мы должны шествовать, и дают возможность показать нашу ревность, нашу любовь к Богу. Если бы не страдания, постигшие апостолов, то они и не знали бы, как правильно проповедовать и где им нужно это делать. Это ясно видно и из следующего повествования об аресте святого апостола Павла.

Апостол Павел, зная, что его ждут скорби, прибыл в Иерусалим. Некие асийские иудеи оклеветали его, и он был бы растерзан толпой, если бы его не освободил тысяченачальник. Выяснилось, что перед римской властью апостол Павел не имеет никакой вины, и, так как на него готовилось покушение, его отправили в Кесарию. Но, когда он еще был под арестом в Иерусалиме, «Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян. 23, 11). Как это ни парадоксально, арест и заключение апостола послужили поводом к тому, что ему явился Сам Господь Иисус Христос.

Нам представляется, что когда совершается воля Божия, то Господь во всем помогает, избавляет человека от всех трудностей. А здесь мы видим совершение воли Божией через унизительное и тяжкое испытание — тюремное заключение. Совершенно чистого, ни в чем не виновного человека не просто гонят, преследуют, но и осуждают как преступника. Помимо телесных страданий, это причиняет еще и внутреннюю душевную боль: человек не может не испытывать обиду от величайшей несправедливости и клеветы, возводимой на него. В глазах многих людей заключенный в тюрьме человек, безусловно, является преступником: они уверены, что даром человека не посадят, нет дыма без огня. Но через все эти страдания, и даже несправедливость, совершалась над апостолом Павлом воля Божия.

Далее, когда апостола Павла, выражаясь современным языком, этапировали в Италию для того, чтобы он предстал перед судом кесаревым, началась страшная буря, и кораблю грозила гибель. Вот как повествует об этом святой евангелист Лука: «Наконец исчезла всякая надежда к нашему спасению. И как долго не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: „не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою". Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано. Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров» (Деян. 27, 20–26). Нам кажется, что Бог должен был помочь так, что и люди не пострадали бы, и корабль остался бы целым, пристал к берегу или даже доплыл до Италии. Но опять, хотя Господь всех помиловал, не обошлось без скорби: корабль затонул, и до берега добрались кто вплавь, кто на обломках корабля. И все это совершалось ради того, чтобы апостол Павел проповедовал в Риме. А почему бы не устроить это другим образом — без печалей и препятствий?

Значит, таким образом вершится воля Божия. Помещая человека в такие обстоятельства, которые он не может переменить, Господь направляет его, как бы ведя за руку, к единственному решению, согласному с волей Божией. И человек, если только он следует своей совести, обязательно подчиняется этому решению. Таким образом, совесть внутри человека подсказывает, как должно поступить в этой ситуации, а внешние обстоятельства вынуждают исполнить волю Божию, лишая возможности сделать то, что, может быть, представляется добрым, но неуместно и ненужно. Господь подвергал Своих угодников страданиям, испытаниям, заставляя их следовать Своей воле без всякого рассуждения. Так воля Божия совершалась через великих святых — апостолов Петра и Павла, хотя Господь мог им открыть каким-то иным образом, что им следовало делать.

Тем более мы, люди обыкновенные, ничтожные по сравнению с этими святыми, ничего не знающие, должны прислушиваться к обстоятельствам, особенно скорбным. Что может быть страшней и неприятней заключения в тюрьму? Кто из нас хотел бы там оказаться? А апостолы переносили и гораздо более страшные скорби, но все эти испытания учили их исследовать волю Божию и исполнять ее.

Святой апостол Петр в своем послании, обращаясь ко всем христианам, говорит: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Пет. 4, 12–13). Под огненными искушениями апостол Петр имеет в виду либо определенные мучения — пытку огнем или сожжение на костре, что имело место во времена Нерона, либо вообще страдания, постигающие христиан. Он убеждает нас не чуждаться этих испытаний, потому что, претерпевая их, мы участвуем в Христовых страданиях. Апостол Павел говорит: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Он призывает нас подражать, скорее всего, Христовым страданиям. Как Христос претерпел их ради нас, так и мы должны терпеть наши скорби, — мы же при малейших неприятностях сильнейшим образом огорчаемся.

«Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4, 14–16). Мы, христиане, и монашествующие в особенности, страдаем не только от внешних скорбей, но и от внутренних; не только от людей, болезней, но и от демонов. Эти испытания, которые иногда выглядят крайне неприятно, посылаются нам Богом для того, чтобы укрепить нас в вере, сделать истинными христианами,

чтобы мы проявили скрытое в нас или еще неразвитое чувство преданности Богу, любви к Нему. Мы не должны этих «огненных искушений» чуждаться, а должны подвизаться и молиться о том, чтобы они стали для нас радостными, как для апостолов радостным было бесчестие ради Христа.

Если сравнить нас с апостолами, то это сравнение будет не в нашу пользу: их публично избили, а они были счастливы, что потерпели бесчестие за имя Господне; их, ни в чем не повинных, осуждали и заключали в темницы как преступников, а они и это воспринимали с ликованием, видя в этом совершение воли Божией, которая ведет их и указывает им, где они должны проповедовать и как распоряжаться самими собой. Мы должны, подражая апостолам, переносить то малое, что нам приходится терпеть, смиряться перед постигшим нас испытанием и покоряться ему, как бы оно ни было неприятно, нелепо, отвратительно, унизительно. Если мы будем одновременно прислушиваться к своей совести и внимать себе, то Господь нам укажет, что́ мы должны совершить, и научит, как исполнить Его заповеди именно в тех обстоятельствах, в какие поместил нас Промысл Божий. В этом состоит наше подражание великим святым — первоверховным апостолам Петру и Павлу и прочим угодникам Божиим, которые в любых обстоятельствах находили и возможность служить возлюбленному Господу Иисусу Христу, и указание на то, как это служение исполнить. Аминь.

12 июля 2007 года

Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

2 Пет. 65 зач. (1, 10–19)

Посему, братия, более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа.

Для того я никогда не перестану напоминать вам о сем, хотя вы то и знаете, и утверждены в настоящей истине. Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро должен оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне. Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память. Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе. И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших.

Укрепляйтесь в своем призвании

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в великий праздник Преображения Господня, мы слышали чтение из Послания святого апостола Петра. Как известно, апостол Петр был одним из созерцателей славного Преображения Господня на горе Фавор, а потому слова его, как непосредственного свидетеля, для нас особенно ценны.

Утверждая христиан в вере и богоугодной жизни, он говорит: «Посему, братия, более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь»

(ст. 10). Несмотря на нашу богоизбранность, мы, однако, должны трудиться над тем, чтобы оказаться твердыми в своем призвании и избрании, если хотим быть истинными христианами. С одной стороны, эта высокая честь, или, правильнее сказать, блаженная участь, даруется нам от Бога. С другой стороны, мы должны явить себя достойными подобного избрания. Если мы будем с твердостью хранить дарованное нам, то не преткнемся никогда. Хотя и будем впадать в те или иные прегрешения, но не преткнемся в вере, не преткнемся на спасительном пути к Царствию Божию, о котором и говорит далее святой апостол Петр.

«Ибо так будет вам щедро предоставлен вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (ст. 11), — так переводит епископ Кассиан (Безобразов). Близок к этому переводу славянский перевод: «Сице бо обилно приподастся вам вход…» Конечно, слова эти кажутся не совсем логичными: как вход может быть «обилен», как он может быть «щедро предоставлен»? Но то, что с точки зрения здравого смысла кажется странным, в духовной жизни, наоборот, является естественным выражением истинного опыта. Потому апостол Петр и говорит так, ибо он знает то, чего мы, погруженные в земные переживания и чувства, или вовсе не знаем, или знаем мало, потому что имеем лишь ничтожный собственный духовный опыт, чаще о предметах духовных мы только слышим от других.

«Будет вам щедро предоставлен вход». Здесь употреблено слово «вход», которое указывает на движение, и сказано о щедрости, что предполагает дарование. Этот вход, то есть возможность войти в Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, дарується нам, как мы помним из предыдущего стиха, тогда, когда мы будем твердо хранить свое призвание и избрание. Только в таком случае мы обретем вход. И как в этой жизни отчасти испытаем то, что ожидаем получить в будущем, так и после смерти без страха, не «как бы из огня» (1 Кор. 3, 15), не как бы спасшись бегством с тонущего корабля, а «щедро», с изобилием испытаем наслаждение от беспрепятственного входа в вечную блаженную жизнь.

«Для того я никогда не перестану напоминать вам о сем, хотя вы то и знаете, и утверждены в настоящей истине» (ст. 12). Апостол Петр говорит, что никогда не впадет в нерадение, не облениться напоминать об этом тем христианам, к которым обращается с посланием, а вместе с ними и всем нам. Ведь его Соборное послание обращено ко всей Церкви, а так как Вселенская Соборная Церковь простирается не только по всей земле, но и на все времена, следовательно, его послание адресовано и нам. Апостол будет ревновать о том, чтобы напоминать об истине, поскольку считает себя обязанным, уходя из этого мира, оставить правильные и точные сведения о том, как должен жить христианин.

«Хотя вы то и знаете, и утверждены в настоящей истине». Да, мы знаем, но апостол Петр обязан всегда нам об этом напоминать, что он и делает своим посланием, звучащим через века. А мы, со своей стороны, должны внимательно слушать, принимая это как бы из уст самого великого апостола. Мы должны быть твердыми в дарованном нам свыше избрании и уповании, ради того чтобы получить щедрый, свободный, обильный вход в Царство Божие. Это истина, которую необходимо хранить.

«Но я считаю справедливым, пока я в этой палатке, пробуждать вас напоминанием» (ст. 13), — таков перевод епископа Кассиана, как мне кажется, наиболее точно передающий смысл греческой фразы. Славянский перевод, хотя и правильно передает смысл, но опускает важную психологическую подробность, выражающую отношение апостола Петра к своему телу: «Праведно бо мню, донележе есмь в сем телеси…» Здесь сразу дается истолкование греческого слова, которое епископ Кассиан перевел словом «палатка»: апостол Петр говорит так о своем теле. Синодальный перевод более близок к оригиналу, чем славянский, но он слишком, так сказать, возвысил и облагородил то презрительное именование своего тела, которое употребил апостол Петр: «Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой телесной храмине…»

Слова апостола Петра о теле схожи со словами апостола Павла, который в одном из своих посланий говорит о теле так: «Когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах» (2 Кор. 5, 1). Очень близко понимание вещей у истинных христиан, тех, кому действительно открыто Царствие Божие. Апостол Петр называет тело палаткой, шатром, а апостол Павел — хижиной. Вот каким должно быть наше отношение к собственному телу. Это даже не дом, а лишь хижина, палатка — нечто эфемерное, могущее разрушиться в любой момент. Как можно привязываться к хижине, палатке, шалашу, где мы остановились лишь на краткое время? Этими словами апостол Петр как бы между прочим говорит о своем отношении к телу и смерти.

«Но я считаю справедливым, пока я в этой палатке, пробуждать вас напоминанием», напоминанием через Послание. Апостол Петр сделал все от него зависящее, не опустил ничего. Он был избранным из апостолов, свидетелем Преображения Христа на Фаворе, свидетелем Гефсиманской молитвы Спасителя, одним из первых, кому явился воскресший Господь, он был утверждением других апостолов, проповедовал всей вселенной — но, несмотря на все свои труды и свою избранность, еще считает, что должен через это послание напоминать христианам всех времен о самом важном.

Прочтем следующий стих в переводе епископа Кассиана: «Зная, что скоро отнимется эта палатка моя, как и Господь наш Иисус Христос объявил мне» (ст. 14). В славянском переводе — «сказал мне», в Синодальном — «открыл мне», а если перевести точнее — «показал мне». Возможно, апостолу Петру было некое видение. И это представляется нам вполне вероятным, если вспомнить жизнь близких к нам по времени святых отцов, которые или сами изложили, или через учеников оставили воспоминания о бывших им видениях о дне и времени их кончины.

Апостол Петр употребляет странное с точки зрения здравого смысла выражение — «отложение телесе моего» (по славянскому переводу) или, если перевести точнее, «отложение палатки моей». Отложение одежды — это выражение нам понятно. Однако для человека, имеющего сверхъестественный благодатный опыт, для того, кто находится в теле, но умом живет в горнем мире, выражение «отложение палатки моей» в духовном отношении представляется гораздо более точным. Апостол Петр говорит здесь об освобождении из этого временного, эфемерного обиталища, каковым является тело, называя его палаткой.

«Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память» (ст. 15). Каким образом он будет это делать? Своими посланиями. Апостол Петр оставил два послания. Некоторые толкователи считают, что здесь он говорит о Евангелии. Известно, что апостол Петр был неграмотным. Существует предположение, что по этой причине он и не написал Евангелия своей рукой, в отличие, скажем, от евангелиста Матфея. Однако древнее предание утверждает, что Евангелие от Марка — это запись проповеди апостола Петра, и, возможно, здесь апостол говорит об этом прикровенно. Действительно, уходя из жизни, он мог благословить любимого ученика, апостола Марка, записать свою проповедь и, таким образом, оставил нам два Послания и Евангелие, в которых призывает помнить всегда об основании нашей веры и нашем избрании. Заслуживает внимания и то, что в Евангелии от Марка о Преображении Спасителя рассказывается подробнее, чем в настоящем Послании, которое упоминает об этом событии сравнительно кратко.

«Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия» (ст. 16). Апостол Петр не следовал неким, как говорится в славянском тексте, «ухищренным басням» (под баснями здесь подразумеваются обычные небылицы, а не литературный жанр), а если перевести точнее, мифам. Эти мифы, пусть даже интересные и увлекательные, по сути своей ложны —

как в отношении описываемых в них событий, так и в отношении идеи, смысла. Хотя древние философы и пытались найти в них аллегорическое значение, но все их толкования оказывались совершенно произвольными и были не более чем фантазией. Но апостол возвестил «силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа», потому что стал очевидцем «Его величия», то есть сам пережил то, о чем рассказывает нам. Несомненно, речь идет о Преображении.

Далее апостол Петр говорит о Преображении более конкретно: «Ибо Он [Господь Иисус Христос] принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (ст. 17). Что значит «ибо Он принял от Бога честь и славу»? Под этими словами подразумевается не что-то отвлеченное и абстрактное, а сияние лица Спасителя, подобное солнечному, и блистание Его ризы, подобное блистанию снега или света (см. Мф. 17, 2; Мк. 9, 3). Когда мы друг другу воздаем честь и славу, то это по большей части выражается в приятных, льстящих нашему тщеславию словах. А когда честь и славу дарует Бог, то это есть реальность, причем реальность сверхъестественная, едва постижимая нашим умом. В полной же мере понимает и постигает ее тот, кто хотя бы отчасти переживает нечто подобное. А что такое «велелепная слава»? И снова здесь апостол Петр имеет в виду не что-то отвлеченное, а то светлое облако, которое осенило Спасителя во время Преображения.

Итак, апостол Петр следовал не отвлеченным рассуждениям, как подобно ему выражается в одном из своих посланий апостол Павел (см. 1 Кор. 2, 1), который, между прочим, во многом отличался от Петра. Если апостол Петр был рыбаком — человеком неграмотным, малосведущим в религиозных вопросах, получившим духовное знание исключительно от общения с Господом Иисусом Христом, то апостол Павел долго и много учился с юных лет. Он сам говорит, что был воспитан при ногах Гамалиила, знаменитого учителя того времени (см. Деян. 22, 3). Апостол Петр был призван, когда Спаситель только вышел на проповедь, апостол Павел — после Его Вознесения. Но у них общие переживания и чувства, и это очень показательно, поскольку позволяет нам понять весьма важную вещь: духовный опыт у всех одинаков, ибо духовная жизнь одна, духовный мир один. В этом мире нет ничего аморфного, о чем каждый мог бы что угодно сказать и любые свои смутные ощущения выдать за подлинный духовный опыт. Напротив, в духовном мире все ясно и определенно для тех, кто имеет действительные духовные переживания, а не поддается фантазиям и домыслам! Посмотрите, насколько близки выражения апостолов Петра и Павла о человеческом теле, настолько схожи и рассуждения их о том, что они не последовали «басням». Апостол Петр говорит: «Возвестили... не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия» (ст. 16), а апостол Павел: «И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости» (1 Кор. 2, 1). Вот истинная проповедь, происходящая от общения с Богом тех, кто ее произносит, и открывающая нам то, что они пережили.

Апостол продолжает: «И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе» (ст. 18). При чтении этих слов у меня возникло предположение, которое кажется мне правдоподобным, хотя и не буду на нем настаивать. В евангельском повествовании о Преображении сказано: «Облако... осенило их» (Мф. 17, 5; Лк. 9, 34; ср. Мк. 9, 7). Нам представляется, что это было небольшое облако, которое лишь покрыло Спасителя и учеников. Но вот что интересно: в Евангелии от Марка, которое, как мы уже сказали, по преданию написано со слов апостола Петра, говорится, что голос был из облака (см. Мк. 9, 7), а в этом Послании апостол передает, что голос был с неба. Исходя из этого можно предположить, что облако было не каким-то маленьким, спустившимся с неба на землю облачком, но гигантским, и это огромное облако, не покидая неба и распростираясь до земли, покрыло Спасителя с учениками. Для учеников не только Христос, но и весь мир был скрыт под этим чудесным

облаком, из которого они услышали голос Небесного Бога Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Конечно, от столь великого явления освятилась и сама гора Фавор.

Однако мы должны понимать: Преображение Спасителя, если быть богословски точными, явилось скорее преображением самих учеников — Петра, Иакова и Иоанна. Они были преображены Спасителем до такой степени, что смогли увидеть славу Его Божества, с момента воплощения всегда соединенную с Его пречистой плотью, так что не было времени, когда бы в Нем этой славы становилось больше или когда бы она умалялась. И в Гефсимании, и на Фаворе Ему одинаково была присуща та же предвечная, присносущная слава Божия. Но в одно время ученики были способны ее видеть, в другое — она скрывалась от них, поскольку они становились немощными и поддавались соблазнам (в Гефсиманском саду они даже спали, поддавшись усталости, печали и унынию). На Фаворе ученики оказались способны увидеть славу Божества, поэтому справедливо апостол Петр называет гору Фавор святой.

В связи с тем, что я сказал о преображении учеников Спасителя, которые обрели способность видеть славу Божию, мы можем вспомнить из Священного Писания Нового Завета и другие случаи явления Господа, которые были скрыты от посторонних свидетелей.

Начнем с Крещения Господня. При Крещении отверзлось небо, был слышен голос Небесного Бога Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3, 17), и Дух Святой в виде голубя сошел на главу Спасителя. Но кто видел и слышал это, кроме одного Иоанна Крестителя? Если бы прочие израильтяне были свидетелями чуда, то они, наверное, обсуждали бы его между собой. Однако даже будущие апостолы ничего не знали и пришли к Спасителю после того, как услышали о случившемся от Иоанна Крестителя. Может быть, диавол, как дух, знал об этом. Подобное можно заключить из того, что он искушал Спасителя в пустыне такими словами: «Если ты Сын Божий…» (см. Мф. 4, 3). Итак, свидетельство Бога Отца о Божестве Сына было открыто только Иоанну Крестителю, как способному увидеть славу Божию.

Другой пример. Когда Спаситель воскликнул: «Отче! прославь имя Твое», то в ответ раздалось громогласное: «И прославил и еще прославлю» (Ин. 12, 28). Но что услышали окружавшие Христа толпы иудеев? Одни говорили: «Это гром». Следовательно, они не слышали ясных отчетливых звуков. Другие: «Ангел говорил Ему» (Ин. 12, 29). Значит, они только догадывались, что произошло нечто необыкновенное, и, не зная точно, что было сказано, предположили, что Ему говорил ангел.

Вспомним еще один случай — явление Спасителя апостолу Павлу по дороге в Дамаск. Спутники Павла видели сияние, слышали голос, но никто не знал того, Кто ему явился и что именно Он ему говорил (см. Деян. 9, 3–7; 26, 13–14). Ослеп от видения один Павел, все же остальные остались зрячими. Но, ослепнув телесно, апостол прозрел и исцелился духовно, обратившись к вере в Господа Иисуса Христа.

Итак, если человек готов и способен к этому, он может увидеть славу Божию. И мы можем уподобиться как Иоанну Крестителю и апостолам, так и тем иудеям, которые присутствовали при Крещении Спасителя на Иордане, при входе Его в Иерусалим, которые были с апостолом Павлом во время видения, но во всех этих случаях не постигали происходящего. От нас зависит, к чему мы склонимся: увидим ли мы преображенного Спасителя, а вернее, преобразимся ли сами, для того чтобы увидеть Его Божественную славу, или останемся слепыми и будем, наподобие иудеев, высказывать догадки: «Это был гром».

Подтверждение этому мы находим в следующем стихе сегодняшнего апостольского чтения: «И

притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» (ст. 19). Апостол Петр говорит о «пророческом слове». Нужно иметь в виду, что в то время новозаветного канона еще не существовало. Священное Писание Нового Завета было распространено в отдельных произведениях. Кому-то было известно Евангелие от Матфея, кто-то читал отдельные послания апостола Павла или Петра, и лишь со временем все книги были объединены в единое собрание, известное нам как Новый Завет. Поэтому проповеднику было естественнее и проще обращаться к Священному Писанию Ветхого Завета и из него почерпать назидание.

А мы имеем еще и Писание Нового Завета. И должны, естественно, обращаться к нему, ибо в нем действует благодать Божия. Это та же благодать, соприсносущная слава Божества, которая явилась ученикам на Фаворе. Она действует в Священном Писании и названа здесь светильником.

Апостол Петр говорит: «Вы хорошо делаете, обращаясь к нему (то есть к Священному Писанию. — Схиархим. А.), как к светильнику, сияющему в темном месте», то есть в человеческой душе, в уме человека. Прикасаясь к Священному Писанию, мы не просто читаем мудрую книгу, нет! Божественный свет проникает из нее в нашу душу, пока не «начнет рассветать день», то есть пока благодать Божия не выхватит нас из области ночи. «Доколе… — добавляет апостол уже более определенно, как бы уточняя сказанное перед этим, — утренняя звезда не взойдет». Где? «В сердцах ваших». Со святоотеческой аскетической точки зрения указание очень определенное: Божественный свет должен явиться нам прежде всего в наших сердцах. С этого начинается богоявление, преображение для каждого из нас.

Вспомним, как Спаситель преобразился перед учениками на Фаворе. Ученики спали и, пробудившись, увидели славу Спасителя. Отсюда можно сделать следующий вывод: когда они находились в состоянии бессознательном, спали, в их душах начал являться Божественный свет, который и пробудил их, и тогда они увидели полноту славы Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Итак, мы должны подвизаться, должны, как говорит в начале этого чтения апостол Петр, утверждаться в избрании и призвании, пока нам не откроется «щедрый вход» в Царствие Божие. А «щедрый вход» и есть слава Божия, Божественный свет. Этот вход открывается нам еще в настоящей жизни. Мы знаем угодников Божиих, имевших подобный опыт и поведавших нам о нем, в их числе и русские подвижники: Серафим Саровский, Василиск Сибирский. Есть и малоизвестные, и даже не причисленные к лику святых подвижники, которые приобщались этому Божественному свету. Независимо от того, умели они объяснить то, что переживают, или нет, они имели подлинное знание, ибо, как говорит премудрый Сирах, нет знания не от опыта (см. Сир. 34, 10).

Утренняя звезда, восходящая в сердцах наших, открывает нам Царствие Божие. Вспомним, при каких обстоятельствах произошло Преображение Спасителя. Господь, после того как апостол Петр исповедал Его Христом, Сыном Бога Живого, сказал ученикам: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9, 1). Поднявшись на Фавор, Спаситель преобразился перед учениками. Вернее, они сами изменились так, что стали способны увидеть Его Божественную славу. И вот это райское состояние, когда человек не нуждается ни в пище, ни в питии, ни в крове, но лишь непрестанно созерцает славу Божию, которая и услаждает его, и утешает, и укрепляет, — и есть Царство Божие. Не нужно там ни солнечного света, ни пищи, потому что и светом, и пищей, и даже воздухом для человека тогда является Сам Бог.

Царствие Божие явилось апостолам. И нам оно может явиться, если станем следовать заповеди апостола Петра о том, чтобы утверждаться в своем избрании, пока Господь Иисус Христос, Который здесь прекрасно наименован утренней звездой, не взойдет в наших сердцах. Утренняя звезда свидетельствует о наступлении дня, уверяет нас в том, что скоро явится вожделенное Царствие и мы станем его наследниками во веки веков. Она уверяет нас в том, что последует всеобщее воскресение мертвых, и люди не только душой, но и телом вкусят неизреченные блага Божии. Блага же эти заключаются в созерцании присносущей Божественной славы, того, что мы называем благодатью. Будем же трудиться и подвизаться, дабы увидеть наступление грядущего дня — восьмого нескончаемого дня Царствия Божия. И тогда для нас смерть уже не будет чем-то страшным, нежеланным, отвратительным, но мы станем относиться к своим телам подобно апостолам Петру и Павлу, называвшим их шатром и хижиной, будем стремиться к тому, чтобы, разлучившись с телом, соединиться окончательно со Христом. Таким было умонастроение, душевное расположение истинных христиан, вкусивших полноту богообщения. Мы должны следовать их примеру, насколько бы тяжким это ни казалось, насколько бы возвышенным и даже труднопостижимым это ни было. Другого пути у христианина нет. К этому и призывает нас святой апостол Петр, обнадеживая тем, что если мы будем делать всё, что он повелел, и станем с твердостью подвизаться в том, чтобы быть достойными своего избрания и призвания, то утренняя звезда, Господь наш Иисус Христос, обязательно взойдет в сердцах наших. Аминь.

19 августа 2007 года

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Флп. 240 зач. (2, 5–11)

Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.

Прославляя воплощение Господа, мы прославляем Божию Матерь

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, в день Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, как и в другие Богородичные праздники, читается зачало из Послания апостола Павла к филиппийцам. Зачало это всем нам хорошо знакомо, потому что в течение года повторяется многократно. И мы привыкли слышать его, конечно же, именно на церковнославянском языке.

«Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе» (ст. 5). Иногда смысл читаемого оказывается не совсем ясным, поскольку славянский язык для нас все-таки не живой язык, и мы поневоле понимаем славянские выражения на русский лад. Можно сделать более точный перевод с греческого языка: «Имейте в себе те же мысли (или рассуждения, чувства), которые и во Христе Иисусе». Как это непривычно по сравнению с тем, что мы привыкли понимать, слыша церковнославянское «сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе»! Мы призываемся к тому, чтобы иметь те же мысли, рассуждения, чувства, какие имел Господь. Даже страшно слышать, как дерзновенно призывает нас апостол Павел подражать Спасителю не только внешне, в Его делах, но даже и в мыслях. А это возможно лишь тогда, когда мы совершенно соединимся с Господом — и в молитве, и через чтение Священного Писания; когда

Его учение и в особенности образ жизни станут для нас подлинным образцом; когда мы будем подражать Ему. К этому призывал нас и святой апостол Иоанн Богослов, это исполнял и сам апостол Павел.

Апостол дерзновенно говорит, что мы должны и сами мысли иметь такие, какие были у нашего Спасителя. Это кажется нам странным, ведь Он — Сын Божий и Бог. Конечно же, мы не можем иметь Божественный ум, но надо понимать, что Господь Иисус Христос обладал полнотой человеческого естества: телом, душой и духом. И Его человеческий ум был наделен теми же свойствами, способностями, какие присущи уму каждого человека, с единственным отличием: все Его естество, в том числе и ум, было чистым от греха. Мы должны, подражая Ему, перенять это безгрешное, но в то же время естественное для человека мышление. Конечно, мы не можем подражать Божественному в Нем: хождению по воде, воскрешению мертвых, тому дерзновению, с которым Он взывал к Богу Отцу. Это было бы хулой и кощунством. Но мы обязаны быть такими, как Он, по Его человеческой природе. Ибо на кого нам ориентироваться? Да, мы стремимся иметь всегда перед глазами образ жизни святых людей. Но сами святые люди Кому подражают? К Кому восходит тот правильный образ жизни, которому мы обязаны следовать?

Апостол Павел говорит: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Слова эти можно было бы приложить и к любому другому истинному христианину и подвижнику, к тому, кого мы привыкли называть святым. Мог бы, допустим, и святитель Иоанн Златоуст сказать: «Подражайте мне, как я Христу», мог бы сказать это и преподобный Сергий Радонежский. Итак, Кому подражали сами святые? Христу. Потому и мы призываемся к подражанию Ему, даже в образе мыслей. И нам не должно считать это чем-то совершенно невозможным, неосуществимым. Святой апостол не заповедал бы того, что нереально. Он прежде испытал это сам, а теперь призывает к такому христоподражанию и нас. И если у нас по какой-либо причине это не получается, нам следует обвинять и укорять в этом себя, смиряться, каяться, а не оправдываться: «Мы — люди, а Он — Бог» или (если говорим о святых): «Ну, этот подвижник — святой человек, мы же — обыкновенные люди». Святые люди ничем от нас не отличаются, и по человечеству мы способны подражать даже Самому воплотившемуся Сыну Божию.

Вернемся к словам апостола Павла: «Ибо пусть будут те же самые мысли в вас, что и во Христе Иисусе». Какие мысли? Далее апостол Павел говорит об этом, хотя и кратко, но очень выразительно. Прочтем следующий стих в переводе епископа Кассиана (Безобразова): «Который, будучи в образе Божием, не счёл для Себя хищением быть равным Богу» (ст. 6). Не совсем понятные слова. Непонятны они и в Синодальном, и в славянском переводе, потому что в них заключена некая тонкость мысли, в которую нужно вникнуть. Что значит «образ Божий»? Здесь есть незаметная на первый взгляд подробность, чрезвычайно важная: если человек создан **по образу** Божию, то Спаситель был **в образе** Божием. А точный образ неотличим от Бога, ибо Сын во всем подобен Отцу, отличаясь от Него только предвечным рождением. Итак, Христос, образ Божий, Бог воплотившийся, совершенно во всем подобный Отцу, не считал для Себя хищением быть Ему равным.

Мы, стремясь выглядеть достойно, очень дорожим своим достоинством, поскольку оно на самом деле нам не принадлежит, не является нашим по природе, но приобретено нами. Допустим, кто-то сделал удачную карьеру, и теперь он, как говорится, что-то из себя представляет. Однако эта карьера в одно мгновение может быть испорчена каким-нибудь неблагоприятным стечением обстоятельств, и человек лишится своей должности. Другой пример: кто-то в глазах людей прославился своими литературными или художественными талантами. Но может случиться так, что через некоторое время его объявят бесталанным, неспособным, и то, что недавно хвалили, развенчают. И поэтому очень многие люди, большинство из тех, кто одержим страстью гордости, очень боятся потерять эту славу и

держатся за нее так, как будто они ее восхитили. А Спаситель не считал хищением быть равным Богу. Он не боялся Себя и смирить, и унизить, потому что Божественная слава и образ Божий были от Него неотъемлемы, в отличие от нас, у которых отнимаются и слава человеческая, и тот образ, который мы несправедливо на себя принимаем.

Далее прочту сначала по-церковнославянски: «Но себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек» (ст. 7). В Синодальном переводе сказано так: «Но уничижил Себя Самого». А можно перевести «истощил» — «приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек». Существует богословский термин «Божественное истощание», или, по-гречески, «кенозис». Спаситель, не боясь лишиться природно присущей Ему славы, истощил Себя. В чем это истощание, обнищание, уничижение выражается? В том, что Он принял на Себя образ раба. Под рабом здесь имеется в виду не какой-нибудь раб в буквальном смысле слова, а человек, как существо, рабски подчиненное Богу или, может быть, греху, раб греха. И в этом смысле слова апостола нужно понимать так: Спаситель, поскольку все люди грешны, принял на Себя образ грешника — только образ, не будучи таковым на деле. Можно понимать и так: Спаситель принял на Себя образ человека, во всем был подобен нам, ничем от нас не отличаясь. Итак, будучи образом Божиим, Господь принял на Себя образ человека, в этом образе явился среди людей и позволил относиться к Себе так, как обычно относятся к людям: позволил Себя уничижать, презирать и в конце концов даже предать страшной смерти — не только мучительной, но и унизительной и позорной, «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (ст. 8).

Умерших через распятие нельзя было предавать обычному человеческому погребению, но их трупы выбрасывались вон. И если бы не нашелся такой милосердный и мужественный человек, как Иосиф Аримафейский, предоставивший свою гробницу Спасителю, то, вероятно, тело Господа было бы брошено в яму рядом с Голгофой, куда и сбросили кресты и трупы распятых вместе с Ним разбойников.

Послушаем, что апостол Павел говорит дальше: «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени»(ст. 9). Если мы смиримся, если окажем послушание Богу даже в мыслях, чувствах и желаниях, а не в одних лишь поступках, если покоримся Ему внутренне, что, естественно, отразится на нашем поведении, которое есть проявление внутреннего состояния, тогда и мы сподобимся славы Божией. Мы сопрославимся со Христом, подражая и Его образу мыслей, и Его поведению. Мы должны вести себя не так, чтобы мечтать о возвышенном и одновременно на деле грешить, и не так, чтобы исполнять что-то из заповеданного Им нехотя (хотя это все же лучше, чем не делать ничего вообще), но так, чтобы, внутренне смирившись, внутренне соединившись со Христом, оказаться и внешне подражателями Его жизни. Тогда и мы тоже будем превознесены как христиане. Мы носим на себе имя Христово, о чем не должны никогда забывать. А раз носим его, значит, соединившись со Спасителем в образе мыслей, в жизни, с Ним и сопрославимся.

Что значит «дал Ему имя выше всякого имени»? Под этим именем можно понимать имя Христос, обозначающее в самом глубоком, точном смысле воплотившегося Сына Божия: человеческое естество, помазанное Божественной природой, — не елеем и благодатью Божией, но самим воплотившимся источником благодати, Богом. Можно в словах апостола усматривать указание на имя Иисус, как понимали это многие великие молитвенники, делатели Иисусовой молитвы. Ведь имя Иисус, хотя и до пришествия в мир Сына Божия принадлежало многим людям, и после были те, кто носили его, но мы в особенности понимаем значение этого имени, взирая именно на Господа Иисуса Христа, ибо «Иисус» значит «Бог спасающий». Кто же может быть назван Богом спасающим в точном, буквальном смысле слова? Конечно же, Тот, Кого мы почитаем Мессией — Господь Иисус Христос, Сын Божий. Он есть Бог спасающий и

одновременно Человек, вполне заслуженно носящий на Себе такое имя, тогда как другие соименные Ему люди, например праведный Иисус Навин или премудрый Иисус, сын Сираха, своим именем лишь напоминают о том, что Бог заботится о нас и спасает нас.

Ничто не может быть выше наименования «Христос», от которого и мы именуемся христианами, а подвизаясь в Иисусовой молитве, мы постоянно произносим это имя — Иисус — высочайшее из всех, какие только существуют на земле, имен. Под именами нужно понимать не одни человеческие имена, но вообще всякое наименование, всякое название. Высочайшее же из них говорит о Сыне Божием, о Творце и Искупителе, о Том, Кто имел к человечеству такую неизреченную любовь, что воспринял на Себя человеческое естество, тем самым уничижив Себя. Это уничижение простерлось и дальше, ибо Спаситель пострадал за нас и умер на кресте поносной, позорной смертью.

«Дабы пред именем Иисуса, — продолжает святой апостол Павел, — преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (ст. 10). Господь наш Иисус Христос имеет столь великую славу, что Ему должны поклониться не только небесные, то есть ангелы и души праведников, не только земные (мы, между прочим, пока еще не видим, чтобы все земнородные Ему поклонялись), но даже и преисподние. А если преисподние, значит, естественно предположить, что наступит такое время, когда Господу Иисусу Христу поклонятся и грешники, живущие на земле, и грешники, осужденные на вечные муки, и даже сами демоны. Мы верим, что день этот придет. Все признают, вынуждены будут признать, что Тот Самый Иисус, Которого они распинали своими злыми делами, Чье учение отвергали, есть Сын Божий, Избавитель мира, и в Нем одном спасение. Нет другого имени под небом, как говорит апостол, которым можно было бы спастись людям (см. Деян. 4, 12).

«И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (ст. 11). Наступит такое время, когда всякий народ исповедует Христа: и те, которые Его не познали, которые о Нем не слышали, и те, которые Его отвергли, — все когда-то воочию убедятся в том, что Иисус есть Христос, что Он — Господь, ибо только так можно праведно прославить Бога Отца.

Какое же отношение это возвышенное рассуждение святого апостола Павла имеет к праздникам Пресвятой Богородицы, когда это чтение всегда звучит в храмах? Прославляя воплощение Сына Божия, мы вольно или невольно прославляем и Пресвятую Деву Богородицу. Даже когда о Ней не говорится ни одного слова — как и в сегодняшнем апостольском чтении не сказано ничего, — мы все равно Ее прославляем, ибо через Нее воплотился Сын Божий. И если наступит время, когда все колена небесных, земных и преисподних преклонятся пред Господом и все народы исповедуют, что Иисус есть Христос, то одновременно все преклонятся и перед Его Пречистой Матерью. Все позна́ют, что через этого человека, через Святую Деву пришел в мир Бог.

Мы уклонились, удалились, ушли от Бога своим духом так далеко, что даже забыли о Его существовании. Но Он преодолел эту пропасть между Ним и нами, переступив через нее в Своем уничижении и бесконечном смирении. Бесконечном — в буквальном смысле слова, это не метафора и не гипербола. Бог бесконечно велик, и поэтому, совлекшись Своего бесконечного величия и восприняв естество, Им Самим сотворенное, Он показал, что смирение Его безгранично. И вот, преодолев эту пропасть, Он стал человеком, воплотившись через Святую Деву, Которая дала на это Свое согласие, хотя сама мысль о том, что Бог может стать человеком, что Безграничный может вместиться в человеческое естество, даже и сейчас, после того, как все совершилось, представляется невероятной и немыслимой. Пресвятая Дева тоже могла поддаться какому-то неверию, по крайней мере недоумению, непониманию. Но Она проявила непостижимую для нас веру и простыми словами — для нас сейчас как бы уже привычными — дала согласие на то, чтобы в мир пришел Сын Божий: «Се, раба Господня, —

сказала Она архангелу Гавриилу, — да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38).

И потому, прославляя воплощение Сына Божия и проповедуя наступление того дня, когда это спасительное воплощение прославят все народы: и праведники, и грешники; все разумные существа: и ангелы, и демоны, — мы прославляем величие Божией Матери. Это весьма естественно соотносится со словами Самой Пресвятой Девы, сказанными Ею праведной Елизавете: «Сотворил Мне величие Сильный, и отныне ублажат Меня все роды» (см. Лк. 1, 48–49). Она понимала, что́ с ней произошло, Ке́м Она стала, — немыслимо воскликнуть такие слова, пребывая в то же самое время в недоумении о чуде, служительницей которого Она стала.

Вот почему, читая сегодня зачало о воплощении Сына Божия, мы прославляем Пресвятую Деву. И когда мы в Иисусовой молитве, пытаясь сосредоточиться, не думая ни о чем постороннем и не вспоминая о Пресвятой Деве, произносим имя Господа Иисуса Христа, мы в то же время, вольно или невольно, исповедуем Пресвятую Деву Богородицей. Углубляясь в молитву, очищая ею свой ум, мы, может быть, не вспоминаем догматов Церкви о Приснодевстве Марии и рождении от Нее Сына Божия, но духом постепенно возвышаемся до понимания этих истин. То, что было для нас некогда лишь сведением, содержащимся в нашей памяти, становится нашей жизнью, личным опытом: мы чувствуем, как, молясь Господу Иисусу Христу, входим в Царство Божие и вступаем в общение с Пресвятой Девой и другими святыми. Таким образом, Иисусова молитва — это не просто молитва к Господу Иисусу Христу, но, как справедливо говорят об этом святые отцы, лествица в небо. Аминь.

28 августа 2007 года

Примечания

[1] Григорий Двоеслов, свт. Собеседования: о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М.: [Благовест], 1996. С. 72–73.

[2] Каллист, архиеп. Константинопольский, свт. Житие и деятельность иже во святых отца нашего Григория Синаита. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 61–64.

[3] Никита Стифат, прп. Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова // Симеон Новый Богослов, прп., Никита Стифат, прп. Аскетические произведения в новых переводах / сост. и общ. ред. игум. Илариона (Алфеева). Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. С. 123.

[4] Житие преподобного и богоносного отца нашего Афанасия // Афонский патерик или жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших. 7-е изд., испр. и перераб. [Репр. воспр. изд. 1897 года. [Б. м..]: Изд-во прп. Сергия Радонежского, 1984]. Ч. 2. С. 34–37.

[5] Здесь и далее в проповеди текст Священного Писания приводится в переводе епископа Кассиана (Безобразова) (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 2001).

[6] Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Репр. изд. [Козельск]: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. Кн. 5. Месяц январь. Ч. 1. С. 66.

[7] Жития святых… Кн. 5. Месяц январь. Ч. 1. С. 66.

[8] Софроний (Сахаров), иеромон. Преподобный Силуан Афонский. Житие, учение и писания.

Минск: Лучи Софии, 1998. С. 25–26.

[9] Жития святых… Кн. 4. Месяц декабрь. С. 622.

[10] Жития святых… Кн. 4. Месяц декабрь. С. 622–623.

[11] Жития святых… Кн. 4. Месяц декабрь. С. 623–624.

[12] Иосиф Афонский. Изложение монашеского опыта. [Сергив Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. С. 44–45.

[13] Жития святых… Кн. 6. Месяц февраль. С. 284.

[14] Марк (Лозинский), игум. Отечник проповедника: 1221 пример из пролога и патериков. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 462.

[15] Марк (Лозинский), игум. Отечник проповедника. С. 462.

[16] То есть тем, кто трудится на ниве Божией. — Схиархим. А.

[17] См. 2 Кор. 13, 5 в славянском переводе: «Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте».

[18] То есть не подвержены падению. — Прим. ред.

[19] См. славянский перевод этого стиха.